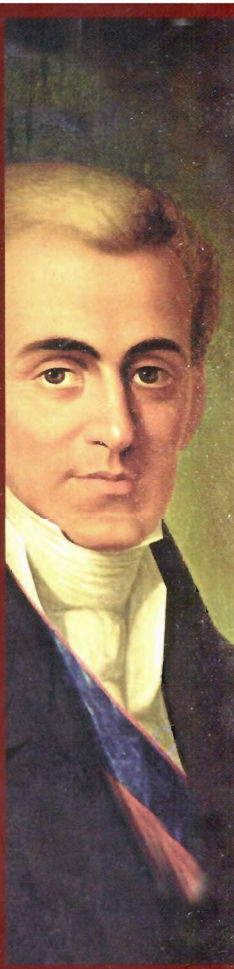


ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Народы Юго-Восточной Европы

Конец XVIII — середина XIX в.

АЛЕТЕЙЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Российская академия наук
Институт славяноведения

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Народы Юго-Восточной Европы

Конец XVIII — середина XIX в.

Санкт-Петербург АЛЕТЕЙЯ 2012

УДК 94(495+497+498)18/19
ББК 63.3(47)52-8
И 905

Работа выполнена при финансовой поддержке Отделения Историко-филологиоческих наук РАН

Редакционная коллегия

И. И. Лещиловская (ответственный редактор), А. В. Карасев.

Рецензенты

Доктор исторических наук *С. И. Данченко*

Кандидат исторических наук *О. А. Дубовик*

И905 Исторические портреты. Народы Юго-Восточной Европы. Конец XVIII – середина XIX в. – СПб.: Алетейя, 2012. – 464 с.

ISBN 978-5-91419-538-7

В данной книге исследованы биографии выдающихся сербов, болгар, черногорцев, словенцев, хорватов, греков, и румын и их вклад в общественно-политический и культурный прогресс своих народов в период с конца XVIII и до середины XIX века. Их деятельность рассмотрена в контексте важнейших процессов, протекавших в Юго-Восточной Европе, событий международной жизни Европы, представлены также их контакты с Россией.

Это было время небывалого общественного подъема славян, получившего в литературе название национального Возрождения, и сопровождавших его ярких проявлений межславянского общения. Большая часть видных политических и культурных деятелей славянских народов была в центре этих отношений. Аналогичные процессы проходили в рассматриваемый период и у неславянских народов Балканского полуострова. В рамках избранного жанра показаны политические, культурные, научные связи представителей славянских и неславянских народов региона, прослеживаются процессы их взаимовлияния.

Обстоятельное изучение жизни и творчества выдающихся представителей народов Юго-Восточной Европы проливает дополнительный свет на событийную сторону и психологическую атмосферу той эпохи.

В центре внимания авторов данного исследования находится Человек, созидающий историю...

УДК 94(495+497+498)18/19
ББК 63.3(47)52-8

ISBN 978-5-91419-538-7
9 785914 195387

© Институт славяноведения РАН, 2012
© Коллектив авторов, 20112
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2012
© «Алетейя. Историческая книга», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

В коллективном труде представлены исторические портреты выдающихся общественно-политических и культурных деятелей народов Юго-Восточной Европы периода с конца XVIII до середины XIX в. Это было время важных процессов, развернувшихся в государстве Габсбургов и Османской империи, в состав которых входили южнославянские и балканские народы. Их содержанием были освободительные движения, восстания, революции, направленные на смену общественно-экономической системы и освобождение угнетенных народов от чужеземной власти. Неотъемлемой составной частью исторического процесса было становление национальных культур народов региона.

Перед авторами коллективного труда стояли задачи исследовать биографии, идейное формирование, разнообразные связи крупных политиков, писателей, ученых южнославянских и балканских народов Юго-Восточной Европы, всесторонне охарактеризовать лиц, оказавших влияние на политические и культурные процессы в регионе, в контексте общеевропейских событий и в связи с внешней политикой и культурной жизнью России. Подобного рода коллективная работа является первым исследованием в российской науке. В ней используется антропоцентрический подход к изучению исторического развития народов Юго-Восточной Европы на протяжении последних десятилетий XVIII — первой половины XIX в. Это позволяет по-новому, более разносторонне осветить узловые проблемы региона той поры.

В труде даны характеристики выдающихся деятелей данного региона с раскрытием их индивидуальности, сложностей внутреннего мира, вытекавших как из характера самой эпохи, так и личностных особенностей. Это новый этап исследования и осмысления их позитивной деятельности, не лишенной, однако, в ряде случаев политической близорукости, заблуждений и ошибок, реализованный на основе свежего фактического материала и без идеологических наслоений.

Цикл портретов открывается статьями И. В. Чуркиной «Антон Томаж Линхарт» и «Валентин Водник и Ерней Копитар». Эти словенские деятели жили в конце XVIII — начале XIX в. Линхарт — просветитель, деятель культуры, Водник — известный поэт, издатель первой газеты на словенском языке, Копитар — выдающийся филолог-славист, собиратель и исследователь древнеславянских источников, человек с противоречивыми общественно-политическими взглядами. За научные заслуги он был избран иностранным членом Петербургской Академии наук. Словенскую тематику продолжает статья того же автора о Матии Маяре Зильском. Страстный поборник сплочения славян, он проявлял, хотя и не без иллюзий, широкие славянские интересы, поддерживал разносторонние славянские связи. Маяр являлся автором первой словенской национальной программы Объединенной Словении, активно содействовал организации первого словенского издательского центра — Общества Св. Могора.

Хорватские портреты представлены в статьях И. И. Лещиловской. Людевит Гай — зачинатель и руководитель хорватского освободительного движения 30–40-х годов XIX в., получившего название иллиризма по своей ведущей идее Великой Иллирии — объединения южных славян в литературном языке и культуре. Гай выступил реформатором хорватского литературного языка на общей с сербами речевой основе, был издателем первой национальной газеты с литературным приложением, стал основоположником хорватского либерализма. Ив. Кукулевич-Сакцинский — хорватский либеральный политик 40–70-х годов XIX в., писатель, историк, заложивший основы хорватской исторической науки Нового времени.

Перу И. И. Лещиловской принадлежат и два сербских портрета. Речь идет, прежде всего, о Досифее Обрадовиче, мыслителе, писателе, педагоге. Он был главой сербского Просвещения и одним из самых ярких и крупных представителей этого идейного направления на Балканах. Светлый образ Досифея Обрадовича тесно связан с освободительным Первым сербским восстанием 1804–1813 гг., в ходе которого он стал членом Правительствующего совета, одного из центральных органов восстания, и попечителем образования. И. И. Лещиловская выступает также автором статьи о Карагеоргии, одной из самых значительных фигур сербской истории. Верховный вождь Первого сербского восстания, положившего начало освобождению Сербии от пятисотлетнего турецкого ига, показан как сильная, мужественная и трагическая личность. Н. И. Хитрова выступает со статьей о Петре II

Петровиче Негоше, правителе Черногории, великом черногорском поэте, друге России.

В статьях О. В. Медведевой исследуются жизнь и деятельность выдающихся болгар. Это монах Паисий Хилендарский, пробудивший своим патриотическим трудом о болгарской истории (1762) свой народ к национальной жизни, и епископ Софроний Врачанский, писатель, просветитель, последователь Паисия, сыгравший важную роль в развитии болгарского литературного языка. Болгарскую тематику продолжает И. Ф. Макарова статьей об архимандрите Неофите Бозвели, борце за независимую от Константинопольской патриархии болгарскую церковь.

Греческим политикам и деятелям культуры посвящает ряд статей Г. Л. Арш. Автор останавливается на биографии и творчестве Е. Булгари, просветителя, ученого, почетного члена Петербургской Академии наук, прожившего более трети века в России. Булгари был видным деятелем греческой и русской культур. Уделяется внимание К. Ригасу Велестинлису, греческому поэту, демократу, революционеру, основателю тайного общества «Этерия» в Вене с антитурецкой направленностью. Специальная статья посвящена А. Ипсиланти, участнику Отечественной войны 1812 г., генерал-майору русской армии, руководителю греческой революционной организации «Филики Этерия». Сформировав повстанческую армию, Ипсиланти поднял антиосманское восстание в Молдове, положившее начало Греческой революции 1821–1829 гг. Дальнейшее развитие событий получает освещение в статье Г. Л. Арша об И. Каподистрии. Российский дипломат, иностранный член Петербургской Академии наук, он волею судеб оказался на гребне Греческой революции, будучи избранным президентом освобожденной Греции. Каподистрия был сторонником дружественных отношений с Россией. Цикл греческих портретов завершает рассказ о А. Кораисе, просветителе, энциклопедисте, стороннике Греческой революции.

В статьях В. Н. Виноградова показаны румынские деятели. Автор дает характеристику Т. Владимиреску, предводителю крестьянского восстания 1821 г., о биографии которого больше сохранилось легенд, нежели достоверных фактов. Зато науке известна жизнь Н. Бэлческу, румынского историка, писателя-публициста, активного участника революции 1848 г. — члена временного правительства в Валахии. В книге сквозь призму личностных судеб предстают у южнославянских и балканских народов — Просвещение,

идеология и практика освободительной борьбы, революционные события в землях Юго-Восточной Европы, культурная деятельность, взаимосвязи православных народов с Россией. Труд, в котором представлена галерея выдающихся политиков, писателей, ученых, может иметь большое практическое значение, в том числе, в педагогической работе преподавателей.

Редколлегия

И. В. Чуркина

Антон Томаж Линхарт

Первый этап славянского национального Возрождения совпал по времени с общеевропейским явлением в XVIII в., получившим название Просвещение, и в определенной степени являлся его частью. Они имели много общих черт: борьба против феодальных порядков и идеологии, стремление уничтожить тиранию и насилие, засилье церкви в науке, культуре, общественной жизни. Просветители выступали против грубой силы, по их мнению, только просвещение могло способствовать прогрессу. В центре они ставили личность, которую оценивали не по происхождению или богатству, но по ее образованности, по отношению к просветительским идеям.

Все это в той или иной мере было присуще и славянскому Возрождению. Вместе с тем оно имело известные отличия от европейского Просвещения. Связаны они были с политическим положением славянских народов. Все они (за исключением русских и отчасти поляков) потеряли свою государственность и находились под чужеземным игом в течение нескольких сто-

летий. Для большинства из них (кроме поляков и хорватов) была характерна неполная социальная структура — высшие слои общества (дворянство, городские верхи) являлись инонациональными, в то время как низшие слои (крестьянство, городские низы) составляли славянское население. Это привело к тому, что светская интеллигенция в славянских землях по преимуществу была немецкой или итальянской, в то время как национальная почти поголовно вербовалась из духовенства. Отсюда происходили и особенности славянского Возрождения: во-первых, в идеологии славянских будителей большое место занимали национальные моменты; во-вторых, антирелигиозная направленность ее была значительно слабее, чем у представителей европейского Просвещения.

Эти особенности были присущи и словенскому Возрождению. К середине XVIII в. в национальном отношении словенцы находились на одном из самых низких уровней развития в Австрии. Складывание их национального самосознания и книжной традиции, начавшееся в XVI в. благодаря деятельности протестантских священников, было прервано наступившей в конце века контрреформацией. В результате ее большинство словенских книг, изданных протестантами, было уничтожено, а новые словенские книги стали издаваться только с 1672 г. Да и позднее, вплоть до конца 60-х годов XVIII в. они выходили в свет весьма редко и по большей части представляли собою переводы религиозных текстов: евангелия, катехизиса, церковных песнопений.

Отсутствие у словенцев дворянства, единственно политически полноправного класса в феодальном обществе, обусловило полное отсутствие у них политических прав, как народа. В течение многих веков словенцы жили в разных провинциях с их особыми административно-политическими учреждениями, провинциальными рынками, их особыми диалектами (их еще в XX в. насчитывалось 46). Все это способствовало росту провинциального самосознания и провинциального патриотизма. Словенцы населяли провинции Крайну, Горицу, Градишку, Приморье, Штирию и Каринтию. В Крайне, Горице, Градишке, Приморье они составляли большинство, в Штирии и Каринтии — приблизительно треть всего населения. Славянские жители этих провинций не ощущали себя единым народом. Жители Крайны, Горицы, Градишки, Приморья называли себя краинцами (краньцами), жители Штирии и Каринтии — виндами. И это деление существовало в сознании словенцев вплоть до середины XIX в. Первые словенские буди-

тели создавали свои грамматики и книги на своих диалектах. Так, грамматика М. Похлина базировалась на краинских диалектах, а грамматика О. Гутсмана — на каринтийских.

Началом словенского Возрождения ученые считают 1768 г. — год выхода в свет «Краинской грамматики» августинца Марко Похлина. Во введении к ней он призывал соотечественников изучать родной язык: «Не стыдитесь своего родного языка, ведь он не так плох, как думают».[1] Это была первая, еще очень робкая программа словенского Возрождения. В 70-х годах появились и первые сборники словенских светских стихов: три тома «Альманаха прекрасных искусств» (Pisanice od lepeh umetnost), выпущенных в свет собратом Похлина по ордену Феликсом Девом. Он содержал стихотворения самого Дева, а также Похлина, Михелича, Наглича, Водника. Первое поколение словенских будителей начало сбор фольклора. Однако все эти произведения стояли на более низком уровне, чем подобные труды современных европейских поэтов.

Одновременно в словенских землях распространялись и идеи европейского Просвещения. Находили отклик в образованных кругах взгляды немецких литераторов, объединявшихся в течении «Буря и натиск», к которому принадлежали такие виднейшие деятели немецкой культуры, как Гердер, Гете, Шиллер, Лессинг. Они горячо выступали против насилия и гнета феодальных властей, симпатизировали борьбе угнетенных против несправедливости и тирании. На формирование идеологии словенских патриотов оказали большое влияние и деятели французского Просвещения — Вольтер, Руссо, энциклопедисты.

Ряд немецких просветителей проживали в словенских землях. В 1750–1760 годах в Идрии работал врачом, а затем преподавателем идрийской горной школы Иоганн Антон Скополи. Он опубликовал несколько работ об Идрийском ртутном руднике, о болезнях, характерных для идрийских рудокопов. Скополи объехал всю Крайну, изучая ее природу, а затем издал книги на латинском языке о ее растительном мире и насекомых.

Преемником Скополи в Идрии стал Бальтазар Аке, получивший образование в Париже и Вене. Несколько лет он работал врачом на Идрийском руднике, а затем в 1773–1787 гг. преподавал в Люблянском лицее в качестве профессора анатомию, физиологию, хирургию и акушерство. Аке помимо медицины интересовался ботаникой и минералогией. В 1781 г. он издал в Лейпциге четыре книги, посвященные природе Крайны. Позднее, уже по-

сле отъезда из Любляны в Галицию, где он являлся профессором Львовского (1787–1805 гг.) и Краковского университетов (1805–1810 гг.), Аке увлекся историей, этнографией, фольклором и языком славянских народов, много ездил по славянским областям Австрии. В 1801–1810 гг. вышли в свет несколько его томов, посвященных славянам, под общим названием «Изображение и описание юго-западных и восточных венедов, илиров и славян». Этот труд касался исключительно южных славян. Аке подробно описал словенцев, хорватов, сербов, их быт, обычаи. Однако они вызывали у него негативное отношение, он противопоставлял их другим европейским народам.[2]

Во время своей жизни в Любляне Аке активно участвовал в ее общественной жизни, являясь членом Академии деятельных и Общества сельского хозяйства и полезных наук.

Коллегой Аке по Люблянскому лицею был иезуит Габриель Грубер, разносторонне одаренный человек. В 1769–1784 гг. он занимал в лицее должность профессора кафедры гидравлики и механики, которая была организована по инициативе Общества сельского хозяйства и полезных наук. По проекту Грубера и под его непосредственным руководством выкопали канал, с помощью которого осушили болото вокруг Любляны. Грубер проявил себя и как способный архитектор, построив одно из самых красивых зданий в городе.

Деятельность этих представителей европейского Просвещения и других менее значительных фигур создавала культурный фон в словенских землях, способствовавший прогрессивному развитию словенского Возрождения.

Одним из самых ярких деятелей словенского Возрождения второго поколения, пришедших после Похлина и Дева, был Антон Томаж Линхарт. Он родился 11 декабря 1756 г. в городке Радовлица в Верхней Крайне. Его отец Вацлав, чех, родом из моравского городка Иванчице, ремесленник-чулочник, платил один из самых больших налогов среди горожан. Мать Терезия Кунстл, словенка, происходила из зажиточного рода радовлицких красильщиков, первым браком она была замужем за управляющим одного из помещичьих имений Йожефом Мертлом.[3] Таким образом, семья Антона являлась одной из самых уважаемых и состоятельных в Радовлице. Говорили в семье по-словенски. В письме к немецкому историку Карлу Готтлибу Антону от 26 марта 1789 г. Линхарт отмечал, что его родной язык словенский. [4] Когда Антону было десять лет, умерла его мать, и вскоре отец снова женился. В 1767 г. мальчик поступил в Люблянскую иезуитскую гимназию,

которую окончил в 1773 г. Здесь Антон стал одним из лучших учеников. Особенно он успевал по гуманитарным предметам: истории, географии, языкам — немецкому, древнегреческому, латинскому. В 1773 г. специальным указом папа Климент IV ликвидировал орден иезуитов. Линхарт отправился в Стичский монастырь цистерцианцев, в котором находился в 1776–1778 гг. Именно здесь завязалась его дружба с Мартином Куральтом, который к тому времени уже ушел из монастыря и работал библиотекарем. Человек радикальных взглядов, Куральт провел жизнь, полную крутых поворотов. Работал библиотекарем, учителем в словенских землях, в Галиции, последние 22 года жизни был интернирован церковными властями в исправительный дом для священников около Оломоуца. Несомненно, он оказал большое влияние на формирование взглядов Линхарта, который вел с ним переписку с 1778 по 1793 г.

В ноябре 1778 г. Линхарт покинул монастырь и отправился в Вену, где провел почти два года. В письме к Куральту он сообщал, что занимается в Вене изучением языков. Вообще Линхарт знал немецкий, словенский, французский, английский, древнегреческий, латинский и, возможно, итальянский и чешский языки. Из писем к Куральту явствует, что Линхарт в это время познакомился с некоторыми трагедиями В. Шекспира, а именно с «Гамлетом», «Макбетом», «Королем Лиром». Но они не оказали на него такого впечатления, как произведения немецких писателей из течения «Буря и натиск». В Вене Линхарт увлекся просветительскими идеями и сам попытался внести свою лепту в немецкое Просвещение. В 1780 г. в Аугсбурге вышла в свет его драма на немецком языке «Мисс Дженни Лав». Она была написана под влиянием Лессинга («Мисс Сара Симпсон») и Ф. Шиллера («Разбойники»). Основная тема «Мисс Дженни Лав» — борьба против насилия. Словенский литературовед Б. Крефт писал о ней: «Это не только драма, полная кровавых сцен, как до сих пор о ней писали, но это прежде всего манифестация молодого революционного духа якобинской буржуазии и ненависть к самовластию знати».[5] В Вене Линхарт, по-видимому, примкнул к масонам.

В августе 1780 г. Линхарт приехал в Любляну в свите главы сословного собрания (Hauptmann, deželni glavar) Крайны графа Йожефа Ауэрсперга и первое время работал у него. Но через полтора месяца Ауэрсперг покинул Любляну, и Линхарт перешел работать в архив люблянского архиепископа графа К. Герберштейна, который являлся главою австрийских янсенистов

и верным сподвижником императора Иосифа II. По-видимому, по рекомендации Линхарта Герберштейн взял к себе на службу в качестве придворного капеллана М. Куральта. После ссоры с Герберштейном покровителем Линхарта стал граф Иоганн Непомук Эдлинг, советник краинского губернатора, школьный референт, управляющий имениями фрейзингских епископов в Шкофье Локе. Эдлинг был родом из Випавы. Он сочувствовал словенскому национальному движению, знал словенский язык. С ноября 1786 г. Линхарт был назначен школьным инспектором Верхней Крайны, а с ноября 1791 г. — секретарем губернии при сохранении прежней должности. Как можно видеть, Линхарт занимал достаточно высокие чиновничьи должности. Объяснялось это и его выдающимися способностями, и, главным образом, его связями с масонами, поскольку его высокие покровители и граф Ауэрсперг и граф Эдлинг принадлежали к их кругу.

Приехав в Любляну, Линхарт не сразу порвал с немецкой литературой. В 1781 г. он опубликовал стихи на немецком языке в сборнике «Цветы из Крайны от 1781 года» (Blumen aus Krain für Jahr 1781), в том числе две переработанные народные словенские песни и 40 оригинальных стихотворений. Кроме того, он написал на немецком языке трагедию об английском офицере, отправившемся из-за несчастной любви сражаться с американцами и погибшем от их рук. Текст ее не сохранился.

Но в Крайне Линхарт познакомился с рядом деятелей словенского национального движения. Среди них был Блаж Кумердей, директор люблянской нормальной школы, считавшейся одной из лучших в Австрии. Он еще в 1771 г. предоставил австрийскому правительству «Патриотический проект, как успешнее всего обучать краинское население чтению и письму». Кумердей предлагал вести все обучение в начальных классах на родном языке, создать для этого словенские учебники. Он подчеркивал, что одна из причин отсталости Крайны — безграмотность ее населения. Кумердей был одним из первых русофилов среди словенских национальных деятелей.

Кумердей при энергичной поддержке Эдлинга, который возглавлял проведение школьной реформы в Крайне, в 1779 г. создал просветительское общество — Академию деятельных (Akademia operezorum), просуществовавшую до 1783 г. Сначала она насчитывала 15 членов, позже их число возросло до 23. Академия объединяла не только лиц, интересующихся словенской культурой, но и тех, кто входил в орбиту немецкого Просвещения. Целью Академии провозглашалось изучение истории, словенского языка, поэзии,

ораторского искусства, юриспруденции, медицины. Из деятелей словенской культуры в нее кроме Кумердея вошли Феликс Дев, Юрий Япель, Жига Цойс, Валентин Водник, позднее А. Линхарт, Марко Похлин. Сочувствовали словенскому Возрождению — Эдлинг, Парадизо, Тауфрер. Они поддерживали реформы Иосифа II, стремились к развитию культуры в своем родном краю. Среди членов Академии были и лица, которые относились к словенцам с пренебрежением, в частности Аке. На одном из заседаний Академии Кумердей в своей речи сказал: «Народ, от которого мы происходим, является самым презренным в так называемом цивилизованном мире. Только блестящие труды наших родных братьев русских могут это презрение до некоторой степени парализовать».[6]

Линхарт тоже активно участвовал в работе Академии. Выступая на собрании Академии деятельных 5 апреля 1781 г. он заявил: «Ведь теперь мы можем думать свободно, ибо на престоле Иосиф II».[7] В той же речи он определил главные задачи Академии:«не меньше, чем просвещение народа».[8] И это были не пустые слова — Линхарт много сделал для просвещения словенцев, особенно когда он занимал должность инспектора школ в Верхней Крайне. Тесное общение с деятелями словенской культуры прежде всего с Кумердеем и Цойсом привело к переходу его на позиции словенского просветительства. По мнению исследователя жизни и творчества Линхарта Ф. Гспана, это произошло весной 1782 г.[9]

После распада Академии деятельных словенские просветители сгруппировались вокруг богатейшего человека Крайны барона Жиги Цойса, владевшего многими плавильнями в Крайне. Его отец Микельанджело, выходец из Италии, получил дворянство в 1739 г. Мать — Иоганна Капус, дочь инспектора рудников, считала себя словенкой. В семье говорили по- словенски. Ж. Цойс был очень образованным человеком. Позднее его секретарь Е. Копитар, будущий известный ученый-филолог, в своем письме к чешскому слависту Добровскому сообщал, что Цойс является центром культурной жизни в Крайне, что он отличный знаток словенского языка и переводит на него некоторые арии для гастролирующих в Любляне итальянских артистов.[10] Кстати, в этом ему активно помогал Линхарт.

Кроме Линхарта в кружок Цойса входили Б. Кумердей, Ю. Япель, В. Водник. Из всех членов кружка Линхарт наряду с Цойсом особенно близко сошелся с Кумердеем. Помимо непосредственной работы в области народного просвещения Кумердей вместе с Ю. Япелем работал над новым пе-

реводом Библии на словенский язык. Но в центре его внимания было написание «Краинско-славянской грамматики». Он окончил ее в первом варианте в 1781 г. Во введении к ней, написанном в 1784 г., Кумердей сообщал о своем намерении создать общеславянский язык, подчеркивая, что для этого наиболее пригоден краинский язык. Здесь же он утверждал, что краинцы и русские хорошо понимают друг друга. Под влиянием Линхарта и Цойса Кумердей приблизил свою грамматику к чисто краинской. В новом предисловии к ней от 1791 г. он уже писал о краинско-славянской нации, которая насчитывает около 1 млн человек. Краинцы, подчеркивал Кумердей, — славяне, и все достижения славян принадлежат также и им.[11]

Линхарт высоко оценивал грамматику Кумердея и пытался добиться ее опубликования. В частности он хотел послать ее рукопись в Вену для прохождения цензуры. Уже первый ее вариант нравился Линхарту. В письме к Куральту от 28 июня 1784 г. он отмечал: «Утверждаю со всей известной Вам беспристрастностью, что потеряв тысячу так называемых венских брошюр (речь шла о множестве брошюр, издававшихся в Вене, за и против реформ Иосифа II. — *И. Ч.)* мы потеряем меньше, чем если бы потеряли грамматику Кумердея». [12]

Но особенно много Линхарту пришлось сотрудничать с Кумердеем на ниве просвещения. Цель, которую Линхарт определил себе и Академии деятельных, а именно просвещать народ, не была пустым звуком. Они действовали рука об руку: оба стояли за обучение детей на родном языке, стремились организовать перевод на словенский язык немецких школьных учебников.

В качестве инспектора школ в Верхней Крайне Линхарту удалось добиться потрясающих успехов: всего за четыре года деятельности его на этом посту число начальных школ там возросло с 12 до 39.

Линхарту удалось восстановить высшие курсы в Люблянском лицее, ликвидированные в 1785 г. 20 апреля 1787 г. он составил петицию к венским властям от имени краинских сословий с просьбой восстановить их, расширив по примеру венского философского факультета. В петиции указывалось, что чиновники в Крайне обязаны знать краинский язык, для их обучения предлагалось создать здесь учебное заведение по юридическим и финансовым наукам. Кроме того, Крайне необходимы кафедры по химии, механике, медицинская школа. Австрийское правительство, хотя и не исполнило пожеланий сословий в полной мере, все же в 1788 г. восстановило

в лицее двухгодичные высшие курсы по философии, а в 1791 г. — по теологии. Впоследствии петиция, составленная Линхартом, была использована словенскими национальными деятелями в их борьбе за словенский университет в Любляне.[13]

С мая 1784 г. Линхарт стал хлопотать об учреждении в Любляне при лицее общественной библиотеки для учащихся лицея. Хлопоты продолжались семь лет и завершились ее открытием в 1791 г.[14] Книжный фонд библиотеки заимствовался из книгохранилищ закрытых монастырей. Линхарт заботился и о пополнении частной библиотеки своего друга и покровителя Цойса. Об этом свидетельствуют его письма к Куральту, в которых он нередко просил его закупить те или иные книги для Цойса. Так, Линхарт несколько раз напоминал Куральту о необходимости купить во Львове, где Куральт жил в то время, грамматику М. Смотрицкого.[15]

Особое внимание в своей деятельности Линхарт уделял театру. Еще будучи учеником в иезуитской гимназии он приобщился к театральным представлениям. В Вене он написал на немецком языке трагедию «Мисс Дженни Лав». Приехав в Любляну, Линхарт не оставил своего увлечения. Вместе с Цойсом он переводил на словенский язык популярные арии из итальянских опер для гастролировавших в Любляне итальянских артистов. Линхарт стал одним из основателей Общества друзей театра, которое было учреждено в 1786–87 гг. Оно ставило любительские спектакли на немецком языке на сцене сословного театра в Любляне. Среди его постановок были комедии Рейхардта, Блайхофера, Коцебу. Сборы от них шли в пользу бедных.[16] Общество носило масонский характер. Именно для этого Общества Линхарт создал две пьесы на словенском языке, положившие начало словенскому театру.

Первая из них «Жупанова Мицка» представляла собою вольный перевод комедии немецкого писателя Й. Рихтера «Сельская мельница»; вторая «Веселый день или Матичек женится» — перерработка комедии П. О. Бомарше «Женитьба Фигаро». Обе комедии вышли в свет в 1790 г. Действие их было перенесено в словенские земли, крестьяне и слуги получали соответственно словенские имена, господа — немецкие. Произведение Бомарше было Линхартом основательно переделано: 14 сцен были написаны заново, число действующих лиц уменьшено с 16 до 12. Комедия «Матичек женится» наиболее полно и откровенно отразила взгляды Линхарта на социальные и национальные отношения в Крайне. Главные герои комедии как

бы являли собой социальный разрез тогдашнего словенского общества. Немец барон Налетел — представитель дворянства, его садовник — близок по менталитету к крестьянам, Матичек — образ нового нарождающегося класса горожан, человек с авантюрным уклоном, умеющий обвести вокруг пальца и дворянина и крестьянина.[17] Сохранив антифеодальную направленность пьесы Бомарше, Линхарт резко критиковал патримониальный суд, на котором феодал выступал как судья самому себе. Сцены суда носили не только антифеодальный, но и антнемецкий характер. В них Линхарт показал полный произвол помещика по отношению к крестьянам, пренебрежение онемеченного чиновничества к словенскому языку. Матичек на судебном разбирательстве выступал против феодальных порядков и одновременно требовал, чтобы ему прочитали указ «по краински», защищая тем самым национальные права словенцев.[18] Линхарт в начале 1780-х годов безусловно поддерживал реформы Иосифа II, но в комедии «Матичек женится» он уже решительно протестовал против его указа, провозгласившего немецкий язык единственным административным языком в Австрии. Язык комедий Линхарта отражает язык верхнекраинских крестьян — в нем много германизмов, живых ярких слов и оборотов, взятых из народного языка, с которым он близко познакомился (как и с социальными и национальными отношениями в деревне) во время своих разъездов по Верхней Крайне в качестве школьного инспектора. Линхарт был доволен своей комедией. 6 октября 1790 г. он замечал в письме Антону, отсылая его вместе с книжкой «Матичек женится»: «Надеюсь, я доказал, как мелодичен наш язык и как он пригоден для изящнейшей и остроумнейшей комедии».[19]

Комедии Линхарта распространялись не только среди образованных горожан. Управляющий плавильнями Цойса в Яворнике в письмах от 28 декабря 1789 г. и 7 января 1790 г. сообщал своему господину о получении краинской комедии и раздаче ее рабочим.[20]

Комедия «Жупанова Мицка» была поставлена Обществом друзей театра 28 декабря 1789 г. на сцене сословного театра. На представлении присутствовало 650-700 человек. Роли исполняли владелец суконной фабрики близ Любляны Десельбруннер, врач Маковиц, жена дворянина Гарцароли, др. Морак, жена Линхарта Йожефина, адвокаты др. Пиллер и др. Репич. Как можно видеть, в основном артистами являлись представители образованных кругов Любляны. Режиссировать постановку пьесы взялся сам Линхарт, он же был и суфлером во время ее представления.

Комедия имела шумный успех. 29 декабря 1789 г., т. е. на следующий день после постановки, «Лайбахер Цайтунг» писала: «Благородные друзья театра, как великодушные человеколюбы снова выступили на сцене, чтобы помочь нуждающимся людям и нам убедительно доказать, что краинский язык обладает такой гибкостью и силой и таким благозвучием, что Талия может на нем говорить так же, как на русском, чешском и польском языках ... Вас, мои господа и госпожи из этого Общества, благодарит от всего сердца не только бедняк, весь народ гордится Вами, он увековечит Вас в литературных летописях и скажет: они положили основание усовершенствованию своего родного языка и сделали его употребительным также для сцены».[21] Сам Линхарт с удовольствием и гордостью рассказывал о постановке своей комедии Антону. «Это первая попытка с тех пор как славяне живут в Крайне, — писал он к нему 26 января 1790 г. — Я с удовлетворением вижу, как те самые славяне, которые столетия подвергались германизации, чувствуют себя всегда славянами и с энтузиазмом продолжают пользоваться своим языком, обычаями, самобытностью».[22]

По-видимому Линхарт предполагал поставить на сцене и вторую свою пьесу «Матичек женится», ибо сохранилась музыка, написанная для этой комедии Янезом Крстником Новаком.[23] Однако смерть Иосифа II в 1790 г. и приход к власти Леопольда II, затормозившего реформы своего брата, изменили положение в австрийских землях. Правление Леопольда II продолжалось всего два года. После вступления на престол его сына Франца I в стране началась открытая реакция: установился полицейский режим, усилилась цензура, началось гонение на масонов. Деятельность Общества друзей театра как масонского прекратилась. В 1793 г. Линхарт вынужден был прервать переписку с обоими своими долговременными корреспондентами — с Куральтом и Антоном.

При всей разносторонности деятельности Линхарта главным делом его жизни стало историческое исследование «Опыт истории Крайны и других южнославянских земель Австрии» (т. 1 — 1789, т. 2 — 1791.). Уже в предисловии к первому тому он отметил, что его цель — «проследить через бесконечную цепь событий путь человечества в этом маленьком уголке Европы». При этом Линхарт пояснял, что полагает написать не только историю провинции Крайны, но всех южных славян Австрии, которые обитают от Сербии и Далмации на востоке до Тироля и Баварии на западе и от Истрии на юге до реки Муры в Штирии на севере. Он подчеркивал, что в осно-

ву периодизации истории он положил не правление тех или иных монархов и не смену религий, когда-либо существовавших в этих областях, но движение народов, населявших их в различные времена.[24] Сам принцип изложения исторических событий, провозглашенный словенским просветителем, свидетельствовал о его полном разрыве с традицией феодальной историографии. С просветительских позиций подходил Линхарт и к трудам своих предшественников, отмечая у них отсутствие критичности, пристрастность. Линхарт пытался расширить круг своих источников, привлекая наряду со старинными хрониками эпиграфику, данные словенского языка и этнографии, археологии.

На Линхарта большое влияние оказали исторические труды крупнейших европейских просветителей — Вольтера, Руссо, Шлецера, Аделунга, Лейбница. От Вольтера он взял идею, что история цивилизаций важнее, чем история государей; от Шлецера — необходимость иметь в виду при написании истории какой-либо страны и историю соседних стран, поскольку они взимосвязаны; от Лейбница — существование в истории причинно-следственных связей. Особое значение имело для Линхарта знакомство с книгами немецкого историка К. Г. Антона, писавшего об истории лужицких сербов. В письме к Куральту от 18 августа 1784 г. он советовал другу прочесть его книгу «Новые подходы исследования происхождения древних славян» (Erste Linien eines Versuches über der alten Slaven Ursprung), указывая, что в трудах Антона его особенно привлекает использование в качестве источника языка и этнографии славян.[25] В 1789–1793 гг. Линхарт вел с Антоном активную переписку. Особенный интерес для понимания взглядов Линхарта имеет его предисловие ко второму тому. Именно этот том был посвящен собственно истории словенцев, их древнему княжеству Карантания. Это предисловие — своего рода гимн славянам. Линхарт подчеркивает, что он посвящает свою книгу славянам, «потому что славяне, хотя и в далеком прошлом почти не упоминаемые, достигли такой многочисленности, как ни один другой народ; потому что они существовали прежде, чем Рим и Византия узнали их имя, грозные и поселившиеся на огромных пространствах; потому что они разрушали и создавали государства; потому что до сих пор они владеют или занимают почти половину Европы и Азии, потому что ни один народ не заслуживает такого внимания историка, философа и политика, как славянский».

В этом же предисловии Линхарт высказал мысль о том, что «славяне в Австрийской монархии самые большие по числу и силе» и «если бы су-

ществовал обычай давать государству имя по наиболее многочисленному ее народу, на который опирается его величие, то Австрия должна бы была по праву называться славянским государством, как и Россия».[26]

Последнее заявление Линхарта многие словенские историки считают первым в словенских землях провозглашением австрославистских идей. Но это не так. Первым высказал мысль о том, что Австрию можно назвать славянским государством каринтийский просветитель иезуит О. Гутсман в предисловии к «Словенской грамматике», вышедшей в свет в 1777 г.[27] Однако тогда это заявление Гутсмана не нашло какого-либо отклика среди словенских образованных людей. Через 14 лет высказывание Линхарта имело гораздо бóльший резонанс. Этому было несколько причин. Во-первых, труд Линхарта распространился среди гораздо более широких кругов образованных людей, чем грамматика Гутсмана. Во-вторых, время выхода истории Линхарта было более удачным.

Исследователь исторических взглядов Линхарта видный словенский историк Ф. Цвиттер указывает, что предисловие ко второму тому «Опыта истории Крайны» было написано после смерти Иосифа II, когда сословия различных областей Габсбургской монархии представляли свои требования и пожелания новому государю и его правительству. Именно в это время сербский сабор в Темешваре потребовал для Воеводины административно-политической автономии. В этой обстановке, считает Цвиттер, не было случайным открытое провозглашение Линхартом мысли о том, что по составу населения Австрия должна считаться славянской державой.[28] Говоря об этом Линхарт, видимо, подразумевал определенное внутреннее переустройство империи, при котором славяне имели бы в ней бóльший вес. Точка зрения словенского историка, на мой взгляд, совершенно справедлива, и выступление Линхарта можно считать первым проблеском политической мысли у словенцев. Тем более, что по сравнению с предисловием к первому тому, в предисловии ко второму тому очень четко прослеживается изменение акцентов, а именно переход от чисто научных рассуждений о методе и источниках к политическим обобщениям.

Словенские ученые указывают еще на ряд важных выводов, сделанных Линхартом. Рассказывая о древнем словенском государстве Карантания, он подчеркивал, что карантанцы являются предками краинцев и виндов, которые составляют одну и ту же ветвь славянского племени.[29] К такому мнению Линхарт пришел раньше выхода в свет своего исторического труда. В объ-

явлении о его публикации, помещенном в «Лайбахер цайтунг» от 17 августа 1786 г., он утверждал: «Народ, который живет в южной Австрии между Дравой и Адриатическим морем, относится к великому и значительному племени славян и представляет по своему языку и происхождению одну и ту же ветвь, которую только случайно делят на краинцев и виндов».[30] Этот вывод Линхарта имел огромное значение для развития единого словенского национального самосознания славянского населения, проживавшего в различных провинциях (Крайне, южной Штирии, южной Каринтии, Горице, Градишке, Приморье). Он был подхвачен последующими поколениями словенских патриотов и в 1848 г. вылился в политическую программу Объединенной Словении.

Во втором томе Линхарт, описывая жизнь словенских крестьян, отмечал, что они до нетерпимости ненавидят своих помещиков, которых считают своими угнетателями.[31] Он первым среди словенских национальных деятелей подошел к пониманию тех непримиримых противоречий, которые существовали между словенскими крестьянами и немецкими дворянами, и первым заявил об этом открыто и в своем «Опыте истории Крайны» и в комедии «Матичек женится».

Среди отличительных черт славян Линхарт выделял их любовь к свободе, объясняя отрицательные черты их характера чужеземным игом. К властям краинцы относятся недоверчиво, подчеркивал он, они не желают служить наемниками и воевать ради чужих выгод.[32]

В своем труде Линхарт довольно прохладно отзывался о деятельности католической церкви, высмеивал чудеса и необыкновенные события, происходившие со святыми. Несмотря на ряд неверных утверждений «Опыт истории Крайны» вполне соответствовал уровню европейской исторической науки того времени.

Чтобы обеспечить себе поддержку для издания своей истории Линхарт вступил в члены Общества сельского хозяйства и полезных наук. Но деятельность в нем Линхарта не ограничивалась только этой задачей. В мае 1784 г. при поддержке Общества он поставил вопрос о создании общественной библиотеки в Любляне, по просьбе Общества перевел на словенский язык труд известного венского ветеринара Вольштейна.

На заседании 19 октября 1786 г. Общество сельского хозяйства и полезных наук решило подписаться на 50 экземпляров книги Линхарта и вручи-

ло ему 100 гульденов, которые и составили основной вклад для напечатания «Опыта истории Крайны». Кроме него крупные пожертвования были внесены Цойсом, который подписался на 20 экземпляров. Всего подписчиков было 114 человек. А. Гспан сделал анализ этого списка по социальному и национальному составу. Среди подписчиков оказалось 63 чиновника, 28 духовных лиц, 16 помещиков, 7 представителей свободных профессий, 4 предпринимателя, 2 торговца и 1 ремесленник. Итак — больше половины чиновников, четверть священников, седьмая часть помещиков и всего одна восьмая горожан! Объяснялось это, повидимому, тем, что среди горожан имелось мало настолько образованных лиц, которые могли бы воспринимать достаточно сложные научные тексты, к которым относилась и книга Линхарта. Что касается национального состава подписчиков, то большинство из них являлись словенцами (73 человек), приблизительно треть — немцами (35 человек), из остальных — 4 француза, 2 итальянца, 1 хорват.[33]

Линхарт продолжал работать над третьим томом, свидетельством чего остались рукописные отрывки, предназначавшиеся для него. Впоследствии их использовал В. Водник для учебника по истории Крайны и Горицы, который был написан на немецком языке и издан в 1809 г. Однако работу над третьим томом прервала неожиданная смерть Линхарта, последовавшая 15 июля 1795 г. от удара (аневризм аорты). Он умер без покаяния, что можно объяснить и его внезапной кончиной и прохладным отношением Линхарта к церкви. По мнению большинства исследователей, в религиозном плане Линхарт, как и его друг и покровитель Цойс, являлся деистом.

После смерти Линхарта остались его жена Йожефина (28 лет), дочери София Антония (7 лет) и Мария Амалия (4 года). Через три года они переселились в Вену.

Кончина Линхарта в расцвете творческих сил переживалась его друзьями очень тяжело. Особенно она потрясла Цойса. В письме к неизвестному он отмечал, что Линхарт был величайшим краинским гением, «с ним я потерял литературного друга и критика, общение с которым для меня было единственным отдыхом и радостью».[34]

Не менее высокую оценку получила деятельность Линхарта и у последующих поколений словенских интеллектуалов. По словам известного политика и историка Э. Карделя, исторический труд Линхарта призван был доказать, что словенский народ имеет право на место под солнцем.[35] Один

из крупнейших словенских историков второй половины XX в. Ф. Цвиттер подчеркивал, что в период Просвещения словенцы имели двух великих ученых — Линхарта и Копитара. Среди особо важных заслуг Линхарта Цвиттер отмечал, что он открыл путь развитию общесловенского национального сознания, указал на значение политической и социальной проблематики.[36]

С обоими словенскими учеными можно согласиться. Линхарт являлся в последние два десятилетия XVIII в. единственным из словенских будителей, который стоял на уровне деятелей европейского Просвещения. Он внес в словенскую культурную жизнь европейскую струю. Линхарт положил основание словенскому театру, современной словенской историографии, способствовал развитию школьного дела в словенских землях. Его выводы о том, что краинцы и винды являются одним народом, что Австрия по составу своего населения должна называться славянским государством, легли в основание формирования общесловенского национального самосознания и словенских политических программ XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Pogačnik J.* Jernej Kopitar. Ljubljana, 1977. S. 99.

2. *Криль М. М.* Славистика в научных исследованиях Бальтазара Гакета // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. М., 2004. С. 112, 114, 119.

3 *Gspan A.* Anton Tomaž Linhart. Njegova doba, življenje in delo// *Linhart A.* Ta veseli dan ali Matiček se ženi. Maribor, 1967. S. 181, 182.

4 *Kalan F.* Anton Tomaž Linhart. Ljubljana, 1979. S. 51.

5 *Kalan F.* Op. cit. S. 73.

6 *Kardelj E.* Razvoj slovenskega narodnega vprašanja. Ljubljana, 1970. S. 253.

7 *Koruza J.* Spremna beseda // Pisanice od lepeh umetnost. Ljubljana, 1977. S. 16, 17.

8 *Linhart A. T.* Zbrano delo. Ljubljana, 1950. Kn. 1. S. 448.

9 *Gspan A.* Op. cit. S. 224.

10 *Kalan F.* Op. cit. S. 47.

11 *Kidrič F.* Zgodovina slovenskega slovstva od začetkov do marčne revolucije. Ljubljana, 1926. S. 228, 270.

12 *Linhart A.* Zbrano delo. Kn. 1. S. 426.

13 *Gspan A.* Op. cit. S. 231–233.

14 *Kalan F.* Op. cit. S. 13.

15 *Linhart A.* Zbrano delo. Kn. 1. S. 432, 434, 435.

16 *Kalan F.* Op. cit. S. 119, 120.

17 *Gspan A.* Op. cit. S. 271, 273.

18 *Бершадская М. Л.* Социальная структура словенского и хорватского общества конца XVIII — начала XIX в. в произведениях А. Линхарта и Т. Брезовачкого// Советское славяноведение. М., 1981. № 2. С. 68–70.

19 *Gspan A.* Op. cit. S. 262.

20 Ibid. S. 291.

21 Ibid. S. 258, 260.

22 *Kalan F.* Op. cit. S. 51.

23 *Gspan A.* Op. cit. S. 115.

24 *Linhart A.* Versuch einer Geschichte von Krain und der übrigen südlichen slaven Oesterreichs. Laybach, 1788. V. 1. S. 3, 9, 12.

25 *Linhart A.* Zbrano delo. Kn. 1. S. 428.

26 *Linhart A.* Poskus zgodovine Kranjske in ostalih dežel južnih slovanov Avstrije. Ljubljana, 1981. T. 2. S. 171.

27 *Domej T.* Slovenska jezikovna misel na Koroškem v XVIII stoletju // Obdobje razsvetljenstva v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Ljubljana, 1979. S. 375

28 *Zwitter F.* Prva koncepcija slovenske zgodovine // Glasnik Muzejskega društva za Slovenijo. Ljubljana, 1939. S. 365.

29 *Grafenauer B.* Zgodovina slovenskega naroda. Ljubljana, 1962. Zv. 5. S. 83.

30 *Gspan A.* Op. cit. S. 239.

31 *Kalan F.* Op. cit. S. 21.

32 *Gspan A.* Op. cit. S. 247.

33 Ibid. S. 238, 249, 250.

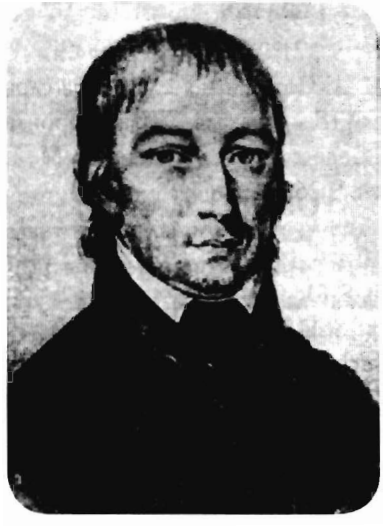
34 Ibid. S. 301, 302.

35 *Kardelj E.* Razvoj slovenskega narodnega vprašanja. S. 251.

36 *Kalan F.* Op. cit. S. 16, 17.

И. В. Чуркина

Валентин Водник и Ерней Копитар



Валентин Водник и Ерней Копитар принадлежали к кружку барона Сигизмунда Цойса в последний период его существования. Это было время, когда новым императором Леопольдом II были в значительной мере похоронены реформаторские начинания Иосифа II , а при его преемнике Франце I началась реакция. После победы Наполеона над Австрией словенские земли почти полностью (за исключением Штирии) вошли в состав Иллирийских провинций, подчинявшихся непосредственно Франции. И вновь начались прогрессивные реформы, которые пробудили у некоторых словенских будителей надежды на лучшее будущее для словенской культуры и словенцев. Затем после разгрома Наполеона словенские земли вернулись в империю Габсбургов, где установился реакционный меттерниховский режим. Вот именно на эту эпоху, бурную и неоднозначную, и падает последний период деятельности кружка Цойса. Он кончается 1819 г., когда умерли Цойс и главная звезда его кружка поэт и журналист, активный деятель народного просвещения Валентин Водник. В кружке Цойса прошел школу национального воспитания и замечательный словенский ученый Ерней Ко-

питар. Он был его членом всего 8 лет, а потом покинул Любляну и отошел от круга своих коллег. Главной для него стала научная деятельность, в которой он достиг выдающихся успехов. Однако, так или иначе Копитар не порывал полностью с кружком Цойса до конца его существования. Я ограничусь рассмотрением его деятельности до 1819 г.

Валентин Водник родился 3 февраля 1758 г. в селе Шишка возле Любляны в семье крестьянина. Его отец Йозеф был женат на Ере (Гертруде) Панце. В своей биографии Водник рассказывает, как ему приходилось с отцом ходить в Хорватию, где они торговали вином и полотном. В семье говорили по-словенски. «Краинскому меня научила мать, — рассказывает Водник в автобиографии, — немецкому и латинскому — школа, итальянскому, французскому и славянским — мое собственное старание».[1] Первым его учителем стал дядя Марцел Водник, францисканец из Нового Места. В 1770–1775 гг. Валентин учился в иезуитской гимназии Любляны, по окончании ее он поступил во францисканский монастырь.

Еще будучи гимназистом, Водник познакомился с августинским монахом Марко Похлиным, одним из первых словенских будителей, который научил его писать по-словенски. М. Похлин в то время являлся ведущим деятелем словенского Возрождения. Год издания его «Краинской грамматики», а именно 1768 г., считается словенскими учеными годом начала словенского Возрождения. В предисловии к ней Похлин призывал своих соотечественников не стыдиться родного языка, изучать его. В своей грамматике Похлин опирался на говор люблянцев, сильно засоренный немецкими словами. Резко отрицательно относясь к протестантизму, он не использовал при написании грамматики достижений первой словенской грамматики А. Богорича. Грамматика Похлина по своему уровню была значительно хуже последней. В 1773 г. вокруг Похлина образовался кружок словенских будителей. В него входили августинец Феликс Дев, студент богословия Янез Михелич, профессор Мартин Наглич, советник губернатора Крайны Янез Непомук Эдлинг, гимназисты В. Водник и Йожеф Закотник. Наиболее деятельным в этом кружке был Феликс Дев, который издал три номера словенского альманаха «Писанице од лепех уметност» (Альманах прекрасных искусств).[2]

Идеи первых словенских будителей оказали на Водника большое влияние. Он стал собирать фольклор, писать стихи, которые помещал в альманахе Дева. Самым удачным из них являлось стихотворение «Доволь-

ный краинец», напечатанное в третьем номере альманаха. Остальные, по признанию самого поэта, были трудно читаемы: они отличались тяжеловесностью, представляя смесь различных художественных стилей — барокко, классицизма и преромантизма. Из них выделялось стихотворение «Довольный краинец», в котором поэт рисовал идеализированную картину жизни крестьянина, возвеличивал его скромность, прилежность, одаренность. Слог его был значительно легче, чем в других стихах, приближаясь к стилю словенских народных песен.[3] Известный словенский литературовед Ф. Кидрич назвал «Довольного краинца» первым словенским художественным стихотворением.[4]

В 1779 г. Водник вступил в Академию деятельных, где оказался вместе с Б. Кумердеем, А. Япелем, Ф. Девом, С. Цойсом, Я. Эдлингом. Круг общения его с национальными деятелями расширился. В 1784 г. распался кружок Похлина, поскольку его главу перевели в Вену. В том же году Водник ушел из монастыря по разрешению люблянского епископа К. Герберштейна. После этого он служил капелланом в Соре, Бледе, Рибнице, Копривнике. Связи его со словенскими будителями прервались.

Весной 1793 г. Водник встретился в Копривнике с Цойсом: скорее всего последний специально приехал туда для этой встречи. Цойс предложил Воднику снова включиться в культурную деятельность. 1793–1794 годы стали переломными для поэта — он принял предложение мецената и примкнул к его кружку. В первый период своей будительской деятельности Водник вращался в кругу словенских просветителей, как правило, вышедших из духовенства, в известной мере ограниченных, по образованию и своему мышлению находившихся на более низкой ступени, чем европейские просветители, теперь же он соприкоснулся со словенскими национальными деятелями по уровню своего развития не уступающими им. Люди, окружавшие Цойса, были знакомы с трудами современных им немецких, итальянских, французских писателей и философов. По своему положению они большею частью являлись чиновниками, а представители духовенства относились к янсенистам и не отвергали того, что было сделано протестантами XVI в. Под влиянием членов кружка Цойса изменилось и отношение Водника к деятельности Похлина, его грамматике и сочинениям. «Он старые границы без основания переставил, — отмечал Водник, — отказался от старых грамматик, писал, как говорят люблянцы из предместий, не обращая внимания на чистый язык поланцев и других далеко отстоя-

щих от немцев старых краинских поколений. Он больше онемечивал, чем словенил».[5]

В первое время сотрудничества Водника с кружком Цойса ему большое внимание уделял словенский историк А. Линхарт. Вместе с Цойсом он уговаривал Водника взять на себя редактирование словенского календаря «Велика пратика». Об этом Водник упоминает в своей автобиографии: «Барон Жига Цойс и Антон Линхарт в 1794 г. поручили мне написать календарь».[6] Однако его сотрудничество с Линхартом продолжалось недолго — спустя год Линхарта настигла неожиданная смерть. Материалы, собранные словенским историком для третьего тома «Опыта истории Крайны», впоследствии Водник использовал для написания учебника по истории Крайны и Горицы, вышедшего в свет в 1809 г. на немецком языке.[7]

Водник принял предложение Цойса и Линхарта — в 1795–1797 гг. он издавал календарь «Велика пратика». В 1796 г. Водник с помощью Цойса получил место капеллана в приходе св. Якоба в Любляне, а спустя два года окончательно расстался со священнической деятельностью, став в ноябре 1798 г. профессором поэзии в Люблянской гимназии.

Цойс побудил Водника вернуться к поэтическому творчеству. Спустя 14 лет Водник снова начал писать стихи. Цойс, хорошо знавший современную европейскую поэзию и сам переводивший на словенский язык арии для итальянских артистов, давал Воднику квалифицированные советы, как надо писать стихи. В частности, он рекомендовал ему не брать примера с немецких поэтов, которые пишут туманно, усложняя свой язык образами, а подражать итальянцам. «Все, что выйдет из-под Вашего пера, — поучал Цойс в письме Воднику, — пусть будет написано в народной манере и для народа, поэтому никогда не опускайтесь в область трагической музы».[8] Водник во многом следовал советам Цойса, не приняв только один: Цойс высоко ценил краткие веселые верхнекраинские поскочицы (плясовые песни), в то время, как словенскую эпическую поэзию считал выдумкой церковников. Водник же одинаково хорошо относился к обоим видам словенской народной поэзии. С 1795 г. в печати вновь появились стихи Водника, напечатанные в календаре «Велика пратика».[9]

В 1797–1800 гг. на средства Цойса Водник издавал первую газету на словенском языке «Лубланске новице» (полное название «Lublanske novice od vsih krajev sveta» — Люблянские новости со всего света). Не случайно, что именно в это время появилась первая словенская газета. В Ев-

ропе время было тревожное — Наполеон, пришедший к власти, подчинял одно европейское государство за другим. Австрия и Россия стремились ему противостоять.

В 1797 г. газета выходила два раза в неделю, в 1798–1800 гг. — один раз. То, что газета стала выходить реже, говорило о том, что она была не слишком востребована обществом. Издателем газеты сначала выступал Янез Фридерик Эгер, затем его вдова Мария Тереза Эгер. Водник газету не только редактировал, но и практически являлся ее основным автором. Главное место в «Лубланских новицах» отводилось политическим новостям, которые трактовались с позиций австрийского патриотизма и преданности династии Габсбургов. Кроме того, в газете публиковались заметки практически познавательного характера: об акушерстве, виноградарстве, прививках оспы. В каждом номере указывались цены на продукты на люблянском рынке, помещались списки умерших люблянцев. Первый исследователь журналистской деятельности Водника редактор главной словенской газеты второй половины XIX в. «Кметийске ин рокоделске новице» Янез Блейвейс справедливо его назвал родоначальником словенской журналистики.[10]

Наиболее полно свои взгляды на славянский вопрос Водник выразил в ряде корреспонденций в «Лубланских новицах». 18 октября 1797 г. в газете появился раздел «Рассказы о славянском языке». Он просуществовал до 4 апреля 1798 г. и предназначался для образованных людей Крайны. Одна из первых корреспонденций этой серии была посвящена славянам. «Краинцы один отросток великого славянского народа, который в настоящее время обитает на территории от триестского моря до холодного моря в Московии более 400 миль в ширину, и от Чехии до области Камчатки на окраине Московского царства более тысячи миль в длину. Почти все народы на этом пространстве — славяне; это краинцы, словенцы, хорваты, далматинцы, босняки, славонцы, словаки под турецкой или венгерской властью на этой стороне Дуная. На другой стороне Дуная — чехи, мораване, поляки, поморяне, лужичане, вандалы, венды, литовцы, леты и единое неизмеримое пространство московитаров в Московии, Северии и на границе Татарии. Все эти народы называются общим именем славяне, пользуются языком одной матери, а именно славянским языком».[11] В других очерках Водник отмечал такие общие черты славян, как сердечность, гостеприимство, указывая и на особые черты характера краинцев — любовь к военной службе и патриотизм. С грустью Водник замечал, что славяне ссорятся друг

с другом «потому что они давно позабыли, что являются детьми одной матери». Он защищал словенский (краинский) язык от его недоброжелателей. Хотя некоторые считают его бедным, но это неправда. «Краинский язык сам по себе богат, только люди бедны в словах, так как они слишком мало помнят, чему их учила мать».[12] Сравнивая словенский язык с другими славянскими языками, Водник приходил к выводу: «Краинский язык более всего похож на москвитарский, более, чем на другие славянские диалекты. Москвитары сохранили достаточно слов, которые у нас позабыты, вышли из употребления».[13] Главной задачей для словенцев он считал создание словаря и грамматики. Водник призывал очищать словенский язык от чужеземных слов и выражений, заменяя их словами и выражениями из старославянского и русского языков.

Из всех славян Водник особенно отличал русских. Это никак не вступало в противоречие с его австрийским патриотизмом — в эти годы Австрия вместе с Россией противостояли Наполеону. Австрия неизменно входила в союзы, направленные против Франции. В 1796 г. австрийские войска потерпели поражение в Италии. Затем французская армия двинулась к Вене и в марте 1797 г. заняла полностью все словенские земли. В середине мая 1797 г. между Францией и Австрией был заключен мир в Кампо Формио, по которому Австрия теряла свои владения в Италии, а также земли в Бельгии.

Во время первой оккупации словенских земель Францией, газета Водника писала сдержанно о французской армии. Водник приветствовал возвращение прежней власти после заключения мира и ухода французов со словенской территории. Однако уже в то время он писал с уважением о Наполеоне, как об умном и проницательном человеке, который выполняет свои обязательства.[14]

Австрия не желала мириться с потерями. В 1799 г. она снова примкнула к антифранцузской коалиции, в которой участвовала и Россия. Летом 1799 г. русские войска под предводительством Суворова с согласия венского правительства проходили через чешские и словенские земли в Италию. Водник с воодушевлением приветствовал русских солдат в своей газете «Лубланске новицае» от 29 июня 1799 г. «Прекрасная новость для нас, краинцев, — писал он, — русские, наши старшие братья, пришли не просто нас посетить, но также защитить нас от врагов. Полторы тысячи лет тому назад в наши края пришли первые славяне; они были из русского или других

славянских народов: в этом причина, что мы легко понимаем русский язык; дело в том, что они славяне — корень, от которого рождены наши отцы. Далеко у Дуная они зародились и постепенно расселялись до тех пор, пока самый крайний род не достиг итальянских земель и здесь поселился и страну назвал Крайна. Сейчас мы видим воочию, каких могучих и великих братьев мы имеем в мире, которые наш славянский язык всегда сохраняли чистым. Мы должны брать с них пример, если хотим очистить язык. А также у них учиться, как нужно родину защищать от врагов. Если они пришли издалека, почему же мы, которые здесь близко, не поможем им бороться против врагов?»[15]

Несмотря на героический переход через Альпы войск Суворова и победу его над французами, коалиции не удалось победить Наполеона. В феврале 1801 г. был вновь заключен мир с Францией, подтвердивший условия мирного договора в Кампо Формио.

На взгляды Водника на словенский язык, славян, русских несомненно оказали влияние не только события австро-французских войн, в которых Россия выступала как союзница Австрии, но более всего мнения о русских и славянах других словенских просветителей Ю. Япеля и особенно Блажа Кумердея.

В 1800 г. к кружку Цойса примкнул молодой лингвист Ерней Копитар. Он родился 21 августа 1780 г. в селении Репнье в Верхней Крайне. Его отец Якоб Копитар владел небольшим участком земли (полгрунта или полнадла), но пользовался большим авторитетом среди односельчан, которые избрали его своим старостой. Одновременно он являлся и церковным старостой. В 1790 г. Ерней поступил в люблянскую гимназию. В 1794 г. умерли его родители, и он стал себя содержать за счет уроков. С 1800 г. Копитар начал работать сначала учителем, а затем секретарем у Цойса. Впоследствии он вспоминал время, проведенное в доме Цойса, как лучшее в своей жизни. Кроме словенских будителей, входивших в кружок Цойса, он здесь встречался с высокопоставленными персонами: губернаторами, английскими лордами, австрийскими вельможами, такими как эрцгерцог Иоганн и князь Меттерних. Одновременно Копитар учился: за время пребывания в доме своего покровителя он изучил французский, итальянский, английский языки, много читал, ибо библиотека Цойса была одной из лучших в Крайне.

С приходом Копитара положение в окружении Цойса изменилось. До этого, да и потом, главную роль играл в нем Водник. Несомненно, Копитар

был талантливее его. Повидимому молодой человек желал, чтобы в спорах с Водником его мнение всегда имело преимущество. Натянутые отношения, сложившиеся между Водником и Копитаром, во многом имели своей причиной сложный характер Копитара, склонного к авторитаризму. Его характер впоследствии принес ему и окружающим много неприятностей. «Этот чрезвычайно даровитый и остроумный, но очень раздражительный и беспокойный ученый», — отзывался о Копитаре известный хорватский славист В. Ягич.[16] В том же роде харктеризовал Копитара и современный словенский исследователь его деятельности Й. Погачник. Он отмечал, что в письмах к Цойсу и Добровскому Копитар выступал как человек, «который бы хотел сделать мир по своей воле и был при этом убежден, что мир этого хочет».[17]

После прекращения издания газеты «Лубланске новице» Водник все свои силы стал отдавать педагогической и научной деятельности. В гимназии он вел все предметы до пятого класса, а с 1807 г. стал еще преподавать катехизис и историю в 6 классе. В 1806–1807 гг. Водник исполнял обязанности директора гимназии. Кроме того, он работал над словенской грамматикой и словенским словарем, писал стихи. В 1806 г. вышел в свет сборник его «Поэтический опыт», в 1809 г. были опубликованы его стихи, посвященные ополченцам, сражавшимся против французов. Эти стихотворения значительно превосходили в художественном отношении его ранние опыты. Советы Цойса не пропали даром: в стиле новых произведений Водника чувствуется большое влияние словенских народных песен. Содержание их носит отпечаток просветительского оптимизма, веры, что воспитание способно изменить человеческую натуру. Воспитательный характер носят его сатирические стихи, в которых он обличал пьянство, паразитизм. В стихотворении «Немецкий конь и краинская кляча» Водник резко выступал против национального угнетения словенцев немцами.

Значительно меньше стихов посвящено личным переживаниям поэта. Большинство их связано с природой. Наиболее личностным является его стихотворение «Мой памятник». В нем поэт пишет, что примером для него служили народные песни, а вдохновляли его могучие Юлийские Альпы. Водник выражал уверенность, что именно стихи спасут его от забвения: «Ни дочки, ни сына после меня не останется, но мне довольно памяти в моих стихах».[18] Водник не обладал большим поэтическим даром, мир его чувств и мыслей достаточно провинциален и узок, но он был близок и понятен его соотечественникам.

В 1802 г. Водник начал работать над составлением словенского словаря. В 1806 г. в «Лайбахер Вохенблатт» («Laibacher Wochenblatt» являлся приложением к «Лайбахер Цайтунг (Laibacher Zeitung)») появилась заметка об этом словаре, написанная, по-видимому, Водником. В ней говорилось, что словарь будет содержать «чисто славянский лексический запас наречий всех славян, которые живут между верховьями Дравы, Савой, Купой, Триестинским заливом и Сочей». Далее указывалось, что при работе над словарем автор пользовался трудами многих ученых, в том числе Добровского, Стулли, Смотрицкого и др. Использовал он также материалы раннего словенского просветителя о. Ипполита, грамматику Жиги Поповича. «Так как художники и ремесленники в городе обыкновенно употребляют немецкие выражения, — продолжал автор, — хотя имеют богатый запас славянских, то составитель перевел первые на второй, а того, чего он здесь не нашел, он должен был искать у живущих в деревне местных художников и ремесленников. Таким образом, он снискал своему труду решительное преимущество, причем следует отметить и то обстоятельство, что мы в горном деле обладаем собственной терминологией. Далее, краинские естествоиспытатели оказали ему особенную помощь. Благодаря ей он получил возможность дать в виде приложения названия почти всех растений, птиц, рыб и т. д., распределенные по принятым в естественной истории системам». В сборе словарного материала Воднику активно помогали его ученики по гимназии Я. Примиц, У. Ярник, а также барон Цойс. Последний собирал ботанические, зоологические и минералогические термины. Ему удалось разыскать 550 названий растений и 220 — животных.[19] Копитар тоже считал составление словенского словаря одним из важнейших способов обработки словенского литературного языка, доведение его до уровня развитых европейских языков. В письме к Воднику от конца февраля 1810 г. он указывал на те принципы, которые необходимы для составления словаря: знать другие славянские языки, их искать в книгах и понимать; хорошо понимать язык, на котором объясняются славянские слова; понимать язык не только грамматически, но и философски; черпать слова также из книжных источников; дружить с крестьянами; не брать за основу чужих словарей; не выдумывать новых слов. Эти принципы согласовывались с принципами составления словарей, высказанными Добровским.[20] Водник, как и Копитар, считал необходимым брать слова из речи простых крестьян.

На первых порах Копитар старался, чтобы Водник скорее издал словарь, и помогал ему в поисках сотрудников. Но уже в 1810–1812 гг. произошел перерыв в их переписке. Копитар был недоволен тем, что Водник не следует его советам. Он обвинял Водника в односторонности, непоследовательности, стремлении к монополизации и словотворчеству. Особенно Копитару не нравились «водникизмы», т. е. слова, придуманные Водником или взятые им из других славянских языков. Помимо этого Копитар считал, что Водник недостаточно хорошо знает немецкий язык. Как справедливо замечает словенская исследовательница И. Орел Погачник: «Водник для него был человеком, который занял место руководителя и не желает уступать его более талантливому».[21]

Забегая вперед, следует подчеркнуть, что Водник уже к 1813 г. подготовил свой словарь, но Копитар препятствовал его публикации, что ему не сложно было сделать, будучи цензором славянских, румынских и греческих книг.

Накануне французской оккупации словенских земель Копитар создал одно из самых своих знаменитых произведений, а именно «Грамматику славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии» («Grammatik der slawischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark»). Она была написана для его ученицы дочери графа Бельгарда, которую Копитар обучал словенскому языку. Грамматика вышла в свет в феврале 1809 г. Это была первая грамматика всего словенского языка, а не отдельных его наречий, как это было до сих пор. По словам русского ученого Н. И. Толстого, "словенский язык ... был выработан на общесловенской основе с ориентацией на общий фонд других славянских языков».[22]

Грамматика Копитара была опубликована, когда он уже жил в Вене. Ее корректуру провел Водник, хотя, как показывает его переписка с Й. Добровским, о труде своего коллеги он отзывался недоброжелательно.[23] Копитар послал свою грамматику крупнейшим славистам того времени: Добровскому, Шлецеру, карловацкому митрополиту С. Стратимировичу, польскому слависту Линде и некоторым другим ученым.[24]

Большой интерес для понимания взглядов Копитара в период его жизни в Любляне представляет его предисловие к грамматике, являвшееся своеобразным манифестом молодого ученого. Именно это предисловие дало возможность русскому ученому Н. М. Петровскому справедливо заметить, что грамматика Копитара имела больше общественное, чем научное значение.[25]

Копитар являлся последовательным сторонником крупнейшего немецкого просветителя и филолога Л. Аделунга. Уже на первых страницах своего труда он приводил его слова о значении языка для народа: «Он (язык. — *И. Ч.*) есть самая тесная и близкая связь родов и наций, самое верное средство соединять и разделять народы, именно то, что делает народы народами». Именно поэтому в центре изложения Копитара — славяне, их язык, культура, прошлое и будущее. Автор исходил из того, что славяне являются единым народом, с общим языком, делящимся на несколько наречий. Он перечислял эти наречия, согласуясь с Добровским: русское; польское; иллирское, куда входили болгарское, сербское, боснийское, славонское, далматинское, дубровницкое; хорватское со словенским; чешское с моравским, словацким и силезским.

Большое внимание Копитар уделял истории славян, сильно ее идеализируя, как и обычаи славян. «Никогда славяне не были воинственным и авантюрным народом, как немцы, — утверждал он. — Повсюду они селились постоянно, им нравилось земледелие, особенно скотоводство и хлебопашество. Занимались они также различными домашними ремеслами и везде с пользой торговали изделиями своей страны и своего прилежания». Копитар перечислял торговые центры славян: Винета на острове Рюген, Киев на Днепре, Новгород на Волхове. Особенно автор отмечал значение Киева и Новгорода, которые являлись посредниками для европейцев в их торговле с Причерноморьем и Восточным морем (Каспием?). Славяне в немецких землях копали руду, плавили и ковали железо, варили мед, сажали фруктовые деревья, жили весело. Они были добродушны, гостеприимны до расточительства, любили свободу, но, подчеркивал Копитар, были податливы и послушны, враждебно относились к грабежам и захватам пленных. «Чего нехватает философу, — восклицал он, — чтобы признать (славян. — *И. Ч.*) идеальными гражданами мира — только науки и культуры!»

В настоящее время, продолжал Копитар, славяне насчитывают 50 миллионов. «Большое число по сравнению с другими народами, но малое по сравнению с громадным пространством их обитания». Однако многие славяне подчинены иноземцами. Они являлись мирными земледельцами и позабыли думать о войне. Поэтому на юге их захватили венгры и турки, на западе — немцы, на востоке — монголы. До сих пор славяне находятся под чуждой властью, за исключением русских. Но у русских невысокая культура. Вслед за Шлецером Копитар полагал, что русских цивилизует не матема-

тика, но история и литература: «Еще ни один народ не вышел из варварства благодаря математики — от нее натура не изменится. Только благодаря искусству и науке, писателям и поэтам стали цивилизованными греки и римляне, итальянцы и французы, англичане и немцы».[26]

Копитар подробно остановился на деятельности Кирилла и Мефодия в славянских землях. Он отметил, что южные славяне первыми среди славян приняли христианство сначала от немецких и итальянских проповедников, затем — от греков Кирилла и Мефодия. Время проповедования христианства Кириллом и Мефодием Копитар считал наилучшим временем в культурной истории славян. «Провозглашение мира и всеобщей любви между людьми, равенства и справедливости должно было быть воспринято миролюбивым славянским народом с большим пониманием». Сравнивая Кирилла и Мефодия с немецкими и итальянскими миссионерами, Копитар указывал, что последние «пришли из вражеских стран и принятие христианства сопровождалось всегда и повсюду введением десятины, наши отцы не отвергали высокой значимости дара, но дарителей боялись». По-другому складывались отношения со славянами Кирилла и Мефодия, которых призвали князья Ростислав, Святоплук и Коцель. Они перевели на славянский язык Евангелие и Апостол. «Радовались славяне, когда слушали о великих деяниях божеских на своем языке». «Славяне, — подчеркивал Копитар, — получили из Греции божественный дар письменности, условие всякой культуры»[27] Сведения о проповеднической деятельности Кирилла и Мефодия Копитар в основном брал, как справедливо отмечает словенский лингвист Й. Топоришич, из летописи Нестора.

В предисловии к грамматике Копитар еще утверждал, что старославянский язык славянских просветителей имеет в своей основе македонское наречие. Позднее он отказался от этого и стал доказывать его паннонское происхождение. Следует подчеркнуть, что Копитар первым из словенских просветителей столь высоко оценил деятельность Кирилла и Мефодия. Его грамматика широко распространилась среди словенских национальных деятелей, его имя в 30–40-е годы XIX в. пользовалось у них достаточным авторитетом. Поэтому мнение Копитара о Кирилле и Мефодии и о их роли в создании славянской азбуки и старославянской письменности много значило для словенцев. Взгляды Копитара на деятельность первых славянских просветителей способствовали распространению среди словенцев во второй половине XIX в. своеобразного культа Кирилла и Мефодия, затронув-

шего не только либеральные круги общества, но и значительную часть духовенства.

В рассматриваемом предисловии Копитар не только дал историю славян, как он ее себе представлял, но и попробовал нарисовать картину их будущего. Сожалея о быстро промелькнувшей в истории славян эпохе Кирилла и Мефодия, Копитар замечал: «Представьте себе, что при одинаковом вероисповедении, одинаковом литературном языке — почему и не под властью единого вождя, славянского Владимира, могло бы уже ранее произойти из этого гигантского народа!» И далее Копитар прозрачно намекал, при каких условиях может произойти то, что не свершилось во времена Кирилла и Мефодия: «Я говорю, пусть Александр уничтожит крепостное право и ... мировое владычество достанется ему, к счастью нашему и всего мира; мы, славяне, значительное племя и гуманны от природы».[28]

Убежденный, что славяне — единый народ, только волею печальных исторических обстоятельств разделенный на несколько ветвей, Копитар считал, что они должны иметь общий литературный язык, праобразом которого стал бы язык, созданный Кириллом и Мефодием. Славянские наречия, по мнению Копитара, достаточно разошлись друг от друга, поэтому литературные языки этих наречий должны продолжать существовать. Но постепенно они сольются в единый литературный язык, как это случилось в древней Греции. Там местные литературные языки во времена Александра Великого (Македонского) образовали общий литературный язык всех греков. Насильно это сделать невозможно. Первым шагом к созданию общеславянского литературного языка должно стать изобретение общего славянского алфавита. Копитар был убежден, что самым тяжелым последствием завоевания славян чужеземцами стало их разделение на католиков и православных и в связи с этим использование ими двух алфавитов — кириллицы и латиницы. Копитар высоко оценивал азбуку, придуманную Кириллом. Главное ее достоинство он видел в том, что в ней каждому звуку соответствует своя буква. Но все-таки предпочтение Копитар отдавал латинице, поскольку ею пользуются все европейцы. Общий алфавит поможет общению славян друг с другом и, в конце концов, самое достойное из славянских литературных наречий «сделалось бы общим литературным языком».[29]

Делая обзор все словенских грамматик, Копитар признал заслуги протестантов, прежде всего создателя первой словенской грамматики А. Богорича за установление норм словенского литературного языка. Трубара же

он критиковал за обилие германизмов в его книгах. Остальные словенские грамматики вызывали неодобрение Копитара за исключением грамматики Гутсмана, о которой он дал емкое заключение: «говорит мало, но ничего лживого». Положительно он оценивал и грамматику Ж. Поповича и утверждал, что Водник свою грамматику списал у него.

Копитар призывал бороться с германизмами и указывал на способы этой борьбы. Словенские литераторы должны больше общаться с крестьянами, чей разговорный язык сохранил первозданную чистоту, а также делать переводы с латинского или славянских текстов, а не с немецкого языка. Копитар предлагал учредить кафедру словенского языка в семинарии, считал необходимым написание словенского словаря.[30] На последних страницах грамматики Копитар снова подчеркивал, что словенское и краинское наречия одно и то же.

Как можно видеть, грамматика Копитара и особенно предисловие к ней, обобщили все то, что было сделано до него словенскими будителями. На это указывает, в частности, американский ученый Р. Ленчек, отмечая влияние на языковую концепцию Копитара идей Ж. Поповича, Б. Кумердея, Ю. Япеля.[31] К этому следовало бы добавить и Водника, прежде всего его «Рассказы о славянском языке». Все достижения словенских просветителей Копитар изложил четко, отбросив их некоторые заблуждения. Он окончательно утвердил мнения Гутсмана и Линхарта о том, что словенцы и краинцы являются одной ветвью славянского племени; подчеркнул необходимость чистки словенского языка от германизмов. Считая, как и славянские и немецкие ученые того времени (Гердер, Аделунг, Добровский, Востоков и др.), что славяне представляют собою один народ, Копитар выдвинул программу создания общеславянского литературного языка. Идеализация славянской истории, определенные надежды на Россию — все это не выходило за рамки тех идей, которые бытовали в кружке Цойса и его предшественников.

Первое десятилетие XIX в. ознаменовалось еще несколькими войнами Австрии с Францией. В 1805 г. Австрия примкнула к русско-английскому союзу против Наполеона. После разгрома русско-австрийских войск под Аустерлицем 2 декабря 1805 г. война окончилась бесславно для союзников.

В январе 1809 г. Австрия снова выступила против Франции, а уже в мае этого же года французские войска оккупировали словенские земли. 14 октября 1809 г. в Шенбрунне (Вена) был подписан мирный договор между воюющими державами, согласно которому к Франции отходили Горица,

Триест, Крайна, Белякский округ Каринтии, часть Хорватии. В тот же день вышел указ об образовании Иллирийских провинций, куда помимо перечисленных областей вошли еще Далмация и Дубровник. Столицей их стала Любляна. Закрепление Франции на северных берегах Адриатики было сделано прежде всего в интересах континентальной блокады Англии, которую Наполеон объявил еще в 1806 г.

Французские власти провели в Иллирийских провинциях ряд прогрессивных реформ. Был отменен патримониальный суд, введен единый налог — земельный, личный, ремесленный, разрешен раздел наделов при наследовании, право заниматься ремеслом могло быть продано, подарено, передано по наследству и т. д. С 1 января 1812 г. был введен кодекс Наполеона, устанавливавший равенство людей, земельных владений, религий.

Но наиболее значимым для словенцев являлся указ 30 мая 1810 г., по которому все предметы в начальной школе изучали на родном языке жителей провинций. В словенских землях до оккупации имелось пять гимназий в Любляне, Новом Месте, Копере, Триесте, Горице. Французы открыли низшие гимназии (двух или трехлетние) в Кране, Идрии, Постойне, Трбиже, Беляке (нем. — Филлах). В Люблянском лицее изучали теологию, философию, право и медицину. Кроме того, в Любляне установили Ремесленную школу.

Отношение французских властей к школьному делу привлекло к ним некоторых словенских национальных деятелей. Особенно горячо поддержал школьную политику французов В. Водник. Во время существования Иллирийских провинций он занимал должности директора гимназии и Ремесленной школы и одновременно являлся инспектором народных школ. Он всячески стремился провести в жизнь указ о национальных школах. Для этого он написал учебники на словенском языке для детей — «Катехизис» и «Письменность или грамматика для начальной школы», вышедших в свет в 1811 г. По ним учились словенские дети. Одновременно Водник работал над словенскими учебниками по истории и географии.

Особый интерес представляет грамматика Водника. Это была первая грамматика словенского языка, написанная по-словенски. До этого они издавались на немецком или латинском языках. Водник первым из филологов создал вариант грамматической терминологии для словенского языка. При этом он опирался на церковнославянскую грамматику М. Смотрицкого, которая имелась в библиотеке Цойса. В грамматике Водника было опубликовано и одно из самых удачных его стихотворений «Иллирия возрож-

денная». В нем говорилось о былом могуществе иллиров, которые успешно сражались с римлянами и Филиппом и Александром Македонскими, но затем Иллирия потеряла свою силу и спала до тех пор, пока Наполеон не разбудил ее. [32] Связывал ли Водник с Иллирийскими провинциями какие-нибудь иные, не чисто образовательные планы? Видный словенский историк Ф. Цвиттер полагает, что его «Иллирия возрожденная» является первой формой выражения новой политической идеи у словенцев. Водник недаром назвал ее обручальным кольцом Европы: одну руку она подает Галлии (Франции), а другую Греции. Французская власть означала для словенцев, по мнению Водника, «начало, хотя еще и очень неясное — новой эпохи».[33] С этой точкой зрения согласен и Б. Графенауер.

Отношение Копитара к Иллирийским провинциям не совсем ясно. Б. Графенауер считает, что он, как и Цойс, У. Ярник и Примиц был враждебен французам.[34] Р. Ленчек, не определяя точно отношения Копитара к Иллирийским провинциям, отмечает, что именно их появление привело его к мысли частично воплотить в жизнь свой языковой проект.[35] И. Орел Погачник сообщает, что в 1810 г. Копитар намеревался издать свою грамматику на французском языке, а также небольшой французско-славянский словарь.[36] Приведенные Ленчеком и Орел Погачник факты указывают, что, если Копитара нельзя причислить к сторонникам французов, то и решительным их противником он тоже не был.

В годы существования Иллирийских провинций Копитар жил в Вене. Первые два года после отъезда из Любляны он изучал право в Венском университете, одновременно занимаясь и филологией. В 1810 г. он получил место цензора славянских, новогреческих, а затем и румынских книг, одновременно стал скриптором и кустосом Дворцовой библиотеки в Вене. Он активно сотрудничал в научных журналах, а в одном из них «Виенер альгемайне литератур-цайтунг» (Венской общей литературной газете — Wiener Allgemeine Literaturzeitung) он редактировал славянский отдел. Копитар привлек туда в качестве корреспондентов словенцев Равникара, Примица, Цветко, серба Мушицкого, словака Рожная, чеха Добровского и др. В то время Копитар еще оставался на прежних прорусских позициях. Так, в декабре 1809 г. в журнале «Миневра» он опубликовал резкую заметку в ответ на анонимную статью, унижающую славян. В частности, он указывал: «Новгородские славяне, призвавшие в девятом столетии Рюрика, были бесспорно цивилизованнее, нежели этот немец и его окружение». И далее

отмечал, что современные немецкие путешественники признают, что русский крестьянин ловчее и умнее немецкого.[37]

Постепенно под влиянием нового окружения, представлявшего собою немецкую образованную бюрократию, связанную с венскими политическими кругами, Копитар меняет свои взгляды. Уже в начале февраля 1810 г. в письме к Добровскому он выразил пожелание, чтобы его альманах «Славин» был возобновлен в Вене. Вокруг него, мечтал Копитар, выросла бы Славянская Академия, а «Пражская, Варшавская, Петербургская, будущие Иллирские были бы многочисленными отделениями этой Akademie Slave». Во главе Академии он предлагал поставить Добровского. На это Добровский ответил, что Академия сразу распадется после заседаний, посвященных выработке общеславянского алфавита. Несмотря на такой ответ, в мае 1810 г. Копитар снова завел в письме к Добровскому разговор о Славянской Академии.[38] Учреждение Славянской Академии в Вене осталось до конца жизни важным пунктом в славянской концепции Копитара и заложило основу его культурного австрославизма.

Следует подчеркнуть, что Добровский, которому Копитар рассказывал о своих планах и которому он отводил в них центральную роль, относился к идеям Копитара скептически. В письме к Копитару от 5 мая 1815 г. он откровенно указывал, что в Вене Славянская Академия невозможна, так как там действует «дьявольский принцип германизации».[39]

В первые годы жизни в Вене Копитар старался помочь словенским национальным деятелям. Так, он помогал Янезу Примицу, который являлся в лицейской библиотеке Граца библиотекарем (скриптором). 13 мая 1810 г. Примиц сообщал своему учителю В. Воднику, что ему удалось склонить к изучению словенского языка 15 богословов из университета. Они собирались три раза в неделю и изучали словенский язык по грамматике Копитара. В июне 1810 г. на основе этого кружка образовалось Славянское общество. Копитар проявил к этому обществу интерес. В декабре 1810 г. он предложил, чтобы каждый его член описал свой приход в этнографическом и лингвистическом плане. Примиц поддержал эту идею. Копитар снабжал общество книгами, купил для него по восемь экземпляров книг Добровского: «Славин» и грамматику. Примиц предложил членам общества собирать материал для словаря Водника, но они предпочли переводить на словенский язык религиозные книги. В конце концов в обществе осталось четыре человека. Но деятельность его имела положительный результат: в 1811 г. в Грацком лицее

была основана кафедра словенского языка. В 1812 г. первым ее профессором стал Примиц, получивший этот пост с помощью Копитара. 14 июня 1812 г. Копитар сообщал Добровскому, что у Примица 60 учеников, большею частью богословов. Правда, уже в ноябре 1812 г. число их сократилось до пяти. В том же году у Примица возник конфликт с Копитаром.

По мнению словенского литературоведа А. Слодняка, Копитар не мог простить Примицу его приверженности к Воднику и воодушевления русскими победами над Наполеоном. Тем более что своим восхищением русскими Примиц заражал своих учеников. По наущению Копитара его ученик Я. Зупан написал отрицательную рецензию на книгу Примица «Немецко-словенская книга для чтения» (Deutsch-slovenisches Lesebuch). Эта рецензия стала одной из причин душевной болезни Примица — в октябре 1813 г. он сошел с ума.[40]

Кажется странным, но именно в период, когда Россия вместе с Австрией вели войну против Наполеона, окончательно оформились русофобские настроения Копитара. На мой взгляд, они отражали взгляды того круга людей, в котором теперь он вращался. В письмах от 1811–1814 гг. к одному из своих учеников Я. Зупану, Копитар мечтал о том, чтобы оба берега Дуная вплоть до Черного моря отошли к Австрии. Главное препятствие в осуществлении своих планов он видел в России. Даже ее победа над Наполеоном, которая привела не только к освобождению южнославянских земель владений Габсбургов, но и к расширению границ австрийского государства, воспринималась Копитаром с определенным сожалением, ибо она означала усиление России. «Итак, никто нас не любит — ни в Польше, ни в Италии, ни в Славонии, ибо мы немцы и неоткуда надеяться на лучшее! — с грустью писал он Зупану 13 июля 1814 г. — Совсем наоборот русские! Они целуются с немцами и татарами, дают ордена грекам и далматинцам. Через сто лет, если так пойдет дело... мы все станем русскими».[41] Итак, за 5-6 лет пребывания в Вене Копитар перешел от смутных планов создания славянского царства во главе с Россией, к резко неприязненному отношению к ней! И дальнейшие свои славянские проекты он связывал только с Австрией.

Новые взгляды Копитара значительно отличались от тех, которые были у его соотечественников, проживавших в словенских землях, в частности у словенских просветителей в Каринтии и Штирии — Примица, Ярника, Шнейдера. Так, Примиц 11февраля 1813 г. в письме к Зупану отмечал: «Русские здесь привлекли к себе общее внимание, благодаря победоносно-

му оружию и образцовому поведению в завоеванных провинциях». И далее он приводил отрывки из письма Шнейдера, который выражал надежду, что русские не только прогонят неприятеля, но и перекуют мечи на орала, предоставив и словенцам возможность мирно возделывать свои поля. Еще дальше в своем воодушевлении шел Ярник, цитату из письма которого тоже приводил Примиц: «Север ревет, юг страшится и бахвал бежит, все войска его разбиты... Вечер покажет, каков был день — говорят молодцы северные славяне. Славнейшее дело они совершат».[42]

Новым кредо Копитара стала его статья «Патриотические фантазии славянина», опубликованная в «Фатерлэндише Блэттер» (Отечественные листы) в 1813 г. В ней он подчеркивал прежде всего величину славянского племени, насчитывающего 50 миллионов человек и занимающего огромное пространство в половину Европы и треть Азии. В новой статье Копитар не затрагивал историю и обычаи славян, как он это делал в предисловии к своей грамматике, зато подробно останавливался на славянском языке и на его преимуществах по сравнению с другими. Он отметил его великолепное строение — фонетической системы и грамматики, указал на его напевность.[43] Особый раздел он отвел славянским литературам. Писателям славянского языка Паннонии (наречия — краинское или виндское, хорватское), католического славяносербского языка (наречия: дубровницкое, боснийское, славонское) он рекомендовал собирать народные песни, создать общий алфавит. Рассказывая о литературе православных славяносербов, Копитар хвалил труды Д. Обрадовича и надеялся, что славяносербская литература станет опасной соперницей русской. О русской литературе у Копитара сведения были самые жалкие. Он полагал, что она началась со времен Екатерины II, но ничего не знал даже о М. В. Ломоносове. Правда, русские словари и грамматики Копитару нравились. Чешскую литературу он давал довольно подробно — по Добровскому, о литературе поляков, лужичан, словаков упоминал бегло. Копитар призывал славян писать на своих поднаречиях, но пользуясь общим алфавитом. Затем, по его представлению, все эти поднаречия сольются в единый славянский литературный язык. Копитар полагал, что им станет или старославянский язык, или одно из иллирских поднаречий. Последний раздел Копитар посвятил необходимости учреждения в Венском университете кафедры старославянского языка, ибо Австрия (т. е. Паннония) является его родиной. Организация этой кафедры необходима, чтобы не отдать его изучение во «все портящие руки русских».[44] Со временем кафедра старославянс-

кого языка должна превратиться в Славянскую Академию, к которой присоединились бы в качестве филиалов существующие вне ее сейчас славянские академии, и те, которые будут установлены позднее, в частности иллирские.[45] Добровский, прочитав статью, хвалил Копитара за рвение, но одновременно сделал ему немало замечаний. В частности, он считал смешным, что Российская императорская Академия опустится до филиала Венской Академии.

В том же 1813 г. Копитар опубликовал новый вариант «Патриотических фантазий славянина» в «Винер литературцайтунг» (Венская литературная газета). В нем он еще четче писал о том, что прародиной славян и старославянского языка является Паннония, и снова мечтал о новом Кирилле, который усовершенствует латиницу для славян. Свою паннонскую теорию Копитар высказывал уже в 1810 г. в рецензии на альманах, выпущенный Добровским, «Славин». В 1814 г. он написал отзыв на другой альманах Добровского «Слованка». В нем он снова поднимал вопрос об усовершенствовании латинского алфавита для славян. Копитар надеялся, что в этом случае его примут и православные славяне, отказавшись от кириллицы.[46]

Во втором десятилетии XIX в. Копитар расширил свои связи со славистами. Если в начале века он по преимуществу общался со словенскими просветителями и Добровским, то во втором десятилетии — он завязал сношения с учеником Добровского В. Ганкой, с поляком Снегурским, загребским епископом Врховцем, с сербским поэтом и просветителем Л. Мушицким. На сербов он обращал особое внимание: он помог начать издание в 1813 г. сербской газеты в Вене, редакторами которой являлись Д. Давидович и Д. Фрушич (вышло 120 номеров). В 1813 г. Копитар познакомился с Вуком Караджичем. Его заинтересовала книжка Вука о падении Сербии. Копитар уговорил его издать сербские народные песни. В 1814 г. вышла «Песнарица» Караджича, затем его грамматика сербского языка.

Словенским делам Копитар тоже продолжал уделять внимание. В 1816 г. он воздал запоздалую хвалу Примицу в статье «Кафедра словенского языка в Граце» и призвал его учеников составлять лексику словенского наречия в Штирии.

После того как в словенских землях была восстановлена власть Габсбургов, Водник потерял место профессора гимназии. В 1817 г. в Люблянском лицее открылась благодаря стараниям М. Равникара кафедра словенского языка. На нее претендовали В. Водник и молодой янсенист Ф. Метелко. Воднику не помогла ода «Иллирия возвеличенная», написанная им в честь Габ-

сбургов. При активном содействии Копитара это место получил Метелко. Приведенные мною материалы, указывают, что совершенно не правы некоторые словенские биографы Копитара, в частности И. Навратил, которые писали о его дружеских отношениях с Водником вплоть до смерти последнего.[47]

Все время Водник продолжал работать над словенским словарем. По-видимому, его всячески поддерживал Цойс. Уже после смерти Водника (1819) г. Цойс в мае 1819 г. имел беседу с белорусским ученым М. Бобровским, которому, в частности, сказал, что хотел бы издать словенский словарь Водника, но автор, к сожалению, умер.[48] Воднику удалось собрать около 140 тыс. слов. Оставленные им материалы были использованы позднее, в словарях М. Цигале и М. Плетершника.[49]

8 января 1819 г. умер В. Водник. Спустя несколько месяцев за ним последовал и барон Цойс. Это означало конец кружка Цойса, действовавшего в словенских землях почти четыре десятилетия, правда, с наибольшей интенсивностью до создания Иллирийских провинций.

Копитар к тому времени только приближался к пику своей научной карьеры. Его грамматика, многочисленные статьи в научных журналах, обширные связи с европейскими славистами — все это делало его имя весомым в научных кругах. Но дальнейшая его научная деятельность выходит за рамки поставленных мною в этой статье задач.

Оба словенских просветителя оказали большое влияние на формирование современной словенской культуры.

Водник стал первым словенским журналистом, он многое сделал для развития словенского национального образования. Наконец, он был первым словенским поэтом в современном смысле. Я совершенно не желаю здесь спорить со словенским литературоведом Й. Корузой, который утверждал: «Антон Феликс Дев — наш первый поэт».[50] Дев много сделал для развития словенской поэзии — он выпустил три первых сборника словенских светских стихотворений, в которых опубликовал и свои первые опыты Водник. Но стихи самого Дева по стилю и содержанию относятся к предыдущей эпохе. Именно стихи Водника оказали решающее влияние на развитие современной словенской поэзии и его с полным правом можно назвать ее зачинателем. Наконец, велика заслуга Водника в формировании словенской филологии. Он создал первый вариант словенской грамматической терминологии, собрал огромный словарный материал, который затем был ис-

пользован словенскими лексикографами в их словарях. Значение Водника высоко оценивали его соотечественники. Словенская общественность широко отметила столетие со дня его рождения. В сборнике, посвященном ему, приняли участие виднейшие словенские культурные деятели конца 50-х годов XIX в.: Э. Коста, Ф. Малавашич, Ф. Метелко, П. Хицингер, Я. Блейвейс, М. Маяр и др. И хотя 200-летие Водника уже отмечалось очень скромно, В. Водник навсегда останется одной из самых светлых личностей в истории словенцев, внесших большой вклад в создание словенской культуры.

Копитар, человек гораздо более одаренный, чем Водник, сделал для своего народа меньше, чем он. Большое значение имела для развития словенского литературного языка его грамматика. Однако, вмешиваясь в дела словенских национальных деятелей, Копитар часто вредил свободному течению словенской национальной жизни. Так это произошло в случаях с Примицем, со словенско-немецким словарем Водника, а спустя почти два десятилетия — с Прешерном и альманахом «Краинская чбелица». Что касается словаря Водника, то, несомненно, опубликование его на несколько десятилетий раньше, пусть и в несовершенном виде с точки зрения современного восприятия дало бы дополнительный толчок развитию словенской лексикографии и литературы. Я считаю, что интриги Копитара, попытки его насильственно направить движение словенской культуры в желательное для него русло сдерживали дальнейшее развитие как словенской литературы, так и словенского языкознания.

Оценивая двояко роль Копитара в истории словенской культуры, я ни в коей мере не хочу уменьшить значение его научной деятельности для становления славистики. Но это уже другой вопрос, который требует дополнительного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Valentin Vodnik // Vodnikov spomenik. Vodnik-album. Priloga. Ljubljana, 1859.

2 *Gspan A.* Anton Tomaž Linhart. Njegova doba, življenje in delo. //Linhart A. Ta veseli dan, ali Matiček se ženi. Maribor, 1967. S. 189.

3 *Gspan A.* Spremne besede // Izbrane pesmi Valentina Vodnika. Ljubljana, 1958. S. 159.

4 *Kidrič F.* Zgodovina slovenskega slovstva od začetkov do marčne revoljuciji. Ljubljana. 1926. S. 217.

5 *Malavašič F.* Vodnik in slovenščina // Vodnikov spomenik. S. 19.

6 Valentin Vodnik //Vodnikov spomenik.

7 *Gspan A.* Anton Linhart. S. 253.

8 *Pogačnik J.* Na križiščih zgodovine. Ljubljana. 1981. S. 125.

9 *Gspan A.* Spremne besede. S. 153, 154.

10 *Bleiweis J.* Vodnikove Novice //Vodnikov spomenik. S. 31–36.

11 *Vodnik V.* Izbrani spisi. Ljubljana, 1890. S. 47.

12 Ibid. S. 33, 34.

13 *Malavašič F.* Op. cit. S. 19.

14 *Grafenauer B.* Zgodovina slovencev. Zv. V. Ljubljana, 1962. S. 96.

15 *Vodnik V.* Izbrano delo. Ljubljana, 1970. S. 70.

16 *Ягич И. В.* Новые письма Добровского, Копитара и других югозападных славян. СПб., 1897. С. III.

17 *Pogačnik J.* Jernej Kopitar. Ljubljana, 1977. S. 49.

18 *Gspan A.* Spremne besede. S. 70, 71.

19 *Петровский Н. М.* Первые годы деятельности В. Копитаря. Казань, 1906. С. 25–29. Перев. с нем. Н. Петровского.

20 *Orel Pogačnik I.* Kopitar in slovarstvo slovenskega jezika // Kopitarjev zbornik. Ljubljana, 1996. S. 140.

21 Ibid. S. 148.

22 *Толстой Н. И.* О последней попытке применения «общеславянской азбуки» к словенскому языку // Проблемы современной филологии. Сб. статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова. М., 1965. С. 263.

23 *Петровский Н. М.* Указ. соч. С. 44, 48.

24 Там же. С. 52, 53.

25 Там же. С. 234

26 *Toporišič J.* Kopitarjev slovanski svet v slovnici 1808/1809 //Kopitarjev zbornik. S. 2, 3.

27 Ibid. S. 4.

28 *Петровский Н. М.* Указ. соч. С. 125, 126.

29 Там же. С. 129, 133, 134, 143.

30 Там же. С. 138–141, 146, 147.

31 *Lenček R.* Kopitarjevo razumevanje zgodovinskih silnic razvoja slovanskih pisanih jezikov //Kopitarjev zbornik. S. 14.

32 *Gspan A.* Spremne besede. S. 58, 59.

33 *Grafenauer B.* Op. cit. S. 127, 128.

34 Ibid. S. 129.

35 *Lenček R.* Op. cit. S. 14.

36 *Orel Pogačnik I.* Op. cit. S. 152.

37 *Петровский Н. М.* Указ. соч. С. 245–249.

38 Там же. С. 246, 260.

39 *Slodnjak A.* Slovensko slovstvo. Ljubljana, 1968. S. 85.

40 *Ягич И. В.* Новые письма Добровского, Копитара и других югозападных славян. С. 266.

41 Там же. С. 292, 293.

42 *Hafner S.* Jernej Kopitar kot avstroslavist // Kopitarjev zbornik. S. 28.

43 *Петровский Н. М.* Указ. соч. С. 253–256.

44 *Hafner S.* Op. cit. S. 28.

45 *Петровский Н. М.* Указ. соч. С. 261–263, 285, 289, 290.

46 *Navratil I.* Jernej Kopitar // Kopitarjeva spomenica. Ljubljana, 1880. S. 79, 80.

47 *Slodnjak A.* Op. cit. S. 84.

48 *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой половины XIX в. Прага, 1906. С. 268, 269, 332.

49 *Stabej J.* Nekaj ugotovitev ob popolnem izpisu vodnikova rokopisnega nemško-slovenskega slovarja // Jezik in slovstvo. 1960. № 1–2. S. 42, 43.

50 *Koruza J.* Spremna beseda // Pisanice od lepeh umetnost. Ljubljana, 1974. S. 38.

И. В. Чуркина

Матия Маяр Зильский

Матия Маяр Зильский родился 7 февраля 1809 г. в селении Витенчи у Гориц в Зильской долине (Каринтия). Отец его, бедный сельский портной, был грамотным человеком, от него Маяр научился чтению на немецком и словенском языках. Уже в старости, в 1880 г., в письме к словенскому литератору Ю. Клейнмайру Маяр вспоминал: «На восьмом году жизни отец научил его читать по-немецки, а в 9 лет — по-словенски. Теперь должен был Матия во время шитья каждый день читать отцу из Священного Писания Япеля... Благодаря этому чтению у юноши пробудилась любовь к родному языку, что оказало большое влияние на всю его жизнь и литературную деятельность».[1] В 12 лет Маяр поступил в гимназию в Целовце (нем. Клагенфурт). Отец его в силу своей бедности не мог платить за обучение сына, но ему оказал финансовую поддержку каноник Бицелинг. Маяр

в 1831 г. окончил гимназию, а в 1833 г. — лицей в Граце. После лицея Маяр поступил в целовецкую духовную семинарию. Годы обучения в ней (1833–1836) окончательно сформировали мировоззрение Маяра. Большую роль в этом сыграл спиритуал семинарии, позднее Лавантинский епископ Мартин Сломшек. Сломшек являлся горячим словенским патриотом, час в неделю он обучал семинаристов словенскому языку. Согласно воспоминаниям Маяра , записанным Петром Несси, помогавшим ему в последние годы его жизни в Праге, он был у Сломшека лучшим учеником.[2] Их связывали дружеские отношения вплоть до революции 1848 г. В 1837 г. Маяр принял сан священника. Вскоре его назначили священником в приход, а затем — экспедитором в канцелярию епископа. В это время Маяр познакомился с выдающимся словенским просветителем в Каринтии языковедом и поэтом Урбаном Ярником. Ярника Маяр по праву считал своим учителем.

В предреволюционные годы деятельность Маяра не выходила за рамки просветительства. Он обошел немало словенских сел, записывая народные песни, поговорки, сказки и др. Когда в 1837 г. штириец Станко Враз посетил Каринтию для сбора фольклора, его повсюду сопровождал Маяр. Тогда и завязалась их дружба, продолжавшаяся вплоть до смерти Враза в 1849 г. По совету Враза Маяр в 1842 г. посетил горицких и венецианских словенцев, в 1843, 1844, 1845 гг. — штирийских и краинских. Сбор фольклора у словенских крестьян не являлся легким делом. В письме к Вразу от 30 января 1843 г. Маяр отмечал: «Довольно трудно собирать священнику народные песни — люди не понимают, зачем, и удивляются этому, нужно, чтобы человек (собирающий фольклор — *И. Ч.*) находился с ними долго и был хорошо им знаком».[3] Часть народных песен, собранных Маяром, он опубликовал в хорватских изданиях, прежде всего в «Коло» Враза, часть — в словенской прессе, газетах «Кметийске ин рокоделске новице» (далее — «Новице»), «Словения», «Словенска бчела» и др. Словенские народные песни религиозного содержания он издал отдельным сборником (Pesmarica cerkvena. Celovec, 1846), некоторые собранные им песни Маяр отдал Вразу, русскому слависту И. И. Срезневскому, чешской писательнице Божене Немцовой.

До революции 1848 г. Маяр общался со многими словенскими и славянскими просветителями. Кроме уже упомянутых, он был знаком с чехом Вилемом Душаном Ламблом, вел переписку с чешским просветителем Вацло-

вом Ганкой, с лидером хорватских иллиров Людевитом Гаем. Маяр принимал горячее участие в словенской культурной жизни. Он активно выступал за просвещение словенцев, прежде всего крестьян. «Благодеяние, которое будет оказано крестьянскому сословию, — писал он в «Новицах», — окажет пользу многим людям, так как ни одно сословие не насчитывает столько людей, сколько крестьянское, в других сословиях их несколько тысяч, в крестьянском же более миллиона».[4] Маяр считал, что главной целью просвещения крестьян является их обучение рациональному ведению хозяйства: правильной обработке полей, виноградников, садов, уходу за скотом и т. д.

Немало внимания Маяр уделял школе. В этом отношении на него большое влияние оказал видный словенский просветитель в Каринтии школьный советник Симон Рудмаш. В статье, напечатанной в «Новицах», Маяр подчеркивал: «Первой и последней мыслью словенского патриота после мысли о Боге должна быть мысль о школе». Обучение в школах необходимо вести на словенском языке, о чем должны позаботиться священники, учителя и школьные власти.[5] В 1840-е годы Маяр написал учебник в помощь сельским учителям, ведущим обучение детей словенскому языку. Маяр полагал, что священники обязаны изучать словенский язык, так как именно через них, как наиболее образованных людей на селе, должна проводиться просветительская работа среди крестьян. Для обучения словенскому языку священников, по его мнению, необходимо основать религиозный словенский журнал, в котором помещались бы проповеди, заметки о школах, о церковных обрядах и церемониях, об истории церкви.

Маяр призывал устанавливать словенские национальные общества, газеты, издательства, вокруг которых объединялись бы словенские патриоты и которые бы несли словенскую культуру в народ. Он поддерживал стремление Сломшека основать словенское издательство, о чем писал в письмах Вразу. Однако не все в планах Сломшека устраивало его, прежде всего стремление последнего ограничить деятельность словенского издательства публикацией религиозных книг. Когда власти отказались удовлетворить просьбу Сломшека, Маяр заметил в письме Вразу от 14 октября 1845 г.: «Если все взвесить, то не такая уж это беда, что его (общество — *И. Ч.*) не разрешили. Это общество намеревалось издавать только религиозные книжки... Для этого нам не нужно никакого общества. С помощью одних религиозных книжек нельзя создать литературу».

С воодушевлением Маяр приветствовал начало выхода в свет газеты Я. Блейвейса «Кметийске ин рокоделске новице». «Эта газета для нас в наших краях, — сообщал он Вразу 31 июля 1843 г., — является первой ступенью, тем более необходимой, что никто не может подняться на другую ступень, если не поднимется на первую... Язык этой газеты действительно народный, действительно славянский, понятный как самому неискушенному ... так и самому образованному читателю ... Его можно принять в качестве образца, хотя в нем имеются провинционализмы и кроме того германизмы. Эта газета, надеюсь, разбудит и нас, словенцев».[6] Маяр активно сотрудничал в «Новице» и всячески пропагандировал их вплоть до появления в 1848 г. либеральной газеты «Словения».

Хотя Маяр боролся за введение словенского языка в школах, за создание словенских обществ и газет, он не верил в возможность самостоятельного развития словенского языка. И это объяснимо — он жил в Каринтии, в той части словенской земли, где германизация шла наиболее успешно. Кроме того, он считал, что словенский язык имеет слишком небольшую аудиторию. «Кто хочет помочь литературе подняться на ноги, — отмечал Маяр в письме к Вразу от 21 марта 1844 г., — тот должен позаботиться прежде всего собрать около себя:

1. много писателей живущих и
2. много читателей живущих.[7]

Но для словенцев, по мнению Маяра, это была непосильная задача. Именно поэтому он поддержал иллирское движение, зародившееся в Хорватии. Лидер иллиров Людевит Гай, опираясь на учение чешского и словацкого просветителя Яна Колара о существовании четырех главных наречий славянского языка (русского, польского, чешско-словенского и иллирского) заявил о необходимости создать единый литературный язык и единую культуру для всех южных славян или иллиров. Эта идея нашла горячий отклик в сердцах ряда словенских национальных деятелей в Штирии и Каринтии, которым больше всего угрожала германизация, в том числе и в сердце Маяра. Своими мыслями по этому поводу Маяр откровенно делился со Станко Вразом, самым близким ему по взглядам человеком. По его мнению, иллиризм является единственным спасением для словенцев. «...Все напрасно, — писал Маяр Вразу, — ...пока иллирские поднаречия не сольются в единое, для всех нас общее литературное наречие; без этого нам необходимого слияния словенская литература — птица без перьев. На сло-

венском поднаречии мы можем публиковать только молитвы и религиозные книжки ... Это мы делаем уже целых 300 лет, то есть со времен Богорича ... Иных полезных книжек мы имеем около 10 или 15, большею частью хозяйственных; только с ними мы не можем гордо вступить в ряды образованных европейских народов». И далее Маяр продолжал: «У словенцев, которых только немногим более миллиона, не может быть при всем их усердии и искренности ... столько писателей и читателей, сколько бы их было ... у народа, насчитывающего 10, 20, 50 или 80 миллионов душ».[8] Любопытно отметить, что в этом письме Маяр пишет о литературе для 80 миллионов человек — такое количество людей в то время насчитывали все славянские народы.

Маяр публиковался в изданиях иллиров — в «Данице» Гая и особенно в «Коло» Враза. Вместе с тем относительно иллирского языка он был не согласен с ними. И Гай, и Враз полагали, что литературным иллирским языком станет штокавское наречие сербохорватского языка. На нем говорили сербы и хорваты Славонии и Далмации. Маяр же был убежден, что литературным иллирским языком должно стать наречие, на котором изъясняется население, проживающее между Любляной и Риекой,[9] то есть переходное от кайкавского наречия хорватского языка к словенскому языку.

По своему характеру Маяр был деятельным человеком. Он не ограничивался написанием и публикацией статей по иллирской проблематике — он стремился воплотить эти идеи в жизнь. Первым шагом к созданию единого иллирского языка Маяр считал введение у всех южных славян единого алфавита. В начале 40-х годов XIX в. хорваты писали гаицей, вариантом латинского алфавита, заимствованным ими у чехов. Его распространял среди хорватов Гай, от его имени он и получил свое название. Словенцы же в это время пользовались богоричицей, латинским алфавитом, придуманным в XVI в. словенским грамматиком А. Богоричем. Маяр выступил горячим пропагандистом принятия словенцами гаицы. Его привлекала в ней то, что она была распространена между почти всеми католическими славянами Австрии. Маяр подчеркивал, что «мы сможем читать их книги, а они — наши».[10] Главным орудием введения гаицы стала единственная словенская газета «Новице». Он убедил Блейвейса постепенно перевести ее печатание на гаицу. В конце 1847 г. Маяр рассказывал в письме Вразу: «Сначала «Кметийске новице» употребляли старое правописание, затем мало-помалу вводили новое, оставляя каждому свободу придерживаться того правописания, которое ему нравится ... Уже после трех лет расцвело из этой нелепой мешанины благо-

родное, горячо ожидаемое согласие в правописании».[11] В 1883 г. Петер Несси записал от Маяра любопытный эпизод борьбы за гаицу. «Противником этого правописания являлся также Сломшек ... Чтобы победить его противостояние все его знакомые по предложению Маяра договорились, что не будут писать Сломшеку, тогда уже епископу, пока он не примет гаицы. Приблизительно полгода Сломшек был без корреспонденции ... Когда он увидел, что его усилия тщетны, он также принял новое правописание и первым об этом известил Маяра».[12] В 1880 г. в письме к Ю. Клейнмайру, который хотел написать его биографию, Маяр указывал, что одной из главных своих заслуг он считает свое активное содействие введению среди словенцев правописания, которым пользуются чехи, словаки и хорваты.[13]

В письмах к Вразу Маяр развивал планы введения общего литературного иллирского языка. Он полагал, что это можно сделать с помощью печатного издания, например журнала Враза «Коло». Пусть сначала литераторы пишут в него статьи на своих языках, приближаясь к иллирскому, а потом из этой мешанины получится иллирский язык. В качестве пособия для создания иллирского литературного языка Маяр в 1848 г. издал книгу «Правила, как образовать иллирское наречие и общеславянский язык». В ней он указывал, что славянский язык делится на четыре главных наречия и 14–16 поднаречий. Если каждое поднаречие сформирует свой литературный язык, эти языки никогда не достигнут уровня европейских. Единственный выход, который приведет к расцвету великой славянской литературы, — создание единого общеславянского литературного языка. Для этого сначала все славянские поднаречия должны слиться в четыре главных наречия. Южные славяне должны создать иллирское литературное наречие. Главное правило для этого: «Пиши на своем иллирском наречии так, чтобы оно возможно больше походило на другие иллирские поднаречия и одновременно не удалялось от других славянских наречий». Таким образом, уже в 1848 г. Маяр стал проявлять интерес к общеславянскому языку, хотя еще и не отошел от иллирских симпатий.

Революция 1848 г. была встречена Маяром с воодушевлением. В августе 1848 г. он опубликовал в газете «Словения» выслушанную им от старого кмета легенду о короле Матьяже, который должен придти на помощь словенцам, когда им станет совсем плохо. В комментарии к публикации Маяр отмечал: «Эта легенда, по моему мнению, кажется особенно важной сейчас, так как многое из нее исполнилось».[14]

К началу революции Маяр уже пришел к выводу, что в Каринтии, Крайне, Штирии, Горице живет один народ — словенцы. Эта мысль укрепилась у него во время путешествий по сбору фольклора в этих землях. Своими наблюдениями он делился с Вразом. «Путешествовал я в Горицу, Венецию к тамошним словенцам, — писал Маяр своему другу в 1842 г. — Так именно называют себя наши венецианские и горицкие братья до самого Триеста, а не «клавонты», как их именуют иноземцы». С удовлетворением Маяр отмечал, что женская одежда в Красе похожа на одежду в Штирии, Крайне, Горице, что пляски, которые он наблюдал в Горицких Брдах, такие же, как в Штирии, Крайне и Каринтии.[15] Понимание языковой и этнической общности словенцев, живущих в различных землях, уже в 1842 г. стало неотъемлемой частью мировоззрения Маяра.

Вести о революции в Вене достигли Любляну и Целовец 16 марта. И уже на следующий день Маяр написал статью «Что мы, словенцы, требуем».[16] Она была опубликована в «Новице» 29 марта и по сути дела явилась первым печатным выступлением словенцев за Объединенную Словению. «Мы не презираем ни одного народа, — писал Маяр. — ... Пусть каждый в своей стране, дома, живет так, как ему нравится: немец по-немецки, итальянец по-итальянски, венгр по-венгерски ... Наши депутаты пусть потребуют в Вене, чтобы мы могли в Словении, когда захотим и как захотим постепенно ввести в школы и канцелярии наш словенский язык».[17] Хотя Маяр в этой статье прямо еще не говорил об объединении словенских земель, но он подчеркивал, что словенский язык необходимо ввести в школы и учреждения в Словении, явно подразумевая под Словенией все земли, населенные словенцами.

Маяр не ограничился публикацией своей программы в газете. Он написал петицию к властям и стал распространять ее среди словенских патриотов в Каринтии и Штирии. Об этой его деятельности свидетельствуют письма епископа Сломшека. Уже 19 марта он сообщал священнику Михаелу Стояну, что действия экзальтированного Маяра «возбуждают здесь, в Каринтии, неудовольствие». 6 апреля в письме к штирийскому аббату Матии Водушеку Сломшек отзывался о Маяре еще более резко: «Целовецкий славист Матия Маяр начал сходить с ума и пишет петиции по своему разумению, под которыми собирает подписи. Если он обратится с ними к духовенству Нижней Штирии, прошу, откажитесь от всякого сотрудничества с ним».[18] О петиции Маяра написал в «Новине» Гая и корреспондент из Целовца. Он приводил любопытный факт: в целовецкой семинарии 30

семинаристов подписали петицию Маяра. Но спиритуал семинарии Пикл уничтожил эти подписи.[19] Как можно видеть, духовные власти не сочувствовали Маяру. Что же это была за петиция?

Сохранилась листовка, подписанная Маяром с тем же названием, что и статья его в «Новицах» — «Что мы, словенцы, требуем?» По мнению словенского историка Я. Плетерского, она была напечатана скорее всего между 25 марта и 27 апреля.[20] По всей вероятности, Маяр написал не одну петицию подобного рода, но мысли в них были схожими. Сохранившаяся листовка значительно больше, чем статья. В ней приводились общие требования, которые были выдвинуты провинциальными собраниями Любляны (Крайна), Целовца (Каринтия), Градца (Штирия), Загреба (Хорватия), а также отдельно — хорватские требования (объединение Хорватии, Славонии и Далмации, назначение высших чиновников из числа хорватов, введение славянского языка во все учреждения, низшие и высшие учебные заведения, отмена за выкуп барщины и десятины и т. д.).

Затем Маяр перечислял требования, которые, по его мнению, словенцы должны предъявить властям. Их было шесть: 1. Все словенцы должны объединиться и иметь одно общее провинциальное (земское) собрание. 2. Словенский язык в словенских землях должен иметь те же права, что немецкий в немецких, итальянский в итальянских. 3. Словенцы могут свободно ввести словенский язык во все учреждения, низшие и высшие школы, когда захотят и как захотят. 4. Каждый чиновник, прежде, чем его назначат на должность, обязан выучить словенский язык. 5. В каждой гимназии Словении учитель словенского языка должен понимать остальные славянские наречия. 6. Словенцы не желают быть в немецком союзе, они верны своему императору и конституционному правительству. «Всякий союз с этими немцами (которые находятся вне Австрии. — *И. Ч.*) явно нам бы повредил, они бы нас онемечили и поглотили сначала наши города и потом замки, и, наконец, может быть, наши поля и виноградники, как это уже случилось в некоторых областях».[21]

Такой решительный отказ войти в объединенную Германию Маяр провозгласил приблизительно в то же время, когда было опубликовано знаменитое письмо Палацкого Франкфуртскому собранию. Как можно видеть, в петиции Маяр гораздо полнее изложил программу Объединенной Словении, чем в статье. 20 апреля ее поддержало венское общество Словения, которое сформулировало ее в трех главных пунктах: 1. Объединение всех

словенских земель в единое административное целое со своим провинциальным собранием; 2. словенский язык в словенских землях должен иметь те же права, которые имеет немецкий язык в немецких землях; 3. Словения является неотъемлемой частью Австрии, а не Германии. Практически это было повторение программы Маяра. Выпущены только менее важные пункты о чиновниках и учителях.

Выше уже говорилось о том, как католические власти препятствовали распространению петиций Маяра. Но ряд словенских национальных деятелей, прежде всего бывших иллиров, приветствовали позицию Маяра. В частности, ее одобрил молодой штирийский священник Даворин Трстеняк,[22] ее горячо поддержали члены либерального общества Словения, находившегося в Вене.[23]

Недовольство церковных властей деятельностью Маяра завершилось выдворением его из Целовца. В конце апреля он был назначен в отдаленный приход в горах Вишарье. Но и там Маяр по мере возможности не оставлял агитации. Во время выборов во Франкфуртский парламент он распространял антифранкфуртские листовки, иногда вел непосредственную агитацию. В день выборов Маяр проезжал через Беляк (нем. Филлах), где увидел толпу своих земляков, приехавших на выборы. Ему удалось отговорить их. «Вы что, с ума сошли? — спрашивал Маяр крестьян. — Разве у Вас нет уже императора? Вы хотите иметь двух императоров и обоим платить налоги?» Аргументы Маяра оказались для крестьян убедительными, и они разошлись, так и не проголосовав.[24]

Жизнь в отдаленном приходе не давала возможности Маяру действовать практически в полную силу, зато он стал одним из главных сотрудников либеральной газеты «Словения». В ней он изложил свою национальную программу. Уже в петиции Маяра помимо требования Объединенной Словении ясно прослеживаются две проблемы, которые имели для него особую важность — нежелание, чтобы словенские земли вошли в состав единой Германии, и особый интерес к соседним хорватам. В июне он опубликовал статью, где четко определил свое отношение к немцам. «Немцы желают господствовать в словенских землях, — писал он, — указывать и приказывать, они хотят быть нашими господами, а мы бы были их слугами... Мы платим налоги, наши сыновья защищают империю, мы выполняем все обязанности перед государством так же хорошо, как всякий другой народ. Почему же мы не пользуемся одинаковыми правами?»[25]

Если немцы и их программы вызывали неприязнь Маяра, то борьба славян за их права горячо им приветствовалась. Он сочувствовал чехам во время Пражского восстания, осуждал разгон Славянского съезда в Праге Виндишгрецом. Хотя на съезд не поехал никто из каринтийских словенцев, но М. Маяр, А. Эйншпиллер, П. Яворник и другие словенские патриоты послали ему приветствие.[26] В столкновении между венграми, с одной стороны, и хорватами и сербами, с другой, все симпатии Маяра были на стороне последних. В мае 1848 г. по его инициативе 14 каринтийцев отправили поздравительное письмо на сербскую скупщину в Сремски Карловци. В нем, в частности, говорилось: «Только в согласии словенцев, сербов и хорватов снова вернется к нам солнце старого счастья и новой славы».[27] Вообще отношение Маяра к сербам и хорватам было особенно доброжелательным — в этом сказывались его иллирские убеждения.

В июле 1848 г. в статье «Славянское согласие» Маяр подчеркивал, что славяне могут завоевать свои права только в согласии друг с другом. Он призывал Габсбургов отпустить венгров и немцев, если они хотят уйти из Австрии и добавлял: «Мы, славяне, придерживаемся нашего императора — ему останутся еще прекрасные славянские королевства, а именно: Словения, Хорватия, Славония, Далмация и Сербская Воеводина; Чехия, Галиция, Владимирия и Моравия с венгеро-словенскими землями (т. е. Словакия. — *И. Ч.*)».[28] В этой статье Маяр впервые высказал мысль о создании чисто славянской Австрийской монархии, однако к ноябрю 1848 г. положение изменилось.

После подавления восстания в Вене и вступления на престол молодого императора Франца Иосифа Маяр был полон оптимизма и надежд на то, что славяне наконец-то добьются своих прав. В письме к Вразу от 22 ноября 1848 г. он подчеркивал необходимость для славян Австрийской империи придерживаться двух правил: «1. В нашей империи существует только один единственный славянский народ; по отношению к правительству и остальным народам нашего государства мы никогда не должны выступать разделенными на отдельные племена — это бы стало нашей гибелью. 2. Все эти племена равны и полностью между собой равноправны».[29] Спустя месяц эти идеи Маяр развил в программной статье «Провинции нашей империи», напечатанной в «Словении». В ней он исходил из постулата, что в Австрии живут пять народов, а именно: славяне, немцы, венгры, румыны и итальянцы. Между ними должны быть установлены границы по этническому при-

нципу — где какой народ живет. Вся Австрия должна иметь общий парламент и общее правительство, в компетенции последнего — международные дела, финансы, армия и торговля. Это правительство ответственно перед всей империей.

Всеми остальными делами должны ведать парламенты и правительства указанных пяти народов. По мнению Маяра, только при широкой автономии каждого населяющего ее народа Австрия сможет быть крепкой, сильной и счастливой. Славяне образуют в пределах Австрии автономную единицу — Славию. Как и в письме Вразу, Маяр утверждал, что «все славянские племена в нашей империи являются одним единственным славянским народом». В Славии учреждается славянский парламент, в который каждое славянское племя посылает соразмерное число депутатов. Назначается и общеславянское правительство (управа), которое будет ведать делами, касающимися всех славян. Сама Славия должна представлять собою также федерацию, каждое славянское племя должно иметь свою скупщину, своего губернатора и своего военачальника. Всего Маяр насчитывал восемь славянских племен в Австрии — словенцы, далмато-хорвато-славонцы, сербы, чехи, мораване, словаки, поляки, русины. При этом он указывал, что русины должны иметь собственную автономию, чтобы они не могли упрекать поляков в желании господствовать над ними.[30]

Эта статья Маяра, пожалуй, наиболее полно отражала его взгляды на переустройство Австрийской империи. Он был откровенен, потому что думал, как и многие славянские политики, что обстоятельства складываются в пользу славянских народов. И действительно, венская революция была подавлена, император окончательно определил свою позицию по отношению к заклятым врагам славян венграм и объявил им войну.

Во второй половине 1848 г. среди австрийских славян ходило много австрославистских программ. Программе Маяра ближе всего была позиция польского либерала Либельта, который на Славянском съезде в Праге вместе с русским революционером М. А. Бакуниным представлял левое крыло. Так, программа Либельта тоже имела в виду создание из Австрии федерации одних славянских народов, а не всех народов Подунавья, как предусматривали австрославистские программы чеха Палацкого, поляка Любомирского и др. Маяр в июле (статья «Славянское согласие») говорил только о славянской федерации под властью Габсбургов. Когда же стало ясно, что венгры и немцы останутся в империи, он в декабре выдвинул план образования в ее пределах внутри

общеавстрийской федерации отдельную славянскую федерацию — Славию.

Таким образом, в революционном 1848 г. Маяр твердо стоял на позициях австрославизма. Россия в это время особых симпатий у него не вызывала. Отвечая в своей статье «Славяне и немцы» на обвинения, что славяне мечтают перейти под власть России, Маяр подчеркивал: «Нам свобода милее, чем любое насилие, будь оно русское или франкфуртское».[31] И в декабре в статье «Согласие словенских обществ» он повторил слова Палацкого: «Мы, славяне, говорим: если бы австрийской империи не было, мы бы ее заново создали». [32]

Планы создания славянской Австрии, которые разрабатывал Маяр, не внушали симпатий в России даже славянофилам. Сохранились ответы И. С. Аксакова на вопросы влиятельного лица в конце 1840 — начале 1850-х годов. На вопрос, как он смотрит на возможность превращения Австрии в славянское государство, Аксаков ответил: «Это было бы очень печально, потому что появление самостоятельной, сильной славянской монархии наряду с Россией привлекло бы к ней все южнославянские племена, которые мы от себя отталкиваем, и у России было бы отнято значение быть единственным сосудом православия и славянских начал в мире».[33]

Маяр думал добиться осуществления своих целей только законным путем. В статье «Согласие словенских обществ» он указывал, что конституция дает право основывать общества, а кто своими правами не пользуется, тот пропадает. На основе конституции словенцы должны создать национальные общества в каждом окружном центре. Такие общества уже имеются в Вене, Граце, Любляне, Целовце и Горице, нужно их установить и в Мариборе, Целье, Новом Месте, Постойне, Пазине. Главная цель этих обществ — не культурно-просветительская, а политическая деятельность. Все словенские общества объединяются в единое Всесловенское общество, которое одну руку подаст Славянской Липе в Праге, а другую — своим братьям хорватам и сербам. Каждое отдельное словенское общество в составе Всесловенского автономно. Оно полностью самостоятельно и отвечает только за свои действия. Все словенские общества переписываются и советуются друг с другом. Благодаря связи Всесловенского общества с Славянской липой в Праге и с сербскими и хорватскими обществами, «славянские племена лучше друг друга узнают и постепенно соединятся в один австро-славянский народ».[34]

Маяр являлся одним из немногих словенских либералов, которые попытались связать национальную программу с некоторыми экономически-

ми требованиями крестьян — уменьшения налогов и отмены феодальных повинностей за выкуп. Однако эти экономические требования не были настолько серьезны, чтобы привлечь крестьян к его национальной программе.

В 1848 г. Маяр выступал как один из идеологов словенских либералов. Наиболее интересные программные статьи в органе либералов «Словении» принадлежали именно ему. С гордостью Маяр сообщал Вразу в конце 1848 г.: «Мое слово ценится словенцами».[35] И это не было преувеличением. Молодые словенские либералы (члены венского общества Словения А. Глобочник, М. Семрайц, каринтийский политик А. Эйншпиллер, штирийский иллир Д. Трстеняк и др.) приветствовали выступления Маяра в печати. Умеренный консерватор Я. Блейвейс посетил его в селе Вишарье и поместил об этом заметку в «Новице», где назвал Маяра «неутомимым другом матери Славы».

Оценивая роль Маяра в 1848 г., можно полностью согласиться с мнением словенского академика Янко Плетерского. Он подчеркивает, что деятельность Маяра в период революции имела огромное значение для дальнейшего развития словенского национального движения. Во-первых, он первый опубликовал в печати словенскую политическую программу Объединенная Словения, во-вторых — он первым начал агитацию за нее среди крестьян.[36]

Та эйфория, которая была характерна для Маяра в конце 1848 г., резко упала уже в начале марта 1849 г. еще до провозглашения Октроированной конституции 7 марта. Маяр чувствовал, как и многие другие славянские политики, приближение реакции. «Нас хотят снова продать Франкфурту, — писал он Вразу 4 марта. — Фарисеи и писаки всеми силами противодействуют словенскому языку, бояре и чиновники действуют как при Меттернихе. Епископы послали прошение министерству, чтобы их верных овечек не освобождали от десятины и барщины... Комитет Учредительного собрания постановил, чтобы штирийские словенцы слушались немецкий Грац (слов. Градец — И. Ч.), каринтийские — немецкий ландтаг в Целовце, краинцы же чтобы отделились от других словенцев так же, как и наши приморские словенцы. Прежде мы, словенцы, все были соединены в едином королевстве (Иллирское королевство номинально существовало до 1849 г. — *И. Ч.*)... только словенцев Штирии хотели присоединить к себе... а теперь нас раздробят на еще более мелкие части, чем прежде». Маяр видел усиление германизаторских тенденций в Каринтии, но еще не потерял надежды на по-

беду. Он перечислял Вразу причины этой надежды: божья справедливость, обещание двух императоров, множество словенских патриотов во всех концах Словении, пробуждение у крестьян национального самосознания, помощь славянских братьев — хорватов, сербов, чехов и других.[37]

Однако надеждам Маяра не суждено было осуществиться. С установлением режима Баха на него обрушились репрессии. С конца 1849 г. каждые полгода его переводят из одного прихода в другой, при этом все время в приходы с немецким населением. За полтора года он поменял четыре прихода. Таким образом власти пытались помешать Маяру вести агитацию среди словенских крестьян. Только в 1851 г. он обосновался в приходе села Горье в Зильской долине, где и прожил 19 лет.

Несмотря на жизненные неурядицы, Маяр продолжал живо интересоваться событиями в словенских землях. Он сожалел о закрытии либеральной газеты «Словения». Полагая, что без политической газеты словенцам не удастся защитить свои права, Маяр в письме Йосипу Муршецу, ставшему его сокровенным корреспондентом после смерти в 1849 г. Враза, развивал планы ее создания. «Народ без политической газеты, — писал он 2 июня 1852 г., — то же самое, что человек без языка: он не может говорить и защищать свои права; он становится слугой других народов. Мы должны иметь политическую газету». Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, Маяр все же видел некоторые достижения словенцев: официально введено словенское правописание, в Каринтии большое число образованной молодежи настроено патриотически, в Любляне продолжает действовать Словенское общество. Маяр считал, что новая политическая газета должна носить югославянский характер. Целью ее должно быть объединение патриотов Словении, Триединого королевства и сербской Воеводины как в языке, так и в политической деятельности. Словенцы в новой югославянской газете чувствовали бы себя более сильными, чем в бывшей чисто словенской газете «Словения», ибо опирались на всех остальных югославян. Маяр просил Муршеца поделиться планами издания югославянской политической газеты с штирийскими патриотами Д. Трстеняком и Мацуном.[38]

Однако мало-помалу Маяр понял, что основать новую политическую газету в период реакции невозможно. «Сейчас нам необходима литературная газета, — делился он 5 декабря 1851 г. с Муршецом, — какой была «Даница иллирская» в Загребе ... С политикой теперь нечего и начинать — мы должны только внимательно следить, что где происходит и за-

ботливо поддерживать литературные дела. Это сейчас наша политика».[39] От политической деятельности Маяр в 1850-е годы полностью отошел. Во-первых, из-за условий, установившихся в стране в период правления Баха, во-вторых, проживание в отдаленном горном селении не способствовало его непосредственному общению с другими словенскими национальными деятелями.

Уже с конца 1849 г. Маяр все больше внимания стал уделять литературным делам. А литературные дела для него означали — создание иллирского и общеславянского языков. В статье «Иллирскославянский язык» он призывал соотечественников: «Братская любовь пусть свяжет нас, югославян. Пусть она станет скалой, на которой мы построим будущее нашего народа». И тут же приводил слова Я. Колара: «Кто в славянском языке уменьшит количество наречий, тот сделает столько, сколько славнейший автор и писатель».[40] И чтобы уменьшить количество славянских наречий, Маяр трудился над созданием общеславянской грамматики, которую он писал кириллицей по правописанию Вука Караджича. «Труднее всего было с алфавитом, — сообщал Маяр Муршецу в уже приведенном выше письме от 5 декабря 1851 г., — легче с правописанием; в синтаксе и стиле мы, славяне, уже все едины, так как в них нет никакого различия между наречиями». Маяр предлагал сначала печатать в новом литературном журнале статьи на чешском, русском и польском языках латиницей, а затем постепенно перейти на кириллицу по правописанию Вука Караджича.[41]

Журнал, о котором мечтал Маяр, удалось основать в Целовце летом 1850 г. Его соучередителями наряду с Маяром были молодые патриоты священник Андрей Эйншпиллер и учитель Антон Янежич. Журнал назвали «Словенска бчела» (Словенская пчела — Slovenska bčela). Невольно напрашивается аналогия с альманахом «Краньска чбелица», который издавал Кастелиц в начале 1830-х годов в Любляне. При общей демократической и антиклерикальной направленности обоих изданий они различались в существенном — в языке. «Краньска чбелица» печаталась на словенском языке и сыграла значительную роль в формировании литературного языка словенцев. «Словенска бчела» большею частью печаталась на искусственном иллирском языке. В объявлении о выходе в свет журнала «Словенска бчела» редакция подчеркивала, что его целью является «пробудить у словенцев словенский дух и любовь к родному языку, облагородить их и познакомить с литературой славянских братьев».[42]

В журнале публиковались исторические повести со славянским уклоном Янеза Трдины и Йосипины Турноградской, статьи об известных славянских культурных деятелях Я. Коларе, Ф. Прешерне, В. А. Жуковском, Н. В. Гоголе, А. Мицкевиче, Е. Копитаре, И. Гундуличе и др., помещались заметки о славянских обычаях, отрывки из «Истории славянских литератур» П. Шафарика, очерки об иллирском и общеславянском языках, рассказы по русской истории. Многие статьи в журнале публиковались на иллирском языке по модели Маяра, в частности статьи А. Янежича, целый раздел «Смешнице», писавшийся Маяром. «Словенска бчела» всячески пропагандировала сочинения Маяра: «Песмарицу церквену», «Правила, как образовывать иллирское наречие и общеславянский язык».

«Словенска бчела» не являлась политической газетой, она не выдвигала политических программ. Большинство корреспондентов журнала были из прежних иллиров — Маяр, Эйншпиллер, Трстеняк, Разлаг.

Идеи создания единого литературного общеславянского языка поддерживались и штирийским адвокатом Радославом Разлагом. Он издал на нем два номера альманаха «Зора». Один из них вышел в 1852 г. в Граце, другой — в 1853 г. в Загребе. Разлаг являлся горячим приверженцем кириллицы. «Необходимо, чтобы мы, западные славяне, — писал он в «Зоре», — снова приучались к общеславянской азбуке, которой пользуются почти 60 млн. наших родных братьев».[43]

Взгляды старшего поколения иллиров — Маяра, Эйншпиллера, Разлага и др. — оказывали большое влияние на словенскую учащуюся молодежь. Целовецкие гимназисты под руководством своего учителя Янежича стали выпускать свою газету «Славия», их примеру последовали гимназисты Целья и Любляны. Об этих «Славиях» сообщала «Словенска бчела», в ней публиковались стихи и рассказы из них. «Словенска бчела» писала, что гимназисты Целовца, Целья, Любляны в кружках изучают не только иллирский язык, но и язык «северных наших братьев».[44] В ученических «Славиях» участвовали и будущие лидеры младословенского движения Фран Левстик и Йосип Стритар.

Издание «Словенской бчелы» на иллирском и общеславянском языках (словенский с примесью хорватского, чешского, русского) стало одной из причин отхода от нее читателей. Хотя с 1852 г. журнал начал печататься только на словенском языке, он все же летом 1853 г. вынужден был прекратить свое существование.

В 1852 г. по инициативе Эйншпиллера и Янежича и при активном содействии Маяра и Сломшека в Целовце было основано первое словенское издательское общество — Общество св. Могора. Оно стало печатать по преимуществу книжки религиозного содержания для крестьян.

По-прежнему Маяр проявлял большой интерес к школе. После того как Иллирское королевство официально было ликвидировано, земли южной Каринтии объединились снова с северной ее частью, где проживало немецкое население. С этого времени власти восстановленной провинции Каринтии начали осознанную германизацию словенцев. Она сказалась прежде всего на школе. В конце 1851 г. по вопросу о школе Маяру пришлось столкнуться с Милонигом, жупаном (старостой) старовешской общины, куда входил приход Горье. Милониг, богатый крестьянин, в 1848 г. был единственным словенским депутатом в каринтийском провинциальном собрании. Тогда он вместе с депутатом Рулитцем выступал за введение словенского языка в школы и учреждения. Но к 1851 г. от словенских симпатий у Милонига ничего не осталось. Не спрашивая разрешения ни светских, ни церковных властей, Милониг открыл в своей общине чисто немецкую школу, в которой было запрещено преподавание на словенском языке и откуда был изгнан закон Божий. Против порядков в школе решительно выступил Маяр. По поводу своего спора с жупаном он писал Муршецу: «Он (Милониг. — *И. Ч.*) своею властью объявил в газетах конкурс на место горянского учителя, добавив, что новому учителю здесь в полностью словенском приходе не нужно знать словенский язык. Он открыто требовал у комиссии и добился, чтобы в нашей школе не смели изучать Закон Божий, а священник, то есть я, не смел ходить в школу ... И гнусны мне, невероятно гнусны власти духовные и светские, которые это терпят». [45] В мае 1851 г. «Словенска бчела» опубликовала статью о событиях в старовешской общине, написанную скорее всего Маяром. В начале января 1853 г. спор между Милонигом и Маяром был решен компромиссно — Закон божий был введен в школу и преподавался на словенском языке, остальные предметы изучались на немецком.[46] В этом споре Маяр выступал с одной стороны с католических позиций защитника связи школы с церковью, а с другой — с позиций национального деятеля, стремившегося всеми средствами препятствовать германизации школы, а через нее словенской молодежи.

Как и в дореволюционные годы, Маяр посвящал много времени сбору фольклора. На этой почве у него завязалась переписка с чешской писатель-

ницей Боженой Немцовой, с которой он заочно познакомился благодаря ее мужу Й. Немецу, являвшемуся в 1850-е годы чиновником в Целовце.

Политическая обстановка в Австрии значительно улучшилась в связи с объявлением австрийским правительством Октябрьского диплома (1860 г.) и Февральского патента (1861 г.), давших австрийским народам определенные политические права, в том числе свободу печати и собраний. И вновь как и в 1848 г. одним из первых с политической программой словенцев выступил М. Маяр. 13 марта 1861 г. он опубликовал в «Новице» статью «Наше положение». В ней заявлялось, что словенцы, как и другие народы Габсбургской монархии, жаждут конституции, но действительной, а не на бумаге. Главное желание словенцев — признание их национальных прав. Первым требованием словенцев, по мнению Маяра, должно быть «введение в школы и административные учреждения Словении нашего родного языка, принятие на работу в административные учреждения лиц нашей национальности... чтобы и мы, словенцы, также могли высказывать свои требования, когда составляют для нас законы и постановления». Другой важной потребностью словенского народа Маяр считал объединение всех земель, где проживают словенцы, в единую провинцию с общим провинциальным собранием, т. е. создание Объединенной Словении. Наконец, Маяр выдвигал и третье требование, исполнение которого он полагал необходимым для словенцев, а именно братский союз словенцев с хорватами, тесные связи с другими славянами, особенно с австрийскими.

Как и в период революции на первый план у Маяра вышла национальная программа. В той же статье он дискутировал с немецкими либералами, обвинявшими славян в том, что для них национальность важнее свободы. «Национальность, — отвечал немецким либералам Маяр, — есть драгоценнейшая и благороднейшая часть свободы; свобода без национальности не свобода, а рабство и подчинение... свобода без национальности не свобода, а иллюзорный обман и лживая тень свободы».[47]

В таком определении места национального вопроса в комплексе прав человека и его свобод Маяр не был одинок: все либеральные политики угнетенных славянских народов Австрии справедливо видели первую ступень к свободе своего народа в завоевании национального равноправия.

В 1860-е годы в словенском национальном движении на первый план выступило новое поколение словенских политиков, и значение Маяра существенно уменьшилось. От поддержки программы Объединенной Слове-

нии отошел и А. Эйншпиллер, давний соратник Маяра. В 1860-е годы он выступил за федерализацию Австрии на основе ее сложившихся веками провинций, в чем он был полностью солидарен с консервативными кругами дворянства. Эйншпиллер призывал словенских политиков сотрудничать с федералистски настроенным дворянством, он утверждал, что Каринтия, ее немецкая и словенская часть, должны быть едины. В противовес программе Объединенной Словении Эйншпиллер выдвинул программу восстановления Внутренней Австрии, административной единицы, существовавшей в Габсбургской монархии в 1564–1747 гг. Внутренняя Австрия включала три провинции: Штирию, Крайну, Каринтию.

Многие хорватские и чешские политики придерживались такого же мнения — они требовали федерализации Австрии на основе исторического права. В этих условиях большинство словенских национальных деятелей поддержало программу восстановления Внутренней Австрии Эйншпиллера. Эту программу они приняли на Мариборском съезде в 1865 г. Она мало меняла в национальном положении словенцев, которые во Внутренней Австрии составляли всего 43% населения.[48]

Так или иначе Маяр должен был считаться с новыми реалиями. В декабре 1865 г. он опубликовал в газете лужицкого национального деятеля Яна Смолера «Славишес Центральблат» (Славянская центральная газета — Slavisches Centralblatt) обширную статью «Заметки об австрийских провинциях и народах». В ней Маяр отходил от своего принципа разделения Австрии по этническому принципу и заявлял, что современные границы провинций должны оставаться прежними. Но провинции должны быть объединены в более крупные административные округа: 1. Чехия, Моравия, Силезия; 2. Галиция, Буковина; 3. Хорватия, Славония, Далмация, Военная Граница; 4. Венеция; 5. Немецкие провинции; 6. Семиградие; 7. Королевство Иллирия; 8. Королевство Венгрия. В Королевство Иллирию должны были войти Крайна, Каринтия, Горица, Истрия, Триест и два по преимуществу словенских округа Штирии: мариборский и цельский. Внутренняя Австрия отвергалась Маяром из-за того, что «если присоединить немецкую часть Штирии к словенским землям, словенцы будут иметь в ней (т. е. Внутренней Австрии. — *И. Ч.*) только половину голосов... Каринтийским и штирийским словенцам это бы не помогло, словенцам же в Крайне, Горице, Истрии нанесло вред, так как они потеряли бы большинство голосов, которые имеют теперь». Хотя Маяр и делал в новой

программе уступки историческому принципу, все же он пытался создать такое административное образование, в котором словенцы численно преобладали бы. Однако другим славянским народам — словакам, сербам, украинцам, полякам — пришлось бы оставаться в провинциях с этнически пестрым населением. Исключение представляли только хорваты и чехи, которые имели в предполагаемых образованиях большинство.

Для тех славян, которые вынуждены были бы жить в этнически пестрых округах, Маяр предлагал также автономию, но особого рода. Административные власти этих территориальных объединений могли решать только чисто политические и экономические дела, в то время как национально-политические дела находились бы в руках национальных управ. Как имеют католики, протестанты, православные, проживающие на одной и той же территории, свои приходы, так и разные народы должны иметь свои общины, организованные по национальному признаку. Национальные общины объединяются в свои национальные округа. В провинциальном собрании должны существовать национальные курии, депутаты в которые избираются по национальным округам. Эти курии с помощью национальных управ и будут ведать всеми национально-политическими делами. В Вене тоже необходимо, чтобы каждый народ или группа близких народов имела бы свою дворцовую канцелярию, которая курировала эти народы. Так общую канцелярию могут иметь чехи и словаки, Триединое королевство и сербы. Такое государственное устройство, по мнению Маяра, удовлетворило бы все народы. «Национально-полтическое управление, — заключал Маяр, — состоит в том, что каждый народ имеет своих представителей в качестве дворцового канцлера, высших и низших чиновников, профессоров и учителей, и что в школах и учреждениях повсюду без исключения будет введен родной язык».[49] Таким образом, Маяр пытался дополнить федералистскую программу, выдвигавшуюся в то время большинством славянских национальных деятелей Австрии, своеобразной культурно-национальной автономией, чтобы как-то оградить права славян и других подчиненных народов, не получивших своей территориальной автономии, от напора германизаторов и мадьяризаторов. Программа Маяра стала одним из первых вариантов культурно-национальной автономии, появившихся в печати.

В шестидесятые годы Маяр вел энергичную деятельность прежде всего в землях каринтийских словенцев. Он принимал участие в организации и работе словенских обществ, в подготовке и проведении различных националь-

ных празднеств. В 1863 г. к тысячелетию прихода в Моравию Кирилла и Мефодия Маяр издал о них книжку. При участии Маяра и Эйншпиллера в Целовце 24 января 1864 г. была открыта словенская читальня, которая стала культурно-просветительным центром каринтийских словенцев. Не чужд был Маяр и общесловенским интересам. Он приветствовал основание Словенской Матицы, одним из первых вступил в ее члены, вошел в состав ее первого комитета. В Матице Маяр хотел видеть общество, объединявшее словенских ученых. Об этом он делился своими мыслями со своим постоянным корреспондентом Муршецом. «Члены Матицы наши самые искренние патриоты, почти все ученые господа, — писал он в январе 1865 г. — ... Религиозные труды издает Общество св. Могора, о хозяйственных вещах пишут «Новице», нашим ученым господам нужно было бы издавать научные литературные труды, обзоры литератур других славянских племен, статьи по словенской истории и т. д. » Маяр полагал, что раз в две недели Матица должна выпускать специальные научные приложения к «Новице», где словенские ученые могли бы обмениваться мнениями по различным научным проблемам.[50] Развитие Словенской Матицы пошло по другому пути, и Маяр вскоре охладел к ней.

Но все же главное внимание в это время Маяр уделял общеславянскому языку. Почти все его соратники, активно работавшие с ним в 1850-е годы, разуверились в возможности его создания. Но Маяр верил в его необходимость для славян до конца своей жизни и неустанно трудился над воплощением своей мечты в жизнь. В 1865 г. в Праге вышла в свет его «Взаимная славянская грамматика» (Vzajemna slovnica ali mluvnica slavjanska. Praha, 1865). Позднее в письме Ю. Клейнмайру от 1880 г. Маяр замечал относительно ее: «Это самый важный мой литературный труд».[51]

Во введении к «Взаимной славянской грамматике» Маяр отмечал, что свой труд он написал кириллицей, но принимая во внимание, что словенцы, хорваты, чехи, мораване, словаки, лужицкие сербы и поляки пользуются латиницей, издал его на латинице. При этом Маяр подчеркивал, что славянам следует все же писать кириллицей. Во введении Маяр и определял цель своей грамматики — сделать славянским народам добро, чтобы они всесторонне развивались в направлении прогресса, понимали друг друга и сближались, а не отчуждались и не воевали друг с другом. Маяр был убежден, что все литературные языки создаются искусственно учеными людьми: «Различие между формированием теперешних наших литературных языков и между созданием взаимного славянского языка заключается

только в том, что наши литературные языки формировались на основе говора одного племени, взаимный же язык славянский надо создать, принимая во внимание язык всего народа славянского».[52]

«Взаимная славянская грамматика» состояла из шести разделов: 1. польская грамматика; 2. чешско-славянская грамматика; 3. русская грамматика; 4. югославянская грамматика; 5. церковно-славянская грамматика; 6. взаимная грамматика. Как можно видеть, Маяр твердо придерживался и в 1860-ые годы. коларовского разделения единого славянского языка на четыре главных наречия. Во взаимной грамматике он пытался определить принципы взаимного славянского правописания. Он полагал, что для общеславянского литературного языка нужно из славянских наречий отбирать те формы, которые характерны для большинства славянских языков, и которые существуют в этимологии и истории языка. Маяр выбирал те формы, которые встречались по крайней мере в трех главных наречиях. Общеславянская азбука, предлагавшаяся Маяром, содержала 29 букв: 26 из них были взяты из русской гражданской азбуки, одна — из латинской (j), две — из старославянской (большой и малый юсы).

В числе первых на «Взаимную славянскую грамматику» Маяра откликнулся профессор Московского университета Н. А. Попов. Он высоко оценил труд словенского ученого: «Без книги г. Маяра не может обойтись ни один филолог, занимающийся сравнительным изучением славянских языков; книга г. Маяра делает только новый шаг на этом пути и представляет новый материал для дальнейших исследований, необходимых для взаимного сближения между славянскими литературными языками».[53] Через двадцать лет другой известный русский славист П. А. Кулаковский дал книге Маяра совершенно другую оценку. «Мысли и предложения словенца, славянского патриота, — писал он, — заслуживают внимания и уважения из-за своей искренности и чистых целей ... сами же основания, которых Матия Маяр придерживался при определении форм взаимного языка, и его метод не могут выдержать критики».[54]

С введением в Австрии конституционных норм, в ней началась борьба политических группировок за дальнейшие пути развития страны. Первая группировка, объединявшая дворцовые круги и немецких либералов, выступала за усиление централизма. Вторая, к которой принадлежали венгерские правящие круги и часть придворной камарильи в Вене, стремилась создать дуалистическое государство, где венгерская и немецкая части имели

бы полную автономию и объединялись только общим императором и несколькими общими министерствами. При этой модели часть славян попадала под власть немцев, часть — под власть венгров, оставаясь по-прежнему бесправными. Наконец, третья группировка выступала за переустройство Австрии на федеративных началах на основе старых исторических земель-провинций. Федералисты представляли собой консервативное дворянство, пытавшееся противостоять натиску либерализма в своих провинциях. К федералистам примыкали и славянские политики, боявшиеся усиления германизации и мадьяризации в случае победы двух первых группировок.

Уже после Октроированной конституции 1849 г. среди славянских политиков Австрии стали расти русофильские настроения. К середине 1860-х годов, когда угроза дуализма приобрела реальные очертания, они усилились. Даже создатель австрославистских концепций в 1848 г. Ф. Палацкий в серии статей «Идея австрийского государства», опубликованных в 1865 г. подчеркивал, что введение дуализма повлечет за собой рождение панславизма «в наименее желанной форме»,[55] подразумевая под этим политическое объединение славян под эгидой России. Поэтому, когда в 1865 г., стало известно о проведении в Москве Этнографической выставки, на которой должен быть Славянский отдел, австрийские славяне восприняли это как возможность продемонстрировать свое недовольство политикой австрийского правительства, как возможность показать ему свои симпатии к России. Славянские национальные деятели по просьбе Комитета по проведению выставки стали посылать ему этнографические материалы через протоиерея православной церкви при русском посольстве в Вене М. Ф. Раевского, являвшегося главным агентом Славянских комитетов в Австрии.

В числе тех, кто пожертвовал Московской этнографической выставке наиболее интересные экспонаты, был Матия Маяр. Попытки Раевского получить какие-нибудь этнографические предметы от Словенской Матицы наталкивались на уклончивые ответы ее председателя Я. Блейвейса. Но последний сообщил об этой просьбе Маяру. Осенью 1866 г. тот прислал на выставку богатый дар. Об этом даре газета Эйншпиллера «Словенец» писала в марте 1867 г.: «Матия Маяр купил костюмы зилян и зилянок и послал их на всеславянскую выставку в Москву. В числе их костюмы невесты, жениха, подружки, сватов и т. д., приданое невесты — сундук, постель, прялка».[56] За свой дар Маяр в числе 10 других видных словенских деятелей был приглашен на Этнографическую выставку. Несмотря на противодействие церков-

ных властей и травлю со стороны прессы дуалистов и централистов, Маяр принял приглашение и отправился в Москву.

С начала мая 1867 г. в течение месяца Маяр в числе других славянских гостей находился в России, главным образом в Москве и Петербурге. Подаренные им экспонаты имели большой успех, русская пресса считала их лучшими в Славянском отделе: восторженные оценки им дали профессор Харьковского университета П. А. Лавровский и Н. А. Попов. В Москве Маяр особенно подружился с видными деятелями Московского Славянского комитета М. П. Погодиным и Н. А. Поповым. Он бывал на всех официальных мероприятиях, на многих неофициальных встречах славянских лидеров. Особое впечатление на Маяра произвело, по-видимому, собрание на квартире М. П. Погодина 26 мая 1867 г. На нем присутствовали помимо Маяра виднейшие славянские деятели — чехи Ф. Палацкий и Ф. Ригер, сербы Й. Суботич и А. Петрониевич, словак Я. Шафарик, хорват Л. Гай и др. На этом собрании обсуждался вопрос о создании общеславянского журнала.

После поездки в Москву имя Маяра приобрело большой авторитет среди русских ученых. За подаренные им экспонаты он получил награду Второй степени (награды Первой степени давались только коронованным особам). 22 декабря 1867 г. Общество любителей российской словесности избрало Маяра своим действительным членом. Он был также избран действительным членом и Общества любителей естествознания при Московском университете.

Поездка на Этнографическую выставку в Москву показала Маяру идею славянской взаимности с праздничной стороны. Встречи, банкеты, приветствия, беседы о славянских делах с близкими по взглядам людьми, дружеское сочувствие со стороны их — все это дало большой заряд Маяру для его дальнейшей деятельности в направлении укрепления связей между славянами, работы по созданию и распространению общеславянского языка.

По возвращении в Горье Маяра ждали неприятности, прежде всего от церковного начальства. Но ему удалось доказать, что его поездка имела чисто познавательные цели и ничего общего не имела с политикой. В результате наказание ограничилось небольшим штрафом.

В 1867 г. Маяр выпустил «Русскую грамматику для словенцев» (Slovnica ruska za slovence. Dunaj. 1867), изданную на средства словенского купца в Риеке Г. Блажа. В письме к Раевскому от 29 сентября 1867 г. Блаж писал, что Маяр написал грамматику по его просьбе. Первый ее вариант его не

удовлетворил, так как он представлял собою наставление словенцам и русским, как им надо писать. Второй вариант русской грамматики , по словам Блажа, изобиловал формами, которые Маяр выдумал сам. Блаж сам исправил то, что мог, и в таком виде грамматика вышла в свет. Он же написал к ней предисловие, в котором выступил против Мариборской программы за программу Объединенной Словении. Однако Маяру не понравилась излишняя политичность введения, и политические моменты были из предисловия выброшены. [57]

Из письма Блажа ясно, что собою представляла «Русская грамматика для словенцев» — написанная в духе «Взаимной славянской грамматики», она еще претерпела правку человека, не имеющего отношения к филологии. Немудрено, что она получила резкий отзыв в русской печати. «Характер грамматического отдела книги таков, — писал в аксаковской газете «Москва» А. Андреев, — что именно в другой русской грамматике для словенцев теперь чувствуется потребность нисколько не меньше прежнего».[58] И все же вплоть до выхода в 1897 г. «Русско-словинского словаря» с русской грамматикой М. М. Хостника книга Маяра была единственным пособием для словенцев, желавших изучать русский язык. И. А. Бодуэн де Куртенэ в 1872 г. пользовался ею, несмотря на ее недостатки, при обучении русскому языку молодежи в Горице.

В 1870 г. Маяр добровольно оставил свой приход в Горьях и принял место бенефициантa на Крестной Горе у Целовца с пенсией 210 гульденов в год, что составляло половину обычной пенсии приходского священника. Зато Маяр снова оказался в центре национальной и культурной жизни каринтийских словенцев, рядом со своими единомышленниками и друзьями, имея возможность пользоваться библиотекой.

Маяр переехал на новое место в период подъема словенского национального движения. У словенцев, как и у других славян Габсбургской монархии, введение дуализма вызвало широкое недовольство. Либералы (или младословенцы), не порывавшие до сих пор с консерваторами (или старословенцами), открыто откололись от них и основали свой собственный печатный орган газету «Словенски народ». Они отказались от лозунга Внутренней Австрии и вновь объявили своею целью программу Объединенной Словении. В ее поддержку либералы повели агитацию среди широких народных масс. С августа 1868 г. они стали организовывать большие митинги под открытым небом, или таборы, на которых обсуждались насущные

вопросы словенского национального движения. В период с августа 1868 по август 1871 г. было проведено 18 таборов, на каждом из которых в среднем присутствовало 5 — 6 тыс. человек. На самом большом из них в Вижмарьях недалеко от Любляны собралось даже 30 тыс. человек. На таборах выдвигали требование Объединенной Словении, соединение ее с другими южными славянами, говорили о славянской солидарности. [59] Позднее к таборам присоединились и консерваторы.

Таборское движение охватило и каринтийских словенцев. Руководство им взяло на себя общество Трднява (крепость), основанное в декабре 1869 г. либералами. Главную роль в нем играл молодой энергичный юрист Альбин Позник. Трднява организовала несколько таборов. Первый табор был созван 31 июля 1870 г. в Бистрице у Плиберка. По сведениям словенских газет, на нем присутствовало 8 тыс. человек. На таборе выступило несколько молодых либералов. Второй табор собрался в Жопрачах 18 сентября 1870 г. Согласно словенской прессе на него пришло 10 тыс. человек. На таборе Маяр поделился своими воспоминаниями о путешествии в Россию. «Когда я путешествовал по России, — отметил он, — мне говорили, что мы, каринтийцы, потерянный пост. Сегодняшний день показал, что этот потерянный пост превратился в могучую крепость».[60] Маяр описал этот табор в письме к Н. А. Попову: «Таборы очень поучительны для простого народа... Мы, словенцы в Каринтии, уже в этом году созвали два таких блистательных табора — один в деревне Бистрице Плиберкской, на который пришло около 8 тыс. человек, среди них много господ и учеников из ближних и дальних краев. 18/6 сентября имели мы, почти погибшие каринтийские словенцы, другой, еще более блистательный табор, на который сошлось десять тысяч человек. Произнесли шесть речей. Первую речь об Объединенной Словении поручили мне, на что я с радостью согласился ... Когда я кончил (все. — *И. Ч.*) трижды громко воскликнули «Словении Слава!».[61]

Третий табор, последний в Каринтии и вообще в словенских землях, произошел в Бухлях недалеко от Целовца 6 августа 1871 г. Он собрал 6 тыс. человек. К этому времени Альбин Позник уехал из Каринтии, и руководство в Трдняве перешло в руки сторонников консервативного Эйншпиллера. Эйншпиллер не желал раздела Каринтии на словенскую и немецкую части, он видел в программе Объединенная Словения лишь средство давления на немцев с целью вырвать у них уступки. На последнем таборе Маяр произнес главную речь — о петиции Трднявы министерству внутренних дел,

требовавшей создания Объединенной Словении, но наряду с этим предусматривавшей и возможность автономии словенцев в рамках существующих провинций. В последнем положении чувствовалась рука Эйншпиллера, не желавшего раздела Каринтии. На этом таборе он выступил с предложением основывать в приходах сберегательные кассы для крестьян. Но ему не дала закончить речь группа либерально настроенной молодежи, которая стала выкрикивать лозунги против духовенства и немцев одновременно.[62]

Хотя Маяр после возвращения из Москвы активно участвовал в деятельности Трднявы и проведении таборов, сотрудничая с либералами, главные его стремления все же были связаны с созданием и распространением общеславянского языка.

Еще до отъезда из Горья в июне 1870 г. Маяр написал письмо Н. А. Попову (идентичное было направлено Погодину), в котором просил предоставить ему в России какую-нибудь должность, «в которой я бы мог по мере своих скромных возможностей работать на пользу славянства не только написанием книг, но и более действенным образом, например, обучать в каком-нибудь училище славянской грамматике, сравнивая славянские наречия по книге своей «Узаjемни правопис», или же начали бы издание общеславянского журнала и поставили бы меня редактором, или, что мне было бы наиболее приятно, я бы стал учителем истории праславян, о чем я теперь пишу».[63]

Маяр пользовался большим уважением со стороны русских славянофилов, они старались найти для него место в России. Считая климат Причерноморья наиболее подходящим для Маяра, они начали уже в августе 1870 г. переговоры о нем с властями Одессы. Особенно хлопотал о поиске достойной должности для Маяра известный русский славист профессор Новороссийского (Одесского) университета В. И. Григорович. В своей докладной записке попечителю Одесского учебного округа С. П. Голубцову Григорович указывал, что Маяру по возрасту трудно быть учителем в школе, и предлагал дать ему место приходского священника в какой-нибудь католической колонии на юге России.[64] С. П. Голубцов, являвшийся одновременно и главой Одесского славянского благотворительного комитета, направил Маяру письмо с предложением прислать ему просьбу о должности приходского священника. Маяр воспринял это предложение без энтузиазма. 13/25 января 1871 г. он послал письмо Н. А. Попову, в котором отмечал, что уже послал просьбу о звании священника Голубцову, но тут же добавлял: «Но

много успешнее я бы мог действовать в интересах славянской взаимности в качестве редактора взаимного журнала в Вене».[65] Весть об отказе Маяра от прихода и переселении его в Россию быстро распространилась среди словенских патриотов. «Мы желаем ему от всего сердца счастливого пути и много успехов, — писал «Словенски народ», — но не можем скрыть горького чувства, охватывающего нас, когда мы слышим, что наши деятели покидают родину».[66]

Хотя весной 1871 г. по запросу Голубцова министр просвещения граф Д. А. Толстой готов был выдать определенную сумму на переезд Маяра в Россию, этот переезд так и не состоялся. По-видимому Маяр, отказался от него. Причины такого поступка могут быть разными. Но, по моему мнению, именно желание сбросить с себя обязанности священника и заняться педагогической и литературной деятельностью сыграло главную роль в решении Маяра оставить родину и уехать в Россию. Этого сделать ему не удалось, и поэтому он предпочел остаться в Австрии.

В Каринтии Маяр снова включился в политическую деятельность. Он активно участвовал в работе Трднявы, примыкая там к либеральному крылу. Одно время Маяр даже стоял во главе этого общества. Участвовал Маяр и в жизни словенской читальни в Целовце, общества, носившего культурно-просветительный характер. Члены читальни относились к нему с глубоким уважением и 24 февраля 1874 г. они отметили его 65-летие. Инициатором этого вечера был Юлий Клейнмайр, учитель целовецкой гимназии, постоянный корреспондент «Словенского народа». На праздновании Клейнмайр произнес приветственную речь в честь юбиляра, с этого времени между ними установились дружеские отношения, продолжавшиеся до конца жизни Маяра.[67]

Неудача с эмиграцией в Россию не повлияла на интерес Маяра к созданию общеславянского языка. Им уже была опубликована «Взаимная славянская грамматика», следующим шагом должно было стать распространение ее главных положений среди славянской интеллигенции. А для этого, по мнению Маяра, нужен был общеславянский журнал. Сначала Маяр связывал издание общеславянского журнала со своим переездом в Россию. Уже в своих письмах Попову и Погодину, касавшихся его эмиграции, он развивал планы создания общеславянского журнала. «Ничего не было бы неправильного и вредного, — писал Маяр Погодину 16 июня 1870 г., — но только хорошо и полезно, если бы на разных славянских наречиях печатали книги

и газеты, предназначенные для простого народа». Но тут же он утверждал, что издание научных книг для интеллигенции на отдельных славянских языках принесло бы только вред, так как воздвигло бы китайскую стену между славянскими писателями и читателями. Поэтому для научных книг необходим общеславянский язык. Прийти к нему, по мнению Маяра, можно двумя путями. Первый путь — изучение и принятие русского языка в качестве общеславянского. Но он годится только для отдельных лиц, а не для народов. Второй путь — «если бы начали писать научные книги и журналы взаимно, то есть приближаясь к русскому языку». При этом общеславянским алфавитом стала бы гражданская азбука, принятая в России.[68]

А в 1871 г., когда стало ясно, что в России он может получить только должность приходского священника, Маяр выдвинул перед Поповым план издания общеславянского журнала. «Если бы я был таким богатым, — писал он, — ... и имел бы столько имущества и богатства, сколько искренности... я бы тотчас переселился в Вену и стал бы дважды в месяц выпускать в свет славянский литературный журнал». В конце письма Маяр просил Попова помочь ему основать подобный журнал в Вене «и соблаговолите меня поставить его редактором, здесь я мог бы успешнее действовать в пользу взаимности, чем где бы то ни было».[69] 13/25 января 1871 г. Маяр отмечал в письме к Попову, что журнал имел бы три отдела. «В первом были бы русские статьи, в другом — статьи, напечатанные кириллицей на языке взаимнославянском, который бы приближался, насколько возможно, к русскому языку, третий бы составляли статьи на разных наших литературных языках, сначала на кириллице и латинице, позднее в этом разделе использовалась только кириллица, а в конечном счете они приближались бы взаимно и в грамматических формах к языку русскому».[70]

Однако стремление Маяра издавать журнал преимущественно на кириллице так и не воплотилось в жизнь. Когда с начала 1873 г. журнал Маяра «Славян» стал выходить в Целовце, он почти полностью печатался латиницей. Исключение составляла монография Маяра «О следах праславян», которая публиковалась в «Славяне» на протяжении всего времени его издания, да некоторые статьи из русской прессы.

С самого начала Маяр считал, что его журнал должен быть литературным, а не политическим или религиозным. Об этом он писал и Попову, и Погодину. Но особенно четко Маяр провел эту мысль в редакционной статье «Славяна», в которой намечались основные принципы журнала.

«“Славян” не хочет касаться дел политических и церковных, — говорилось в статье, — он хочет служить славянской науке, не вмешиваясь в ссоры, споры, тяжбы и мелочи отдельных племен... чтобы ему беспрепятственно было позволено проходить и обходить славянские страны и земли, какому бы они правительству ни подчинялись».[71] Таким образом, Маяр не хотел заниматься в своем журнале политическими и религиозными проблемами не только потому, что желал избежать неприятностей с цензурой, но и потому, что стремился поставить его над партиями в славянских землях («не вмешиваясь в ссоры, споры, тяжбы и мелочи отдельных племен»).

Создание общеславянского языка, объединение славянской интеллигенции вокруг журнала — все это для Маяра было лишь средством достижения главной цели. Эту свою главную цель он высказал Погодину только в 1875 г., в год прекращения издания «Славяна». «Многие среди славян, — писал Маяр, — читают и пишут исключительно только на своем наречии или языке. Мы находимся близко от опасности, что славянские наречия так разойдутся и отдалятся одно от другого, что создадутся не только наречия, но и особые славянские языки с особыми литературами и народностями ... Таким образом распался бы 80-миллионный народ на части, что было бы невосполнимой потерей и вредом для всех славян, русских и нерусских. «Славян» усиленно трудится, чтобы славянские племена больше не отдалялись, но сближались».[72] Сохранить славянство как единый народ, помешать распаду его на отдельные народы — такова была основная цель деятельности Маяра. Только так было возможно уберечь его родных каринтийских словенцев от поглощения их немцами. Но эта цель находилась в полном противоречии с историческим процессом, ибо в последней трети XIX в. единого славянского народа уже не существовало и воссоздание его являлось невыполнимой утопией. Как главная цель Маяра и его журнала, так и средства ее достижения были нереальны, и в этом был верный залог его неуспеха.

Журнал «Славян» просуществовал три года — с 1873 по 1875 г. включительно. Почти все статьи в нем, за исключением некоторых корреспонденций, были написаны Маяром. В них говорилось о необходимости общеславянского языка и единения славян как единого народа. Маяр подчеркивал, что раздробленность славян приведет их к ассимиляции другими народами, спасти их может только следование идее славянской взаимности. Все остальные вопросы так или иначе были подчинены этой идее. С точки зрения приверженности к славянской взаимности Маяр подходил и к оцен-

ке национальных движений и национальных деятелей различных славянских народов.

Создавая свой журнал, Маяр надеялся на помощь своих русских друзей. В письме к Попову от 11/23 ноября 1872 г. он прямо просил: «Помогите получить мне несколько подписчиков». Попов выполнил его просьбу, и уже через полтора месяца Маяр благодарил его за 50 русских подписчиков[73]. На самом деле все деньги (100 руб.) были уплачены из фонда Московского Славянского комитета. Поддержка журнала продолжалась и позднее. В 1873 и 1874 гг. Славянский комитет послал «Славяну» по 100 рублей. Маяр просил комитет увеличить дотацию, взять «Славяна» полностью на свое содержание. В начале 1875 г. Маяр снова получил 100 рублей. Больше Славянский комитет не мог выделить на содержание журнала, ибо в это время уже начался Восточный кризис: вспыхнуло восстание против турок в Боснии и Герцеговине, затем началась война Сербии и Черногории с Турцией. Все имеющиеся средства комитет направил в помощь балканским славянам. По-видимому именно на это ссылались русские друзья, отказывая Маяру в очередной денежной поддержке. В последнем номере «Славяна» Маяр писал, что прекращает свое издание, так как «когда стреляют ружья, хороводы не водят».[74] 31 декабря 1875/ 12 января 1876 г. Маяр сообщал Попову: «В 1876 г. «Славян» больше не будет издаваться — и я посвящу все свои силы написанию обширного литературного труда «Следы праславян и просвещение праславян». Многое говорили и писали мы, славяне русские и нерусские, о взаимности славянской. Слава Богу всевышнему, наступило счастливое для славян время, когда блистательно скажется действительная взаимность народа нашего. Слава Богу!»

Однако основной причиной гибели «Славяна» была не начавшаяся война балканских славян с турками и не слишком малая помощь из России. Журнал прекратил свое существование, потому что не сумел обеспечить себя достаточным числом подписчиков. Сам Маяр четко понимал это и так объяснял в цитированном письме Попову причины неуспеха своего журнала: «...Среди славян, пользующихся латиницей, кириллица еще мало употребительна. Школы у нас вообще неславянские, вследствие этого профессора, ученики и вообще грамотные люди славянского происхождения мало воодушевлены славянством и взаимностью, «Славян» же предназначен прежде всего им, и поэтому из их среды мало подписчиков. До последнего времени на журнал подписывались только наши самые искренние и ученые

патриоты, каких имеется немного, следовательно, и подписчиков мало».[75] Причины, приводимые Маяром, весьма существенны. Действительно, немецкое засилье в словенских школах, особенно в Каринтии, где жил и работал Маяр, было очень велико. Многие учителя и ученики, и вообще грамотные люди подвергались германизации. Но все же и не это являлось главной причиной отсутствия подписчиков у «Славяна». Ведь в 1865–1867 гг. в Целовце существовала газета Эйншпиллера «Словенец», имевшая достаточно подписчиков. Главная причина неуспеха «Славяна» у подписчиков заключалась в том, что идеи, проповедуемые им, все более расходились с объективной действительностью, с общим направлением развития национального движения славянских народов.

После закрытия «Славяна» Маяр отошел от активной деятельности. Сказывалось его разочарование в приверженности славянских политиков идее славянской взаимности, преклонные годы, резкое ухудшение здоровья, прежде всего болезнь глаз, которая привела его в конце концов к полной слепоте. «Если огромный и великий восьмидесятимиллионный народ славянский, — замечал с горечью Маяр в январе 1875 г., — не имеет достаточной материальной силы, чтобы содержать взаимный журнал... пусть он погибнет и исчезнет: это есть кричащее доказательство того, что нам не нужна славянская взаимность».[76] Финансовое положение Маяра было тяжелым — половинной пенсии не хватало. К этому прибавилась травля его со стороны церковных властей, всячески поощряемая епископом Фундером. Осенью 1883 г. Маяр, взяв самые необходимые книги из своей библиотеки, переселился в Прагу, навсегда покинув Каринтию. «Я переселился из Целовца в Прагу, — писал Маяр Клейнмайру 6 декабря 1883 г. — Для меня не было возможным оставаться там на Крижной горе... Вы хорошо знаете этот город. В Праге мне много лучше. Я получил также повышенную пенсию в 420 зл. гульденов. Прибыл я к очень добрым господам».[77]

В Праге Маяр жил очень скромно. К нему почти никто не заходил, кроме библиотекаря Чешского музея Яна Лего и гимназиста Петра Нессия, читавшего ему газеты и книги. Судя по письму Клейнмайру от 4 декабря 1884 г., Маяра интересовали события на родине. В частности, особое его внимание привлекала газета «Слован», издававшаяся И. Хрибаром, одним из лидеров либералов, горячим русофилом. В ней он видел продолжение своего «Славяна». Но на просьбу Клейнмайра написать что-нибудь для нее, Маяр ответил отказом. «Я не пишу ни в какие газеты, — объяснил он

Клейнмайру, — я не умею спорить и вести себя так непристойно, как сейчас принято».[78] Согласно воспоминаниям Нессия Маяр жил уединенно, никого не принимал: боялся, что и в Праге его начнут преследовать, как и на родине. Но идеи славянской взаимности были ему по-прежнему близки. Он написал книгу «Святые братья Кирилл и Мефодий». В 1884 г. ее издало Общество св. Могора в Целовце. Даже в самые последние годы, когда у него несколько улучшилось зрение, Маяр говорил одному из своих каринтийских знакомых, что собирается возобновить издание «Славяна».

31 июля 1892 г. Матия Маяр умер в Праге. На его смерть откликнулись в Словении и в России. «Слован» поместил некролог, написанный Клейнмайром; либеральный журнал «Люблянски звон» опубликовал заметку о Маяре К. Глазера. В ней говорилось: «С Матией Маяром перестало биться одно из благороднейших сердец, которое когда-либо горело ради словенского народа. Всю свою жизнь он необычайно самоотверженно трудился над воплощением своей мечты: создать для всех славян взаимный язык на основе их наречий». Вывод Глазера был печален: «Весь его духовный труд и все жертвы, превышающие его силы, не привлекли сторонников к его идеалу — славянской взаимности».[79] В русской прессе на смерть Маяра отозвался журнал «Славянское обозрение». В небольшом некрологе отмечалось: «Он принадлежал к числу самых одушевленных последователей Колара и деятелей славянского сближения».[80]

Характерно, что во всех некрологах подчеркивалась прежде всего деятельность Маяра по пропаганде славянской взаимности, по созданию общеславянского языка. Несомненно, это было для него главным. И хотя Маяру не удалось добиться создания и принятия общеславянского языка, его труды не остались втуне. Академик Ф. Цвиттер четко охарактеризовал значение деятельности мечтателей, подобных Маяру: «Мы должны более справедливо оценить деятельность всех прежних сторонников единого южнославянского и общеславянского языков и видеть в ней заблуждение, которое возникло из-за неверного истолкования правильной мысли, что мы, словенцы ... должны себе искать опору в других южных славянах и в славянах вообще, а также в идее югославянской и общеславянской солидарности».[81]

Но самой важной заслугой Маяра перед словенским национальным движением стало его выступление с программой Объединенной Словении во время революции 1848–1849 гг. Он первым поднял этот вопрос в прессе и активно пропагандировал эту программу как в период революции, так

и в 1860-е годы XIX столетия. Маяр же один из первых в Европе опубликовал план введения культурно-национальной автономии в районах с этнически пестрым населением.

Маяр активно трудился на ниве словенского просвещения. Он был одним из организаторов словенских издательских учреждений Общества св. Могора и Словенской Матицы, боролся против германизации школы в словенских землях.

Наконец, нельзя не отметить и деятельность Маяра как этнолога — собирателя и издателя словенских народных песен, исследователя словенских нравов и обычаев, народной одежды. Редко можно найти среди славянских национальных деятелей личность, оставившую свой заметный след в самых различных областях культурно-просветительной и политической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Rokopisna zbirka. Narodna in universitetna knjižnica (далее — NUK). In. št. 30/49. Osebni spomini drja Nesyja.

2 Ibid. P. 4–5.

3 Trezor. Nacionalna i sveučilišna biblioteka. Zagreb. Majar — Vrazu (30. I. 1843).

4 Kmetijske in rokodelske novice (Novice). Ljubljana. 1845. № 44 (29. X.).

5 Ibid. 1845. № 45 (2. XI.).

6 Trezor. Majar — Vrazu (31. VII. 1843).

7 Ibid. Majar — Vrazu (21. III. 1844).

8 Ibid. Majar — Vrazu (kon. 1847).

9 Novice. 1844. № 3 (17. I.).

10 Ibid. 1845. № 1 (1. I.).

11 Trezor. Majar — Vrazu (kon. 1847).

12 Rokopisna zbirka NUK. In. št. 30/49. S. 4, 5.

13 Ibid. Majar — Klejnmayru (1880).

14 Slovenija. Ljubljana. 1848. № 11 (8. VIII.).

15 Trezor. Majar — Vrazu (1842).

16 *См.: Кирилина Л. А.* Словенцы и революция 1848 — 1849 гг. М., 2000. С. 33.

17 Novice. 1848. № 13 (29. III.).

18 *Pleterski J.* Narodna in politična zavest na Koroškem. Ljubljana, 1965. S. 31.

19 Ibid. P. 435.

20 *Matija Majar Ziljski.* Zv. II. Klagenfurt/Celovec — Ljubljana/Laibach — Wien/Dunaj, 1995. S. 105, 106.

21 *Zwitter F.* Slovenski politični prerod XIX st. v okviru evropske nacionalne problematike /Zgodovinski časopis, 1964. № 18. S. 117.

22 Novice. 1848. № 16. (19. IV).

23 Zwitter F. Op. cit. S. 31, 32.

24 Apih J. Slovenci in leto 1848. Ljubljana, 1888. S. 107.

25 Slovenija. 1849. № 2. (2. VI).

26 Кирилина Л. А. Указ. соч. С. 61.

27 *Prelog M.* Slavenska Renesansa. Zagreb, 1924. S. 325, 326.

28 Slovenija. 1848. № 13. (15. VII.).

29 Trezor. Majar — Vrazu (22. XI).

30 Slovenija. 1848. № 51 (26. XII).

31 Ibid. № 5 (18. VI).

32 Ibid. № 47 (12. XII).

33 Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 2. С. 159, 160.

34 Slovenija. 1848. № 48 (15. XII).

35 Trezor. Majar — Vrazu (22. XI. 1848).

36 *Pleterski J.* Op. cit. S. 30, 31.

37 Trezor. Majar — Vrazu (4. III. 1849).

38 *Ilešič F.* Korespondenca dr. Jos. Muršca /Zbornik Matice Slovenske. Ljubljana, Zv. VII. 1905. S. 47.

39 Ibid. P. 49.

40 Slovenija. 1849. № 97, 98 (4, 7. XII).

41 *Ilešič F.* Op. cit. S. 49.

42 *Prijatelj J.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Ljubljana, Zv. I. S. 219.

43 Zora. Zagreb. 1853. S. 8–10.

44 Slovenska bčela. Celovec. 1851. 1. VI, 1. V.

45 Ilešič F. Op. cit. S. 120.

46 *Pleterski J.* Op. cit. S. 70, 71.

47 Novice. 1861. № 11, 12 (13. III, 20. III).

48 *Pleterski J.* Op. cit. S. 141, 144.

49 Slawisches Centralblatt. Bauzen-Budyšin. 1865. № 10 (9. XII). № 11. (16. XII.), № 12 (23. XII).

50 *Ilešič F.* Op. cit. S. 121.

51 Rokopisna zbirka NUK. In. št. 30/49. Majar — Kleinmayru (1880).

52 *Dolgan M.* Označitev majarjeve slovnične (pravopisne) vzajemno-slovenske metode / Matija Majar Ziljski. S. 125, 129, 130.

53 *Попов Н. А.* Вопрос об общеславянской азбуке. / Современная летопись. 1865. № 39.

54 *Кулаковский П. А.* Очерк попыток решения вопроса о едином литературном языке у славян. / Мефодиевский юбилейный сборник. Варшава, 1885. С. 31.

55 День. Москва, 1865. 28. VIII., 4. IX.

56 Slovenec. Celovec, 1867. № 33 (19. III).

57 Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 36, 37, 40, 41.

58 Москва. 1867. 19. VIII.

59 Melik V. Slovenski tabori / Kronika. Ljubljana, 1969. S. 74, 75.

60 Slovenski narod. 1870. № 89 (2. VIII).

61 Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (далее — РО РГБ). Ф. 23. К. 13. Д. 19.

62 Pleterski J. Op. cit. S. 143.

63 РО РГБ. Ф. 23. К. 13. Д. 19.

64 РО РГБ. Ф. 86. К. 3. Д. 14.

65 РО РГБ. Ф. 23. К. 13. Д. 19.

66 Slovenski narod. 1870. N 147 (17. XII)

67 Rokopisna zbirka NUK. In. št. 30/49. Pojasnilo F. Kleinmayra. S. 1, 2.

68 Российский государственный архив литературы и искусств. Ф. 373. Оп. 1. Д. 222. Л. 1.

69 Петербургский отдел архива Российской Академии наук. Ф. 241. Оп. 1. Д. 85. Л. 857.

70 РО ГРБ. Ф. 23. К. 13. Д. 19.

71 Slavjan. Celovec. 1873. № 1.

72 РО ГРБ. Ф. 23. К. 13. Д. 19.

73 РО ГРБ. Ф. 23. К. 13. Д. 19.

74 Slavjan. 1875. № 10.

75 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 44.

76 Там же. Д. 55.

77 Rokopisna zbirka NUK. In. št. 30/49. Majar — Kleinmayru (IV — 6. XII. 1883).

78 Ibid. Majar — Kleinmayru (V — 4. XII. 1884).

79 Ljubljanski zvon. Ljubljana., 1892. S. 564.

80 Славянское обозрение. СПб., 1892. Т. III. сентябрь. С. 154.

81 Zwitter F. Narodnost in politika pri slovencih. / Zgodovinski časopis. 1947. № 1. S. 56.

И. И. Лещиловская

Людевит Гай

В живописном хорватском Загорье, вдохновившем поэта А. Михановича написать в начале XIX в. стихотворение «Хорватская родина», ставшее впоследствии национальным гимном хорватов, среди прочих возвышается холм с развалинами на вершине старинного замка. С ним было связано старинное предание о том, что когда-то здесь жили три брата Чех, Лех и Мех. Расселившись в разные края, они основали государства Чехию, Польшу и Московию. У хорватов, подвергавшихся на протяжении своей истории постоянному давлению со стороны мощных соседей — Австрии, Венгрии и Турции — исстари было развито чувство славянского родства. И пылкому воображению хорватское Загорье представало как колыбель славянства.

У подножия этого холма разместился полусельский аккуратный городок Крапина. 8 июля 1809 г. здесь в семье состоятельного аптекаря родился Лю-

девит Гай, «восстановитель словенства иллирийского», как его позднее назовут в России. Он не стал собственно писателем, хотя проявил себя в литературе, не стал ученым, хотя выступил как лингвист и историк, не стал журналистом, хотя приобщился к публицистике и издательскому делу, не стал политиком, хотя активно участвовал в политических делах. Гай воплотил собой национальное Возрождение хорватского народа.

Людевит рос в провинциальной образованной семье, в которой свободно говорили на хорватском, немецком и латинском языках. Он унаследовал от матери тонкие черты лица, хрупкий облик и сильный характер. Впереди были гимназия в бюрократически холодном Вараждине и оживленном торговом городе Карловаце, а затем университетский курс в интеллектуальных центрах Австрийской империи[1].

20-е годы XIX в. были временем, когда в абсолютистской Австрийской империи, этом конгломерате разнородных языков и народов, в результате начавшихся благодаря зарождению частной собственности глубоких общественных изменений пришли в движение формировавшиеся угнетенные нации. Их чаяниями были свобода и равноправие. У славян, часть которых была вынуждена противостоять жесткому гнету не только аристократической Вены, но и венгерского дворянства, в свою очередь недовольного давлением австрийского двора, с новой силой пробудилось чувство славянской общности. Сознание причастности к многочисленному славянскому племени придавало им силы и уверенности.

Трубадуром «всеславянства» выступил словацкий пастор Ян Коллар, выпустивший в 1824 г. поэму «Дочь Славы». Он воспел величие славянской истории, героизм предков, духовную красоту потомков. «Дочь Славы» захватила умы и сердца университетской славянской, молодежи, сонеты из нее заучивались наизусть. Ян Коллар на многие годы стал властителем ее дум. Его вес и влияние в славянском мире еще более возросли, когда он в 1837 г. выступил с учением о «славянской взаимности», смысл которого состоял в культурном сближении разрозненных славянских народов. «Славянская взаимность» стала путеводной звездой пробуждавшейся к новой духовной жизни и деятельности славянской общественности.

Родство славян, общность их истории, достойное место в создании европейской цивилизации получили научное подтверждение в фундаментальных трудах другого знаменитого словака П. Й. Шафарика по истории славянских литератур, этнографии и древностям. Равнодушие и задавлен-

ность сменились стремлением образованных славян понять родную действительность. Из сознания того, что прошлое славян было лучше настоящего, в половодье общеславянских чувств рождались надежды на будущее.

Положение угнетенного хорватского народа имело свои особенности. Основная масса хорватов проживала в Австрийской империи, но территория их расселения была разделена в административно-политическом отношении. Хорватия и Славония — остатки древнего государства с гордым названием Королевство Хорватия, Славония и Далмация — с тенью автономии входили в состав Венгерского королевства. Милитаризованная область Военная Граница, Далмация и Истрия на разных основаниях подчинялись непосредственно центральным властям. В этих провинциях были различные государственные языки — латинский, немецкий и итальянский. Литература у хорватов исстари существовала на трех народных разговорных диалектах, орфография была беспорядочной, латинский алфавит своевольно приспосабливался писателями к родной речи. Сознание закрепило раздробленность и изолированность населения Хорватии (данное название распространялось на три округа с центром в Загребе), Славонии и Далмации в локальных наименованиях. Неуклонно нарастала угроза насильственной германизации и мадьяризации хорватов, поглощения Хорватии и Славонии Венгрией.

Была еще одна особенность в положении хорватов. На значительной части территории они жили вперемешку с сербами, а в Истрии — со словенцами.

Подъем экономики дал живительный импульс обществу, которое медленно меняло лицо. Рушились вековые экономические навыки, социальные нормы, духовные стереотипы. Хозяйственные связи стягивали разрозненные провинции. Перед хорватами встали исторические задачи воссоединения, защиты национального бытия, обеспечения свободы всестороннего развития.

В Хорватии одинокие умы стали осмысливать новую реальность. Появились публичные высказывания о целостности населения Хорватии, Славонии и Далмации, призывы к его духовной консолидации на основе общего литературного языка, выступления в защиту родной речи. Местное дворянство, вершитель политической жизни, проявляло обеспокоенность нажимом Венгрии. Общество ждало талантливую энергичную личность, и время ее выдвинуло.

Духовное развитие Гая протекало в атмосфере увлечения славянской общественности братством славян и поисков места своего народа в бескрайнем

славянском мире. В 1826 г. Гай поступил в Венский университет изучать философию. Это было крайне редким явлением среди хорватов за отсутствием в Хорватии служебных мест для дипломированных философов. Уже печатавшийся автор на темы о Загорье, Гай готовил себя к жизни неординарной.

Но чувство одиночества, охватившее его в многолюдной столице, побудило Людевита перебраться ближе к Хорватии в тихий университетский город Грац. Здесь он вошел в кружок южнославянской студенческой молодежи. Обеспокоенные за судьбу своих народов кружковцы обсуждали вопросы развития родного языка и литературы. На крапинские впечатления Гая, окрашенные славянским преданием, народными песнями, красотой Загорья, наложились раздумья о будущем хорватов и их национальном достоинстве.

Казалось, ответы на многие вопросы хранит в себе история. В надежде найти важные рукописи и материалы о прошлом хорватов, Гай в 1829 г. переехал в Пешт. Этот город жил бурной общественной жизнью. Здесь скрещивались австро-венгерские и венгеро-славянские противоречия. Молодой Гай оказался в гуще политических проблем, национальных трений и неистовых споров. В Пеште он лично познакомился с Колларом, а через него, вступив в переписку, и с Шафариком. Возбужденная атмосфера Пешта живо затрагивала его внимание, а личность и идеи Коллара давали желанные ответы на вопросы. Если раньше Гай больше чувствовал драматическую судьбу хорватов, то теперь, прилагая мысли Коллара к их положению, он подошел к пониманию пути увеличения их силы и значения.

В 1830 г. Гай выпустил брошюру, посвященную реформе орфографии его родного диалекта, на котором говорило население Хорватии. По примеру чешской графики он ввел обозначение каждого хорватского звука одной латинской буквой с использованием при этом надстрочных знаков. Гай был человеком дела. Поэтому, несмотря на ограниченные возможности, он стал добиваться введения нового правописания в жизнь. Для этого были привлечены бывшие соученики и знакомые в Загребе. Обращаясь к ним в письмах, Гай призывал и доказывал, настаивал и стыдил. Его убежденность и настойчивость склонили национально настроенную молодежь к переходу на новое правописание.

В начале 1832 г., закончив университет, Гай поселился в Загребе. Плебейскому сыну нужно было прежде всего позаботиться о материальной основе жизни. Он поступил на службу секретарем в Банский стол — высший суд Хорватии и Славонии.

К этому времени Хорватия, не знавшая ранее общественной жизни, стала выходить из духовного оцепенения. Разными путями сюда доносились отголоски европейских событий бурного 1830 г.: революции во Франции, Бельгии, польского восстания. Они будоражили умы. Загребская учащаяся молодежь зачитывалась трудами Шафарика, проникаясь верой в силу, мощь и будущее славянства. Общим увлечением стало изучение родного и других славянских языков. В загребской академии — высшем учебном заведении — впервые в истории для всех желающих был объявлен курс родного языка на новой орфографии Гая. Молодые поэты оттачивали перо на патриотических темах. В обществе отчетливо проявлялось тяготение к родной культуре. Появились брошюры с национальным содержанием. В 1832 г. хорватский сабор — высший орган власти — выступил в защиту автономии Хорватии и Славонии. Этот акт произвел сильное впечатление на современников. Хорватия духовно созрела для организованного выступления патриотов за обновление жизни.

Подвижной и энергичный Гай ощутил в себе силы и способность к национальному лидерству. Из впечатлений и размышлений, накопившихся в университетские годы, из наблюдения хорватской жизни сложилось понимание того, что следует ему делать. Широкий кругозор, высокий подъем духа, ораторские способности и чувство действительности обеспечили Гаю авторитет среди загребской интеллигенции. Разрабатывая план действий, он обнаружил умение собирать разрозненных патриотов для большого дела. Ближайшими соратниками Гая стали дворянин Л. Вукотинович, разночинцы Д. Раковац, В. Бабукич, А. Мажуранич, клирик П. Штоос. Начинать следовало с издания национальной газеты. Мысль о ней уже давно зародилась в Загребе.

В 1832 г. Гай обратился к венгерским властям за разрешением на издание хорватской политической газеты. Но было дано условно согласие лишь на литературный орган. Тогда Гай решил апеллировать непосредственно ко двору. После аудиенции у императора Франца II и тяжких хлопот он получил в середине 1834 г. разрешение на издание газеты с литературным приложением. Австрийский двор, используя отлаженный еще в древнем Риме принцип «разделяй и властвуй», рассчитывал таким путем противопоставить хорватов венграм.

Измотанный ожиданием и перепадами надежды и отчаяния Гай не спешил, однако, возвращаться в Загреб. Для придания своей личности блеска

и значения он получил в Лейпциге звание «доктор философии». Был открыт путь для деятельности, новаторской и отважной[2].

В 1835 г. в Загребе вышел первый номер национальной газеты «Новине хорватске» с литературным журналом «Даница хорватска, славонска и далматинска» («Заря хорватская, славонская и далматинская»). Они были на местном диалекте и старом правописании. Журнал имел эпиграф «Народ без народности есть тело без костей». Периодические издания стали центром собирания разрозненных патриотических сил, глашатаями национальных идей и общеславянского самосознания. С этого времени вело начало хорватское национально-освободительное движение, захватившее средние слои — дворянство, интеллигенцию, горожан и духовенство. Разными были мотивы и цели его участников, но всех объединяло стремление к усилению Хорватии.

Был сделан первый важный шаг, а мечты и планы Гая вели его дальше. Ближайшей заботой было духовное сплочение хорватов, их объединение в литературном языке, в культуре, в образе самого мышления. Но как облегчить преодоление вековой изолированности разных провинций, отчужденности разноязычных литератур, спесивых претензий бесплодных наследников блистательного Ренессанса Дубровника и Далмации, локальной косности и лености? Как выстоять хорватам в жестоком мире унижений и попрания прав малых народов? Филологические знания той поры не позволяли адекватно разобраться в этнической картине на славянском юге. Но крепло сознание, что пестрота диалектов, локальных самоназваний и стремлений ослабляли защитные силы угнетенного населения.

Жизнь поставила перед хорватами вопрос выживания. Гай, создав себе из южных славян идеальный мир, пошел на их духовную консолидацию. А силы и уверенности ему придавал величественный образ славянского великана, распростершегося от Балтии до Адриатического моря и от средней Европы до бескрайних просторов Азии[3]. Еще свежи были в памяти кровавые события наполеоновского нашествия и победа великой славянской России.

И вот уже Гай на страницах своих изданий начертал образ Великой Иллирии. Он символично представил ее в виде лиры в руках девы Европы. Когда-то эта лира при дуновениях ветра издавала стройные сладостные звуки. Но однажды поднялся страшный вихрь с юга и запада, а затем разразилась буря с востока и севера — струны оборвались, и не стало с тех пор гармоничных голосов. Ослабевшие струны лиры — это населенные южными сла-

вянами земли. Гай призывал вновь привести обновленным согласием к созвучию «драгоценную лиру Европы Иллирию»[4]. В единстве и согласии виделась гарантия сохранения южными славянами, в первую очередь сербами, хорватами и словенцами, самобытности в условиях нараставшего национального и политического гнета со стороны Австрии, Венгрии и Турции. Один народ, один литературный язык, одна культура. Народу было дано нейтральное название иллиры. А его древность и автохтонность на Балканах, дающая ему право быть хозяином на своей земле, должны были получить подкрепление в вымышленном родстве с древними иллирийцами. Казалось, были найдены форма национальной самозащиты, способ духовного выживания, путь равноправного участия в европейской цивилизации для сербов, хорватов и словенцев.

Великая Иллирия, по которой хорватское национально-освободительное движение первой половины XIX в. получило название иллиризма, была заманчивой идиллией Гая. Невозможно было искусственно остановить национальное становление южных славян. Но она означала принципиально новую ориентацию хорватов — на Балканы. И потребность в сплочении южных славян диктовалась самим положением этих народов, тяжелым иноземным гнетом, угрозой утраты национального лица. Поэтому в XIX и начале XX в., на иных основах, идеи тесного союза сербов, хорватов и словенцев при сохранении ими национальных особенностей получили широкую популярность на славянском юге, став в конечном итоге субъективной предпосылкой образования в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Объединив разрозненные идеи, помыслы и стремления в конкретную программу, Гай увлек умных и энергичных людей. Они развернули преобразовательное дело. С начала 1836 г. Гай перевел свои периодические издания на новое правописание и штокавский диалект (названный по местоимению «што») — разговорный язык большей части хорватов и всех сербов. Он получил блестящее литературное выражение в поэзии и драматургии Далмации и Дубровника периода Ренессанса XVI в., а также явил высоту художественности в народных песнях, покоривших Европу в изданиях сербского ученого Вука Караджича.

Решительный шаг загребских энтузиастов был столь же неожиданным, сколь и логичным. На протяжении первых десятилетий XIX в. в печати дальновидные хорваты неоднократно высказывались в пользу объединения населения Хорватии, Славонии, Далмации и Истрии в литературном языке на

основе штокавщины. Теперь на практике было дано направление развитию единого литературного языка, общего в разговорной основе с сербами. Это дело оказалось крайне трудным. Ни Гай, ни его сподвижники, за исключением Бабукича, не владели штокавской речью. Загреб и его округа с иным диалектом не могли быть питательным источником нового языка. К этому следует добавить сопротивление поборников местного сепаратизма, за которым легко просматривались корыстные интересы. Но реформаторы со свойственной молодости воодушевлением и с уверенностью в правильности избранного пути неуклонно шли вперед.

Как символ новой ориентации Гай дал своим изданиям названия «Илирске народне новине» и «Даница илирска». Плод фантазии Великая Иллирия, захватив умы образованного общества в Хорватии, начала свое шествие и по южнославянским землям. Здесь нашлись ее горячие почитатели, хотя по мере развития национально-освободительных движений более трезвым становилось понимание мыслящими людьми национальных задач.

А пока из Загреба раздавались страстные призывы к духовному объединению иллиров. Душой этого движения был Людевит Гай. Согласие стало главным идейным мотивом его изданий. Поэты воспевали грандиозность Великой Иллирии, восторгались героическими подвигами и свободолюбием предков, сокрушались над пагубными последствиями раздоров и с неистовой верой заглядывали в будущее. Публицистика, художественная литература и наука стали орудиями грандиозных замыслов загребских патриотов и фантастов.

Основой объединения иллиров, т. е. южных славян, в первую очередь сербов, хорватов и словенцев, должен был стать новый литературный язык, заявленный в периодических изданиях Гая. Загребская филологическая школа начала активно разрабатывать нормы этого языка. Хорватские поэты, прозаики, драматурги раскрывали его художественную силу, а деятели науки — способность к научному выражению. Новый литературный язык был предметом постоянной заботы Гая и его сторонников. Однако он не стал и не мог стать в силу объективного национального процесса общим литературным языком для всех южных славян. Он стал единым литературным языком хорватов, объединившихся благодаря общей разговорной основе в этом отношении с сербами. К концу XIX в. сложился литературный сербскохорватский язык в двух вариантах — на латинском и кирилловском алфавитах. Та же участь ожидала и культурные учреждения, возникшие в годы

иллиризма в Загребе и других хорватских городах. Они мыслились создателями как национальные институции южных славян, но в действительности стали очагами культуры хорватского народа. Но разрыв между помыслами и действительностью отнюдь не умаляет исторических заслуг Гая. Он и его соратники стояли у истоков общенациональной хорватской культуры.

Впрочем, Гай не упускал из виду судьбы родного народа. Еще в 1833 г. он набросал стихотворение, ставшее известным по первой строке «Еще Хорватия не погибла». Оно перекликалось с гимном польских легионеров 1797 г. «Еще Польша не погибла». Стихотворение было проникнуто пафосом объединения всех хорватов, а также словенцев, хотя четкого понимания национального разграничения между ними еще не было, и верой в возрождение Хорватии. В 1835 г. Гай опубликовал его в «Данице». Положенная на музыку патриотическая песня-давория получила небывалую популярность, став музыкальной эмблемой иллиризма. Ее пели и играли на улицах, на частных вечерах и общественных собраниях. Она была постоянно на устах национально настроенного общества. Сильная воспрявшая Хорватия в кругу возрожденных народов — это ли не заманчивая мечта патриотов.

Тем временем в Загребе и в других городах развернулось культурное строительство на новых основах. Гай участвовал в самых разнообразных делах. В 1838 г. после долгих хлопот перед верховными властями он открыл собственную типографию.

Трудно переоценить значение периодических изданий и типографии Гая для развития хорватской культуры. Собственником и редактором газеты и журнала считался Гай, но в действительности их попеременно редактировали Д. Раковац, В. Бабукич, Д. Деметер, Я. Ужаревич, словак Б. Шулек. Если газета содержала в основном политическую информацию, почерпнутую, как правило, из австрийских газет, и публицистические материалы, то содержание «Даницы» было всеохватным и разнообразным. Помимо программных документов движения и публицистических статей в журнале были широко представлены поэзия и художественная проза, произведения старых хорватских классиков, народные песни, работы по лингвистике, истории, этнографии, материалы по вопросам хозяйства, критические обзоры. «Даница» знакомила своих читателей с культурой и общественной жизнью всех славян. В журнале печатались лучшие писательские силы иллиризма и ряд видных славянских деятелей культуры. Типография Гая значительно улучшила условия издания газеты и журнала, а также литературы на общехорватском языке.

Иллиризм дал мощный толчок развитию национальной публицистики, художественной литературы и науки. В 30–40-е г. XIX в. сложилась блестящая плеяда интеллектуалов и художников слова. Это были публицисты Д. Раковац и Б. Шулек, поэты — словенец по происхождению С. Враз и Ив. Мажуранич, поэт, прозаик и публицист Л. Вукотинович, писатель и историк Ив. Кукулевич-Сакцинский, драматург Д. Деметер, филологи В. Бабукич и А. Мажуранич и многие другие. На новом уровне раскрылись интеллектуальные и эстетические возможности хорватского народа. Словесная культура, проникнутая сознанием национального достоинства, утверждала идеалы свободы, равноправия, нравственной чистоты и благородства. Художественная практика, осваивая романтизм с его полетом чувств, фантазией, культом народной поэзии и раскованностью творчества, формировала неведомый ранее образ мышления людей. История и лингвистика, связывая прошлое и настоящее, утверждая преемственность времен и поколений, служили самопознанию и самоосознанию общества.

Но литература с трудом пробивалась к читателям. Этому препятствовали и ослепленные приверженцы коренного диалекта, грезившие о тесном сближении с социально родственным венгерским дворянством, и пассивность среднего читателя, и трудности в овладении загребской публикой новым литературным языком. Гай был озабочен будущностью литературы. Еще в студенческие годы у него родилась мысль о создании в Хорватии общества содействия развитию родного языка и литературы. Теперь он вернулся к идее, придав ей более широкое содержание. Гай видел задачи общества в подготовке научных трудов на «иллирийском» языке, в его совершенствовании, в сборе книг и рукописей для будущей публичной библиотеки и музея. Он вошел с предложением в хорватский сабор — феодальный представительный орган, — и тот поддержал его. Однако судьба проекта зависела от согласия венгерских властей, а затем санкции австрийского императора. Вопрос о научном обществе в Загребе грозил погрязнуть в многолетних проволочках.

Между тем в хорватских городах стали возникать читальни, для деятельности которых было достаточно разрешения местных властей. В 1838 г. открылась читальня и в Загребе, в организации которой активное участие принимал Гай. Она превратилась в главный общественный клуб, центр культурной деятельности сторонников хорватского национально-освободительного движения. Мероприятия читальни получили общехорватское

значение. По ее инициативе образовались все национальные учреждения Загреба периода иллиризма.

В 1842 г. при загребской читальне был создан денежный фонд из частных взносов под названием «Матица илирска» для развития и распространения литературы на национальном языке. По существу это было отдельное общество. Матице была суждена долгая и нелегкая жизнь. Но всегда она оставалась одним из очагов национальной культуры. У ее колыбели стоял Людевит Гай.

Частными усилиями, на пожертвования в Загребе возникли культурно-просветительные учреждения и общества разного уровня и назначения. Сбылись мечты Гая о создании национального музея, о покупке Народного дома, где разместились все национальные организации. Хорватия воспряла к национальной жизни. Потребность людей в общении находила выход в разного рода музыкально-декламационных вечерах, беседах, балах. Патриотические чувства подкреплялись употреблением в обществе национального языка. Любители ставили на нем спектакли, вызывая бурный восторг зрителей, дамы предпочитали в бальных туалетах хорватские тона, на вечерах в романтическом порыве единения нации плясали коло. Молодежь демонстрировала приверженность иллиризму, облачившись в коричневые сурки — вид сюртука, украшенного шнурами и металлическими пуговицами, и красные колпаки с иллирийским гербом — звездой и полумесяцем. Эти внешние приметы отражали признание обществом национальных ценностей, общехорватского приоритета[5].

Дотоле скучный захолустный город, мертвая атмосфера которого лишь время от времени разряжалась шумными дворянскими съездами да чопорными заседаниями провинциального сабора, Загреб стал центром общехорватских интересов, культуры и политики. Его охотно посещали славянские и другие европейские деятели. Притягательным местом был дом Гая.

Человек широкого размаха и неожиданных планов Гай неоднократно бывал в Вене, Праге, Дрездене, Лейпциге, Берлине, общаясь там со знаменитостями. Осенью 1838 г. в прусской столице он был принят Бенкендорфом, шефом тайной полиции в России. В секретном меморандуме Гай, желая заинтересовать российское правительство в поддержке иллиризма, высказался за объединение славян под скипетром Романовых и предложил, явно преувеличивая свой авторитет и возможности, в обстановке обострения Восточного вопроса, поднять против Турции балканских славян и поставить их под власть России. Под это дело он просил 3 млн форинтов. Не получив ответа

на авантюрные предложения и испытывая растущую нужду в деньгах, Гай в 1840 г. отправился в Россию.

Однако и на этот раз русские официальные лица, не расположенные бросать тень на союзнические отношения с Австрией, оставили без внимания сомнительные предложения новоявленного лидера южных славян, как, впрочем, старались вообще быть в стороне от национальных трений в дружественной империи и всякого рода общеславянских объединительных мечтаний. Но частным пожертвованиям в пользу Гая воспрепятствовано не было. Российская академия выделила ему 1 000 руб.

Аристократический Петербург холодно отнесся к благотворительной акции. Зато радушный прием Гай встретил у московских славянофилов. «Наша Москва входит в славу. Сюда явился Гай», — писал в те дни А. О. Хомяков поэту Н. М. Языкову. Хлебосольная Москва оправдывала верность традициям. Московские достопримечательности, театр, торжественные обеды в честь гостя смягчили впечатления от чопорного Петербурга. Для Гая было собрано 17 тыс. рублей. Он увез с собой и коллекцию ценных книг. Это была поддержка, но несоизмеримая с той, на которую рассчитывал хорватский деятель. Но завязанные им в России личные контакты, как и посещение Хорватии и Славонии в 1840-х годах русскими учеными — И. И. Срезневским, О. М. Бодянским, П. И. Прейсом, Ф. И. Чижовым и др. — способствовали более глубокому взаимному пониманию положения дел в России и Хорватии. В 1842 г. Гай был избран действительным членом Одесского общества истории и древностей[6].

Иллиризм в неодинаковой степени захватил хорватов в разных провинциях. Его социальную основу составила дворянско-городская среда в Хорватии и в меньшей мере в Славонии. На Военной Границе идеи иллиризма поддержала часть офицерства. Далмация и Истрия держались в стороне от объединительного процесса под главенством Загреба. Эти провинции на протяжении 500 лет находились под властью Венеции. Приморские города испытывали сильное влияние итальянской культуры. Связи с Хорватией были еще слабыми и вялыми.

С развитием иллиризма в Далмации, пережившей в XVIII в. культурный спад, проявились признаки интеллектуального оживления под знаком сербско-хорватского единения. С целью укрепления контактов с ней Гай вместе с А. Мажураничем предпринял в 1841 г. поездку на Адриатику. В Дубровнике их встречали шумно и торжественно. Цветы, пламенные речи делали Гая

героем дня. Но невидимо уже зрели семена будущих идейных баталий. Далматинские деятели понимали единение иначе, чем в Загребе. Чувствуя себя наследниками богатой культуры, они грезили о духовном главенстве Далмации на славянском юге. Идейные расхождения, в основе которых лежали реальные претензии разных слоев на руководящую роль, остро проявятся во второй половине 1840-х годов. Разразившаяся борьба ослабит национальные силы. Однако далматинские литераторы, содействуя сбережению хорватского культурного наследия, упрочивая позиции родного языка на гаевской орфографии перед лицом итальянского, внесут свой вклад в развитие общехорватской национальной культуры.

А пока был звездный час Людевита Гая. Со всех краев приезжали к нему люди разных национальностей и званий, захваченные размахом его начинаний, чтобы выразить восхищение и поддержку. В Загребе, Карловаце и других городах в честь него устраивались торжественные обеды, почитатели исполняли серенады, поэты слагали заздравные стихи. Гая прославляли как хорватского мессию.

Согрелась теплом и его личная жизнь. В 1842 г. тридцатидвухлетний титан иллиризма венчался с Паулиной Кризманич, офицерской дочерью, племянницей известного патриота аббата Ивана Кризманича. Многолетние сентиментальные отношения завершились браком по любви. Красавица восточного типа Паулина, на голову выше своего суженого, была сиротой-бесприданницей. Женитьба дала новый духовный импульс Людевиту, но в то же время усугубила его материальное положение. Обращаться же открыто за займами означало уронить авторитет в дворянской Хорватии. Финансовые затруднения, как злой рок тяготевшие над Гаем, делали его нервозным, запальчивым, несправедливым даже к ближайшим помощникам.

Тем временем в Хорватии разворачивались серьезные политические события. В 1841 г. в Загребе оформилась «партия» сторонников политического слияния Хорватии и Славонии с Венгрией — так называемых мадьяронов. Ее составили аристократия и крупное дворянство. Консолидировались в Иллирийскую (в дальнейшем Народную) партию и силы национально-освободительного движения. Гай выдвинул лозунг «Да хранит Бог венгерскую конституцию, хорватское королевство и иллирийскую народность!» Это была программа объединения Хорватии, Славонии и Далмации, их автономии в составе Венгерского королевства и слияния в культуре южных славян, в первую очередь хорватов, сербов и словенцев. Она объеди-

няла сторонников консервативного и либерального течений, наметившихся в освободительном движении. Между участниками иллиризма и мадьяронами развернулась острая борьба в областных собраниях дворян и в сабоpe, доходившая до стычек. Национальная печать обрушилась на мадьяронство. Гай, несмотря на мещанское происхождение, по должности как почетный секретарь Загребской жупании и по доверенности отдельных дворян в первых рядах участвовал в политической борьбе в дворянских собраниях жупаний. Политика захватила его целиком.

Обострение ситуации в Хорватии обеспокоило австрийский двор. На первых порах он благосклонно следил за развитием иллиризма, усматривая в нем противовес венгерскому либеральному движению, грозившему развалом Австрийской империи, и своего рода магнит, притягивающий к Вене балканских славян. Однако нарастание политической напряженности в Хорватии и нескончаемые требования венгров запретить иллиризм побудили двор к репрессивным мерам против него, прежде всего против его объединительной тенденции.

В начале 1843 г. вышел императорский декрет, запрещавший употребление понятий «Иллирия», «иллиры» в печати. «Тяжелый удар для каждого патриотического сердца», — так охарактеризовал этот акт современник.

Была ужесточена цензура. Охваченные отчаянием патриоты во всем обвиняли Гая, увлекшегося якобы бойкой политикой. В Загребе воцарились уныние и апатия. Упала литературная продукция. Над национальными культурными учреждениями нависла угроза их закрытия.

Прометей иллиризма пережил тяжелый душевный надлом. Вместо общественного признания — изоляция, вместо живой деятельности — вынужденная пассивность, вместо громкой известности — уход за кулисы. Нависла реальная угроза закрытия его газеты и типографии. Но Гай не сдался недругам и обстоятельствам.

Он продолжил издательскую деятельность, изменив названия газеты и журнала, занялся давно вынашиваемой «Историей Великой Иллирии». Но этот труд из-за цензурных препятствий никогда не увидел свет. С сознанием лидерства Гай тайно руководил ближайшими соратниками, искал новых единомышленников. Перед его взором все отчетливее вырисовывались очертания обширного государства южных славян. Мысль от культуры перебрасывалась в заманчивую и опасную сферу политической практики. Тайно он готовил себя и самых близких людей к возможному кардинальному пово-

роту событий на Балканах. Надежды на него давала нараставшая напряженность в Австрийской империи и во всей Европе. Гай оставался авторитетной фигурой и в глазах высокопоставленных лиц, обращавшихся к нему с целью вынудить Народную партию изменить политический курс в направлении смягчения отношений с венгерской аристократией, противостоявшей либеральной партии Лайоша Кошута, и мадьяронами.

События в Венгрии приобретали все более грозный для австрийского правительства характер. Голос венгерской либеральной оппозиции, добивавшейся для Венгрии свободы и самостоятельности, становился все более требовательным и непримиримым. В Хорватии ужесточалось противостояние между мадьяронами и сторонниками автономии объединенных хорватских земель. В июле 1845 г. в Загребе в ходе выборов администрации жупании произошло столкновение политических группировок. Находившиеся в состоянии боевой готовности войска открыли огонь по сторонникам иллиризма. Жертвами инцидента стали 13 убитых и около 30 раненых. Июльские события всколыхнули Хорватию. Похороны погибших вылились в политическую манифестацию. Двор был засыпан официальными и полуофициальными протестами.

Вена прибегла к политическому маневрированию. Оказывая давление, в том числе и через Гая, на Народную партию с целью объединения ее усилий с ориентированной на Австрию венгерской магнатерией, она пошла одновременно на уступки хорватскому национально-освободительному движению. Были допущены в печать понятия «иллиры» и «Иллирия», смягчена цензура, дано разрешение на учреждение кафедры национального языка и литературы в загребской академии, отклонено ходатайство венгерских властей о лишении Гая издательских прав. Были ослаблены также позиции мадьяронства[7].

Гай по-прежнему держался в стороне от политической арены, но скрытно был активен. В эти годы особенно проявились противоречия его помыслов, дел, самой натуры. Один из видных либералов с их идеалом свободы, равенства и братства, он в то же время хлопотал о получении дворянского звания. В угоду двору Гай открыто поддерживал в своей газете венгерскую аристократическую группировку. Втайне он получал субсидии от австрийского правительства. Император отметил его литературные заслуги, наградив драгоценным перстнем. Вместе с тем Гай имел конспиративные связи с польской эмиграцией, с которой его объединяла заинтересованность в развале Австрийской империи. Он собирал единомышленников под знамя

государственной независимости южных славян на случай непредвиденного поворота событий. А в конце 1847 г. хорватский деятель даже пытался договориться с венгерской оппозицией. Гай метался в поисках путей и средств для обеспечения лучших условий развития немногочисленного родного народа, не забывая и свои личные интересы. И все же в этом клубке несовместимых гипотетических планов, взаимоисключающих поступков, эмоциональных колебаний четко пробивалась политическая линия на независимое государство южных славян, практически сербов, хорватов и словенцев.

Но в тревожные месяцы кануна 1848 г. видимая часть политического айсберга Гая для либеральных деятелей была непонятной и потому неприемлемой. Они проявляли недовольство его сближением с венгерской аристократией и казавшейся бездеятельностью. Сыпались упреки и в адрес национальной газеты. Политизированное общество жаждало информации и не могло смириться с вынужденной осторожностью издателя. Ситуация для Гая осложнялась трениями с ближайшими соратниками. Вызывала кривотолки покупка им модного дома в центре Загреба. Общественное непонимание, падение авторитета, отразившие каким-то образом непоследовательность позиции Гая, беспринципность к тому же в денежных вопросах неуклонно приближали конец его репутации. Но разразилась революция, перевернувшая жизнь общества и каждой личности в отдельности.

Революция 1848–1849 гг. охватила почти всю Западную Европу. Она была вызвана глубокими общественно-экономическими и национально-политическими противоречиями и была призвана открыть путь для свободного экономического, политического и национального развития народов. 13–15 марта вспыхнуло народное восстание в Вене. Оно положило начало установлению конституционного строя в империи, но не уничтожило устоев господства консервативных сил. Стихийные массовые демонстрации в Пеште завершились либеральными преобразованиями в Венгерском королевстве и установлением его самостоятельности от Австрии. 23 марта было образовано первое в истории правительство Венгрии, власть которого распространялась на все народы, входившие в королевство. И уже в этом акте, игнорировавшем права угнетенных наций, были заложены семена трагедии, постигшей разноязычное королевство в 1849 г.

Революционные события в империи были встречены в Хорватии с восторгом. В городах все дышало свободой. Мартовские перемены породили радужные надежды. Национальные противоречия отступили перед всеоб-

щим ликованием по случаю поражения абсолютизма с его политическим произволом.

Политический барометр предсказывал Гаю новый взлет его популярности. Для выяснения ситуации он тайно отправился в австрийскую столицу. Не отличаясь политической щепетильностью, он вошел в контакт как с высокопоставленными лицами при дворе, так и с воодушевленной свободой студенческой славянской молодежью. Гай пустился в политические комбинации с камарильей, не представляя в должной мере их последствий. По-видимому, он взял на себя обязательство обеспечить «народное избрание» на свободный пост бана — главы исполнительной власти в Хорватии и Славонии — полковника Елачича, негласно назначенного уже двором на эту должность. Легитимизм и заигрывание с хорватским национальным движением делали Елачича привлекательной фигурой как для двора, так и для Загреба. Венские студенты обратились к хорватскому народу с призывом образовать временный национальный комитет с участием Гая и созвать всенародную скупщину — собрание для выражения национальной воли. Гай спешно выехал в Загреб. Тотчас по приезде он «по должности» известил эрцгерцога Иоганна о благоприятном развитии здесь обстоятельств для «династии, государства и нашего народа».

Когда спала волна всеобщей эйфории и политические иллюзии сменились трезвой оценкой действительности, пришли в движение угнетенные народы в Венгерском королевстве. 25 марта 1848 г. в Народном доме состоялось первое публичное собрание хорватской общественности — Великая народная скупщина. Сурки (вид верхней национальной одежды) и красные колпаки — внешние отличия патриотов — подчеркивали решимость ее участников. Воодушевленный Гай был ее распорядителем. Скупщина приняла исторический документ «Требования народа», проникнутый духом гражданской свободы, национально-политического единства хорватов и их равноправия, а также избрала Елачича баном, что должно было означать суверенность хорватов в решении внутренних вопросов. До приезда Елачича в Загреб (он находился в австрийских войсках в Италии) верховной властью был объявлен Национальный комитет в составе Л. Гая, Ив. Кукулевича-Сакцинского и богатого предпринимателя А. Враницани. Гай возглавил депутацию в составе 400 человек, чтобы торжественно вручить императору «Требования народа». Тщеславие Гая было удовлетворено присвоением ему звания королевского советника. Обстоятельства и рискованные маневры увлекли Гая в самый водоворот событий.

Тем временем в Хорватии общественная атмосфера накалялась. Повсеместно на борьбу за землю и волю поднимались крестьяне. Рушился вековой порядок, основанный на эксплуатации крестьянского труда. Власти объявили об освобождении крестьян, но одновременно ввели чрезвычайные суды. Хорватия отделилась от Венгрии. Было создано Банское вече — своего рода временное правительство. Гай возглавил в нем отдел внешних сношений. Беспомощный австрийский двор, отступая под натиском мужавшей Венгрии, втайне подталкивал Хорватию к противостоянию. Завоеванная революцией свобода печати дала новое дыхание периодике. Национальная газета приобрела полнокровие и динамизм. Но «Даница» ввиду падения литературной деятельности, когда заговорили пушки, утратила многоцветие и живость. Славянская общественность проявляла заинтересованность в координации действий.

В мае Вену вновь сотрясли народные восстания. Освободительные движения поставили под угрозу существование лоскутной империи. Двор тайно бежал в Инсбрук. В условиях, когда многим конец государства Габсбургов казался предрешенным, Гай вынашивал дерзкие планы создания на Балканах независимого государства южных славян.

В обстановке небывалого воодушевления славян и всеобщего свободомыслия авторитет Гая становился все более непререкаемым. Гай и Елачич представляли разные политические линии, ориентации, взгляды на будущее хорватов. Лидер иллиризма был фигурой, которая явно ослабляла вес и влияние бана. Отношения между ними становились напряженными. Удобный случай для устранения либерального деятеля с политической арены не заставил долго ждать. Это была так называемая афера с бывшим сербским князем Милошем Обреновичем.

Много сделавший для освобождения Сербии от османской власти, но изворотливый и коварный, виртуозно владевший приемами турецких сатрапов, Милош был отрешен от княжеской власти в Сербии блоком крупных торговцев и бюрократии и с 1839 г. проживал в Вене. В мае 1848 г. он неожиданно с многочисленной свитой появился в Загребе, рассчитывая, видимо, использовать время перемен и социальной ломки в Европе, чтобы вернуть себе сербский престол. Во избежание обострения отношений с Сербией Елачич распорядился подвергнуть его домашнему аресту. Турецкий и русский послы в Вене потребовали удаления Милоша от границ Сербии, опасаясь волнений в турецких провинциях и княжестве. Австрийское правительство, которое со своей стороны также было обеспокоено возмож-

ностью осложнения обстановки на имперских восточных рубежах, рекомендовало Елачичу немедленно вернуть Милоша в Вену.

Перед отъездом из Загреба Милош обвинил Гая в том, что тот получил от него значительную сумму денег, необходимую якобы для освобождения. По указанию Елачича против Гая спешно было начато расследование. Бан воспользовался обвинениями Милоша для дискредитации своего политического противника. Расследование не внесло ясности в разразившийся скандал. Тем не менее он положил преждевременный конец общественной репутации Гая. Судебный процесс, начавшийся в сентябре 1848 г., закончился в марте 1849 г. решением, что суд некомпетентен для рассмотрения этого дела.

Публичную дискредитацию Гая не одобряли многие хорваты, а также политические деятели в Сербии и черногорский владыка, выдающийся поэт Петр II Петрович Негош, поскольку Гай был главной личностью в Загребе, через которую поддерживалась связь Хорватии с Сербией и Черногорией. Отрешение его от политической жизни расценивалось как урон для освободительного дела.

Гай продолжал издательскую деятельность. Но время выдвинуло на первый план хорватской жизни более мобильную и решительную газету «Славенски юг», которая стала выходить в Загребе с августа 1848 г. под редакцией Д. Кушлана. Гай участвовал в работе хорватского сабора, сыгравшего историческую роль своими решениями об освобождении крестьян и утверждении суверенитета Хорватии, Славонии и Далмации. Но это участие было лишь тенью былой активности. Мимо Гая прошел и Славянский съезд 1848 г. в Праге, где собрались наиболее видные славянские деятели, стремившиеся к объединению усилий для решения национального вопроса, и хорвато-венгерская война, начавшаяся под аплодисменты либералов с вторжения войск Елачича в Венгрию в сентябре того же года. Вокруг Гая была пустота.

В октябре в Вене началось новое восстание. Полки Елачича вернули ее под власть престола. Неуравновешенный Фердинанд уступил императорские прерогативы восемнадцатилетнему Францу Иосифу, который не был связан обещаниями своего предшественника. Венгрия еще покажет образцы военного искусства и несгибаемую волю к независимости. Но всюду в Европе реакция одерживала победу. Это определяло трагическую тщетность всех усилий отстоять завоевания революции народами империи. Политически беспомощный Гай был зрителем революционной агонии. В середине 1849 г. прекратила существование «Даница». В 1850 г. он капитулировал,

продав свою газету австрийскому правительству. Бывший флагман хорватского национального Возрождения стал бесцветным официозом. Подписи хорватского реформатора не было под знаменитым договором 1850 г., составленным ведущими сербскими и хорватскими деятелями культуры о едином сербскохорватском литературном языке[8].

31 декабря 1851 г. в Австрийской империи установился неоабсолютизм. Революция в политическом отношении потерпела поражение, но в экономике она открыла индустриальную эпоху. Столкнув между собой угнетенные народы, судьба поровну воздала победителям и побежденным. Хорватию и Славонию наводнила жандармерия, планомерно насаждался немецкий язык. Закрылись оппозиционные газеты, прекратили существование национальные учреждения культуры. Только в Матице теплилась жизнь. Хорватское общество погрузилось во мрак безверия, отчаяния и подавленности. «Недовольство огромно повсюду в нашем отечестве», констатировал современник[9].

Гай сосредоточился на издательском деле. Желая исключить конкуренцию, он купил в долг вторую типографию в Загребе, открыл книжный магазин. Но «дело» оказалось убыточным. Неуемная жажда поддержать свой престиж, одолевая здравую оценку финансовых возможностей, обернулась покупкой второго дома в городе и небольшого живописного имения Мирогой. Оно одарило Гая чувством свободы, покоя и мира. Здесь он начал писать «Автобиографию», продолжая фанатично грезить о Великой Иллирии. Постепенно восстанавливались разорванные личные связи.

Но Гай оставался для властей подозрительной личностью. Прямых доказательств его неблагонадежности не было, и все же полицейская интуиция имела свои основания. Лишь только появились признаки обострения международных отношений на Балканах, Гай неожиданно вновь выбросил иллирийское знамя. Привлекательность мечты по-прежнему заслоняла для него ее достижимость. В 1853 г. Гай возобновил выпуск журнала «Даница илирска». В ответ австрийские власти отказались финансировать его газету. Опутанный долгами, он оказался на пороге финансового краха,

Но судьбе было угодно преподнести ему еще более тяжкие испытания. Он был арестован по доносу как глава революционного заговора. Охваченный страхом за свои былые тайные связи, Гай стоически отрицал обвинения. За отсутствием прямых улик он был освобожден, вызвав в Загребе к себе сочувствие как жертва беззакония. Но Гай все больше отставал

от жизни, утрачивая ясность и практичность взгляда на вещи. «Иллирийские» иллюзии перемежались у него с бессмысленной тягой к получению дворянства, мечты о возрождении былой популярности — с надеждами на императорскую милость. Легкомысленные долги не сообразовывались с доходами. А дом тем временем являл все более признаки разорения: он кишел маклерами, вексельными поручителями, ростовщиками. Пассив составил огромную сумму почти в 250 тыс. форинтов. Гай физически сдавал. Его взгляд потух, стал неподвижен, лицо непрестанно дергалось. Целыми днями он, отрешенный, бродил по Мирогою с поникшей головой, сцепив за спиной руки. Был объявлен конкурс по банкротству. Филистерский Загреб в который раз отвернулся от былого кумира. Политические противники торжествовали победу. Драматизм положения Гая грозил обернуться трагедией. Казалось, все кончено.

В этот роковой час неожиданно протянул руку помощи Гаю бывший сподвижник по иллиризму, великий хорватский поэт, талантливый юрист и высокий чиновник Иван Мажуранич. Благодаря его вмешательству, Гай остался условным держателем своего имущества.

Наступил 1860 год, положивший начало судьбоносным переменам в империи. После внешнеполитических неудач австрийское правительство было вынуждено ввести либеральную конституцию. Вновь пошла на подъем общественная жизнь. И опять, как в 1848 г., Гай ринулся в Вену. Двор, рассчитывая использовать его в своих интересах, на этот раз оказал ему солидную финансовую помощь. В 1861 г. он, приняв условия Вены, возобновил издание газеты «Народне новине», а затем и журнала. Утратив способность реально оценивать ситуацию, Гай вновь был полон политических амбиций. Однако новые времена рождали новых героев и новые песни. Некогда легендарный деятель утратил для шестидесятников гипнотическую силу, а идеи иллиризма, составлявшие душу его взглядов, выглядели анахронизмом. Принципы сближения сербов, хорватов и словенцев, вновь овладевшие общественным сознанием, учитывали уже объективные национальные процессы. Издания Гая, несмотря на независимый аншлаг, вызывали общественное недоверие.

Последним всплеском активности Гая было посещение Этнографической выставки в Москве в 1867 г., собравшей многочисленную славянскую публику. Гай был замечен. Но если о нем говорили в славянском мире, почитали его заслуги, то имелся в виду деятель дореволюционной поры, ув-

лекший своим энтузиазмом дремавшее хорватское общество. Все было в прошлом.

Смерть жены Паулины окончательно подорвала душевные силы Гая. К тому же давили долги. В 1868 г. сабор объявил о сборе пожертвований в его пользу. Внутренне опустошенный, на пороге нищеты Гай расстался с былой гордостью. Но «народный» дар составил всего 3 500 форинтов. И все же на склоне жизни он познал тепло и радость в любви молодой женщины. Но материальное положение было полностью расстроено, на его имущество был наложен секвестр.

В 1872 г. Людевит Гай умер в своей типографии[10].

Противоречивым был духовный мир этого человека, как сложна была эпоха, его породившая. Было время перелома народной жизни. Свершенное Гаем дело, оттеснив в тень заблуждения, колебания и просчеты самой личности, по своему значению и последствиям вышло за пределы своего времени. Он был первым среди тех, кто пробудил духовные силы родного народа, вдохнул в него национальную жизнь и веру в будущее. Приниженные вековым порабощением и безвременьем хорваты поднялись на уровень высоких исторических задач.

Поступавшие из глубины общества импульсы Гай воплотил в сознательные идеи и практические задачи, дав направление умам и деятельности патриотов. Он возглавил преобразовательное движение в области культуры. Разработка общего литературного языка хорватов, развитие литературы нового идейно-художественного типа, создание национальной периодической печати, учреждение просветительных организаций — все это по инициативе или при активном участии Гая стало началом сложного и продолжительного процесса формирования современной хорватской культуры.

Гай, первая «дипломатическая голова» среди хорватов, стоял у истоков освободительного движения. В ту пору судьбы национальной культуры тесно смыкались с политическим положением народа. В условиях тяжелого национального гнета Гай дал жизнь благотворной в то время идее сплочения сербов, хорватов и словенцев, окрашенной мечтой о независимом государстве. Путеводная звезда объединения этих народов озарила политику грядущих поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Horvat J.* Ljudevit Gaj. Njegov život, njegovo doba. Zagreb, 1975.

2 *Stančić N.* Gajeva «Još Horvatska ni propala» iz 1832–33. Ideologija Ljudevita Gaja u pripremnom razdoblju hrvatskog narodnog preporoda. Zagreb, 1989.

3 См.: Danica ... 1835. Br. 34. S. 234.

4 Ibid. Br. 48. S. 292.

5 *Лещиловская И. И.* Иллиризм. М., 1968; *Šidak J.* Hrvatski narodni preporod // *Šidak J.* Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981; Hrvatski narodni preporod 1790–1848. Hrvatska u vrijeme Ilirskog pokreta. Zagreb, 1985.

6 *Попов Н. А.* Людевит Гай в России в 1840 году // Древняя и новая Россия. СПб., 1879. № 8.

7 *Šidak J.* Stranački odnosi u Hrvatskoj prije 1848 // *Šidak J.* Studije iz hrvatske povijesti XIX stoljeća. Zagreb, 1973.

8 *Лещиловская И. И.* Общественно-политическая борьба в Хорватии. 1848–1849. М., 1977; *Šidak J.* Studije iz Hrvatske povijesti za revolucije 1848–49. Zagreb, 1979.

9 *Brlić I. A.* Pisma sinu Andriji Torkvatu. 1836–1855, knj. II. Zagreb, 1943. S. 115.

10 *Horvat J.* Op. cit. S. 291 i sl.

И. И. Лещиловская

Иван Кукулевич-Сакцинский

Значительной и яркой личностью в политической, общественной и культурной жизни Хорватии XIX в. был Иван Кукулевич-Сакцинский, писатель, историк, ведущий деятель освободительного движения. Он родился в родовитой дворянской семье в 1816 г. в городе Вараждине. Гимназическое образование молодой человек получил в родном городе и Загребе, а затем год изучал философию в загребской академии. Свою мечту о военной карьере он осуществил, закончив кадетскую школу в Кремсе. Кукулевич-Сакцинский был определен в придворную венгерскую гвардию в Вене, где получил офицерский чин. Перед ним открылось блестящее армейское будущее.

В столице Кукулевич-Сакцинский, духовно формировавшийся в лоне немецкой культуры, познакомился с владыкой великим черногорским поэтом Петром II Петровичем Негошем, сербским ученым и писателем В. Ка-

раджичем, сербским поэтом С. Милутиновичем. Здесь же он лично узнал лидера хорватского национального Возрождения Л. Гая. Общение с этими деятелями, их национально-патриотическая позиция вызвали у Кукулевича-Сакцинского духовный перелом. Смятения хорватского офицера усилились, когда его полк был переведен в Италию и он оказался в Милане с его богатыми памятниками культуры. Здесь молодой Кукулевич-Сакцинский принял судьбоносное решение — оставить военную службу. Он уже начал писать, правда, на немецком языке и, едва владея тогда новым литературным языком хорватов, стал выступать в национальных загребских изданиях.

В 1842 г. Кукулевич-Сакцинский вышел в отставку и поселился в Загребе. Он рассчитывал получить место хранителя библиотеки академии. Но отец хотел видеть единственного сына на дворянской службе. И он занял небольшую должность в управлении Загребской жупании. В 1845 г. Кукулевич-Сакцинский был избран уже дворянским собранием большим судьей Вараждинской жупании. Его жизнь с этих лет была тесно связана с хорватским национально-освободительным движением, которое в 30–40-е годы XIX в. по своей ведущей идее «Великой Иллирии» носило название иллиризма[1].

Кукулевич-Сакцинский был одним из либеральных идеологов и главных лиц иллиризма, пропагандируя концепцию славянской общности и особого единства южных славян, решая языковые и литературные задачи, активно участвуя в политической борьбе. Программа либерального направления в движении предусматривала в те годы объединение южных славян, в первую очередь и главным образом сербов, хорватов и словенцев, в одном литературном языке и культуре; административно-политическое воссоединение Хорватии, Славонии, Военной Границы, Далмации и Истрии, расчлененных внутри Австрийской империи, в Триединое королевство (так в Средневековье именовались объединенные королевства Хорватии, Славонии и Далмации); его автономию в составе Венгерского королевства как части государства Габсбургов; введение национального литературного языка в официальную жизнь вместо латыни; либеральные реформы.

Кукулевич-Сакцинский активно участвовал в работе дворянских собраний Загребской и Вараждинской жупаний и хорватского сабора, внося в них национально-освободительные идеи. В 1843 г. впервые в истории Хорватии он произнес на заседании сабора знаменитую речь на национальном литературном языке, выразив надежду на его введение в официальную жизнь. Это явилось важным политическим событием в то время.

Статный, красивый человек, искусный оратор, убежденный в правоте национального дела, он производил сильное впечатление на слушателей. Его умеренные предложения получали поддержку и включались в решения хорватских официальных институций. В 1847 г., в атмосфере приближающейся революции сабор после вдохновенной речи Кукулевича-Сакцинского единодушно постановил ввести национальный язык вместо латыни в школы и учреждения Хорватии и Славонии.

Кукулевич-Сакцинский пропагандировал идеи иллиризма не только в публицистике, но и в художественной литературе. Он стоял у истоков новой хорватской литературы, новой в идейно-тематическом и стилевом отношениях и на общенациональном языке. Он был в числе хорватских писателей, с именами которых было связано рождение в Хорватии оригинальной повести и драмы. В 1839 г. была издана и поставлена на любительской сцене в Сисаке, а в следующем году и в Загребе драма Кукулевича-Сакцинского «Юран и София, или Турки под Сисаком». Используя исторический сюжет, автор выражал в ней мысли о единстве южных славян независимо от вероисповедания, о торжестве долга, прославлял нравственную чистоту и благородство. Эта первая постановка на национальном языке была принята публикой с восторгом. В 1842–1847 гг. вышли из печати четыре книги повестей, драматических произведений и стихотворений Кукулевича-Сакцинского. В их основе лежали патриотические идеи верности своему народу и родине.

Новая хорватская литература развивалась в русле романтической эстетики. Она включала соединение искусства с фольклором как богатейшим источником языка и художественности. Кукулевич-Сакцинский собирал народные песни. В 1846 г. он выпустил в свет сборник «Народные песни хорватского народа».

В годы иллиризма хорватский деятель начал также серьезно заниматься историей. В 1840-е годы он опубликовал в периодических изданиях несколько исторических работ, в том числе большую статью «Кое-что из истории Великой Иллирии», где в соответствии с загребским постулатом о славянстве древних иллирийцев представил выдающихся личностей иллирийского происхождения во времена Рима. Их слава, в понимании автора, должна была означать величие самого народа. В 1847 г. Кукулевич-Сакцинский вошел в комитет, на который хорватский сабор возложил задачу сбора и издания памятников хорватского государственного права. Но в полную силу научная деятельность историка развернулась в 50–80-е годы XIX в.

В 1847 г. хорватский деятель вошел в состав Матицы иллирской — важного культурно-просветительного общества, задачей которого были издание и распространение книг на национальном литературном языке и поддержка новой культуры в целом. Кукулевич-Сакцинский был в центре славянских связей иллиризма.

Революция 1848 г. в Австрийской империи вызвала подъем хорватского общественно-политического движения, достигшего большого размаха и силы. Внимание его участников было сосредоточено тогда на актуальных государственно-политических вопросах.

25 марта с известиями о начале революции в империи в Загребе под руководством либералов состоялась Великая народная скупщина — собрание общественности, которая приняла программный документ «Требования народа». В нем содержались пункты о восстановлении целостности Триединого королевства, его самостоятельности в составе Венгерского королевства, введении гражданских свобод[2]. Скупщина избрала граничарского полковника Й. Елачича баном Хорватии и Славонии, что было, впрочем, подготовлено закулисными маневрами австрийской камарильи. Временной верховной властью до его прибытия в Загреб был объявлен Национальный комитет в составе Л. Гая, И. Кукулевича-Сакцинского и видного предпринимателя А. Враницани. Кукулевич-Сакцинский вошел также в состав хорватской депутации, отправившейся в Вену для торжественного вручения императору «Требований народа». В конце апреля он был назначен членом Банского веча (правительства), в котором возглавил отдел образования.

20 апреля 1848 г. Кукулевич-Сакцинский опубликовал в национальной газете «Новине далматинско-херватско-славонске» статью «Какой должна быть вообще наша политика?»[3]. Она стала одним из программных документов хорватского либерализма в годы революции. В ней автор поставил вопрос о государственно-политическом устройстве Венгерского королевства и Австрийской империи в целом на основе принципов свободы, равенства и братства как граждан, так и народов.

Подготовка к выборам в общегерманское Национальное собрание во Франкфурте-на-Майне побудила хорватского либерала высказаться в той же статье за созыв всеславянского собрания с целью защиты национального развития и свободы славянских народов. Со свойственной ему романтической увлеченностью он выдвинул «единый национальный интерес» для

всех славян. Но в действительности стремления славянских политических кругов были разными.

Призыв из Загреба встретил живой отклик со стороны славянской общественности. И в начале июня в Праге собрался Славянский съезд, который был призван координировать действия славян в обстановке революции и определить пути и формы обеспечения их будущности. Однако взрыв демократического восстания в чешской столице прервал работу съезда. Его участники за немногим исключением разъехались, похоронив возлагавшиеся на него радужные надежды.

С развитием революции и неуступчивостью венгерского правительства перед требованиями подвластных ему невенгерских народов центральным политическим лозунгом хорватского либерализма стала федеративная Австрийская империя, перестроенная на принципах частной собственности, конституционализма и национального равноправия, с южнославянской федеративной единицей внутри нее. Кукулевич-Сакцинский выступил решительным сторонником австрославизма. Это была программа преобразования государственного строя империи и всего комплекса общественных отношений в ней путем реформ, при условном сотрудничестве с правящей династией. Ее целью было присутствие в Центре Европы обновленной мощной Дунайской монархии с преобладанием в общественно-политической жизни славян.

Кукулевич-Сакцинский был избран депутатом хорватского сабора, который открылся 5 июня 1848 г. в Загребе в обстановке политического подъема. Это было время крупных революционных боев и первых осязательных успехов контрреволюции в империи. В сборе, сформированном на основе нового положения о выборах, сложилось умеренное патриотическое большинство при главенстве либералов. Сабор в определенной мере явился полномочным парламентом, занявшимся первостепенной важности вопросами и принявшим решения.

Хорватское собрание предложило реорганизовать Австрийскую империю на федеративной основе с созданием крупной южнославянской политической единицы как составной части союзного государства. В подтверждение своего намерения сохранить в целостности Австрийскую империю при условии ее независимости от Германии сабор избрал видных хорватских и сербских либералов — И. Кукулевича-Сакцинского, Л. Вукотиновича, М. Георгиевича и Й. Жувича — делегатами в рейхстаг, который открылся 22 июля 1848 г.

У хорватских либералов не было единой и четкой позиции по вопросу об отношениях Хорватии и Славонии с Венгрией. Кукулевич-Сакцинский допускал в случае отказа венского парламента принять хорватскую делегацию союз Триединого королевства с Венгрией на новых принципах при сохранении им тесных связей со славянскими землями западной части империи. При этом хорватский деятель исключал решение национального вопроса на пути независимости, считая ее нереальной[4]. В конечном итоге сабор, ввиду столкновения интересов депутатов по вопросу о хорватско-венгерских отношениях, сформулировал свою позицию уклончиво.

В 1848 г. чрезвычайно важной для хорватов и непростой проблемой были отношения Хорватии с Воеводиной, провозглашенной сербами на Майской скупщине 1848 г. в Сремски-Карловцах самостоятельным политическим образованием в составе Бачки, Барани, Баната и Срема. Речь шла об их административно-политическом объединении. Кукулевич-Сакцинский был непременным участником хорватских делегаций на переговорах с сербами по этому вопросу. Еще в середине мая хорватская депутация посетила Сремски-Карловци и Белград. Накануне открытия сабора в Загребе состоялась сербско-хорватская конференция, на которой с хорватской стороны присутствовал и Кукулевич-Сакцинский. На ней в предварительном порядке было решено о государственном объединении Триединого королевства и Воеводины. В саборе Кукулевич-Сакцинский в числе других либералов отстаивал необходимость единства действий сербов и хорватов для обеспечения их национального будущего. Сабор высказался за тесный государственный союз Триединого королевства и Воеводины «на основе свободы и полного равноправия», но спорные вопросы в отношениях между ними разрешены не были.

Сабор принял решение о проведении реформ на Военной Границе — области военных поселений, существующей на части территории Хорватии и Славонии и находившейся в подчинении у австрийского правительства. Кукулевич-Сакцинский и другие либералы требовали немедленной реализации решений сабора о Границе, без санкции императора. Но сабор направил их на утверждение Фердинанду I, хотя часть постановил провести в жизнь немедленно.

Острая борьба разгорелась в саборе по аграрному вопросу. Кукулевич-Сакцинский в составе либерального лагеря выступал за освобождение крестьян с наделом за выкуп, исходя из принципа «святости собственно-

сти», ликвидацию «малых королевских прав» дворянства, признание равных прав крестьян и дворян на пользование лесами и пастбищами.

Аграрный закон хорватского сабора был выдержан в либеральном духе. Крестьяне были признаны полновластными собственниками своих наделов за государственный выкуп. Сабор безвозмездно отменил монопольные права дворянства, сохранил за крестьянами ограниченное право пользования лесами и пастбищами. Устанавливалось всеобщее налоговое обложение. В накаленной обстановке в селе сабор постановил ввести аграрный закон в действие без санкции императора, тем самым проявив себя как верховный орган законодательной власти в Хорватии и Славонии. Это было умеренное преобразование аграрного строя в названных провинциях, утвердившее институт частной собственности на землю в сельском хозяйстве. Тем самым был открыт путь для развития рыночных отношений в экономике Хорватии и Славонии, но ограниченного сохранением остатков полусредневековых форм хозяйствования в аграрной сфере.

Решения хорватского сабора в государственно-политической, социально-экономической и национальной сферах носили ограниченный и противоречивый характер, сочетая в себе продиктованные жизнью преобразования с уступками династии и внутренним консервативно-охранительным силам, суверенность в решении основополагающих вопросов и верноподданность, освободительную направленность в отрицании национальных привилегий и принудительное сохранение «лоскутной» империи в ее исторических границах[5]. 9 июля заседания сабора были отложены, что фактически означало его роспуск.

Хорватская депутация, прибывшая в Вену 17 июля для установления контакта с рейхстагом, ввиду запрещения его регламентом принимать депутации ни с чем вернулась в Загреб. Рухнули надежды хорватских либералов найти в лице австрийского парламента поддержку своей австрославистской позиции. Между тем к концу лета 1848 г. окрепли позиции дворцовой партии, видевшей путь к реставрации через военное подавление Венгрии, политический курс которой приобретал все более грозный для судеб империи характер. В связи с этим двор и австрийское правительство изменили свою уклончивую позицию в хорватско-венгерском конфликте на прямую поддержку Хорватии. В конце июля в Вене при посредничестве эрцгерцога Иоганна проходили хорватско-венгерские переговоры. В состав хорватской делегации, которую возглавлял бан Елачич, входил среди прочих депутатов сабора

и Кукулевич-Сакцинский. Австрийский двор и правительство не были заинтересованы в ослаблении напряженности в хорватско-венгерских отношениях. Это предопределило безрезультатность переговоров.

В Загребе тем временем нарастали воинственные настроения против Венгрии, правительство которой в ходе хорватско-венгерских переговоров отказалось передать центральному правительству распоряжение финансами, а также признать сербскую Воеводину. Сложились предпосылки для сближения хорватских либералов и властей с дворцово-правительственной партией в Вене. По указанию Елачича Кукулевич-Сакцинский привез из Милана от И. В. Радецкого, главнокомандующего императорскими войсками в Италии, 100 тыс. форинтов и получил гарантию на доставку 2 тыс. ружей[6].

Кукулевич-Сакцинский выразил свои настроения в книге «Славянки», вышедшей из печати в Загребе в 1848 г. Это был стихотворный сборник с «историческими примечаниями» автора. Он составил его еще до 1845 г., но не смог опубликовать из-за строгости цензуры. «Славянки» идейно перекликались со знаменитой поэмой деятеля словацкого и чешского Возрождения Яна Коллара «Дочь Славы» (1824, 1832), с ее пафосом сближения славян. Хорватский автор, проводя мысль о целостности славян, возвеличивал их прошлое, отмечал трагические страницы их истории, выражал веру в будущее. Последнее стихотворение начиналось строфой:

«Славяне! Славяне!
Вы народов слуги!
Вы хранители царств!
А друзья печали!»

В заключение поэт призывал славян:

«Вставайте!
Меч берите в руки!
Чужеземство пусть падет,
Славянство воспрянет».

В примечании Кукулевич-Сакцинский провозглашал «союз всех славян, союз во всех смыслах, против всех народов, особенно против немцев и венгров, этих самых лютых врагов славянства»[7]. Идея славянской общности была использована для пропагандистского обеспечения противостояния славян угнетателям, но в то же время и войны против центробежных движений в Австрийской империи.

7 сентября 1848 г. Хорватия объявила Венгрии войну. Хорватский либерально-консервативный лагерь, с одной стороны, и императорский двор — с другой, в военных действиях против Венгрии преследовали разные цели. Первый стремился в ходе войны утвердить самостоятельность Триединого королевства по отношению к Венгрии, усилить позиции славян в империи вообще и принудить двор к образованию австрийской федерации. Ведущие либералы, среди них и Кукулевич-Сакцинский, разъясняли свои цели в статьях в национальной периодической печати[8]. Придворная же камарилья видела в подавлении Венгрии необходимое условие для полной победы монархической контрреволюции. Но несмотря на различие целей, конкретные задачи хорватского либерализма и австрийской аристократии совпадали в вопросе о необходимости вооруженного вторжения в Венгрию.

Хорватские либералы осудили народное восстание в Вене в октябре 1848 г., видя в нем дело рук «псевдолиберальной венгерско-немецкой партии в Австрии». Однако настроения торжества стали меняться с развитием событий после подавления правительственными войсками революционной Вены. Превосходство военщины, назначение А. Виндишгреца верховным командующим императорской армии с диктаторскими полномочиями, лишение хорватских войск национальных отличий и подчинение бана Елачича в военных делах Виндишгрецу, аристократический австро-немецкий состав нового кабинета во главе с князем Ф. Шварценбергом — все это вызывало у загребских либералов тревогу перед опасностью реставрации в империи дореволюционных порядков и, как следствие этого, перелом в оппозиционную сторону. И. Кукулеквич-Сакцинский в статье «Внимание, славяне!», а также Д. Кушлан, Л. Вукотинович в статьях, помещенных в либеральной газете «Славенски Юг», предупреждали об опасности восстановления домартовского режима и призывали к бдительности[9]. Выступление Кукулевича-Сакцинского привлекло внимание всех славян в империи.

22 ноября 1848 г. возобновились заседания австрийского рейхстага, местопребыванием которого стал захолустный моравский городок Кромержиж. В парламенте развернулись дебаты по вопросу о государственном устройстве империи. Славянский клуб в нем выступал за федерализацию.

Второго декабря император Фердинанд, чтобы облегчить ликвидацию революционных завоеваний, отказался от престола в пользу племянника Франца Иосифа. Вскоре императорская армия под командованием Виндиш-

греца вторглась в Венгрию. В этих условиях венский двор был вынужден заигрывать с конституционными иллюзиями славянских либералов. Новый император утвердил наименее существенные решения хорватского сабора.

Эти события оживили в Загребе надежды на неизбежность уступок правительства федерализму, а с ними и потребность межславянского сближения. И вновь трубадур славянской общности Кукулевич-Сакцинский выступил в газете «Славенски Юг» с призывом к укреплению политических связей между славянами в империи. Признавая, что их политическое соединение в одно целое — дело будущего, хорватский либерал считал актуальным государственное конституирование каждого из «племен». Он выражал пожелание об образовании общеавстрийского оборонительного и, возможно, законодательного союза славян. Исходя из объединения немцев и итальянцев, Кукулевич-Сакцинский полагал, что следует начинать с политического соединения близко родственных славянских «племен», живущих в разных провинциях, чтобы «когда-нибудь слиться в одно целое». Он высказал мысль о мессионистском предопределении славян в деле освобождения Европы «от несправедливости, волнений и тирании»[10]. Противоречивое славянское сознание Кукулевича-Сакцинского соединяло в себе исторически оправданное и значимое стремление к сближению славянских народов с политической мечтательностью, плодотворную идею о достойном вкладе славян в прогресс Европы с претензиями на их исключительность, неприятие подчиненного положения славян с противопоставлением их другим народам.

7 марта 1849 г. австрийский двор разогнал рейхстаг и объявил монаршую конституцию, датированную 4 марта. Трезвые политики увидели в ней переход к абсолютизму.

Кукулевич-Сакцинский длительное время перед этим находился в Буде и Пеште, куда он как архивариус Хорватии был послан Елачичем для возвращения архивных материалов, вывезенных из Загреба в годы правления Иосифа II. Всего было получено около 2 000 папок и 5 000 отдельных документов. Кукулевич-Сакцинский вернулся в Загреб 7 марта и возглавил противостояние хорватской оппозиции октроированной конституции. Он вошел в состав официальной хорватской депутации, которая совместно с сербскими посланцами Воеводины направилась ко двору, чтобы вручить императору адрес с настойчивой просьбой утвердить решения хорватского сабора 1848 г. касательно политического устройства и положения

Триединого королевства[11]. Депутация довольствовалась пустыми обещаниями Франца Иосифа. 4 августа 1849 г. Банское вече (в отсутствие бана высший орган хорватской исполнительной власти, в работе которого участвовал и Кукулевич-Сакцинский), вопреки распоряжению Елачича, отказалось провозгласить октроированную конституцию как противоречившую парламентским принципам, правам и территориальной целостности Триединого королевства[12]. Но 6 сентября после вторичного распоряжения Елачича Вече признало ее.

С поражением революции в Австрийской империи был установлен режим неоабсолютизма. В обстановке глубокого общественного разочарования некоторые политические хорватские деятели ушли в литературу и науку. Среди них был и Кукулевич-Сакцинский.

В 1850 г. в Вене наиболее видные хорватские и сербские писатели и ученые подписали историческое соглашение о едином литературном языке сербов и хорватов на двух алфавитах — кириллице и латинице. В его основу были положены литературно-языковые нормы В. Караджича. Свои подписи поставили И. Мажуранич, Д. Деметер, И. Кукулевич-Сакцинский, Дж. Даничич, Ф. Миклошич (словенец) и В. Караджич.

В течение семи лет (1851–1858 гг.) Кукулевич-Сакцинский был заместителем председателя Матицы иллирской по литературной части и фактически вел все ее дела. Обществу удалось устоять перед лицом репрессий. Но это были трудные в его истории времена. Оно испытывало нехватку сотрудников, финансовые трудности, постоянное давление со стороны властей.

В середине 1851 г. Матица направила обращение к славянским культурным обществам и учреждениям с предложением выделить по два-три видных литератора и собраться им в Варшаве или Белграде для определения путей координации письма славян. Предполагалось выработать правила в духе славянской взаимности для сближения славянских языков. На это обращение откликнулись общество «Народное единство» в Брно, Чешская матица, Общество сербской литературы в Белграде и Словенское общество в Любляне. Однако инициатива загребской Матицы встревожила австрийские власти, увидевшие в ней угрозу межславянского сотрудничества. Потребовались неимоверные усилия хорватских патриотов, чтобы спасти общество.

Научная деятельность Кукулевича-Сакцинского развернулась в области истории и истории культуры. Он посвятил науке сорок лет своей жизни.

Либеральный политик и ученый Кукулевич-Сакцинский подходил к ис-

тории с прагматических позиций, стремясь средствами исторической науки способствовать решению современных ему актуальных проблем. Он первый среди хорватских историков осознал важность источников, освоил критический метод работы с ними и строил свои исследования в опоре на источниковый материал. Ученый был приверженцем анализа причин и следствий исторических явлений, объективности в их освещении и верности в изложении исторических фактов. Заслугой ученого было осознание им важности для понимания политической истории народа изучения социального и культурного аспектов его жизни. Кукулевич-Сакцинский считается основоположником современной хорватской исторической науки[13]. При этом он оставался ученым, верным «славянскому духу».

Желая собрать научные силы, Кукулевич-Сакцинский выступил в 1850 г. инициатором создания в Загребе первого научного исторического учреждения — «Общества югославянской истории и древностей» с журналом «Архив югославянской истории». Общество насчитывало в 1851 г. 415 членов, в 1856 –396, в 1859–467, в 1860–1863 гг. — 462 члена. Кукулевич-Сакцинский был бессменным его председателем и редактором журнала. Цель институции хорватский историк видел в том, чтобы с помощью исторических трудов содействовать укреплению самосознания народа и развитию у него национальной гордости, без которой не бывает великих дел. Общество и журнал имели широкую южнославянскую ориентацию[14]. В годы неоабсолютизма, когда в Хорватии была подавлена политическая и общественная жизнь, Матица иллирская и историческое Общество играли важную роль как центры собирания и сосредоточения хорватских патриотических сил и научной и литературной интеллигенции. В Общество вошли все видные национальные деятели.

Общество югославянской истории и древностей проводило работу в разных направлениях. Кукулевич-Сакцинский составил вопросник (30 пунктов), охватывавший широкий спектр исторических знаний от археологии и топонимики до искусства и народных обычаев. Ответы, поступавшие из разных краев проживания южных славян, были опубликованы в журнале «Архив». Общество занималось также сбором разного рода «старины» и книг, которые затем были переданы Национальному музею в Загребе.

Но главным делом Общества было издание «Архива». По существу это были продолжавшиеся сборники. Они включали разного рода исторические материалы по географии, юриспруденции, церкви, политике, этногра-

фии, литературе южных славян. Концепция «Архива» подкреплялась изданием в нем сербских текстов кириллицей и работ словенских авторов — на словенском языке. «Архив» получил признание в научном мире. Но из-за финансовых трудностей и в связи с издательской деятельностью основанной в 1867 г. Югославянской академии наук и искусств журнал в 1875 г. прекратил существование. А само историческое Общество в 1878 г. было преобразовано в Хорватское археологическое общество под председательством того же Кукулевича-Сакцинского с научным изданием «Вестник Хорватского археологического общества».

Существенной стороной научной деятельности Кукулевича-Сакцинского были поиск и публикация источников. В 1851–1857 гг. он совершил длительные путешествия, работал в библиотеках и архивах, в том числе венских и венецианских, с целью выявления и приобретения материалов по истории южных славян и исторических памятников. Ученый собрал отличную библиотеку по истории сербов, хорватов и словенцев, насчитывавшую тысячи рукописей, шесть тысяч грамот и двенадцать тыс. книжных томов. С именем этого деятеля было связано появление в 1860 г. первой хорватской ретроспективной библиографии — «Библиография хорватская. Печатные книги»[15].

В центре внимания ученого были вопросы государственно-правового развития хорватских и других южнославянских земель. Проблематика его исследований диктовалась запросами национально-освободительной борьбы. Вместе с тем он включил в круг научного изучения историю искусства и проявлял интерес к народному движению на славянском юге.

В 1854 г. Кукулевич-Сакцинский в работе «События Медведграда с очерком» впервые на основании источников дал целостное освещение крестьянского восстания, развернувшегося в 1573 г. на территории Хорватии и Словении. Автор подошел к пониманию его причины в тяжелом положении простого народа. К числу наиболее значительных исследований Кукулевича-Сакцинского относится четырехтомный «Словарь югославянских деятелей искусств», изданный в 1858–1860 гг. Он остается единственным изданием такого рода в научной литературе сербов, хорватов и словенцев[16].

В 1848–1860 гг. Кукулевич-Сакцинский выполнял должность архивариуса. Он закладывал основы современной архивной службы.

В 1860 г. разразился новый всеобщий кризис Австрийской империи, активизировались все оппозиционные силы. Всеобщее недовольство абсолю-

тистским режимом, военное поражение императорской армии в Италии вынудили Франца Иосифа издать в 1860 г. «Октябрьский диплом», а в следующем году «Февральский патент», которыми были введены в империи ограниченная автономия земель и конституционные нормы. В этих условиях поднялась новая волна хорватского общественного движения. В конце 1860 г. Кукулевич-Сакцинский получил приглашение бана стать членом Банской конференции (совещания), задачами которой были подготовка созыва хорватского сабора и выработка направления хорватской политики в новых обстоятельствах. Он участвовал в работе Конференции в 1860–1861 и 1865 гг.[17] В январе 1861 г. Кукулевич-Сакцинский занял должность великого жупана (главы администрации) Загребской жупании, а в 1865 г. стал наместником бана. Со всем жаром своего темперамента он вновь включился в водоворот политической борьбы.

Вначале Кукулевич-Сакцинский, подобно многим хорватским деятелям, колебался в ориентации Хорватии между Австрией и Венгрией. Будучи депутатом хорватского сабора в 1861 г., который занимался актуальными вопросами политического устройства, Кукулевич-Сакцинский голосовал за реальную унию Хорватии с Венгрией при условии признания последней самостоятельности и целостности Триединого королевства. Это была известная 42 статья решений хорватского сабора, которая стала политической платформой наиболее значимой оппозиционной Народно-либеральной партии, лидером которой являлся епископ Й. Штроссмайер, а одним из идеологов — каноник, крупный историк Ф. Рачки.[18]

Но в дальнейшем, под влиянием обещаний и уступок австрийского правительства Хорватии, опасений Венгрии и ужесточения венской политики в отношении оппозиции Народно-либеральной партии Кукулевич-Сакцинский как великий жупан стал ведущим деятелем основанной в 1864 г. Самостоятельной народной партии. Он характеризовал ее позицию следующими словами: «И народность, и автономию, и целостность территории, и славное будущее народа мы сможем получить и сохранить прежде всего в союзе со всеми австрийскими народами, нежели в стародавнем союзе с Венгрией»[19]. Решение хорватского национального вопроса видный либерал видел вновь в федеративной Австрийской империи, при воссоединении хорватских провинций и отделении Хорватии и Славонии от Венгрии.

В динамичной общественной ситуации, при сближении и разъединении на политическом пространстве группировок, расхождениях между былыми

единомышленниками Кукулевич-Сакцинский последовательно оставался приверженцем славянства. Показательным было его стихотворение «Молитва хорватского родолюба», которое он анонимно опубликовал в 1862 г., а затем в 1874 г. включил в свой стихотворный сборник «Исторические песни». Автор молил Бога вести род «к величию, процветанию и свободе».

В саборе 1866 г. Кукулевич-Сакцинский заявил: «Я имел в виду и буду иметь в виду всегда австрийское славянство». Вместе с тем он придавал большое значение общности южнославянских «племен» — сербов, хорватов, словенцев и болгар. Но при всей заинтересованности в интеграции сербов и хорватов он выступал за сохранение хорватского этнонима[20]. В славизме Кукулевича-Сакцинского 60–70-х гг. соединялись общеславянский, австрославистский и балканский компоненты как формы реализации хорватских национальных интересов.

В обстановке надвигавшегося австро-венгерского соглашения и страха перед перспективой войны между Австрией и Пруссией происходило сближение между хорватскими либеральными группировками, что привело в 1867 г. к объединению Самостоятельной народной партии и оппозиционной Народной партии. Тогда же Кукулевич-Сакцинский был уволен с постов великого загребского жупана и наместника бана.

Народная партия противостояла заключению в 1867 г. австро-венгерского Соглашения, преобразованию Австрийской империи в дуалистическое государство Австро-Венгрию, подписанию в 1868 г. хорвато-венгерского Соглашения с его урезанной автономией Хорватии и Славонии в составе Венгерского королевства. Затем она добивалась пересмотра последнего. В 1873 г. хорвато-венгерское Соглашение подверглось незначительной «ревизии» и в таком виде определяло положение Хорватии в течение 50 лет. Кукулевич-Сакцинский был деятельным участником этой борьбы. Он вновь стал депутатом хорватского сабора, оставаясь в его рядах вплоть до своей смерти.

В годы временного спада хорватского общественно-политического движения Кукулевич-Сакцинский критиковал вмешательство венгерских властей в хорватские дела и мадьяризацию хорватов, выступал за бóльшую самостоятельность Хорватии и воссоединение с ней Военной Границы и Далмации. В связи с развитием Великого Восточного кризиса видный хорватский либерал выражал солидарность с восставшими против власти Турции «братьями». Сначала он придерживался идеи широкой автономии

Боснии и Герцеговины, но накануне Берлинского конгресса 1878 г. занял позицию в пользу их присоединения к Австро-Венгрии в надежде на объединение с Хорватией[21]. Такая перспектива не входила в планы повстанцев, но соответствовала балканским претензиям Вены.

60–80-е годы XIX в. были временем плодотворной научной и общественной деятельности Кукулевича-Сакцинского. Верный идее упрочения славянства, он как великий жупан содействовал сбору хорватских материалов для Этнографической выставки, открывшейся в Москве в 1867 г., но, занимая официальное положение, не смог на нее приехать.

Политическая позиция сказалась на научной деятельности Кукулевича-Сакцинского, которая получила преимущественно хорватский исторический вектор. В 1861–1862 гг. в связи с обострением вопроса о статусе Хорватии он издал три тома документов, куда вошли акты хорватской государственности с IX в. до 1848 г., «Jura regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae». Эта фундаментальная публикация имела большое научное значение, расширив возможности историков для изучения положения Триединого королевства на протяжении тысячелетия, и отвечала политической задаче дня — обоснованию права Хорватии на собственную государственность перед лицом Венгрии и в Австрийской империи в целом. Она не утратила научной ценности до настоящего времени.

В 1863 г. И. Кукулевич-Сакцинский с помощью М. Месича и И. Ткалчевича при финансовой поддержке епископа Й. Штроссмайера издал сборник рукописных памятников XII–XVI вв., написанных глаголицей и частично кириллицей, — «Acta croatica». Это было уникальное печатное собрание средневековых хорватских текстов.

В том же году по инициативе Кукулевича-Сакцинского Общество югославянской истории и древностей торжественно отметило тысячелетний юбилей деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия и выпустило по этому случаю сборник «Тысячелетие славянских апостолов св. Кирилла и Мефодия».

В 1874–1875 гг. ученый выпустил собрание хорватских документов VI–XII вв. в двух томах «Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae». Историк работал над ним более четверти столетия. В него вошли документы, почерпнутые из 12 архивов и библиотек хорватских земель. Документальные издания Кукулевича-Сакцинского, соответствовавшие в основном нормам критической публикации источников, создали солидную

и доступную источниковую базу для развития медиевистики, прежде всего хорватской[22].

Кукулевич-Сакцинский написал ряд крупных исследовательских работ по хорватской истории. В книге «Борьба хорватов с монголами и татарами» историк стремился показать, что героическая борьба хорватов остановила татарское нашествие на Западную Европу и оградила ее от опустошения и уничтожения культуры. Однако идейная заданность монографии, а также не всегда критическое отношение автора к фольклору и работам отечественных историков XVI–XVIII вв. определили ее место лишь как факта историографии.[23]

Исходя из решающей роли личности в истории человечества, Кукулевич-Сакцинский опубликовал в двух книгах «Архива» крупную работу «Хорватские писатели с этой стороны Велебита, жившие в первой половине XVII в. » (1868, 1869). В ней были представлены подробные биографии не только литераторов, но и историков в контексте своего времени. Среди хорватов Кукулевич-Сакцинский особо выделил «хорватско-русского писателя» Юрия Крижанича, представлявшего «великий принцип народного и церковного единства всех славянских племен», одного из инициаторов заговора против австрийского господства Петра Зринского — носителя идеи самостоятельности «своей земли и народа» и бана Николу Зринского, воплотившего «принцип государства венгерского или мадьярского». В этих характеристиках получило выражение культурное и политическое кредо автора. Исследование жизни и деятельности выдающихся представителей хорватского народа Кукулевич-Сакцинский завершил в биографическом сборнике «Знаменитые хорваты прошлых веков» (1886)[24].

Хорватский историк был полон желаний дать исчерпывающее историко-топографическое описание Триединого королевства. Однако этот замысел был осуществлен лишь частично. В 1869 и 1870 гг. в трех выпусках вышла в свет его работа «Некоторые крепости и города Хорватского королевства». Ученый обратился к годам иллиризма в очерке мемуарного характера «29 июля 1845 года». В нем он описал событие, в котором и сам участвовал, — расстрел сторонников национально-освободительного движения войсками в Загребе. Источниковедческий характер носило его исследование «Надписи средних веков и нового времени на церквах, общественных и частных зданиях и т. д. в Хорватии и Славонии». Он собирал их в течение 40 лет, книга, включившая 342 надписи, была опубликована посмертно

в 1891 г. Таланту и перу Кукулевича-Сакцинского принадлежали и другие работы — статьи о Паннонии римского периода, в древней истории которой он находил следы славянской жизни, об обряде коронования первых правителей у болгар, хорватов и сербов, об участии хорватов в европейских войнах, а также жизнеописания, в частности первого хорватского короля Томислава, наконец, заметки историко-топографического характера и др.

Публикаторская и исследовательская деятельность И. Кукулевича-Сакцинского означали качественный сдвиг в состоянии хорватской исторической науки. Благодаря широте научного кругозора, критическому методу работы и таланту ученого она вышла на уровень европейских исследований. Идейный последователь иллиризма Кукулевич-Сакцинский, более глубоко проникнув в генетические корни, течение жизни и общественную ситуацию, утвердил характерную черту хорватской исторической науки в XIX в. — изучение истории и культуры хорватского народа в этнокультурном пространстве славян и южных славян, в особенности.

Отдаваясь науке, хорватский деятель не оставлял и художественное творчество, в котором получили выражение и его исторические взгляды. Как уже отмечалось, в 60–70-е годы он издал «Исторические песни», а также обновил «Славянки», написал несколько драматических произведений. В цикле «Хорватские могилы» поэт воспел славных хорватских юнаков и знаменитых личностей в хорватской истории.

Кукулевич-Сакцинский был в числе основателей Югославянской академии наук и искусств в Загребе (1867 г.), пожертвовав на ее основание 300 форинтов и взяв обязательство внести в течение десяти лет еще 1 000 форинтов . Однако, когда проходило ее формирование, он отказался войти в ее состав, как он сам объяснял, на том основании, что среди ее членов не оказалось Л. Гая и других видных деятелей иллиризма, а также ее состав не отражал южнославянского характера учреждения. Тем не менее Кукулевич-Сакцинский положил начало новой серии изданий Академии под общим названием «Старые хорватские писатели», опубликовав в 1869 г. «Песни Марко Марулича» с обширной вводной статьей «Марко Марулич и его время»[25].

Всю творческую жизнь Кукулевич-Сакцинский был связан с Матицей. В 1868–1873 гг. она была соединена с Югославянской академией наук и искусств. Однако это содружество оказалось обременительным для обеих сторон, и в 1873 г. была восстановлена самостоятельность Матицы. В следующем году были приняты новые Правила общества и оно получило на-

звание «Хорватская матица». Происшедшие перемены явились следствием изменений, протекавших в жизни хорватов, и отразили сдвиги в их общественном сознании. Председателем преображенной Матицы стал Кукулевич-Сакцинский, занимавший этот пост до своей кончины в 1889 г. Начался новый этап ее истории.

Под руководством Кукулевича-Сакцинского Хорватская матица занималась распространением общедоступных книг и развитием национальной художественной литературы, включив в сферу своих интересов также музыку и изобразительное искусство. Она строилась на основе членства с ежегодным взносом в 3 форинта. Если в 1875 г. в ее составе числилось более 300 человек, то в 1881 г. насчитывалось 4 900, а в 1891 г. — 8 100 членов[26]. Основательно окрепла и финансовая база Матицы. В 1889 г. ее имущество составляло более 120 000 форинтов[27]. В результате организационных новшеств Хорватская матица превратилась в массовую институцию, получив широкую общественную поддержку.

Благодаря росту общественных потребностей в книгах, укреплению материального положения Матицы она развернула широкую издательскую деятельность. В последней четверти XIX в. выходило из печати по 5–11 книг ежегодно. В 1877–1891 гг. Матица выпустила 121 книгу. При этом значительно расширился репертуар книжной продукции, в том числе за счет «поучительной» и развлекательной литературы[28].

В 1881–1891 гг. Хорватская матица издала в переводе девять томов произведений античных классиков. Крупнейший хорватский писатель этого времени А. Шеноа составил для нее первую научную «Антологию хорватской и сербской поэзии, народной и профессиональной, с введением в поэтику». В 1877 г. было завершено издание собрания сочинений замечательного поэта, словенца по происхождению Ст. Враза в пяти томах. А затем в связи с 70-летием со дня рождения поэта вышли из печати «Избранные песни» с его биографией. Матица организовала также торжества на родине Враза в Церовеце. В серии занимательной библиотеки были опубликованы сочинения Шеноа — исторический роман о Хорватии середины XVIII в. «Диогенес» и ставшая знаменитой повесть из сельской жизни «Нищий Лука». В 1882–1891 гг. Матица посмертно издала его «Избранные песни» и «Собрание повестей» в шести томах. Увидели свет стихотворные сборники выдающихся хорватских поэтов П. Прерадовича, А. Харамбашича, С. Краньчевича и др.

Матица имела в поле зрения сбор фольклора. Первым ей подарил свое большое собрание произведений народного творчества Кукулевич-Сакцинский. 1 тыс. форинтов пожертвовал на издание народных песен Й. Штросмайер. Благодаря приношениям многих лиц из разных краев проживания хорватов Матица стала одним из хранителей сокровищ южнославянского фольклора.

Хорватская матица издавала также в переводах русскую, украинскую и западноевропейскую классику. В 1880-е годы она напечатала роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в переводе Ив. Трнски, повести И. С. Тургенева, произведения Т. Г. Шевченко, Марко Вовчок. Благодаря Матице хорватские читатели познакомились с творчеством И. Гете, Ж. Верна, Х. К. Андерсена, Ж. Санд, Г. Сенкевича, В. Ирвинга и др.

Наука была представлена в продукции Матицы прежде всего прекрасными трудами по истории. Главное место среди них занимала фундаментальная двухтомная монография Т. Смичикласа «Хорватская история» (1879, 1882), впервые осветившая прошлое хорватского народа с древних времен до середины XIX в. Особое место среди изданий Матицы заняла книга Т. Смичикласа и Ф. Марковича «Хорватская матица, 1842–1892. Памятная книга», выпущенная по случаю 50-летия общества (1892). В ней прослежена история Матицы и опубликованы биографии наиболее видных ее деятелей[29].

Для активизации литературной деятельности Хорватская матица использовала поощрительные премии, она занималась и благотворительной деятельностью. Матица постоянно поддерживала славянские связи, через издательскую работу, в форме книгообмена. Хорватская матица была патриотическим учреждением, проявлявшим высокую общественную активность. Она играла важную роль в деле сплочения хорватов, развития национальной культуры, утверждения позиций хорватского народа и укрепления межславянского культурного сотрудничества.

Свою неуемную энергию Кукулевич-Сакцинский реализовал также в других культурных обществах и хозяйственных организациях. Он был в числе основателей Национального музея в Загребе и Университета, который был открыт в 1874 г., входил в состав театрального комитета, отводя национальному театру важную роль в противостоянии онемечиванию хорватов, особенно горожан, являлся членом комитетов музыкального заведения, государственного архива и др. Кукулевич-Сакцинский сотрудничал во многих газетах, литературных и научных изданиях[30].

Широкие славянские интересы Кукулевича-Сакцинского получили выражение, помимо вышесказанного, в его активных личных контактах со славянскими деятелями науки и искусства. Он состоял в переписке, в ходе которой обсуждались и научные вопросы, обменивался книгами, информацией со многими видными представителями славянского мира: словаками П. Й. Шафариком и Я. Шафариком, словенцами М. Маяром, Я. Бляйвейсом, Ф. Миклошичем, Д. Трстеняком и др., благодаря священнику церкви при российском посольстве в Вене М. Ф. Раевскому он имел связи с русскими учеными и литераторами А. Ф. Гильфердингом, И. С. Аксаковым, Н. А. Поповым, П. А. Лавровским и пр.

Научные заслуги Кукулевича-Сакцинского и его вклад в славянское сотрудничество получили высокую оценку на родине, в славянском мире и в России. Он был отмечен почти всеми обществами и многими городами в Хорватии. Славянские научные учреждения рассматривали его в течение многих лет главным представителем исторической науки в Хорватии. Они, как и ряд неславянских академий, избрали его своим членом. Труды и деятельность Кукулевича-Сакцинского на научном и общественном поприще получили признание в России. В 1856 г. он был избран иностранным членом Петербургской Академии наук, являлся почетным профессором Харьковского, Киевского и Петербургского университетов. Российское правительство наградило его орденом Св. Владимира III степени[31].

Кукулевич-Сакцинский скончася в 1889 г. в своем имении Пухаковец в хорватском Загорье. Масштаб личности, разносторонность деятельности, плодотворность его общественных и научных начинаний определили достойное место Кукулевича-Сакцинского в истории хорватского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О жизни и деятельности И. Кукулевича-Сакцинского см.: *Smičiklas T., Marković F.* Matica hrvatska od godine 1842. do godine 1892. U Zagrebu, 1892; *Šidak J.* Politička djelatnost Ivana Kukuljevića Sakcinskoga // Studije iz hrvatske povijesti XIX stoljeća. Zagreb, 1973; *Лещиловская И. И.* Иллиризм. М., 1968.

2 Novine dalm. herv. slavonske. 1848. 27. III.

3 Ibid. 20. IV. S. 145.

4 Ibid. 13. VI. S. 242; 15. VI. S. 246.

5 О работе хорватского сабора в 1848 г. и деятельности в нем И. Кукулевича-Сакцинского см.: Zapisnik sabora trojedne kraljevine Dalmatinske, Hervatske i Slavonske 5. i sledećih meseca lipnja i serpnja danah godine 1848 deržanog. Zagreb, 1848; *Pejaković S.* Aktenstücke zur Geschichte des kroatisch-slavonischen Landtages und der nationalen Dewegung vom Jahre 1848. Wien, 1861; *Šidak J.* Politička djelatnost... S. 239–245; *Лещиловская И. И.* Общественно-политическая борьба в Хорватии. 1848–1849. М., 1977. С. 171–202.

6 *Šidak J.* Politička djelatnost... S. 245.

7 Slavjanke. Zagreb, 1848. S. 88.

8 См.: Novine. 1848. 16. IX. S. 405; Slavenski Jug. 1848. 1. IX. S. 45–46; 3. IX. S. 49.

9 Slavenski Jug. 1848. 15. XI. S. 173; 29. XI. S. 193, 195.

10 Ibid. 10. XII. S. 217, 218.

11 *Pejaković S.* Op. cit. S. 195–201.

12 Ibid. S. 218–220.

13 *Šidak J.* Ivan Kukuljević — osnivač moderne hrvatske historiografije // Šidak J. Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981. S. 297, 307.

14 *Szabo A.* Središnje institucije Hrvatske u Zagrebu 1860–1873. Zagreb, 1988. II. S. 81, 94.

15 *Šidak J.* Ivan Kukuljević... S. 302–303, 315.

16 Ibid. S. 305–306.

17 *Szabo A.* Središnje institucije... Zagreb, 1987. I. S. 21–23, 41.

18 *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970. С. 241; *Szabo A.* Op. cit. I. S. 26.

19 I. K. S. Narodna moralna snaga južnih slavenah i hrvatske političke stranke. Zagreb, 1865. S. 13.

20 Ibid.; *Šidak J.* Politička djelatnost... S. 266.

21 *Šidak J.* Ivan Kukuljević... S. 270 i sl., 273, 274.

22 *Šidak J.* Ivan Kukuljević... S. 308, 309, 315.

23 Ibid. S. 309.

24 Ibid. S. 313, 314.

25 Ibid. S. 312.

26 *Smičiklas T., Marković F.* Op. cit. S. 60.

27 Matica hrvatska. 1842–1962. Zagreb, 1963. S. 112.

28 Славянские матицы. XIX век. М., 1996. Ч. I. С. 150.

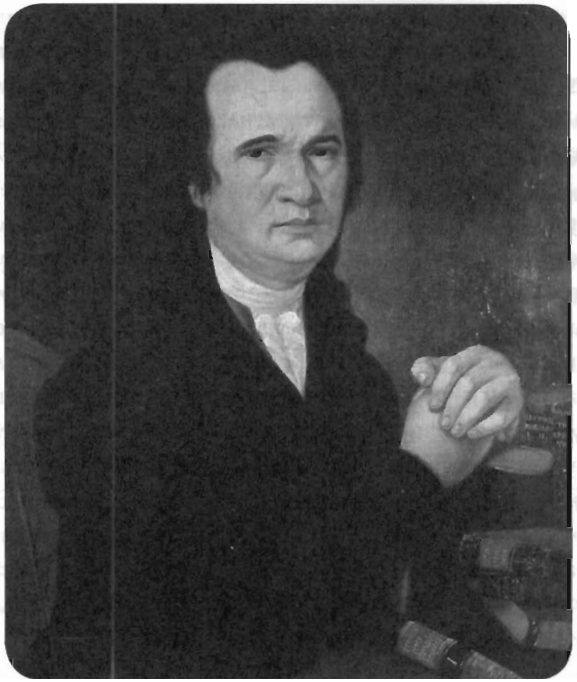
29 Там же. С. 150–152.

30 *Šidak J.* Politička djelatnost... S. 261, 266; Idem. Ivan Kukuljević... S. 312; Szabo A. Op. cit. II. S. 233.

31 *Smičiklas T., Marković F.* Op. cit. S. 172; Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М., 1975.

И. И. Лещиловская

Досифей Обрадович



Досифей Обрадович (ок. 1740–1811) — мыслитель, писатель, педагог, был одной из наиболее значительных личностей в истории культуры сербского народа. Сила воздействия его творчества намного пережила писателя и вышла за национальные рамки, охватив южнославянские Балканы.

Д. Обрадович прожил удивительную, насыщенную событиями жизнь. Биография этого человека отразила не только его творческое развитие, но и складывание у сербов Личности нового типа. Бóльшую часть своего жизненного пути он описал, хотя и с долей художественного вымысла, в сочинении "Жизнь и приключения Димитрие Обрадовича, нареченного в монашестве Досифеем, им самим написанные и изданные" (Лейпциг, 1783. Ч. I; 1788. Ч. II)[1]. Эта книга заняла место одной из важнейших в его творчестве.

Значительная часть жизни Обрадовича прошла в Австрийской монархии. Родился будущий писатель в селе Чаково в Темишварском Банате* в семье скорняка и мелкого торговца. Рано осиротев, он учился ремеслу в Темишваре, а затем принял монашеский постриг в монастыре Хопово в Среме, исторической области на востоке Славонии, пограничной с Сербией.

В монастыре экзальтированный юноша, намереваясь посвятить жизнь душеспасительному служению Богу, старался почерпнуть из книг примеры богоугодных подвигов. Так он пристрастился к чтению. Досифей прочитал все, что имелось в изрядной для того времени монастырской библиотеке, в том числе сочинения писателей «киевской школы» — Симеона Полоцкого, Иоаникия Галятовского, Стефана Яворского. Сам Обрадович, вспоминая монастырскую жизнь и его увлечение церковной литературой, видел пользу от чтения таких книг лишь в приобщении к «старому славянскому языку»[2]. Однако в монастырских условиях, в которых протекала его юность, при том, что российские духовные писатели конца XVII — начала XVIII вв. отличались высоким образованием, литературным дарованием и писательским мастерством, именно знакомство с лучшими образцами русско-украинско-белорусской литературы барокко заложило основы его самообразования. Особое значение для духовного становления молодого Обрадовича имело знакомство с Духовным регламентом 1721 г., составленным по указанию Петра I его сподвижником, церковным сановником и писателем Феофаном Прокоповичем. В круг чтения Досифея в Хопово входила также античная, византийская и западноевропейская литература в русских переводах. Они стали для молодого монаха вестниками западной культуры.

Чтение пробудило в молодом человеке жажду знаний, желание учиться. Среди монахов постоянно велись разговоры о России, где в то время царствовала Елизавета, дочь почитаемого сербами Петра I. Бывали в монастыре и выходцы из России, с которыми, несомненно, общался Досифей. Она привлекала жаждущих образования сербов. «Имея непрестанно в голове и на сердце Киев, Москву и Россию», — вспоминал Обрадович[3], он проникся желанием отправиться для обучения в Россию. На многие годы это стало целью его жизни.

В 1760 г. Досифей бежал из Хопово. Главной причиной его ухода из монастыря была тяга к знаниям. Пешком через Славонию и Хорватию он от-

* Теперь в составе Румынии.

правился в Загреб, намереваясь в связи с Семилетней войной добраться с каким-либо капелланом хорватского полка до Германии, где было множество сербов-офицеров, находившихся на русской службе, и с их помощью ехать в Россию. Однако этот план осуществить не удалось. И Досифей из Загреба, пребывание в котором использовал для изучения латинского языка, вновь пешком, направился в Далмацию, находившуюся под властью Венеции. Учительским трудом он рассчитывал скопить денег на поездку в Россию. Но жизненные обстоятельства помешали ему достичь желанной цели.

Досифей остановился в Книнско-поле, где, по его словам, провел «три милых года», учительствуя в приходской школе. Накопив денег, Досифей отправился было за знаниями на Афонскую гору, где имелось немало православных монастырей и действовала знаменитая школа Евгение Вулгариса, но по пути заболел и остался среди черногорцев в общине Маини, обучая детей за пропитание. Здесь он много общался с черногорскими владыками Савой Петровичем Негошем и Василие Петровичем, познакомился с изданием Петербургской Академии наук «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», привезенным Василие из Петербурга. Оно обогатило его знания о России, ее истории, современной жизни и культуре, расширило представления о западной литературе, ввело в круг новых общественных проблем. В черногорском монастыре Станевичи владыка Василие рукоположил Досифея в священники.

Из-за болезни Досифей вернулся в Далмацию и поселился в селе Голубиче, близ Боснии. Он учительствовал здесь больше года, но начавшаяся чума побудила его переселиться в Косово. Так он оказался среди сербов в Османской империи. По просьбе дочери местного священника Досифей в 1765 г. написал для нее на народном сербском языке «Буквицу», в которой в азбучном порядке изложил беседы отца церкви Иоанна Златоуста.

После недолгого пребывания в монастыре Драгович Досифей, ведомый жаждой знаний, отправился на остров Корфу, оттуда на Морею и, наконец, на Афон. Всюду он общался со священниками, моряками, простыми людьми, обучаясь на практике новогреческому языку. Досифей остановился в Хиландаре, оказавшись в обществе не только сербов, но и болгар. Но за несколько месяцев до приезда Досифея Вулгарис из-за монашеских интриг оставил Хиландар, и его школа прекратила существование. Поэтому Обрадович вновь оказался в пути в поисках знаний. Они привели его в город Смирну в Малой Азии, где сербский монах в течение трех лет посещал

богословскую греческую школу Еротея Дендрина, образованного человека свободных взглядов. Осуществилась заветная мечта Досифея: он получил основательное классическое православное образование.

Слухи о предстоящей русско-турецкой войне вынудили Досифея покинуть смирненскую школу. Прожив год в Албании (здесь он выучился албанскому языку), Обрадович вновь оказался на острове Корфу, где продолжил изучение латинского языка. Затем он жил в Венеции и, наконец, вернулся в Далмацию.

Досифей устроился в селе Плавно недалеко от Книна. Он жил в маленьком домишке, который не спасал зимой ни от холода, ни от снега и воды. Обрадович провел здесь почти год в упорном труде. Он учил местных детей грамоте, читал проповеди в трех далматинских православных монастырях и занимался литературной деятельностью, закончив новый вариант «Буквицы» — «Ижицу»

Из Плавно Обрадович переехал в город Скрадин. Здесь в 1770 г. он завершил сочинение «Христоития». Это был вольный перевод на сербский народный язык со старогреческого языка (оригинал восходил к Эразму Роттердамскому) правил пристойного поведении. Тогда же он написал «Венец по алфавиту», в котором изложил советы христианско-морализаторского характера. Досифей прожил год в столице Дамации — городе Задаре. Круг его друзей и знакомых расширился. Это были местные священники, торговцы, офицеры, представители интеллигенции.

70-е годы XVIII в. стали переломными в идейном развитии Д. Обрадовича. В 1771 г., навсегда покинув Далмацию, он переехал в Вену, где провел, по его словам, «шесть полезных и радостных лет»[4]. Это было время реформ Марии Терезии, интенсивного подъема культурной жизни в австрийской столице. Он жил здесь уроками, обучая иностранным языкам торговцев и их детей — сербов, греков и болгар. Но Обрадович и сам занимался французским, латинским, немецким языками. Чувствуя себя независимым и свободным, Обрадович наслаждался венскими достопримечательностями, много ходил пешком по столичным предместьям. Вена расковала духовные силы Досифея и вовлекла в поток светской интеллектуальной жизни. Пребывание в столице позволило ему непосредственно войти в сферу современной ему западноевропейской культуры.

При всей значительности культурного достояния австрийской столицы Обрадович понял, однако, что центры европейской культуры находились в то

время за пределами монархии. Поэтому, когда глава Карловацкой митрополии в Австрийской монархии Видак обратился к нему с предложением стать воспитателем двух его племянников, обещая через год отправить всех троих за его счет учиться в один из германских университетов, а затем и в путешествие по Франции, Англии и Италии, Досифей не колеблясь согласился.

Так Досифей оказался в Модре, тихом словацком городке недалеко от Пожони*, в то время центра административно-политической жизни Венгрии. Вместе со своими питомцами он посещал местную гимназию, где слушал «философию Баумайстера», проникнутую духом рационализма. Круг знакомств Досифея составляли здесь венгерские дворяне и офицеры. Пребывание в Словакии оказало серьезное влияние на духовный мир Обрадовича.

В 1777–1778 гг. Досифей в той же должности жил в Сремски-Карловцах, православном центре Австрийской монархии. Здесь сложилась напряженная обстановка, вызванная общественным недовольством церковными реформами Марии-Терезии. После двадцатилетнего отсутствия Обрадович посетил родные места в Банате. Жизненные наблюдения, низкое состояние культуры сербов укрепили в нем потребность выступить с пропагандой новых идей. Именно в Сремски-Карловцах Обрадович начал писать свое знаменитое сочинение «Жизнь и приключения... », в котором изложил взгляды на мир с позиции Просвещения.

Из Сремски-Карловцев Обрадович с воспитанниками переехал в Пожонь, где молодые люди посещали евангелический лицей. Это было время подъема рационалистического движения в Венгрии, одним из центров которого был пожоньский лицей. Между тем надежды Обрадовича на то, что митрополит Видак выполнит свое обещание относительно отправки племянников и его в Германию, не оправдались. Зависимое положение от церковного сановника угнетало Досифея. Он характеризовал в автобиографическом сочинении три года, проведенные на службе у митрополита, как «самые неприятные в жизни»[5].

Расставшись с митрополитом, Обрадович много путешествовал. Он посетил Триест, где была богатая колония сербских торговцев. Здесь он познакомился с местным священником Харалампие Мамулой, которому суждено было в дальнейшем, благодаря сочинению Обрадовича, войти в историю сербской литературы. С российским архимандритом Варлаамом Досифей совершил путешествие по Италии. В Венеции, Болонье,

* Прессбург (нем.). Теперь Братислава.

Флоренции, Луке, Пизе и вообще в Италии он насмотрелся, по его словам, «несказанных и неописуемых красот»[6]. Обрадович приобщился к культурным ценностям мирового значения. Путешествие по Италии оставило глубокий след в памяти писателя.

Из Ливорно Обрадович направился морем в Стамбул, рассчитывая поправить здесь свое материальное положение преподаванием языков. Однако из-за вспыхнувшей в турецкой столице чумы он вынужден был остановиться на острове Хиос, где прожил уроками около года. На острове был богатый монастырь с хранилищем старых греческих рукописных книг. Обрадович не преминул познакомиться с монастырской библиотекой.

Покинув Хиос, Обрадовчи добрался до Стамбула. Но в городе вновь началась чума, и Досифей спешно бежал из него, теперь уже в Молдову. Он обосновался в Яссах, обучая детей высокопоставленных лиц и тесно общаясь с епископом Джикой, который стал его другом и почитателем.

С торговцами, направлявшимися в Лейпциг, Обрадович через Польшу и Силезию перебрался в давно желанную Германию. Он поселился в Галле и, расставшись с монашеской одеждой, записался в университет. Здесь Обрадович, слушал философию, эстетику и естественную теологию у философа профессора Й. А. Эберхарда. Это был один из лучших германских университетов, атмосфера которого отличалась наибольшим свободомыслием. Эберхард был последователем рационалистической философии Г. В. Лейбница и ее популяризатора и систематизатора Х. Вольфа. Желая издать свое сочинение, Обрадович переехал в Лейпциг, где имелась типография с кирилловским шрифтом. Досифей записался в местный университет, где слушал, в частности, лекции по физике у профессора Борна.

В 1783 г. Д. Обрадович впервые выступил в печати как убежденный сторонник идей Просвещения. Он издал «Письмо Харалампию», в котором наметил программу преобразования сербской культуры, и первую часть сочинения «Жизнь и приключения...»

Еще в Пожони Д. Обрадович познакомился с Д. Г. Неранджичем (Неранчичем), сербом, полковником русской армии, проявлявшим заинтересованность в положении и нуждах сербского народа. Теперь Обрадович хотел послать ему свою книгу через торговцев из Белоруссии. Однако те не могли указать его местонахождение. Они сообщили писателю, что брат этого офицера генерал Симеон (Семен) Зорич Неранджич (Неранчич) находится в своем имении Шклов в Могилевской губернии. Через этих купцов Обрадович передал для Зорича четыре экземпляра своей книги. Тот поблагодарил за книги и при-

гласил приехать в Шклов. «За всю свою жизнь, — вспоминал Обрадович, — я не получал столь радостного письма, ни сам когда-либо радостнее был». Писатель ответил благодарственным письмом со стихами и посвятил Зоричу свою новую книгу «Советы здравого разума» (1784). «Любовь его к отечеству своих благородных прародителей и к своему родному народу, — писал он в «Советах», — достойна всегдашнего воспоминания и благодарности»[7].

Но в Шклов Обрадович в то время не поехал.

Постоянный поиск, желание узнать и увидеть лучшее, что создали человеческие мысль и труд, сложившаяся просветительская позиция Д. Обрадовича были побудительной причиной его многочисленных путешествий. На этот раз, оставив Лейпциг, он отправился во Францию и Англию. Европейские мыслители Просвещения, в частности Дж. Локк и Ж. -Ж. Руссо, доказывали необходимость и возможность путешествий для повышения образования и воспитания человека.

Проехав всю Германию, Обрадович прибыл во Франкфурт-на-Майне и через Страсбург, где он осмотрел университет и всемирно известный кафедральный собор, попал во Францию. Досифей пробыл в Париже три недели. Но и «триста лет здесь проживешь, будет что смотреть», — писал он позднее. С утра до ночи Досифей ходил по городу, наслаждаясь его рукотворными красотами. Он посетил все достопримечательные места Парижа и Версаля. Наиболее сильные впечатления произвел на него Лувр, который он назвал одним из семи чудес света. Обрадовича Париж интересовал лишь с точки зрения состояния французской культуры. В книге «Жизнь и приключения...», где писатель рассказал о своем пребывании в городе, совсем не получила отражения общественная атмосфера во французской столице кануна великой революции. Покидая Францию, Обрадович посетил в Камбре могилу «блаженного и святого» архиепископа Ф. Фенелона[8], автора философско-утопического романа «Приключения Телемака», проникнутого идеей просвещенной монархии.

В конце 1784 г. Обрадович приехал в Англию. Его поразил величиной и необозримым пространством «красивейший и главнейший в мире город Лондон». Досифей усиленно занимался английским языком и, упражняясь в нем, переводил, в частности, с греческого на английский басни Эзопа. Обрадович проявил большой интерес к Британскому музею, которому подарил одну из своих книг. Он приобрел здесь друзей из числа торговцев, занимавшихся также литературной деятельностью, и интеллиген-

ции, покорив их своими знаниями, обхождением и обаянием. Но писатель был охвачен уже «верховнейшим желанием» писать и издавать книги для сербского народа на его родном языке. Поэтому по прошествии полугода Обрадович навсегда покинул Лондон. Его путь лежал через Гамбург и Саксонию в Лейпциг.

Здесь его ожидало новое письмо от Зорича. Для поездки в Шклов требовались деньги, и Обрадович переехал в Вену, намереваясь уроками скопить нужные средства. По словам писателя, он благополучно жил в столице. Но Зорич обещал основать в Шклове типографию, и «непреодолимое желание еще что-либо издать при жизни все победило...»[9] И Обрадович в конце 1787 г. отправился в Шклов.

Д. Одрадович прожил в Шклове полгода, преподавая в военном училище, основанном Зоричем. Здесь он начал писать вторую часть «Жизни и приключений...» Но мысль о родине, желание быть полезным своему народу не покидали его даже среди удобств жизни в Шклове. К тому же Зорич ко времени приезда Обрадовича был уже весь в долгах. В такой ситуации об устройстве типографии в Шклове не могло быть и речи. В июне 1788 г., распродав привезенные с собой книги (книги на немецком языке Зорич взял в свою библиотеку), Обрадович покинул Шклов. На прощанье Зорич дал ему 400 руб. и лисью шубу. На эти деньги писатель издал в 1788 г. в Лейпциге вторую часть «Жизни и приключений...» и «Басни», наиболее зрелое и известное свое произведение.

В 1789–1802 гг. местом пребывания Обрадовича вновь была Вена. В это напряженное для всей Европы время в австрийской столице сложился круг высокообразованной сербской интеллигенции, которая жила активной духовной жизнью, выходили первые сербские газеты. В 1789 г. в ходе войны России и Австрии против Турции австрийские войска заняли Белград. Это событие всколыхнуло сербов. Обрадович откликнулся на него стихотворением «Песнь об избавлении Сербии», воспев в нем победы русского и австрийского оружия над турками.

Тем временем сербский писатель продолжил свою литературную просветительскую деятельность. В 1793 г. он выпустил в Вене книгу «Собрание разных нравоучительных вещей на пользу и увеселение». Она включала переводы и компиляции из известных английских, французских, немецких и итальянских изданий. В 1802 г. Обрадович поселился в Триесте. Богатые сербские торговцы предложили ему материальное обеспечение в 2 000 фо-

ринтов в год с тем, чтобы он писал и издавал книги для сербов. В 1803 г. он издал в Венеции «Этику».

Период с начала 80-х годов XVIII в. до середины первого десятилетия XIX в. был временем плодотворной писательской и педагогической деятельности Досифея Обрадовича. Он фактически закончил ее в 1806 г., подготовив вторую часть «Собрания». Ее издал в Буде в 1818 г. посмертно его ученик и последователь П. Солярич под названием «Мезимац» (серб. — младший, любимый сын). Середина первого десятилетия XIX в. стала завершением периода Просвещения в сербской культуре.

Благодаря своей настойчивости, неустанному труду и неодолимой тяге к знаниям Обрадович достиг европейского уровня образованности. Он прекрасно знал классическую и современную западную философию, художественную литературу, историю. Основательность его знаний подкреплялась свободным владением, помимо классических, основными живыми европейскими языками. Педагог и просветитель по призванию, он жил частными уроками, преподавая языки, и литературным трудом. Обрадович материально не был зависим от церкви или государства, и это обеспечивало ему свободу действий и творчества.

Сербский писатель объехал Европу от Гамбурга до Стамбула и островов в Эгейском море, от Лондона до западных окраин России, жил в Малой Азии. Пребывание в разных странах и городах расширило общественный кругозор Обрадовича, непосредственно познакомило его с порядками, не похожими на те, в которых жили сербы, с бытом, нравами и духовной культурой других народов.

Досифей Обрадович прошел сложный путь идейного развития от монашеского аскетизма до критической философии, все глубже проникаясь надеждами, чаяниями и интересами своего народа. Он выступил глашатаем идей Просвещения у сербов и стал одним из самых крупных и ярких его представителей на Балканах. Сербское Просвещение, как система взглядов и развернувшейся в соответствии с ними деятельности, было ответом на запросы общественного развития в канун Нового времени и содействовало движению к нему. Опираясь на достижения сербской мысли, оно вобрало в себя положения раннего русского рационализма и основополагающие принципы европейского Просвещения, переработанные и приспособленные к потребностям сербов.

Писатель своими помыслами и делами был обращен к крестьянству. «Я долгое время жил среди крестьян, да и мои прародители со стороны

отца и матери были крестьяне, — писал он, — поэтому они для меня родные, милые и дорогие, и я стремлюсь, насколько могу, быть им полезным». В своих книгах, отразивших богатые жизненные впечатления автора и проникнутых передовыми взглядами, Обрадович обращался к простым людям — пахарям и пастухам, считая, что «в каждом народе крестьян большинство и сверх большинство»[10]. Печатным словом на народном языке сербов писатель-демократ стремился поднять культурный уровень крестьян и тем самым открыть путь благоденствию и процветанию своего «милого рода».

В области философии Обрадович был приверженцем деизма, сторонником рационалистической теории "«естественного здравого разума» как основы бытия, развития человеческой истории и жизни. Он разделял естественно-правовую доктрину с ее равенством людей от природы, постулат «общей пользы» и положение о веротерпимости в христианском мире как закон естества. Важной стороной мировоззрения писателя была убежденность в поступательном и непрерывном развитии человечества, вера в прогресс, противостоявшая представлениям о вечности и непреложности средневекового мира.

Доминантой учения Досифея Обрадовича была великая идея Свободы. Она трактовалась в философско-нравственном смысле как свобода духа, но применительно конкретно к Сербии и в государственно-политическом значении. «Думай, суди, рассуждай и познай !» — с этими словами писатель обращался к сербскому читателю, будучи глубоко убежденным в торжестве раскрепощенного совершенного разума[11].

Неотъемлемой частью противостояния европейского Просвещения Средневековью была критика церкви как олицетворения эпохи. В рамках глобальной концепции совершенствования человека и общества Обрадович выступил с критикой существующей сербской православной церкви. Большое влияние на формирование его взглядов по церковному вопросу оказали западная литература Просвещения, с одной стороны, и преобразовательная деятельность Петра I, реформаторская направленность Духовного регламента 1721 г. — с другой.

В XVIII в. православная церковь занимала неодинаковое положение на территории проживания сербов, разделенной между Османской империей, Австрийской монархией и Венецианской республикой. Но всюду она была неравноправной в сравнении с церковью господствующих в этих го-

сударствах конфессий и подвергалась давлению. В сербской среде православная церковь, помимо исполнения своей главной, религиозной функции, доминировала в разных сферах жизни, особенно в первой половине века. Карловацкая митрополия выступала носителем ограниченной церковно-школьной автономии православного населения в Австрийской монархии. Митрополиты были верховными правителями Черногории. Единая в догматике и обрядовости православная церковь в условиях раздробленности сербов поддерживала целостность культурно-религиозного пространства у них, представляла конфессиональную идентичность народа, способствовала укреплению этнического самосознания сербов, чтила средневековую сербскую государственную традицию. Поместная сербская церковь в той или иной степени занимала антиосманскую позицию. По ряду аспектов жизни она отражала общесербские интересы.

Вместе с тем поместная сербская церковь была частью позднесредневекового мира, хотя начиналось медленное и трудное ее приспособление к требованиям времени. Консервативная институция, она стремилась к сохранению своей духовной монополии, первенствующего положения в сербской среде, выступала носителем стереотипного сознания, затрудняла освоение европейских культурных достижений, обрекая народ на изоляцию, была чужда ценностям свободомыслия. Вот эту устоявшуюся сторону существования сербской православной церкви и подверг жесткой критике Досифей Обрадович.

Писатель выступил за изменение места, роли и предназначения церкви, ограничение ее функций строго религиозной сферой, демократизацию внутренней организации, удешевление культовой практики и ее приближение к пониманию простого человека, нравственное оздоровление духовенства. Сербский деятель был принципиальным сторонником ликвидации монастырей, объявив этот институт противным «здравому разуму» и «общей пользе». Бичуя бесполезность монастырей и паразитизм монахов, он восклицал в связи с монашескими поборами, ложившимися тяжким бременем на крестьян: «Стыд и срам сербскому имени!» Писатель был сторонником обращения монастырского имущества на общественные нужды. В связи с этим он призывал на современников «дух Петра Великого»[12].

Сербский просветитель осуждал церковные церемонии, поклонение мощам и иконам, чрезмерные посты и праздники. Он разоблачал невежество, жадность, своеволие и лицемерие высокого клира. Большое место зани-

мала в его пропаганде борьба против суеверия, предрассудков, мракобесия и мрачных обычаев.

С особой страстью Обрадович клеймил высших духовных сановников и монашество на Балканах: «Епископы! Духовные отцы! Пастыри христова стада! Постящиеся и богомольные монахи — все они жестокие и суровые волки-кровопийцы, которые под покровом религии сосут человеческую кровь там, где господствуют варварство и пытки»[13]. Духовная власть над православным населением на Балканах высшего греческого духовенства усугубляла критическую позицию Обрадовича.

Подвергая критике с позиции «здравого разума» учреждения, общество и церковь, Обрадович отстаивал устройство жизни на основе «чистого евангельского учения», гуманизма и общественной целесообразности. Он не был противником церкви как социального института, но отрицал конкретные явления церковной жизни. Более того, писатель видел в лице образованных священников «мудрых советчиков, учителей и наставников общества»[14]. Реформированной церкви он отводил важную миссию формирования нравственного климата в обществе.

Позиция Обрадовича в церковном вопросе, отражавшая общее недовольство всевластием, поборами и диктатом духовенства, означала упразднение средневековой регламентации церковными канонами реальной жизни, мыслей и поведения человека. Она была в русле перехода сербов из позднесредневекового состояния с его традиционализмом, универсализмом и самоизолированностью в Новое время, формировавшего целостную европейскую цивилизацию на принципах частной собственности, свободы личности и национальной идентификации. Но при этом европеизированный взгляд Обрадовича на православную церковь упускал значение икон с изображением сербских святых, мощей и других религиозных реликвий и церковных ценностей, запечатлевших сербскую историю в ее церковной версии, для утверждения положения сербов как исторически значимого, самостоятельного народа.

Обрадовича волновали две взаимосвязанные проблемы общественного развития — освобождение умов от консервативной силы традиции и распространение знаний в широких слоях населения.

В центре внимания Обрадовича была сербская культура. Его концепция культурного развития сербов, связанная с новыми задачами эпохи, заключала теоретическое обоснование духовного перелома и намечала конкретные

пути решения насущных вопросов подъема интеллектуального и нравственного уровня народа. Этому должна была служить в первую очередь литература. Писатель обращался к своим читателям с вдохновенными словами: «Книги, братья мои, книги, а не колокольный звон! Книги — безмерно дорогой и бесценный небесный дар, гордые дочери просвещенных умов! Они теперь царствуют на земле и на воде и вещают премудрые законы! Они воюют и побеждают! Они поднимают и возвышают славу благополучных народов до самых звезд»[15]. Это был подлинный гимн в честь книги.

Досифей Обрадович всей своей творческой натурой был обращен к простому народу. Стремясь сделать литературу доступной и понятной широким слоям населения, писатель поставил вопрос о кардинальной реформе литературного языка сербов. В рассматриваемое время в сербской литературе было разноязычие. Употреблялись три модели языков: церковнославянского русской редакции, архаичного литературного русского и народного сербского. Но в чистом виде они на практике обычно не выступали. Вместе с тем под влиянием укрепления сербской общности постепенно усиливалась общественная тенденция к общепринятому нормированному литературному языку[16]. Но среди деятелей культуры было разное понимание пути его достижения.

Досифей Обрадович был первым деятелем у сербов, который теоретически обосновал необходимость и важность создания единого литературного языка на народно-разговорной основе. Писатель аргументировал свою позицию принципами рационалистической философии и высоким этическим мерилом общественной пользы. Обрадович и его идейные последователи стали пользоваться в своем творчестве только народным языком. Но все же язык произведений самого писателя был эклектичным, содержал наряду с народной основой слова и обороты из церковнославянского языка и русизмы. Выступление главы сербского Просвещения в пользу народного языка в литературе и его внедрение на практике было крупнейшим событием в культурной и национальной жизни сербов XVIII в.

Программа Обрадовича, придававшего большое значение воспитанию молодежи, предусматривала также развитие светской школы, строительство учебных заведений, притом не только мужских, но и женских, домов для учителей, создание при школах библиотек, открытие больниц. Для подготовки образованных священников и учителей он считал целесообразным использовать церковное и монастырское имущество.

Культурная программа Досифея Обрадовича состояла в освобождении духовной жизни сербского народа от церковной опеки, развитии светской культуры, переходе ее на народный язык и ориентации на широкие слои населения. Его концепция не противостояла существованию и церковной культуры, но с ограниченной сферой ее действия и преобразованной в духе времени. Эта программа, нацеленная на создание культуры нового исторического типа, имела общедемократическое содержание и национальный характер.

Досифей Обрадович был первым общенациональным деятелем у сербов как с точки зрения постановки общественных задач, так и масштабов своей деятельности. В поле его зрения были «все сербские сыновья и дочери, от Черногории до Смедерева и до Баната»[17]. Писатель ввел в сербскую литературу понятие «нация», рассматривая как критерии «славяносербской» нации род и язык, ибо «религия и вера могут измениться, а род и язык — никогда»[18]. На новом этапе исторического развития Обрадович выразил новое понимание общности сербов, отличное от церковной концепции сербского единства на основе религии. Однако в вопросе сербской идентификации глава Просвещения недооценивал значение православной религии как фактора, определяющего отличие сербов от ближайше родственных хорватов.

Обрадович выступил поборником развития у сербского народа национального самосознания. Ему принадлежали крылатые слова: «Пребывает и будет пребывать вовеки в рабстве тот народ, сердце которого не знает, что такое национальная гордость»[19]. Национальное самосознание становилось фактором духовного обновления и возрождения сербского народа.

Взгляды Обрадовича на судьбы сербов претерпели изменения. Во второй половине XVIII в. он рассчитывал на общественный подъем сербов в Австрийской монархии с помощью «просвещенных» Габсбургов и ставил вопрос о ликвидации лишь турецкого режима на Балканах, в котором видел воплощение анархии, произвола и варварства. Как и большинство представителей Просвещения в Австрийской монархии, он поддерживал и одобрял деятельность Иосифа II, особенно его церковную и восточную политику[20]. Некоторые позитивные черты реформ австрийского правителя, вызванные развитием рыночных отношений, заслоняли для Обрадовича смысл его политического курса на защиту существующего строя и упрочение власти Габсбургов над разноязычными народами в государстве.

Низвержение турецкого господства над сербами глава Просвещения связывал в те годы с вооруженными действиями Австрии и России. Это

получило выражение в его «Песне об избавлении Сербии». Пока он не видел различия в их политике в балканском регионе. В действительности Иосиф II не был принципиальным сторонником ликвидации Османской империи, используя складывавшиеся обстоятельства для приращения территории габсбургской монархии за счет западной части Балканского полуострова. Иной была исходная позиция Екатерины II, которая ставила максимальную задачу изгнания турок из Европы совместными усилиями самих балканских народов и вооруженных сил России как важного условия ослабления султанской Турции. Это должно было способствовать удовлетворению стратегических потребностей страны на Юго-Западе, что совпадало с интересами местного христианского населения, жаждущего освобождения от власти османов.

Обрадович понимал, что Россия и Австрия решали собственные государственные задачи на Балканах, тем не менее он положительно оценивал результаты войн против Турции для балканских народов[21].

В дальнейшем под влиянием действенной позиции российской дипломатии на Балканах, традиционно поддерживавшей христианские народы, роста влияния и военных побед России, с одной стороны, и векового опыта корыстных маневров Австрии в отношении сербов, ее поражения в войне с Турцией 1788–1790 гг., за которым последовала жестокая расправа османских войск над Сербией и Боснией — с другой, Обрадович окончательно разочаровался в балканской политике Габсбургов и утвердился в мысли о том, что только Россия является подлинным союзником сербов в их борьбе за освобождение.

Политические взгляды писателя не получили развернутого оформления. Но он был твердо убежден: «Нужны просвещенный государь и твердые законы»[22]. Это была идея ограниченной монархии, выраженная в самой общей форме. Подобно многим умеренным деятелям западного Просвещения, сербский просветитель абсолютизировал роль «просвещенной» монархии как двигателя прогресса. Политическая утопия была характерной чертой сербского Просвещения.

Обрадович создал в своих произведениях образ идеального монарха в лице Петра I, а также Иосифа II и Екатерины II. С ним должны были соотносить свои человеческие свойства и действия реально существующие правители. Писатель наделял «просвещенного» монарха сознанием своих обязанностей перед народом, политической мудростью, выражавшейся в проведении

политики удовлетворения общественных потребностей, свободой мышления, способностью к преобразовательной деятельности и обновлению жизни на благо народа[23]. Речь шла о новом типе государственного деятеля, который противостоял существующим политическим нормам и традициям.

Досифей Обрадович был первым сербским мыслителем, который обратил общественное внимание на социальную действительность. Он проявлял подлинный интерес к сербскому крестьянству. На уровне философии он рассматривал свободных сельских тружеников как наиболее жизнеспособный и жизнедеятельный слой общества со здоровой нравственностью. Однако действительность была иной, и Обрадович поставил вопрос о тяжелой доле сербов-крестьян, выразив понимание необходимости изменения их положения, по крайней мере в Австрийской монархии. Горячим участием к судьбам крестьян проникнуты слова писателя: «Правильно ли, что тысячи беззлобных семей изнемогают, чтобы только лучше можно было напихивать в сто праздных и неблагодарных животов? Но того требуют обычай и мода! Большие господа должны великолепно жить, а это невозможно без транжирства, но откуда брались бы средства, если бы у подданных не выжимали мозг из костей?»[24] Однако искреннее сочувствие крестьянству, выраженное в самой общей форме, сочеталось у писателя с абстрактным восприятием рационалистической доктрины. Безграничная вера во всемогущую силу воспитания общества была недостаточна для решения социальных задач.

Просвещение, означавшее перелом в сербском общественном сознании, принесло с собой изменения прежде всего в понимании природы человека, его назначения и смысла жизни. Вопросы морали и нравственности всегда занимали Обрадовича. Его интересовал реальный человек с его способностями, насущными интересами и земными нуждами. Этическое учение сербского писателя утверждало высокую миссию человека на земле — нести свет разума, ценность жизни в ней самой, способность человека к совершенствованию и его право на счастье.

Глава сербского Просвещения разработал в своих сочинениях рационально обоснованные нормы новой морали. Рассматривая "истинную веру" как нравственную основу человека и общества, Обрадович признавал благочестие и библейские заповеди, заключавшие в себе общечеловеческие нравственные нормы, в качестве доминанты морального кодекса.

Новизна этической концепции сербского просветителя состояла прежде всего в признании в качестве моральной нормы принципа «общей пользы».

В этой идее получило отражение понимание отношения личности и общества. Подобно западноевропейским носителям Просвещения, Обрадович рассматривал человека как члена общества, который имеет не только права, но и обязанности. Он выдвинул служение обществу как важный критерий нравственных качеств личности. Мораль, вытекающая из общественного призвания человека, естественно была направлена на общественное благо.

Принципиальной чертой моральной философии Обрадовича было положительное восприятие труда. Писатель рассматривал труд как норму жизни. Он видел в честном труде источник благосостояния, характеризуя трудовые доходы как «божье благословение». Однако часть их, по его утверждению, должна была обращаться на благо общества. В этом проявилось понимание общественной стороны труда. Обрадович рекомендовал сербским писателям перевести роман Д. Дефо «Робинзон Крузо» (1719), восславивший труд и оптимизм человека. Перевод, сделанный с немецкого издания, вышел в 1799 г. и имел большой успех у сербской читательской публики[25].

Выработанный сербским писателем идеал Личности предстал в образе духовно свободного человека со «здравым разумом», сильным общественным темпераментом, преисполненного национальными чувствами, обращенного всеми помыслами и делами к общественным потребностям. Сам Обрадович, вобрав в себя духовные возможности своего времени, как конкретная личность воплотил сущностные черты просветительского идеала, но и разного рода иллюзии.

Новый взгляд на человека был необходимым условием на пути освобождения реального человека от устаревших социально-психологических пут. Этическая концепция Просвещения в конечном итоге являлась мощной духовной поддержкой сербам в обновлении жизни, хотя она и заключала в себе преувеличенные надежды на воспитание общества.

Рушились вековые представления о мире, и Обрадович противопоставил им целостную систему новых идеалов и ценностей. Общественная заслуга писателя состояла в том, что он положил начало развитию сербской освободительной мысли, корнями связанной с настроениями широких слоев сербского населения, тяготившихся разного рода поборами, зависимостью, подавлением и испытывавших потребность в изменении жизни. Обрадович имел идейных последователей среди представителей сербской интеллигенции в первом поколении, живших в Австрийской монархии. Носителями передовых идей были Йован Мушкатирович, первый серб-юрист, первый соби-

ратель и издатель сербского фольклора; Эмануил Янкович, лучший сербский переводчик XVIII в., популяризатор естественнонаучных и философских знаний, член Научного общества в Галле; Атанасие Стойкович, ученый-физик, один из лучших сербских поэтов классицизма, видный прозаик; Павле Солярич, переводчик, автор первой у сербов всемирной географии.

Досифей Обрадович выступил преобразователем сербской литературы, которая по своим функциям и воздействию на общество заняла ведущее место в художественной культуре сербов. Он проявил совершенно новый подход к литературному творчеству как к важной и значительной общественной деятельности, решавшей задачу интеллектуального и нравственного совершенствования человека. Новации писателя в литературе касались ее языка, проблематики, идейного содержания, авторской позиции и системы выразительных средств. Активное включение литературы в общественную жизнь существенно меняло характер самой словесности.

Приверженность рационалистической философии с ее культом совершенного разума, с одной стороны, и ориентация Обрадовича на широкие массы сербского населения, на крестьян, которые были неподготовлены к восприятию «большой» литературы и нуждались в доступных их сознанию книгах — с другой, обусловили народный язык и преимущественно назидательную направленность его творчества.

Писатель создал ряд оригинальных произведений, среди которых были «Жизнь и приключения...» Вместе с тем существенное место в его творчестве занимали компиляция, свободная интерпретация и переводы. Обрадович и его единомышленники проявили новый подход к достижениям мировой цивилизации и их освоению. Ранее религиозный фактор имел решающее значение в культурном взаимодействии сербов с другими народами. Отныне на смену религиозным узам выдвинулся принцип соответствия идей общественным потребностям. При этом действовал избирательный принцип при использовании европейского культурного опыта.

В сборник басен глава сербского Просвещения включил прозаические переводы и переработки басен Эзопа, Федра, Лессинга, Лафонтена и других авторов. Он много переводил из французской и немецкой художественной и морализаторской литературы. В поле его зрения оказались две повести Ж. Ф. Мармонтеля, ранняя комедия Г. Э. Лессинга «Дамон». Сербский писатель ввел в национальную литературу нравоучительные материалы из популярных английских журналов Дж. Аддисона, Р. Стиля, С. Джонсона

и О. Голдсмита. Создавая свою «Этику», он опирался на систему итальянского просветителя Ф. Соавы. Обрадович обращался также к проповедям одного из самых известных протестантских деятелей в Германии XVIII в. Г. И. Цоликофера. Писатель был самым крупным знатоком античного наследия среди сербов в XVIII в. Сербский деятель широко цитировал или упоминал многих известных авторов разных времен и народов, проявляя знание европейской философии, литературы и науки. Просвещенческий принцип «всемирности», вытеснявший теологический универсум, открыл безграничные горизонты обогащения сербов сокровищами многовекового культурного фонда Европы.

Переводы и компиляции играли важную роль в развитии сербской литературы. В практике Обрадовича они были призваны обеспечить эффективный подъем культурного уровня сербов путем ознакомления с литературными достижениями других народов и воспитания в духе идей Просвещения. Переводы преследовали также задачу формирования литературного языка сербов на народно-разговорной основе.

Досифей Обрадович существенно расширил тематику литературных произведений. Он поднял в своих книгах широкий круг вопросов: о цели жизни, моральных ценностях личности, нравственных устоях общества, любви мужчины и женщины, браке, взаимоотношении поколений, взаимосвязи человека с природой и др. Разнообразие содержания вело к обогащению жанрового состава сербской литературы. Он явился зачинателем в ней мемуаристики, морализаторского эссе, малых повествовательных жанров — басни и повести. Писатель продолжил также развитие жанровой формы оригинальной патриотической песни. В произведениях Обрадовича проявились новые для сербских условий стилистические черты: просветительского реализма с элементами сентиментализма, а также классицизма. В то время сосуществование разных стилей в творчестве художника и даже в одном произведении было распространенным явлением в сербской культуре.

Вклад Досифея Обрадовича в развитие сербской литературы трудно переоценить. Его творчество, осветившее родную литературу передовыми идеями времени, приблизившее ее к реальной жизни, обогатившее художественный строй неповторимой личностью писателя, означало принципиальный шаг в направлении гуманизации сербской литературы, ее национального становления, решения ею гражданских задач. Было положено начало современной сербской литературы.

Имя Досифея Обрадовича было в сербской среде общеизвестно. В 1801 г. А. Стойкович в предисловии к своей книге «Физика» отмечал, что «серб книги г. Досифея с большой охотой читает»[26]. Сочинения главы Просвещения пользовались почитанием прежде всего среди сербских торговцев и интеллигенции в Австрийской монархии. Купец Д. Маркович из Буды писал Обрадовичу в 1800 г., что рассматривает его книги, служащие «украшению сердца, ума и души», как «самое большое богатство»[27]. Среди молодых образованных сербов в монархии был подлинный культ писателя. Часть духовенства также выражала дружественные чувства к нему при всей его критике церковных порядков.

Почти поголовная неграмотность сербского населения на Балканах была существенным препятствием для распространения здесь передовых идей, выработанных и приспособленных для крестьянского восприятия национальными деятелями Просвещения. И тем не менее в Сербию разными путями проникали книги, в основном церковные и учебные, но также и сочинения Досифея Обрадовича. В 1800 г. Лукиан Мушицкий, в то время студент в Пеште, в будущем видный поэт, отмечал, что книги «нашего милого Обрадовича» «рассеяны по Венгрии, Славонии, даже до Смедерева и Черногории»[28]. И все же сельские торговцы Сербии не столько посредством литературы, сколько благодаря личному общению с деловыми партнерами в Австрийской монархии были осведомлены о национальных культурных явлениях «за Савой». Иначе нельзя объяснить ту популярность, которую Обрадович снискал впоследствии в Белграде.

В истории сербского народа особую роль играли его связи с Россией. До середины XVIII в. их носителем выступала преимущественно православная церковь. Церковные контакты носили устойчивый характер, создавая впечатляющий фон вечно живой традиции. Но происходившие сдвиги в общественном развитии сербов усиливали роль и значение светских связей. Это стало особенно заметно во второй половине столетия.

Обрадович на протяжении всей жизни поддерживал контакты с Россией, которые в иные годы и под влиянием разных обстоятельств приобретали различные формы. Источниками информации о России служили Обрадовичу не только разного рода издания, личное общение со знающими людьми, как с сербами, так и русскими. Он был первым представителем сербской интеллигенции, посетившим Россию. В Шклове, который был своего рода светским центром на Западе России, имелись солидная библиотека, театр, здесь собиралась аристократия из Петербурга и Москвы, посещали мест-

ные ярмарки купцы из ближних и дальних районов России. Все это создавало широкие возможности для наблюдений и непосредственных контактов с лицами из разных слоев российского общества.

Писатель-просветитель поставил и наметил решение принципиальных вопросов культурного развития сербов, в том числе об отношении к наследию, церковнославянской языковой и литературной традиции, о культурном взаимодействии сербов с другими народами и пр. Так или иначе они касались России. Потребность использования инонационального опыта в свою очередь побуждала к осмыслению прежде всего практики русского народа, принадлежавшего к той же, что и сербы, православной культурной сфере и переживавшего однотипные преобразовательные процессы. Чрезвычайно важным обстоятельством, наложившим печать и на творчество, а затем и на политическую деятельность Обрадовича, было понимание им положительных результатов внешнеполитической деятельности российского правительства для подвластных Турции народов.

В период интенсивной литературно-просветительской деятельности Обрадович обращался к фактам российской истории и русской культуры для обоснования своих новаторских позиций. Особенно много русского материала было в его морализаторских сентенциях в «Баснях», которые увидели свет вскоре по возвращении писателя из России. Он ссылался на русский опыт в литературно-языковом вопросе. На протяжении всей сознательной жизни его внимание привлекали эпоха и личность Петра I, в первую очередь его преобразовательная деятельность. Сербский писатель прославлял имя, ум и доблести Петра I, называя его «бессмертным законодателем и просветителем российским». Обрадович считал его несравненной личностью, величественной в своих деяниях. Но при этом его характеристика Петра I не была свободна от идеализации. Трактовка реформ русского царя в сочинениях сербского просветителя имела глубокий философский смысл как конкретизированное проявление движущей силы просвещенного разума в развитии человечества. Он писал также о Екатерине I, касался балканской политики Екатерины II. Россия со всей притягательной мощью ее культуры, динамичностью развития и результативностью внешней политики представала в сочинениях Обрадовича как наиболее близкая и понятная сербам модель совершенствования жизни.

Обращение Обрадовича в писательской практике к России, ее прошлому и настоящему, прежде всего способствовало более глубокому познанию самой сербской жизни, осмыслению задач национального развития и пу-

тей их решения. Вместе с тем использование писателем русского материала имело значение для распространения среди сербов идеалов Просвещения. Изображение Обрадовичем России с положительной стороны оказывало влияние на формирование ее привлекательного образа в сознании сербского народа.

Во время пребывания Досифея Обрадовича в Триесте произошло знаковое событие: его весной 1804 г. посетили два русских студента, учившихся в университете Геттингена, А. С. Кайсаров и А. И. Тургенев. Они путешествовали по славянским землям с научно-познавательными целями. Это были представители той новой общественной русской среды, из которой в скором времени вырос декабризм. В дальнейшем они стали известными в России людьми: Кайсаров — профессором Дерптского университета, А. Тургенев, брат декабриста Н. Тургенева, — видным общественным деятелем.

Свои впечатления от встречи с писателем Кайсаров по возвращении в Геттинген выразил в письме Лукиану Мушицкому следующими словами: «Кажется, я не сказал, что в Триесте мы были у нашего Обрадовича, он подарил нам некоторые из своих книг и был очень рад, что мы его посетили. Это не ординарный человек»[29]. Назвав сербского писателя «наш Обрадович», Кайсаров признал тем самым значимость его деятельности для славянского мира.

Встреча Досифея Обрадовича с А. С. Кайсаровым и А. И. Тургеневым знаменовала собой эволюцию его контактов с русской культурой и ее представителями от богословской литературы и монашеской среды через литературу, отмеченную чертами раннего рационализма, до личного общения с представителями русской передовой дворянской молодежи начала XIX в. При всей кратковременности эта встреча была значимой в плане перспективы развития русско-сербских культурных связей.

Мощным завершением взаимосвязей сербского Просвещения и России стала деятельность Обрадовича в годы Первого сербского восстания.

В начале 1804 г. в Сербии разразилось общенародное восстание против господства Турции. Оно круто повернуло судьбу Досифея Обрадовича. Писатель приветствовал его стихотворением «Песня о восстании сербов» (Венеция, 1804 г.). В нем рефреном звучали такие слова:

«Восстань Сербия!
Давно ты спишь,
Во мраке лежишь,

Теперь пробудись
И сербов оживи!»[30]

В стихотворении Обрадович впервые высказал мысль о создании независимого сербского государства. Он связал его с повстанческой Сербией, которую назвал «наша мать». Это было задолго до того, как идея независимости овладела самими повстанцами. Избавление Сербии от османского гнета должно было стать залогом изменения жизни всех сербов.

В том же году Обрадович участвовал в организации в Триесте материальной помощи повстанцам и сам дал половину своих сбережений — 400 форинтов. Сербский патриот писал, что «такого подходящего случая показать истинную любовь ко всему сербскому роду и имени... мы никогда не имели». Он просил Соларича обратиться от его, Обрадовича, имени к сербским торговцам с призывом дать в заем денег повстанцам, «которые сейчас благополучно воюют за род и отечество»[31]. Уже тогда у него появилось желание переехать в Сербию для устройства там типографии. Главной чертой идейного облика Обрадовича и его деятельности была любовь к «сербскому роду». Стремление быть полезным своему народу, желание видеть его просвещенным и процветающим руководили творчеством писателя-просветителя. Побудительным мотивом и его переезда в Сербию были практические нужды просветительской деятельности .

С 1806 г., когда Обрадович, покинув Триест, находился в Среме в ожидании разрешения австрийских властей на выезд в Сербию, началась его политическая деятельность. В сентябре он нелегально посетил Сербию, где встречался с вождем восстания Карагеоргием и воеводами. Это было накануне сербо-турецких переговоров о мире. В конце года, когда началась русско-турецкая война, Обрадович ездил по поручению Правительствующего совета, одного из центральных органов восстания, с ответственной миссией в Бухарест, в главную квартиру русских войск, где вел переговоры с главнокомандующим Молдавской армией генералом И. И. Михельсоном о помощи сербам. Русское правительство высоко оценило деятельность Обрадовича на благо «соотчичей своих славяно-сербов», наградив его в начале 1807 г. золотым крестом[32].

В августе 1807 г. Досифей Обрадович, уже пожилой и больной человек, переехал в Белград. Этот шаг, явившийся следствием всей предшествующей деятельности писателя, направленной на благо сербского народа, был актом

высокого духа и большого мужества. Человек европейского уровня образованности, духовно сложившийся в интеллектуальной и художественной атмосфере Вены, Лейпцига, Парижа и Лондона, переехал в страну, охваченную войной, практически неграмотную, с преобладающим влиянием сельской патриархальной культуры и жестокими нравами позднесредневекового востока.

Обрадович стал активным участником освободительного восстания. Он был одним из ближайших советников Карагеоргия, занимаясь больше всего внешней политикой Белграда. Вождь повстанцев испытывал к нему исключительное доверие. В сложной обстановке, когда в руководстве восстанием шла борьба за внешнеполитическую ориентацию Сербии, когда часть воевод по разным причинам пыталась искать поддержки у Австрии, которая в действительности боялась развития сербского освободительного движения ввиду угнетения ею самою части сербов, Обрадович был убежден в пагубности для Сербии ориентации на габсбургскую монархию и твердо отстаивал союз повстанцев с Россией.

В 1810 г. Обрадович стал членом Правительствующего совета, но и до этого он принимал участие в решении самых существенных вопросов восстания как авторитетное лицо, с мнением которого весьма считались. Он помогал организации народного образования, был первым попечителем просвещения в Сербии. Обрадович воспитывал сына Карагеоргия Алексу.

Обрадович поддерживал самые тесные контакты с главным дипломатическим агентом России в повстанческой Сербии К. К. Родофиникиным. Как человек высокообразованный и притом искренне заинтересованный в укреплении связей Сербии с Россией, он нередко выполнял посредническую роль в отношениях между Карагеоргием, а также сербскими воеводами, с одной стороны, и русским дипломатическим представителем — с другой. По словам Родофиникина, он предпочитал передавать официальную корреспонденцию, поступавшую на имя Карагеоргия из России, через Обрадовича. «Иеромонах, — писал Родофиникин новому главнокомандующему Молдавской армией А. А. Прозоровскому, — не токмо прочитает и переведет ему вразумительным образом, но притом присовокупит и свои примечания и советы как человек, истинно любящий свое отечество и здравомыслящий»[33]. Русский дипломат, питая глубокое уважение и доверие к Обрадовичу, прибегал к его помощи для разъяснения политики России.

В свою очередь, Карагеоргий, председатель Правительствующего совета М. Милованович обращались к Обрадовичу для составления писем к рус-

ским официальным лицам. Вождь повстанцев в его присутствии решал с Родофиникиным вопросы текущей политики. Он доверял Обрадовичу «обо всем» говорить с русским представителем[34].

До 1810 г. Обрадович не получал никакого содержания. Он жил на свои скромные сбережения и чужой помощью. В 1808 г. по предложению Родофиникина Обрадович вместе с сыном Карагеоргия поселился в доме русского дипломата. Он имел здесь стол и квартиру, общался с Т. Недобой, секретарем российского представительства, который также жил в этом доме. Родофиникин оказывал материальную поддержку Обрадовичу в разных формах, в том числе оплачивая услуги доктора, который лечил его[35]. Лишь бескорыстное стремление служить своему народу, вера в освобождение и преобразование Сербии удерживали Обрадовича в Белграде.

Симпатии и доверие Обрадовича к России получили выражение и в его поэтическом творчестве. Он персонифицировал Россию в лице Александра I. По случаю наступления Нового 1808 года сербский деятель написал два стихотворения в честь русского царя и Родофиникина. Он прославлял их деятельность на благо Сербии. Обрадович призывал Александра I «быть всегда Сербии благим покровителем». В стихотворении, посвященном Родофиникину, содержалось заверение, что Сербия будет ему «вовек благодарна».

Официальное вхождение Обрадовича в состав Правительствующего совета обеспечило ему государственное содержание. За небольшие деньги он купил старый заброшенный дом, однако не для проживания, а для устройства типографии, о чем мечтал все последние годы жизни. Но военные действия, нестабильность внутреннего положения в Сербии, трудности сбыта и распространения книг ввиду неграмотности населения — все это помешало Обрадовичу открыть типографию. Вместо нее он основал в 1810 г. богословское училище для подготовки священников.

Государственная деятельность Обрадовича завершилась его участием как члена Совета в составе сербской депутации в переговорах с Н. М. Каменским, новым главнокомандующим Молдавской армией, в конце 1810 г. Депутация «от имени всего народа» просила ввести русские гарнизоны во все сербские крепости и направить в Сербию двух русских чиновников «для сочинения законов и введения устройства в земле»[36]. Внутренняя политическая борьба среди руководства восстанием серьезно беспокоила Обрадовича. В письмах этого времени к близким лицам он выражал стремление к скорейшему урегулированию обстановки в стране[37].

В ответ на просьбы сербской депутации Каменский выразил намерение направить в Белград отряд русских войск со строгим предписанием не вмешиваться в сербские дела, также послать особу, «которая не мешаясь ни во что, будет токмо преподавать им нужные советы к введению некоторого устройства, поколику то возможно при настоящем положении дел». Русский главнокомандующий в письме Карагеоргию высоко оценил деятельность сербской депутации, отметив истинную преданность ее членов «к отечеству своему, о благе коего они здесь пещись не преставали»[38].

По возвращении из Бухареста Обрадович 28 марта 1811 г. (ст. ст.) умер, в Белграде, не дождавшись освобождения Сербии.

Досифей Обрадовчи поставил на службу восстания весь свой жизненный опыт и знания, что имело немаловажное значение ввиду отсутствия в руководстве восстанием образованных людей. Он закладывал основы новой культуры в повстанческой стране. Обрадович был одним из ответственных лиц с сербской стороны, благодаря которым формировался и поддерживался русско-сербский военно-политический союз.

Жизненный путь Д. Обрадовича от монаха, затем сельского учителя, писателя-просветителя до видного деятеля освободительного восстания был путем его идейного и нравственного возвышения. Побудительной силой этого восхождения была любовь к своему народу. «Род мой люблю всем сердцем и душой» — писал он[39]. Его жизнь и деятельность — это пример беззаветного служения сербскому народу одного из выдающихся его сынов[40].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Обрадовић* Д. Сабрана дела. Т. I–III. 1811–1961. Београд, 1961. Т. I. Биография Д. Обрадовича дается в статье на основе его сочинения «Жизнь и приключения ... »

2 Там же. Т. 1. С. 151, 152; *Остојић Т.* Доситеј Обрадовић у Хопову. Нови Сад, 1907. С. 342.

3 *Обрадовић* Д. Сабрана дела. Т. I . С. 153.

4 Там же. С. 228.

5 Там же. С. 238, 239.

6 Там же. С. 250.

7 Там же. С. 254, 255, 259, 267, 269.

8 Там же. С. 281.

9 Там же. Т. III. С. 17–19.

10 Там же. Т. II. С. 227, 281.

11 Там же. Т. I. С. 164.

12 Там же. С. 117, 119, 123, 156, 548, 549 и др.

13 Там же. С. 566.

14 Там же. С. 460.

15 Там же. С. 301.

16 *Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 192.

17 *Обрадовић* Д. Указ. соч. Т. I. С. 63.

18 Там же. С. 65.

19 Там же. С. 323.

20 Там же. С. 567, 608–609.

21 Там же. С. 613.

22 Там же. С. 469.

23 См.: Там же. С. 472.

24 Там же. С. 648.

25 Там же. С. 110, 342, 344, 352, 369, 477, 561; Т. II. С. 504–505.

26 *Стойкович А.* Фисика. В Будиме, 1801. Ч. I. Предисловие к читателю, б/с.

27 Обрадовић Д. Указ. соч. Т. III. С. 347.

28 *Костић М.* Доситеј Обрадовић у историској перспективи XVIII и XIX в. Београд, 1952. С. 260, 262.

29 *Ягич И. В.* Новые письма Добровского, Копитара и других югозападных славян // Сборник ОРЯС АН. СПб., 1897. Т. 62. С. 697.

30 *Обрадовић* Д. Указ. соч. Т. III. С. 17–19.

31 Там же. С. 274.

32 Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. 1804–1807. М., 1980. С. 315.

33 Российский государственный военно-исторический архив — РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. I. Л. 208 об. Белград, 17(29) февраля 1808 г.

34 *Перовић Р.* Око боравка Обрадовића у Београду (1807–1811) // Ковчежић. Београд, 1966. Књ.

VII. С. 63.

35 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 6. Л. 117 об., 118, 120; Ч. 5. Л. 216.

36 Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. 1808–1813. М., 1983. С. 200.

37 *Обрадовић* Д. Указ. соч. Т. III. С. 318, 321, 342.

38 Первое сербское восстание... Кн. 2. С. 200, 205.

39 *Обрадовић* Д. Указ. соч. Т. 1. С. 289.

40 Подробно о жизни и деятельности Досифея Обрадовича см.: *Лещиловская И. И.* Сербская культура XVIII века. М., 1994. Там же и библиография по теме.

И. И. Лещиловская

Карагеоргий

Широкоплечий, крепкого сложения мужчина в национальной одежде, с кинжалом и двумя пистолетами за поясом, крупные черты лица, волевой подбородок и печальный взгляд — таким предстает на полотне русского художника В. Л. Боровиковского Карагеоргий — верховный вождь сербов в лихое десятилетие всенародной борьбы за освобождение от пятисотлетнего османского ига. Первое сербское восстание 1804–1813 гг. положило начало новой эпохе в истории Сербии — эпохе возрождения независимого государства.

Георгий (Джордже) Петрович по прозвищу Черный (от турец. — кара), вошедший в сербскую историю под именем Карагеоргия, родился в 1768 г.

в гористой лесной местности — Шумадии, которая составляла сердцевину сербской земли[1]. Его родное село располагалось вблизи Стамбульского тракта, связывавшего Малую Азию с Центральной Европой. Торговые караваны были приманкой для гайдуков, которыми буквально кишели непроходимые леса и темные ущелья. То были полуразбойники, не гнушавшиеся грабить окрестных крестьян, и полумстители, вымещавшие ненависть к богатым туркам за народные беды. В те времена жизнь человека ничего здесь не стоила. Турок убивал серба, потому что тот был райя — подвластное христианское стадо, серб убивал турка, потому что для него нестерпимыми были постоянные насилия османов. Но и между собой сербы случалось решали личные конфликты с помощью оружия. Сербское село тех давних времен — мир исстрадавшийся, патриархальный и жестокий.

Георгий был воспитан в народных традициях, пронизанных неукротимой ненавистью к угнетателям-туркам. А природа щедро одарила его физической силой, крепостью духа, решительностью и бесстрашием. Бедность вынудила Георгия рано пойти в пастухи по найму. Он прекрасно владел оружием, пуская его в ход против обидчиков и насильников. Судьба привела юношу в гайдуцкий отряд легендарного Станое Главаша. Но недолгой была вольная бурная молодость гайдука — Карагеоргий женился на красавице Елене и вернулся к крестьянской жизни.

Беспредельный произвол османов заставил молодую семью, как и многих других сербов, покинуть в 1787 г. родной край и бежать в австрийские пределы. Здесь тоже жили сербы, но жили в других условиях, нежели райя в Турецкой империи. Они пользовались церковно-школьной автономией, не опасались за собственность, поддерживали степенные отношения с людьми другой веры и разных званий, хотя и испытывали тяготы существовавшего в монархии Габсбургов общественного строя и национального неравноправия. Здесь Карагеоргий узнал иной образ жизни, другие нравы, новую цивилизацию.

Пробыв недолго лесником в православном монастыре, Карагеоргий вступил в один из добровольческих отрядов (фрайкоров), которые австрийские власти формировали на своей территории из сербов накануне войны с Турцией. Но удалую натуру стесняла крутая дисциплина. Карагеоргия влекли риск и необузданная свобода. Он вернулся в Сербию и вновь ушел к гайдукам. Когда же в 1788 г. началась австро-турецкая война и Сербию охватило народное движение в поддержку австрийской армии, Карагеоргий

стал одним из видных его участников. Отличившись в боевых действиях, он получил чин унтер-офицера и в награду — золотую медаль.

Эта война была для Карагеоргия школой военного искусства. В то время австрийская армия считалась одной из лучших в Европе. Карагеоргий обрел опыт строительства укреплений, осады и штурма крепостей, познал цену дисциплины и порядка в войсках. Он непосредственно познакомился с турецким войском, его вооружением, методами ведения боя, полководческими способностями его военачальников. Он лучше узнал Сербию с военной точки зрения, открыл наиболее удобные места для обороны и нападения.

Война с Турцией 1788–1790 гг. была неудачной для Габсбургов. Австрийские войска покинули Сербию. Добровольческий корпус был распущен, и масса сербов, опасаясь мести со стороны турок, переселилась в австрийские владения. Но согласно Систовскому миру 1791 г. Порта (правительство Османской империи) объявила амнистию воевавшим против нее сербам. Султан Селим III, предприняв ряд реформ с целью предотвращения распада своего государства, предоставил Белградскому пашалыку внутреннюю автономию. Сербы почувствовали некоторое облегчение в результате расширения прав местных сербских властей и вывода из пашалыка янычарского войска. Некогда грозная военная сила, оно к концу XVIII в. полностью разложилось, превратившись в анархическую вооруженную массу, постоянный источник смуты и междоусобиц. Сербия занялась восстановлением разрушенного войной хозяйства. Народ в который уже раз заново обустраивал села, возрождал церкви, налаживал расстроенные торговые связи.

Карагеоргий привез свою семью из австрийских пределов в с. Топола неподалеку от Белграда. Здесь он построил дом, мельницу, загон для скота; познав переменчивость судьбы, серьезно занялся хозяйством. Двенадцать пастухов пасли стада его свиней. Карагеоргий развернул большую торговлю, установив личные и деловые связи с крупными сербскими купцами в Земуне. Разделенные границей Белград и Земун были ключевыми торговыми центрами при впадении Савы в Дунай. Они соперничали и дополняли друг друга в торговле между Западом и Востоком. Карагеоргий активно участвовал также в охране пашалыка от мятежных янычар и в совместных сербо-турецких действиях против сепаратистских сил.

Но недолгим был мир на сербской земле. В 1801 г. власть в Сербии захватили четыре янычарских предводителя — дахии, установившие кровавый режим насилия и произвола. Были ликвидированы автономные привилегии

сербов. Янычары жгли и оскверняли православные церкви и монастыри, истязали и грабили райю. Непосильная эксплуатация, беспредельный разбой и жестокости побудили влиятельных сербов, получивших навыки организованных действий в годы австро-турецкой войны, к тайной подготовке восстания против янычар. Карагеоргий был главной фигурой в Шумадии. С лета 1803 г. он редко бывал в Тополе, налаживая повстанческую сеть.

Напряженность ситуации между тем нарастала. Социально-психологическая атмосфера в среде сербов характеризовалась смешением привычных настроений и нового осмысления действительности[2]. Сознание сербов всегда было тесно связано с народной песней, сопровождавшей жизнь крестьянина и монаха, гайдука и торговца с колыбели до смерти. Эпическая устная поэзия, наиболее характерная часть сербского фольклора, с ее героическими идеалами борьбы за веру и справедливость, неприятием османского господства и живой памятью о былом величии Сербского государства отражала чаяния и формировала нравственные установки народа. Патриархальные нравы сербского села удивительным образом уживались с героикой духа крестьян.

Местная православная церковь бережно хранила сербские реликвии и традиции сопротивления угнетению, восходившие к трагическому событию на Косово-поле в день Св. Вида 1389 г., когда объединенные сербские войска дали сражение многотысячной турецкой армии и потерпели поражение. С этого времени начался отсчет многовекового турецкого ига.

В конце XVIII в. важнейшими центрами сербской культуры были Сремски-Карловци и Нови-Сад, находившиеся в пределах Австрийской монархии. Расположенные в непосредственной близости от Белградского пашалыка, они оказывали большое влияние на духовную атмосферу в Сербии. Неустанная борьба Карловацкой митрополии, олицетворявшей и реализовывавшей церковно-школьную автономию сербов в Австрийском государстве, за чистоту и незыблемость православия, за права сербов как особого народа в монархии Габсбургов перемежалась с оптимистическими воззваниями деятелей сербского Просвещения к светлому разуму. Волны духовного движения за Савой докатывались и до Сербии.

В то время умами и душами мыслящих сербов владел Досифей Обрадович. В юности экзальтированный монах, он благодаря тяге к знаниям, длительным путешествиям, знакомству с русской и западноевропейской литературой достиг европейской образованности и стал одним из самых ярких

и значительных представителей Просвещения на Балканах. Писатель, мыслитель, педагог Обрадович всем своим творчеством был обращен к «земледельцам и пастухам». Он был захвачен мыслью путем интеллектуального подъема и облагораживания сердец соплеменников с помощью литературы на родном языке создать общество по законам «здравого разума». Досифею Обрадовичу были чужды насильственные действия, но его сочинения были проникнуты верой в высокое предназначение человека на земле и его способность изменить жизнь.

Вместе с тем Досифей Обрадович занимал непримиримую позицию в отношении османского «варварства». Он приветствовал победы русского и австрийского оружия над турками. Однако, идеализируя внутреннюю и балканскую политику австрийского монарха Иосифа II, он в дальнейшем уразумел корыстность интересов Австрии на Балканах, ее предательство в отношении сербского народа и стал последовательным приверженцем ориентации Сербии только на Россию.

Сочинения Досифея Обрадовича были широко распространены среди сербов в Австрийской монархии, проникая также и в балканские владения Турции. Живой характер имел и личный обмен информацией между сербами по ту и другую сторону Савы и Дуная. Соплеменники поддерживали тесные деловые, родственные, дружественные связи.

Безрезультатность австро-турецкой войны и уход австрийских войск из освобожденного в 1789 г. Белграда нанесли удар по иллюзорным надеждам сербов на Габсбургов. Еще в конце войны три сербских духовных лица обратились с воззванием к народу, чтобы он просил австрийского монарха предусмотреть в мирном договоре с Турцией внутреннюю автономию Белградского пашалыка. Однако Систовский договор молчаливо обошел сербский вопрос. В умах сербов стали крепнуть отчаянные и смутные планы решения своей судьбы собственными силами в опоре на Россию. Опыт освободительного движения, с одной стороны, и традиционная поддержка Петербургом христиан на Балканах — с другой, внушали надежду и благоприятные ожидания.

В 80–90-х годах XVIII в. сербы в Османской империи и Австрийской монархии, а также находившиеся на русской службе высказывали в разных вариантах идею создания на Балканах славянского государства[3]. На рубеже XVIII и XIX вв. сербы в Османской империи психологически были готовы к широкому выступлению против существующего режима за обновление

своей жизни. Извечная мечта о воскрешении Сербского царства получила выход в конкретных наметках государственного обустройства Сербии.

Тем временем в Белградском пашалыке подготовка к восстанию шла полным ходом. Карагеоргий вел переговоры с земунскими торговцами о поставках пороха и оружия. Начало восстания было намечено на март 1804 г. Но планы сербов стали известны дахиям. Они учинили жестокую резню. Были убиты наиболее известные и уважаемые сербские старейшины, священники, торговцы. Погибло более 70 человек из числа тех, кто выделялся образованием, состоянием и авторитетом. По традиции их головы были отправлены в Белград. Это трагическое событие вошло в сербскую историю под названием «сеча кнезов».

Карагеоргий, известный как человек состоятельный, решительный, с военным опытом, был в списке тех, кто подлежал уничтожению. Дахии организовали несколько нападений на него. В последний раз они пытались взять его в Тополе. Карагеоргий рубил и стрелял в одно и то же время. Отбившись, он скрылся в лесу, где встретился со Станое Главашем.

Результаты кровавой расправы над сербами оказались прямо противоположными: райя вместо того, чтобы смириться, поднялась с оружием в руках против своих поработителей. Карагеоргий первым начал действовать. С отрядом он переходил из села в село, призывая народ к восстанию. Запылали турецкие ханы — постоялые дворы, где располагались небольшие янычарские команды. Крестьяне повсюду стекались в четы. В начале февраля в Орашаце собралась скупщина авторитетных в Шумадии сербов. Она избрала Карагеоргия «верховным вождем» восстания. Участники скупщины поклялись на верность вождю, целуя крест и евангелие как главные символы своей веры. Шумадия стала колыбелью восстания и возрождения Сербии.

К концу марта в повстанческих отрядах насчитывалось уже 25 тыс. человек. Они осадили крепости Шабац, Смедерево, Пожаревац и Белград. Неоспоримый авторитет Карагеоргия распространился на весь Белградский пашалык. В мае в с. Оструженица близ Белграда состоялась первая скупщина старейшин и представителей духовенства пашалыка. Она выразила стремление сербов добиваться восстановления автономных прав, упраздненных дахиями[4]. Карагеоргий был признан верховным военным руководителем повстанцев.

На первых порах Порта как бы со стороны наблюдала за действиями сербов против своевольных янычарских гарнизонов. Однако конфликт в Белградском пашалыке угрожающе разрастался. Хотя повстанцы постоянно

подчеркивали, что они не выступают против «добрых турок», но воюют с мятежными янычарами, очень скоро в их сознании забрезжила мечта об освобождении от власти Порты. В начале восстания сербское руководство металось в поисках союзника и допускало вхождение Сербии на условиях автономии в государство Габсбургов. Не встретив понимания со стороны Австрии, повстанцы направили осенью 1804 г. депутацию в Петербург. Она поставила перед правительством России вопрос об основании сербского государства под верховной властью Порты и под покровительством России[5]. В этих планах слились воедино и неуемная жажда свободы, и непонимание международных противоречий на Балканах. Официальные лица в Петербурге сочли радикальный поворот событий преждевременным, но обещали повстанцам всемерную поддержку.

Весной 1805 г. Карагеоргий и протоиерей Матия Ненадович от лица сербского народа направили прошение Порте о предоставлении Сербии автономии. Летом 1805 г. турецкое правительство, напуганное размахом восстания и ободренное позицией Австрии и Франции в сербском вопросе, отказалось от выжидательной позиции и приняло решение о вооруженном подавлении восстания. На Белград по главной Стамбульской дороге двинулась 16-тысячная турецкая армия. Однако повстанцы отразили это наступление, одержав убедительную победу при с. Иванковаце. Действиями сербских войск руководил пожаревацкий воевода Миленко Стойкович. Эта победа, одержанная над султанской армией, имела принципиальное значение. Сербское восстание вошло в открытый конфликт с Портой, означавший радикализацию его целей. Карагеоргий развернул строительство укреплений для защиты освобожденной территории.

1806-й был годом предельного напряжения сил повстанцев, кровопролитных сражений с турецкими войсками и убедительных военных побед. И именно тогда австрийское правительство закрыло наглухо границу. Повстанцы получали оружие, боеприпасы и продовольствие контрабандным путем, оплачивая втридорога товары и услуги. Турецкие воинские силы не раз возобновляли наступление на Сербию. Но всякий раз были остановлены. В это время в полную силу проявился полководческий дар Карагеоргия. Он формировал национальную армию, занимался ее снабжением, руководил строительством укреплений, разрабатывал планы военных операций, храня их в тайне даже от своих ближайших соратников. Сам он отправлялся с войском в наиболее опасные и ответственные места сражений.

Карагеоргий не однажды являл чудеса личной храбрости. С малочисленным отрядом нападал он на многотысячные турецкие войска и разбивал их. Превосходный наездник, он, получая известия о приближении турок, садился в седло и во главе отряда с саблей бросался на неприятеля. Стремительность его действий неоднократно решала исход сражений. Одним из самых крупных его успехов стала победа над султанским войском при Мишаре близ Шабаца 1(13) августа 1806 г. Карагеоргий разместил пешие сербские части численностью в 10 тыс. человек в укреплениях, сооруженных в виде прямоугольника по всем правилам военной фортификации. Конницу же в 1 500 сабель он укрыл в ближайшем лесу для нанесения внезапного удара по врагу с флангов и тыла.

День ответственного сражения начался в сербском лагере с заутрени. Отряды получили четкие задания, в войсках был полный порядок и дисциплина. Карагеоргий лично обошел части. Он был в крестьянской одежде — узких штанах, куртке из грубого сукна, черной меховой шапке, на ногах — опанки (простая крестьянская кожаная обувь), с двумя пистолетами за поясом и саблей на боку. Сопровождавший его боец нес ружье вождя. Карагеоргий был недосягаем по объему власти и в то же время близок каждому повстанцу. Он приказал открывать огонь только по его знаку, был спокоен, уверен и предельно собран. Вскоре начался беспорядочный обстрел турецкой артиллерией сербских укреплений. Молодые турки на разгоряченных арабских скакунах лихо гарцевали на поле, упражняясь в бросках копья и воодушевляя свои войска. Во главе наступавших двигались богатые боснийские беги в разукрашенных одеждах на резвых конях и паши из разных краев Боснии и Герцеговины, окруженные знаменосцами и многочисленной свитой. За ними, как черная туча, шла 20-тысячная турецкая армия — пехота, артиллерия, конница. Когда турки подошли почти вплотную к сербским укреплениям, грянул выстрел Карагеоргия, и началась жестокая битва. Ее исход, как и задумывал сербский полководец, решила конница. Он сам во главе пешего отряда до темноты преследовал бежавших турок. Мишарское поле превратилось в месиво из вздыбленной пушечными ядрами земли, трупов, людской и конской крови. Сражение закончилось таким разгромом турок, какого они не знали за все время восстания. Карагеоргий принял меры, чтобы перекрыть дорогу на Боснию отступавшим османским частям.

После славной победы на западных рубежах у Шабаца сербы одержали верх и на юге у Делиграда, где в течение шести недель они вели изнуритель-

ные оборонительные бои. В сентябре 1806 г. между повстанцами и командованием турецких войск было заключено перемирие.

Тем временем Карагеоргий готовился к штурму Белграда. Он сосредоточил в округе 12 тыс. бойцов, но этого было мало для взятия укрепленной столицы. Смелость военной мысли и быстрота действий Карагеоргия принесли и на этот раз победу сербам. 30 ноября 1806 г. город был взят, в начале января сдалась и крепость. Вскоре повстанцы вошли в Шабац. Белградский пашалык был полностью в руках восставшего народа.

Несмотря на военные успехи, попытки сербов достигнуть соглашения с Турцией не удавались. В июле 1806 г., когда над Сербией нависла зловещая опасность, Карагеоргий направил в Стамбул торговца и искусного дипломата Петра Ичко, чтобы в последний раз попытаться договориться с Портой. Миссия Ичко не сразу принесла результаты. Но под влиянием кризиса русско-турецких отношений, внутренних распрей и поражения у Мишара султанское правительство согласилось удовлетворить просьбы сербов. Они предусматривали статус Сербии как вассального государства, поддерживавшего связь с Портой через представителя турецкой власти, финансового чиновника — мухасила в Белграде. Это соглашение получило название «Ичков мир». Но оно не вступило в силу, так как началась русско-турецкая война, кардинально изменившая судьбу восстания.

Сербы одерживали убедительные победы на западе и на юге страны. А на освобожденной территории закладывались основы национальной государственности, опиравшейся на довольно развитую систему местного самоуправления. Для решения важнейших вопросов (отношения с иностранными государствами, обложение налогами, финансирование армии, закупка вооружения и др.) Карагеоргий созывал скупщины, на которые собирались представители духовенства, предводители восстания, местные старейшины, купцы. В подчинении Карагеоргия находился и другой центральный орган власти — Народный совет, созданный в 1805 г. Но государственное строительство сталкивалось с неимоверными трудностями, в частности из-за отсутствия грамотных людей. «Не имея между нами даже начальников, кои бы имели просвещение, — писал позднее Карагеоргий, — весьма были озабочены»[6]. Кадровая помощь пришла от соплеменников, проживавших в Австрийской монархии. В Сербию переехал ряд видных образованных людей.

С развитием военной и политической ситуации и усилением веса и влияния вождя постепенно возрастали его авторитарные притязания. Это вы-

зывало недовольство и противодействие со стороны ряда воевод-организаторов восстания и местных старейшин, в свою очередь стремившихся стать полновластными, а скорее, бесконтрольными, правителями подчиненных им областей. В руководящих органах восстания шла непрерывная сложная борьба группировок и отдельных лиц за влияние и доходные статьи. На местах дела вершили старейшины. Еще первая скупщина в Оструженице постановила ввести институт судей. Но Карагеоргий походя вершил недолгий суд над местными старейшинами, уличенными в содействии турецким войскам, в снабжении их продовольствием и снаряжением. Имя Карагеоргия очень рано обросло легендами. Так, согласно одной из них, он приказал своего родного брата, замеченного в разбоях и грабежах, повесить, и сам присутствовал при казни.

Сельская жизнь пришла в движение. Местные власти, завладев турецкой собственностью, распродавали жилые дома, хозяйственные постройки, сады. В качестве покупателей выступали в основном сельские торговцы. Крестьяне освободились от повинностей в пользу турецких землевладельцев и государства. Но теперь они должны были обеспечивать военные нужды восстания, содержать 50-тысячную армию и бесплатно трудиться на землях новоявленных земельных собственников — предводителей восстания. Повстанческая Сербия столкнулась с новыми противоречиями.

Сербы нуждались в поддержке великих держав. Еще весной 1804 г. они обратились за помощью к соседней Австрии, выражая готовность присоединить Белградский пашалык как автономную единицу к монархии Габсбургов. Казалось, территориальные приращения на Балканах отвечали исконным вожделениям венского двора. Но международное положение государства Габсбургов в те годы было столь сложным, а сербская политическая автономия столь опасной для внутренней стабильности их монархии, что Вена не могла позволить себе принять желанный подарок. Неизменная участница антифранцузских коалиций, Австрийская монархия терпела одно поражение за другим. В этих условиях она была заинтересована в стабильности своих юго-восточных границ.

Разрастание сербского восстания представлялось крайне опасным для состояния умов сербов в самой монархии Габсбургов. Поэтому австрийское правительство отказало в военной и материальной помощи повстанцам, провозгласило политику «невмешательства», соглашаясь лишь на посредничество в примирении сербов и Порты. Тщетно сербское руководство

взывало к Вене. Тем не менее австрийское правительство, стремясь ослабить влияние России на сербов и предотвратить недовольство его позицией со стороны православного населения в пограничных с Турцией краях монархии, не всегда придерживалось жесткого режима на границе.

В руководстве восстанием шла борьба по вопросу о внешнеполитической ориентации Сербии. Часть воевод и купцов, связанных торговыми интересами с Австрией, настаивала на проавстрийском курсе внешней политики восстания. Карагеоргий, испытывая колебания в зависимости от военной ситуации и не всегда понимая позицию Петербурга, в конечном итоге придерживался идеи военно-политического союза Сербии с Россией. В этом его убеждала неизменная готовность ее правительства содействовать сербам.

Определенное влияние оказывал на Карагеоргия и Досифей Обрадович. Получив первые известия о восстании, он приветствовал его «Песней об инсурекции сербов». В 1806 г. он вошел в тайный контакт с руководителями восстания, а в следующем году переехал из Триеста, где жил в последнее время, в Сербию. Старый и больной писатель, проведший жизнь в европейских центрах — Вене, Лейпциге, Париже, Лондоне, он на склоне лет перебрался со своей библиотекой в охваченную войной страну. Стремясь быть в суровые лета вместе со своим народом, он мечтал просвещать и воспитывать его. Но судьба распорядилась иначе: он стал ближайшим советником Карагеоргия.

Сербский вождь доверял Досифею и в государственных, и в личных делах. Он возложил на писателя воспитание своего сына Алексы. Обрадович советовал отправить мальчика для получения образования в Петербург, и Карагеоргий склонялся к этому. Однако развитие событий помешало осуществить этот замысел. А пока Алекса жил у Досифея Обрадовича, который сам едва сводил концы с концами. Карагеоргий нередко брал с собою Досифея в Тополу. Он прислушивался к доводам и советам образованного человека, разбиравшегося во внешнеполитической ситуации не хуже, чем в литературной.

С помощью Обрадовича неискушенный в дипломатических тонкостях Карагеоргий вел официальную переписку. Досифей «растолковывал» ему получаемую корреспонденцию. Писатель, остававшийся приверженцем духа Просвещения, облагораживающе действовал на своенравную, крутую, не знающую пределов власти натуру вождя. Это он в 1809 г. удержал Карагеоргия от разгрома дома русского дипломатического представителя К. К. Родо-

финикина, покинувшего Белград вместе с панически бежавшими в Австрию сербами после прорыва турецких войск. Карагеоргий бушевал в ярости, но уступил просьбам и увещеваниям оставшегося в столице Досифея.

В первые годы XIX в. политика правительства России, традиционно оказывавшей покровительство православному населению на Балканах, требовала большой осмотрительности. В результате военных успехов Наполеона возникала угроза его вторжения на Балканы, что могло бы привести к утрате влияния России в этом регионе. Россия и Турция являлись союзниками по антинаполеоновской коалиции, и Петербург в условиях нестабильности обстановки в Европе был заинтересован в поддержании с Портой добрососедства. Поэтому, откликаясь на просьбу сербов осенью 1804 г. оказывать финансовую и дипломатическую помощь восстанию, правительство России стремилось действовать в рамках союзнических отношений с Османской империей. Однако русско-турецкое сотрудничество оказалось недолгим. После поражения русских и австрийских войск под Аустерлицем Порта изменила внешнеполитический курс и под нажимом Франции решилась на войну с Россией.

Русско-турецкая война началась в декабре 1806 г. Отныне судьбы сербского восстания были связаны с ее исходом. Отвергнув Ичков мир, повстанцы полностью порвали с Турцией и приняли решение вести борьбу вместе с Россией до полного освобождения Сербии от власти Порты. Русско-турецкая война открыла для сербов реальную перспективу достижения независимости[7]. В начале 1807 г. возобновились военные действия между повстанческими силами и султанскими войсками. Карагеоргий стал символом свободной Сербии.

Пришло время, и верховный вождь проявил свои дипломатические способности. В июне 1807 г. он провел четырехчасовые переговоры с эмиссаром российского МИД маркизом Ф. О. Паулуччи об условиях участия сербов в войне на стороне России. Конечно, Карагеоргий ожидал от нее быстрых успехов, не учитывая при этом сложности международного положения России в разгар наполеоновских войн.

Сербо-русский военный союз вовлек Сербию в сферу европейских противоречий и в войну против Наполеона. Этим определялось первоначальное направление (южное) наступательных операций Карагеоргия. Однако неудачи сербских войск на востоке страны вынудили его поспешить со своими отрядами к ним на выручку. На помощь пришел и двухтысячный отряд

русских войск под командованием генерал-майора И. И. Исаева. Совместными действиями русские и сербские части разбили турок при Штубице и осадили крепость Неготин. Это был крупный успех.

В августе 1807 г. после встречи Александра I и Наполеона в Тильзите Россия и Турция заключили перемирие в Слободзее. Турки обязались не беспокоить и сербов. В Белград для упрочения русско-сербского сотрудничества прибыл Родофиникин, наделенный широкими полномочиями. Карагеоргий постоянно поддерживал с ним тесные контакты. Россия расширила помощь Сербии деньгами, вооружением, военными специалистами.

Затишье на фронтах открыло простор для хозяйственной деятельности. В Сербию начали прибывать переселенцы из соседних турецких и австрийских областей. Благодаря приливу купцов и ремесленников оживились города. Свобода торговли открыла новые источники дохода, хотя привычным оставался архаичный обмен. Быстро возобновилась пограничная торговля, особенно скотом. Деловые люди открывали мастерские. Города все заметнее заявляли о себе в хозяйстве, политике и культуре. Но основой всей жизни Сербии оставалось село. Благодаря этим сдвигам десятилетиями сдерживаемая хозяйственная энергия народа давала стране заряд для экономического подъема.

Одновременно продолжалась организация нового управления Сербией: разрабатывались концепции государственного устройства, появились наметки законодательства, укреплялась судебная власть и учреждались суды, выявлялись финансовые источники, закладывались основы налогообложения, разграничивалась компетенция военных и гражданских властей. Страна медленно и с трудом обретала европейский политический облик. Создавалась национальная школа. Накануне восстания в Сербии на сто сел едва приходился один грамотный. Перерыв в военных действиях позволил создать в стране сеть начальных школ. В 1808 г. в Белграде была открыта Великая школа — первое в Сербии высшее учебное заведение. Священников готовила Клерикальная школа, или Школа богословия. Сербия начала наверстывать упущенные возможности в развитии национальной культуры.

Внутренние неурядицы в Османской империи придали уверенности Карагеоргию. «Видя разваливающимся дом врагов своих», он в конце 1808 г. провозгласил себя наследственным «верховным предводителем» сербского народа. Сербская депутация направилась в Россию, чтобы просить ее правительство о предоставлении Сербии «непременной и совершенно без-

условной независимости» при заключении мира с Турцией[8]. Однако в начале 1809 г. международная ситуация в очередной раз круто изменилась. Турция заключила союз с Англией против России. Началась подготовка к войне.

Карагеоргий в мае 1809 г., не дожидаясь генерального наступления русской армии, двинул сербские войска против турок в восточном и южном направлениях. Он лично возглавил части, наступавшие на юге. Были достигнуты крупные военные успехи, что открыло возможность соединения с Черногорией. Однако, пользуясь отсутствием русских войск (они были выведены из Сербии по условиям перемирия) и пассивностью русской армии на Дунае, турки предприняли контрнаступление на Белград. Город был охвачен паникой. Лишь успешное наступление Молдавской армии под командованием П. И. Багратиона вынудило турок срочно отвести свои войска от Белграда.

Обстановка в Сербии постепенно приходила в норму. Но перед угрозой катастрофы сербское руководство стало метаться в поисках поддержки у других держав — Австрии, Франции. Все это было безрезультатно, оставалась одна надежда — на Россию. Вскоре Карагеоргий получил от нее материальную и военную помощь. В Сербию был направлен крупный русский отряд. В 1810–1811 гг. русские и сербские части совместными усилиями одержали ряд важных побед над турками. Кровавое сражение развернулось в октябре 1810 г. на Дрине у с. Лозницы. По своим масштабам и последствиям оно было равнозначно мишарской битве 1806 г. Александр I в знак признания заслуг Карагеоргия наградил его орденом Св. Анны I степени и осыпанной алмазами саблей. Сербскому вождю был пожалован чин генерал-лейтенанта. В результате успешных боевых действий освобожденная сербами территория значительно расширилась.

Ослабление военной опасности позволило Карагеоргию провести государственные преобразования. Он ввел централизованное управление, сконцентрировав всю власть в своих руках. В начале 1811 г. скупщина повстанческих старейшин в Белграде подтвердила его полномочия в качестве главы Сербии и главнокомандующего ее армией. Власть воевод-оппозиционеров была сломлена, но народ не получил демократических прав. Ввиду нарастания социальных конфликтов внутренняя обстановка в Сербии оставалась сложной и напряженной. Позднее о своем правлении Карагеоргий напишет: «Получив власть над прочими моими соотчичами, для сохране-

ния единства в правлении и отвращения всякой опасности быть порабощенну через интриги, столь свойственные в народе словенском, я долженствовал быть грозным»[9].

Между тем началось новое обострение внешнеполитической ситуации. Над Россией нависла угроза войны с Наполеоном. В этой крайне тревожной международной обстановке она остро нуждалась в мире с Турцией. 17(29) мая 1812 г. в Бухаресте был подписан мирный договор. Согласно его VIII статье, Турция должна была предоставить Сербии автономию, о конкретном содержании которой сербам и туркам следовало заключить особую конвенцию.

Весть о подписании Бухарестского мира и отводе русских войск из Сербии привела ее руководство в замешательство. Главное, что представлялось Карагеоргию неприемлемым, была сдача туркам крепостей и орудий. Однако, по совету России, находившейся в критическом положении в результате агрессии Наполеона и лишенной возможности оказывать сербам действенную помощь, Карагеоргий все же согласился направить сербскую депутацию в Стамбул для переговоров о заключении конвенции с турками. 15(27) августа в монастыре Врачевшнице состоялась скупщина, на которой была дана торжественная клятва сербов соблюдать условия VIII статьи Бухарестского договора.

Но международная обстановка оставалась крайне неблагоприятной для сербского народа. Вступление Наполеона в Москву ободрило Порту в ее планах пересмотра условий Бухарестского мира. В свою очередь и сербы настаивали на включении в сербо-турецкую конвенцию дополнительных статей. Но в начале июля 1813 г. турецкая армия с трех сторон двинулась на Сербию. Карагеоргий обратился с прокламацией к народу, призывая его дать решительный отпор врагу. «Опасность общая видеть себя истреблену и народная гордость не преклонить голову на заклание себя, когда имеем еще оружие в руках, заставили нас защищаться», — так определил Карагеоргий настроения сербов[10]. Однако силы были неравны: турецкая армия в течение года готовилась к восстановлению османской власти. Тщетно Карагеоргий пытался добиться перемирия с турками, просил о вооруженной помощи Австрию.

В октябре 1813 г. Карагеоргий «с растерзанным сердцем», как и многие воеводы, оставил Белград и перебрался в Австрийскую империю. Узнав об этом, толпы простого народа со скарбом и скотом в панике ринулись че-

рез границу. Все, кто не смог бежать в Австрию, скрылись в горах. Турецкая конница вступила в обезлюдевший Белград. В упоении победой турецкие власти разрешили войскам в течение 12 дней грабить, убивать и обращать в рабство сербов. В один из дней в Белграде было предложено на продажу 1 800 рабов! Трое суток в Стамбуле гремели пушечные залпы, возвещая миру о покорении райи. Сербия была залита кровью. Дороги в Боснию были забиты рабами и скотом, перегонявшимися на юг[11]. Но турецкий режим полностью все же не был восстановлен.

Бежавшие в австрийские пределы Карагеоргий и другие руководители восстания были интернированы. Они оказались без средств к существованию и в полной изоляции. Лишь в октябре 1814 г. Карагеоргий покинул Габсбургскую империю, чтобы с разрешения правительства России поселиться в Бессарабии. Ему была определена пенсия и выделен дом в г. Хотине.

Но легендарный вождь сербов не почил в бездействии. Его не покидала надежда на вмешательство возвысившейся после побед над Наполеоном России в решение судьбы Сербии. По прибытии в Бессарабию Карагеоргий и другие старейшины направили письмо Александру I, который в то время находился в Париже. Сербские представители развили также активную деятельность в Вене, где проходил конгресс великих держав. Русская дипломатия, встретив сопротивление западных правительств попыткам поставить сербский вопрос в повестку дня конгресса, перешла к самостоятельным энергичным действиям. Она настаивала перед Портой на выполнении VIII статьи Бухарестского мира.

В ожидании благоприятных времен Карагеоргий жил в Хотине. Его маленький дом, состоявший из сеней и двух комнат, был обставлен сурово и бедно: грубый стол, сундук и широкая кровать, покрытая простым ковром. Сам хозяин, высокого роста статный мужчина, уже почти весь седой, продолжал носить национальную одежду. Единственным богатством в доме была его соболья шуба с аннинской звездой. Жена Елена сама ходила по воду с коромыслом через плечо. Карагеоргий имел свиту в 30 человек из своих бывших боевых сподвижников. Следы ранений остались свидетельством их бесстрашия и отваги[12].

Верховный вождь сербов казался хладнокровным и равнодушным к окружавшим его людям и происходившим событиям. Но, по словам русского литератора П. П. Свиньина, то был «погасший вулкан, готовый ежеминутно вспыхнуть». В «Письме к брату — из Хотина», опубликованном

в журнале «Сын отечества» в 1816 г., Свиньин сообщал: «Но тронь слабую сторону его — заговори о его Отечестве, о славе Сербского народа — и сей хладный человек воспылает огнем, который показывал он посреди битв кровавых, сей немотствующий человек сделается велеречивым, каковым был он в пылу сражений; его черные неподвижные глаза заблистают светом гения — и ты узнаешь необыкновенного человека. Так! Только с сею любовию к Отечеству производятся великие люди! Только сей огонь имеет власть рождать восторг, воспламенять народ посреди бедствий и опасностей, вести его от побед к победам»[13].

В мае 1816 г. Карагеоргий был приглашен в Петербург. Рассчитывая вовлечь Россию в военно-политические акции в поддержку сербов, он составил пространное донесение о событиях в Сербии в 1804–1813 гг. С гордостью писал он о храбрости и неустрашимости сербских воинов, о неистребимом стремлении народа к независимости. «Я был десять лет вождем и теперь пролью до последней капли мою кровь, жертвуя сам лично собою, лишь бы возвратить любезному моему отечеству потерянную вольность», — заявлял он[14]. То была клятва верности Карагеоргия своей родине.

При дворе был проявлен интерес к сербскому вождю. Александр I удостоил его аудиенции. В теплой полуофициальной обстановке Карагеоргий был представлен царской семье. По велению царя придворный художник, знаменитый представитель романтической живописи В. Л. Боровиковский написал его портрет. Он передал доминантное состояние души Карагеоргия — трагическую печаль. Видевший в ноябре 1816 г. сербского предводителя Н. И. Тургенев записал в своем дневнике впечатление от этой встречи: «Лицо его весьма печально. Горько смотреть на таких людей, любящих свое отечество так, как он, и так, как он, ему служивших в нещастии или в изгнании»[15].

Петербургская знать стремилась обласкать сербского героя. Пышный демонстративный прием, оказанный царским двором верховному вождю сербских повстанцев, должен был показать намерения России при всех ее добрососедских отношениях с Турцией и далее покровительствовать христианским подданным Порты. Однако о новой войне с Турцией в то время не могло быть и речи.

Посещение Карагеоргием Петербурга, его общение в столице с представителями различных общественных кругов побудило русскую публицистику вновь вернуться к событиям русско-турецкой войны 1806–1812 гг.,

сербского восстания и рассказать своим читателям о жизни его выдающегося руководителя. Русские журналы запечатлели облик этого необыкновенного человека. «Жизнь его, — писал П. П. Свиньин, — принадлежит к числу тех редких феноменов, которыми ознаменован конец 18 и начало 19 столетий; он может уподобиться тем ужасным метеорам, которые являются иногда на лице земли для выполнения какого-нибудь предопределения Всевышнего Творца, которые, родясь из праха, составляют чреватые бурями тучи, причиняют ужасные ураганы, приводящие в трепет вселенную, и — погасают в воздухе»[16]. Русская печать с уважением и восторженной симпатией писала о Карагеоргии, особенно выделяя его преданность своей родине и неистребимое желание свободы соплеменникам. Все это отвечало настроениям русского общества, находившегося под впечатлением Отечественной войны 1812 г.

Между тем, убедившись в том, что правительство России не намерено воевать с Портой, Карагеоргий искал пути возвращения на родину. Он вошел в контакт с тайной греческой организацией «Филики Этерия» (Дружеское общество), которая, действуя в основном на территории России, вынашивала планы освобождения балканских народов от турецкой власти. Общество было заинтересовано в привлечении Карагеоргия как человека, пользующегося авторитетом на Балканах и имеющего опыт военных действий. В мае 1817 г. недалеко от г. Яссы на встрече с деятелями «Филики Этерии» Карагеоргий принес клятву верности делу освобождения христиан от османского ига.

За два года до этого, весной 1815 г., в Белградском пашалыке началось новое восстание против турок. Его возглавил бывший сподвижник Карагеоргия Милош Обренович. Одержав ряд убедительных побед над турецкими войсками, повстанцы обратились за помощью к великим державам. И вновь, как это было в годы Первого сербского восстания, только Россия приняла в пользу сербов действенные меры, что заставило Порту пойти на переговоры с повстанцами. В августе 1815 г. было заключено устное соглашение между белградским пашой Марашли-Али и Милошем Обреновичем об определенных правах населения Белградского пашалыка. Фирманы 1816 г. признали самоуправление сербов. Однако статус Сербии был весьма шатким.

На этом этапе политика России в сербском вопросе состояла в том, чтобы удержать Сербию от обострения отношений с Турцией, добиваясь в то

же время от повстанцев твердости позиции. Российское правительство надеялось дипломатическим путем заставить Порту узаконить автономию Сербии согласно VIII статье Бухарестского договора.

Новый предводитель сербов был личностью весьма противоречивой. Участник двух восстаний, он в то же время находил взаимопонимание с видными турками благодаря подкупам и услугам. В декабре 1815 г. народная скупщина признала его верховным князем и правителем Сербии. Оттесняя турецкие органы от власти в Сербии, Милош был одержим мыслью о законодательном закреплении Портой княжеского достоинства за его потомством. На этом пути он жестоко и коварно расправлялся с возможными соперниками. Поплатились жизнью наиболее авторитетные воеводы. Но оставался недоступным в России самый главный претендент на княжеский престол — легендарный Карагеоргий.

При поддержке «Филики Этерии», которая снабдила его паспортом и деньгами, он без ведома русских властей покинул Бессарабию, пересек границу Австрийской империи и вступил на территорию Сербии. Он и гетеристы полагали, что пришло время начать новое восстание против Турции. Официальные лица в России отрицательно отнеслись к тайному возвращению Карагеоргия в Сербию в преддверии русско-турецких переговоров по сербскому вопросу, полагая, что его появление приведет к обострению ситуации в княжестве и сербо-турецких отношений.

По прибытии в Сербию Карагеоргий предложил Милошу встретиться для обсуждения вопроса о действиях против турок. Однако Милош коварно направил к нему убийцу, который и лишил Карагеоргия жизни во время сна. Это случилось 13(25) июля 1817 г. Милош послал голову Карагеоргия сначала в Белград, а потом в Стамбул в знак верности султану и как доказательство того, что не стало главного бунтаря против Порты.

Коллизия Милош — Карагеоргий была не только столкновением конкурентов в начавшемся государственном строительстве Сербии. Это был конфликт личностей, характеров, судеб, наконец, основателей династий. На протяжении всего XIX в. фамилии Карагеоргиевичей и Обреновичей боролись между собой за княжеский престол.

«В последних числах июля похищено со сцены мира одно из достопамятнейших лиц новой истории, Георгий Черный, бывший вождь сербский», — так откликнулся журнал «Вестник Европы» на гибель Карагеоргия. Его имя и дело оставили след и в русской литературе. А. С. Пушкина вдохновили

пребывание в Бессарабии, где оставались сербская эмиграция и семья Карагеоргия, и знакомство с сербской народной поэзией. Воображением поэта был создан грозный и трагический портрет этого человека. Стихотворение «Дочери Карагеоргия» (1820 г.) начиналось словами: «Гроза луны, свободы воин, // Покрытый кровию святой, // Чудесный твой отец, преступник и герой, // И ужаса людей, и славы был достоин»[17].

Семья Карагеоргия еще многие годы находилась в России. Его сын Александр вернулся в Сербию только в 1839 г. в возрасте 33 лет. В 1843 г. он был избран князем Сербии. Однако в 1858 г. по решению Свято-андреевской скупщины, отразившей общественное недовольство бюрократическим режимом, был свергнут с престола. Александр эмигрировал в Австрию, где и оставался до своей кончины в 1885 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: *Вукићевић М.* Карађорђе. Београд, 1907–1912. Књ. I–II; *Ђоровић В.* Карађорђе и Први српски устанак. Београд, 1937; *Страњаковић Д.* Карађорђе. Београд, 1938; Стопедесетогодишњица устанка у Србији 1804–1954. Београд, 1954; Историја српског народа. Београд, 1981. Књ. 5. Т. 1; *Љуигић Р.* Вожд Карађорђе. Београд, 2000; Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн. 1. 1804–1807; М., 1983. Кн. II. 1808–1813.

2 См.: *Лещиловская И. И.* Идейно-психологическая атмосфера у сербов в конце XVIII в. // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. СПб., 2005.

3 *Лещиловская И. И.* Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., 2006. С. 244 и сл.

4 *Вукићевић М.* Карађорђе. Књ. II. С. 88–90; Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII — 70-е годы XIX в. М., 1986. С. 97.

5 Историја српског народа. С. 32; Формирование национальных независимых государств ... С. 98.

6 Цит. по: *Бажова А. П.* Карагеоргий в России // Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813. Београд. 1983. С. 296.

7 Формирование национальных независимых государств ... С. 104.

8 Там же. С. 107; *Бажова А. П.* Указ. соч. С. 296.

9 *Бажова А. П.* Указ. соч. С. 296.

10 Там же. С. 297.

11 Историја српског народа. С. 62, 63.

12 *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. IV. С. 6.

13 *Свиньин П. П.* Письмо к брату — из Хотина // Сын Отечества. 1816. № 30. С. 141–142. В 1818 г. Свиньин напечатал свое «Письмо» и в журнале «Отечественные записки» (Ч. 1. С. 45–58).

14 Цит. по: *Бажова А. П.* Указ. соч. С. 298.

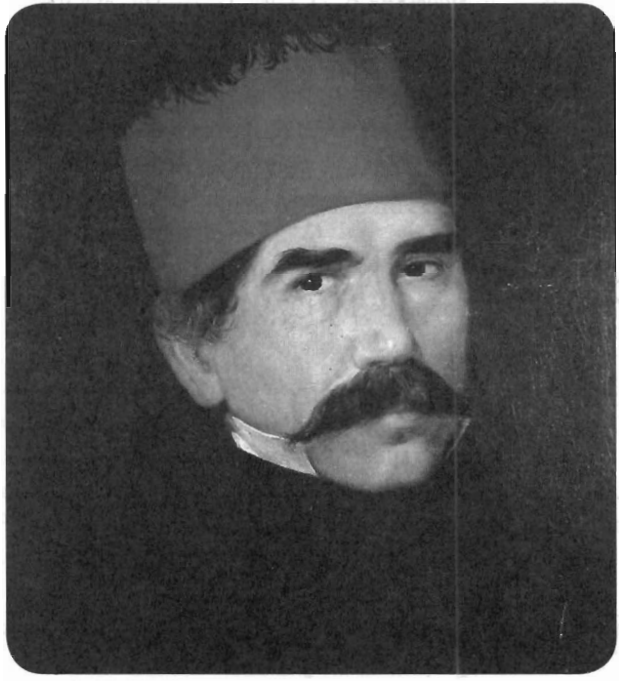
15 Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 годы. Пг., 1921. С. 9.

16 Сын Отечества. 1816. № 30. С. 140–141.

17 *Пушкин А. С.* Собр. соч. М., 1974. Т. 1. С. 120.

И. С. Достян

Вук Стефанович Караджич



«Человек невысокого росту, под шестьдесят лет, в очень длинном сюртуке и высоких сапогах, левая нога его поднята и опирается коленом на «штулу» (костыль), что заставляет его ходить тихо, как не ходит никто; — лице у него — одно из тех лиц, какие можно видеть только в Украине и Сербии, лице как будто треугольное с выдавшимися скулами, со впалыми, небольшими, карими, сверкающими глазами, редко не опущенными в землю, и широкие, полусерые пряди бровей и усов придают этому лицу какое-то суровое выражение. По этим признакам легко узнать Вука Стефановича Караджича, легко отличить его от сотней других более или менее оригинальных лиц, обращающих на себя внимание в Вене»[1].

Такой живой и впечатляющий образ великого сербского литератора и ученого представил первый его биограф, русский славист И. И. Срезневский. Он был близким другом Вука, тесно общался с ним в 1841–1848 гг., в то время, когда Караджич подошел к вершине славы, становился победителем в долгой и упорной борьбе за реформу литературного сербского языка, когда он на всю Европу прославил сербский фольклор, а тем самым и свой народ, став символом его культурного возрождения. Ему оставалось прожить еще около 20 лет, которые он провел в трудах, завершая свою литературную и научную деятельность. Но главное уже было сделано, и итоги можно было подводить. Они были грандиозны и многообразны, охватывая не только филологию, но также современную историю и этнологию сербов, а отчасти и других южных славян. А как общественно-политический деятель, просветитель и демократ по убеждениям, Караджич внес свой вклад в борьбу за превращение Сербского княжества в государство с европейским порядком. Все это сотворил своим талантом, трудолюбием и энергией маленький пастух-самоучка из деревни Тршич.

В это опустевшее от чумы село, расположенное недалеко от городка Ядар, семейство Караджичей переселилось после окончания войны между Австрией и Османской империей 1735–1739 гг.

Там 26 октября /7 ноября 1787 г. у зажиточного крестьянина Стефана Йоксимовича Караджича и его жены Йегды родился сын, названный Вуком, т. е. Волком. Устрашающее имя мальчику было дано не случайно — оно должно было его уберечь от злых ведьм, «съевших» пятеро ранее родившихся в семье детей. Так думали жители Тршича, где стойко сохранялись патриархальные обычаи, из поколения в поколение передавались предания и легенды. Дедом Вука был старый гусляр Йоксим Бандула, и в доме Караджичей постоянно, особенно зимой, народные певцы и сказители из Герцеговины собирались у костра, пели и рассказывали о былых героях, о смелых гайдуках. Их хорошо запоминал мальчик, одаренный прекрасной памятью.

Как все дети в селе, Вук пас скот и помогал по хозяйству, а его первым учителем стал родственник Евто Савич-Чотрич, который научил восьмилетнего любознательного мальчика азбуке, а затем отец отправил сына в открывшуюся в Лознице частную школу. Но там он пробыл недолго — в городе началась эпидемия чумы. Затем Вука послали на обучение в ближайший монастырь Троноша, надеясь, что он станет попом или торговцем. Но в Тро-

ноше мальчику пришлось преимущественно пасти коз, быть слугой и исполнять всевозможные работы. Там он смог только выучить псалтырь и часослов. Сочтя, что лучше пасти собственных коз, отец вернул его домой[2].

А в родном селе, где грамотных совсем не было, подросток оказался самым ученым человеком. Он мог читать и писать, знал дни церковных праздников, распознавал деньги и умел вести дефтеры (расчетные книги). Вук оказывал всевозможные услуги сельчанам, вел дефтеры торговцев и спахиев, заслужив благодаря всему этому большое уважение.

Между тем в первые годы XIX столетия в балканских владениях Османской империи усиливалась анархия. Непокорные янычары захватили власть в Белградском пашалыке, убив покровительствовавшего сербам везира Мустафу-пашу. Насилия и непомерные налоги заставили сербов готовиться к вооруженной борьбе с ненавистным режимом четырех главарей янычар — дахиев. Узнав об этом, дахии расправились с рядом влиятельных сербских старейшин. Эта так называемая «сеча кнезов» привела в феврале 1804 г., к началу массового вооруженного восстания в Белградском пашалыке.

К борцам за свободу присоединился популярный гайдуцкий вождь из околины Ядара Джордже Чуприя. 17-летний Караджич стал писарем в его отряде и участвовал в боях с боснийскими турками, которые немилосердно расправлялись с повстанцами, разоряли и сжигали села, угоняли скот. В огне был уничтожен дом и все хозяйство Караджичей в Тршиче.

А осенью был убит отважный, но самовольный и недисциплинированный гайдук Чуприя, вступивший в конфликт с Карагеоргием и валевским воеводой Яковом Ненадовичем. Это также произвело тяжелое впечатление на юношу. Ему оставалось либо идти в гайдуки, либо покинуть родину, чтобы продолжить обучение. Он предпочел последнее и в марте 1805 г. отправился в Сремски Карловци — центр сербской православной митрополии в Австрии.

Сербские земли Австрийской империи, входившие преимущественно в состав Венгерского королевства (Воеводина), стали в это время центром сербского национально-культурного движения, развивавшегося в русле европейского Просвещения. Там имелись сербские школы, типографии, жили и работали сербские писатели и живописцы, а после начала восстания в Белградском пашалыке экономические и политические контакты повстанцев с воеводинцами быстро расширились. В Карловцах Караджич два года посещал частную церковную школу. Он много читал, познакомился с сочинениями Захария Орфелина, Йована Райича, особенно воодушевился творе-

ниями Досифея Обрадовича, зная наизусть некоторые его произведения. Наставником Вука был высокообразованный монах и поэт Лукиан Мушицкий. За два года его питомец научился хорошо читать по-сербски и по-немецки, усвоил славянскую грамматику, арифметику и катехизис[3].

После этого даровитый юноша надеялся поступить в гимназию. Но 19-летнего «момака» туда не приняли, сочтя, что он достаточно образован для серба из турецких владений. Тогда Караджич отправился в Хорватию — в городок Петриня, чтобы лучше изучить немецкий язык, а затем, летом 1807 г., приехал в уже освобожденную от турецкой власти Сербию, где в грамотных людях очень нуждались. Там он сперва служил писарем у валевского воеводы Якова Ненадовича, а позднее, когда его родственник Евто Савич стал советником в белградском правительстве, получил место писаря в Правительствующем совете.

В 1808 г. благодаря усилиям Досифея Обрадовича в Белграде была торжественно открыта «высшая школа», и Вук стал ее учеником. Но вскоре усилившиеся ревматические боли заставили его отправиться на лечение сначала в родной Тршич, а потом в Нови Сад и Буду. От тяжелой болезни так и не удалось избавиться: на всю жизнь Караджич остался хромым, с трудом передвигался с помощью «штулы» (деревянной ноги) и палки. Это определило всю его дальнейшую судьбу. «Со штулой, — говорил он Срезневскому, — я уже не мог думать ни о коне, ни о войне и волей-неволей должен был привыкать, сколь мог, к жизни домоседлой. Не будь со мной штулы, я бы может быть давно убит был турками, как множество других моих сверстников; а штула моя заставила меня искать покоя, покойного чтения книги, покойного записывания на бумаге того, что слышало ухо и видели глаза»[4].

Зиму 1810–1811 гг. Караджич провел в Белграде, был школьным учителем, служил в таможне на переправе через Дунай, исполнял различные поручения Карагеоргия, а в следующем году стал таможенником, судьей и управителем в городке Брза-Паланка.

Годы, проведенные в Сербии среди простого народа, непосредственное участие в Первом восстании, общение с его вождями были чрезвычайно важными для всей творческой деятельности Вука. Будучи человеком чрезвычайно любознательным и достаточно образованным, он имел возможность хорошо изучить разговорный сербский язык и его различные говоры, запомнить и записать произведения народного творчества. Он своими глазами наблюдал события, происходившие в Сербии, вождей восстания.

Когда летом 1813 г. турецкие войска разгромили повстанцев, Караджич, как большинство сербских воевод и множество простого народа, бежал в австрийские владения и осенью этого года оказался в Вене. Новую жизнь приходилось начинать без специальности, могущей обеспечить заработок, без каких-либо полезных знакомств, лишь с небольшими сбережениями, необходимыми на первое время.

Между тем Лейпцигская битва определила исход наполеоновских войн, и в Вене предстояло открыться мирному конгрессу. Туда съезжались сербские деятели, предпринимавшие попытки побудить державы-победительницы вмешаться в сербо-турецкий конфликт, осудить жестокий террор Порты в отношении повстанцев. Д. Давидович и Д. Фрушич начали издавать в австрийской столице газету «Новине српске».

Караджич, тяжело переживавший трагические события в Сербии, свидетелем которых он оказался, написал для этой газеты статью в форме письма Карагеоргию, в которой описывал последние дни восстания, критиковал политику его руководителей, размышлял о причинах поражения сербов. Эта статья, так и неопубликованная из-за политической обстановки накануне Венского конгресса и не сохранившаяся в рукописи, попала в руки цензора славянской печати Ернея Копитара — выдающегося деятеля словенского возрождения. Он сразу заинтересовался автором, писавшим своеобразным языком, принимавшим личное участие в событиях за Дунаем.

В конце 1813 г. Копитар сам пришел в скромное жилище Караджича на окраине Вены, и там произошла знаменательная встреча маститого слависта и 26-летнего серба, самоучки, не имевшего законченного образования, но наделенного светлым умом и имевшего уже немалый жизненный опыт. Эта встреча определила многогранное содержание всей научной и литературной деятельности Караджича, которая имела историческое значение для развития всей южнославянской и особенно сербской культуры эпохи возрождения в XIX в.

Вук говорил Срезневскому, что стал литератором благодаря Копитару — «истино благородному человеку и ученому», которому он, если не всем, то, по крайней мере, многим был обязан[5]. Действительно, начало литературной и научной деятельности Вука Караджича было значительно облегчено и стимулировано поддержкой и советами Ернея Копитара (1780–1844). Именно он склонил Вука начать собирать и издавать сербский фольклор, заняться составлением первого словаря сербского языка. В дальнейшем Копитар

упорно защищал своего друга от многочисленных противников реформирования сербского литературного языка, популяризировал его творчество в европейской культурной среде. Благодаря ему молодой серб приобщился к европейскому просветительству и романтизму[6].

Все это делает необходимым кратко характеризовать сложную и своеобразную личность Копитара. Его научные заслуги признавались всеми славистами: это был даровитый ученый, человек с широкими научными интересами, один из зачинателей славяноведения. Его «Грамматика словенского языка в Крайне, Каринтии и Штирии» имела громадное значение для создания литературного языка и развития национального самосознания словенцев. Он был знаком и вел переписку с рядом выдающихся европейских литературных и научных деятелей (с Гете, Гумбольдтом, Я. Гриммом) и многими славистами, в том числе русскими (с Добровским, Палацким, Шафариком, Кеппеном, Востоковым). Наконец, он многое сделал как будитель и воспитатель ученых-славистов, особенно сербов[7]. Но идеология и политические пристрастия Копитара были противоречивыми и даже, как считали некоторые ученые-слависты, «враждебными славянскому делу». Это был ревностный католик и австрофил, веривший в просветительскую роль империи Габсбургов в отношении славян, сторонник перехода в ее владения балканских земель и в первую очередь сербских. Россию он ненавидел, так как считал главной противницей Австрии на Балканах; как фанатичный католик мечтал об освобождении балканских народов от духовного влияния православной державы, о создании в Вене центра культуры всех славянских народов. Такого рода политические задачи вместе с научными интересами стимулировали заинтересованность Копитара в развитии культуры славян и в особенности сербов. Он поддерживал отношения с рядом сербских общественных и культурных деятелей, проживавших в Австрии, с митрополитом Стефаном Стратимировичем, Мушицким, которому советовал собирать народные песни, склонял Давидовича и Фрушича издавать «Новине српске» и заняться составлением сербского словаря[8].

Для Копитара Караджич оказался человеком, которого он долго искал, готовым и способным посвятить свою жизнь развитию сербской культуры, как самостоятельной, не подчиненной влиянию православной России. Поэтому покровительство и помощь талантливому сербу могли стимулироваться и политическими расчетами, хотя они, как оказалось в дальнейшем,

не оправдались*. Примечательно, например, что в 1819 г. в реферате венской полиции Копитар писал, что при первых же встречах с Караджичем распознал в нем не только писателя, способного восстать «против всех славено-сербских хитрецов и педантов», но и человека, способного противостоять русскому влиянию и тем самым дать силу сербской общественности создать нечто чисто сербское. Ради этого он и убедил своего протеже спешно подготовить к печати сборник сербских народных песен[9].

Справиться с этой нелегкой задачей Вук сумел очень быстро: через два-три месяца тесного сотрудничества с Копитаром была издана «Мала простонародньа славено-сербска пэснарица» — первое, опубликованное в июле 1814 г. произведение Вука. В книгу вошло более ста народных песен, которые смог вспомнить Караджич и его родственница Савка Живкович. А в следующем году был напечатан второй сборник песен, посвященный автором Копитару, который написал для одной из немецких газет рецензию на эту книгу, приложив перевод ряда лирических и эпических песен на немецкий язык. Ни один из европейских народов не имеет столь прекрасного фольклора, утверждал автор рецензии[10]. Так было положено начало популяризации творчества безвестного молодого серба в европейской культурной среде, привлекшее вскоре интерес к народному творчеству и других народов.

В том же году вышла из печати (благодаря предварительной коллективной подписке «любителей книги» — сербских купцов, чиновников, студентов) грамматика сербского языка «Писменица сербскога језика, по говору простога народа написана». В ней грамматические правила были основаны «на говорах тех сербов, которые живут в селах, далеко от городов». Эта первая грамматика сербского народного языка была далека от совер-

* Как считает сербский исследователь творчества Караджича Миодраг Попович, быстрому сближению Вука с Копитаром, возможно, способствовало то обстоятельство, что в 1813 г. многие сербы были разочарованы в России, которая, заключая мир с Турцией, не добилась признания Портой независимости Сербии, а затем не смогла спасти повстанцев от поражения. Такие настроения могли содержаться, в статье Караджича для «Сербских новин» и привлечь внимание Копитара. Но в дальнейшем все усиливавшаяся пророссийская ориентация Караджича (о чем будет говориться ниже) исключила единомыслие друзей в этом вопросе, хотя и не охладила их отношений.

шенства, но главное — она основывалась на принципах фонетической орфографии: пиши, как говоришь, читай, как написано.

Поражает быстрота, с которой Караджич сумел написать и издать сборники фольклора и сербскую грамматику. Это свидетельствует о его большом таланте и работоспособности, а также о достаточной подготовке к творческой и научной деятельности. Ведь он с детства слушал и запоминал народные песни и еще в годы службы в повстанческой Сербии слыл среди друзей знатоком сербского языка.

В последующие годы Вук неоднократно посещал Сремски-Карловци и сербские монастыри в Воеводине, где общался со своим бывшим учителем Мушицким, с рядом других образованных соотечественников. Он ездил в Белград, но попытка поступить там на какую-либо службу не увенчалась успехом. Важная перемена в жизни, тесно связавшая Караджича с Австрией, произошла в 1818 г.: он женился на Анне Краус — дочери хозяйки квартиры, в которой поселился, приехав в Вену. Женитьба православного серба на немке-католичке вызывала неодобрение родственников с обеих сторон. Но взаимная привязанность и долг отцовства (предстоящее рождение ребенка) преодолели эту преграду. С тех пор жизнь Вука усложнилась: увеличились расходы, потребовалась забота о семье, а постоянного заработка не было. Его разросшееся семейство нередко бедствовало, хотя сам он становился все более популярным и знаменитым.

Имя собирателя сербского фольклора привлекло внимание ряда деятелей европейской культуры. В Праге был опубликован перевод на немецкий язык стихотворений из «Пэснарицы». Вук не только упорно трудился сам над собранием сербского фольклора, подготовкой словаря и грамматики, но и как бы взял на себя роль организатора духовного пробуждения своего народа, сплачивал вокруг себя сторонников и почитателей из числа более просвещенных и патриотически настроенных австрийских сербов, общался с вождями Первого восстания.

Он стал настоящим венцем по образу жизни, по одежде, вместе с тем не потерял демократизма и веры в светлое будущее своего народа. Человек весьма энергичный и практичный, он с самого начала литературной и научной деятельности упорно отстаивал свои принципы создания сербского литературного языка, необходимость принять за его основу народные говоры «землепашцев» Западной Сербии и Герцеговины, доказывал, что сербский язык самостоятелен и отличен от русского и церковнославянского, которые

были в употреблении, критиковал некоторых писателей за их смешение. Все это вызывало недовольство и отпор со стороны ряда консервативных сербских деятелей и особенно представителей православного духовенства.

В 1818 г. Караджич совершил великое дело своей жизни — опубликовал «Српски рјечник». В нем было более 26 тыс. слов с переводом их на немецкий и латинский языки. К словарю прилагалась грамматика сербского языка, более совершенная, чем в «Писменице», давались объяснения сотням географических, этнографических и исторических терминов, что превращало «Рјечник» в справочник общественно-экономического положения сербского народа. Одновременно с фонетической, грамматической и лексикографической кодификацией народного языка реформировалась его графика и орфография, исключались буквы, для которых не было соответствующих звуков, и вводились новые буквы — љ, њ, ћ, ђ, ц, ј. В дальнейшем взгляды Караджича на языковую реформу эволюционировали, менялись в частностях, но принципы оставались незыблемыми[11].

Появление «Српског рјечника» вызвало неодобрение и недовольство даже тех, кто раньше поддерживал Вука (например Мушицкого). Особенно яростный протест исходил от церковных деятелей. Митрополит Стратимирович демонстративно сжег экземпляр книги. Отказаться от освященного религией языка для многих просвещенных сербов значило отступить от православия и славянства, идти навстречу попыткам католической церкви и австрийских властей склонить сербов к унии. Сербские иерархи с большим недоверием относились и к связи Караджича с Копитаром — «словенским Мефистофелем», который мечтал, что все славяне примут латиницу. Так Вук еще в начале своей деятельности был заподозрен, что находится на службе католической церкви и является агентом Меттерниха. Эти несправедливые подозрения портили ему жизнь до конца дней[12].

Вскоре после эмиграции в Австрию Караджич намеревался отправиться в Россию. Как и некоторые другие беженцы и руководители восстания, попав в бедственное положение, он рассчитывал получить там помощь и, возможно, пенсию. После выхода в свет «Рјечника» Вук поспешил осуществить это желание и в конце 1818 г. с 30 экземплярами только что напечатанной книги и рукописью нового сборника народной поэзии отправился в далекую православную державу, которую «любил с раннего детства». Главной его целью было получить одобрение своей работы со стороны научных и культурных деятелей России. Это погасило бы упреки и нападки

его соотечественников, укрепило бы уверенность в значимости задуманной языковой реформы[13].

Поездка оказалась в целом успешной. Время для нее было удачным в политическом отношении, ибо в Стамбуле российский посланник Г. А. Строганов как раз тогда вел переговоры, требуя от Порты выполнения условий Бухарестского мира о Сербии и признания ее автономных прав. Это вызывало в обществе стремление расширить связи с сербами[14]. В Петербурге и Москве Караджича принимали очень тепло. Словарь получил первое публичное признание в рецензии слависта П. И. Кеппена, с которым Вук особенно сдружился. В «Вестнике Европы» М. Т. Каченовский высоко оценил сборник народной поэзии. «Сербский лексикограф» познакомился и побывал в гостях у ряда знатных и влиятельных лиц, встречался с Н. М. Карамзиным, графом Н. П. Румянцевым, с адмиралом А. С. Шишковым, познакомился с В. А. Жуковским, К. Ф. Калайдовичем и другими известными деятелями, получил от Библейского общества деньги для перевода на сербский язык Нового Завета, а от Румянцева на розыск старых славянских рукописей и книг. «Общество любителей российской словесности» избрало Караджича своим членом, что стало первым официальным признанием его заслуг. А уже после возвращения он получил серебряную медаль Российской академии за «Српски рјечник». Все это заметно укрепило научный авторитет Вука. Примечательно, что с этого времени он стал подписывать свои произведения по русскому образцу: Вук Стефанович Караджич[15].

Караджичу не удалось издать в Петербурге сборник сербской народной поэзии, а друзья и покровители (особенно Шишков) смогли добиться назначения ему пенсии лишь несколько лет спустя. Но зато поездка благотворно повлияла на дальнейшую научную и литературную работу Вука, сыграла немалую роль в расширении его деятельности. Положительная оценка словаря и фольклорных сборников российскими славистами, чтение в Синодальной библиотеке старых славянских книг подтвердили его убеждение в самостоятельности сербского языка и верной направленности языковой реформы. Непосредственное знакомство с русской культурой, с литературной и научной средой Петербурга и Москвы способствовало более глубокому осознанию исторических связей сербов с Россией и ее роли в деле создания нового сербского государства. Это ослабляло воздействие на него австрофильской идеологии Копитара, укрепляло традиционную для сербов любовь к великой православной державе[16].

Караджичу довелось лишь один раз побывать в России. Но его связи с русскими литературными и научными деятелями быстро расширились, переписка стала повседневной и весьма обширной. Постепенно он превратился как бы в «славянского консула» в Вене, посредника в связях между российскими и другими европейскими славистами. В его дом постоянно приезжали молодые российские ученые за советом и помощью, отправлялись с ним путешествовать по южнославянским землям. Среди общавшихся с Караджичем были такие известные деятели, как Н. И. Надеждин, М. П. Погодин, Д. М. Бодянский, В. И. Григорович и многие другие. Ранее мало известный в России молодой сербский ученый не только привлек симпатии просвещенных особ Петербурга и Москвы, но, как в дальнейшем обнаружилось, оказал влияние на развитие славистики и фольклористики, рост интереса к русскому безымянному народному творчеству. Сербскими песнями восхищался Жуковский и собирался заняться их переводом. Как известно, «Песни западных славян» А. С. Пушкина, основаны на сербском фольклоре, а две из них переведены из сборника Караджича. Это отражало рост популярности сербского фольклора, который стал и предметом специального изучения. Уже в 1820-е годы в российских журналах, стали публиковаться исторические произведения Караджича, что позволило читателям больше узнать о Сербии, событиях, там происходивших, о вождях восстания.

В России, как и среди своих соотечественников, Вук встретил разное отношение к языковой реформе. Некоторые слависты и публицисты поддержали ее замысел и принципы (например, Кеппен, Полевой), но нашлись и противники фонетической системы. Такое отношение выразил Н. И. Греч в 1824 г. в «Сыне отечества». Он писал, что реформа не сближала сербский язык с русским и тем самым вносила раскол в культурную взаимность двух народов. Позднее споры вокруг сербской языковой реформы продолжались. Оспаривался сам ее фонетический принцип. Близкие друзья Вука — Надеждин и Срезневский — также не полностью поддерживали его, более склоняясь к этимологической фонетике и орфографии[17].

Все это не умаляло признания российскими литераторами и славистами громадных заслуг Караджича как филолога, фольклориста и историка, не вредило дружеским и научным связям, не ослабевавшим до самой его кончины.

Более сложно складывались отношения Вука с официальной Россией, что обнаружилось в 1827 г., когда он собрался еще раз отправиться ту-

да и запросил российский паспорт. В этом ему было отказано, несмотря на активную поддержку министра просвещения А. С. Шишкова. Причиной было получение начальником III отделения императорской канцелярии А. Х. Бенкендорфом сообщения российского посла в Вене, утверждавшего, что Караджич считается и в Сербии и в Вене австрийским шпионом. Побывать в России он, может быть, хочет по заданию австрийского правительства, от которого не скрывает намерения предпринять это путешествие. Из последующей переписки Бенкендорфа с Шишковым следует, что последний дал очень лестную характеристику Караджичу. «Сей ученый, — писал он, — филологическими исследованиями своими и неутомимым терпением в изыскании всего, могущего пролить некоторый свет на происхождение и образование языка славянского и произошедших от него наречий, приносит значительную пользу славянской словесности вообще. Десять различных изданных им и представленных Российской Академии сочинений заслужили справедливое одобрение просвещенной Европы». Притом Шишков сообщал и о назначении Караджичу «пособия» по императорскому указу из государственного казначейства[18].

Столь блестящая характеристика свидетельствует насколько высоко ценили в России научные и литературные заслуги Караджича. Но подозрения, что он является «австрийским шпионом с высокой платой» у некоторых российских дипломатов не исчезли. И много лет спустя, в письме к одному из них, Вуку пришлось доказывать, что все это клевета его личных «неприятелей»[19].

Караджич вернулся в Вену ободренным, ставшим уже широко известным среди просвещенных сербов. Но материальное положение его семьи оставалось очень тяжелым, почти бедственным — иногда не было даже денег на пропитание жены и детей. Это, а также взятые на себя в России научные обязательства, заставили Вука отправиться летом 1820 г. в Сербию в расчете получить там какую-либо должность и материальную поддержку. Это был рискованный шаг, но оставалось надеяться, что, учитывая возросшую популярность и научный авторитет Караджича, Милош Обренович не рискнет с ним расправиться.

По мнению Миодрага Поповича, Вук и его друзья верили в мессианско-просветительскую роль гениального серба на своей родине, надеялись, что «тиранство» сербского князя постепенно исчезнет благодаря просвещению[20].

Вук намеревался побудить Милоша научиться грамоте, приобрести типографию и издавать книги, открыть «высшее училище» для подготовки чиновников из числа местной молодежи, принять законы, соответствующие внутреннему положению страны, что способствовало бы ее превращению в европейское государство.

В Сербии Вук провел около года. Он продолжал записывать народные песни, разыскивал в монастырях старые славянские книги и рукописи. А главное — сумел сблизиться с Милошем Обреновичем, некоторое время даже жил в его дворце в Крагуевце и, казалось бы, приобрел доверие сербского правителя, заинтересовал его своими просветительскими идеями. Вук рассчитывал на материальную помощь князя, необходимую для публикации нового сборника фольклора и истории сербской революции, изучение которой именно в это время вошло в круг его научных интересов.

Еще до приезда в Сербию Караджич описал начало сербского восстания. Продолжив эту работу, он, вероятно, показывал ее Милошу, который не мог быть доволен отсутствием упоминаний в рукописи о себе. Тогда Вук, вынужденный угождать князю, перешел к написанию истории Второго сербского восстания, фактически биографии Милоша Обреновича — освободителя сербов от турецкой власти. Это произведение князь вероятно одобрил[21].

Казалось бы, возникла перспектива для просветительской деятельности Караджича на родине. Он готовился открыть школу по Ланкастерской системе, с которой познакомился в России, выписал из Вены книги, надеясь издать в самой Сербии учебник, а также свой перевод Нового Завета. Но осуществить все эти «полезные для народа планы» не удалось. Выросшее влияние Вука на князя вызывало все большее недовольство его окружения. Высказывались подозрения, что пришелец из Вены, тесно связанный с австрофилом Копитаром, находится на австрийской службе. А в начале 1821 г. резко изменилась международная обстановка в Юго-Восточной Европе: началось восстание этеристов в Дунайских княжествах, а затем революционные события в Греции. В Сербии стало неспокойно, Милош принимал крутые меры для поддержания порядка, стараясь предотвратить какие-либо антитурецкие выступления, о просвещении теперь мало кто думал. Все это заставило Вука вернуться в Вену.

Там он занялся подготовкой нового расширенного издания сербского фольклора, в которое вошли эпические песни о средневековых националь-

ных героях, о борцах с турками, о вождях Первого сербского восстания. Но публикация книги, а также «Материалов сербской истории», посвященных сербской революции, не была разрешена венской цензурой. Австрия поддерживала Порту в ее борьбе с непокорными подданными, и у Меттерниха возникали опасения, что подобные произведения могут усилить ненависть сербов к туркам, их стремление к независимости.

Все это усиливало неприязнь Вука к австрийской политике, а у венских властей подозрительность к ставшему очень популярным сербу. Когда он в 1823 г. обратился в полицию за паспортом, собираясь отправиться в Германию, чтобы продолжить там образование, изучить медицину, а также попытаться опубликовать запрещенные австрийской цензурой книги, ему было выдано лишь разрешение на выезд. Вернуться же «турецкий подданный без заработка» должен был на родину, то есть в Турцию. По пути в Германию Караджич остановился в Праге, где познакомился с «отцом славистики» Й. Добровским, провел неделю в общении со славистами В. Ганкой, Й. Юнгманом, Ф. Челаковским. В Лейпциге он начал изучать хирургию, затем философию, но оказался к этому совсем неподготовленным и обучение вскоре бросил. Зато ему удалось побывать в нескольких немецких городах, завязать отношения с известными учеными, в частности с Я. Гриммом, съездить в Веймар, где его тепло принял великий Гете, наговоривший много комплиментов[22]. Рекомендательные письма Копитара помогали сделать эти важные знакомства. К тому же сам Вук умел привлечь к себе симпатии, легко устанавливал дружеские отношения с самыми различными людьми. Приятель Копитара влиятельный профессор университета в Галле Й. Фаттер поддерживал Караджича морально и материально. Его рекомендация помогла Вуку получить диплом доктора философии в старинном Йенском университете, что имело большое значение для научного престижа. После этого его начали избирать членом разных немецких научных и литературных обществ, стали появляться переводы сделавшегося популярным сербского фольклора на немецкий язык. Хотя все это не приносило Караджичу каких-либо материальных благ, ему удалось сделать главное — напечатать в Лейпциге (на деньги Милоша Обреновича) три тома народных песен, издание которых было запрещено в Вене. Часть этих книг он распространил в Германии, а с оставшимися вернулся домой осенью 1824 г.

К этому времени Вук стал уже самым знаменитым сербом. Теперь ему писали, его посещали не только соотечественники, но и другие славяне.

Его научная и общественная деятельность привлекла многочисленных приверженцев и почитателей, но оставалось и немало противников. Среди них всесильный карловацкий митрополит Стефан Стратимирович. Он и другие православные иерархи, некоторые просвещенные сербы, активно противодействовали языковой реформе, публикации переведенного Вуком на реформированный им литературный язык Нового Завета, прибегали к различным интригам, обвиняя Караджича в австрофильстве и других грехах. В разворачивавшейся публичной полемике по этим проблемам Караджич проявлял непримиримость, иногда чрезмерную резкость, даже сам прибегал к интригам, отстаивая свои идеи.

Сложными оставались его отношения с Милошем Обреновичем, который, казалось бы, был заинтересован в ученом и знаменитом сербе, но вместе с тем не доверял ему. Князь иногда помогал Вуку деньгами (например, на издание сборника песен в Лейпциге), но не спешил назначать пенсию, которая избавила бы его от постоянного безденежья и позволила достойно содержать семью. Караджич вынужден был нередко унижаться и льстить, добиваясь расположения к себе князя, но при этом не переставал опасаться за свою жизнь. Ведь было известно, сколько своих сподвижников и предполагаемых противников погубил коварный правитель. Неприязнь его стала явной, когда обнаружилось, что в лейпцигском издании сербского фольклора, где было много песен, посвященных героям Первого сербского восстания, нет ни одной о Милоше Обреновиче[23].

Вуку пришлось оправдываться. Между тем, книжка о вожде Второго сербского восстания им в это время была уже написана, переведена на немецкий язык для публикации в Лейпциге и отправлена, по-видимому, на просмотр и одобрение в Российское министерство иностранных дел. Там эту рукопись каким-то образом раздобыл (конечно, не без участия Милоша) Михаил Герман — агент (дипломатический представитель) сербского князя в России. Он перевел ее на русский язык и опубликовал без ведома автора, упомянув его имя лишь в предисловии[24]. Возник скандал. Караджич был возмущен до крайности, так как ему был нанесен немалый материальный и моральный ущерб. Но попытки добиться возмещения от князя не имели успеха.

А материальное положение семьи Вука оставалось очень тяжелым. Постоянного заработка по-прежнему не было. Издание «Даницы» («Утренней зари») с календарем, выходившей ежегодно с 1825 г., публикация некоторых статей и рецензий не спасали от постоянной нужды в деньгах. «В

самом деле мы с женой и тремя детьми голодаем», — писал Караджич другу. Вполне осознавая свои заслуги перед сербским народом, он полагал, что соотечественники (конкретно — община Тршича) должны назначить ему пенсию, помочь в беде*. «Всякому легко могу доказать, что сделал сербскому народу то, что все остальные писатели вместе не сделали: я познакомил народ сербский с Европой»[25].

В 1826 г. Караджич отправился в Воеводину, рассчитывая получить там место с постоянным заработком, но плохие отношения с митрополитом осложнили эту задачу. Лишь известие о назначении Николаем I пенсии, вывело семейство Вука из тяжкой нужды, а его самого из долгой депрессии.

Подписание в конце 1826 г. между Россией и Османской империей Аккерманской конвенции, гарантировавшей Сербскому княжеству автономные права, а затем начало русско-турецкой войны усиливали у Караджича патриотические чувства и желание принять личное участие в возрождении сербской государственности. «Это любовь к отечеству заставляла меня 13 лет не становиться подданным какого-либо государства и просить какую-либо службу. Если у меня когда-нибудь возникало желание провести в этих странах какое-то время, то только потому, что отечеству и народу нашему мог сделать то, что там не могу, но я хотел бы жить только на родине», — писал он другу[26].

Не перестав опасаться за свою жизнь, Вук прежде чем надолго отправится служить на родину, приложил немало усилий, чтобы вернуть доверие князя. Этому должна была способствовать, в частности, публикация на сербском языке злополучной книжки о Милоше Обреновиче в которой описывалось Второе сербское восстание и создавался очень яркий и положительный образ «верховного вождя и предводителя народа сербского» после его прихода к власти. Копитар напрасно уговаривал Караджича продолжать литературную и научную деятельность, не заниматься политикой, не поступать на службу к деспоту и самодуру Милошу Обреновичу. Вук верил, что сможет принести пользу своему народу и в конце 1828 г. отправился в тогдашнюю столицу Сербии Крагуевац.

---

* Позднее Караджич безуспешно добивался от Милоша дарения ему в собственность села Тршич как «спахилука» , что, казалось бы, противоречило его общественно-политическим убеждениям, но представлялось выходом из постоянной нужды. Противникам Вука это давало повод для нападок и насмешек.

На родине Караджич провел около трех лет, изредка наезжая в Земун, где жила его семья. Сначала князь поручил ему переводить на сербский язык Уголовный кодекс Наполеона, затем сделал главой Законодательной комиссии. Но составление законов для молодого балканского государства оказалось делом нелегким и к тому же не встречало особенной поддержки правителя и его окружения. Обещанного хорошего жалования Вук не получил, условия для жизни и работы были очень тяжелыми. Начались интриги недоброжелателей и даже издевательства, больно ранившие его самолюбие. А Милош, казалось бы, заинтересованный в службе у него знаменитого серба, не слишком к нему благоволил, может быть, завидовал человеку духовно более высокому, чем он[27].

Хотя все это очень омрачало жизнь Вука в Сербии, он успел сделать немало для развития просвещения в молодом государстве. По его инициативе в 1830 г. в Белграде была открыта «высшая школа», а в Крагуеваце гимназия. Сбылись его мечты, и в княжестве открылась типография: машина и шрифты были доставлены из России.

Окончание русско-турецкой войны и заключение Адрианопольского мирного договора 1829 г. принудило Порту признать и выполнять автономные права Сербского княжества, предоставить Милошу Обреновичу права наследственного правления. Все это воодушевляло Караджича на продолжение службы несмотря на неблагоприятные условия и трудности. К тому же он был назначен членом, а потом и председателем управления и суда Белградской нахии с хорошим жалованием.

Вук принялся за дело, стараясь навести порядок в городе, но вскоре почувствовал свое бессилие преодолеть самодурство и манию величия Милоша, злоупотребления и беззакония его приближенных. Любая критика происходящего могла стоить жизни. Он все яснее осознавал, что чиновничья карьера не для него — человека просвещенного, склонного к научной и литературной деятельности, к тому же слабого здоровьем. Но его прошение об увольнении от должности и назначении пенсии за заслуги перед отечеством не было удовлетворено. Тогда он воспользовался предоставленным отпуском для посещения семьи и в сентябре 1831 г. перешел австрийскую границу, решив больше не возвращаться в Белград.

Но Караджич не отказался от борьбы за создание демократического сербского государства. Он попытался образумить князя, изложив в пространном письме, не предназначенном для публикации, все пороки системы

его правления. Это был блестящий философско-политический трактат, в котором подробно и последовательно излагались взгляды Караджича на будущее государственное устройство Сербского княжества, на деловые и моральные качества, необходимые его правителю. По форме это письмо было уважительным по отношению к Милошу как главе Сербского государства, но критика его правления была беспощадна. Автор намечал и конкретные меры, которые должны были обеспечить стране и ее жителям экономический, социальный и культурный прогресс.

Первой из таких мер названо принятие «правицы», то есть конституции и создание правительства. «Надо было дать народу установление или, по нынешнему европейскому выражению, конституцию, — писал Вук* — Я здесь не разумею конституцию Французскую или Английскую или новую Греческую, но то, что бы определена была форма правления, и что бы учреждено было правительство...; что бы всякого человека жизнь, честь и имущество были безопасны; что бы всякий человек имел право, по своей воле делать все то, что не навредит другому; что бы всякий человек знал, что должно ему делать, не опасаясь ни Вас (князя Милоша — *И. Д.*), ни кого другого; что бы никто не смел насильно принудить кого-нибудь служить себе... Сие установление и законы не должны только обещать народу, но на большом сейме** объявить и утвердить присягою, так что бы нарушитель оных, кто бы он ни был, щитался неприятелем народа и отечества, и, как таковый, судился по законам, и что бы все, что таким образом, учредится и установится, хранить как величайшую святыню»[29].

Далее Караджич писал о необходимости отменить кулук (барщину), которой население обременял князь и старейшины, а также всякий бесплатный труд, намечал конкретные меры для развития просвещения, для подготовки образованного чиновничества из числа местной молодежи. Чтобы стать достойным правителем государства, Милош не должен торговать и заниматься финансовыми операциями, преследовать людей, говорящих что-то «против-

---

* Письмо, написанное на сербском языке, много раз публиковалось. В конце 1832 г. Караджич, сделал перевод его на русский язык и отослал в российский МИД. Эта русская версия письма, по смыслу не отличающаяся от сербского текста, опубликована. Б. Павичевичем[28]. Мы цитируем по данной публикации, сохраняя орфографию.

** В сербском оригинале: «на Великой скупщине».

ное власти», учитывать справедливую критику и исправлять свои ошибки. Вместо того, чтобы покупать себе имения в Валахии, князь мог бы тратить деньги на общественные нужды: вкладывать в банк, оплачивать учителей, давать стипендии для обучения заграницей, открывать госпитали. Чиновникам же, которые теперь подобны «попрошайкам и невольникам», надо дать хорошее жалованье, награждать и почитать, ибо они — «подпора» правителю. Им даже стоит даритъ в наследственную собственность «спахилуки», что делало бы их независимыми, и обеспеченными помимо службы[30]. Последнее предложение и упорные попытки получить в наследственную собственность свое родное село Тршич, казалось бы, противоречили демократическим воззрениям Караджича[31]. Но необходимо учитывать, что создание в Сербии наследственных земельных собственников помимо самого князя и его братьев, уже захвативших большое количество земли, не противоречило буржуазным правовым нормам. Для сербского литератора и ученого того времени это фактически было единственным способом создать благоприятные условия для работы и пристойного содержания семьи.

Караджич реалистически оценивая общественно-политическую обстановку в Сербии, видел все нараставшее недовольство различных слоев населения, которое неизбежно должно было привести к бунту, если пороки системы правления Милоша не будут устранены. Тогда князя не спасет ни султанский берат о наследственном правлении, ни многочисленная личная охрана, писал он. «Вот в наше время имеем примеров в Европе, как народ низвергает и прогоняет своих королей, которым владение досталось, Бог знает, от сколько дедов, тем паче в Сербии, где все люди знают, когда Вы были как они теперь, ... и что они Вас никогда добровольно не выбирали, но насильно по Вашей воле подтверждали»[32].

Можно считать, что к началу 1830-х гг. ясно оформились политические идеалы Караджича как сторонника ограниченной конституционной монархии с широким народным представительством в виде скупщины, состоящей из образованных и достойных людей, государства с буржуазными гарантиями неприкосновенности личности, собственности, свободы слова. Такие задачи опережали свое время — Сербия была не готова к подобным демократическим преобразованиям, она шла к олигархической системе правления.

Неприглядный образ Милоша Обреновича, нарисованный в 1832 г., резко отличался от положительной характеристики, представленной в книжке

«Жизнь и подвиги Милоша Обреновича... », написанной десятью годами ранее и изданной в 1828 г. Но там Караджич рассказывал о человеке, который после жестокого поражения 1813 г. спас страну от многовекового рабства, и это было громадной его заслугой, заставлявшей умалчивать о злодеяниях и беззакониях после прихода к власти. Положительная характеристика Милоша должна была привлечь внимание европейских правительств и общественности к судьбе сербского народа. К тому же, составляя биографию сербского князя, Караджич имел личные расчеты: он возлагал большие надежды на получение от него помощи, добивался его расположения и доверия.

А в 1832 г., уехав из Сербии, отказавшись от чиновничьей карьеры, Вук мог говорить свободно и со знанием дела, ибо провел почти три года рядом с Милошем, наблюдая все безобразия, которые творились на его любимой родине. Он имел время, чтобы обдумать способы их устранения, исходя из своих общественно-политических убеждений просвещенного европейца и демократа.

Милош Обренович, которому Вук переслал письмо лишь в августе 1832 г., воспринял критику и советы своего бывшего чиновника как невиданную дерзость и пришел в ярость. Его посланцы, прибывшие в Земун, заявили, что Караджич навсегда лишен милости князя. Он попытался очернить обидчика в глазах австрийских властей и российских дипломатов. Но воспрепятствовать распространению против воли автора многочисленных списков документа, уличавшего сербского правителя в пороках и злодеяниях, было невозможно. Да и Вук не сидел сложа руки — он защищался, доказывал, что написал письмо, движимый любовью к отечеству и надеясь образумить его правителя. В конце года он перевел на русский язык и послал свое письмо в Петербург, сообщив при этом российскому послу Д. П. Татищеву, что узнал от перебежчика из Сербии, будто там готовится «возмущение», «низвержение и убитие» князя, что заговорщики хотят создать сенат и просить австрийское правительство дать им «президента». Караджич писал, что пытался отговорить сербов от такого опасного замысла, который противоречит интересам России и международным трактатам о Сербии, но опасается как бы такого «приключения» не произошло[33].

Получив сообщение об угрозе возникновения в Сербии беспорядков и возможности осложнения в связи с этим русско-австрийских отношений, в российском МИДе должны были положительно оценить действия Караджича и защиту им российских интересов. Расчет был тонким и правильным.

Как видно, Вук был не только гениальным ученым, но и умелым политиком, он сумел нанести ощутимый удар по восточной деспотии Милоша Обреновича. Когда же несколько лет спустя начало сбываться предсказанное в письме, и вспыхнула Милетина буна, сербский князь, вспомнил советы Караджича, попытался их использовать и даже назначил ему пенсию «за заслуги перед отечеством». Можно считать, что Вук Каражич внес свой вклад в те общественно-политические преобразования, которые наступили в Сербском княжестве. Его влияние на происходившую в это время морально-политическую эволюцию Милоша очевидно[34].

Эти два самых выдающихся серба своего времени были людьми очень разными по убеждениям, сфере деятельности, по духовной культуре. Но в жизни они оказались связанными до конца дней. Их отношения были сложными, не всегда искренними, но в целом остались дружественными. Вук продолжал уважительно относиться к Милошу и после его смещения. Он не стал на сторону уставобранителей, участвовал в воспитании Михаила Обреновича и сблизился с ним. После Святоандреевской скупщины 1858 г. Караджич отправился в Сербию, чтобы приветствовать возвращение к власти Обреновичей.

Языковая реформа и сербский фольклор занимали на протяжении всей жизни первое место в научной деятельности Караджича. Но громадный вклад он внес также в изучение истории и этнологии сербского народа. Уже в годы Первого сербского восстания Вук собирал материал о событиях, свидетелем которых оказался, о повстанцах и их предводителях, с которыми приходилось общаться. Сразу после эмиграции он написал статью о разгроме восстания, так и не опубликованную. Намерение описать важнейшие события в жизни своего народа недавнего времени окончательно созрело у него на рубеже 1820-х гг. Однако «Материалы для истории сербского народа нашего времени», посвященные двум сербским восстаниям, не были разрешены к публикации в Вене. Лишь через несколько лет в ежегодном альманахе-календаре «Даница» («Утренняя заря») были напечатаны статьи «Первый год войны сербов с дахиями» и «Второй год войны сербов с дахиями». В них повествование заканчивалось освобождением повстанцами под водительством Карагеоргия Белграда и значительной части сербских земель.

В «Данице» были напечатаны также рассказы о героических «подвигах» ряда воевод — предводителей восстания, а в 1827 г. опубликована об-

ширная и очень ценная статья «Географическо-статистическое описание Сербии», в которой содержались подробные сведения об условиях жизни, быте и обычаях сербов, аграрных отношениях, городской жизни и т. д.

В 1828 г., незадолго до отъезда в Сербию, Копитар познакомил Вука с известным немецким историком Леопольдом Ранке, которого очень заинтересовали рассказы очевидца о революционных событиях в Сербии. На основе сведений, полученных от Караджича и предоставленных им материалов, Ранке написал книгу «Die serbische Revolution aus serbischen Papieren und MitteiLungen» и издал ее в Гамбурге в 1829 г. Участие в создании этого произведения Караджича было весьма велико, и Ранке передал ему половину полученного гонорара.

Эта книга явилась первым трудом по истории сербских восстаний, впервые названных автором «сербской революцией», и этот термин прочно закрепился в историографии. Борьба сербов за освобождение от турецкой власти была представлена как важнейшее событие в политической истории Юго-Восточной Европы своего времени, как общественное явление с важными историческими последствиями[35].

В 1830–1840-е годы географическое пространство славянских земель, история и этнография которых привлекала внимание Караджича, расширилось. Интерес к Черногории возник благодаря знакомству и дружбе с Петром II Петровичем Негошем, который в 1833 г., направляясь в Россию, где предстояло рукоположение его в митрополиты, останавливался в Вене. Беседы с Негошем возродили давно возникшее у Вука желание познакомиться с наречиями юго-западной части сербских земель и Черногории.

Летом 1835 г. хромой и не очень здоровый человек отправился в трудный и долгий путь — через Триест, Дубровник и Котор в Цетинье. Кроме научных задач он рассчитывал использовать свою дружбу и влияние на молодого митрополита для приобщения к своим просветительским идеям[36].

Во время пребывания в Далмации и Черногории Караджич не только собирал фольклорный и лингвистический материал, но и познакомился с архивом черногорских владык, наблюдал специфические порядки и нравы горцев. Он всячески поддерживал усилия Негоша преодолеть отжившие свой век патриархальные обычаи, заставить черногорцев отказаться от кровной мести, усилить роль государственных институтов. В 1837 г. Вук анонимно опубликовал на немецком языке, книгу, посвященную Черногории[37]. Это было и занимательное литературное произведение и научное исследование.

Без какого-либо приукрашивания изображалась картина отсталого и примитивного общества, отрезанного от цивилизованного мира. Как просвещенный европеец Караджич был далек от идеализации архаики черногорской жизни. Жестокая правда его рассказа была далека от романтических представлений о свободолюбивых горцах, не испорченных цивилизацией. Написанная на немецком языке книга должна была привлечь внимание европейской общественности к тяжелому положению маленького народа.

Караджич сохранял интерес к истории и этнологии сербов и других южных славян до конца жизни. В 1853 г. он опубликовал также на немецком языке книжку о христианах в Боснии[38]. Затем задумал составить этнографическую карту южнославянских народов, в которой хотел показать общность и различия между ними по языку и религии. Эта первая попытка такого исследования, к сожалению, не была завершена.

Не отказался Вук и от давнего замысла написать историю Сербии в XIX в., доведя ее до 1858 г. Последней его работой о сербской революции был «Правительствующий совет сербский во время Карагеоргия» (1860 г.). Он собирался продолжить эту книгу, но издать накопленные «Материалы для сербской истории нашего времени» не успел. Продолжая поддерживать отношения с Ранке, он сообщал ему устно и письменно ценные сведения и заметки, что помогло немецкому историку впоследствии написать новую книгу о Сербии[39].

Исторические и этнографические труды Караджича тесно смыкались с его любимым делом — собиранием, изучением и публикацией безымянного народного творчества.

С тех пор как были опубликованы сборники сербских народных песен прошло много лет, и к началу 1830-х годов у Вука накопился большой фольклорный материал, более широкий по территориальному и временному охвату. Он подготовил четыре книги народных песен и сборник пословиц. Для издания всего этого были нужны немалые средства, собрать которые оказалось очень трудным делом. Семья давно ставшего знаменитым во всей Европе ученого и литератора по-прежнему жила в бедности, ютилась в тесной квартирке на окраине Вены, где у Вука даже не было места для работы*.

---

* Семейная жизнь Караджичей омрачалась смертью и постоянными болезнями детей. Особенно тяжело Вук пережил смерть сына Савы в 1837 г. — студента горного кадетского корпуса в Петербурге. Из 13 детей в живых остались лишь двое — дочь Вельгемина и сын Димитрий.

Хотя объявления о предстоящем издании сербского фольклора были направлены многим образованным и богатым сербам, купцам и предпринимателям, ученым-славистам в славянских землях, собрать достаточные средства для публикации всей антологии не удалось. В 1841 г. вышел из печати первый том, состоявший из лирических песен, в 1845 и 1846 гг. — два тома, включавших средневековые и военные песни. Последний четвертый том с песнями времени сербского восстания и о борьбе черногорцев за свободу — только в 1862 г. А во время пребывания Вука в Черногории Петр Негош напечатал в своей типографии первое издание сербских пословиц.

В 1830–1840-е годы Караджич все больше сближался с Россией, поддерживал ее политику в отношении сербов и других южных славян. Этому способствовало расширение его личных связей с рядом выдающихся русских славистов. Он тесно общался с посещавшими Вену М. П. Погодиным, О. М. Бодянским, П. И. Прейсом и особенно со И. И. Срезневским. А в 1841 г. совершил вместе с Н. И. Надеждиным и Д. М. Княжевичем большое путешествие по славянским землям, посетив ряд городов Далмации, Цетинье, Сербию, Загреб*.

В конце 30-х — начале 40-х гг. усилились споры вокруг реформы сербского языка. Главным противником ее теперь выступал правовед Йован Хаджич. Полемика была ожесточенной, в которой Караджич и нападал и защищался. Практически он одержал победу, в чем немалую роль сыграли «вучичи» — молодые ученики и последователи Вука, особенно филолог Джуро Даничич и поэт Бранко Радичевич. В 1847 г. последний опубликовал «Песме» на простом народном языке, а Даничич книгу «Война за сербский язык и правописание», в которой научно доказывал правоту идей Вука и оспаривал утверждения его противников.

В том же году вышел из печати давно подготавливаемый Караджичем перевод на сербский язык «Нового Завета господа нашего Иесуса Христа». Перевод был издан без одобрения церковных властей, что вызвало их протест и попытку запрета венской цензурой. Распространение перевода было

---

* Хотя Вук говорил Срезневскому, что хромота сделала его домоседом, он не только в молодости, но и в старости, будучи не очень здоровым и передвигавшимся с помощью «штула», очень много путешествовал, ибо этого требовали его научные, а иногда и общественные интересы. Он был человеком чрезвычайно живым и энергичным (пассионарным), но огорчения и несчастья вводили его подчас в депрессию.

запрещено и в Сербии. Книга вызвала острую и длительную дискуссию, в которой участвовали и российские слависты. Одними рецензентами (например, Д. Даничичем) перевод Вука назывался лучшим из всех переводов на славянские языки, другие полностью отрицали его достоинства и указывали на ряд смысловых и лингвистических ошибок.

Караджич работал над «Новым Заветом» с самого начала своей творческой деятельности, постоянно внося изменения, совершенствуя текст и при этом разрабатывая теоретические основы сербского литературного языка. Он изменил взгляд на его роль в формировании диалектов, признал большую связь народного языка с церковно-славянским. Поскольку на южном (герцеговинском) наречии говорила значительная часть сербов, и оно было наиболее чистым и правильным, Караджич в 1840-е годы пришел к выводу, что все сербы должны писать на одном южном наречии, обогащенном лексикой других штокавских говоров. Перевод «Нового Завета» по его замыслу должен был завершить языковую реформу, стать образцом сербского литературного языка. Читающие эту книгу люди не только знакомились бы с ее содержанием, но и учились народному сербскому языку[40]. Окончательный переход на реформированный сербский литературный язык шел постепенно, вызывал сопротивление и закончился уже после кончины Вука: в 1868 г. в Сербии и в 1871 г. в Воеводине.

Караджич приветствовал начало революционных событий в Австрии в 1848 г. Требования свободы, демократизации, уничтожения цензуры были ему близки. Привлекательные идеи славянского единения, сближения австрийских славян, побудили его поехать в Прагу и принять участие в Славянском съезде в мае 1848 г. Но в дальнейшем в революционных событиях в Воеводине он старался не принимать активного участия. В патриархе Й. Раячиче, с которым ему приходилось общаться, он вскоре разочаровался и сохранил приверженность идее сохранения Австрии как просвещенной монархии с федеративным устройством, в которой славяне, составлявшие большинство, пользовались бы равными со всеми демократическими правами[41].

Революция 1848 г. в Европе, идеи славянского единения, иллирийское движение в Хорватии создали условия для сближения сербского и хорватского литературных языков, о чем давно уже мечтал Караджич. По его инициативе в 1850 г. в Вене собрались известные южнославянские литераторы и заключили договор об общем литературном языке сербов и хорватов.

Иекавское наречие было принято за основу с возможностью использования других наречий. Были составлены «Главные правила южного наречия». Этот так называемый «Книжный договор» не был положительно встречен в Сербии и в Хорватии, но в дальнейшем постепенно стал входить в жизнь.

В 1850-е годы, когда Вуку перевалило за 60 лет его творческая и общественная активность не снизилась. Он много путешествовал по славянским землям, посещал свое родное село Тршич, которое мечтал купить, для чего активно собирал деньги. Главным его делом стало издание расширенного и усовершенствованного «Сербского словаря. » Он был подготовлен и издан в 1852 г. с помощью Д. Даничича, преданного ученика и последователя Вука. В «Словарь» была добавлена лексика черногорцев, далматинцев, хорватов, он включал около 47 тыс. слов. Было расширено толкование слов, что превращало его в настоящую энциклопедию общественно-экономической жизни сербов. В следующем году был опубликован сборник прозаического народного творчества[42].

Второе издание «Словаря» снова вызвало дискуссию и борьбу вокруг языковой реформы, особенно в Сербском княжестве. Караджич, как и прежде, активно защищался и встречал поддержку особенно среди молодежи и студенчества.

Его отношения с правившими в Сербском княжестве уставобранителями все ухудшались, ему даже перестали платить назначенную ранее пенсию. Выступавший на стороне Обреновичей Караджич приветствовал их возвращение к власти. Вскоре тоскующий по родине Вук переехал с семьей в Белград. Он отказался от предложенной ему должности министра образования, но пытался оказывать влияние советами и предложениями на своего бывшего воспитанника Михаила Обреновича. Сблизился он и с влиятельным Илией Гарашанином, с наследником Петра II Петровича Негоша черногорским князем Данилой. Уже после убийства последнего 73-летний Вук — активный поборник политического и культурного сближения Сербии и Черногории — отправился поздней осенью 1860 г. с посреднической дипломатической миссией в Цетинье по поручению князя Михаила.

Семья Караджичей не прижилась в Белграде и вернулась в Вену. Там Вук, ставший уже человеком зажиточным, пользующийся всеобщим почетом, мог жить и работать в привычных более комфортных условиях. Старческая слабость, болезни не лишили его желания продолжить и завершить начатые труды. Он был членом многих академий и ученых обществ, имел

всевозможные ордена и награды, в том числе полученные от царственных особ. Его популярность, особенно среди молодежи, была безгранична, превратилась в культ. Сам он полностью осознавал свой громадный вклад в национально-культурное возрождение сербского народа. Ему выпало счастье в отличие от многих других гениальных людей быть признанным и оцененным еще при жизни, и это скрасило его последние дни.

Вук Стефанович Караджич умер после недолгой болезни 25 января / 7 февраля 1864 г. на 77 году жизни. В 1897 г. его прах был торжественно перенесен в Белград и похоронен в гробнице в Соборной церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Срезневский И. И.* Вук Стефанович Караджич // Московский литературный и ученый сборник. М., 1846. (Цит. по современному изданию: Београд, 1987. С. 44.

2 *Добрашиновић Г.* Вук Стефанович Караџић. Београд, 1983. С. 11–13.

3 Караџић Вук Стефановић. Избрана дела. Београд, 1960. С. 388.

4 *Срезневский И. И.* Указ. соч. С. 54.

5 Там же. С. 56.

6 *Добрашиновић Г.* Указ. соч. С. 20–23; Поповић М. Вук Стеф. Караџић. 1787–1864. Београд, 1964. С. 66–75.

7 *Чуркина И. В.* Русские и словенцы. М., 1966. С. 16–18; *Поповић М.* Указ. соч. С. 64–75.

8 *Чуркина И. В.* Указ. соч., С. 18–19; Поповић М. Указ, соч. С. 46–69.

9 *Поповић М.* Указ. соч. С. 71–72.

10 Там же. С. 115.

11 *Дмитриев П. А., Сафронов Г. И.* Вук Стефанович Караджич и его реформа сербохорватского/хорватосербского литературного языка. Л., 1984. С. 27–38.

12 *Скерлић Ј.* Историја нове српске књижевности. Београд, 1953. С. 248–251; *Добрашиновић Г.* Указ. соч. С. 30.

13 *Добрашиновић Г.* Вук и Руси // Ковчежић. Прилози и грађа о Доситеју и Вуку. Књ. 6. Београд, 1964. С. 36–37.

14 *Поповић М.* Указ. соч. С. 129.

15 *Дмитриев П. А., Сафронов Г. И.* Сербия и Россия. (Страницы истории культурных и научных взаимосвязей). СПб., 1997. С. 102–104.

16 *Добрашиновић Г.* Вук и Руси. С. 36–38.

17 Там же. С. 44–46; *Дмитриев П. А., Сафронов Г. И.* Сербия и Россия. С. 72–117.

18 ГАРФ, ф. III. Отд. I экс. Д. 10. 1828 г.; Данные о запрещении Караджичу въезда в Россию были опубликованы в журнале: Минувшие годы. 1908. №10. С. 99–101.

19 Вук Караджич российскому послу в Вене В. П. Балабину 26 июня 1862 г. // Срезневский И. И. С. 89.

20 *Поповић М.* Указ. соч. С. 144.

21 *Љушић Р.* Вук о српској револуцији . Београд, 1990. С. 20–22.

22 Вукова преписка. Књ I. Београд, 1907. С. 236.

23 *Поповић М.* Указ. соч. С. 174–178.

24 Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича, верховного вождя и предводителя народа сербского. СПб., 1825.

25 Цит. по: *Поповић М.* Указ. соч. С. 205–206.

26 Вук Караджич Максиму Ранковичу. Ноябрь 1826 г. //Вукова преписка. Књ. I С. 211.

27 Там же. С. 236–237.

28 Писмо Вука Караџића кнезу Милошу. Вукова руска верзија. Београд, 1964.

29 Там же. С. 29-30.

30 Там же. С. 34.

31 Поповић М. Указ. соч. С. 257–259.

32 Писмо Вука Караџића ... С. 31.

33 Там же. С. 16–17.

34 *Стојанчевић В.* Милош Обреновић и његово доба. Београд, 1966. С. 236–244.

35 *Стојанчевић В.* Леополд Ранке и његова српска револуција. // Ранке Л. . Српска револуција. Београд, 1965. С. 9–11.

36 *Поповић М.* Указ. соч. С. 269–271.

37 Montenegro und Montenegriner. Stutgart, 1837.

38 Die Christen in Bosnien. Wien, 1953.

39 *Ranke L.* Serbien und die Türken in neunzehnten Jahrhundert. Leipzig, 1879.

40 *Дмитриев П. А., Сафронов Г. И.* Сербия и Россия. С. 23–35.

41 *Поповић М.* Указ. соч. С. 388–399.

42 Српске народне приповијетки. Беч, 1853.

Н. И. Хитрова

Петр II Петрович Негош

1 ноября 1813 г. в небольшом черногорском селении Негуши в семье Томо Маркова родился мальчик, который при крещении получил имя Радивое (сокращенное — Раде) — будущий правитель Черногории и крупнейший черногорский поэт Петр Петрович Негош. Однако он не сразу стал

наследником черногорского престола, поскольку его дядя — митрополит* (владыка) Петр I Петрович избрал своим преемником племянника Георгия Петровича. Но тот после окончания образования в России предпочел поступить на русскую военную службу. Митрополит Петр I обратил внимание на Раде[1].

Будущий черногорский правитель провел раннее детство в родном селении. Как каждый крестьянский мальчик он пас скот. С вершины горы Ловчен он мог видеть границы небольшой Черногории. Под звон гуслей Раде впервые услышал черногорские народные песни и предания, которые горячо полюбил. В них воспевалось героическое прошлое черногорцев, что находило восторженный отклик у впечатлительного мальчика. Многие песни он знал наизусть и сам пел.

В 1825 г. митрополит Петр I пригласил Раде к себе в Цетинский монастырь для обучения грамоте. Обнаружив его одаренность, он направил его для продолжения учебы к монаху Йосифу Троповичу в монастырь Савина, возле Херцег-Нови в Боке Которской (Австрийская империя). Наряду с учебой юноша знакомился с городской жизнью, что способствовало расширению его кругозора. Однако он пробыл там недолго и уже в конце 1827 г. вернулся в Цетинье[2]. Митрополит поручил воспитание наследника своему секретарю, известному сербскому поэту Симе Милутиновичу Сарайлии (уроженцу Боснии). Милутинович собирал материалы для написания черногорской истории («История Черногории» вышла в 1835 г.), народные песни и сочинял исторические драмы. Но наибольшей популярностью пользовались его патриотические стихи. Хотя Милутинович не мог дать своему ученику фундаментального образования, общение с сербским поэтом пробудило у юноши жажду знаний, любовь к литературе и, что особенно важно, стремление к поэтическому творчеству. Раде сам стал сочинять стихи. В дальнейшем он скажет: «Я тебе многим обязан». Он посвятит своему учителю поэму «Луч микрокосма» (1845 г.), которую начнет словами: «Да, всегда мне милый, наставник мой, сербский певчий». И затем в стихотворении на смерть Симы Милутиновича, высоко ценя его роль в пробуждении вольнолюбивых стремлений славянских народов, Негош заключит: «Дорогое воспоминание останется о тебе среди славянства»[3].

---

* Высший церковный сан в духовной иерархии, который занимали епископы и архиепископы.

Понимая, что полученных знаний недостаточно, Негош всю жизнь трудился над углублением своего образования. Он собрал большую библиотеку, изучал иностранные языки и в подлиннике читал русские, французские и итальянские книги. Поэт проявлял интерес не только к литературе, истории и философии, но также к политике и даже точным наукам. Благодаря знанию русского языка он получил возможность познакомиться с переводами шедевров мировой литературы. Сам перевел на сербский язык несколько отрывков из «Слова о полку Игореве». Свободное владение русским языком облегчило ему в дальнейшем переписку с государственными деятелями России.

После смерти митрополита Петра I 17-летний Раде становится правителем Черногории. На его плечи легли тяжелые и ответственные обязанности, но он с честью выдержал предначертанные судьбой испытания. 19 (31) октября 1830 г. скупщина, подтвердив завещание Петра I, признала его законным наследником престола. После этого предстояло принять монашеский обряд, поскольку в Черногории правителем было духовное лицо. При пострижении в монахи Раде принял имя Петр в знак уважения к своему заслуженному предшественнику и был посвящен в сан архимандрита. В историю он вошел как Петр II Петрович Негош — мудрый правитель и талантливый поэт, мыслитель.

В это время Турция не прекращала попыток утвердить свою власть над Черногорией. Постоянно существовала угроза ее внезапного нападения, поэтому черногорцы всегда были на страже. Зажатая в горах между Австрийской и Османской империями, Черногория была почти изолирована от внешнего мира. Сербский писатель Любомир Ненадович замечал: еще в раннем детстве молодому Негошу довелось узнать, что «турки взяли поле, а латиняне море, а им оставили лишь каменные и бесплодные горы». Население с трудом могло прокормиться на небольшой замкнутой территории с крохотными участками, раскинувшимися в долинах гор. Чтобы вернуть плодородные земли, находившиеся под османской властью, в 1831 и 1832 годах Петром II были предприняты две безуспешные попытки овладеть Подгорицей. Неурегулированный государственный статус (Черногория отказывалась признавать турецкую власть) и отсутствие зафиксированных границ приводило к тому, что на границах с Османской империей не прекращались кровопролитные столкновения. Черногорцам приходилось «пахать с ружьем за плечами», потому что каждый их шаг по обрабатываемой ими земли мог дать повод к распрям.

Молодому правителю предстояло продолжить реформаторскую деятельность своего предшественника. Впоследствии он скажет: «Черногория представляла жалостное позориште* междоусобия и всякого рода несогласий; сильный грабил бессильного, племя с племенем сражалось и не было и не существовало спокойствия, право сильного торжествовало»[4]. Необходимо было укрепить центральную власть и навести в стране порядок: искоренить племенные междоусобицы и кровную месть, уносившие многие человеческие жизни. Положение осложнялось противостоянием оппозиции народных старейшин, которую в основном составляли влиятельные воеводы, стремившиеся ограничить власть митрополита духовными делами. Среди оппозиции наибольшие опасения вызывал гувернадур (губернатор) Вуко Радонич, намеревавшийся при поддержке Австрии сосредоточить в своих руках всю полноту светской власти.

Архимандрит Петр II Петрович Негош решил начать с ликвидации должности гувернадура — соперника в борьбе за власть в Черногории. Поводом для этого послужили обнаружившиеся связи его с австрийскими властями. Решением скупщины 17 ноября 1830 г. Вуко Радонич был объявлен изменником и лишен своего звания. Однако этим актом не удалось сломить сопротивление оппозиции. Вуко Радонич не оставлял своих попыток вернуть власть. Чтобы обеспечить себе поддержку Петр II решил отозвать из России Ивана Вукотича и его племянника Матея Вучичевича, которым покойный митрополит поручил представлять там интересы Черногории.

В августе 1831 г. эти черногорские представители вернулись на родину. Российские власти переслали с ними в Черногорию 17 тыс. дукатов в погашение безвозмездной ежегодной субсии, приостановленной в 1807 г. (за 17 лет). Благодаря этим денежным средствам черногорский правитель смог приступить к созданию государственного аппарата. В 1831 г. был учрежден высший административно-судебный орган — Сенат в составе 16 человек и созданы гвардия и «перяники» (так назывались первые судебно-полицейские органы). Для управления племенами были назначены капитаны. Все чиновники получали жалованье из средств русской субсидии. Первым президентом Сената стал Иван Вукотич, который сначала оказывал поддержку Петру II. В 1832 г. Сенат принял решение об аресте Вука Радонича, продолжавшего плести интриги, а затем об изгнании его вместе с семьей из Черногории[5].

---

* Театр — серб. яз.

Но вскоре у молодого правителя возникла новая проблема. Иван Вукотич, воспылав политическими амбициями, попытался использовать свое положение президента Сената для узурпации всей светской власти. Для проведения в жизнь своего плана он надеялся заручиться поддержкой сторонников Вука Радонича. Но его честолюбивые замыслы потерпели крах. В 1834 г. Иван Вукотич, а затем и его племянник, затаив злобу, покинули Черногорию. После их отъезда Петр II становится единственным правителем страны.

В 1833 г. в Черногории было введено трехстепенное налогообложение. Но местные доходы не могли покрыть расходы на содержание государственного аппарата. Продолжение реформаторской деятельности требовало денежных средств. Черногорский правитель решил отправиться за поддержкой в Россию, которая с начала XVIII в. оказывала покровительство Черногории, а также денежную помощь и дипломатическое посредничество. Предстояло и посвящение в духовный сан. При этом он надеялся, что русская поддержка укрепит его положение в стране, поскольку у разгромленных им политических соперников оставались сторонники.

В июле 1833 г. Петр II выехал в С.-Петербург. В Вене он получил у российского посла Д. П. Татищева паспорт и рекомендательное письмо, в котором указывалось, что «твердое и справедливое» правление молодого архиерея обеспечило ему доверие народа, что является достаточным для царского решения о посвящении его в сан владыки, что даст ему возможность вершить власть с еще большим успехом[6].

1 августа Петр II прибыл в Петербург, где в официальных кругах ожидали его приезда. Его поселили в Александро-Невской лавре. Первым делом он отправился в Министерство иностранных дел и был принят вице-канцлером К. В. Нессельроде, которому передал рекомендательное письмо Д. П. Татищева. Николай I и Синод согласились на посвящение его в епископы, несмотря на двадцатилетний возраст архимандрита. Для столь знаменательного события царь отдал распоряжение Синоду: выдать 15 тыс. рублей на приобретение облачения, а также отпустить панагию и крест.

6 (18) августа в Преображенском соборе в торжественной обстановке состоялось посвящение черногорского правителя в епископы. На церемонии присутствовали царь, его свита и высшее духовенство. Петр II Петрович стал первым черногорским митрополитом, получившим посвящение в России. В дальнейшем в знак уважения русской церкви к «древности сей

епархии» и в доказательство любви к «принявшему от нее поставление свое архипастырю» по предложению Николая I Синод возвел молодого епископа в сан архиепископа (1834 г.).

Негош пробыл в столице несколько месяцев. Город на Неве с ее гранитными берегами, величественными храмами и дворцами восхитил поэта. В своем письме Вуку Караджичу, с которым Негош познакомился проездом в Вене, он поделился своим впечатлением от Петербурга: «Наслаждаюсь дивным видом и прекрасными зданиями... одной из красивейших европейских столиц». Впоследствии свое восхищение городом он выразил в стихотворении «Река Нева, зеркало души человеческой», в котором упоминает о раскинувшихся на ее берегах храмах и красивых зданиях[7].

Основное время в Петербурге Негош находился в кругу сановных лиц. Его наставником был князь А. Н. Голицын, а в его отсутствие — директор Азиатского департамента К. К. Родофиникин, обер-прокурор Синода С. Д. Нечаев. Молодой красивый правитель пользовался огромным успехом в светском обществе. «Прекрасной наружности, роста очень высокого даже между черногорцами, с выражением умным, глазами более задумчивыми, чем блестящими, он имел манеры чрезвычайно приятные; ничего неровного, резкого, угловатого в общении. Владыка привязывал к себе с первого знакомства; но кто знал его ближе, тот не мог не привязаться к нему всею душою»[8]. Н. И. Греч — редактор «Северной пчелы» и «Сына отечества» ввел его в петербургское общество. В частных домах, где удалось побывать Негошу, он знакомил русскую публику с сербскими народными песнями. В результате этого черногорский поэт завел много новых знакомств. Пребывание в Петербурге Негош использовал также для углубления своих знаний по литературе и русскому языку.

В декабре 1833 г. владыка Петр II вернулся в Черногорию. Результатом его поездки явилось расширение связей с Россией. В переписке он стал теперь сам обращаться ко многим официальным лицам, с которыми познакомился в Петербурге. Русская поддержка во многом способствовала укреплению его позиций в стране, где был высок престиж России. В Черногорию было направлено 5 тыс. дукатов «на устройство и благосостояние» страны[9].

В России Негош увидел, насколько храбрость черногорского народа превосходит его образование. Горячо любя свою родину, он надеялся видеть ее процветающей на поприще просвещения и науки, чтобы ее верные сыны

«могли бы обороняться не только оружием, но и пером разумным»[10]. По возвращении в Черногорию Негош прилагает все свои усилия для развития просвещения. Некоторым подспорьем было то, что из России он вывез не только иконы, но и книги. Российское правительство предоставило Черногории 3 тыс. рублей на развитие культуры и 300 рублей на пополнение библиотеки. В 1834 г. в Цетинье была открыта первая светская школа. Петр II Негош возобновил также издательскую деятельность, основав типографию в Цетинье. В этой типографии вышли его первые поэтические произведения — «Лиек ярости турске» («Лик ярости турецкой») и «Пустињак цетињски» («Отшельник цетинский», 1834 г.).

В Петербурге во время аудиенции у Николая I и в Министерстве иностранных дел владыке внушали мысль о необходимости поддерживать добрососедские отношения с Австрией и Турцией. Россия находилась в союзнических отношениях с этими государствами. Однако, несмотря на мирные намерения Петра II, на границах с Османской империей происходили кровопролитные столкновения из-за спорного статуса пограничного округа Грахова, так как его население не желало признавать османскую власть. В 1836 г. положение в стране осложнилось в связи с неурожайным годом. Полученные из России деньги кончились. Отсутствие денежных средств грозило крахом всех реформ.

Черногорский владыка решил снова отправиться в Россию. Но на этот раз российское правительство не хотело принимать его, так как опасалось обострения отношений с Турцией, болезненно воспринимавшей контакты России с черногорским митрополитом. Кроме того, до него дошли клеветнические слухи, которые распространял в Министерстве иностранных дел Иван Вукотич. Он утверждал, что владыка якобы заложил у австрийских банкиров монастырь Маини и церковные драгоценности. Вукотич возлагал также ответственность на него за нестабильность в стране и возникновение пограничных и межплеменных конфликтов. Под влиянием этих слухов в МИДе возникло недоверие к Петру II. Российскому вице-консулу Еремию Гагичу, который ведал сношениями с Черногорией, было дано распоряжение воспрепятствовать его поездке в Петербург. Несмотря на это, владыка выехал из Черногории в ноябре 1836 г. Но по приезде в Вену в российском посольстве ему было предложено вернуться домой.

Пробыв некоторые время в Вене и потеряв надежду на поддержку России, черногорский правитель решил отправиться во Францию, чтобы там

добиваться помощи. Российское правительство отнюдь не желало потерять Черногорию в качестве своего союзника. Тогда владыке была предоставлена возможность посетить Россию. Большое влияние на положительное решение вопроса было оказано полковником Я. Н. Озерецковским, состоявшим на службе при российском посольстве в Вене. Там произошла его встреча с Петром II. Умный русский дипломат отнесся с пониманием к проблемам Черногории. В своем донесении, направленном в начале февраля 1837 г. в Петербург (после служебной поездки в Черногорию), он объяснил, почему черногорскому правителю было крайне необходимо приехать в Россию. Он указал, что ежегодно высылаемая русская субсидия в 1 тыс. червонцев «очевидно» является недостаточной для претворения в жизнь планов по наведению порядка в стране[11].

Согласившись на прием Петра II, Николай I выдвинул условие, чтобы по пути в столицу он сделал остановку в Пскове, «пока не просветлится истина». Для его встречи был назначен капитан Корпуса жандармерии Федор Ракеев. Петр II прибыл в Псков 23 февраля 1837 г. Псковский губернатор А. Н. Пещуров сам пришел встретить владыку в подготовленной для него квартире Псковского подворья, чем Петр II остался доволен. Затем его поселили в специально снятом частном доме, поскольку в подворье оказалось сыро.

Капитан Ракеев объяснил владыке причину его задержки в Пскове: «из-за дошедших слухов» была отложена аудиенция у императора до выяснения положения дел в Черногории. В ответ на это Петр II заявил, что чувствует себя «совершенно правым против доносов и клеветы». А. Н. Пещурову и Ф. Ракееву предписывалось обходиться внимательно и почтительно с учетом духовного сана и положения владыки. Не исключено, что Негош посетил Святогорский монастырь и могилу Пушкина. После похорон русского поэта прошло совсем немного времени. Возможно, Негошу удалось узнать подробности трагической гибели великого поэта. Впоследствии он посвятит ему стихотворение «Тени Пушкина», в заключительных строках которого есть упоминание «о земном священном прахе певца великого народа».

В Пскове владыка пробыл 12 недель. К этому времени в Министерстве иностранных дел было получено известие от Е. Гагича, который был направлен в Черногорию после получения доноса против ее правителя. Гагич, не всегда лестно отзывавшийся о Петре II Петровиче, на этот раз сообщил, что «народ действительно претерпевает большую нужду, но имеет доверие

к владыке». Кроме того, директор Азиатского департамента К. К. Родофиникин доложил о «ложности предоставленных обвинений»[12].

Петр II прибыл в Петербург 18 мая 1837 г. и пробыл там 35 дней. Спустя несколько дней после его приезда состоялась аудиенция у царя. Николай I назначил Черногории новую субсидию в 80 тыс. рублей, в дополнение к первой, которая была предназначена для укрепления «государственного порядка». Вместе с тем правительство решило направить в Черногорию представителя, хорошо знающего черногорские условия. Выбор пал на Я. Н. Озерецковского. Он должен был доставить денежную субсидию и проследить, чтобы она была употреблена на нужды народа и благоустройство страны.

Поездка Петра II в Петербург имела большое значение для развития русско-черногорских отношений. После 1837 г. увеличивается роль Черногории в балканской политике России, несмотря на ее небольшие размеры и экономическую неразвитость. Российское правительство учитывало военно-стратегическое значение этой дружественной славянской страны в борьбе против Турции. В свою очередь материальная и дипломатическая поддержка России становится перворазрядным фактором в реформаторской деятельности черногорского правителя.

Петр II расширяет также личные контакты в России. По приезде в Черногорию Я. Н. Озерецковский сумел завоевать расположение владыки. Он возвратился в Россию, плененный Черногорией и ее народом, и стал добиваться, чтобы российское правительство оказывало всестороннюю помощь Черногории, а Петр II, как правитель, получил полное доверие и поддержку. Тесные дружественные отношения возникли у владыки и с Е. П. Ковалевским, который был направлен в Черногорию в 1838 г. для проведения геологических изысканий. Молодой горный инженер и двадцатилетний черногорский правитель быстро нашли общий язык и подружились. Их дружба продолжалась и после возвращения Ковалевского на родину.

Финансовая помощь России дала возможность черногорскому правителю продолжить усилия по созданию государственного аппарата. По возвращении в Черногорию он образовал новый Сенат в составе 12 человек, полностью подчинявшихся ему. Было увеличено число «перяников» (до 30 человек) и расширена гвардия (до 420 человек).

Проведение административной реформы на местах проходило в упорной борьбе с племенным сепаратизмом. Племенные старейшины отчаянно сопротивлялись лишению их привилегий. Особенно активное сопротивле-

ние было оказано на пограничной с Османской империей территории. Но владыке пришлось вооруженным путем подавлять сопротивление оппозиции, хотя это не способствовало его популярности. На эту жертву он был вынужден пойти во имя укрепления государственной организации. «Отнимите у меня право казнить злых возмутителей, — утверждал он, — и я не в состоянии буду стоять владыкою черногорским! Душа моя не терпит безначалия».

Во главе каждого племени был поставлен капитан, находившийся на содержании государства, в связи с чем значительная часть старейшин потеряла свои былые привилегии. Каждому капитану прикомандировывалось несколько человек из гвардии. Вся оплата производилась за счет русской субсидии. В результате проведенных преобразований в руках Петра II фактически сосредоточилась абсолютная власть в стране, что заложило основу монархического режима во главе с династией Петровичей Негошей.

Значение реформаторской деятельности Петра II Петровича состояло в том, что путем радикальной ломки старых общественных отношений ему удалось нанести удар по племенному сепаратизму и укрепить государственную власть, заставив всех граждан соблюдать законность. А это сделало возможным принять решительные меры по ликвидации кровной мести, которая к концу его правления перестала быть массовым явлением. Таким образом, был открыт путь развитию в стране новых общественных отношений. Сам владыка с гордостью говорил: «Я уничтожил это варварство, водворил мир и тишину, обеспечил жизнь и достояние каждого»[13]. Реформы Петра II подготовили почву для перехода к светскому государству, которое оформилось в виде монархии.

Внешняя политика митрополита Петра II была направлена на укрепление независимого положения черногорского государства. Поскольку Черногория, следуя советам своей покровительницы России, была вынуждена вести мирную политику, ее правитель лишался возможности активизировать действия по реализации важного внешнеполитического требования — присоединения плодородных земель за счет освобождения находящейся под властью Турции славянской территории. Решение этого вопроса было отложено до лучших времен.

Период с конца 30 — начала 40-х годов XIX в. был временем успешных дипломатических действий Петра II Петровича. В это время он проявил себя в качестве мудрого политика и дипломата. После переговоров

в октябре 1838 г. было заключено соглашение с боснийским и герцеговинским везирами, регулирующее положение Грахова, из-за которого возникали частые пограничные столкновения. Соглашение определяло управление Граховом (права на него были поделены между обеими сторонами) и порядок уплаты налогов Турции. Затем мирный договор в сентябре 1842 г. с герцеговинским везиром Али-пашой Ризванбеговичем определил границы Черногории с Герцеговиной. В договоре Черногория впервые называлась «независимой областью». Эти трактаты были важны в том отношении, что Порта косвенным образом признала независимость Черногории. Следующим шагом, способствующим упрочению ее внешнеполитического положения явилось разграничение с Австрийской империей. В 1839–1841 гг. благодаря посредничеству России была определена черногорско-австрийская граница. После этого Николай I наградил Петра II (1841 г.) орденом Анны I степени. Разграничение, проведенное к тому же без участия турецкого представителя, способствовало увеличению значения и престижа Черногории в глазах европейских правительств. Подписание указанных трактатов явилось значительным дипломатическим успехом — шагом на пути признания независимого статуса Черногории и установления мира на ее границах. Но при этом черногорцам предстояло преодолевать большие трудности, так как османские власти, не желая смириться с таким положением, часто нарушали заключенные трактаты. В 1843 г. обострились отношения на черногорской границе в связи с нападением албанцев, Шкодерский везир захватил два острова — Лессендру и Вранину. Черногорцы были не в силах прогнать албанцев. Поездка Петра II в 1844 г. в Вену в надежде на поддержку России и Австрии оказалась безрезультатной, поэтому решить вопрос дипломатическим путем не удалось.

Все эти годы государственные дела поглощали почти все его силы, но, будучи талантливым поэтом, Петр II Негош находил время и для поэтического творчества. Весьма плодотворными были 1833–1837 годы, когда он опубликовал первый сборник «Отшельник цетиньский» и закончил поэму «Свободиада» (напечатана после его смерти в 1854 г.). Расцвет его поэтического таланта приходится на 1844–1846 годы. Тогда помимо небольших стихотворений Негош создал свои самые крупные произведения: «Луча микрокосма» («Луч микрокосма»); «Горски вијенац» («Горный венец») и «Лже-царь Степан Мали» («Лже-царь Степан Малый»). В своем поэтическом творчестве, начиная с первых юношеских стихов, черногорский

поэт прошел сложную эволюцию. Русский славист П. А. Лавров, сделав первый обстоятельный анализ его поэзии, называет раннего Негоша романтиком. С этим согласился другой русский славист П. А. Ровинский. Вместе с тем они отметили влияние на его поэзию и классицизма[14].

Сборник «Отшельник цетиньский» написан под впечатлением поездки в Россию. Радушный прием в Петербурге оставил в душе поэта благодарные воспоминания. Восторженные чувства у него вызвали могущество России и успехи в ней просвещения. Негош включил в сборник несколько панегирических стихотворений: оды в честь царя Николая I, цесаревича Александра Николаевича и русских вельмож — А. Н. Голицына, С. Д. Нечаева и др. Несколько стихотворений посвящено дружественным лицам — Вуку Караджичу, Я. Н. Озерецковскому, Милораду Медаковичу, Любомиру Ненадовичу и др. В сборник включены также стихи, приуроченные к определенному случаю — «Три дня в Триесте» и др., затем сатирическое стихотворение о турецком султане. Выпадают по своему содержанию два стихотворения — «Черногорец к всемогущему Богу» и «Черногорец, захваченный в плен вилой».

Немалое место в творчестве Негоша отводилось России. Еще в юношеском возрасте им было написано стихотворение «Бой русских с турками в 1828 году», которое вскоре стало народной песней. Впоследствии оно было опубликовано под названием «Новая песня черногорцев о войне русских и турок, начатой в 1828 году». Хотя Россия в этой войне преследовала свои цели, ее победы способствовали распаду Османской империи, поэтому они имели широкий отклик на Балканах. Стихотворение проникнуто русофильством. Поэт прославляет русские победы и радуется поражениям и слабости Турции. С Россией он связывал свои надежды на освобождение славян. В стихотворении «Река Нева, зеркало души человеческой», вошедшем в сборник «Отшельник цетиньский», Негош говорит об этой русской реке, как о «гордости славян». Для него река Нева — это «сердце славянского племени», «настоящий источник веры православной». В этом отношении примечательно его обращение: «О Нева, век бы тебе течь со славой, чтобы тобою гордились народы — твой храбрый рус и братья славяне». В сборнике «Отшельник цетиньский» помещено также стихотворение «Орел и петух», в котором в виде аллегории представлена война между Россией и Францией 1812 г. Автор прославляет победу русских войск над Наполеоном. Орел символизирует Россию, а петух наполеоновскую Францию.

В панегирической оде в честь Николая I, представляя царя как защитника и опору славян, молодой черногорский правитель не замечает за внешним блеском николаевского режима его отрицательной изнанки — сохранения крепостного права с его тяжелой участью крестьянства. Но восхищаясь мощью Российской империи, тем самым он как бы отдает должное России за ее помощь Черногории. Следует отметить, что по пристрастию к греческой мифологии и способу поэтического выражения в его панегирических одах, помещенных в «Отшельнике цетиньском», наблюдается влияние поэзии Державина. Помимо этого сборника влияние классицистического стиля заметно в некоторых стихотворениях поэм «Свободиада» и «Луч микрокосма». Но как поэт, Негош не ограничивался подражанием. Это был человек с широким кругозором, хорошо знающий произведения русской и западной классики, что дало ему возможность подняться над узостью классицизма и достигнуть новых художественных высот.

В 30-е годы XIX в. Негош предстает как выразитель идей югославянского национального Возрождения, как просветитель и поборник братства и единства славянских народов в борьбе за свободу. Когда в Хорватии и Славонии возникло иллирийское движение, идеологи которого выступали за объединение культур южных славян, то он стал его страстным приверженцем. Иллирийские деятели Людевит Гай и его сторонники рассматривали черногорцев и других южных славян в качестве потомков древних иллирийцев. В мае 1835 г. в «Данице» (литературном приложении к иллирийской газете «Новине Хорватске») стали появляться материалы о Черногории и ее освободительной борьбе. Негошу была близка идея литературно-языкового южнославянского единства. Поэтому не случайно он приобрел первые номера «Даницы», а затем писал для нее[15]. В период революции 1848–1849 гг. иллирийцы считали, что Черногория должна войти в федеративное объединение южных славян в составе Габсбургской империи.

В это время патриотическая тематика стала занимать значительное место в поэзии Негоша. Первостепенное внимание он уделяет воспеванию освободительной борьбы черногорцев, их мужеству и отваге, проявленных в сражениях с османскими поработителями. Основными источниками для поэта были героический черногорский и сербский эпос. В 1835 г. он завершает написание «Свободиады». В ней девять песен посвящены освободительной борьбе черногорского народа. Хронологически эти песни охватывают период правления митрополита Данило в начале XVIII в. (когда была

одержана победа при Царев лазе в 1712 г.) и до времени правления митрополита Петра I Петровича, под предводительством которого черногорцы нанесли поражение войскам Махмуда-паши Бушати в 1796 г., что положило начало фактической независимости Черногории. В первую песню включено воспоминание о Косовской битве 1389 г., поражение в которой принесло сербскому народу османское порабощение. Последнюю десятую песню этой поэмы завершает освещение совместного выступления отряда черногорцев под предводительством Петра I Петровича и русского экспедиционного корпуса против наполеоновских войск в Далмации в 1806 г.

В 1846 г. Негош издал сборник народных песен «Огледало Српско» («Сербское зеркало»). По мнению П. А. Лаврова, это название «дано не даром». Таким путем поэт как бы запечатлел духовное и этническое единство сербов и черногорцев, которое сознавал и сам. Он посвятил этот сборник Пушкину, чью поэзию высоко ценил. В его честь Негош написал стихотворение «Сјени Пушкина» («Тени Пушкина»), открывающее сборник «Сербское зеркало». В нем Негош называет русского поэта «счастливым певцом великого народа». В «Сербское зеркало» вошли народные песни об освободительных боях черногорцев и сербов. Как утверждают многие исследователи, Негош восполнил их и своими стихами.

Воспев в своих стихах героическую борьбу черногорцев и их жертвы во имя достижения свободы, Негош тем самым отразил чаяния всех порабощенных турками славян. Поэтому его творчество имело огромное значение в культурном развитии южнославянских народов. Значение и оригинальность поэзии Негоша состоит также в неразрывном единстве правды жизни с общечеловеческими ценностями. Все творчество поэта проникнуто славянской солидарностью. В своих стихах и поэмах он часто называет славян братьями. Негош глубоко сочувствует угнетенному положению балканских славян. Свидетельством того, что их путь к освобождению он мыслил как революционную борьбу, является большое внимание, уделяемое им освободительной тематике.

Сознавая этническое, историческое и духовное родство сербов и черногорцев, Негош, как и многие его современники — Симо Милутинович, Милорад Медакович, Вук Караджич, — воспринимал тех и других как части единого сербского народа. В его представлении Черногория была в прошлом в составе средневекового сербского царства. В дальнейшем, сумев отстоять свою независимость, она стала эмбрионом его возрождения. Он

называл Черногорию «славным горным сербским племенем». В письме к сербскому митрополиту Мелентию Павловичу он подчеркивал, что черногорцы и сербы «одной веры, одного языка, одной крови» и совместно стремятся к единой цели. Свой первый сборник «Отшельник цетиньский» Негош опубликовал с посвящением: «Серб, своему сербскому роду»[16].

В 1846 г. Негош завершает свое лучшее и самое известное произведение — народную эпопею «Горный венец» (Опубликовано в Вене в 1847 г.). Эту поэму он посвятил вождю сербского народа Карагеоргию. В основу сюжета положено историческое событие конца XVII — начала XVIII в. — истребление потурченцев-предателей (черногорцев, принявших ислам). Это событие Негош изобразил наподобие Варфоломеевской ночи, в виде так называемого «Рождественского вечера». В действительности, время истребления и изгнания потурченцев — спорный вопрос: когда оно реально происходило и совершалось постепенно или в один день? К сожалению, об этом событии сохранилось не много достоверных сведений.

В то время кровавой была черногорская действительность. Почувствовав в Черногории очаг сопротивления, Порта стала грозить ей расправой. Она начала «сеять семена раздора» по всей Черногории — проводить усиленную исламизацию, чтобы усилить в стране межплеменные распри и покончить со свободолюбивыми стремлениями народа. Перед черногорцами стоял выбор: отуречиться или выступить против поработителей. Был выбран второй путь. Истребление потурченцев приобрело форму антиосманской борьбы против турецкого режима, представителями которого выступали не только угнетатели-турки, но и потурченцы — ставленники Османской империи. В поэме «Горный венец» Негош отразил борьбу черногорского народа за свободу и его мироощущение, а также в связи с этим поднял вопрос о значении и роли Черногории в антитурецком движении на Балканах[17].

Поэма Негоша — художника и мыслителя — отличается самобытностью. В «Горном венце» он выступает как противник «темного царства» — Османской империи, как сторонник беспощадной борьбы за свободу черногорского народа. По словам сербского литературоведа Милорада Поповича, борьба против предателей своего народа является лейтмотивом поэмы и проходит через нее красной нитью, но в поэме не развертывается кровавых боев; события развиваются постепенно. Это лирико-эпическое повествование в драматической форме, предназначенное для чтения, — заключает

он: «Все — слово, горячее, трепещущее, лирическое, красочное, реже — обширное, эпическое. Это слово, а не драматическое действие на сцене, сообщает жизнь картинам, поочередно драматическим, красочно-повествовательным и комическим»[18].

Поэма состоит из трех частей: «Собрание накануне Троицына дня на Ловчене», «Собрание в день праздника Богородицы в Цетинье» и последней части — о событиях в сочельник, в день Рождества, и в Новый год. События поэмы начинаются в глубокую полночь. Черногорцы собрались на горе Ловчен, чтобы решить судьбу потурченцев. Владыку Данило «пламень ужаса терзает: брат на брата в смертной сече встанет», так как потурченцы — это те же черногорцы. Пока еще не слышно о предстоящем истреблении предателей, но все предвещает неминуемую борьбу. Действие поэмы завершается в радостном праздновании рождественского сочельника. Черногорцы радуются победе в Цетинье, где были «разбиты наголу турки». В конце выстрелы оповещают об истреблении потурченцев[19].

По ходу действия время от времени на сцену вступает хоровод (коло), символизирующий народ. Песни кола напоминают об историческом прошлом — о гибели сербской свободы на Косовом поле и славных битвах черногорцев. Они прославляют героев-юнаков, призывают к борьбе. Именно народ, а не владыка выступает в качестве судьи при принятии решения о расправе с предателями, что придает патриотический пафос поэме.

Почти все образы, выведенные в «Горном венце», взяты из исторического прошлого или народных преданий. Прообразом главного героя является митрополит Данило Петрович Негош (1697–1735), возглавивший антиосманскую борьбу черногорского народа. В поэме владыка Данило, философ и государственный деятель-воин, мыслит в исторических масштабах. Истребление предателей — это часть освободительной борьбы. Он медлит с расправой, так как знает цену человеческой жизни. Не легко убивать братьев, хотя и изменивших своему народу. Освобождение от турецкого господства не может осуществиться без борьбы и жертв, поэтому в решительный момент он принимает решение без колебания. Помимо владыки историческими личностями являются Вук Мичунович, Вук Мандушич, братья Мартиновичи и многие другие. Это герои, готовые умереть за свободу[20].

В поэме также изображен мусульманский мир, турки и потурченцы. Негош дает субъективную характеристику им, как коварным убийцам. Крест и полумесяц — два мира: черногорцы и потурченцы. Только в одном они

одинаковы: в героизме. Негош раньше других почувствовал трагедию югославянского мира. Когда Даниле сообщили о том, как черногорцев, павших в бою со своими соплеменниками-потурченцами, хоронят по шести человек в одну могилу, он расплакался. В нем плакал сам Негош над трагической судьбой сербов и черногорцев, вынужденных проливать кровь друг друга и погибать в кровавых боях с мусульманами.

Поэма «Горный венец» глубоко народное произведение, как по языку, так и по форме и содержанию. Воспитанный на родной народной поэзии Негош мог легко слагать стихи в народном духе. В поэме широко представлена жизнь народа — его обычаи, образ мышления и характер. Это явилось результатом его внимательного отношения к фольклору. Он собирал народные изречения, предания, пословицы, поговорки и сказания о подвигах героев, поэтому фольклорные мотивы и образы органически вошли в поэму. «Горный венец» по праву являлся «величественной национальной песней», гимном борьбы и надежд славянских народов на освобождение от ненавистного им чужеземного гнета. Правдивое воспроизведение Негошем картины черногорской жизни с ее местным колоритом и выведенные образы черногорцев дают возможность причислить «Горный венец» к произведениям «с намечающейся тенденцией реалистического изображения жизни». На реалистические черты поэмы впервые обратил внимание русский ученый П. А. Лавров, хотя он представлял их в несколько преувеличенном виде, назвав Негоша художником-реалистом. Однако сербские литературоведы Й. Скерлич, М. Попович, П. Попович рассматривают его творчество в рамках романтического направления[21].

Народное поэтическое начало, присущее негошевской поэзии, сближает ее с творчеством Пушкина, влияние которого заметно уже в ранних стихотворениях Негоша. Он широко использовал поэтическое богатство народного эпоса. Влияние Пушкина особенно заметно в «Горном венце». Сербский литературовед Милан Богданович указывает, что утверждение реализма в этой поэме, под воздействием творчества Пушкина, выразилось прежде всего в изображении жизни Черногории и ее народа. Развивая эту мысль, российский ученый А. М. Балакин утверждает, что больше всего пушкинское влияние проявилось в идейно-эстетической концепции поэмы и в трактовке роли народа[22]. На этой основе некоторые литературоведы сопоставляют «Горный венец» с драмой Пушкина «Борис Годунов», поскольку в обоих произведениях показана роль народа в решающие момен-

ты истории страны. В драме — это значение народной поддержки, в поэме Негоша — это решающее слово в борьбе против предателей-потурченцев. Но сопоставляя оба произведения, следует иметь в виду, что в «Горном венце», а также в драме «Лже-царь Степан Малый» в отличие от Пушкина, стоявшего на реалистических позициях, Негош в значительной степени находился под влиянием романтизма[23]. И, наконец, сближает Негоша с Пушкиным умение соотнести прошлые события с современностью. В этом состоит также ценность драматической поэмы «Горный венец».

В 40-е годы XIX в. в поэтическом творчестве Негоша все более стали преобладать религиозно-философские начала. Его занимали такие вопросы, как космическое божественное происхождение человека и бессмертие человеческой души, а также мироздание и космос. Свои первые попытки в этом направлении он предпринял в 1834 г., опубликовав в сборнике «Отшельник цетиньский» стихотворение «Черногорец ко всемогущему богу». Философско-рефлексивное начало присутствует и в поэме «Горный венец». В ней поэт рассуждает о законах мироздания, о борьбе добра и зла, о величии свободы и человеческого разума.

В 1845 г. Негош завершает философскую поэму «Луч микрокосма», которую направил в Белград Симе Милутиновичу с просьбой о ее публикации. В посвящении своему учителю он выдвинул вопрос о судьбе человека во время жизни на земле и после смерти и образно показал тщетность его решения. В представлении поэта человеческая душа — «искра космического света» тяготеет к своему источнику — космосу[24]. В отличие от П. А. Лаврова, характеризовавшего эту поэму как религиозную и написанную в подражание «Потерянному раю» английского поэта Мильтона, П. А. Ровинский относил ее к философским произведениям. Он отмечал наличие между ними значительных различий. Прежде всего это касается самой идеи произведения. Если в центре внимания Мильтона библейская легенда о грехопадении первого человека и бунте Сатаны, то Негош поставил своей задачей раскрытие сотворения мира и места в нем человека, а также столкновение Бога и Сатаны[25].

«Луч микрокосма» состоит из шести песен. Развитие сюжета представлено в виде «полета» поэта «на корабле с распростертыми крыльями» в космическом пространстве. Его ведет бессмертная душа — «светлая идея», а затем ангел-хранитель. В центре внимания автора борьба двух начал — Бога и Сатаны. Бог в космосе, Негош в Черногории основыва-

ют свою власть на законах. Оба они — созидатели, поэты, враги анархии. Бог в поэме не только религиозное представление, но больше — поэтическое перевоплощение самого поэта в личность вседержителя. Бог и Негош в «действительности распространяют свет-власть: первый во вселенной путем жестокого уничтожения Сатаны, второй — среди народа путем беспощадной борьбы против тех, которые сговариваются с турками и сопротивляются созданию единого государства. В мероприятиях, которые они проводят для осуществления своих целей, оба жестоки, безжалостны, бескомпромиссны». Но при этом Негош испытывает раздвоение личности, вынужденный жертвовать собственной индивидуальностью и призванием поэта во имя исполнения государственного долга — утверждения абсолютистской власти в Черногории. В конечном итоге в космосе Бог побеждает Сатану, а в Негоше одерживает верх государственное начало[26].

Обе поэмы — «Луч микрокосма» и «Горный венец» являются в высшей степени художественными произведениями. В них по-разному нашли отражение взгляды Негоша и его время. Но если в философской поэме действие перенесено в космос, то в драматической — происходит на земле, где поэт выступает в качестве певца свободы, сторонника беспощадной борьбы за освобождение сербского народа. Произведения Негоша — значительный вклад в мировую литературу. Их актуальность сохраняется и в наши дни. («Горный венец» переведен на немецкий язык, дважды — на русский и многие другие языки).

Свое последнее крупное произведение «Лже-царь Степан Малый» Негош закончил в конце 1847 г. (Опубликовано в 1851 г. в Загребе). В основу сюжета положено историческое событие, произошедшее в Черногории. Речь идет о самозванце, выдававшем себя за русского царя Петра III. Он правил страной в 1767–1774 гг. В произведении показано его появление и действия в Черногории, которая в связи с этим подверглась турецкому нападению. Негош рассматривает его как авантюриста, поскольку он узурпировал власть династии Петровичей Негошей. При написании поэт использовал сохраняющиеся в народе предания и документы, обнаруженные им в архиве во время пребывания в начале 1847 г. в Венеции. Несмотря на драматическую форму, это произведение не является пьесой. Оно имеет свои достоинства, хотя в художественном отношении уступает двум первым поэмам. В изображении жизни Черногории в произведении преобладают реалистические черты[27].

В 40-е годы XIX в., в период создания Негошем своих самых значительных произведений, среди порабощенных народов Юго-Восточной Европы наблюдалось оживление национального движения. В годы, предшествовавшие революции 1848–1849 гг., происходит усиление межславянских связей с целью претворения в жизнь национально-политических программ освобождения от чужеземного гнета. Негош оказался вовлеченным в водоворот политических событий. Он находился «в тесной дружбе» с идеологом иллиризма Людевитом Гаем. В 1841 г. Гай и его единомышленник Антон Мажуранич приезжали в Цетинье. Негош поддерживал переписку также с хорватским поэтом Станко Вразом[28].

Черногорский правитель сохранял связи и с Сербией. Он переписывался с сербским князем Милошем Обреновичем, к советам которого прислушивался. Но он также поддерживал контакты с опальным сербским князем Александром Карагеоргиевичем, приверженцем которого являлся. В 1840 г. владыка выдал ему грамоту, в которой подтверждалось его происхождение от Карагеоргия, признавались заслуги отца, а ему присуждалось звание воеводы. В 1842 г. Петр II поздравил Александра Карагеоргиевича с избранием князем. Впоследствии (перед смертью) он обратил его внимание на то, что «Черногория не сводная, а родная сестра» Сербии[29].

Политика князя Милоша, отдававшего предпочтение дипломатическим средствам в достижении внешнеполитических требований, не встречала одобрения со стороны Петра II Петровича, выступавшего за активную борьбу во имя освобождения и объединения сербского народа. Поэтому он приветствовал приход к власти Александра Карагеоргиевича. Когда в конце 1844 г. в Белграде была выдвинута первая внешнеполитическая программа, известная как «Начертание», основные положения которой были разработаны министром внутренних дел Ильей Гарашаниным, идеологом и организатором объединительной деятельности Сербии, то Негош стал горячим сторонником создания объединенного великосербского государства. Он не претендовал на руководящую роль в национально-освободительном движении, поэтому между ним и правящими кругами Сербии не возникало соперничества по проблеме объединения сербского народа. Во время пребывания в 1844 г. в Вене Петр II установил контакты с национальными деятелями, выступавшими за освобождение и объединение южных славян. Он взял на себя ответственность по привлечению к борьбе населения Герцеговины и других соседних земель[30].

Будучи дальновидным политиком, митрополит Петр II стремился пробудить в славянах Боснии и Герцеговины, принявших ислам, чувство славянской солидарности, считая этническое родство, единый язык важным связующим моментом. Он рассматривал славян-мусульман как единокровных братьев. Это было вызвано стремлением не только обеспечить безопасность черногорских границ, но и приобрести союзников. Поэтому он был склонен терпимо относиться к людям славянского происхождения, исповедующих ислам, лишь бы они не стали «чужими наемниками», т. е. не защищали интересы Турции. В переписке с везирами Герцеговины, Боснии и Северной Албании он напоминал об общих славянских корнях. В результате подобной политики у него сложились уважительные отношения с герцеговинским везиром Али-пашой Сточевичем Ризванбеговичем. А затем они стали побратимами. В кругу своих приверженцев Али-паша лестно отзывался о черногорском правителе. В свою очередь владыка напоминал ему, что они одной с ним крови и между ними нет различия, кроме веры: один из нас верит в Магомета, а другой — в Христа. Петр II стремился установить добрососедские отношения и с шкодерским везиром Осман-пашой Скоплянином, который потворствовал набегам албанцев на черногорскую территорию. Хотя переписка с ним была не столь успешной как с Али-пашой, митрополит не прерывал ее. В октябре 1847 г. в письме к нему он напомнил везиру о его славянских корнях, желая мира и согласия между единокровными, которые «одним молоком вскормлены и в одной колыбели качались»[31]. Подобные действия черногорского правителя способствовали до некоторой степени установлению мирных отношений на границах с Османской империей.

Начавшееся в 1848 г. революционное движение в Австрийской империи пробудило у Петра II надежду, что освободительная борьба охватит и южнославянские земли. Он решил начать боевые действия с овладения Бокой-Которской, население которой издавна тяготело к Черногории. В марте 1848 г. было совершено нападение на Доброту (австрийское Приморье). Черногорцы блокировали ее и «опустошили весь край» до Котора[32]. В Боке-Которской усилились антиавстрийские настроения.

Вскоре национально-освободительное движение охватило и Венгрию. Непримиримая позиция венгерских властей — их стремление сохранить национальное угнетение хорватов, сербов и других народов — способствовала переходу славянских национальных деятелей на сторону Австрии.

В это время митрополит Петр II также приходит к заключению, что Австрия меньшее зло для славян, чем Венгрия. Он приветствовал план создания «Триединого королевства» путем соединения Далмации с Хорватией и Славонией.

Петр II Петрович стал поддерживать также объединительную политику сербского правительства. Он считал, что Черногория имеет общие интересы с Сербией, и они вместе при поддержке России сумеют добиться освобождения сербского народа. С инициативой по привлечению Черногории к участию в создании объединенного государства на Балканах выступило само сербское правительство, которое отводило ей значительное место в реализации своей внешнеполитической программы. По возвращении Петра II из Вены ему была передана первая сербская помощь в размере 1 тыс. дукатов.

В марте 1848 г. в дополнение к «Начертанию» в Сербии был разработан план по объединению с ней Боснии и Герцеговины, Черногории и Северной Албании. Вскоре для переговоров с митрополитом Петром II в Цетине прибыл сербский эмиссар Матия Бан. В разговоре с ним владыка выразил недовольство тем, что ранее не был посвящен в планы сербского правительства. В ответ на предложение о сотрудничестве он заявил, что сам собирался вместе с черногорцами направиться через турецкую территорию в Сербию, «поднять народ и принудить правительство к действиям». Поэтому Петр II сразу же без всяких колебаний дал согласие на сотрудничество. Он обещал выставить до 8 тыс. черногорцев, но просил для них боеприпасы и провиант. Затем в письме Александру Карагеоргиевичу владыка призвал сербского князя не опозорить имя своего отца «перед сербским родом» и исполнить свое высокое предназначение[33].

Митрополит Петр II был согласен отречься от своих династических прав и удовлетвориться признанием его главой церкви в объединенном государстве. Впоследствии один из участников национального движения следующим образом характеризовал его позицию в этом вопросе: «Покойный владыка Петр II был человеком восторженной приверженности (идее) освобождения. Он не был ни эгоистичным, ни честолюбивым. Он действовал чистосердечно для сербства и для его преуспевания... легко было договориться с человеком, который жил только во имя интересов сербства. Он был готов в любое время приступить к осуществлению сербской миссии»[34].

Надежды Петра II на объединительную деятельность Сербии не оправдались. В отличие от него сербское правительство проводило умеренную политику. Стремление Ильи Гарашанина свести объединительные действия к территориальному расширению княжества, не могли вызвать одобрение владыки. Негош выступал за активные действия. Будучи сторонником славянского единства, он мечтал об образовании более широкого государственного объединения, чем это предусматривалось «Начертанием»[35]. Образование великосербского объединенного государства сулило вошедшим в него славянским народам освобождение от османского гнета.

Во время революционных событий в Воеводине митрополит Петр II был готов оказать помощь сербским повстанцам. Он не препятствовал черногорцам перебираться в Сербию, а оттуда в Воеводину. В мае 1848 г. владыка издал в Цетинье прокламацию «Объявление бокельцам и далматинцам». В ней он призывал славян «быть сердцем и душой приверженными своей народности и полностью преданными и послушными Елачичу, своему единоплеменному бану Триединого королевства под короной австрийской». Затем митрополит Петр II решил отправить черногорцев в поддержку хорватов и сербов. В октябре 1848 г. он предложил бану Елачичу в помощь против Венгрии 3 тыс. черногорцев. Одновременно с этим Петр II обратился к далматинскому губернатору с просьбой разрешить нанять суда в Боке-Которской для отправки отряда. Но бан Елачич отказался от черногорской помощи[36], так как опасался тем самым вызвать недовольство Австрии.

В начале 1849 г. Бока-Которская была охвачена антиавстрийским волнением. Население отказывалось платить подати. В связи с вторжением на ее территорию черногорцев, которые оказывали поддержку восставшим, австрийский министр внутренних дел Стадион просил митрополита Петра II прекратить вмешательство и отозвать черногорцев. Владыка в ответ на это потребовал уменьшения налоговых тягот, которые не в состоянии было уплачивать население из-за своей бедности. В случае выполнения этого требования «одного его слова» было достаточно для возвращения спокойствия в крае. Такой же ответ был дан бану Елачичу на его просьбу отозвать черногорцев из Боки-Которской.

Митрополит Петр II внимательно следил за развитием событий в Воеводине. Через посредство Сербии он предложил сербскому патриарху Раячичу прислать в помощь 2 тыс. черногорцев. Но его попытка оказалась безуспешной. В знак признания заслуг он наградил участников националь-

но-освободительного движения Воеводины — С. Петровича-Кничанина, М. Петровича-Блазнаваца и Дж. Стратимировича медалью Милоша Обилича. После того как русские войска вступили в Венгрию, владыка направил в июне 1849 г. письмо графу А. Ф. Орлову с просьбой уведомить Николая I о его готовности присоединиться к ним с четырьмя-пятью тыс. черногорцев. Российское правительство, оценив его «приверженность» России, ответило отказом, объяснив, что иностранные войска могут вступить в пределы другого государства «лишь по приглашению законного правительства»[37].

Поражение революции в Австрии привело к крушению планов создания объединенного славянского государства на Балканах, ярым сторонником которого был митрополит Петр II Петрович. В то время эти планы не могли быть реализованы. Митрополит не встретил поддержки ни в России, правительство которой придерживалось осторожной политики, ни в Австрии, не намеревавшейся потворствовать осуществлению национальных программ своих подданных. Не рискнули прибегнуть к черногорской военной помощи и национальные деятели Хорватии и Воеводины.

Неудачные попытки, предпринятые владыкой во время революционных событий в Австрии, вызвали у него разочарование. К тому же в середине 1849 г. у него обнаружилось серьезное заболевание туберкулезом легких. Для лечения он два раза ездил в Италию (в 1850 и 1851 гг.) и в 1851 г. в Вену. В Италии Негош посетил Венецию, Рим, Флоренцию и Неаполь. Находясь в Италии, он написал стихотворения «Рим», «Посещение Помпеи». Так же как в России, черногорский правитель пользовался большим успехом в обществе. Красивый владыка вызывал восхищение у женщин. Но в зрелые годы он не только любовался красотами Италии, но отмечал контрасты между роскошью богатых и вопиющей бедностью простого народа. С русскими и австрийскими аристократами Негош держался официально. Его не покидали думы о тяжелой участи черногорцев и о судьбе разрозненного сербского народа, часть которого томилась в турецкой неволе[38].

Негош умер рано в расцвете своего таланта, в возрасте 38 лет. Это случилось 19 октября 1851 г. в тот же самый день, когда 21 год тому назад стал правителем Черногории. В своем завещании он передал «своему несчастному, но геройскому народу» все наличные средства в сумме 50 тыс. рублей хранящиеся в банке в Петербурге (землю с монастырями Маини и Станевичи пришлось продать Австрии). Согласно его завещанию, он был похоронен на вершине Ловчена.

Митрополит Петр П Петрович Негош был сторонником единства и братства славянских народов. Это — правитель, отдавший все свои силы и поэтический талант во имя блага родной Черногории и реализации идеи — борьбы за свободу сербского народа. Свои вольнолюбивые мысли он выразил в своем поэтическом творчестве.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Литература о Негоше // П. П. Његош 1813-1963. Београд, 1963. С. 45; *Петухов В. К.* Петр Негош в русской дореволюционной и советской литературе // Славянские страны и русская литература. 1973. С. 198–291.

2 *Латкович В.* Жизнь Петра Петровича Негоша (1 ноября 1813 — 19 октября 1851) // П. П. Његош... С. 23, 25.

3 Цјелокупна дјела П. П. Његоша (далее — Цјел. дјела). В 9 т. 1953. Београд. Т. 2, С. 214–215, 241.

4 Цит. по: *Зенкевич М.* Петр Негош и его поэзия // Негош П. Горный венец. М., 1955. С6; Русско-черногорские отношения 1711–1918 гг. Русские архивные документы о Черногории. Т. 1. Конец XVII — середина XIX в. Подгорица — Москва, 1992. С. 198; Цјел. дјела. 1951. Т. 7. С. 380. П. П. Његош — К. В. Нессельроде, 26 февраля 1837 г.

5 О государственной деятельности митрополита Петра II Петровича см. в югославской историографии: *Павићевић Б.* Стварање Црногорске државе. Београд, 1955; *Пејовић Ђ.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Оснивање државе и услови њеног развитка. Београд, 1981 и др.; в российской: *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения 50–70-е годы X1X в. М., 1979; *Аншаков Ю. П.* Становление черногорского государства и Россия. 1798–1856 гг. М., 1998; *Вишняков Я. В.* Черногория в балканской политике России (1830–1860 гг.). М., 1998.

6 *Распоповић Р.* Дипломатија Црне Горе 1711–1918. Подгорица — Београд, 1996. С. 236.

7 *Хитрова Н. И.* Указ. соч. С. 64; Цјел. дјела. 1951. Т. 7. С. 186; Т. 2. С. 78.

8 *Ковалевский Е. П.* Черногория и славянские земли. //Ковалевский Е. П. Собр. соч. СПб. . 1872. Т. 4, С. 206–207.

9 Савременици о Његошу. Београд, 1951. С. 25–26; Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Главный архив, Политотдел (далее — ГА, ПО), Ф. 161/3. ОП. 233. 1834 г. Д. 1. Л. 31 с об.

10 Цјел. дјела. Т. 7. С. 90; П. П. Његош — Е. М. Гагичу, 6(18) декабря 1831 г.

11 АВПРИ. Ф. ГА. ПО. 1836 г. Д. 1. Л. 18–20.

12 Там же. Л. 26–26об., 33–33об., 41–41об., 96–96об.; *Распоповић Р.* Указ. соч. С. 239.

13 Цјел. дјела Т. 7. С. 380.

14 *П. А. Лавров.* Владыка Черногорский и его литературная деятельность. М., 1887. С. 231, 232 и др. и П. А. Ровинский Петр II (Раде) Петрович: Владыка Черногорский 1830–1851. СПб., 1889. С. 154. По этому вопросу см.: *Беляева Ю. Д.* Литература народов Югославии в России. Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX, начало XX в. М., 1979. С. 172–184.

15 *Лещиловская И. И.* Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968. С. 107–108, 314.

16 *Пејовић Ђ.* Црна Гора... С. 468–469; Цјел. дјела. Т. 7. С. 172. П. П. Његош — М. Павловичу. 10(22) января 1833 г.; см. анализ «Зеркала сербского». *Лавров П. А.* Указ. соч. С. 285–295.

17 *Павићевић Б.* О историјским коријенима «Горског вијенца» // Горски вијенац. Цетиње — Титоград, 1985. С. XX.

18 *Попович М.* Певец «Луча микрокосма» и «Горного венца» // П. П. Његош... С. 13.

19 *Негош П.* Горный венец. С. 29–30, 126. (Пер. на рус. язык).

20 *Попович М.* Указ. соч. С. 21–22; Зенкевич М. Указ. соч. С. 15.

21 *Беляева Ю. Д.* Указ. соч. С. 175–177.

22 *Балакин А. М.* Сербско-русские взаимосвязи в первой половине XIX в. // Взаимосвязи славянских литератур. Л., 1966. С. 47–48; *Лалич М.* Александр Пушкин в сербской литературе//Русско-европейские культурные связи. М.-Л., 1966. С. 207–208.

23 *Беляева Ю. Д.* Указ. соч. С. 177–178.

24 *Латкович В.* Содержание важнейших произведений Негоша // П. П. Његош... С. 33–34.

25 *Лавров П. А.* Указ. соч. С. 270 и др.; *Ровинский П. А.* Указ. соч. С. 154–155; Различие в их оценках впервые отметила Ю. Д. Беляева. (См.: *Беляева Ю. Д.* Указ. соч. С. 181.

26 *Попович М.* Указ. соч. С. 8–9.

27 *Латкович В.* Указ. соч. С. 40–41; Цјел. дјела. Т. 4. С. 203.

28 *Лещиловская И. И.* Указ. соч. С. 314; АВПРИ. Ф. ГА, V-А2. Д. 695. Л. 23. Я. Н. Озерецковский — А. Х. Бенкендорфу, 24 февраля (8 марта) 1838 г.

29 *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорско сарадња (1830–1851). Београд, 1957. С. 10–11, 15–21, 70; Цјел. дјела. Т. 9. С. 157. П. П. Његош — Александру Карагеоргиевичу, 12(24) июля 1851 г.

30 *Никифоров К. В.* Сербия в середине XIX в. (начало деятельности по объединению сербских земель). М., 1995. С. 43 и др.; *Дурковић-Јакшић Љ.* Указ. соч. С. 80.

31 *Пејовић Ђ.* Указ. соч. С. 459-462; *Ровинский П. А.* Указ. соч. С. 166; Цјел. дјела П. П. Његош — Осман-паше Скоплянину, 5(17) октября 1847 г.

32 АВПРИ. Ф. ГА, V-А2. Д. 705. Л. 4-4об. Е. М. Гагич в Посольство в Вене 5(27) марта 1848 г.

33 *Лещиловская И. И.* Планы государственного объединения южных славян в 1848 г. // Международные отношения на Балканах. М., 1974. С. 81–82; *Никифоров К. В.* Указ. соч. С. 109–110.

34 Речь идет об Атанасии Николиче. См.: *Дурковић-Јакшић Љ.* Указ. соч. С. 95–96.

35 *Јовановић Р.* О Његошу као владару и Црној Гори његова доба // Историјски записи. Подгорица, 2001. № 3–4. С. 25–27.

36 Цјел. дјела. Т. 9. С. 383–384; *Поповић П.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1951. С. 262–265; *Никифоров К. В.* Указ. соч. С. 110.

37 АВПРИ. Ф. ГА. V-А2. Д. 706. Л. 8-8об. П. П. Његош — графу А. Ф. Орлову 27 июня (8 июля) 1849 г.; Л. 5-6об. А. Ф. Орлов — П. П. Његошу, 1(13) июля 1849 г.

38 *Зенкевич М.* Указ. соч. С. 13.

О. В. Медведева

Паисий Хилендарский

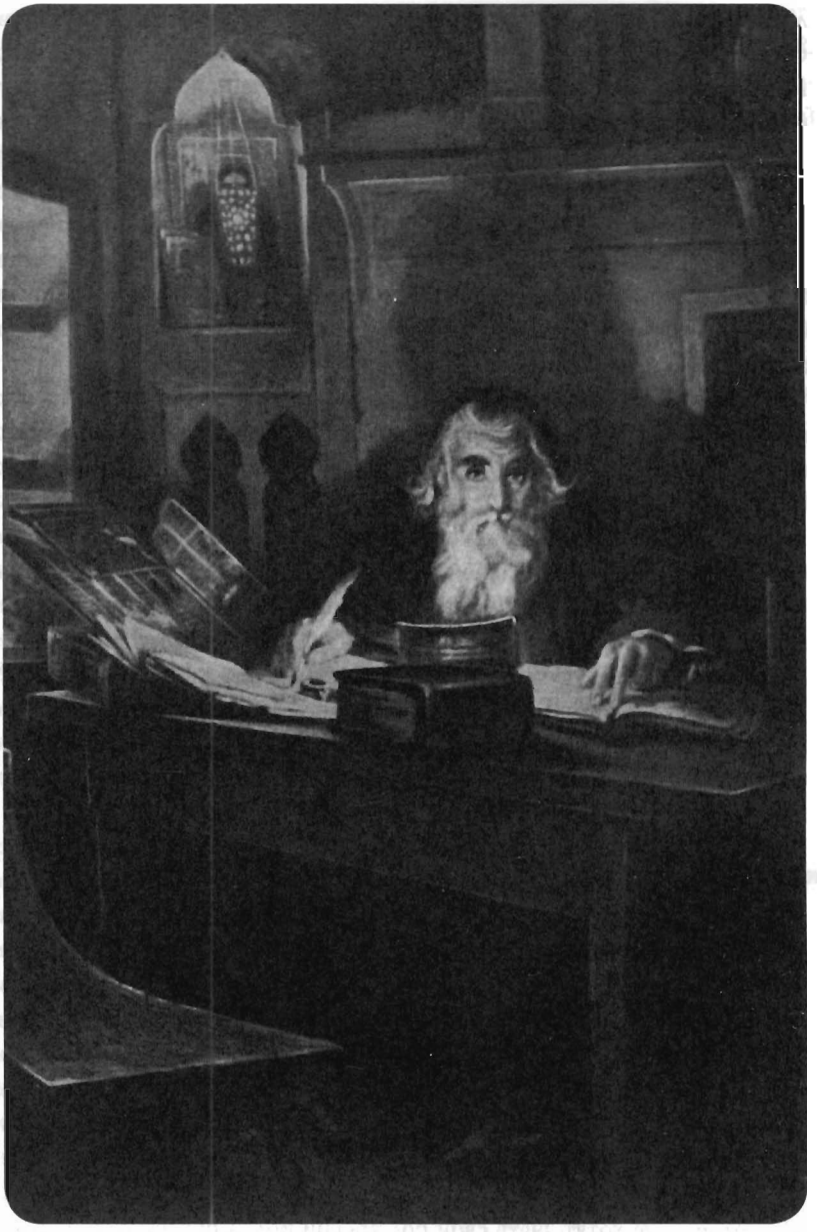
В 1762 г. в тиши монастырских стен на горе Афон болгарский монах Паисий написал сочинение «История славяно-болгарская о болгарском народе, царях и святых и обо всех деяниях и событиях». Это сочинение стало высшей точкой проявления болгарской культуры в XVIII в. по охвату материала, по силе выразительности, по влиянию, оказанному на становление национального самосознания болгар.

О самом авторе и истории написания знаменитого произведения известно чрезвычайно мало. Достоверные сведения ограничиваются, строго говоря, информацией, которую сообщает сам автор в «Истории славяно-болгарской». Из текста ясно, что родился он в селе Самоковской епархии, в 1745 г. пришел на Святую гору, где игуменом был его родной брат по матери Лаврентий, старше Паисия на 20 лет. В 1762 г. написал свое сочинение, когда ему было 40 лет. (Из этого следует, что Паисий родился в 1722 г.). Тогда он был иеромонахом. Книгу свою писал два года. Жил в Хилендарском и Зографском монастырях. О себе сообщает, что не учился ни грамоте, ни светским наукам, часто страдал головными болями. Но преодолевая свои телесные страдания, он написал историю «болгарского рода», «собрав ее из многих книг», которые он прочел, «для пользы и славы болгар»[1].

Исторической наукой пока не решен вопрос о том, сколько еще прожил Паисий после написания «Истории». На основании сведений, содержащихся в одном Зографском кондике, ряд исследователей считает, что он умер в 1773 г. во время одного своего путешествия в Болгарию, куда сопровождал группу паломников[2].

И многие десятилетия историки вновь и вновь обращаются к образу этого «необразованного», как написал о себе Паисий, афонского монаха, пытаясь понять, как ему, при всей его якобы отдаленности от мирской суеты, удалось стать выразителем самых насущных жизненных потребностей болгарского общества того времени и как в униженной османами Болгарии могло появиться такое произведение.

Ведь Паисий писал свою «Историю» в то время, когда представление о Болгарии как о государстве было почти полностью утрачено. В силу приближенности болгарских земель к собственно турецким территориям по-



литический и экономический гнет здесь был более тяжким, чем в других балканских провинциях Османской империи. В них сильнее проявлялось национальное и религиозное угнетение, идеологической основой которого был ислам. Положение усугублялось тем, что османское вторжение привело не только к ликвидации знати, но и к потере в конце XIV в. государственности и церковной независимости. Болгары были подчинены Константинопольской патриархии, которая стала руководить их церковно-религиозной жизнью. Греческое духовенство, по воле османов ставшее полновластным хозяином православной церкви на Балканах, отрицало право болгар на свою церковь, язык и этноним и проводило по отношению к ним жесткую ассимиляторскую политику.

Греческая церковь широко пропагандировала внеэтническую идеологию. Подавляющее большинство произведений было посвящено греческим новомученикам. Даже в житиях о болгарских святых болгарский этноним был заменен их конфессиональными: «христиане», «христианский род»[3].

Это привело к тому, что к середине XVIII в. в основной массе народа приверженность к православной религиозной общности занимала едва ли не главенствующее место в общей структуре самосознания[4]. Одним из проявлений данной тенденции явилось, в частности, широкое распространение в болгарских землях культов общеправославных святых в ущерб местным[5].

Основной опасностью являлась уже не исламизация болгарского населения османскими завоевателями, а эллинизация духовной культуры. Греческое влияние приобрело такие размеры, что грозило удушить национальную культуру болгар.

Закономерным следствием конфессионализации самосознания болгар, восприятия ими установок православной идеологии стало катастрофическое падение в обществе интереса к событиям собственной древней истории, рост популярности греческого языка и культуры. Этому способствовало и то обстоятельство, что при застое болгарского просвещения в условиях расширявшейся торговли знание греческого языка становилось необходимым. Образовавшаяся в результате становящегося заметным расслоения болгарского общества торговая прослойка, верхушка его, тянулась к «эллинской» культуре, в процессе усвоения которой часть болгар утрачивала народностное самосознание и растворялась в более развитой и многочисленной среде. О масштабах греческой культурной экспансии Паисий писал: «Некоторые не хотят знать свой болгарский род, а обращаются к чужой

культуре и чужому языку и не заботятся о своем болгарском языке, но учатся читать и говорить по-гречески и стесняются называть себя болгарами»[6].

Многовековое проживание в мусульманском теократическом государстве, всестороннее и повсеместное подавление собственной этнической формы самосознания начали оказывать в XVIII в. непосредственное влияние на судьбу болгарского этноса. А эллинизация наиболее зажиточных и образованных кругов болгарского общества обезглавливала болгарский народ и обрекала его на ассимиляцию. Это отвечало интересам высшей церковной власти, которая в 1767 г. уничтожила самостоятельность Охридской архиепископии, имевшей еще до этого времени влияние в некоторых болгарских епископиях.

Хранителями и пропагандистами родного языка, исторической памяти народа, его культурного наследия, этнического самосознания выступали пока немногие существовавшиеся монастыри, институт монашества, чей статус и права были в полной мере сохранены османами. Наряду с низшим духовенством монахи оставались в XV–XVIII вв. единственными представителями этнической культурной элиты. Они не отличались образованностью, но именно они переписывали церковные книги, совершали богослужение на церковнославянском языке. Большая часть монахов, получив образование в начальной церковной школе при монастырях, направлялась в монастырские подворья в качестве духовных наставников и для обучения грамоте болгар. Кроме того, монастыри выполняли роль связующей нити между настоящим и историческим прошлым болгарского народа.

Монастыри, расположенные на Афоне, особенно Зографский и Хилендарский, были в первой половине XVIII в. самыми важными центрами духовной жизни болгарского народа. Хилендарский монастырь был основан сербами, но к началу века число монахов-сербов в нем значительно сократилось. Управление монастырем перешло в руки монахов-болгар, которые составляли в то время большинство. Эти два монастыря, заселенные в основном болгарскими монахами, были в первой половине XVIII в. той цитаделью, где зародились процессы формирования национального самосознания болгарского народа. В них имелись наиболее благоприятные условия для этого: сохранялся понятный язык в церковной службе, болгарские культурные традиции, здесь были самые большие хранилища документов по болгарской культурной и политической истории доосманского периода. Все это создавало неповторимую атмосферу, далекую от жизни в обстанов-

ке повседневного насилия в болгарских землях. Ежегодно эти монастыри посещались тысячами паломников-болгар. Пришедшие из разных мест Болгарии представители разных слоев населения обменивались впечатлениями, новостями. В этом общении болгары проникались сознанием национального единства, своим отличием от других паломников, пришедших на Святую гору. Здесь, познакомившись с памятниками болгарской письменности и культуры, они чувствовали себя свободными и гордыми людьми[7]. К середине XVIII в. число паломников-болгар в эти монастыри увеличилось. Значительно выросли и суммы пожертвований и дарений[8]. Хилендарский и Зографский монастыри имели значительное число подворий в десятках болгарских городов и крупных сел и пользовались возможностью устанавливать связи с самыми широкими слоями болгарского населения всех областей Болгарии.

...Полуостров Айон-Орос выступает далеко в Эгейское море. С древнегреческого языка название полуострова переводится как «Святая гора». Бóльшую часть его занимает гора Афон. У самого перешейка, соединяющего полуостров с Македонией, расположены Зографский (на северо-западном склоне горы Афон) и Хилендарский (на северо-восточном склоне) монастыри.

Со времени возникновения христианства на полуострове поселялись монахи. А в 676 г. византийским императором Константином Погонáтом Афон особой грамотой был предоставлен православным монахам, которые селились на перешейке и самой горе. С тех пор Афон находился во владении православного монашеского объединения. С самого основания этой своеобразной монашеской, или монастырской, республики руководство ею принадлежало общему собранию старейших монахов (Синаксис), Проту (Первому) и Совету представителей от каждого монастыря, которые равны между собой по своим правам и обязанностям (Протат). Протат находился в Карье, столице этого своеобразного государства. Впервые Афон назван Святой горой в Уставе 1046 г.[9]

Молва об Афоне как о монашеском рае распространилась по всей Византийской империи, а позднее — по всему православному миру.

В XI–XII вв. здесь появляются первые славянские монастыри. В XII в. был основан русский монастырь св. Пантелеймона. В 40-х годах того же столетия на Афоне появились монахи-болгары. Они заселили монастырь св. Георгия (Зографский), построенный в 911 г. греками. Конец XII в. оз-

наменовался в истории Афона возникновением сербской обители св. Савы (Хилендар), в двух часах ходьбы от Зографского монастыря.

Статус Афона как одного из центров христианской религии определился еще в X–XII вв. и не изменился с установлением османского господства на Балканах. Афон оставался под покровительством турецких султанов, подтвердивших еще в середине XIV в. признание его древних привилегий. Он обладал относительной независимостью и являлся своего рода оазисом для христиан, где укрывались притесняемые, стремившиеся в тиши православных храмов и аскезе забыть о своем порабощении. Афон сохранял свою обособленность от остального мира, и лишь отдаленные отголоски исторических событий достигали этих мест. Здесь ни одна церковь не была обращена в мечеть. Во время турецкого владычества монашеская жизнь была сосредоточена главным образом в 19 монастырях, к которым в 1541/1542 г. добавился монастырь Ставроникта. Так сложилась действующая и поныне группа из 20 основных обителей, между которыми была поделена вся область Святой горы, и никто, кроме них, не мог отныне владеть землей на Афоне. Представитель турецкой власти — каймакам — не имел права вмешиваться во внутренние дела Афона и посещал монастыри не более раза в год для получения бакшиша.

Однако положение афонского монашества изменилось. Оно было лишено многих своих привилегий, платило немалую дань в казну османского государства и подчинялось ему в гражданском отношении. Какой бы национальности ни были монахи, придя в афонские монастыри, они считались подданными Османской империи. На всех насельников Афона был наложен весьма высокий подушный налог (харач), размер и порядок взимания которого определялся султанскими фирманами. Несмотря на отдельные налоговые послабления, предоставляемые султанами, ежегодный сбор этой суммы становился раз от раза тяжелее.

С монастырей также не раз взимались непосильные дополнительные подати и поборы, нередко проводились конфискации монастырских подворий и владений за пределами Святой горы. Это имело печальные последствия: многие обители приходили в упадок и могли бы исчезнуть без поддержки извне. Часть расходов покрывалась пожертвованиями и «милостынями», которые собирали монахи, посылаемые во все уголки православного мира (таксидиоты). Благодаря этим дарам монашество Святой горы смогло не только выжить, но и обогатилось почитаемыми реликвиями и святыми мо-

щами, священными сосудами, драгоценными облачениями. Перестройка и восстановление монастырей, в которых принимали активное участие паломники-христиане, способствовали расцвету искусства на Афоне.

В церковном отношении Афон подчинялся Константинопольскому патриархату, который, однако, имел право вмешиваться во внутреннюю административную жизнь монастырей и Управления только по просьбе последнего и то через посредника, избранного для этих целей, — антипросопа Святой горы. Во внутренних делах право управления полностью оставалось за Протатом (с 1585 по 1783 гг. была отменена должность прота, к которому были присоединены 4 соуправителя, избиравшиеся из числа монахов 20 монастырей, — Священная Эпистасия). Решение этого органа было окончательным, никакому обжалованию не подлежало и исполнялось беспрекословно[10].

Гнет османского ига здесь был наиболее слабым. В расположенных по соседству греческих, русских, болгарских, сербских и других православных монастырях била ключом интенсивная культурная жизнь, происходил регулярный обмен ее достижениями. В свою очередь, монастыри славянских провинций, находившихся под властью Османской империи, имели с Афоном постоянный контакт. Многие афонские монастыри, особенно Зографский и Хилендарский, поддерживали хозяйственные, церковные и культурные связи с другими областями империи и вне ее. Они имели имущество в Валахии, Молдавии, России, направляли группы монахов во все уголки православного мира для собирания пожертвований и «милостыни» для поддержания афонских монастырей. Монахи возвращались в свои монастыри, полные впечатлений и планов, рассказывали о политической и культурной жизни тех стран, в которых они побывали. Сюда приходили из Российской империи русские и украинские монахи. Здесь, на Афоне, концентрировались знания, впечатления, мысли о всех славянских землях.

Во времена османского господства «афонская монашеская республика» являлась для балканских провинций хранительницей древних культурных традиций, неугасающим очагом литературы и письменности, необоримой святыней православия.

Афон, особенно в период османского владычества, служил центром не только греческого православия, но и мира славянского. Афонские монахи всегда были носителями истинного православия, защитниками строгого соблюдения его догматов и канонов.

Но Афон в истории православия имеет и иное значение. Среди монахов было немало тех, кто отличался любовью к наукам и просвещению, усердно занимался чтением и изучением книг и нередко достигал обширнейших познаний. Многие из них выступали и на литературном поприще и оставили после себя ценные произведения из различных областей знания, в основном по богословию.

Главное значение Афона для православия и заключалось именно в том, что Святая гора никогда не оскудевала истинными подвижниками. Величайшей заслугой афонского монашества является то, что они собрали при монастырях богатейшие библиотеки греческих и славянских рукописей и сохранили для науки многие весьма важные и ценные образцы христианской и древнеклассической литературы. Перепиской рукописей монахи занимались преимущественно сами и достигли в этом искусстве большого мастерства.

Самое обширное собрание болгарских хрисовул, царских грамот, было в Хилендарском монастыре (свыше 835)[11]. Сюда в 1745 г. и пришел монах Паисий. Здесь он прожил, как свидетельствует болгарский ученый В. Велчев на основании собранных им в Хилендарском монастыре записей, 18 лет[12].

Придя на Афон, Паисий попал в особую, благоприятную атмосферу, где, работая в богатых книгохранилищах, общаясь с другими монахами, имел уникальную возможность расширить свой кругозор.

В XVIII в. обстановка на Афоне оживилась благодаря основанию духовных школ и усилению культурных контактов с Западом и славянскими странами. В годы жизни Паисия на Афоне там действовала молдавско-славянская аскетическая литературная школа архимандрита Паисия Величковского(1746–1763), где переводились на книжные языки славян труды византийских писателей. Важным культурным событием той поры было открытие в бывшем болгарском, но к тому времени ставшем греческим, Ватопедском монастыре Афонской академии — Афониада, во главе которой стоял один из образованнейших людей Евгений Вулгарис. Она стала «единственным для того времени рассадником образования на Балканах». Хотя эта Академия просуществовала всего несколько лет (1753–1759), она оказала влияние на духовный климат Афона[13].

Особая духовная атмосфера Афона не означала изоляцию монашества от остального мира. Оно было включено в общую экономическую жизнь Балканского полуострова, было затронуто процессами переходного к но-

вым формам в жизни Европы периода, нашедшего отражение и в общественном сознании.

Украинский монах Василий Барский, дважды в первой половине XVIII в. (в 1725 и 1744 г.) посетивший Афон, оставил ценные свидетельства о жизни в афонских монастырях, многочисленные конкретные и точные сведения об экономической жизни «монашеской республики», о тех изменениях, какие произошли даже за период между его первым и вторым посещениями святогорских монастырей.

Уподобляя Афон маленькому государству, Барский писал о его центре Карье, где три раза в год проходили ярмарки, а каждую субботу — базары. Здесь монахи продавали продукцию своего труда и было много посетителей, которые шли сюда «для поклонения и торговли». По словам Барского, это было «великолепное... место для узнавания новостей и осведомления о различных вопросах — духовных и светских»[14].

В самой «монашеской республике» происходили существенные изменения, вызвавшие нарушение канонических запретов христианского братства. Большой интерес к земле как источнику материальных благ привел к тому, что греческие монахи отняли имущество и земли у многих монастырей, в том числе у Зографского и Хилендарского. За два десятилетия, прошедших после первого посещения В. Барским Афона, количество монахов-славян резко сократилось. Греки вытеснили сербов и русских из монастырей св. Павла, св. Пантелеймона, Ксенофона, болгар — из Григориата[15]. Естественно, увеличилось греческое представительство в Протате.

Усиление греческого элемента Барский считал характерным явлением, достигшим больших масштабов, и отмечал начавшийся рост сопротивления славянского монашества растущему и расширявшемуся и здесь греческому влиянию.

В XVIII в. возрастает тенденция к разграничению отдельных народностей, к выявлению национальной специфики. В восточно-православной общности наряду со словами «православный» или «христианин» все чаще можно было услышать слова «грек», «серб», «болгарин», «валах» и т. д. На этой основе возрастал интерес к прошлому отграничивающихся народностей. В. Барский оставил ценные свидетельства о проявлении начавшейся самоидентификации, охватившей афонское монашество в первой половине XVIII века. Это выражалось в ревностном сохранении письменных свидетельств о народностной принадлежности и величии монастырей, бывших

ранее славянскими, в прошлом. «Игумены и ксерофилакты (хранители древностей) показывали с особой ревностью дарительные грамоты отдельных властителей, по которым давались земли и привилегии тем обителям[16].

Однако, по наблюдениям Барского, афонские монахи-славяне не потеряли веру в свое лучшее будущее и связывали надежды на освобождение своих отечеств с Россией, видя ее растущее политическое могущество, о чем делились с Барским во время его второго посещения[17].

Рост народностно-обособленческих тенденций отмечался не только среди монахов, но и среди паломников, указывавших, откуда они пришли. За первые три десятилетия XVIII в. в помениках Зографского и Хилендарского монастырей и в дарениях увеличивалось число указаний не только на принадлежность к конфессии — христианин, но и указания на принадлежность к определенной народности[18].

Поселившись в Хилендарском монастыре, Паисий стал свидетелем всего происходившего на Святой горе, а во время своих многочисленных путешествий, которые он совершал как таксидиот, имел возможность наблюдать жизнь вне монастырских стен. Болгарский ученый В. Велчев на основании собранных в Хилендаре записей утверждает, что с 1755 по 1773 гг. Паисий совершил 11 путешествий. Их он использовал и для сбора нужных ему исторических материалов[19]. Путешествуя по болгарским землям, Паисий своими глазами видел жизнь своих соотечественников, расслоение, начавшееся в болгарском обществе, отношение их к прошлому страны и языку.

Одно из своих путешествий, в 1761 г., Паисий совершил в «немецкую» землю (Австрию), где в Сремски-Карловцах провел больше трех месяцев. Непосредственной причиной посещения этого города послужила необходимость получить средства, которые были собраны хилендарским архимандритом Герасимом, скончавшимся там в конце января 1761 г. В 1758 г. Герасим вместе с сербским историком Й. Раичем, посетившим библиотеки афонских монастырей, отправился с Афона в Сремски-Карловци. Целью путешествия архимандрита Герасима был сбор средств, денежных и всяких дарений, для Хилендарского монастыря, который имел большую задолженность многочисленным кредиторам и, в первую очередь, государству. Для выполнения миссии по доставке в Хилендарский монастырь средств, собранных умершим архимандритом, был направлен Паисий. При себе он имел рекомендательное письмо, в котором характеризовался как «честнейший проигумен господин Паисий». Оно было датировано 14 марта 1761 г.

и подписано игуменом Данаилом и несколькими проигуменами. Путь до Сремски-Карловцев Паисий преодолел за девять недель и 19 мая вручил рекомендательное письмо сербскому православному архиепископу в Сремски-Карловцах Павлу Ненадовичу. Двумя днями позже он принял от него средства, собранные покойным архимандритом, о чем свидетельствует расписка, подписанная «Паисий проигумен Хилендарский». Это единственный подлинный автограф Паисия, дошедший до нас[20]. В Сремски-Карловцах он пробыл до 19 июля, когда им и Захарием Дмитриевичем был подписан соответствующий договор, текст которого был написан знаменитым сербским просветителем Захарией Орфелиным. Документ был заверен печатями архиепископа П. Ненадовича. Этот факт позволяет предположить, что в Сремски-Карловцах Паисий общался с П. Ненадовичем, соавтором «Стематографии», и по волнующим его вопросам историографии[21].

Общение с ним, а также с прекрасно образованным, духовно тяготевшим к России З. Орфелиным, зачинателем преобразований системы ценностей, идеалов в сербской культуре[22], не могло пройти бесследно для болгарского монаха. Судя по датам посещения Сремски-Карловцев и написания «Истории славяно-болгарской», Паисий уже работал над своим сочинением.

В литературе, посвященной Паисию, неоднократно затрагивался вопрос о возможности его общения с сербским историком Й. Раичем. Прямых доказательств этому нет. И хотя сербский историк С. Войинович приводит 5 августа 1758 г. как дату разговора, состоявшегося между Й. Раичем и Паисием, она не называет документов, подтверждающих ее слова[23]. Но если исходить из известных сведений о посещении Раичем библиотек Хилендарского и Зографского монастырей, о пребывании Паисия в Сремски-Карловцах, городе, где учительствовал сербский историк, то можно предположить, что они общались.

Это было время, когда славянские народы, одни раньше, другие позже, переживали переходный от позднего Средневековья к Новому времени период, нашедший отражение в литературах народов, особенно в историографии. Возрастающая тенденция к выявлению национальной специфики вызвала усиление интереса к прошлому обособляющихся народностей, к их истории. В этот период историография выступала как поучительная история народа. Она занимала промежуточное место между средневековой хронографией и исторической наукой Нового времени. Историография переходного периода приобрела значение обширного течения обществен-

ной мысли, которое получало различные формы в разных социально-исторических условиях.

В период образования наций славянская историография была проникнута национально-патриотической идеологией и обладала общетиповой идеологической программой, заключавшейся в том, чтобы наставлять нарождающиеся нации примерами громкой славы из их героического прошлого. В историографическом изложении традиционно-книжные сюжеты или документальные факты перемежались фольклорными преданиями, а литературная речь — средствами живой речи.

«История славяно-болгарская» по своей идеологии, способам ее выражения вписывается в поток славянской историографии этого времени. Однако в Болгарии Паисий стал не только первым представителем историографии, но и основоположником нового вида сочинений в болгарской литературе.

Как справедливо пишет российский ученый И. И. Калиганов, «фигура Паисия на фоне национального возрождения выглядит гигантской... Голос Паисия звучал гораздо громче, чем голоса других славянских историографов у себя на родине», поскольку в их распоряжении находился готовый исторический материал, который ими интерпретировался. Их сочинения были логическим продолжением местных летописей, летописцев, родословий и особенно хронографов. Паисий объединил различные инонациональные и отечественные исторические источники и, по сути дела, впервые создал целостную историю родного народа «от самого начала» и до его дней. Он творчески усвоил все то, что было создано до него в болгарской литературе. Его история — это «синтез болгарского литературного средневековья, созданный ради целей, которые не только самым непосредственным образом откликались на злобу дня, но и были устремлены далеко в будущее[24].

Все увиденное у себя на родине, на Афоне помогло Паисию перерасти общеправославные настроения, и он ощутил себя прежде всего болгарином, а потом христианином и не только по отношению к поработителям-османам, но и к общебалканскому православному семейству.

«Ревность и жалость» к своим соотечественникам, не имеющим, в отличие от греков и сербов, сочинений по собственной истории, а также «насмешки последних по этому поводу» и подвигли его, как писал Паисий, на писательский труд[25] и вдохновили на создание произведения, доселе неизвестного в Болгарии, направленного на пробуждение национального самосознания болгарского народа.

Через обильный материал, тщательно подобранный и соответствующим образом объясненный, Паисий стремился дать бесправному болгарину историческое знание, ибо «история учит», и призывал читателя знать «историю своего рода... для обогащения своего разума». Естественным результатом прочитанного, по его мнению, должна была стать гордость болгар за историческое прошлое своего народа, уяснение вопроса о том, что болгары занимали в прошлом достойное место в политической и культурной жизни славянских народов: сербов, русских и греков, — делая акцент на выделение болгар среди других православных народов. Простыми и искренними словами Паисий объяснял эту задачу: «Внимайте вы, читатели и слушатели рода болгарского, которые любите и принимаете близко к сердцу свой род и свое болгарское отечество и желаете понять и знать... дела ваших отцов, как знают все другие племена и народы свой род и язык, имеют свою историю, и каждый грамотный из них знает, рассказывает и гордится своим родом и языком. Так и я вам написал по порядку, что известно о вашем роде и языке. Читайте и знайте, чтобы не быть осмеянными и упрекаемыми другими племенами и народами[26].

Не менее эмоциональна и патриотична и основная часть произведения. Рассказ о событиях ранней истории болгар включает в себя откровенные панегирики во славу боевых подвигов предков. Особую гордость вызывают у автора победы болгар над Византией. Исключительно эмоциональны разделы, посвященные борьбе с османами последнего болгарского царя Ивана Шишмана и страданиям болгар под османским игом.

Ключевое место в воспитательно-патриотической концепции Паисия занимает рассказ о жизни и деятельности выдающихся болгарских церковных просветителей. Желание дополнительно прославить болгарский род побуждает его написать в рамках «Истории» два полностью оригинальных отрывка: о деятельности славянских первоучителей и их учеников. Согласно его версии, все они были болгарами. И после того, как Кирилл изобрел славянскую письменность, братья вместе с учениками начали переводить священные книги именно для болгар, поэтому эти книги первоначально назывались «болгарские». И лишь после моравской миссии они стали именоваться «словенские».

Для написания своего сочинения Паисий изучил много книг и исторических документов. Поражает размах поисковой фазы его работы. Сведения о родной истории он накапливал в продолжение двух лет. Он сам во втором предисловии к «Истории славяно-болгарской» писал: «Много трудов

употребил, чтобы собрать из различных книг и историй, пока собрал и объединил историю болгарского рода в эту книжицу для вашей пользы... И сейчас нет летописной книги, в которой было бы пространно написано о нашем народе и болгарских царях... Немного, редко и кратко упоминаются болгары в различных книгах. И поэтому я собрал все воедино»[27]. Не все источники в равной мере нашли свое отражение в сочинении Паисия. Иногда от них осталась лишь одна строчка или одно имя: царя, хана или национального святого.

Внимательное изучение «Истории» показывает, что ее автор действительно черпал сведения из обильного и разнообразного материала. Кроме двух основных трудов того времени: «Славянское царство», вышедшее в русском переводе под названием «Книга историография почате имене, славы и расширения народа словенского», далматинского историка начала XVII в. Мавро Орбини (СПб., 1722) и «Деяния церковная и гражданская» ватиканского хрониста XVI в. Цезаря Барония, изданные в переводе на русский язык в 1719 г., которые Паисий считал своими главными источниками, — приводимые им сведения указывают и на другие сочинения. Можно назвать русские издания: «Феатрон или Позор исторический» протестантского епископа Вильяма Стратемана (СПб., 1724); «Стематография» — пособие по славянской геральдике, созданное в 1741 г. выходцем из Македонии Христофором Жефаровичем и сыгравшее большую роль в становлении национального самосознания болгар; а также оригинальные сочинения русских и украинских писателей XVI-XVII вв.: Симеона Полоцкого, Стефана Яворского, известный свод житий церковного писателя Дмитрия Ростовского, «Синопсис» — впервые опубликованный в 1647 г. учебник русской и славянской истории Иннокентия Гизела.

Исследователи считают, что русскими источниками «Истории славяно-болгарской» являются летопись «Повесть временных лет», «Прологи» московского издания, Кормчая книга. Паисий в своем сочинении говорил еще о латинской и греческой историях, о Теофане Летописце, о «Немецкой истории», о грамотах болгарских царей, греческих источниках о жизни Кирилла и Мефодия, о сочинениях патриарха Ефтимия, «Стематографии» Павла Ритера-Витезовича (1701), помениках, житиях Иллариона Мынгленского, Прохора Пчинского, Иоакима Сарандапорского, Николы Охридского, Петки (Параскевы) Тырновской, Ангела Битольского, Пимена Софийского, Теодосия Тырновского и пр. Он знал и Черноризца Храбра,

и так называемые Паннонские легенды, жизнеописания Кирилла и Мефодия, рассказ о крещении Бориса-Михаила по хронике Иоанна Зонара, рассказы о Зографском монастыре и его мучениках, так называемое «Сказание о Святой горе» и т. д.[28]

Через Паисия исследователи восстанавливают до известной степени картину старой болгарской литературы. Значительная часть сочинений, указанных в его «Истории», неизвестна, например, «Немецкая история», «Повесть о царе Иване Асене I», Общее житие Николы Охридского и др.

Паисий знал и технику использования чужих научных сочинений, он не был чужд библиографической точности: иногда он указывал точное название используемого труда, страницу, откуда была заимствована та или иная мысль.

Все это свидетельствует о том, что Паисий был не только знаком с современными историографическими сочинениями. Он уловил и отразил общие теоретические установки и стал выразителем их принципов в своем произведении.

Это раскрывает совсем другой образ Паисия — не некий посредственный монах, необразованный и не политик, как он сам писал о себе в «Послесловии» к своей «Истории». Перед нами встает не только хорошо информированный историограф болгарского народа и философ. Ведь приводя факты болгарской истории, он совершал экскурсы в историю других народов и сопоставлял их с прошлым болгар. В тексты используемых источников он вставляет свои замечания, рассуждения, соображения. Эти факты, по справедливому мнению болгарского ученого Б. Ангелова, дают основание отбросить старую легенду о неграмотности и низкой культуре Паисия[29].

Проницательность, острый ум, способность к точному анализу видны и в рассуждениях Паисия о положении болгар. Причину гибели болгарского и других балканских государств он усматривал в их междоусобной борьбе. Касаясь современности, говоря о тяжелой судьбе болгар под османским игом, Паисий прямо указывал главную причину плачевного состояния болгарской культуры: «Болгария находится среди турок, близко к Царьграду, и поэтому болгары столь угнетаемы и унижаемы турками. Поэтому не могут воспринять они ни искусство, ни книжную ученость[30].

Вторую причину он видел в засилье греческого духовенства: «Некоторые русские и сербы издеваются над болгарами, называя их простаками и невеждами... Но пусть эти русские и сербы благодарят Бога, что охранил их от агарянского рабства и от власти греческих архиереев...»[31].

В своем сочинении Паисий давал верную характеристику современного ему болгарского общества. Большинство его составляли простые крестьяне: земледельцы, пастухи и неграмотные ремесленники. Торговцев мало. В «Истории» отражена и начавшаяся дифференциация общества, стремление его верхушки к греческой культуре. Тех же, кто стыдится называть себя болгарином и поносит свой родной болгарский язык, которые «обращаются к чужой культуре и чужому языку, ... учатся читать и думать по-гречески», он называет «отцеругателями»[32].

Публицистическая страстность афонского монаха наиболее ярко выразилась в отстаивании равноправия болгарского языка. Он корит своих соотечественников, стыдящихся говорить на родном языке: «О, неразумный, юродивый! Почто стыдишься назваться болгарином и не читаешь на своем языке и не говоришь? Или не имели мы, болгары, своего царства и государства?». Напоминанием фактов героической истории Болгарии, былого величия Болгарского государства Паисий стремился пробудить национальное самосознание болгарского народа, его национальное достоинство. Необходимо отметить, что он апеллирует уже к «болгарскому роду», «болгарскому народу», подчеркивая общие черты, присущие болгарам. С позиций патриота он начертал программу действий. Первое — борьба за свой родной язык: «Ты, болгарин, не заблуждайся, знай свой род и учи свой язык!»[33]. Он отлично понимал необходимость всеобщего образования, усматривал в нем одну из главных предпосылок духовного возрождения болгарского народа. В «Истории славяно-болгарской» он, высоко оценивая учреждение в России и Украине училищ, в которых преподается самая различная «письменная мудрость», сожалел об отсутствии типографий в Болгарии, придавая большое значение печатной книге, понимал роль переводной литературы для приобщения к мировой культуре. Он не ограничивал культуру, подобно средневековым книжникам, рамками одной лишь православной общности. Для него она более широкое понятие, включающее в себя культурные достижения «латинов» и других народов. Таким образом, Паисий выступил первым просветителем в истории болгарского национального Возрождения, которая им же и начинается.

В своем сочинении он четко определил задачи просветительского движения: открытие училищ с преподаванием широкого круга предметов в отличие от «келийных» при болгарских монастырях, в которых по Псалтыри духовенство учило только грамоте, организация книгопечатания и интен-

сивное распространение книжной продукции среди населения, приобщение к культурному опыту других народов через переводную литературу, использование живого разговорного языка, понятного всему болгарскому народу. В условиях османского господства большинство этих задач были неосуществимы. Не случайно после Паисия в продолжении нескольких десятилетий в истории болгарской литературы нет личности, равной ему по масштабам мышления. Паисий намного опередил свою эпоху.

Второе — необходимость церковной самостоятельности. В своем труде Паисий показал роль болгарской церкви в укреплении болгарской державы: там и тогда было сильное болгарское государство, когда существовал союз между болгарскими царями и болгарской церковью[34]. Правда, нигде в своем сочинении он не говорил о необходимости борьбы против османского ига. Но самое сопоставление былой государственной мощи болгар в прошлом с их тяжелым и унизительным положением в настоящем приводило к выводу, что они могут и должны освободиться от иноземного рабства.

«История славяно-болгарская» — компиляция из сочинений многих авторов, о чем писал сам Паисий. Но подбор фактов, духовный заряд произведения делают его самостоятельным, оригинальным творческим трудом. Четкая идейная направленность на пробуждение болгарского национального самосознания и активное противостояние эллинизации духовной культуры — главная ценность «Истории». По своему характеру и направленности сочинение Паисия означало поворот в мышлении болгарина, положило начало новой культурной ориентации. Паисий явился провозвестником национального пробуждения болгар. Его труд отвечал потребностям становления национального самосознания и стал знаменем рождавшейся нации. Его по праву можно считать программой болгарского национального Возрождения, которая, правда, выразилась несколько необычным образом. Она не являлась манифестом, воззванием или прокламацией по своей форме. Отдельные ее положения не скомпонованы в одном месте, а рассеяны по всему тексту, проникнутые таким публицистическим началом и пафосом, что принимают вид завершенной программы.

Чувства афонского монаха, пронизывающие «Историю славяно-болгарскую», были одновременно глубоко общественными и отражали умонастроения наиболее прогрессивной части болгарского общества середины XVIII в. В науке давно ведутся споры, выразителем чьих интересов

был Паисий: нарождавшейся буржуазии, мелких производителей или крестьянства? Мы согласны с мнением И. И. Калиганова, что специфика «Истории славяно-болгарской» как идеологического памятника состоит именно в ее нерасчлененности по классовому признаку. Неразвитость идеологической жизни в болгарской литературе XVII — первой половины XVIII в. имела результатом тот феномен, каким является «История славяно-болгарская». В ней отразилась программа (национальный язык, национальное просвещение, национальная церковь, национальное государство), которая отражала чаяния всех социальных слоев болгарского общества: крестьян, мелких и крупных ремесленников, землевладельцев, торговцев и духовенства[35].

Свой труд Паисий начал писать в Хилендарском монастыре. Но распри, возникшие между монахами обители св. Саввы из-за накопившейся большой задолженности монастыря государству, вынудили его перейти в Зографский монастырь, где обстановка была более спокойной. Здесь он завершил свою «Историю». Черновик ее хранится в Зографском монастыре[36].

Паисий видел свою миссию не только в написании произведения, способного пробудить дух нации, но считал долгом сделать все возможное для его распространения в народе. Он горячо призывает читателей «Истории» распространять свое сочинение: «Переписывайте эту историю и не жалейте денег — пусть ее перепишут вам, кто умеет писать, и храните ее, чтоб не потерялась»[37]. Он самолично вынес список «Истории славяно-болгарской» с Афона в болгарские земли, где первый список ее был сделан в 1765 г. в селе Котел Стойко Владиславовым, будущим болгарским епископом Софронием Врачанским. Вскоре им же был сделан и второй список. Еще один список был сделан в 1771 г. священником Поповичем в Самокове. В 1772 г. «История славяно-болгарская» была переписана Никифором Рильским. Именно в этой переписи автор сочинения указан как Паисий Хилендарский. Далее процесс начал приобретать лавинообразный характер. Сохранилось до наших дней более 60 списков. Известны три списка, написанные латиницей[38].

Необходимо отметить, что хотя до середины XIX в. сочинение Паисия распространялось исключительно в рукописях и имело довольно ограниченный круг читателей, влияние на формирование общественного сознания оно оказало уже тогда. Прежде всего оно прослеживается на уровне обыденного сознания и связано с ростом национального самосознания.

Есть нечто особенное в личности и исторической роли Паисия Хилендарского как родоначальника болгарского Возрождения. Не случайно исследование о нем помещено американским ученым Джеймсом Ф. Кларком в сборник, озаглавленный «Учителя истории»[39].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Паисий Хилендарски.* Славянобългарска история / Под ред. на П. Динеков. София, 1972. С. 39, 201–202.

2 *Ангелов Б.* Паисий Хилендарски. София, 1981. С. 7; Христов Хр. Паисий Хилендарски. Неговото време, жизнен път и дело. София, 1972. С. 373.

3 *Макарова И. Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв. М., 2005. С. 93–94.

4 Иванова Э. А. Этническое самосознание болгар на этапе перехода от народности к нации // Советская этнография. 1987. № 2. С. 48.

5 *Радкова Р.* Националното самосъзнание на българите през XVIII и началото на XIX в. // Българската нация през Възраждането. София, 1980. С. 193–195.

6 *Паисий Хилендарски.* Славянобългарската история. С. 42.

7 *Радкова Р.* Указ. соч. С. 196.

8 *Паскалева В.* За началния етап в образуването на българска нация. // Исторически преглед. София, 1962. Кн. 6. С. 36.

9 Православная энциклопедия / Под ред. А. П. Лопухина. Т. II. СПб., 1903. С. 235; *Селиванов Н. Ф.* Монашеская республика. Письма с Афона. СПб., 1900. С. 30.

10 Православная энциклопедия / Под ред. А. П. Лопухина. С. 235. Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2004. С. 117–119.

11 Православная энциклопедия. Т. IV. С. 140.

12 *Велчев В.* Паисий Хилендарски. Епоха, личност, дело. София, 1981. С. 200–202.

13 Там же. С. 80–81; *Динеков П.* Из историята на българска литература. София, 1969. С. 137.

14 *Барский В.* Странствования Василия Григорьевича Барского по священным местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб., 1885. С. 607–608.

15 Там же. С. 227, 623, 659, 690.

16 Там же. С. 602.

17 Там же. С. XXX, 605.

18 *Радкова Р.* Указ. соч. С. 196.

19 *Велчев В.* Указ. соч. С. 76, 202; Паисий Хилендарски. Указ. соч. С. 201.

20 *Христов Хр.* Паисий Хилендарски. Указ. соч. С. 350; *Арнаудов М.* Паисий Хилендарски. София, 1972. С. 74.

21 *Конев И.* Българското Възраждане, Просвещението: история, историческо съзнание, взаимодействие. София, 1983. С. 148, 223, 224.

22 *Лещиловская И. И.* Сербская культура в XVIII веке. М., 1994. С. 83–110.

23 Јован Рајић — живот и дело. Београд, 1997. С. 10.

24 *Калиганов И. И.* Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы // Литература эпохи формирования наций. М., 1982. С. 188, 190, 191.

25 *Паисий Хилендарски.* Указ. соч. С. 202–203.

26 Там же. С. 41– 43, 63.

27 Там же. С. 46– 47.

28 *Ангелов Б.* Указ. соч. С. 10–11; *Велчев В.* Паисий Хилендарски. С. 79.

29 *Ангелов Б.* Указ. соч. С. 13; *Робинсон А. Н.* Историография славянского Возрждения и Паисий Хилендарский. М., 1963. С. 32.

30 *Паисий Хилендарски.* Указ. соч. С. 42– 44.

31 Там же. С. 44– 45.

32 Там же.

33 Там же. С. 172–173.

34 *Паисий Хилендарски.* Указ. соч. С. 172–175 и др.

35 *Калиганов И. И.* Указ. соч. С. 189. История вопроса почти полностью приводится: *Конобеев В. Д.* Българското националноосвободително движение: Идеология, програма, развитие. София, 1972. С. 59–77.

36 *Паисий Хилендарски.* Указ. соч. С. 202; *Арнаудов М.* Паисий Хилендарски. С. 75.

37 *Паисий Хилендарски.* Указ. соч. С. 42.

38 *Ангелов Б.* Указ. соч. С. 215.

39 *Clark J. F.* Father Paisi and Bulgarian History // Teachers of history. Ithaka (New Jork), 1954. P. 258–283.

О. В. Медведева

Софроний Врачанский

Удивительным образом перекликаются иногда человеческие судьбы.

Первым переписчиком «Истории славяно-болгарской» Паисия Хилендарского был сельский священник и учитель Стойко Владиславов, живший в крупном болгарском селе Котел. Ничто в тот период его жизни не предвещало, что именно он под именем Софрония Врачанского, первого болгар-

ского епископа, войдет в историю своего народа как один из крупнейших после Паисия деятелей болгарского Возрождения.

Эти выдающиеся писатели принадлежали к смежным поколениям и создали произведения в разных жанрах, но были связаны идейно. Оба были первыми болгарскими просветителями и зачинателями болгарского национального Возрождения. Паисий был первым болгарским историографом, создавшим целостную историю родного народа с целью пробудить национальное самосознание болгар на примере громкой славы их далеких предков. Софроний развил и конкретизировал в своих сочинениях программу просвещения своих соотечественников, намеченную Паисием. Он прославился не только своей литературно-просветительной, но и политической деятельностью. Именно с его именем связано первое выступление болгар со своими проблемами на русской дипломатической арене.

В отличие от Паисия Хилендарского, житейская судьба которого едва упоминается в его сочинении и нескольких случайных чужих записях, биография и деятельность Софрония Врачанского известна намного подробнее, в первую очередь благодаря его автобиографическому произведению — «Житие и страдание грешнаго Софрония» — и документальным свидетельствам. Однако, несмотря на это, в его биографии остается немало неизвестных моментов, которые заставляют исследователей его жизни и творчества вновь и вновь задаваться интересующими их вопросами, и окончательного ответа на которые пока нет.

Историческое, национальное и культурное значение просветительской, политической деятельности и литературного творчества Софрония не может быть правильно понято и по достоинству оценено без ясного представления тех условий, в которых протекала жизнь этого выдающегося человека, как и всего болгарского народа того времени.

С юношеских лет Софроний испытал всю жестокость османского гнета и не единожды подвергался преследованиям со стороны турецких властей, даже когда стал епископом Врачанским. Немало он претерпел как болгарский священник и от греческого духовенства. «Житие» Софрония — это не только описание событий его биографии, но и панорама жизни болгарского народа, его бедствий в пору политического и духовного порабощения.

Жизнь Стойко Владиславова — Софрония Врачанского — проходила в обстановке бурных и трагических событий второй половины XVIII — начала XIX вв. Центральная власть становилась все более бессильной

против наступающего хаоса в провинциальном управлении. Она была не в состоянии ограничить произвол местных властей. В это время, особенно в годы правления Селима III, острый экономический и политический кризис государства усугубился русско-турецкими войнами 1768–1774 и 1787–1791 гг., потребовавшими крайнего военного и финансового напряжения и обременившими все население Османской империи, в том числе и болгарское, новыми налогами. На рубеже XVIII–XIX вв. политический кризис достиг неслыханных масштабов. Из подчинения центральной власти вышли целые области. Особенно тяжелая ситуация сложилась в северо-восточной части Румелии, т. е. именно в тех болгарских землях, которые примыкали к правому берегу реки Дунай. Они были расположены вблизи театра военных действий, постоянно страдали от постоев и грабежей со стороны турецких войск. К трудностям беспокойных военных лет прибавились в 1792–1806 гг. опустошительные нападения на беззащитные болгарские села и города со смешанным болгарским, греческим и турецким населением кирджалийских банд, нахлынувших из Фракии. Кирджалиями называли восставших против центральной власти и ее представителей на местах турок, к которым присоединялись болгары, албанцы, татары, боснийцы, объединявшиеся в банды, грабившие и убивавшие местное население, нападавшие на села и городки и зачастую их сжигавшие. Бесчинства кирджалиев в этот период стали настоящим бедствием для болгар.

Новые несчастья болгарским землям принесло вооруженное выступление против центра крупного феодала Пазванд-оглу, объявившего себя в 1794 г. независимым от турецкого султана правителем крупного придунайского города-крепости Видин и его области. Хорошо организованные войска Пазванд-оглу, состоявшие из подразделений янычар, отрядов кирджалиев и разного рода вольных людей, трижды успешно отражали крупные военные силы турецкого правительства, посылавшиеся из Стамбула и местных гарнизонов для усмирения мятежного феодала (с 1794 по 1799 г.). Местное население, особенно болгарское, терпело жестокие притеснения как со стороны повстанцев, так и правительственных войск. В довершение всех зол в этом крае в 1796 г. вспыхнула эпидемия чумы, унесшая жизни значительной части населения.

Узаконенной христианской церковью в Османской империи стала греческая, имевшая многовековую и высокоавторитетную византийскую традицию. Всецело зависимая от турецкого правительства, она, однако, сохранила

прежнюю иерархию и самоуправление, возглавлявшееся константинопольским патриархом и его синодом. Православные болгары, единоверные с греками, после уничтожения в 1393 г. Тырновской патриархии, лишились собственной церкви и подлежали греческой духовной юрисдикции. Греческое духовенство занимало все высшие и наиболее выгодные церковные должности, и в сравнении с ним положение священников-болгар было далеко не равноправным. Иерархи стремились к извлечению больших доходов из болгарских епархий, относились к болгарам с презрением, вводили для них богослужение на греческом, а не на церковнославянском языке. Обычно священники-болгары принадлежали к низшему духовенству.

Османское государство не допускало христиан к управлению, а Константинопольское патриаршество стремилось поставить во главе епархий в болгарских землях греков. Назначение Софрония епископом было редчайшим исключением. Православные болгары испытывали двойной гнет: со стороны поработителей-мусульман и греческого духовенства, которое отрицало право болгар на свою церковь, язык, этноним, стремясь установить свою доминацию в духовной жизни народа. В 1800 г. вселенский патриарх Неофит VII издал распоряжение греческим митрополитам и епископам Болгарии о введении греческого языка по возможности во всех школах Болгарии, а самих болгар именовать «болгарогласными эллинами», т. е. греками, говорящими по-болгарски[1].

Главнейшей задачей зарождающегося болгарского национального Возрождения стало не только сохранение родного языка, но и создание на родном языке новых культурных ценностей.

Все эти условия — политические, национальные и духовные — сильнейшим образом воздействовали на жизнь, деятельность и личность Софрония, определяя, с одной стороны, его всегда угнетенное положение, чреватое многими невзгодами, а нередко смертельной опасностью, и вселявшей в него чувство страха, а с другой — пробуждая в нем национальное самосознание, стремление к культурно-просветительной и литературной деятельности на «нашем болгарском языке», как он сам неоднократно подчеркивал в своих произведениях.

Основные события, эпизоды и этапы пройденного Софронием тернистого жизненного пути известны из его короткой автобиографии — «Жизнеописания». Но написанного им самим оказывается недостаточным для более полного представления о его жизни, деятельности, моральном и интеллектуальном облике.

Будучи достаточно многословен в передаче, казалось бы, не столь значительных эпизодов, Софроний в своем жизнеописании вместе с тем обходит молчанием многое существенное в своей биографии. Однако этот пробел во многом может быть восполнен по другим источникам.

Стойко Владиславов родился в 1739 г. (по другой версии — в 1736 г.[2]) в большом богатом селе Котел, которое с давних пор пользовалось некоторыми султанскими привилегиями. Жители его были в основном болгары. Здесь в середине ХУШ в. было 5-6 болгарских священников и один благочинный — грек. Основным занятием котленцев было овцеводство, абаджийство (производство сукна) и торговля скотом и абой (сукном). Жители села придавали большое значение обучению грамоте. В селе существовала еще с 1700 г. келийная (от болгарского «килия» — «келья») школа с начатками преподавания церковнославянского языка (а затем и греческого).

А в 1740 г. в центре села было открыто новое болгарское училище, существовавшее на общинные средства. На протяжении всего XVIII в. и позже в Котеле наряду с общинными общими школами (с большим числом учителей и повышенным уровнем преподавания), были и частные, в которых обучение велось обычно каким-нибудь грамотным ремесленником. Такие были почти в каждом квартале — «махале» — села. Наибольшей известностью среди школ Котела пользовалось Общее училище при церкви апостолов Петра и Павла.

Котленцы были искусны в «книжном делании» — переписке старинных рукописных книг и переплетном мастерстве.

Следует отметить, что Котел дал Болгарии не только Стойко — Софрония, но и целую плеяду видных просветителей и политических деятелей: Георгия Раковского, Неофита Бозвели, Петра Берона, Гавриила Крыстевича, Стефана Богориди (внука Софрония), Георгия Мамарчева и др.

У Котела с конца XVII в. установились связи с Афоном. Зографский, Хилендарский и греко-грузинский Иверский монастыри стали присылать сюда своих духовников, а котленцы-мужчины начали посещать Святую гору в качестве богомольцев[3].

Стойко родился в семье зажиточного торговца скотом — прасола. В возрасте трех лет он потерял мать, а мачеха, по словам Софрония, была «люта и завистлива»[4]. Болезненный от рождения, он стал посещать школу в возрасте девяти лет. В учении он проявил «большое прилежание и остроту ума». В 1750 г. умер от чумы его отец, когда находился по торговым делам

в Стамбуле. Мальчика взял на воспитание его дядя, младший брат отца. Но через шесть лет умерли дядя и тетка Стойко, и юноша остался один.

С первых же дней самостоятельной жизни на Стойко посыпались тяжелые удары: кредиторы дяди, долги, запрещение посещать церковь, пока не расплатится с долгами. Юношу даже держали за долги закованным в цепи в течение трех дней, пока его не выкупили родственники.

Желая поскорее избавиться от забот о сироте, родичи женили его, когда ему было восемнадцать лет. Свой брак Софроний считал неудачным. В автобиографии он указал причину этого — жена была «слишком горделива». Перед женитьбой Стойко купил дом, истратив на его покупку все свои сбережения (в напрасной надежде на доходы от своего ткацкого ремесла). Впавший в нужду Стойко решил отправиться на заработки в села «Долнего поля» (фракийская равнина на восток от рек Тунджи и Марицы, где паслись многотысячные стада овец). Но проведавшие об этом старейшины и богатые болгары — чорбаджии, ценившие грамотность Стойко, хорошее знание им церковнославянского языка, уговорили его остаться в Котеле и стать священником. В 1762 г., в год создания Паисием Хилендарским «Истории славяно-болгарской», Стойко был рукоположен в священники. Сельские священники, зачастую не имевшие даже элементарного образования, возненавидели своего молодого собрата за его грамотность, постоянно клеветали на него шуменскому архиерею — греку Гедеону. Последний нередко временно лишал Стойко права совершать богослужения и отправлять церковные требы, что наносило ощутимый удар по его карману[5].

Об этом мы узнаем из «Жизнеописания». Однако Софроний ничего не пишет ни о своей жене, ни о своей семейной жизни. Однако известно, что его жена, Ганка Хаджиатанасова, была женщиной редкой красоты. Позднее, уже родив Стойко детей, она была выкрадена турками и увезена в султанский дворец. В браке у Стойко родились сын Иван (Цонко?) и дочери Ганка и Мария. Некоторые ученые предполагают, что у него еще был сын Владислав, который рано умер[6].

В Котеле Стойко прожил до начала 1790-х годов. Помимо церковных обязанностей, священник Стойко занимался преподаванием, а также переписыванием, оформлением и составлением церковных, богослужебных и учительных рукописных или старопечатных книг. В своем «Жизнеописании» он совершенно не упоминает об этой деятельности. Однако о том, что он был искусным переплетчиком и хорошим каллиграфом, свидетельствуют

сохранившиеся образчики его мастерства котельского периода жизни: три списка церковного часослова (первый — 1768 г.), перепись сборника церковных поучений «Дамаскин» (1765 г.) на простонародном болгарском языке, Жеравненский сборник (1781 г.). Он переплел печатную «Цветную триодь» — «Пентикостарий» (1767 г.), рукописную «Постную триодь» (1769 г.), старопечатный «Часослов» (1770 г.). Все они имеют записи, содержащие упоминание имени Стойко.

Именно список, сделанный в 1765 г. с «Истории славяно-болгарской», являющийся первым, наиболее ранним из всех известных списков, сделанных в Болгарии, и называемый «Первый Софрониев», дает основание предполагать факт личного знакомства между этими деятелями болгарского возрождения при посещении Котела Паисием Хилендарским. Рукопись эта вместе с заклинательно-охранительной записью Стойко, ее исполнителя, была оставлена на сохранение в местной церкви апостолов Петра и Павла[7].

В 1768 г., во время начавшейся русско-турецкой войны, Котелу пришлось испытать немало притеснений от проходивших через него турецких войск. «Лютые агаряне», как называл турок в своем «Житии» Софроний, «какого зла только не сделали христианам ... сколько людей перебили». Много пришлось претерпеть и Стойко, умевшему в отличие от многих писать четким каллиграфическим почерком по-турецки (арабскими буквами) и которого турки заставляли писать «постойные листы» — документ на право постоя солдат в домах котленцев. Свое недовольство за отведенное им жилье они вымещали на писце. Стойко много раз били, проломили ему голову, неоднократно пытались убить. Свое моральное состояние, отношение к происходящему Софроний описал так: «Мы — райя, мы всегда боязливы, как зайцы».

После заключения мира, по-видимому, в 1775 г. Стойко отправился на Святую гору и провел там, по его словам, полгода. Нет сведений о том, что он делал на Афоне. Есть основания предполагать, что это посещение афонских монастырей было не первым. Судя по записям в старом «Помянике» Зографского монастыря, Стойко, став священником, впервые посещал эти места в 1770 г.[8] Известно, что, вернувшись в Котел, Стойко вновь стал учить детей. Шуменский архиерей назначил его сборщиком церковных штрафов с христиан. Отказаться Стойко не мог, но эта обязанность очень тяготила его.

В 1781 г. Стойко вновь переписывает Паисиеву «Славяно-болгарскую историю», но внес изменения. Текстовые правки коснулись послесловия, где говорится о брате Паисия Лаврентии. Мелкие, несущественные допол-

нения были сделаны в главе о болгарских святых. Стойко считал, что о них написано Паисием неполно. Более значительными были языковые изменения. Он заменил большое число старых языковых форм и выражений новыми, свойственными языку конца XVIII в. По всей видимости, эту работу Стойко проделал сознательно, чтобы сделать новый вариант более доступным для понимания читателей-современников[9].

В 1784 г. в результате возникшей распри между агами небольшого городка Осман-пазара, в 38 км к северу от Котела, по вопросу, кому быть его аяном, и вмешательства паши Силистрии котленцы, наряду с жителями окрестных сел, были обложены им обычными в те времена денежными поборами в 5 000 грошей. До уплаты причитавшихся с Котела денег пашою были взяты в заложники и содержались в темнице трое котленцев, и в их числе священник Стойко. В случае неуплаты денег вовремя им грозила смерть. От пережитых душевных и физических страданий у Стойко выпали волосы и возникло нервное расстройство. Он воспринял это как кару за взимание «пени с неповинных людей».

За обращение к знахарям во время болезни Стойко был отстранен от священнического служения своим духовником на три года — срок, вдвое меньший, чем полагалось по церковным правилам. Но «запрещение» было продлено шуменским архиереем, который был ростовщиком сына Стойко Ивана, за то, что тот не уплатил долг и проценты. Эти обстоятельства нанесли Стойко большой ущерб, лишив его в течение шести лет доходов с церковных треб и поставив в полную зависимость от других сельских священников, кормивших его «как некоего слепца» и попрекавших его этим.

Беды и несчастья преследовали Стойко и в дальнейшем. В условиях хаоса, царящего в империи, и абсолютно бесправного положения райи, за проступки турок зачастую приходилось отвечать христианам. Так случилось и со Стойко. Сыну его, Ивану, было поручено собрать овец для везирского войска. Сам Иван ушел в везирский стан с большим стадом, оставив 700 баранов для начальника стражи в Адрианополе. Во время отсутствия Ивана в село пришел турецкий ага, продал этих баранов во дворе дома Стойко, а по пути местный феодал присвоил их. И бараны не поступили к адрианопольскому главному начальнику стражников, которому они предназначались. Стражники устроили дознание в Котеле, и болгарские старейшины указали «без вины» на Стойко как владельца двора, где продали этих баранов. Стойко был отправлен к их начальнику. Его жестоко избивали, закова-

ли в цепи вместе с другими узниками. На глазах заключенных стражники сажали на кол албанцев-дезертиров из турецких войск, угрожая той же казнью остальным.

Стойко был освобожден после уплаты начальнику стражников Сербезоглу Мехмету 1 500 грошей, половина из которых по приказу везира позднее была ему возвращена. Он вернулся в родное село и прожил там зиму 1791–1792 г. Стойко по-прежнему находился под «запрещением» отправлять службы, что лишало его средств к жизни. Но тяжелее всего Стойко переживал неблагодарность старейшин, которые отдали его, безвинного, начальнику стражников, который мог убить его, а ведь «столько услужил им во всех сельских делах... двадцать лет обучал детей их книжному учению, нес им слово Господне». Удручали его и постоянные попреки сельских попов, «что-де кормили меня».

Не в силах больше все это переносить, Стойко ушел в соседнюю Анхиальскую епархию. Это стало началом не прекращавшихся до переселения в Валахию скитаний Софрония. На новом месте он был «с радостью» принят епископом — греком Иоакимом Кизику — получил от него приход из двенадцати сел с зажиточным болгарским населением и поселился в его центре — Карнобате, где благополучно прожил год, до марта 1793 г. Но вновь судьба оказалась немилостива к нему. Начальником стражи в этом городке стал Сербезоглу, затаивший на Стойко злобу. Он бросил священника в темницу, причем сковал с тремя другими узниками общей короткой цепью, позволявшей лежать только двоим, в то время как двое других вынуждены были сидеть. Тюремщики грозились посадить Стойко на кол — «чтобы помнил, как брать назад пеню с начальника стражников!»

Поп Стойко был освобожден и избавлен от «лютой смерти» усилиями прихожан, а Сербезоглу были уплачены 750 грошей за проявленную к священнику «милость».

Новая беда, «страшнее и горше первой», вскоре приключилась со Стойко. Его чуть не повесил местный «султан» Ахмет Герай за то, что Стойко обвенчал в Карнобате христианскую девушку, облюбованную этим феодалом для своего гарема. Стойко ушел в Карабунар, а через год, в марте 1794 г., отправился к своим детям в село Арбанаси в окрестностях Тырнова.

Сам Софроний в «Житии», говоря о детях, называет только сына Ивана и его семью. Жену Ивана звали Анна (Ганна Атанасова). У них было двое сыновей, родившихся еще в Котеле: Стойко, названный так в честь деда,

и Атанас. Известно, что дочь Софрония Мария вышла замуж за котлянина Цонко Петрова и у них был сын Петр*.

Как писал Софроний, он прожил в Арбанаси до июля, причем два месяца прожил в монастыре, не называя его. Болгарским историком В. Киселковым высказано предположение, что эти два месяца Стойко прожил в Капиновском монастыре, в 15 км от Тырново, приняв монашество и даже став игуменом[10]. Это пребывание в монастыре было неслучайным — посещение Арбанаси придало совершенно неожиданный оборот его жизни. Тырновский митрополит, грек Матфей, находившийся в это время в своей летней резиденции, расположенной в этом селе, решил предложить оставшуюся после смерти епископа Серафима вакантную и совершенно обнищавшую Врачанскую епархию Стойко, рассчитывая на большой денежный выкуп.

Врачанская епархия включала в себя три духовных округа: Врачанский (Врацкий), Плевенский и Видинский. Эта небольшая и недоходная епархия в конце XVIII в. очень страдала от грабежей, вымогательств и бесчинств как отрядов мятежного Пазвандоглу, так и правительственных войск, присланных для его усмирения. Крайне неблагоприятное положение болгарского населения Врачанской епархии, по всему весьма непривлекательной с материальной стороны для греческого духовенства, позволяло тырновскому митрополиту Матфею предложить ее скромному и отличавшемуся некоторой ученостью болгарскому священнику Стойко.

Поначалу Стойко отказался, ссылаясь на возраст (ему было 54 года). Но по настоянию родных он все-таки принял предложение митрополита и согласился на выплату большого выкупа в размере 55 кошелей (27 500 грошей). Эта сумма была весьма велика и далеко не соответствовала денежным возможностям сельского священника, тем более что Стойко не имел возможности осуществлять церковные службы. Да и будущих больших доходов столь обнищавшая епархия не сулила. Скорее всего, Стойко не знал истинного положения дел в епархии и надеялся поправить свои дела. Вместе с процентами (12% годовых) долг Софрония вырос (к 1804 г.) до 80 кошелей и остался невыплаченным. Впоследствии Софроний не без горькой иронии вспоминал о том, как хитро провел его лукавый Матфей.

---

* Впоследствии патроликийский епископ Поликарп (ок. 1790–1863), продолживший дело Софрония, участвуя в борьбе за независимость болгарской церкви. Он перевел на греческий язык «Историю славяно-болгарскую» Паисия[11].

Стойко был рукоположен в епископы 17(28) сентября 1794 г. в Тырново в митрополичьей церкви Петра и Павла под монашеским именем Софроний (Серафим). Обычно монашеское имя избиралось так, чтобы его первая буква совпадала с начальной буквой мирского имени. Софроний неоднократно подписывался и именем Серафим. В. Киселков считает, что как епископ во Враце он именовался Серафим и только после приезда в Бухарест в 1803 г. самовольно стал называться Софроний[12].

Он провел в Арбанаси три месяца в ожидании документов, утверждавших его в новом сане: патриаршей грамоты из Стамбула и султанского указа. По-видимому, именно здесь он написал архиерейский «Служебник», который полагалось иметь каждому владыке всегда под рукой, когда совершает церковные службы. Как и всякая книга подобного рода, «Служебник» Софрония имел переводной и компилятивный характер. Однако у него была отличительная черта — он был написан на церковнославянском, а не на греческом, языке. Это свидетельствует о том, что при написании своего служебника Софроний использовал не столько некую греческую книгу такого рода, сколько какой-нибудь печатный русский архиерейский служебник. Такой книгой, по мнению В. Киселкова, был русский «Чиновник архиерейского священнослужения», напечатанный в 1760 г. в Москве. Архиерейский «Служебник» стал неразлучным спутником Софрония с момента написания и до весны 1800 г., когда он отправился в Видин. «Служебник» хранился в Черепишском монастыре до 1852 г. и почитался монастырской ценностью. И только когда врачанским епископом вновь был рукоположен болгарин — копривштинец Доротей, игумен этого монастыря передал ему Софрониев архиерейский «Служебник»[13].

Наконец, необходимые документы были получены. И в декабре, в лютую стужу и снег Софроний смог отправиться в свою епархию в надежде быть во Враце на Рождество.

По дороге он узнал о столкновении Пазвандоглу с двумя местными противниками последнего, которые вели военные действия в селах Врачанской округи. Никто не решался сопровождать Софрония и его спутников во Врацу. С трудом епископ нанял одного стражника, и все благополучно достигли Врацы. При входе в город они были встречены вооруженными людьми. Это были жители города, которые вышли, чтобы отогнать от Врацы турок, обобравших соседние села.

Убогий вид похожего на тюрьму епископского дома удручил Софрония. Но радостный прием, оказанный ему болгарами, впервые от него услышав-

шими проповеди на родном языке и видевшими в нем «некоего философа», вдохнули в него силы и бодрость.

С целью сбора церковной подати Софроний обошел Врачанский округ и намеревался собрать ее в Плевене. Однако там вспыхнула распря между двумя местными плевенскими турецкими феодалами за место аяна, заставившая христиан не выходить из города. Софроний из соображений безопасности отправился в Арбанаси. В это время в епархии вспыхнула эпидемия чумы, и Софроний вынужден был провести в этом селе «в страхе смертном» четыре месяца. Благодаря счастливой случайности он не заразился чумой после целования его руки заболевшим священником.

1796–1798 гг. оказались для Софрония особенно тревожными и скитальческими. Это были годы осады войсками румелийского паши Мустафы-паши крепости Видина, которую захватил и оборонял Пазвандоглу. И те, и другие бесчинствовали во Врачанской епархии, разоряя села. Население подвергалось и нападениям кирджалиев, входивших как в состав правительственных войск, так и в отряды Пазвандоглу. В 1797 г. отряды последнего напали на Врацу, что заставило Софрония бежать в придунайское местечко Рахово в надежде переправиться в Валахию. Однако это ему не удалось, и Софроний вновь нашел прибежище в Арбанаси, пережидая, пока кирджалии уберутся из Врацы. Он смог вернуться во Врацу только к осени.

Летом 1798 г. против мятежного паши было направлено огромное правительственное войско во главе с капудан-пашой. Шесть месяцев Видин был в осаде, но одержать верх над Пазвандоглу оно не смогло. Войска грабили и сжигали села. Было разграблено и село Арбанаси кирджалиями из войск капудан-паши. Разграблен был и дом Софрония вместе с его «бумагами». Его сын, невестка и внуки спаслись бегством в Котел, а оттуда перебрались в придунайский город Свиштов, где Софроний нашел их «голыми: сидят на рогожке», а у него не было денег на то, чтобы купить им одежду. Оттуда внуки епископа Стойко и Атанас были отправлены с его рекомендательным письмом в Бухарест[14].

Только в августе Софроний смог попасть во Врачанскую епархию для сбора церковной подати по селам, разграбленным турками. До Врацы он добрался лишь в конце октября. Но здесь его настигло известие о походе на Врацу войск Али-паши. И вновь он в поисках убежища пустился в путь. Придя в Черепишский монастырь, где он надеялся найти приют, Софроний застал его опустевшим — монахи монастыря бежали в пещеры в горах.

Софроний направился туда, и здесь в пещере, называемой и поныне Софрониевой, прожил с монахами более трех недель. Затем пешком по глубокому снегу направился в другой монастырь, в Софийской епархии. По мнению В. Киселкова, это был монастырь «Семь престолов», отдаленный от больших дорог[15]. Оттуда, получив известие из Врацы, что епископия пуста от войск Али-паши, он отправился в свою епархию. Там ему посчастливилось спокойно прожить всего десяток дней. Мирная жизнь в городе вновь была нарушена, на этот раз приходом в город десяти дружин албанцев, которые заняли все дома, даже епископский, ограбив его и съев все припасы. Спасаясь от них, Софроний вновь вынужден был бежать, переодевшись татарином — гонцом врачанского паши. С трудом он со своими спутниками добрался до Карлуковского монастыря, где отпраздновал Рождество 1798 г. Но вскоре и там стало небезопасно из-за бежавших из войск турок. И вновь Софроний вынужден был спасаться, сначала в Тетевене, затем в Плевене.

В Плевене Софронию удалось на Пасху 1799 г. даже отслужить литургию. Но в тот же день город был наводнен кирджалиями Пазвандоглу. Софронию пришлось девятнадцать дней жить с ними, «вечно пьяными и чинившими зло», в одном доме, закрываясь башлыком и выдавая себя за писца. «И не мог я ни прочитать что-либо, ни молитву сотворить», — вспоминал он. Епископу удалось бежать во Врацу, переплыв ночью в утлой лодке реку Искыр.

Во Враце Софроний прожил до октября 1799 г. Это было последнее и наиболее длительное его пребывание в этом городе. И вот здесь кроется одна из загадок биографии Софрония. Сам он в своей автобиографической повести практически ничего не пишет о своих пребываниях во Враце. Однако документальные материалы дают основание полагать, что в это время во Врачанской округе существовал заговор с целью посылки болгарской делегации в Россию с просьбой к российскому правительству о покровительстве болгарам и Софроний был одним из его участников[16].

Враца была центром наиболее разоренной части Северо-Западной Болгарии. Но в XVIII в. этот город был очагом духовного просвещения и сохранения болгарского языка. Во времена Софрония в ней подвизались переписчики церковных книг и сборников «Дамаскинов»*. С конца XVIII в.

* Наиболее характерной особенностью дамаскинов было широкое использование болгарского языка.

Врацу посещали таксидиоты афонских монастырей: Хилендарского, Зографского, Ватопедского — и монастыря св. Екатерины на Синайской горе. Синайский и Хилендарский монастыри имели в городе свои подворья[17].

В октябре Софроний отправился в Плевен, где получил от священников собранную ими подать. Но к Плевену направлялись банды Пазвандоглу, а к Никополю, куда в поисках спасения двинулся епископ, приближались кирджалии Гявур-имама. Это ускорило его уход в валашский город Зимнич, куда он перешел по тонкому льду, сковавшему Дунай.

В Зимниче у Софрония «денег на прожитие совсем не стало», а ему еще нужно было вносить подать в митрополию. В это время Пазвандоглу, вышедший победителем в борьбе с центральной властью, был признан султаном правителем Видинского округа. Он прогнал из города видинского митрополита Григория, с которым у него были крайне неприязненные отношения, и пригласил на эту должность игумена из Валахии Каллиника. Но вследствие смуты в Видинской округе и крайнего нерасположения к паше валашского господаря, духовных властей и, видимо, Константинопольской патриархии, которая намеревалась назначить в Видин свою кандидатуру, утверждение Каллиника затянулось на три года. До получения патриаршего утверждения на митрополичьей кафедре Каллиник нуждался в епископе, который мог бы исполнять его обязанности. И когда Софроний обратился к Каллинику с просьбой получить для него от Пазвандоглу разрешение на возвращение в свою епархию для сбора подати, Каллиник добился этого, но пригласил епископа в Видин на короткое время для совершения богослужения, поскольку сам не имел на это права. О том, что Софроний не предполагал остаться в Видине надолго говорит и тот факт, что он не взял с собой архиерейского служебника, поскольку не думал, что ему придется проводить в этом городе церковные службы неоднократно. По проискам Каллиника перед Пазвандоглу Софроний был задержан в Видине на три года. Ему пришлось формально управлять митрополией до поставления Каллиника в митрополиты. По словам Софрония, Каллиник обращался с ним, как со слугой.

Несмотря на тяготы своего пребывания в Видине, Софроний здесь впервые выступил как литератор, написав два произведения, получивших название Первый и Второй видинские сборники, имевшие особенное значение для болгарской литературы. В них Софроний проявил себя не только как копиист или переводчик, но и как просветитель и сознательный борец за на-

родное просвещение. В сущности, эти произведения представляют собой переводы с греческого или непонятного простому народу церковнославянского языка «на болгарский простой краткий язык».

Первый сборник был составлен в 1800–1802 гг. и назывался «Поучения и словосказания на праздниках Господних». В нем Софроний следует классическому примеру Дамаскина Студита, который включил праздничные проповеди, увязав уроки морали с житиями тех святых, кого чествовали по календарю. Собственно, Софроний составил один смешанный сборник, для его составления он использовал не только греческие и славянские оригиналы, но и переработки. Однако архаичный и искусственный язык старых текстов он по возможности заменил народным разговорным болгарским языком, сделав их доступными для более широкого круга простых болгар.

Второй Видинский сборник также носит компилятивный характер. Он не имеет общего заголовка и состоит из четырех разнородных частей. Сборник должен был не столько дополнить первый, сколько расширить кругозор читателей.

Тематический диапазон обоих сборников необычайно широк — от религиозно-поучительных проповедей до басен Эзопа, мифологии Синтипы-философа или наставлений молодежи. В сборниках преобладали переводы произведений, которые в целом имеют морально-поучительный характер. Уже в них он развил программу просвещения, намеченную еще Паисием Хилендарским. Она нашла воплощение как в «простом болгарском наречии», на котором они написаны, так и в авторских отступлениях в текстах произведений, которые ему не принадлежали. Учение для врачанского епископа — «на свете самое необходимое и полезное», и оно должно предназначаться для познания «Бога и самого себя»[18].

Только осенью 1803 г. Софроний смог оставить Видин и уйти в Крайову. Здесь он был принят с почетом правителем Костаки Караджей, а затем отправился в Бухарест, где в высшем греческом училище св. Саввы («Бейском», или, как она еще называлось, «Бейской академии») обучались его внуки Стефан и Атанас*.

---

* Стефан (Стойко) (1775–1859) — старший из внуков Софрония, назывался этим именем в бытность в «Бейском училище». Впоследствии Стефанаки-бей, стал высщим турецким сановником и доверенным лицом — «императорским советником» двух султанов — Махмуда II и его сына Абдул-меджида, был сул-

Очутившись в Бухаресте, как он пишет в своем «Житии», Софроний был радушно принят митрополитом Досифеем, боярами, валашским господарем К. Ипсиланти и неоднократно рассказывал им о своих злоключениях. Тронутый рассказами врачанского епископа, Константин Ипсиланти согласился ходатайствовать перед Синодом об «отпускной грамоте» для Софрония (Константинопольская патриархия отказывала в ней Софронию по причине огромной финансовой задолженности). Грамота об освобождении Софрония от управления Врачанской епархией была получена в феврале 1804 г. [20].

Бухарестский, последний период жизни Софрония (1803–1813 гг.), стал наиболее плодотворным в его деятельности и творчестве. Об этом можно судить по литературным произведениям, написанным им в это время, и косвенным данным, сохранившимся в печатных и архивных источниках.

В Бухаресте Софроний общался как с валахами и греками, так и с болгарами, образовавшими здесь довольно многочисленную колонию. В конце 1804 — начале 1805 гг. в Бухаресте началось формирование, видимо, не без участия российского консула Луки Кирико, игравшего в 1802–1812 гг. активную роль в политической жизни Валахии, болгарского политического комитета. Основателями его были уроженцы Врацы Иван Замбин и Атанас Некович. Главной целью комитета было содействие устройству и обеспечению болгарских переселенцев в Молдавии, Валахии и Новороссии. Вполне естественно, что к деятельности комитета был привлечен Софроний, находившийся в Бухаресте единственный во всей Болгарии болгарский священник, облеченный епископским саном, пользовавшийся покровительством митрополита Досифея, а через него и господаря К. Ипсиланти, который перешел на русскую службу и в 1806 г. эмигрировал в Россию.

танским наместником в Молдавии и получил титул «Князя Самосского» по названию о. Самос, правителем которого он был в 1839–1850 гг. Известен как Стефан Богориди. Один из влиятельнейших турецких сановников своего времени.

Его дочь Мария, правнучка Софрония, была замужем за сыном российского государственного канцлера А. М. Горчакова (1798–1883).

Атанас по окончании «Бейской академии» семь лет преподавал в ней греческую филологию, затем изучал медицину в Вене и закончил обучение в Вюрцбурге, где в 1861 г. защитил докторскую диссертацию. Это был первый оригинальный медицинский труд болгарина[19].

Ввиду этих обстоятельств, а также, по-видимому, в силу своего личного авторитета Софроний в годы русско-турецкой войны 1806–1812 гг. практически стал представителем комитета перед командованием русской Молдавской армии. С именем Софрония Врачанского связаны первые политические контакты болгарских представителей с официальной Россией. Впервые за последние четыре столетия у болгар появилась личность, способная объединить национальную энергию и направить ее на реализацию заветной цели. Есть свидетельства о том, что Софроний имел деловые связи с российским консулом Л. Кирико и со всеми последовательно сменявшимися главнокомандующими Молдавской армией (в 1806–1812 гг.): И. И. Михельсоном, князем А. А. Прозоровским, Н. М. Каменским, М. И. Кутузовым, адмиралом П. В. Чичаговым.

Знакомство российских правительственных кругов с Софронием Врачанским как наиболее авторитетным представителем болгарского народа связано с болгарской миссией в Петербург. Именно благодаря этой миссии официальная Россия открыла и признала его законным представителем болгарского народа.

Сербское восстание и старания сербов получить поддержку российского императора побудили некоторых болгар добиваться того же для себя. Когда в начале 1804 г. восставшие сербы послали свою депутацию во главе с Матеем Ненадовичем в Петербург, двое состоятельных болгар: Иван Замбин (из Тетевена) и Атанас Некович (из Врацы), также выехали в Россию. Их целью было получение покровительства России болгарам. В литературе не решен окончательно вопрос, откуда выехали эти делегаты: из Врацы или Бухареста[21]. Они прибыли в Петербург в октябре 1804 г. Но в это время положение России, ее курс на сохранение добрых отношений с Османской империей не благоприятствовали осуществлению планов болгарской делегации. В то же время царское правительство стремилось сохранить традиционную веру южнославянских народов в готовность России им покровительствовать. Все эти обстоятельства диктовали российским правящим кругам сугубую осторожность и воздержание от каких-либо практических шагов, связанных с болгарской миссией. Официальной отговоркой правящих кругов России в течение двух лет пребывания болгар в Петербурге было отсутствие полномочий у болгарских представителей. Им не давали официальных ответов на просьбы болгар, но и не разрешали вернуться на родину[22].

Ситуация изменилась с началом русско-турецкой войны. В военных действиях, которые, как можно было предположить, развернутся в бассейне Дуная, болгары могли бы оказать существенную поддержку русским войскам, о чем свидетельствовала практика двух предыдущих русско-турецких войн. В новых условиях это отвечало интересам России. И на новое прошение болгарских посланцев об отъезде на родину, в котором они писали, что их возвращение может принести много пользы России, был дан положительный ответ.

25 апреля 1807 г. командующему Молдавской армией Михельсону поступило правительственное распоряжение о предоставлении средств для осуществления намерения болгарских депутатов. А. Некович отправился в Бухарест, где встретился с членами Болгарского политического комитета, в том числе и с Софронием[23]. Болгарский епископ направил 1 (13) января 1808 г. в Петербург «верующее письмо», которым А. Некович и И. Замбин, остававшийся в России, были уполномочены представлять перед российскими официальными кругами интересы болгар от имени «единоверцев... помянутой нации славянского народа». В письме говорилось, что болгары «все единодушно жаждут быть с преданностью под российскою державою, но не имеют случая испросить онаго себе величественного покровительства!». Комментируя этот пассаж «верующего письма», В. Д. Конобеев доказательно предположил, что слова о желании стать российскими подданными были включены по настоянию других членов комитета, и не отражали позицию самого Софрония. Такое мнение выглядит еще более убедительным, если учесть, что в более поздних посланиях, письмах и других материалах епископа отсутствует малейший намек на желание болгар принять российское подданство. В них он заявлял о желании такого покровительства, которое гарантировало бы внутреннюю автономию болгарских земель, возвращение былого величия Болгарии[24].

Позиция Софрония в вопросе о русской помощи наиболее полно раскрывается в его личном письме канцлеру Н. П. Румянцеву от 8 июня 1808 г.: объясняя цели болгарской депутации, он недвусмысленно подчеркнул, что надежды и усилия его порабощенного народа устремлены к одной великой цели — «получить покровительство великой славянской державы»[25].

После рассмотрения этих посланий в Министерстве иностранных дел России и в личной канцелярии Александра I выяснилось, что в МИДе нет сведений о Софронии Врачанском. Фельдмаршалу А. А. Прозоровскому

было поручено установить контакты с Софронием с целью выяснения его роли, значения, а также причин обращения болгар к России «и точное местожительство просителей, их число и их политические цели». Переговоры с ним были возложены на командующего корпусом в Валахии А. М. Милорадовича, который встретился с Софронием в июне 1808 г. в военном лагере при селении Сентешти и сообщил ему, что «верующее письмо» было принято в Петербурге «с особым благоволением». В отчете о встрече с болгарским епископом Милорадович весьма положительно отозвался о нем[26]. Однако дальше благосклонного отношения дело не пошло: депутация не достигла своей цели. И. Замбин умер от туберкулеза в Петербурге, так и не дождавшись определенного ответа от правительства России. Такая позиция последнего объяснялась стремлением воздержаться от принятия на себя обязательств касательно будущего статуса болгар. Сфера политических интересов России, особенно в тот момент, имела конечной целью два Дунайских княжества и Сербию. Освобождение Болгарии не входило в тот период в планы российского правительства. Но и отталкивать болгар отказом было не в его интересах, поскольку оно стремилось привлечь их на сторону русских войск в войне против Турции. Болгарская миссия в Россию в тот период не могла добиться реальных результатов, но она позволила Петербургу пополнить знания об этом славянском народе и сыграла определенную роль в установлении более тесных контактов между командованием Молдавской армии и представителями болгар, самым авторитетным из которых был Софроний Врачанский.

Развитие наступательных операций русской армии за Дунаем побуждало командование русской армии налаживать самые тесные контакты с местным населением и добиваться его дружеского расположения. Привлечению жителей Северной Болгарии на сторону русских войск содействовал Софроний Врачанский. В декабре 1809 г. к нему через своего представителя М. П. Фонтона обратился бывший в это время командующим Молдавской армией П. И. Багратион, прося Софрония использовать свое влияние среди болгар с тем, чтобы они содействовали продвижению русской армии и снабжали ее продовольствием. В беседе с епископом Фонтон сообщил ему о военных планах российского командования и о надеждах последнего на то, что Софроний использует все свое влияние среди соотечественников, чтобы побудить их всемерно содействовать успеху предприятия, имеющего целью их собственное благополучие. Судя по донесению Фонтона, Софроний был хорошо

осведомлен о положении в Болгарии и прекрасно разбирался в двойственной позиции русского командования по отношению к национальным стремлениям болгар, его желании использовать освободительное движение болгар для достижения успеха в военной кампании и отсутствии твердых гарантий русского покровительства болгарам. В беседе Софроний заявил российскому дипломату, что в условиях отвратительной жестокости, которая вершится в Османской империи, «несчастные болгары не видят другого средства против всех этих бед, как обратиться к правительству е(го) и(мператорского) в(еличест)ва, заступнику всех христианских народов». Он заверил Фонтона «в сочувствии болгар и в собственном стремлении усилить их рвение своими проповедями». Однако он предупредил, что болгары станут активно помогать только при занятии русскими войсками мест их проживания. «Только тогда они (болгары. — *О. М.*) сбросят маску, смогут взяться за оружие и снабдят нас (русскую армию. — *О. М.*) фуражом и даже продовольствием...Он выразил надежду, — сообщал далее Фонтон, — что его соотечественники не будут в конечном счете оставлены во власти разгневанных турок, как это было с греками Мореи во время русско-турецкой войны и даже при заключении Кайнарджийского мира... Коснулся и поведения казаков по отношению к болгарским крестьянам в деревнях, через которые они проходили». Софроний просил, чтобы они вели себя по отношению к болгарам уважительно. Фонтон заверил, что болгары навсегда обеспечили особое покровительство российского императора, «так что даже если бы Болгарии суждено было остаться под властью Порты, император не мог бы согласиться на это иначе, как оговорив такие условия, которые навсегда обеспечили бы их спокойствие и благосостояние». И. П. Фонтон лукавил в разговоре с болгарином, ведь во внешнеполитических планах российского правительства в тот период пункт о Болгарии и болгарах даже не был обозначен. Он стремился «побудить епископа лично сопровождать армию при ее вступлении в Болгарию». Однако Софроний отказался, ссылаясь на свой преклонный возраст и опасаясь причинить своим сопровождением русской армии неприятности своему сыну, находившемуся на службе в Константинополе. По этой же причине «он не подписывает своих писем, а скрепляет их печатью белградского епископа, который может больше не опасаться турок; те, кто получат его письма, догадаются об авторе»[27].

Фотон заверил епископа, что его «рвение и заслуги будут высоко оценены Багратионом». Софроний ответил, что «действует без корысти

и тщеславия и что всеми его поступками руководит только вера и любовь к отечеству». После ухода епископа из дома, где проходила его встреча с представителем русского командования, хозяин дома Манук-бей сообщил Фонтону, что Софроний «перевел для своих соотечественников с иллирийского языка на болгарский послания и евангелия, читаемые во время церковных праздников и по воскресеньям; что он печатает свой труд в количестве тысячи экземпляров для распространения среди болгар, но сам не мог бы покрыть издержки в три тысячи пиастров» и «спросил, не сочтет ли Багратион уместным выдать для этой цели сотню дукатов»[28]. Из приведенного документа явствует, что не Софроний просил денег у русского командования, как это упоминается в литературе, а его друг Манук-бей.

П. И. Багратион относился с большим уважением к Софронию Врачанскому. Он дал указание И. П. Фонтону оградить епископа от возможных интриг со стороны духовенства в Валахии и передать ему сто дукатов для издания его книги[29].

Исход переговоров с Софронием Врачанским во многом определил содержание инструкции П. И. Багратиона генералу И. И. Исаеву, который должен был в начале марта 1810 г. перейти Дунай. В ней командующий сообщал, что переговоры с Софронием и с представителями болгарской эмиграции продолжаются и он предпринял все меры, чтобы болгары оказали помощь русской армии. Командующий также рассчитывал на то, что болгары смогут дать 35 тыс. вооруженных бойцов. И от поведения русской армии на болгарской территории зависит, на чьей стороне будут болгары. Багратион предписывал Исаеву, чтобы никто не причинил никакой, даже самой малой обиды болгарскому народу, чтобы каждый русский воин относился к болгарам «по-братски и дружелюбно». Он уполномочил генерала Исаева отстранять от должности каждого командира, нарушившего эти заповеди, а рядового солдата — судить в присутствии болгар[30].

Последующие события показали, что Софроний в конце концов согласился обратиться с воззванием к болгарскому народу.

П. И. Багратион не успел осуществить свои военные планы. В феврале 1810 г. его сменил на посту командующего Дунайской армией Н. М. Каменский. Ему было представлено воззвание к болгарскому народу, напечатанное на болгарском языке и озаглавленное « Божьей Милостью Серафим Архиерей Болгарский». Оно начинается призывом к болгарам: «Здравствуйте и радуйтесь, поскольку именно сейчас приближается спасение и избавление

ваши ... » Далее Софроний писал, что русская армия избавит болгар от несчастий и что наступит «светлый день», которого они ждали более четырехсот лет; что только русский император озабочен судьбой христианства и пришел на помощь болгарам с непобедимой русской армией. Болгарам нужно встречать русские войска «как единоверных братьев» и оказывать им любую помощь в трудном их походе. А каждый, кто посмеет предать христианское дело, будет проклят навеки[31].

Долгое время была известна первая публикация этого воззвания, которое было подписано «Софроний Архиерей Болгарский». Однако, как мы уже отмечали выше, Софроний не подписывал свои письма именем Софроний. В. И. Конобеев, обнаруживший подлинник этого воззвания, подтвердил, что оно не было подписано именем « Софроний», но убедительно доказал, что авторство принадлежит болгарскому епископу[32].

Распространению воззвания Софрония в болгарских землях активно способствовали болгарские торговцы, священники[33].

В литературе так и нет окончательного ответа на вопрос, сопровождал ли лично Софроний русскую армию на болгарской территории. Но документы свидетельствуют, что он горячо приветствовал успехи русской армии на левом берегу Дуная. А когда ею был освобожден обширный район Северной Болгарии, епископ обратился 28 мая 1810 г. с письмом к Каменскому, в котором писал, что душа его преисполнена радостью и благодарностью за защиту болгарского народа[34].

2 (14) июня 1810 г. командующий русской армией написал письмо Софронию, в котором сообщал, что его войска повсюду получали поддержку болгарского народа, в чем видел и влияние воззвания епископа. Каменский также просил его прибыть в русскую армию, чтобы укрепить связи с болгарами. Из последующей переписки явствует, что Софроний Врачанский имел личную встречу с командующим, но где она состоялась — на болгарской территории или в Бухаресте — установить исследователям не удалось[35].

Успехи русской армии в Болгарии вновь породили у болгарского епископа надежды на окончательное освобождение своей родины. В сентябре — октябре 1810 г. он обратился к своим соотечественникам со специальным посланием, подписанным своим именем. Оно читалось в церквах Северной Болгарии. Красной нитью через весь текст проходит призыв к единству болгарского народа, способному освободить его от врагов, которые четыреста

лет угнетали и мучили Болгарию. В помощи русских Софроний видел главную силу в освобождении от османского гнета.

В этот период русская армия успешно продвигалась вперед. Софроний, не зная подлинного положения дел, был уверен, что победы русской армии принесут скорое освобождение болгарам. И в новом послании он писал, что русский царь «избавил и спас нас от лютого турецкого варварского мучительства» и призывал болгар быть верными России.

Еще во время переговоров в 1809 г. Софроний стремился заручиться гарантиями автономии Болгарии. Он искренне верил, что эта война станет для болгар освободительной. В новом послании он выразил уверенность, что Болгария получит желанную независимость без определения Россией условий покровительства, как он писал, «Болгария получит все, что пожелает». В этом послании Софроний выразил свои взгляды на будущий политический строй, будущую форму государственного управления Болгарии. Он считал, что необходима монархическая форма правления, и здесь четко прослеживается связь между взглядами его и Паисия Хилендарского. Если народ имеет «своего» царя, это означало, что он имел свое независимое государство[36]. Софроний развил мысль, высказанную Паисием, — история ожидает от христианских монархов, «чтобы возродили прежнюю славу отечества», т. е. чтобы Болгария получила политическую независимость. Общность взглядов Паисия и Софрония состоит прежде всего в характеристике тех качеств, которые они приписывали идеальному монарху. Автор «Истории славяно-болгарской» считал, что царь должен быть благочестивым, правдивым, храбрым, твердым, милостивым, кротким, человеколюбивым, праведным и богоугодным, премудрым и разумным. Софроний писал, что освобожденной Болгарией должен управлять просвещенный монарх, действующий в союзе с церковью, патриотичный и заботящийся о благе своего народа[37].

Вопрос о будущем политическом статусе Болгарии обсуждался в кругах болгарской эмиграции. Софроний, как и многие болгары, находившиеся в княжествах, предполагал, что Валахия и Молдавия будут включены в состав Российской империи. В предвидении этого болгарская эмиграция предпринимала шаги с целью защитить болгарские колонии от вмешательства местных органов управления путем создания своеобразного, хотя и искусственного, небольшого по размерам, автономного округа с единым национальным составом, чтобы собрать в нем всех болгар, живущих сейчас в обоих княжествах, а также тех, кто переедет в него из болгарских земель.

Свои мысли о положении болгар в системе послевоенного устройства болгарской автономии Софроний выразил в «Прошении всех находящихся здесь (в княжествах. — *О. М.*) болгар», которое было приложено к письму, направленному новому командующему Молдавской армией М. И. Кутузову 12 (24) мая 1811 г. Все остальные документы дополняют это прошение или раскрывают его отдельные положения. Оно содержит 15 пунктов.

«Прошение» написано от имени «целого общества» болгар, переселившихся в княжества, хотя в действительности отражает интересы богатых слоев переселенцев. В этом документе высказано желание большинства из них поселиться в одной области в районе городов Турну, Зимнича, Слободзеи, Гюргево, Брэилы, Галаца, где находилось наибольшее число болгарских эмигрантов. Это была программа самоуправления болгарской автономной области под русским покровительством. Она затрагивает различные стороны жизни болгарских переселенцев в княжествах: предоставление льгот для стимулирования переселения болгар в Молдавию и Валахию, необходимость льгот земледельцам, сохранение собственности на земли, принадлежавшие им в Болгарии, с правом их наследования, свободная продажа их продукции, равный статус болгарских и русских купцов, гарантии их права иметь флот, строить различные мастерские, свободно торговать. Он поставил вопросы о городском самоуправлении — магистрате, о национальных судах, о гражданском равноправии, о национальных училищах, о свободе вероисповедания, о равноправном положении болгарского языка. Магистраты должны избираться на три года и только из болгар; судьи, секретари и канцелярские служащие должны получать зарплату из казны. В ведении магистратов должны находиться и болгарские училища, где должны были обучаться юноши на родном болгарском языке, а учителя должны получать зарплату. В ведении магистрата должны находиться сбор налогов с болгар, финансы. Особо подчеркивалось, чтобы «молдавское и валашское правительство и бояре не притесняли эту (болгарскую. — *О. М.*) нацию», а магистраты зависели бы только от русского (так в тексте) правительства.

В «Прошении» ставился вопрос и о строительстве болгарских храмов, в которых священники и все духовенство в целом должны быть болгарами.

Что касается части болгарских земель, которая может быть освобождена в ходе войны, или, как писал Софроний, могла бы «быть присоединена русским оружием к Русской империи», то он не определял характер управления этой части Болгарии[38].

О том, что Софроний Врачанский уделял будущему устройству Болгарии большое внимание, свидетельствует и записка М. И. Кутузова болгарскому епископу, в которой командующий русской армией сообщал, что ознакомился с его Трактатом об управлении в его отечестве. Этот документ не известен. Есть только упоминание о нем в записке Кутузова, в которой он дважды подчеркивал, что содержание этого Трактата очень напоминает содержание «Прошения» от весны 1811 г. [39].

Политические взгляды Софрония нашли выражение в его литературном творчестве.

Еще в 1803 г., по прибытии в Бухарест, Софроний Врачанский занялся переводом труда папского каноника Амвросия Марлиана «Theatrum politicum», изданного в Риме в 1631 г. Он пользовался греческим переводом этого сочинения — «Театрон политикон» 1802 г. Софроний не случайно выбрал данный трактат. Политическая направленность книги, восхваляющей просвещенный абсолютизм, по-видимому, была причиной, по которой болгарский деятель решил подготовить ее издание. В предисловии к своему переводу он подчеркнул, что разделяя взгляды Амвросия Марлиана как на христианскую религию, так и на монархическую форму правления, занялся этим тяжким трудом, поскольку убежден в огромной пользе его распространения. Книга эта, по мнению Софрония, необходима каждому человеку, даже правителям, находящимся у власти, ибо в ней содержится наука, как «благочестиво» и «кротко» управлять государством и своими подданными[40].

Кроме того, болгарский историк В. Киселков нашел в рукописи в болгарском переводе две страницы, два дополнения, написанные самим Софронием, в них он излагает свое отношение к государственной власти, приводя идеологические и политические аргументы в пользу централизованной просвещенной монархии.

На этих страницах он восхвалял Петра I как выдающегося государя, создавшего великое царство, и высоко оценивал его реформаторскую деятельность. Софроний видел две причины успехов Петра I: первая заключалась в союзе царской власти и церкви, вторая — в просвещении. Такие же качества он приписывал и преемникам первого российского императора.

Внимание автора привлекло и укрепление центральной власти Карлом Великим и союз Леопольда I с церковью. Во взглядах Софрония присутствуют три основных положения: славянская и единоверная Россия освободит

болгарский народ от османского ига; идея просвещенного абсолютизма; политический идеал олицетворен монархом с сильной властью, набожным союзником и защитником церкви[41].

Однако эта книга, получившая в переводе Софрония на болгарский язык название «Театрон политикон, сиречь Гражданское позорище», не была напечатана и осталась в рукописи, как и остальные его труды. Но основные ее положения были высказаны Софронием в упоминаемом выше послании 1810 г.

Литературное творчество Софрония Врачанского сыграло важную роль в формировании новой болгарской литературы. Как и Паисий, он был писателем «духовного чина». Принадлежность к монашеству всех сколько-нибудь значительных болгарских литераторов того времени не случайна: оригинальные произведения болгарской литературы возникли именно в церковной среде, видные представители которой являлись самыми образованными людьми своей эпохи. Как духовное лицо и один из первых болгар, достигших высокого сана, Софроний, конечно, не отступал от религиозного мировоззрения. Но как один из наиболее образованных болгар, сам учительствовавший в течение долгого времени, он защищал почти во всех своих сочинениях жизненно важную необходимость расширения обучения, обогащения его светскими знаниями.

Главная установка Софрония — всенародное просвещение. Его интересует не только проблема внутреннего совершенствования, но и общий подъем образованности болгарского народа. Просвещение для него — единственный путь к подлинному духовному, экономическому и политическому раскрепощению народа. Увязывая причину рабского положения болгар с их невежеством и противопоставляя усердие в просвещении греков, армян, евреев и особенно европейских народов, он писал: «Разве они все не люди, как мы? Но путем образования стали господами, стали государями и, получив блестящее образование, светят в мире, а, не как мы, не померкли, потускнели, помрачнели умом и телом?» Основным условием образования являлась его языковая доступность. Паисий отстаивал достоинства родного языка — Софроний сделал его орудием просветительской пропаганды. Завершая Первый видинский сборник, он подчеркивал, что перевод осуществлен им «от словенского языка на простое болгарское наречие к разумению и знанию простого и неграмотного болгарского народа для пользы душевной»[42].

В переводах Софрония Врачанского преобладают произведения, которые, несмотря на свое светское содержание, в целом имеют морально-поучительный характер, отчасти напоминающие привычные для болгар того времени религиозно-нравоучительные проповеди, жития и поучительные слова. Софроний стремился сделать этот материал еще более доступным для восприятия, снабжая его многочисленными «примечаниями» — небольшими авторскими нравоучениями. Они глубоко проникнуты рационалистическим духом Просвещения, и некоторые из них, как «Басни Эзопа» и «Мифология Синтипы-философа», оставались почти до середины XIX в. наиболее предпочитаемыми в болгарской учебной литературе.

Еще более плодотворными стали книжные труды Софрония после его переселения в Валахию, когда он поселился в Бухаресте и там в спокойной и доброжелательной обстановке написал свое «Житие», а также составил из разных источников, перевел, снабдил своими добавлениями и толкованиями следующие книги: «Исповедание православные веры» (1805 г.), «Кириакодромион, сиречь Неделник» (1806 г.) и упоминавшийся выше «Театрон политикон».

Заложенный в почти каждой книге, написанной Софронием в Видине и Бухаресте, призыв к болгарам думать «своим умом» указывал читателям путь к новым, широким горизонтам. Он ратовал за переустройство болгарской духовной жизни, его идеи стали конкретным толчком к этому переустройству и подъему болгарского образования.

Софроний Врачанский стал носителем качественно нового явления в болгарской книжности не только приближением языка своих сочинений к живой речи — это сделали до него Йосиф Брадатый и другие дамаскинарии (авторы «Дамаскинов»), — сколько подчеркиванием этого факта как полностью осознанного и целенаправленного. Высказанные почти сорок лет спустя после «Истории славяно-болгарской» Паисия Хилендарского, в годы возрастающего и почти неограниченного проникновения греческого языка в богослужение в болгарских церквах, в преподавание в болгарских училищах, эти мысли имели программное значение. Они предлагали наиболее жизнеспособное средство не только сохранения и развития болгарского языка, но и способа приобщения широких слоев народа к болгарскому просвещению и культуре.

В Бухаресте Софроний впервые получил возможность напечатать одно из своих произведений. Это был сборник переводов с греческого и перера-

ботанных (из греческих же изданий) поучительных историй, вышедший под названием «Неделник» («Кириакодромион») из печати в 1806 г. в Рымнике (совр. Вылча) в Валахии. Это первая печатная книга на новоболгарском языке. Отпечатанная тысячным тиражом, она получила широкое распространение не только в Дунайских княжествах, но и в Болгарии и сыграла большую роль в истории национального возрождения.

Перечисленные выше сочинения Софрония Врачанского обрели в то время гораздо большую популярность, чем другое, написанное им в период жизни в Бухаресте, — «Житие и страдания грешнаго Софрония» («Жизнеописание»). Оно дошло до нас в единственном списке-автографе и стало известно в Болгарии лишь после того, как его около полувека спустя опубликовал в газете «Дунавски Лебед» болгарский писатель и публицист Г. С. Раковски[43]. Автограф «Жития» был помещен Софронием в написанный им же церковным полууставом и, как полагают исследователи, им же переплетенный большой сборник, содержащий следующие сочинения: 1) «Исповедания православныя веры христианския...» — компиляция, в основу которой положен перевод с греческого сочинения богослова и философа Евгения Вулгариса; 2) «Повесть о веры и о обычай еврейския» — перевод с греческого сочинения Павла Медийского; 3) «Систима мохамеданския и религия их» — перевод книги Дмитрия Кантемира «Систима, или состояние мухамеданския религия» (СПб., 1722)[44].

Этот труд Софрония — первый в болгарском религиозном пространстве, в котором дается информация о трех религиях в сравнительном плане, и обращен он к самой широкой аудитории. Сходный процесс утверждения православия, критика чужих и враждебных христианству философских и религиозных систем, сопровождаемый чисто практическими разъяснениями и наставлениями, был обычным для русских авторов того времени. Но, как отмечает российский филолог К. Михайлов, «то, что в развитой русской книжности осуществлялось дифференцированно и различными авторами, в Болгарии слилось в одном произведении»[45].

Именно в этом сборнике Софроний помещает свой автопортрет с подписью «Софроний, епископ Врачанский». Такое «самовыдвижение» не характерно для его житейского поведения. К. Михайлов полагает, что это свидетельствует о желании автора, чтобы его сборник читатели «правильно» восприняли как «истинную», каноническую, но и «доверительную», собеседническую литературу[46].

В этот сборник автор включил и автограф «Жития» («Жизнеописание), занимающего почетное место в творчестве Софрония Врачанского.

«Жизнеописание» — автобиографическое произведение, стоящее на рубеже Средневековья и Нового времени. Оно имеет корни в средневековой агиографии — жизнеописаний («житий») подвижников церкви или видных государственных деятелей. Однако этот новый жанр, выросший из старых жанровых традиций, существенно отличался стремлением к психологической насыщенности «исповедального» повествования и к созданию реального бытописания, все более переходящего к воспроизведению социально-бытовых и политических характеристик эпохи. В «Жизнеописании» врачанского епископа уже отсутствует агиографический вымысел, но нет еще вымысла художественного. Оно лишено художественной условности, фиксация факта еще не сменилась в нем художественным переосмыслением. Так же как и сочинение Паисия Хилендарского, оно — явление длительного переходного периода между средневековой и новой художественной болгарской литературой.

«Жизнеописание» Софрония было написано, как упоминалось, приблизительно сорок лет спустя после создания «Истории славяно-болгарской». Связь между этими произведениями очевидна, но заключается она не только в принадлежности их к одному и тому же жанру или внешнем сходстве, но и в той питательной среде, которая их породила. Паисий и Софроний сформировались как писатели под влиянием дамаскинской традиции. Однако «Жизнеописание» Софрония уже было не просто умелой компиляцией, приспосабливаемой для декларации общественно-политической программы, а сочинением, основанным на оригинальном материале. Это произведение, лишенное дидактики и нравоучительности. В нем непосредственно изложены события жизни конкретного человека, но нет рассуждений. По сравнению с сочинением Паисия Хилендарского «Жизнеописание» Софрония Врачанского является дальнейшим шагом на пути к «новой» литературе[47].

На заре болгарского Возрождения один за другим, в непосредственной близости, стояли Паисий Хилендарский и Софроний Врачанский, создавшие неоценимые сокровища болгарской литературы и культуры. Их деятельность, по сути дела, была просветительской. Она сыграла огромную роль в пробуждении национального сознания. Однако до выполнения всех поставленных Паисием задач (национальное государство, национальная

церковь и национальный язык) было еще очень далеко. Софроний начал реализацию наиболее осуществимого пункта паисиевой программы — борьбу за равноправие родного языка и просвещение.

О последних годах жизни болгарского епископа известно мало. В ноябре 1810 г. он обратился с письменным ходатайством к главнокомандующему Дунайской армией графу Каменскому об определении его в какой-либо монастырь — «для упокоения и пропитания старости моей». В связи с просьбой Софрония возникла переписка «Об определении престарелому болгарскому епископу Софронию, жительствующему в Букуресте, одного монастыря для пропитания, прожития». Последние годы своей жизни Софроний, пользовавшийся по распоряжению адмирала П. В. Чичагова, сменившего в должности главнокомандующего Дунайской армией М. И. Кутузова, покровительством российского консульства, был игуменом одного из пригородных бухарестских монастырей. Там он устроил больницу для раненых русских воинов[48]. Последним известным документом, подписанным Софронием (и четырьмя другими депутатами), было благодарственное письмо Болгарского комитета в Бухаресте от 4 августа 1813 г. Атанасу Нековичу за его усердие на пользу болгарскому народу. По-видимому, в сентябре 1813 г. после двухмесячной болезни Софроний умер. Место его погребения неизвестно. Существует предположение, что он был похоронен в монастыре Шербан Вода, в трех километрах от Бухареста[49].

До конца 50-х годов XIX в. Софроний пользовался славой крупнейшего проповедника, религиозного наставника и создателя новоболгарской печатной литературы. Но после опубликования Г. С. Раковским «Жития» он был признан и как болгарский писатель.

Прижизненным признанием заслуг Софрония Врачанского перед Отечеством явилась панегирическая ода, написанная 25 марта 1813 г. болгарским учителем из г. Трявна Димитром Попским, восхваляющая достоинства «милостивого благотворителя». Она была найдена Г. С. Раковским и опубликована им в газете «Дунавски Лебед» в 1861 г. [50].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 144.

2 *Киселков В. Сл.* Софроний Врачански. Живот и творчество. София, 1963. С. 39.

3 *Дылевский П. М.* Примечания // Софроний Врачанский. Жизнеописание. Л. 1976. С. 103–104.

4 Здесь и далее цит. по: Софроний Врачанский. Жизнеописание. Л., 1976.

5 Софроний Врачанский. Указ. соч. С. 49–50.

6 *Хаброва М.* Наследници за Софроний Врачански // Исторически преглед. София, 1986. № 11. С. 57; *Киселков В.* Сл. Указ. соч. С. 41.

7 *Робинсон А. Н., Дылевский Н. М.* Софроний Врачанский и его жизнеописание. // Софроний Врачанский. Указ. соч. С. 79.

8 *Дылевский Н. М.* Указ. соч. С. 113; *Орешков П.* Автобиография на Софроний Врачански. София, 1914. С. 14.

9 *Киселков В. Сл.* Указ. соч. С. 125–126.

10 *Дылевский Н. М.* Указ. соч. С. 121; *Хаброва М.* Указ. соч. С. 57.

11 *Киселков В. Сл.* Указ. соч. С. 97.

12 *Дылевский Н. М.* Указ. соч. С. 123; *Киселков В. Сл.* Указ. соч. С. 3, 61, 79, 131, 137.

13 Киселков В. Сл. Указ. соч. С. 127–128.

14 Софроний Врачанский. Указ. соч. С. 57–58; *Дылевский Н. М.* Указ. соч. С. 129.

15 *Киселков В. Сл.* Указ. соч. С. 102.

16 *Петров А. Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. СПб., 1886. Т. II С. 437; *Мутафчиева В., Виану А.* Феодалните размирици в Северна България в края на XVIII и началото на XIX в. и тяхното отражение във Влахия // Българо-румънски връзки през вековете. Изследования. Т. I (XII–XIX в.). София, 1965. С. 218.

17 *Дылевский Н. М.* Указ. соч. С. 122–123.

18 *Софроний Врачански.* Избрани съчинения под ред. на П. Динеков. София, 1947. С. 57.

19 *Дылевский Н. М.* Указ. соч. С. 120–121; Хаброва М. Указ. соч. С. 57–61.

20 *Дылевский Н. М.* Указ. соч. С. 136.

21 *Дойнов Ст.* Българското пратеничество в Русия по време на руска-

та-турската война 1806–1812 гг. //Военноисторический сборник. София, 1973. С 72–78; *Конобеев В. Д.* Русско-болгарские отношения в 1806–1812 гг. // Из истории русско-болгарских отношений. М., 1958. С. 194–201; он же. Българското националноосвободително движение София, 1972. С. 89–90.

22 *Дойнов Ст.* Указ. соч. С. 83.

23 Там же. С. 83–85.

24 *Конобеев В. Д.* Българското... С. 94–95.

25 Внешняя политика России XIX — начала XX века (далее — ВПР). М., 1962. Сер. I. Т. IV. С. 623.

26 ВПР. Т. IV. Прим. 247.

27 ВПР. Серия I. Т. V. М., 1967. С. 699–700.

28 Там же. С. 700.

29 *Конобеев В. Д.* Българското... С. 129.

30 Там же. С. 129–130.

31 *Конобеев В. Д., Шатохина Е. М.* Из истории политических связей России с руководителями национально-освободительного движения в Болгарии в 1806–1812 гг. // Известия за Институт на История. София, 1968. Т. 20. С. 362–363

32 *Конобеев В. Д.* Българското... С. 130-132

33 Там же. С. 134.

34 *Киселков В. Сл.* Указ. соч. С. 80; Конобеев В. Д. Българското... С. 135.

35 *Конобеев В. Д.* Българското... С. 137.

36 Паисий Хилендарски. Славянобългарска история. Под ред. на П. Динеков. София, 1972. С. 69–70.

37 *Паисий Хилендарски.* Указ. соч. С. 77–80; *Конобеев В. Д., Шатохина Е. М.* Указ. соч. С. 370–372.

38 *Конобеев В. Д.* Българското... С. 160–165; 356–357.

39 Там же. С. 357.

40 *Киселков В. Сл.* Указ. соч. С. 187 и сл.

41 Там же. С. 167–170.

42 *Софроний Врачански.* Указ. соч. С. 57.

43 Подробно об истории нахождения текста «Жития», о вопросе датировки этого произведения см.: *Робинсон А. Н., Дылевский Н. М.* Указ. соч. С. 82–86.

44 *Киселков В. Сл.* Указ. соч. С. 164; *Робинсон А. Н., Дылевский Н. М.* Указ. соч. С. 84.

45 *Михайлов К.* Устная и письменная словесность в творчестве Софрония Врачанского // Славяноведение, 1998. № 2. С. 92.

46 Там же. С. 92–93.

47 *Робинсон А. Н., Дылевский Н. М.* Указ. соч. С. 96–99; *Калиганов И. И.* Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы // Литература эпохи формирования наций. М., 1982. С. 194, 200–201.

48 *Конобеев В. Д.* Българското... С. 88.

49 *Робинсон А. Н., Дылевский Н. М.* Указ. соч. С. 82; Конобеев В. Д. считает, что Софроний был погребен в Святогорском монастыре Михайводы (см: *Конобеев В. Д.* Българското... С. 88).

50 *Киселков В. Сл.* Указ. соч. С. 134–135.

И. Ф. Макарова

Неофит Хилендарский Бозвели (1785–1848)

Неофит Бозвели — одна из наиболее ярких личностей эпохи болгарского Возрождения. Образно говоря, ему было суждено прожить жизни как бы двух разных людей. Жизненный путь первого из них, длившийся около пятидесяти лет, это скромный удел частного человека — монаха, книжника, провинциального учителя. Жизнь второго — всего десять лет, но это годы непрерывного конфликта с фанариотским духовенством. Судьбе было угодно распорядиться таким образом, что именно Неофит оказался у истоков болгарского церковного движения. Более того, благодаря сотрудничеству с агентами польской эмиграции в Стамбуле, именно его можно считать едва ли не первым болгарским общественным деятелем, чье имя получило широкую политическую огласку и прозвучало на международном уровне. Сам, возможно, того не подозревая, провинциальный болгарский архимандрит оказался в 1844–1845 гг. в центре интриги, затрагивающей интересы не только болгар, но и сразу нескольких великих держав — России, Франции и Англии. С его помощью и при непосредственном участии история Балкан обогатилась сразу двумя новыми сюжетами. В епархиях с болгарским населением начало набирать силу движение против Константинопольской патриархии, а традиционный для Балкан Восточный вопрос обогатился новой политической составляющей — болгарским церковным вопросом.

О первом этапе жизни Бозвели сведений сохранилось чрезвычайно мало[1]. Точно неизвестно ни время его рождения, ни светское имя. С учетом всех имеющихся фактов, в качестве наиболее правдоподобной даты рождения исследователи склонны называть приблизительно 1785 г. Из писем самого Неофита явствует, что он родился в селе Котел и что фамилия его, по всей видимости, Петров. Прозвище «Хилендарский» с полной определенностью указывает, что монашеский чин был им принят в Хилендарском монастыре на Афоне. Установлено также, что около 1813 г. Неофит был отправлен братией в качестве таксидиота на подворье этого монастыря в г. Свиштов, где в течение трех лет собирал милостыню. Однако затем прервал свои связи с Афоном и всецело занялся проповеднической, книжной и учительской деятельностью, длившейся двадцать лет.

Для нужд преподавания Неофит одним из первых в болгарских землях занялся составлением новоболгарских учебников. Вместе с учителем свиштовского эллино-греческого училища Эммануилом Васкидовичем он составил славяно-болгарскую грамматику («Славянобългарско детоводство за малките деца»), которая наряду с букварем Неофита Рильского стала в 30-х годах XIX в. наиболее используемым в болгарских землях учебным пособием.

Эта грамматика — небольшая, состоящая из шести частей своеобразная энциклопедия, представляет собой компиляцию из отрывков греческих авторов. Опираясь на методику аналогичных греческих учебных пособий, Бозвели и Васкидович составили для болгарских училищ собственно грамматику, букварь, арифметику, географию, письмовник и поучения о моральных ценностях. При составлении грамматики они исходили из того, что келийное монастырское образование уже исчерпало себя, что оно не отвечает ни особенностям детской психологии, ни реалиям современной жизни. Поэтому на смену келийным училищам должны прийти общественные, где подрастающее поколение может приобщаться к необходимым в быту светским знаниям.

Отличительной особенностью этой детской энциклопедии стал ее ясно выраженный патриотический пафос. Вслед за Паисием Хилендарским, составители выступили на ее страницах в защиту родного языка. В третьей части пособия присутствует даже специальный пассаж, призывающий очистить болгарский язык от недостойных «турко-влахо-греческих» заимствований. На смену им должны прийти «украшающие» язык болгарские аналоги. Патриотические настроения прослеживаются и в пассажах, посвященных изложению основных целей современного образования. Оно, по мнению составителей, должно быть нацелено не только на передачу знаний, но, прежде всего, на воспитание подрастающего поколения (так как именно от воспитания зависит превращение человека в патриота или «родоотступника»). Высшей же целью современного образования, по мысли авторов, является воспитание детей в патриотическом духе.

В 1833 или 1834 г. Неофит покидает Свиштов и отправляется в Сербию с надеждой напечатать там тираж своего учебного пособия. В 1835 г. эта задача успешно претворяется в жизнь. Вскоре после возвращения в 1836 г. в Свиштов начинается новый период в жизни Неофита Хилендарского. Его учительская миссия в этом городе навсегда заканчивается, и он покидает его. Начинается период общественной деятельности. После ухода из Свишто-

ва Неофит около двух лет проводит в различных населенных пунктах и монастырях Тырновского края. Точно определить характер его деятельности в данный период вряд ли достоверно возможно. Известно, в частности, что он преподавал в Троянском и Габровском монастырях, используя в качестве учебного пособия напечатанное в Сербии «Детоводство».

Небезынтересно отметить, что в материалах, относящихся к первому периоду жизни Бозвели, невозможно обнаружить признаков каких-либо грекофобских настроений, столь типичных для последнего этапа его деятельности. Так, в принадлежащем его перу «Землеописании» (1835 г.), для которого характерен субъективный тон и ярко выраженные патриотические настроения, нет и намека на так называемое «духовное рабство» болгарского народа. Здесь, например, Бозвели откровенно приветствует распространение эллино-греческих училищ, употребляя похвальные эпитеты в отношении наиболее известных из них. Его явно радует, что в Янине существуют два училища «прехвални, от които исхождат весма многоискуснии человеци»; в Сересе имеется «эллино-греческое добропорядочно училище»[2]. А по поводу истории ликвидации Охридской архиепископии он лишь спокойно констатирует, что ныне она находится под Константинопольским патриархом и «падна весма много от первата си слава»[3].

Перемены в жизненной позиции Бозвели наступают в 1838 г. после начала конфликта жителей Тырнова с вновь назначенным митрополитом Панаретом. Именно с этого момента главным содержанием жизни Неофита становятся патриотические проповеди, нацеленные сначала против тырновского митрополита, а затем фанариотского духовенства и даже греков в целом.

Как показывает капитальное исследование истории болгарского церковного вопроса (в период до Крымской войны), проведенное З. Марковой, до «тырновских событий» выступления болгар против греческого духовенства хотя иногда и имели место, но носили исключительно эпизодический, локальный характер и уж тем более не были обременены грузом так называемого «векового противостояния» (являющегося скорее продуктом национал-романтической болгарской историографии, чем фактом исторической действительности)[4]. И именно выход на арену общественной жизни Неофита Хилендарского совпал с наступлением нового этапа в отношениях греческих иерархов и болгарской паствы, с началом первой фазы церковной борьбы болгар, характеризующейся постепенным перерастани-

ем незначительных конфликтов местного значения в политическое противостояние целого народа с Константинопольской патриархией.

Что касается известных науке более ранних столкновений, то они весьма немногочисленны [5]. Строго говоря, их всего несколько. Первое произошло в начале 1820-х годов. В 1823 г. случился конфликт между врачанским епископом Мефодием и главой местной общины Димитраки Хаджитошевым, поддержанным соотечественниками. Основа столкновения имела фискальный характер и была связана с проблемой уплаты населением дополнительных платежей, необходимых для выплаты долга митрополии перед патриархией. Ответственность за сбор денег лежала на наместнике епископа Д. Хаджитошеве. Врачанская община отказалась платить требуемую сумму. Конфликт принял затяжной характер и длился до 1827 г. В него оказался втянутым и тырновский митрополит Илларион Критский. В конечном итоге противостояние вылилось в требование отстранения врачанского епископа. В качестве альтернативной кандидатуры предлагался болгарский архимандрит Гавриил. Однако после неожиданной смерти Д. Хаджитошева движение во Враце заглохло.

Через несколько лет крайне обострились отношения между греческим митрополитом Ананием и населением скопской епархии, имевшей многочисленную болгарскую паству. В 1827–1828 гг. прихожане отправили в патриархию жалобу по поводу недостойного поведения своего митрополита с просьбой заменить его «честным и непорочным» архиереем. Со стороны местных властей прошение было поддержано влиятельным в округе Амзи-пашой. В результате неугодный митрополит был смещен с должности, но предложение паствы назначить на освободившуюся должность уважаемого в округе священника Димитра («чист от старите българе българин»)[6], было все же патриархией отвергнуто.

В 1829 г. население самоковской епархии обратилось в столицу с просьбой поставить на вакантную епископскую кафедру известного болгарского просветителя, монаха Неофита Рильского. Однако это обращение также удовлетворено не было. В 1836 г. безрезультатным оказалось и предложение представителей Казанлыкской, Старозагорской и Новозагорской казы о назначении архимандрита Онуфрия Поповича Хилендарского их епископом.

Хотя конфликт во Враце и вокруг фигуры Онуфрия Поповича происходил в период пребывания на тырновской митрополичьей кафедре Иллариона Критского, нередко прямо затрагивая его интересы, однако непос-

редственно против него направлен не был. Политика этого просвещенного и умного греческого митрополита в отношении местного населения отличались исключительной корректностью. Ситуация коренным образом изменилась после его смерти и вступлении в должность в июне 1838 г. Панарета.

Современники дружно рисуют личные качества Панарета самыми черными красками. Сохранились сведения, что во время службы он публично оскорблял и даже бил священников, закрывал в случае налоговых недоимок церкви. Последнее обстоятельство вызывало особое возмущение населения, так как покойников нередко приходилось хоронить неотпетыми, а младенцы подолгу оставались некрещеными. Кроме того, Панарет отличался необузданной жадностью. Как писал Неофиту Рильскому по этому поводу его друг священник Аверкий Стоянов: «...его глаза как монеты и кроме денег ничего другого не видят»[7]. П. Р. Славейков, который спустя десятилетия специально собирал среди местных старожилов информацию о «тырновских событиях», записал, что Панарет ради денег был способен на все. Ради них он легко забывал и о вере, и о законе, за деньги венчал родственников и разводил женатых, собирал для продажи по церквям и монастырям серебро, продал даже драгоценности с митрополичьего облачения [8]. Главным результатом его бурной «митрополичьей» деятельности стало строительство роскошного дворца в Стамбуле и ненависть болгарской паствы. Против фигуры Панарета впервые в болгарской истории османского периода организованно и официально выступили старейшины общин, представлявших основные епископальные центры митрополии.

Справедливости ради необходимо, впрочем, отметить, что столь беспрецедентная смелость болгарских старейшин в значительной степени была спровоцирована самими османскими властями, а точнее публичными заявлениями султана-реформатора Махмуда II. Во время своего путешествия по Румелии в 1837 г. (т. е. за год до появления митрополита Панарета) султан прямо пообещал тырновскому населению высочайшую защиту их законных прав в случае всяческого рода злоупотреблений. Помня об этом, представители основных епископальных центров и приняли, по-видимому, решение обратиться прямо к правительству и добиваться смещения нового митрополита.

Одновременно с требованием отставки встал и вопрос о возможном преемнике. Всеобщее одобрение вызывала кандидатура монаха и книжника Неофита Рильского. От имени соотечественников поп Аверкий Стоя-

нов отправил ему послание, в котором аргументировал желание паствы видеть именно его в качестве нового владыки. В этом письме он, в частности, писал: «Поскольку наше многострадальное прелюбезное отечество Болгария обратило внимание на свои неписанные права и ... возжелало, прежде всего, заменить чужих начальников нашим клиром в лице родолюбивых и образованных соотечественников..., зная ваше родолюбие и достоинство, ученолюбие и просвещенное ваше христианское благочестие, мы согласились на том, чтобы просить Ваше всепреподобие стать тырновским митрополитом»[9]. Но Неофит Рильский отказался. Тогда всплыла кандидатура Неофита Хилендарского Бозвели. Однако всеобщего одобрения она не вызвала. Камнем преткновения стало известное пристрастие Бозвели к спиртным напиткам. Но в конечном итоге, судя по письму Аверкия Стоянова к Неофиту Рильскому, большинство решило: «Пусть лучше пьяный, лишь бы не грек». Тем более, что Бозвели и сам говорил: «Я вижу свое недостоинство ... если вы не вынесете, прогоните, когда захотите»[10].

Для выяснения вопроса о возможности смещении Панарета летом 1839 г. Бозвели был отправлен в Стамбул. В то время колония болгарских торговцев и ремесленников в столице была уже достаточно многочисленна. Однако, как записал двадцать лет спустя в своих мемуарах очевидец событий Г. Раковский, несмотря на то, что отец Неофит обладал природным даром слова и демонстрировал готовность принести на алтарь отечества всю свою жизнь, никто из первых лиц болгарской колонии (кроме Стояна Чалыкова) не обратил внимания «на его общеполезные и спасительные болгарскому роду предложения»[11].

Гораздо больший интерес миссия Неофита вызвала в османских правительственных кругах. В частности, на контакт с ним вышел влиятельный сановник болгарского происхождения Стефан Богориди. Г. Раковский, пользовавшийся тогда покровительством Богориди, сообщает в одном из писем, что Неофит был благосклонно принят последним и имел все шансы быть рукоположен в болгарские владыки, если бы не внезапная смерть султана Махмуда [12]. Вместе с его смертью изменилась и позиция Богориди.

Однако прежде, чем это произошло, Неофит получал со стороны султанского двора самые обнадеживающие обещания. Причина успеха крылась в особенностях придворного механизма лоббирования, успешно использованного Бозвели. Источники единодушно указывают, что в качестве непосредственных лоббистов выступили два любимых султанских конюших

болгарского происхождения — Илья и Тодор. По одним сведениям, с их помощью высочайшего покровительства Неофиту удалось добиться еще при жизни султана Махмуда, по другим, после его смерти — через вдовствующую султаншу.

Сторонник первой версии Г. Раковский сообщает, в частности, следующее[13]. Илья, родом из Калофера, находился в теплых дружеских отношениях с болгарскими ткачами, в стамбульской колонии которых жил и проповедовал Бозвели (среди ткачей был и тесть Ильи). Именно Илья подал султану прошение с просьбой о назначении Неофита тырновским митрополитом, добавив устно, что тот якобы является его родственником. Султан воспринял просьбу благосклонно и передал ее для исполнения в Министерство иностранных дел, в ведомстве которого находились дела патриархии. Однако патриархия, узнав способ, каким было организовано это назначение, приняла ответные меры. С помощью великого логофета Аристарха, поддерживавшего связи между патриархией и Портой, удалось настроить султанского дворецкого против конюшего. Илье был запрещен вход во дворец, а султану доложено, что юноша болен.

Вторая версия детально повторяет первую. Отличие состоит лишь в том, что прошение было передано вдовствующей султанше Безми Алеем, грузинке по происхождению, попавшей в султанский гарем еще в семилетнем возрасте, но сохранявшей в течение всей жизни благосклонность к христианам.

Одновременно с этими шагами по официальной линии на имя султана было подано коллективное прошение болгар в пользу кандидатуры Бозвели. Прошение было подписано старейшинами 16 основных центров тырновской митрополии — Тырново, Русе, Никополя, Врацы, Плевена, Свиштова, Габрова, Разграда, Ловеча, Старой Загоры, Новой Загоры, Казанлыка, Оряхово, Орхание, Чирпана и Севлиева. Были выбраны и представители для вручения прошения властям — тырновец Николай Кетенджиоглу, габровец Колчо Басмаджи и еленчанин Стефан Бобчоолу, которые в начале 1840 г. и прибыли в Стамбул.

Настроения в среде болгар царили самые радужные. Не в последнюю очередь их питал и изданный в ноябре 1839 г. султанский указ (Гюльханейский хатт), декларировавший гражданские права и свободы всем подданным султана вне зависимости от вероисповедания. Уверенные в своей победе, болгары собрали даже денежные средства, необходимые для покупки

митрополичьих одежд и других аксессуаров для рукоположения Неофита. Однако патриархии удалось переиграть ситуацию в свою пользу.

Сначала, как уже упоминалось, из дворца был удален конюший Илья. Затем патриархия смогла договориться с прибывшими в столицу тремя болгарскими представителями. Цена договоренности составляла (по некоторым сведениям) 15 000 грошей каждому. Болгарские представители, передав в Министерство иностранных дел жалобу на митрополита Панарета, представили в качестве народного избранника Неофита. Но в итоговом документе им оказался хотя и Неофит, но не Бозвели, а его греческий тезка — молодой (двадцатипятилетний) ставленник патриархии Неофит Византиос. В результате этой хитроумной комбинации патриархия смогла отчитаться перед Портой, что в полной мере выполнила ее предписание — рукоположила в тырновские митрополиты Неофита, якобы того самого, которого хотел народ. Для умиротворения же болгарского общественного мнения в Тырново, Свиштов, Елену, Габрово и некоторые другие центры тырновской митрополии были разосланы синодальные письма, обещавшие рукоположить в местные епископы болгар. Сам же Бозвели в мае 1840 г. был назначен протосингелом (помощником) тырновского митрополита с обещанием последующего назначения на должность епископа в Ловеч.

Таким образом, все усилия Неофита Бозвели и его сторонников оказались напрасны. Отсутствие единства в рядах болгар было ловко использовано патриархией. Как писал по этому поводу современник событий В. Априлов, «если бы имели болгары общее согласие ...тогда не было бы ни одного грека владыкой или епископом в Болгарии»[14].

В августе 1840 г. новый митрополит Неофит Византиос и его протосингел Неофит Бозвели прибыли в Тырново. О жизни Бозвели в Тырново сведений сохранилось крайне мало. Известно, что отношения с новым митрополитом у него не сложились. Весьма быстро они обострились до такой степени, что Бозвели был вынужден покинуть город и поселиться в Лясковецком монастыре. Однако вскоре по ложному доносу, включавшему в себя обвинения в организации покушения на жизнь владыки, государственной измене и связь с бунтовщиками (количество которых доходило до фантастической цифры в 40 000 человек), Неофит был арестован и сослан на Афон. Там под строгим надзором он провел в заточении три года.

С апреля 1841 до августа 1844 г., т. е. за время заточения, Бозвели сменил три монастыря — сербский Хилендар, болгарский Зограф и греческий Ди-

онисиат. Судя по сохранившимся письмам самого Неофита и воспоминаниям его современников, в славянских монастырях он встретил к себе самое враждебное отношение. Как писал Неофит, он был «заперт, поносим, хулим и уничтожен»[15]. В глазах правоверных монахов он действительно был преступником — подстрекал к бунту против митрополита, проявлял непокорство в отношении вселенского патриарха, а, кроме того, выступал за распространение светского образования.

Пребывание в греческом монастыре Дионисиат, где Неофит провел около половины своего срока заточения, оказалось гораздо более комфортабельным. Благодаря вмешательству друга Бозвели архимандрита Онуфрия Поповича, имевшего личные связи с игуменом Дионисиата, условия содержания были смягчены. Хотя игумен имел строгие инструкции, запрещавшие выпускать Неофита за монастырские стены, Онуфрий смог добиться разрешения на регулярные прогулки по берегу моря. По замыслу Поповича, это послабление предоставляло возможность для побега, т. к. в прибрежных водах Афона корабли и рыбачьи лодки не были редкостью. Планам побега способствовало и то обстоятельство, что еще до перевода в Дионисиат Неофиту удалось обзавестись необходимым для передвижения по территории Турции паспортом (тескере). По информации резидента польской эмиграции в Стамбуле М. Чайковского, выдал этот документ Бозвели сам афонский ага (глава местной турецкой администрации) во время личной аудиенции[16]. Однако благоприятного случая для побега пришлось ждать больше года.

Заточение на Афоне стало для Неофита периодом интенсивного литературного творчества. Здесь он написал свои первые диалоги, обличающие фанариотское духовенство. Хронологически первое место среди них занимает сочинение под названием «Просвещенный европеец, полумертвая Мать Болгария и сын Болгарин», написанное, скорее всего, в начале 1842 г. в Хилендарском монастыре. Из наиболее известных далее следует «Разговор соотечественников» («Разговор на любородните»), затем диалог рожденного в эмиграции болгарина с прибывшими заграницу болгарскими торговцами. Образцом при создании всех этих произведений послужили несколько популярных в сербской и греческой книжности конца XVIII — начала XIX вв. полемических диалогов, нацеленных на обличение духовенства и пробуждение национального самосознания народа. В первую очередь, это анонимный греческий диалог конца XVIII в., составленный в форме беседы русского, английского и французского путешественни-

ков, а также анонимный диалог «Мать Сербия и сын Серб», напечатанный в Венеции в 1825 г.

Отталкиваясь от этих знакомых современникам образцов, Неофит задумал свои произведения как обличительные памфлеты против двух общественных сил, являющихся, по его мнению, основной причиной бедственного положения болгарского народа. Первым врагом болгар Неофит считал греческое духовенство, олицетворением которого для него являлся тырновский митрополит. Вторым врагом — его помощников в местных органах общинного самоуправления — болгарских старейшин (чорбаджиев). Центральной фигурой в диалогах выступает аллегорический образ несчастной, «полумертвой» Матери-Болгарии. Первостепенная тема произведений — тяжелое положение болгарского народа под игом фанариотского духовенства и местных чорбаджиев. Главным же средством для спасения родины, по мысли автора, является замена греческого духовенства национальным болгарским клиром.

После бегства с Афона именно выполнение этой задачи и становится для Бозвели основной целью жизни. Важнейшую роль в жизненном выборе болгарского архимандрита сыграли два фактора. Первым из них, несомненно, были причины личного характера — обида на греческих иерархов в лице тырновского митрополита и чиновников патриархии. Роль второго фактора принадлежит политическим инициативам представителей польской аристократической эмиграции.

Польские агенты во главе с Михаилом Чайковским обосновались в Стамбуле в период заточения Неофита. Центром их движения после подавления польского восстания 1830–1831 гг. стал Париж. Во французской столице князем Адамом Чарторыйским, являвшимся идейным вдохновителем и организатором польского сопротивления за рубежом, была создана достаточно эффективная и влиятельная политическая организация. Главной целью ее деятельности было освобождение Польши, однако принятая на вооружение доктрина предусматривала организацию совместных действий против России как можно большего количества порабощенных (желательно славянских) народов. Антирусская в своей основе, деятельность князя Чарторыйского была естественным образом ориентирована на поиск союзников в стане врагов России. В 1840 г. польская эмиграция наладила политическое сотрудничество с французским правительством и с его помощью начала устанавливать связи в турецкой столице.

Основой франко-польского сотрудничества стал его четкий антирусский политический вектор и ясное понимание, что преждевременный распад Османской империи означает на практике усиление позиций России. Однако политика министра иностранных дел Франции Гизо и планы князя Чарторыйского совпадали лишь в общих чертах. Проблема освобождения славянских народов, в том числе и Польши, в тот период мало интересовала Францию. Однако тактические задачи — ослабление влияния России на Балканах и на православном востоке в целом — у Гизо и Чарторыйского полностью совпадали. Совпадало также и понимание необходимости привлечения в качестве политического союзника папской курии. Работа католических миссий на землях Османской империи не только способствовала бы усилению французского влияния в ущерб русскому, но и служила бы надежным прикрытием для деятельности французской и польской агентуры.

Первоначально замыслы Чарторыйского подразумевали развертывание активной деятельности лишь на территории Дунайских княжеств и в Сербии. Именно эти земли рассматривались им в качестве стратегического плацдарма для вторжения отрядов славянских добровольцев в случае гипотетического восстания в Польше. Однако постепенно планы эмиграции приобрели более широкие очертания, включив в себя и курирование так называемого болгарского церковного вопроса. Инициатива в данном случае исходила не из Парижа, а принадлежала главе польской агентуры в Стамбуле М. Чайковскому.

Первоначально разработка болгарской проблематики не входила в планы польской агентуры. Политическая оценка болгар Чарторыйским сводилась главным образом к тому, что на общем фоне славянских подданных империи этот народ демонстрирует наименьшую политическую зрелость. Поэтому только сохранение «покровительства» Турции может спасти его от проникновения пагубного русского и греческого влияния. Лишь после того, как под надежной защитой полумесяца болгары приобретут политическую зрелость, а их национальное самосознание достаточно окрепнет, можно говорить о начале движения за политическую независимость. Однако открытие польской миссии непосредственно на самих Балканах быстро внесло коррективы в эти теоретические построения.

Чайковский прибыл в Стамбул в 1841 г. с французским паспортом и официальным поручением французского Министерства иностранных дел. Согласно этому поручению ему якобы предписывалось заняться изучением

истории и этнографии турецких славян. Подчинялся польский эмиссар непосредственно князю Чарторыйскому, от которого регулярно получал необходимые инструкции. В турецкой столице Чайковский вошел в тесное сношение с французским посольством и католическим орденом лазаристов. Быстро были налажены и необходимые связи в среде влиятельных турецких сановников.

Постепенно среди проблем, решением которых был занят глава польской агентуры, болгарский церковный вопрос, как наиболее политически перспективный, начал выдвигаться на одно из первых мест. Решающую роль в повороте основного вектора работы польской агентуры в середине 1840-х годов сыграло знакомство Чайковского с видными деятелями церковного движения болгар. Сначала это был Илларион Михайловский (Макариопольский), а затем Неофит Бозвели. Первоначально основную политическую ставку поляки планировали делать на Иллариона. Однако после появления в Стамбуле Бозвели эти планы были скорректированы. Неофит произвел на Чайковского впечатление более перспективной политической фигуры и быстро был выдвинут на первый план.

Знакомство Чайковского с Бозвели состоялось в сентябре 1844 г. практически сразу после возвращения последнего с Афона. Посредником выступил личный друг Неофита и сотрудник Чайковского (ответственный за связи с болгарами) серб Константин Огнянович. Благодаря именно его стараниям Бозвели по прибытии в столицу был поселен сначала в доме знакомого француза, а затем у лазаристов в монастыре Сан-Бенедито. Следующий шаг в обеспечении безопасности Бозвели и укреплении его связей с польской миссией был сделан уже непосредственно самим Чайковским. После встречи и личного знакомства в монастыре лазаристов, польский резидент смог организовать для Неофита столь необходимый для него документ — тескере, обеспечивавший личную безопасность. Тогда же Чайковский счел необходимым устроить аудиенцию Бозвели у великого везира Мехмеда Али-паши. Благодаря этой встрече, в ходе которой были красочно описаны все злоключения Неофита на Афоне и еще раз озвучены претензии болгар к патриархии, начался новый этап сотрудничества деятелей болгарского национального движения с Портой.

Благодаря архивным изысканиям болгарского историка В. Смоховской-Петровой, опубликовавшей многочисленные рапорты, регулярно отправляемые Чайковским в Париж князю Чарторыйскому[17], этот этап болгарс-

кого движения чрезвычайно хорошо документирован. Однако именно эти документы неопровержимо свидетельствуют, что в данный период становление церковного вопроса у болгар проходило под непосредственным патронатом польской агентуры.

Как следует из писем Чайковского, болгарский церковный вопрос не был для польских эмигрантов проблемой самостоятельной. Он рассматривался лишь как рычаг для раскола православных народов с целью ослабления позиции России на Балканах и изменения сложившейся здесь системы международных отношений. Польские эмигранты полагали, что поддержка болгарских требований вполне соответствует интересам Франции и Англии, поскольку их удовлетворение будет способствовать сохранению внутренней стабильности Турции и, соответственно, противоречить интересам России. Зная о враждебном отношении Англии к планам активизации католической пропаганды, они, тем не менее, полагали, что в данной ситуации английское дипломатическое ведомство предпочтет позицию нейтралитета, поскольку связь болгар с Римом для него выгоднее, чем их религиозное единство с Россией.

Рапорты Чайковского в Париж раскрывают поэтапный механизм, с помощью которого агентура намеревалась добиваться осуществления своих далеко идущих планов. Первым шагом на пути их реализации должно было стать выполнение болгарских требований о народных владыках и рукоположение в сан сначала двух-трех болгарских архиереев. Под давлением Порты патриархию необходимо было вынудить пойти на этот шаг добровольно, поскольку любые преждевременные обвинения в схизме неминуемо настроили бы общественное мнение против раскольников. Вторым шагом должно было стать также легитимное, т. е. добровольное и одобренное Портой создание автономной болгарской национальной церкви. И лишь в качестве последнего заключительного шага планировалась уния (с помощью своих ставленников) болгарской национальной церкви с Римом.

Твердый курс Чайковского на поддержку болгарских требований и тактика поиска союзников в лице турецкой администрации нашли полное понимание у Неофита Бозвели. Вероятно, не без влияния польской агентуры Бозвели в рекордно краткие сроки подготовил обширный меморандум, в котором изложил свое видение положения болгарского народа под духовной властью греческого духовенства. Благодаря предоставленным Чайковским каналам этот документ был уже в сентябре 1844 г. представлен на

рассмотрение великому везиру Мехмеду Али-паше. В том же месяце аналогичный документ был составлен и Илларионом Макариопольским. Эти два меморандума стали основными документами и одновременно программой первого этапа болгарского церковного движения. Благодаря публикации В. Смоховской-Петровой текста меморандума Бозвели современная историческая наука обладает документом, считавшемся ранее утерянным[18].

Меморандум начинается решительным и программным заявлением: «Наши деды, которые жили мирно под оттоманским господством, всегда были жертвами греческой и русской политики». Основной вектор этой политики лежит, по мнению автора, в сфере взаимодействия России с Константинопольской патриархией, и цель этой политики — подрыв устоев Османской империи. Для обоснования этого заявления Неофит приводит исторические факты и личные наблюдения, предупреждая турецкое правительство, что «если Порта не предпримет необходимых мер ... то может быть подвержена известной опасности».

Описывая подрывную деятельность агентов патриархии (в лице владык) и России (в лице торговцев, политиков, путешественников), Неофит особо подчеркивает, что под ударом этого злонамеренного союза оказалось не только турецкое государство, но и болгарский народ. Многочисленные войны России против Турции принесли болгарам исключительно одни беды и страдания. После же того, как иллюзии на скорое освобождение рассеялись, начались пагубные для болгар, но выгодные России и упорно организуемые царским правительством массовые переселения за Дунай.

Далее автор подробно останавливается на описании беззаконий греческих владык в болгарских епархиях. Основное место в тексте уделяется обличению злоупотреблений давнего врага Бозвели тырновского митрополита Неофита. Если же говорить об общем плане видения проблемы, то главными пороками греческих духовных пастырей Бозвели называет их коррумпированность, алчность, противодействие развитию образования и просвещения. Интересно при этом отметить, что, оценивая политику греческих владык по отношению к болгарской пастве, Бозвели склонен усматривать в ней элемент преднамеренной провокации. По его мнению, преследуя без санкции Порты неугодных болгар, выставляя их в глазах турецких властей в качестве опасных бунтовщиков, патриархия с подачи России специально организует тем самым подрыв авторитета султана и рост антиправительственных настроений.

Одновременно Неофит считает своим долгом довести до сведения властей, что русские агенты (и их греческие приспешники) находят исключительно мало последователей в среде его соотечественников, чья верность и преданность султану не знает границ. Переполненные верноподданническими чувствами, болгары обращаются к своему правительству с нижайшей просьбой. Эта просьба общая и в меморандуме Бозвели, и Иллариона Макариопольского. Она сводится к нескольким пунктам: 1. Желание болгар иметь архиереев своей народности и избирать их в своих епархиях; 2. Право открывать свои народные училища; 3. Право свободно издавать книги и газеты на родном языке; 4. Право иметь свою церковь в столице; 5. Право создавать в своих городах суды (из болгар и мусульман) для защиты от происков греческих архиереев; 6. Право формировать независимые от патриархии делегации для подачи прошений непосредственно в руки Порты.

Верноподданническая тактика и энергичная поддержка польских агентов быстро принесли успех. Меморандум Бозвели, в отличие от более взвешенного и менее антироссийского документа Иллариона, был благосклонно встречен и одобрен Портой. Сам же Неофит, как сообщал М. Чайковский, смог добиться доверия турецких чиновников. О нем были наведены справки и власти пришли к выводу, что Бозвели всегда отличался благонадежностью — «с самого начала, когда принял духовный сан, и до сего дня всячески противостоял действиям России и Греции и способствовал лояльности болгар Порте»[19].

Для убедительности изложенных в меморандумах требований Бозвели и Илларион сделали попытку организовать обращение к Порте (с аналогичными просьбами) представителей болгарских епархий. С этой целью Бозвели обратился к жителям Свиштова, а Илларион к единомышленникам в Тырново и Елена. Однако добиться этой поддержки не удалось. В конечном итоге Бозвели вынужден был составить два прошения от имени жителей Свиштова сам лично. Одно из них адресовалось Порте, а другое Мехмеду Али-паше. В них описывались заслуги Бозвели перед жителями города и содержалась просьба о покровительстве против «греческих козней».

В начале 1845 г. дела по продвижению меморандумов начали принимать в столице благоприятный для болгар оборот. В конце января Бозвели был принят министром иностранных дел Шекибом Мехмед-пашой, который заверил Неофита в выполнимости болгарских прошений. Вскоре это подтвердил и Мехмед Али-паша. В начале марта М. Чайковский удовлетворенно

сообщал в Париж, что дело болгар продвигается весьма успешно. Определенный оптимизм вызывал и планируемый Портой созыв в столице Народного собрания. Съезд депутатов от разных провинций должен был помочь правительству напрямую выяснить истинные нужды населения.

В середине апреля в Стамбул начали прибывать болгарские представители. При содействии Мехмеда Али-паши Чайковскому удалось организовать их расселение в доме знакомого армянина-католика и предоставить в их распоряжение текст меморандумов. Депутатам пытались внушить, что и их прошения к Порте должны быть составлены в том же духе, однако все старания натолкнулись на стену политической незрелости. Лишь представители Шумена, Русе, Ниша и Самокова согласились с подобными предложениями. От Свиштова, несмотря на все старания Бозвели, представители вообще не прибыли. Депутаты от Видина остались равнодушны, а от Тырново и Пловдива заняли сторону патриархии. 7 мая собрание было закрыто без реальной пользы для решения болгарского церковного вопроса. Оценивая причины поражения, разочарованный М. Чайковский писал по этому поводу: «Депутаты продемонстрировали полную неспособность и трусость — обычное следствие долгого рабства»[20].

Не последнюю роль в фактическом провале предложенных инициатив сыграло, возможно, и распространение слухов о переходе Неофита и Иллариона в католичество. Информация о проживании Неофита в монастыре лазаристов Сан-Бенедето не являлась тайной. Об этом обстоятельстве было прекрасно известно патриархии и русскому посольству, которые не стеснялись использовать данный факт для распространения порочащих слухов. Со своей стороны, некоторые из католических миссионеров не только не скрывали, но и афишировали свои связи с авторитетными, по их мнению, в среде болгар деятелями. Вызвано это было предположением, что таким образом можно привлечь внимание и доверие рядовой паствы к католицизму. При этом явно недооценивалась сила и глубина историко-культурных традиций болгарского народа, неразрывно связанных с самим понятием православия. И хотя оба болгарских протеже лазаристов пытались обратить внимание своих покровителей на этот фактор, справедливо опасаясь, что слухи об их близости с католиками могут только отпугнуть православную паству, однако в должной мере поняты не были.

Спустя многие годы, касаясь в своих мемуарах периода проживания Бозвели и Иллариона в Сан-Бенедето, М. Чайковский прямо признал до-

пущенные ошибки. По данному поводу он написал следующее: «Я посоветовался с Мехмед Али-пашой и скрыл отца Неофита и Иллариона в монастыре лазаристов, хотя мне этого и не хотелось, так как всегда был убежден, что католицизм сильно мешал славянскому делу. Но у меня не было другого пути, чтобы завязать сношения с болгарами... Патер Лельо и г. де Буркней (французский посланник) совсем и не думали о какой-либо религиозной пропаганде; они полагали, что время само повлияет на религиозное чувство двух болгарских духовников. Но патер Боре, который совсем недавно облачился в рясу, как более ревностный и энергичный, попытался обратить их в католичество. Эти попытки только еще больше их испугали, так как Неофит и Илларион были убеждены, что последователей среди соотечественников не найдется, а сами они будут отвергнуты. Они считали, что гораздо рациональней и практичней добиться религиозной автономии, и тогда, может быть, станет возможно сближение с Римом. Однако патер Боре не отступил и продолжил свои попытки. ... Он распространил слух, что болгарские духовники наполовину перешли в католичество, полагая, что это будет способствовать ... принятию католичества. Случилось, конечно, совсем наоборот: болгарское население начало смотреть косо .... Патриархия же воспользовалась недоразумением... »[21].

В мемуарах Чайковский склонен говорить о недоразумении. Однако написаны они были по прошествии многих лет после описываемых событий, когда бывший резидент уже пытался наладить отношения с русским правительством. В современной же событиям корреспонденции Чайковский реагировал на ситуацию несколько иначе. Непосредственно после первого знакомства с Неофитом, оценивая перспективы сотрудничества с ним, он писал в Париж: «Хотя (он) и не перешел еще в католицизм, но семя чувства благодарности уже брошено. Лазаристы найдут в нем поддержку своих усилий, а если он станет митрополитом, лазаристы легко смогут достигнуть унии болгарской церкви с Римом — так велика его ненависть к грекам»[22]. Спустя всего несколько месяцев тот же Чайковский особо отмечал, что, по его мнению, «он (Неофит) уже продвинулся в понимании католицизма, а, может быть, даже принял некоторые обязательства по отношению к католичеству, но я не спрашиваю об этом, да и не стоит мне вмешиваться в это дело. Оставим эту работу патеру Лельо и патеру Боре» [23]. Аналогичная информация присутствует и в корреспонденции патера Лельо. В своем письме главе лазаристов в Париже генералу Этьену он вполне определенно со-

общал, что будущий патриарх болгарских католиков Неофит уже «на три четверти католик»[24].

Проще всего было бы объяснить ситуацию действительно недоразумением. Или же, учитывая желание Бозвели занять кафедру тырновского митрополита, стремлением использовать подходящую политическую конъюнктуру в своих личных эгоистических интересах. Однако психологический портрет, вырисовывающийся из современных эпохе документов, воспоминаний современников (прежде всего, Г. Раковского) и произведений самого Бозвели, делает это предположение маловероятным. Из рапортов того же Чайковского ясно следует, что сделанная им ставка на Неофита (а не на Иллариона, как предполагалось ранее) не в последнюю очередь объяснялась некоторыми удобными для поляков особенностями его характера. Иллариоиом было довольно сложно манипулировать. Для этого он был слишком образован и политически осторожен. Бозвели же, по мнению Чайковского, был более «первобытен», т. е. простоват, непосредственен, наивен, прямолинеен, искренен, неспособен к хитрости и лукавству. Другими словами, был общественным лидером, обладающим чрезвычайно ценными с точки зрения польских интриганов качествами. Эти качества одновременно обеспечивали Бозвели популярность в среде необразованной массы простого народа и делали из него легко управляемую фигуру.

Об искренности и зачастую излишней эмоциональности Неофита прямо свидетельствуют все его сохранившиеся литературные сочинения. Малоинформативные по содержанию, они буквально переполнены эмоциональными эпитетами: невоздержанно ругательными в адрес греческих владык и болгарских чорбаджиев, скорбящими в отношении несчастной родины. Что же касается предположения о примате чисто карьерных соображений в деятельности Неофита, то оно сомнительно. Во всяком случае, с отрицательной реакцией Бозвели на предложения патриарха (лето 1845 г.) занять митрополичью кафедру в Трапезунде (за получение которой, по информации Чайковского, некий грек заплатил 40 000 грошей) оно согласуется плохо. Поэтому, если исходить из психологической характеристики, наиболее вероятным представляется вывод, что затяжной конфликт с греческим духовенством действительно мог подвигнуть Неофита к неким шагам, вселившим оптимизм в души католических миссионеров.

Между тем, несмотря на явный провал инициатив Бозвели и Иллариона в Народном собрании, в мае того же 1845 г. они получили неожиданную

поддержку турецкого правительства. Прозвучавшие в это время жесткие заявления русского посольства по поводу деятельности польских агентов и их болгарских ставленников (обвинения в бунте и антигосударственной деятельности) лишний раз убедили турецкого министра иностранных дел в обратном. В глазах Шекиба эти заявления послужили дополнительным доказательством, что требования болгар не противоречат интересам Турции, но крайне невыгодны России. В ответ он предпринял шаги, нацеленные на урегулирование давнего конфликта патриархии с Неофитом Бозвели.

Новый патриарх Мелетий III, только что вступивший в должность после отставки в апреле 1845 г. патриарха Германа, не рискнул перечить желанию министра иностранных дел и обратился за посредничеством к Мехмед Али-паше. По информации Чайковского, в мае новый патриарх посетил великого везира и обещал «удовлетворить справедливые требования архимандрита Неофита», признав при этом, что его заточение было несправедливым[25]. В знак примирения на организованной Портой личной встрече с Мелетием Неофиту было сделано неожиданное предложение — переселиться на территорию патриархии. Это же предложение было подтверждено и самим Мехмед Али-пашой, который лично гарантировал Неофиту искренность намерений патриарха и объяснил принятие подобного решения необходимостью пресечения сплетен об обращении Бозвели в католицизм.

По свидетельству Чайковского, Бозвели весьма подозрительно отнесся к этой инициативе. Справедливо опасаясь потерять с таким трудом приобретенную свободу, он не был склонен покидать монастырь лазаристов. Эти опасения разделял и Чайковский, советовавший Бозвели не доверять патриархии, а еще лучше перебраться в Свиштов, где он будет в относительной безопасности. Лишь вмешательство Порты, настоятельно рекомендовавшей Неофиту удовлетворить высказанную просьбу, вынудило его пойти навстречу сделанному предложению.

Однако заключенное с таким трудом перемирие было сорвано практически сразу. Ободренные откровенным покровительством Порты и бессилием русского посольства, болгары подали в патриархию просьбу о создании в столице болгарской церкви. Подобный шаг не без основания можно было трактовать в качестве первой попытки отторжения болгарской церкви от Константинопольской патриархии. Не менее провокационно вел себя и непосредственно сам Неофит. Он хотя и переселился на территорию патриархии, однако не перестал встречаться с Чайковским и посещать лазарис-

тов. Кроме того, вняв советам польского резидента, Бозвели уже в середине июня получил от Министерства иностранных дел разрешение переселиться в Свиштов. Одновременно по Стамбулу прошел слух, что столичные болгары, поддерживаемые Чайковским, уже начали сбор денежных средств, предназначенных для покупки Неофиту места тырновского митрополита. Не желая дальнейшей эскалации болгаро-греческого конфликта, патриархия в конце июня приняла неожиданное решение. Неофиту был предложен пост митрополита Трапезунда. Однако Бозвели ответил резким отказом, заявив, в частности, что в Свиштов его приглашают граждане, которые якобы заявляют, что если он не будет им поставлен, они покинут лоно православной церкви[26]. Началось новое обострение отношений с патриархией. Именно в это время Чайковский докладывал в Париж: «Благодаря нашему вмешательству ... через Шекиба и Мехмеда Али ... Неофит не будет отправлен в Трапезунд и остается здесь ... мы продолжаем действовать, чтобы он был назначен архиереем где-нибудь в Болгарии»[27].

Уже 25 июня, вероятно, также не без участия Чайковского и Бозвели было организовано полномочие для него самого и для Иллариона от лица болгарских столичных эснафов, дающее право представлять не только их интересы, но и интересы всего болгарского народа перед патриархией, синодом и Портой. Скреплен этот важнейший документ был печатью абаджийского эснафа в Галате. И почти сразу после его появления Бозвели подал Порте обширный доклад о состоянии своего народа и о пагубной роли греческого духовенства. В основных своих чертах этот документ повторял положения более раннего меморандума. Однако в отличие от него существенная часть была посвящена конкретным экономическим предложениям. Речь шла о долгах болгарских епархий и о необходимости расследования их происхождения.

Провокационное поведение Бозвели, напрямую инспирируемое польской агентурой, не могло не вызывать возмущения патриархии и русской дипломатической миссии. По информации Чайковского, отношение к нему в русском посольстве было самое негативное — «ни против кого Россия не была возмущена столь сильно, как против него»[28]. При этом важно отметить, что, судя по материалам дипломатической переписки тех лет, самого Неофита в русской миссии не считали фигурой самостоятельной, скорее марионеткой в руках польских эмигрантов. Болгарский же церковный вопрос проблемой надуманной, искусственно раздуваемой теми же эмигрантами в провокационных целях.

Позицию русских дипломатов вполне можно понять. Появление на политической сцене болгарской проблемы стало для них полной неожиданностью. В докладах русского вице-консула в Адрианополе Л. Фонтона за период 1840–1844 гг. не содержалось даже намека на существование каких-либо противоречий между болгарами и греками по церковному вопросу[29]. Поэтому когда эта тема вдруг неожиданно всплыла на самом высоком уровне, новый консул в Адрианополе Ващенко прямо указал на Чайковского как на автора болгарского меморандума, а также инициатора и идейного вдохновителя созыва Народного собрания[30]. Ему же, по сведениям русского дипломата, принадлежала идея замены греческого клира болгарским и создания независимой болгарской церкви, а также налаживание конструктивных отношений с Ватиканом.

Подобный взгляд на болгарский вопрос полностью разделял и глава русской дипломатической миссии в Стамбуле В. Титов. Крайне подозрительно относясь к любым инициативам, так или иначе связанным с польской эмиграцией и католическими миссионерами, он автоматически переносил свое негативное отношение и на всех их протеже. Русское посольство не раз заявляло протест по поводу деятельности Неофита и Иллариона, пытаясь различными способами нейтрализовать их разрушительную для единства православия направленность. Чайковский предполагал, что идея назначения Бозвели митрополитом в Трапезунд, возможно, также принадлежит русской миссии. Летом 1845 г. болгарская проблема приобрела для русских дипломатов особую остроту и в связи с посещением турецкой столицы великим князем Константином. На фоне высокого визита польско-французские интриги вокруг вселенского престола выглядели в глазах чиновников особенно неуместными.

По информации Чайковского, именно очередной демарш России и вынудил главу Министерства иностранных дел Шекиба Мехмед-пашу, а затем и Мехмеда Али-пашу согласиться на заточение не только Неофита, но и Иллариона (в качестве его «приятеля»). Сыграв на резком осложнении ситуации в придворных кругах накануне падения Риза-паши, патриархии удалось запугать Шекиба неминуемым осложнением отношений с Россией и добиться разрешения на наказание болгарских схизматиков исключительно по церковной, т. е не требующей вмешательства Порты линии. 29 июля 1845 г. Неофит и Илларион были арестованы в здании патриархии, отправлены на Принцовы острова, а оттуда в заточение на Афон. Это заточение

было совершено без формального разрешения турецкого правительства, но с согласия русской миссии и лично посланника В. П. Титова.

Весть об аресте всколыхнула столичных болгар. По некоторым сведениям их небольшая группа даже сделала попытку освобождения узников, когда они находились на Принцовых островах. Однако реально об их судьбе заботилась, главным образом, польская агентура и, в первую очередь, М. Чайковский и К. Огнянович. Уже 31 июля Чайковский отправил ноту протеста на имя Риза-паши и Шекиба. 3 августа последовала вторая нота, однако безрезультатно. Стараниями польской эмиграции информация о «возмутительном аресте» была озвучена даже на страницах французских газет.

Ясно понимая последствия изоляции обоих болгарских церковных лидеров для будущего польской миссии в турецкой столице, Чайковский попытался задействовать представителей французских и английских дипломатических кругов. Однако его надежды не оправдались. Сначала французское посольство проявило некоторую заинтересованность. Однако последовавшая вскоре отставка Риза-паши, повлекшая за собой неизбежные дворцовые перестановки, и резкое заявление английского посланника Каннинга, обвинившего католических миссионеров в нарушении политической стабильности внутри Османской империи, отбили желание французских дипломатов вмешиваться в этот непростой вопрос. Чайковскому оставалось только с болью констатировать, что ни одно из посольств не изъявило «даже желания» поддержать Турцию в ее противостоянии с Россией.

Чайковскому пришлось надеяться лишь на помощь столичных болгар. Именно по его инициативе Порте было передано их прошение с просьбой о помиловании. Этот документ был подписан 2 тыс. болгарских портных султанской мануфактуры в Стамбуле. Но все попытки помочь не увенчались успехом. Национально-церковное движение болгар было обезглавлено.

С арестом Неофита и Иллариона завершился поражением и первый этап церковной борьбы болгар. Активное вмешательство в ее ход агентов польской эмиграции в значительной степени предопределило остроту и характер противостояния с Константинопольской патриархией. Конфликт местного значения вокруг замещения кафедры тырновского митрополита был умело трансформирован поляками в политическую проблему международного масштаба. Однако непосредственно для удовлетворения требований болгарского народа это вмешательство имело далеко неоднозначные последствия. С одной стороны, в лице польской агентуры болгары нашли

заинтересованных посредников, благодаря которым в рекордно короткие сроки были налажены необходимые контакты с турецким правительством. С другой, сам факт этого посредничества надолго обеспечил крайне негативное отношение русской миссии практически ко всем инициативам болгар в церковном вопросе. Но в то же время именно интерес западных держав к болгарской проблематике стал в будущем одним из важнейших факторов, способствовавших пересмотру Россией своей позиции. Превращение болгарской церковной тематики в новую политическую составляющую извечного Восточного вопроса вынудило русское правительство в конечном итоге к ревизии установки на безоговорочную поддержку идеи единства православия и перемене своего отношение к требованиям болгар. И в этом контексте Неофит Бозвели, независимо от его намерений и уровня понимания ситуации, сыграл важнейшую роль. Ему довелось стать той ключевой фигурой, вокруг которой в решающий момент развернулась основная политическая интрига, оказавшая в дальнейшем существенное влияние на становление национальной болгарской церкви.

На Афоне Неофит был заключен в «Великой Лавре», а Илларион в монастыре «Св. Симеона и Петра». Об условиях содержания Неофита известно, что они были гораздо более жесткими, чем у Иллариона (включая кандалы и заточение в сырой башне). К счастью, в конце декабря Неофит был переведен в Хилендарский монастырь. На новом месте отношение к заключенному отличалось большей терпимостью, и Бозвели опять предался литературной деятельности. Здесь в первой половине 1846 г. он создал главное литературное произведение своей жизни — «Плач бедной Матери-Болгарии».

Литературная форма и идейная направленность «Плача», представляющего диалог Матери-Болгарии с сыном, мало отличается от более ранних диалогов, вышедших из-под пера Неофита. Так же как и прежде основной темой является обличение греческих владык, ввергших болгарский народ в состояние экономического и духовного рабства. Главное отличие заключается, прежде всего, в более широком взгляде на проблему. Если в период своего первого заточения, находясь под сильным впечатлением от «тырновских событий», Неофит был склонен рассматривать ситуацию в региональном аспекте, выступая в основном с обличениями тырновского митрополита и местных чорбаджиев, то ко времени второго заточения его позиция меняется. Жизненный опыт и приобщение к тайнам международной поли-

тики помогают Неофиту подняться до уровня понимания общенациональных задач. Именно поэтому во вновь созданном диалоге местные и личные интересы автора отступают перед одной общенациональной проблемой — избавления болгарского народа от фанариотского ига. Путь к решению этой проблемы и пытается найти автор, передавая обмен мыслями между несчастной Матерью-Болгарией и ее просвещенным сострадательным сыном.

Рисуя в общих чертах картины разорения страны и трагической судьбы ее народа, автор ищет ответ на вопрос о причинах сложившегося положения. Однако видит он их не столько в последствиях османского владычества, сколько в интригах греческого духовенства. Намерения турецкого правительства по отношению к болгарской райе, по его мнению, самые благие, но они блокируются клеветой и подкупами чиновников патриархии. Деятельность же греческого духовенства в Болгарии направлена, по его мнению, исключительно на искоренение национального самосознания паствы и превращение ее в тупое орудие для достижения панэллинистических претензий греков.

Начало фанариотского владычества в Болгарии Неофит датирует 1711 г., т. е. временем Прутского похода Петра I. Именно тогда, по его информации, фанариотам удалось запугать султана мыслью о единстве болгарского и русского народов и лишить тем самым их высочайшего доверия. И именно вследствие этого навета (т. е. не на рубеже XIV — XV вв., а в начале XVIII столетия) была ликвидирована Тырновская патриархия, низложен ее глава, а болгарские епархии отданы на разграбление фанариотскому духовенству. С тех пор, по мысли автора, греческими иерархами планомерно искореняется культура и самосознание болгар. Что касается мер по спасению от уготованной болгарам духовной гибели, то Неофит видит их, прежде всего, в мобилизации сил народа для организации коллективных жалоб на имя султана. Именно они должны продемонстрировать властям, что «болгаро-миллет» не отступит, пока не получит свое национальное духовенство и возможность принятия самостоятельных решений в вопросах просвещения, церкви, общинного самоуправления.

Тяжелые годы заточения оказались фатальны для Бозвели. Он умер 4 июня 1848 г. на руках дьякона Григория, который заботился о нем последние недели жизни и которому современники обязаны сохранением письменного наследия мятежного болгарского архимандрита.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подробно о жизни Неофита см.: *Георгиев Й.* Неофит Бозвели като борец за църковната ни свобода. Стара Загора, 1912; *Смоховска-Петрова В.* Неофит Бозвели и българският църковен въпрос (Нови дани из архива на А. Чарториски). София, 1964; *Арнаудов М.* Неофит Хилендарски Бозвели. Живот, дело, епоха. София, 1971. Т. 1–2; *Атанасов Ж.* Неофит Бозвели. София, 1974 ; *Пенев Б.* История на новата българска литература. София, 1977. Т. 2. С. 723–803.

2 *Арнаудов М.* Указ. соч. Т. 1. С. 380 — 381.

3 Там же. С. 381.

4 *Маркова З.* Българското национално-църковно движение до Кримската война. София, 1976.

5 Там же. С. 89–101.

6 Там же. С. 99.

7 Там же С. 103.

8 *Арнаудов М.* Указ. соч. Т. 1. С. 430 — 431.

9 *Радкова Р.* Двенадесет новооткрити писма на Неофит Рилски // Известия на държавни архиви. София, 1975. Т. 25. С. 23.

10 *Маркова З.* Указ. соч. С. 103.

11 *Арнаудов М.* Указ. соч. Т. 1. С. 466.

12 Архив на Г. С. Раковски. София, 1952. Т. 1. С. 389.

13 Там же. С. 362.

14 *Априлов В.* Съч. София, 1968. С. 314.

15 Арнаудов М. Указ. соч. Т. 2. С. 11.

16 *Смоховска-Петрова В.* Указ соч. С. 118.

17 Там же. С. 118 — 158.

18 Там же. С. 159 — 175.

19 Там же. С. 125.

20 Там же. С. 139.

21 *Арнаудов М.* Указ. соч. Т. 2. С. 161.

22 *Смоховска-Петрова В.* Указ соч. С. 120.

23 Там же. С. 125.

24 Там же. С. 40.

25 Там же. С. 136–137

26 Там же. С. 147.

27 Там же. С. 142.
28 Там же.
29 *Маркова З.* Указ. соч. С. 184.
30 Там же. С. 184–185.

Г. Л. Арш

Евгений Булгари

11 (22) августа 1716 г. в крепости на о. Корфу, принадлежавшем тогда Венеции, в греческой семье родился мальчик. В тот день турецкие войска, 45 дней безуспешно осаждавшие крепость, сняли ее осаду и погрузились на корабли. В память об этом событии родители — чиновник венецианской администрации Петр Булгари и его жена Иоанна — назвали своего сына Элефтерием (т. е. «свободным»). Позднее, при пострижении в монахи, Элефтерий сменил имя на Евгений. Но его первое имя оказалось символичным: греку-корфиоту суждено было внести большой вклад не только в просвещение, но и в национальное освобождение своих соотечественников.

Евгений Булгари (по-греч. Евгениос Вулгарис), ученый и просветитель, почетный член Петербургской Академии наук, прожил более трети века

в России и здесь завершил свой жизненный путь в 1806 г. Ранее этот видный деятель греческой и русской культуры не привлекал внимания российских историков. Почти не упоминается о нем и в общедоступных справочных изданиях[1].

С детских лет Булгари проявил большое рвение к учебе. Начальное образование он получил в различных училищах Ионических островов, а затем продолжил его в Арте и Янине (Эпир). Заметив способности юноши, состоятельные соотечественники оказывали ему материальную поддержку для продолжения образования. Около 1739 г. Булгари отправился в Италию, где поступил в Падуанский университет, один из старейших в Европе. Здесь он прослушал курс наук на философском факультете и основательно изучил итальянский, французский, латинский и древнееврейский языки. В 1742 г. молодой грек вернулся на родину и начал преподавательскую деятельность, предварительно приняв постриг в монахи. По словам его биографа, Булгари избрал монашество «как из благочестия, так и из особенной привязанности к наукам, требующим уединения»[2]. Значение преподавательской деятельности корфиота станет яснее, если ознакомиться с состоянием образования и культуры Греции того времени.

Османское завоевание задержало развитие Греции, стало причиной ее культурного регресса. Прекратили существование культурные центры, действовавшие с античных и византийских времен, были уничтожены многие рукописи и научные труды, почти все ученые и преподаватели эмигрировали. В немногочисленных училищах, так называемых грамматических школах, обучали только чтению текстов из Св. Писания и письму. Подавляющая часть населения была, однако, лишена и этих начал грамотности. Школьное дело в Греции в первые века османского господства находилось в руках Константинопольской патриархии, ее митрополита и епископов[3]. Но греческий историк и просветитель начала XIX в. К. Кумас установил, что большинство митрополитов Ларисы (Фессалия) XVII — начала XVIII в. сами были малограмотны[4]. Выходить из духовного мрака Греция начала в конце XVII в. Увеличивается число училищ, расширяется их учебная программа. Некоторые педагоги, испытавшие влияние идей Просвещения, знакомят своих учеников с естественными науками. Новую эпоху в греческом образовании и просвещении открыла преподавательская деятельность Булгари.

Преподавал Булгари в училищах Янины и Козани, в Афонской академии и Великом патриаршем училище Константинополя. Педагог в монаше-

ском облачении немало сделал для того, чтобы освободить школу от пут схоластики и средневекового мышления. Среди преподаваемых им предметов важное место занимали математика, физика и философия. Особое значение он придавал математике. Во время пребывания на Афоне, «подобно Платону, Евгений не принимал в свою гимназию того, кто не знал математики, и, по подражанию древнему мудрецу, на дверях училища велел вырезать следующую надпись: «Кто будет учиться геометрии, пусть приходит, а кто не хочет, тому возбраняю вход»[5]. Булгари перевел и впервые сделал достоянием своих соотечественников труды видных деятелей Просвещения. Типографий тогда в Греции не существовало, и эти переводы распространялись в рукописных списках. Учебные классы Булгари наполняли юноши из разных уголков Греции, их число с каждым годом возрастало (число учащихся Афонской академии за время преподавания здесь корфиота увеличилось с 7 до 200)[6].

Преподавательская деятельность Булгари в Греции фактически стала подготовительным этапом новогреческого Просвещения. Расцвет его приходится на последние десятилетия XVIII и первые десятилетия XIX в. Объективно роль этого духовного движения состояла в подготовке греков к решающей битве за освобождение, начавшейся в 1821 г. Важным в новогреческом Просвещении был аспект школьный, педагогический. К началу XIX в. повсюду в Греции — в городах, во многих больших деревнях — уже существовали училища. Здесь преподавало немало бывших учеников Булгари. По идейной окраске новогреческое Просвещение было пестрым. В нем имелась материалистическая, атеистическая струя, особенно усилившаяся в начале XIX в. Что касается философских воззрений самого Булгари, то их отличало стремление примирить науку с религией. Эта половинчатость сближала его с деятелями немецкого Просвещения, также пытавшимися найти среднюю линию между крайним рационализмом и пиетизмом[7]. К этому следует добавить, что Булгари до конца своих дней оставался верующим человеком. Но объективно его просветительская деятельность подрывала устои религиозного мировоззрения.

В годы преподавания в греческих училищах Булгари постоянно подвергался нападкам со стороны реакционно настроенных лиц. В Янине, в училище Маруцци враги его распространяли слухи о том, что «в новой школе преподается еретическое учение, что главный наставник ея, Булгарис, еретик и безбожник». «Учен-то он учен, — говорили они о Евгении, — да ведь

он атеист»[8]. В 1753 г. Булгари вынужден был оставить училище Маруцци и перейти в Афонскую академию. Но и здесь ему удалось преподавать только пять с половиной лет. Афон, испокон веков являвшийся оплотом мистицизма и религиозного традиционализма, был не самым подходящим местом для распространения идей Просвещения. Да и в целом обстановка в Османской империи мало благоприятствовала просветительской деятельности, в особенности — если просветитель был горячим патриотом Греции и врагом ее поработителей. А именно таким был Булгари. Не всегда он мог скрыть свои чувства. Однажды он, «читая в церкви псалом, в коем сказано: разторгнем узы и отринем иго их, вышед из себя, бросил книгу на пол и облился слезами»[9].

В 1763 г. Булгари навсегда покинул османские владения. Позади были 20 лет преподавания в Греции, впереди — полвека плодотворной научной и просветительской деятельности, также целиком связанной с новогреческим Просвещением. В начале 1764 г. Булгари прибыл в Лейпциг и прожил там семь лет. В аудиториях местного университета, а также университетов соседних (Гёттингена и Галле) можно было тогда нередко встретить фигуру в черной монашеской мантии. В немецких университетах преподавали многие видные ученые. С одним из них, известным математиком Я. Сегнером, Булгари связывали тесные, дружеские отношения. Он перевел с латыни на греческий и опубликовал в Лейпциге труд Сегнера «Основы арифметики и геометрии».

В Лейпциге, одном из крупных и старинных центров книгопечатания, представилась возможность для издания трудов греческого ученого, написанных им еще в Греции. В 1766 г. он выпустил в свет «Логику» — сборник текстов древних и новых философов. Труд этот занял видное место в литературе новогреческого Просвещения. В то же время были опубликованы в греческом переводе (его осуществил Булгари) произведения Вольтера — поэма «Мемнон» и трактат «О раздорах среди церквей Польши». Для греческих патриотов особое значение имело то, что знаменитый французский философ, большой поклонник античной культуры, проявил себя также, особенно во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., заклятым врагом султана и горячим поборником освобождения Греции. В трудах Булгари 60–70-х гг. XVIII в., в его письмах тех лет можно встретить благожелательные оценки Вольтера: «некоторый славный писатель наших времен»[10], «старик Вольтер молод духом и остротой ума»[11].

Но все это, разумеется, не дает оснований считать, что Булгари стал вольтерьянцем. Произведения Вольтера для перевода он подбирал весьма избирательно. В трактате «О раздорах среди церквей Польши» Вольтер с позиций сторонника свободы вероисповедания выступал в защиту православного меньшинства Польши, которое угнеталось католическими властями. Булгари считал, что выступление тогдашнего властителя дум может привлечь внимание общественного мнения и к положению православного населения Османской империи. К переводу труда Вольтера он приложил свой очерк о свободе вероисповедания, в котором дал свое толкование этого вопроса, сильно разнившееся с рассуждениями корифея французского Просвещения[12]. В Германии Булгари встречался с Вольтером, и они часто спорили на философские темы[13]. Несмотря на расхождения во взглядах, Вольтер проникся большим уважением к собеседнику и сообщил о нем Фридриху II. Прусский король пригласил греческого ученого в Берлин, а также написал о нем Екатерине II. Она предложила Булгари переселиться в Россию[14].

То была эпоха «просвещенного» абсолютизма. «Просвещенные» монархи соревновались в покровительстве ученым, по преимуществу иностранным. Кроме того, у Екатерины II были особые причины привлекать в Россию видных и влиятельных греков. С 1768 г. шла русско-турецкая война, и в политических планах царского правительства Греции отводилось значительное место. С февраля 1770 г. русские сухопутные и военно-морские силы под командованием А. Г. Орлова вели операции совместно с греческими повстанцами. В этих условиях Булгари мог быть использован для контактов с греческим обществом. 22 июня (3 июля) 1770 г. оберегермейстер С. К. Нарышкин обратился к Булгари с письмом, предлагая ему переехать в Петербург и занять должность преподавателя греческого языка в Шляхетском кадетском корпусе[15].

Булгари получил приглашение приехать в Россию в момент, когда внимание всех греков, где бы они ни находились, было приковано к драматическим событиям на их родине. Он, живя в Германии, не был оторван от своих соотечественников: в Лейпциге находилась значительная греческая община. К тому же этот город с середины XVIII в. был пунктом интенсивных русско-греческих контактов. Здесь обучались русские студенты; после начала русско-турецкой войны проездом часто останавливались русские офицеры, направлявшиеся в экспедиционный корпус А. Г. Орлова на Сре-

диземном море[16]. Экспедиция Орлова давала греческим патриотам надежду на близкое освобождение родины. Булгари разделял эти настроения и чаяния; более того, он, как и часть образованного европейского общества, верил «просвещенным» намерениям Екатерины II. Он сообщил императрице о своем желании перевести ее «Наказ Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» на греческий язык, на что она охотно согласилась и даже наградила ученого[17].

Булгари был склонен приехать в Россию, но у него возникли сомнения насчет возможности выполнять преподавательские обязанности при незнании русского языка и насчет перспектив продолжения научной и просветительской деятельности. Окружение Екатерины II постаралось рассеять эти сомнения. С. К. Нарышкин в письме царице 5 (16) октября 1770 г. предлагал точно определить круг обязанностей, которые будут возложены на ученого грека: «Ежели от онаго Евгения не будет требовано иного, как только, чтобы учить языку греческому в корпусе кадетском, а в свободныя часы сочинять греческий лексикон, придав ему кого-либо в помощь, то он может свободно сие исполнить, ибо он из нынешних греков есть наиученнейший»[18]. Прося вручить это письмо Екатерине II, он писал ее секретарю Г. В. Козицкому: «При сем изволите усмотреть, сколько я желаю по филеллинству, чтоб нам приобресть такова многоученова человека. Не сомневаюсь, чтоб и Вы не приложили всевозможнаго старания получить онова великова мужа в наше отечество»[19].

Уважение к Булгари, искренняя заинтересованность в его переезде в Россию свидетельствовали о подъеме в России в те годы эллинофильских настроений, которые затронули и придворные круги[20]. О важности, которую Екатерина II придавала приезду Булгари в Россию, свидетельствует привлечение к этому делу одного из братьев Орловых. Директор Академии наук В. Г. Орлов[21] в письме ученому 7 (18) ноября 1770 г. подчеркивал те благоприятные возможности для научной деятельности, которые откроются для него в России: «В Вашем распоряжении будет Патриаршая библиотека, где имеются любопытные и интересные книги всякого рода на греческом языке, а некоторые на латинском языке. Из них Вы можете выбрать и опубликовать по Вашему разумению. Приезжайте, и я полагаю, что Вас здесь не оставят без необходимого».

В конце декабря того же года Булгари сообщил В. Г. Орлову, что принимает приглашение и намеревается выехать в Петербург после установления

теплой погоды. Узнав весной следующего года, что ученый, прежде чем отправиться в путь, ждет его письма, Орлов снова побуждал его не мешкать с отъездом: «Начинайте Ваше путешествие, и я желаю, чтобы Вы целым и невредимым прибыли сюда. Я весьма огорчен, что не смогу воспользоваться Вашим обществом в Петербурге. Мое здоровье требует, чтобы этим летом я принял курс лечения на водах. Но это не должно помешать Вам приехать сюда. Императрица о Вас наслышана, и Вы смело можете по прибытии обратиться к оберегермейстеру Нарышкину, большому Вашему другу, и г-ну Козицкому»[22].

В июле 1771 г. Булгари прибыл в Петербург и получил аудиенцию у Екатерины II, которая назначила ему ежегодную пенсию в 1 500 руб. Каких-либо определенных обязанностей возложено на него не было, но как видного ученого и педагога его нередко привлекали для обсуждения вопросов, относящихся к образованию: проверке знаний возвратившихся из-за границы русских студентов, учреждению в Петербурге греческой гимназии[23]. Основное же содержание занятий Булгари в первые годы пребывания в Петербурге составляли переводы различных политических и публицистических сочинений на греческий язык. Подбор произведений для перевода вытекал не только из политических целей Екатерины II, но и из настроений и стремлений переводчика. Он перевел «Наказ» Екатерины II на новогреческий, и тот в 1771 г. был напечатан вместе с русским текстом в 2 тыс. экземпляров в типографии Академии наук. Переводу ученый предпослал посвящение, в котором выражал надежду, что практическое применение принципов «Наказа» приведет к освобождению его родины от долголетнего ига. Значительная часть тиража предназначалась для распространения в Греции[24].

В России Булгари считал себя представителем своих угнетенных соотечественников. По прибытии в Петербург он выразил чувства радости и благодарности за приглашение приехать в Россию и просил о помощи в освобождении своей родины[25]. Да и все произведения, оригинальные и переводные, написанные Булгари в Петербурге, были подчинены этой цели. В сентябре 1771 г. он напечатал переведенную им с итальянского на новогреческий брошюру активного участника средиземноморской экспедиции А. Джики «Желания греков в Европе христианской». Имеется незавершенный русский перевод этого произведения А. Н. Радищева, сделанный им в знак сочувствия к освободительным стремлениям греческого народа. Автор и оба переводчика — Радищев и Булгари — живо передавали

отчаяние греков в связи с неудачей Морейского восстания 1770 г., их опасения, что Россия в ближайшее время заключит мир с Портой. Греки надеялись, говорилось в брошюре, что в результате русско-турецкой войны «вольность паки между нами возобновится, и что Греция прежний свой вид получит. Надежда толиких выгод в один миг исчезла, и весьма основательный страх мучительных изтязаний, тиранами нашими нам приуготовляемых, как из отмщения, так и для политических причин, наполнил сердца наши горестью и отчаяньем. Мы должны опасаться, чтоб россияне не положили победоносного оружия своего для другой причины, нежели из почтения к неприятелю»[26].

В 1772 г. Булгари опубликовал публицистическую работу, в которой рассматривалось состояние Османской империи. Сочинение это, изданное на греческом языке, вскоре вышло также на русском и французском языках. Автор, высказывая убеждение в том, что европейские государства должны объединиться для борьбы с Османской империей, обращался с призывом к монархам Европы: «Оставьте ваши несогласия, престаньте проливать кровь християнскую». Булгари, как и многие его современники, верил, что час крушения империи, под игом которой томилась Греция, уже близок. Он образно писал: «Великий Колосс колеблется, трепещет, близок к своему падению, уже наклоняется к оному. Сие высокое и гордое древо, потемняющее тению густых своих ветвей провинции, государства и владычества в Азии и Европе и суше питательный сок из других деревцов, его окружающих, ожидает ныне конечнаго посечения»[27].

Хотя русско-турецкая война 1768–1774 гг. нанесла Османской империи сильный удар, надежды греков на освобождение от власти иноземных поработителей не оправдались. Многие греки, участники средиземноморской экспедиции А. Г. Орлова, спасаясь от репрессий Порты, переселились в Россию. Большинство осело в Причерноморье, отошедшем к России по Кючук-Кайнарджийскому миру. Здесь была образована Новороссийская губерния, а в сентябре 1775 г. была создана и церковная епархия, получившая название «Славенской и Херсонской». На этих землях жило много греков, болгар и сербов — эмигрантов из Османской империи, и Екатерина II решила поставить во главе новой епархии Булгари. Он вначале отказывался от назначения, мотивируя это тем, что не знает русского языка и не привык к управлению другими людьми[28], но пойти на конфликт с императрицей не решился. Осенью 1775 г. архидиакон Булгари стал архиепископом.

23 октября (3 ноября) 1776 г. Булгари прибыл в Полтаву — центр своей епархии. Но управлял он ею менее трех лет. Сверх получаемой пенсии в 1 500 руб. Булгари было назначено жалованье 1 200 руб. и еще 1 000 руб. — на продовольствие[29]. Но материальные блага и почести мало интересовали человека, видевшего смысл жизни в научных занятиях.

Между тем обязанности архиерея, экспедиционные поездки по обширной территории епархии, простиравшейся от Полтавы до Азовского моря и от Южного Буга до Дона, трудные проблемы отношений с жившими здесь униатами и старообрядцами требовали от Булгари много времени и сил. Весной 1779 г. он, ссылаясь на возраст (ему было 63 года) и слабое здоровье, обратился к Екатерине II с просьбой освободить его от должности архиепископа и рекомендовал назначить на это место своего помощника и друга, греческого ученого и просветителя Никифора Теотоки, прибывшего в Россию в 1776 г. [30] Просьба была удовлетворена; одновременно годовая пенсия Булгари была увеличена до 2 тыс. руб[31]. Недалеко от Полтавы, на высоком холме, и сейчас возвышается Крестовоздвиженский монастырь, где находилась резиденция архиепископа. Булгари еще два года прожил здесь, а затем переехал в Херсон, где оставался до 1788 г. Здесь военный губернатор генерал-поручик И. А. Ганнибал (дед А. С. Пушкина) построил для него дом, прозванный херсонцами «архиерейским»[32]. После ухода с высокого церковного поста ученый смог целиком посвятить себя научным занятиям.

Булгари нашел себе покровителя в лице Г. А. Потемкина. К его помощи он прибег для осуществления своего грандиозного замысла: стихотворного перевода на древнегреческий язык «Георгик» и «Энеиды» Вергилия. Потемкин поддержал замысел Булгари. Письма последнего Потемкину рассказывают о ходе этой работы, занявшей много лет. В личной переписке ученый, как правило, пользовался латинским, итальянским и новогреческим языками[33]. Потемкин хорошо знал греческий[34], и Булгари писал ему на своем родном языке. 27 августа (7 сентября) 1778 г. он сообщал: «Послал Вашей светлости первую книгу «Георгик» Вергилия, переведенную героическими стихами на греческий. Прошу соблаговолить известить меня, можно ли использовать этот труд, чтобы я мог послать затем три остальные книги, перевод которых готов и только ждет Вашего приказания»[35]. Через два года Булгари извещал, что продолжает работу по составлению примечаний к третьей и четвертой книгам «Георгик», и просил Потемкина выслать уже напечатанные книги, с тем чтобы «я отметил пропущенные опечатки в кон-

це издания»[36]. Перевод «Георгик» был типографски сложным предприятием; все связанные с ним расходы взяла на себя Екатерина II. Книга была напечатана в 1786 г. в Петербурге типографией Академии наук с текстом параллельно на древнегреческом и латинском языках. Открывала ее ода, которую переводчик посвятил своему меценату.

Потемкин убеждал Булгари наряду с античной филологией заняться и древней историей Северного Причерноморья: «Как Вы соединяете в себе знания разных веков, то Вы наш Исиод, Страбон и Златоуст. Возьмите же труд сделать описание исторического нашего края, что он был в древности, где искони были славные мужи и обилующие грады: Ольвия, Мелитополь, острова Ахиллесова пути и прочая. Разройте покрывающую деяния древность и покажите, как тут цвели общества и как разрушили оныя войны или нашествия народов диких, где проходил Джингис-хан с лютыми полками»[37]. Под влиянием ли этого обращения своего мецената или возникшего непроизвольно интереса, но Булгари занялся исследованием некоторых спорных вопросов древней истории России. Одна из его работ касалась истории сарматов. В другой он рассматривал вопрос о времени крещения киевской княгини Ольги[38].

Научные изыскания Булгари сделали его хорошо известным в русских академических кругах. 29 декабря 1776 г. (9 января 1777 г.) Петербургская Академия наук избрала ученого своим почетным членом[39]. Сам же Булгари считал своим долгом сообщать Академии наук важные, с его точки зрения, научные новости. 27 мая (7 июня) 1782 г. на заседании Академии наук было доложено полученное от него из Херсона сообщение «О древней арабской надписи и о нахождении большого количества таких надписей на твердых скалах в Аравии»[40]. Проведя 12 лет на юге России, Булгари в начале 1789 г. вернулся в Петербург. Это было связано с завершением перевода «Энеиды» Вергилия на древнегреческий. По распоряжению Екатерины II для него был нанят на средства казны дом «по собственному его выбору»[41]. Нет документальных данных о том, в каком районе Петербурга жил в 1790-е годы Булгари. Судя по всему, в соответствии с его желанием дом этот находился на Васильевском острове, поблизости от Академии наук и ее типографии.

Приличное содержание, получаемое от правительства, позволило ученому вести размеренную, хотя и довольно своеобразную жизнь. Ученик Булгари И. И. Мартынов, часто его навещавший, рассказывает: «Все часы дня

имели у него свое назначение, которого он без крайней нужды никогда не нарушал. Ночью спал обыкновенно не более трех часов; а вставал в четвертом часу пополуночи; два часа почти всегда читал молитвы; потом приносили ему завтрак, самой умеренный, после которого садился писать и занимался сим до полудня. В сие время он не терпел, чтобы кто-либо мешал ему, и редко принимал кого бы то ни было, не окончив утренних своих занятий. В первом часу обедал; пищу употреблял всегда одинакую, которая переменялась однакож в течение недели; не ужинал никогда. Разности в винах также не терпел. За столом любил быть с самыми короткими своими друзьями и одушевлял беседу беспрестанным острословием или веселыми анекдотами; редко разсуждал тут о глубоких каких-либо материях. Вне дома никогда почти не обедывал, разве у самых искренних своих друзей; сим он хотел сохранить здоровье и сберечь время для упражнений в науках. После обеда со втораго часу до четвертаго отдыхал. В четвертом принимал к себе имеющих в нем надобность или желающих разделить с ним время. Не можно было не чувствовать особеннаго удовольствия, наслаждаясь его разговорами. Не знаешь было, чему удивляться в его разсуждениях, обширным ли познаниям, красноречию ли на всех языках, которые он знал, а особливо на латинском и греческом, живости ли и мудрому веселонравию, в самую даже глубокую старость, или кроткому, не принужденному, снисходительному, привлекательному и внушающее особенное к нему уважение обращению. Но таковая с ним беседа не долее одного, а много двух часов могла продолжаться. После сего он уходил в свой кабинет и читал книги до десяти часов. От десяти до двенадцати опять беседовал с Богом. Таковая трезвая и устроенная жизнь избавила его от лекарств, которых он, по собственному его признанию, никогда не употреблял, и сберегла душевныя силы его до маститой старости»[42].

Строгий режим и прочно устроенный быт способствовали тому, что петербургский период жизни ученого оказался весьма плодотворным в творческом плане. В те годы Булгари работал над новыми темами и готовил к изданию ранее созданные им произведения. Опубликованные списки его научных трудов, включая переводы, насчитывают свыше 75 названий[43]. Эти труды охватывают многие области знания: математику, физику, философию, филологию, историю, искусствоведение. Булгари, как и многим ученым того времени, была свойственна энциклопедическая широта интересов. И вместе с тем по душевной склонности он был скорее «лирик», чем «физик».

Вывод этот можно сделать не только на том основании, что в течение почти 20 лет Булгари занимался переводом «Энеиды» с латинского на древнегреческий и что он написал несколько од, посвященных знаменательным событиям и влиятельным лицам.

О поэтических наклонностях ученого красноречиво говорит его письмо Козицкому относительно перевода (1771 г.) на греческий стихотворного послания Вольтера Екатерине II, в котором звучал призыв освободить Грецию от тиранов. Сначала Булгари сделал прозаический перевод послания. «Потом однако, — продолжал он, — не знаю, какая муза побудила меня перевести его и гражданскими стихами, которые ныне у нас употребительны, и вот, переведенное таким образом, посылаю его Вашей учености. Надеюсь, что мой перевод не отходит сколько-нибудь далеко от оригинала. Потому, что приложил всевозможные старание и усердие, чтобы точно передать смысл, форму и дух французского стихотворения. Об этом Вы сможете судить, сопоставив мой перевод с поэмой Вольтера, содержащейся в «Gazette littéraire de Berlin»[44].

Примерно четвертую часть трудов Булгари составляют богословские произведения. Религиозное мироощущение, принадлежность к церкви влияли на трактовку им философских и морально-этических проблем. В то же время теологические исследования сочетались у него с интересом к философским идеям, не совместимым с религиозным мировоззрением. Среди его трудов имеется незавершенный перевод на греческий язык трактата английского философа-материалиста Дж. Локка «Опыт о человеческом разуме»[45]. При подготовке своих трудов по разнообразным областям знания Булгари придерживался научной методики. Она включала в себя учет и критический анализ трудов предшественников: «Архиепископ Евгений судил о сочинениях других строго, о поступках снисходительно. В первых не терпел недостатков, как просвещенный критик; последния переносил великодушно, как знающий слабости, человеку свойственныя»[46].

После Французской буржуазной революции конца XVIII в. и под ее непосредственным воздействием греческое национально-просветительное движение вступило в пору нового подъема, который характеризовался прежде всего ростом книгопечатания на родном языке. По данным греческого просветителя А. Кораиса, за последнее десятилетие XVIII в. на греческом языке было напечатано больше книг, чем за весь предшествующий период, начиная от падения Константинополя[47]. Финансовую помощь греческим

ученым и педагогам в издании их трудов оказывали их соотечественники — богатые купцы, осевшие в различных европейских портах и городах. Особенно большой материальный вклад в распространение просвещения в Греции внесли четыре брата Зосима, жившие в Москве и Нежине[48]. Все работы Булгари, увидевшие свет в первые годы XIX в., были изданы на средства этих меценатов: моральный трактат (Петербург, 1804)[49], «Трактат о системе Вселенной» (Вена, 1805), «Метафизика, содержащая онтологию, космологию и психологию» (Венеция, 1805). Эти работы Булгари, как и большинство его оригинальных и переводных произведений, написаны на древнегреческом.

О языке произведений своего учителя Мартынов писал: «Еллинский язык его самый древний, трудной и красноречивый, и то даже, что он писал нынешним греческим языком, не легко понимать простому греку. Он старался сие последнее наречие как можно более приближить к еллинскому»[50]. Тяготение Булгари к архаическому литературному языку вызывало критику со стороны греческих просветителей демократического направления, считавших, что нужно писать понятным для народа языком. Употребление им древнегреческого существенно ограничивало его аудиторию и делало его по преимуществу «учителем учителей». Но было бы несправедливо на этом основании считать Булгари ретроградом или консерватором. Им двигало прежде всего патриотическое стремление непосредственно связать культуру и науку новой Греции с культурным наследием древней Эллады. Ученый гордился тем, что, несмотря на оковы иноземного ига, его соотечественники добились немалых успехов в развитии науки. Встречавшийся с Булгари в 1800 г. его будущий биограф Е. Болховитинов рассказывал, с какой юношеской горячностью старый ученый оспаривал его утверждение относительно упадка наук в Греции: «Нет, нет, кричит он с жаром, природные дарования греков не потерпели ущерба, и в Греции достаточно величайших людей в любой отрасли наук»[51].

В 1801 г. Булгари поселился в Александро-Невской лавре в Петербурге. Но и здесь заботы его оставались вполне земными. 7 (19) ноября 1802 г. он обратился к Александру I, жалуясь на академическую типографию, отказавшуюся выдать ему несколько экземпляров его перевода «Георгик» и «Энеиды» Вергилия: «Я бы не осмелился ничего требовать, — доволен будучи тем, что мне дано, — есть ли бы многие из разных стран, а особливо из Греции, непрестанно не просили у меня перевода сего, желая перво-

го из латинских стихотворцев Вергилия видеть на греческом языке, так что я принужден был в типографии покупать на собственные деньги несколько екземпляров для друзей и других особ, которым я отказать в том не мог»[52]. Царь дал указание министру народного просвещения П. В. Завадовскому «из числа находящихся за продажею, в типографии императорской Академии наук напечатанных на щет кабинета книги перевода его виргилиевых творений, отпускать просителю сколько ему нужно будет, не требуя от него за них платы»[53].

Булгари глубоко интересовался политическими событиями, особенно связанными с его родиной. В 1800 г. на Ионических островах, освобожденных от французской оккупации эскадрой Ф. Ф. Ушакова, возникла Республика Семи Соединенных островов, находившаяся под покровительством России и ставшая первым греческим государством нового времени, очагом национально-освободительного движения[54]. В 1803 г. в Петербург прибыл поверенный в делах республики Д. Наранцис. Бóльшую часть времени в своей монастырской келье Булгари проводил теперь с ним[55]. С ним же, а не со своим духовником, провел он и последние часы своей жизни. «Говорил он с Поверенным в делах Ионийской республики Г. Нерандзи, который держал его за руку, как он кончался, замечая биение его пульса»[56]. Ученый скончался на 90-м году жизни, 27 мая (8 июня) 1806 г., и похоронен в Александро-Невской лавре.

Поставив целью жизни распространение просвещения в Греции, Булгари остался верен ей до конца своих дней. Значительную часть имевшихся у него на счету в Петербургском банке 10 тыс. руб., а также драгоценные вещи он завещал греческим учебным заведениям: академии, которую предполагалось основать на Ионических островах, а также училищам на горе Афон и на о. Патмос[57]. Начавшаяся в 1806 г. русско-турецкая война надолго задержала осуществление этой части завещания Булгари. Лишь 1 (13) апреля 1818 г. российский посланник в Стамбуле Г. А. Строганов сообщил в Петербург, что он вручил поверенному училища на Патмосе одесскому купцу 1-й гильдии М. Фотули 1 423 пиастра 4 аспры (эквивалент 1032 руб. 76 коп., причитавшихся училищу согласно завещанию Булгари). Такую же сумму полагалось вручить и училищу на Афоне. Но выяснилось, что его давно уже не существует, и остались лишь развалины здания близ Ватопедского монастыря, от которого училище зависело. Поэтому Синод распорядился передать и эти деньги училищу Патмоса. Однако афонские монахи заяви-

ли свои претензии, ссылаясь на то, что они вновь собираются открыть такое училище[58]. Дальнейшая судьба этой части завещанных Булгари денег не выяснена.

За годы педагогической и научной деятельности Булгари сумел собрать ценную библиотеку. Еще во время своего пребывания на юге России он продал из нее 1 500 томов Потемкину. Книги предназначались для университета, который предполагалось основать в Екатеринославе (ныне — Днепропетровск)[59]. Однако наместник Новороссии не успел осуществить это намерение. После разных перипетий книжная коллекция Булгари попала в библиотеку Казанского университета, где хранится доныне[60]. Остальную часть библиотеки ученый завещал Петербургской духовной академии (сейчас эти книги находятся в Российской национальной библиотеке).

Для XVIII века — века Просвещения — был характерен интерес к культуре Древней Греции. Для своей «Риторики» М. В. Ломоносов впервые перевел на русский язык некоторые произведения древнегреческих писателей, в том числе — отрывки из «Илиады» Гомера. Пребывание в России знатока и поклонника древнегреческой культуры, каким был Булгари, дало исследованиям в этой области новый толчок. Его ученик Мартынов, окончивший Полтавскую духовную семинарию, издал в 1823–1829 гг. многотомный труд «Греческие классики»: переводы из Софокла, Геродота, Пиндара, Гомера, других авторов. В Полтавской семинарии учился и поэт Н. И. Гнедич, прославившийся переводом «Илиады». Сам Булгари в сотрудничестве с поэтом и переводчиком Н. А. Львовым в 1794 г. опубликовал параллельно на русском и греческом языках том стихотворений Анакреона — первое в России полное издание сочинений знаменитого древнегреческого поэта[61].

Уже при жизни Булгари его вклад в греческую науку и просвещение получил широкое признание. Его младший современник Кораис писал о нем в 1803 г.: «Этот уважаемый прелат является сегодня старейшиной образованных людей нации. Одним из первых он весьма существенно способствовал духовной революции, которая в настоящее время совершается среди греков»[62]. Видный деятель новогреческого Просвещения К. Кумас так отзывался о Булгари: «Евгений обезсмертил себя своею ученостию и тем переворотом, который произвел в ходе образования Греции. Обширныя и разнообразныя сведения по всем почти отраслям наук — плод превосходных дарований и неутомимого трудолюбия, — ставят Евгения на ряду первостепенных ученых не только Греции, но и Европы»[63].

Булгари высоко ценили и в русских научных и литературных кругах. Известный историк и археограф А. И. Мусин-Пушкин в предисловии к одной из работ ученого, изданной в России, писал об авторе: «Отличныя сего мужа дарования, великое знание древностей и похвала, которою ученыя общества о трудах его отзываются, — все сие удостоверяет меня, что и настоящее розыскание его будет от публики удостоено благосклонного принятия»[64]. Г. Р. Державин изобразил Булгари в своем знаменитом «Водопаде» в образе «ахейских муз», оплакивающих «Перикла» (Потемкина)[65]. Имя Булгари — одного из крупнейших представителей новогреческого Просвещения — тесно связано с богатой, хотя и мало еще изученной историей разносторонних русско-греческих культурных связей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Сведения о Е. Булгари, неполные и зачастую тенденциозно подобранные, можно найти на русском языке главным образом в трудах церковных историков XIX в. Им занималась и занимается греческая историография. Из последних работ назовем: *Πατηνιώτης Μ.* Απόπειρες διαμόρφωσης επιστημονικού λόγου στον ελληνικό χώρο του 18ου αιώνα. Αρχές της φιλοσοφίας στο έργο του Ευγένιου Βούλγρη και του Νικηφόρου Θεοτοκη. Αθήνα, 2001. См. также: *Batalden S.* Catherine II's Greek Prelate: Eugenios Voulgaris in Russia, 1771–1806. N. Y., 1982; *Knapp M.* Evjenios Vulgaris im Einfluss der Aufklärung. Amsterdam, 1984. Данная публикация основывается главным образом на статье: *Арш Г. Л.* Евгений Булгари в России // Вопросы истории. 1987. № 4.

2 *Мартынов И.* Известие о архиепископе Евгении Булгаре // Лицей. СПб., 1806. Ч. 3. Кн. 1. С. 35.

3 Церковный контроль над образованием был причиной того, что в балканских странах некоторые видные просветители, например, Паисий Хилендарский (Болгария) и Досифей Обрадович (Сербия), принадлежали к духовному сословию.

4 О-в С. Состояние просвещения в Новой Греции, от начала прошлого столетия до последних событий в ней, т. е. до войны за независимость (1821 года) // Москвитянин. 1843. Ч. VI. № 11. С. 369.

5 Там же. С. 376-377.

6 *Βακαλοπούλου Α.* Ιςτορία του Νέου Ελληνισμου. Θεσσαλονίκη, 1973. Τ. 4. Σ. 333.

7 *Batalden S.* Op. cit. P. 6.

8 *Скворцов В.* Евгений Булгарис, первый архиепископ Славянский и Херсонский // Полтавския епархиальныя ведомости (часть неофициальная). 1877. № 22. С. 965.

9 *Мартынов И.* Указ. соч. С. 51.

10 [*Булгари Е.*] Разсуждение на действительно критическое состояние Оттоманской Порты. М., 1780. С. 35.

11 Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 18. Д. 249. Л. 22.

12 *Batalden S.* Op. cit. P. 16.

13 *Мартынов И.* Указ. соч. С. 36. Впоследствии, в 1797 г., Булгари опубликовал брошюру антивольтерьянского содержания (См.: *Batalden S.* Op. cit. P. 153).

14 *Мартынов И.* Указ. соч. С. 38.

15 *Batalden S.* Op. cit. P. 19–20.

16 *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. М., 1980. С. 24.

17 Булгари в письме Екатерине II 4 ноября 1770 г. благодарил «за щедро пожалованную твою мне милость и благодеяние», не указывая, в чем конкретно они выразились (Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Сношения России с Грецией. 1770 г. Д. 732. Л. 4).

18 РГАДА. Ф. 18. Д. 249. Л. 7-8.

19 Там же. Л. 6; *Batalden S.* Op. cit. P. 21.

20 О русском эллинофильстве второй половины XVIII в. см.: Достян И. С. Указ. соч. С. 7–11.

21 В. Г. Орлов и ранее знал о Булгари, так как тот посылал ему в подарок свои труды (см. письмо Е. Булгари В. Г. Орлову от 28 апреля 1768 г. — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 219. Карт. 39. Ед. хр. 36. Л. 1).

22 Там же. Карт. 7. Ед. хр. 7. Л. 39, 61.

23 *Batalden S.* Op. cit. P. 30.

24 РГАДА. Ф. 18. Д. 249. Л. 24; Batalden S. Op. cit. P. 18, 29, 113.

25 РГАДА. Ф. 18. Д. 249. Л. 14.

26 *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.-Л., 1941. Т. 2. С. 227–228.

27 [*Булгари Е.*] Указ. соч. С. 78.

28 *Мартынов И.* Указ. соч. С. 40.

29 *Batalden S.* Op. cit. P. 46–47.

30 О нем см.: *Евгений (Болховитинов).* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. СПб., 1827. Т. II. С. 97–101; *Μουρούτη-Γκενάκου Ζ.* Ο Νικηφόρος Θεοτοκης (1731-1800) και η συμβολή αυτού εις την παιδείαν του Γένους. Αθήνα, 1979.

31 Batalden S. Op. cit. P. 62–63.

32 *Грот К. И.* Из бумаг А. В. Храповицкого // Старина и новизна. СПб., 1911. Кн. 15. С. 7.

33 Булгари хорошо изъяснялся также по-французски и по-турецки (См.: Записки И. И. Мартынова // Заря. 1871. № 6, прил. С. 93), но писем его на этих языках не обнаружено. Иногда он пользовался и русским, которым владел пассивно (См.: Письмо архиепископа Евгения Булгариса правителю канцелярии светлейшего князя Потемкина-Таврического Попову // Прибавления к Херсонским епархиальным ведомостям. 1875. № 23. С. 693).

34 Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 14. С. 650.

35 РГАДА. Ф. 11. Д. 948. Л. 224.

36 Там же. Л. 257.

37 Из бумаг князя Г. А. Потемкина-Таврического // Русский архив. М., 1879. Кн. 3. С. 19.

38 Эти работы были опубликованы после возвращения его в Петербург (См.: Булгари[с] Е. Историческое розыскание о времени крещения российской великой княгини Ольги... СПб., 1792; Он же. Ответ митрополиту римско-католической церкви Станиславу Сестренцевичу на вопрос его «Каким языком говорили древние сарматы?» // Вестник Европы. М., 1805. Ч. XXI. № 9).

39 Архив РАН (СПб. филиал). Ф. 1. Оп. 3. Д. 55. Л. 90; Д. 63. Л. 48-49. В опубликованном списке почетных членов Петербургской Академии наук (См.: Академия наук СССР. Персональный состав. М., 1974) имя Булгари отсутствует.

40 Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. М.-Л., 1937. С. 377.

41 *Грот К. И.* Указ. соч. С. 8.

42 *Мартынов И.* Указ. соч. С. 48–50.

43 См.: *Евгений (Болховитинов).* Словарь исторический ... СПб., 1827.

Т. I. С. 150–161. Уточненный и дополненный список см.: *Batalden S.* Op. cit. P. 148–172. Но и он не является полным. В нем отсутствует, например, написанный Булгари еще во время пребывания в Греции трактат «О морских приливах и отливах» (*Αραβαντινού Π.* Βιογραφική συλλογή λογίον της Τουρκοκρατίας. Ιωάννινα, 1960. Σ. 68).

44 РГАДА. Ф. 18. Д. 249. Л. 22–23.

45 По мнению некоторых историков, богословские занятия служили для Булгари средством защиты от нападок обскурантов. Когда Синод в связи с его переводами из Вергилия упрекнул его в том, что он занимается «языческими творениями», Булгари перевел богословский труд А. Зерникавы «О происхождении Святого Духа» (О-в С. Указ. соч. С. 375-377).

46 *Мартынов И.* Указ. соч. С. 51.

47 Coray. Mémoire sur l'état actuel de la civilization dans la Grèce. P., 1803. P. 61 (In: *Δρούλια Λ.* Πολιτικά φυλλάδια του Αδαμαντίου Κοραή. Αθήνα, 1983).

48 Подробнее см.: *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 150-151.

49 В русском переводе, вышедшем два года спустя в Москве, он назывался «Разсуждение против ужасов смерти».

50 *Мартынов И.* Указ. соч. С. 48.

51 Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македонцу // Русский архив. 1870. № 4–6. С. 785–786.

52 Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 12. Д. 3. Л. 2.

53 Там же. Л. 1.

54 Подробнее см.: *Станиславская А. М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. М., 1976.

55 Стурдза А. С. Евгений Булгарис и Никифор Теотокис, предтечи умственного и политического пробуждения греков // Москвитянин. 1844. № 2. С. 356.

56 *Мартынов И.* Указ. соч. С. 50.

57 Там же. С. 43–44.

58 АВПРИ. Ф. Главный архив. III – 23. 1817-1819 гг. Д. 12. Л. 14–15, 20–21.

59 *Скворцов В.* Указ. соч. // Полтавския епархиальныя ведомости, часть неофициальная. 1877. № 24. С. 1119.

60 С. Баталден, работавший в отделе рукописей и редкой книги Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского, где хранится эта коллекция, отметил, что наряду с редкими изданиями древнегреческих классиков она содержит труды Эразма Роттердамского со многими маргиналиями Булгари (См.: *Batalden S.* Op. cit. P. 76, 105).

61 Ibid. P. 80-83.

62 *Coray.* Op. cit. P. 16.

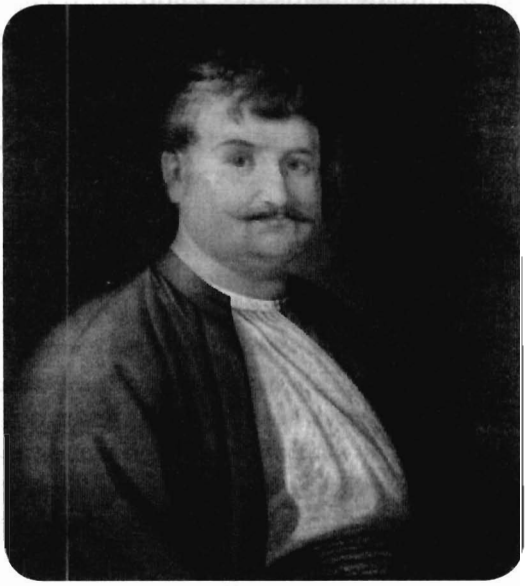
63 Цит. по: *Скворцов В.* Указ. соч. — Полтавския епархиальныя ведомости, часть неофициальная. 1877. № 24. С. 1129.

64 *Булгари Е.* Историческое розыскание ... С. II.

65 Сочинения Державина. СПб., 1864. Т. I. С. 481.

Г. Л. Арш

Ригас Велестинлис



В истории длительной освободительной борьбы греческого народа против османского владычества важная роль принадлежит пламенному революционеру и демократу Ригасу Велестинлису. Его деятельность в конце XVIII в. способствовала восприятию передовыми слоями греческого общества идей Великой Французской революции. Распространение идей революции в Греции и греческих зарубежных колониях дало новый импульс движению за национальное освобождение, обогатило его идейно и организационно.

Хотя жизнь и деятельность первого греческого революционера-демократа стали объектом многих исследований[1] биографические сведения о нем, особенно о ранних годах его жизни, весьма скупы. Известно, что Ригас родился около 1757 г. в зажиточной семье в фессалийском местечке Велестино — отсюда его прозвище Велестинлис, с которым он вошел в историю. Начальное образование Ригас получил у себя на родине: деревенский

священник научил его читать и писать. Затем он продолжил свое образование в училище Загоры в соседней горной области Пилион. В то время это был важный очаг греческого образования. В училище была своя богатая библиотека. О том, что полученные здесь юным фессалийцем классические и естественнонаучные знания были достаточно основательными, говорит сохранившаяся латинская книга XVI в. по космографии с его надписью.

Около 1777 г. Ригас переселился в Константинополь. По некоторым данным, он служил здесь секретарем у видного фанариота* Александра Ипсиланти. *Есть также основания считать, что молодой грек использовал свое* пребывание в мегаполисе для углубления своего образования, в частности для изучения иностранных языков.

Приблизительно с 1782 г. Ригас обосновывается в Валахии и находится здесь до 1796 г. О его пребывании и занятиях в этом автономном княжестве Османской империи имеются достоверные документальные свидетельства. В одном из донесений за 1798 г. российского посланника при Порте В. П. Кочубея о Ригасе говорилось, что это «грек, служивший в Волохии при господаре Карадже и других князьях, человек учением всегда занимавшийся ...»[2] Напомним, что Николае Караджа правил в Валахии в 1782–1783 гг. Имеются также сведения, что Ригас был секретарем господаря Валахии Николае Маврогеня (годы правления: 1786–1790) и некоторых валашских вельмож. Служба у влиятельных лиц давала ему источник существования. Однако жизненной целью этого образованного патриота стало содействие просвещению своего народа и его освобождению. Обстановка в Дунайских княжествах благоприятствовала таким стремлениям.

Находившиеся в XVIII в. под управлением фанариотов Дунайские княжества были ареной большой экономической и культурной активности греков. Обширные торговые связи соединяли княжества с Центральной Европой. Через эти провинции проходил большой магистральный путь, соединявший торговые города и местечки Эпира и Македонии с Нежином и Москвой, греческими торговыми центрами России. Господари-фанариоты покровительствовали греческому образованию и культуре. Важными очагами греческого образования были так называемые господарские акаде-

* Фанариоты — греческая денежно-торговая аристократия Константинополя, верхушка которой в XVIII в. являлась частью правящей иерархии Османской империи.

мии Бухареста и Ясс. В княжествах сложилась и интеллектуальная греческая элита. Она активно участвовала в широком общественном и культурном движении, начавшемся во второй половине XVIII в. — новогреческом Просвещении. Два его выдающихся представителя — Димитриос Катардзис и Иосипос Мисиодакс — выступали за распространение среди народа учебной и художественной литературы на общедоступном языке. Эти идеи были восприняты Ригасом в его переводческой деятельности. Результатом стали две первые его книги, опубликованные в 1790 г.: сборник романтических рассказов, переведенных с французского, под названием «Школа деликатных любовников», и сборник учебных материалов, переведенных с французского и немецкого, под заглавием «Антология физики». С начала 90-х годов XVIII в. Дунайские княжества становятся также важнейшим каналом проникновения идей Великой французской революции в греческое общество.

В этот период Бухарест и Яссы являлись не только важными экономическими и культурными центрами Юго-Восточной Европы, но и дипломатическими аванпостами России и Австрии в балканском регионе. Естественно, что и дипломатия революционной Франции проявляла растущий интерес к княжествам. Еще до появления в Дунайских княжествах официальных представителей Французской Республики проводниками ее политики и пропагандистами ее революционных идей становятся французы, оказавшиеся здесь по торговым и иным делам. Так, 30 июня (11 июля) 1793 г. генеральный консул России в Дунайских княжествах И. И. Северин сообщал о прибытии в Бухарест «для открытия коммерции» французского купца Ортолана. Но на деле французский купец больше занимался политикой, чем коммерцией. Как отмечалось в донесении Северина, он «старается знать политические дела в самой точности, а особливо о происходящем в Цесарии и Польше». Неофициальный представитель французских революционеров поддерживал также тесные связи с греческими купцами. Контакты добровольного эмиссара Конвента с торговой частью бухарестской греческой колонии оказались небезуспешными. Уже в октябре 1793 г. сам Ортолан сообщал из Бухареста посланнику революционной Франции в Константинополе М. Декоршу: «Почти все находящиеся здесь купцы из Янины и Албании — санкюлоты. Они перевели “Права человека”, все они знают их наизусть». Сторонники революционной Франции появились одновременно и в Яссах — как среди местных жителей, так и среди окружения господаря

М. Суццо. Наиболее активным из них был первый секретарь молдавского господаря, известный впоследствии греческий ученый и национальный деятель П. Кодрикас. И. И. Северин в марте 1794 г. писал, что «оный секретарь немало привязан к господствующей ныне во Франции партии»[3].

Революционная французская пропаганда в княжествах приняла еще больший размах после того, как сюда прибыл 25 августа (5 сентября) 1795 г. Э. Годен — первый официальный представитель республиканской Франции в Дунайских княжествах. А уже через полмесяца российский консул Л. Г. Кирико сообщал из Бухареста: «Годен старается привлечь к себе доверенность греков и здешних жителей, проповедуя им начало вольности и равенства. Носит униформу национальную и кокарду»[4]. Годен, судя по наблюдениям российского консула, принадлежал к плеяде дипломатов, рожденных Французской революцией и искренне веривших в ее идеалы.

Следует иметь в виду, что и после отстранения якобинцев от власти во Франции их радикальные идеи оставались в арсенале французской внешнеполитической пропаганды — новые власти стремились сохранить за Францией тот ореол, который она приобрела в глазах народов благодаря революционной смелости якобинцев. И Э. Годен в силу своих убеждений прилагал все усилия для того, чтобы ознакомить бухарестское общество со свободолюбивыми, демократическими принципами Французской революции. Особое значение эта деятельность французского дипломата приобретает в свете того, что в Бухаресте жил в это время основоположник греческого национально-освободительного движения Ригас Велестинлис, с которым Годена, как позднее он сам вспоминал, связывала особая дружба[5].

В первые годы революционных событий во Франции православные подданные султана, несмотря на распространение освободительных принципов Французской революции, не связывали свои надежды на избавление от османского ига с политикой революционной державы: Французская Республика не только не помышляла о разрушении Османской империи, но была ее фактическим союзником. Но затем победы республиканской Франции в войнах с контрреволюционной Европой пробуждают на Балканах, в особенности в Греции, большие надежды. Глубокое впечатление на демократические слои греческого общества произвела кампания генерала Бонапарта в Италии в 1796–1797 гг. Уничтожение феодальных институтов, ликвидация абсолютистских режимов и создание на их руинах «республик-сестер», воззвания французского генерала, в которых он обещал итальянс-

кому народу «национальное возрождение», рассматривались в Греции, да и в других балканских странах, как практическое осуществление обещаний революционной Франции помочь всем народам освободиться от тиранов и деспотов. Надежды эти обрели новую почву после появления победоносных войск Французской Республики на греческой земле.

18 (29) июня 1797 г. на Корфу, принадлежавшем до того, как и остальные Ионические острова, Венеции, высадились французские войска. Прибытие французских республиканцев в греческие области, находившиеся до того под иноземным господством и феодальным гнетом, вызвало большой энтузиазм у местного населения.

Начавшиеся на Ионических островах события сильно напоминали первые годы революции во Франции. На центральных площадях островов сажали деревья Свободы, возникли народные общества; на Корфу, на главной площади, была сожжена «Золотая книга», в которую в течение нескольких веков записывались фамилии наиболее родовитых дворянских семей[6].

Переход Ионических островов под господство Французской Республики имел серьезные последствия для всей Греции. «Санитарный кордон», который образовали при венецианцах тянувшиеся вдоль западного побережья Греции Ионические острова, был разрушен, и освободительные идеи Французской революции «вторглись» на османский континент, вселяя в его жителей надежду на скорое избавление от тирании Порты. Надежды греков подогревались и той активной революционной пропагандой, которую развернули в их стране французские агенты. Посланные Бонапартом во второй половине 1797 г. в Морею французские эмиссары Димос и Николаос Стефанополисы убеждали маниотов — жителей горной области, с оружием в руках поддерживавших свою самостоятельность, в том, что на помощь им придет французская армия во главе с Бонапартом[7].

Основной базой французской пропаганды в Греции стал Корфу. Прибывший сюда в июне 1797 г. генерал Жантили, «командир дивизии Леванта», привез с собой отпечатанное в Венеции обращение к жителям острова. Это весьма любопытный документ, образец той фразеологии, которой пользовались французские агенты для того, чтобы завоевать симпатии греков. Обращение открывал несколько измененный — на календаре был 1797, а не 1793 год — девиз Французской революции: «Свобода, Человечность, Равенство». В обращении содержался патетический призыв к корфистским грекам: «Потомки первого народа, прославившегося своими республикан-

скими учреждениями, вернитесь к добродетелям ваших предков, возвратите греческому имени его первоначальный блеск, проявите снова свойственную вам во времена античности энергию». В заключение французский командующий обещал грекам различные блага «именем генерала Бонапарта и волею Французской Республики, естественной союзницы всех свободных народов». Это воззвание — как, вероятно, и другие, подобные ему — широко циркулировали не только на Ионических островах, но и в подвластных Порте греческих областях. Воспринимались они как призыв к освобождению от иноземного ига. «В пограничных оттоманских провинциях, — сообщал в октябре 1797 г. из Мореи российский консул, — распространяются манифесты на трех языках — греческом, итальянском и французском. Эти воззвания, напоминая грекам о их подвигах в античную эпоху, побуждают их стряхнуть свои нынешние цепи и восстановить свою свободу, будучи уверенными, что их возьмут под защиту французские войска»[8].

Проявлением глубокого воздействия идей Французской революции на передовую часть греческого общества стало революционное движение под руководством Ригаса Велестинлиса. Горячий патриот Греции, он увидел в идеях Французской революции мощное оружие для освобождения своей родины и других порабощенных балканских стран. После переезда Ригаса в Вену (август 1796 г.) широкое распространение среди греков получил его «Военный гимн» — пламенный поэтический призыв к свержению османского ига. По революционной силе и воздействию на умы его можно сравнить с «Марсельезой». Крылатые строки «Военного гимна»: «Лучше один час свободной жизни, чем сорок лет тюрьмы и рабства», — стали боевым паролем всех греческих патриотов.

Политическая программа Ригаса нашла выражение в другом его произведении — «Новое политическое правление для народов Румелии, Малой Азии, островов Средиземного моря, Валахии и Молдавии». Здесь Ригас выступил страстным обличителем жестокости и произвола, господствовавших в Османской империи, показал полную незащищенность и бесправие всех подданных султана: «Ни один, какого бы то ни было достоинства и закона, не обнадежен ни о своей жизни, ни о чести, ни о своем имении. Всякой смиренный, всякой невинный, всякой честнейший гражданин ежеминутно подвержен опасности быть жертвою жизни мучительнаго его (султана. — *Г. А.*) мечтания или диких местонадзирателей и недостойных правителей онаго тирана, или, наконец (которое и часто случается), злоумышленников, зве-

роподобных последователей ему, кои радуются в его неограниченном суждении, жестоком безчеловечии и убийстве, которые без всякого следствия, без всякого допроса и без всякого суда осуждают»[9].

Ригас был убежден в скорой и неизбежной гибели Османской империи, верил в то, что на развалинах ее возникнет новое демократическое государство — «Греческая Республика». «Новое политическое правление» включает в себя конституцию будущего балкано-азиатского государства, в основу которой Ригас положил якобинскую конституцию 1793 г. Если в конкретных вопросах государственного устройства Ригас, в основном механически, копировал положения этой и других французских конституций, то при решении больших принципиальных вопросов характера нового государства проявился творческий дух греческого революционера. Высокий принцип «Декларации прав человека и гражданина», что «все люди равны по природе и перед законом» Ригас изложил в своей концепции «естественных прав». Согласно Ригасу, эти «естественные права» состоят в следующем:

«Первое, чтобы мы были все равны, а не одному быть выше другого, второе: чтобы мы были вольные, а не один другого невольник; третье, чтобы мы были обеспечены в жизни нашей, и никто бы оную не мог отнять от нас неправдою и прихотливым образом; четвертое, скотоводство*, которое мы имеем, чтоб никто не мог к нему прикасаться, но чтоб оное было наше и наследников наших».

«Греческая республика» Ригаса, в отличие от Французской республики, должна была состоять из многих народов. В Османской империи эти народы делились на угнетателей (турки) и угнетенных (все остальные). В государстве Ригаса это различие должно было исчезнуть: все народы получали одинаковые права, и не один, а все они в равной мере являлись носителями государственного суверенитета. «Самовластие народа, — писал Ригас, — составляют вообще все живущие в сем государстве, без изъятия закона и языка, еллины, булгары, албанцы, валахи, армяне, турки и всякого другого звания народы».

Провозгласив в конце XVIII в. — и далеко опередив тем самым свое время — принцип равноправия всех жителей Балкан и в целом Османской им-

---

* Термин этот употреблен в переводе в его архаическом значении: «имущество», «собственность».

перии, Ригас пошел еще дальше. Непреходящее значение имеет выдвинутый греческим демократом впервые принцип искреннего сотрудничества и взаимопомощи балканских народов. По его словам, «болгарин долженствует вступиться, когда страдает еллин, а сей опять за него и оба они — за албанца и волоха».

Ригас был не только идеологом, но и революционером-практиком. Он вел конспиративную деятельность, направленную на подготовку восстания с целью освобождения Греции и остальных балканских стран. Вокруг него объединились другие греческие патриоты. Так возникло тайное общество, вошедшее в историю как первая Этерия. Ее базу составляли греческие колонии Австрийской империи, но ячейки ее имелись и в самой Греции, и в других странах, где жили греки[10].

Ригас предпринял также попытку установить контакт с Бонапартом. Позднее в руки австрийского следствия попало, в частности, письмо Ригаса, написанное в июле 1797 г. и адресованное французскому консулу в Триесте Бреше. В этом письме руководитель Этерии от имени всех греков просил французского консула, чтобы он убедил генерала Бонапарта оказать им помощь в освобождении своей страны. Если, говорилось в письме, французский полководец выразит готовность помочь грекам, то Ригас отправится к нему для личной встречи[11]. Однако письмо не дошло до французского консула.

Греческие революционеры предпринимали, по-видимому, и другие попытки заручиться помощью Бонапарта, но и они остались безрезультатными.

Стремясь добиться военной и политической поддержки Бонапарта и Директории, Ригас и его Этерия сохраняли полную идейную самостоятельность. Возглавленное Ригасом освободительное движение отнюдь не было в какой-либо мере инспирировано французскими агентами. Оно было «инспирировано» самим греческим народом, его вековыми страданиями под чужеземным игом, его непреклонной решимостью сбросить это иго. Усвоение передовых идей Французской революции придало этому движению невиданную до того зрелость и сознательность. Но это были именно идеи Французской революции, а не тот эрзац, который Директория и ее генералы распространяли за пределами Франции. Если бы в руки Директории попало «Новое политическое правление» Ригаса, то она явно не была бы от него в восторге: революционное произведение, написанное в 1797 г., было насквозь пронизано якобинским духом, с которым после термидорианско-

го переворота 1794 г. в самой Франции велась беспощадная борьба. Вполне возможно, что у Ригаса с течением времени появились и некоторые сомнения (они возникли, вероятно, во второй половине 1797 г.) относительно «эллинофильства» Директории и Бонапарта. Во всяком случае несколько позднее Ригас заявил на допросе австрийскому следователю, что он будто бы «совсем отказался от своих революционных замыслов, так как узнал, что Порта находится в добром согласии с французами»[12]. Но само заявление Ригаса об отказе от революционных планов не следует, конечно, принимать на веру: оно было сделано задним числом для дезориентации следствия. Ригас и его соратники были полны решимости предпринять попытку освобождения Греции при поддержке Франции или без нее. Греческие революционеры рвались на родину, чтобы приступить к осуществлению своих освободительных замыслов. 5 августа 1797 г. Ригас писал Андонису Корониосу, одному из своих самых активных помощников: «Мои друзья из Бухареста пишут мне, что фессалийцы, эпироты и афиняне рычат, как львы. Они мне говорят, что сейчас уже не время писать книги и что я должен отправиться на родину. Они хотят, чтобы я сообщил им дату своего отъезда, для того чтобы и они смогли выехать»[13].

По некоторым сведениям, Ригас еще в начале 1797 г. собирался покинуть Австрию. Осенью этого года начались поспешные приготовления к отъезду. Около 20 ноября 1797 г. в греческой типографии Пульоса подпольно была отпечатана в количестве 3 тыс. экземпляров брошюра Ригаса, содержавшая его революционные взгляды. Печатание осуществлялось в срочном порядке. Для ускорения этого процесса автор безотлучно провел в типографии две ночи.

Чем была вызвана эта спешка? Получил ли Ригас какие-нибудь сведения из Греции? Убедился ли он, что бесполезно ждать помощи от Бонапарта и что нужно перейти к быстрым революционным действиям? Может быть, его подтолкнули известия о начавшемся мятеже Пазванд-оглу? Из-за отсутствия точных данных приходится пока лишь ограничиваться постановкой этих вопросов.

1 декабря 1797 г. Ригас явился в полицейское управление Вены, чтобы получить паспорт для поездки в Триест и оттуда — в турецкие владения. В заполненной в управлении анкете Ригас указал такие данные о себе: возраст — 40 лет, место рождения — Валахия, профессия — коммерсант. Как видно из этой анкеты, Ригас изменил некоторые свои данные, несомненно,

с целью дезориентации полиции. До отъезда из Вены он постарался переправить в Триест свой багаж — три ящика с экземплярами подпольно отпечатанной в венской типографии революционной брошюры. Однако при посылке этого опасного багажа Ригас допустил оплошность, имевшую роковые последствия.

По поручению Ригаса, его сподвижник Евстратиос Аргентис отправил ящики с литературой в Триест на имя местного купца Андониоса Ниотиса, с которым он поддерживал постоянные деловые связи. Одновременно Ригас написал письма в Триест своему активному помощнику Андониосу Корониосу, в которых он ставил его в известность о своих планах и просил взять у Ниотиса ящики с литературой и хранить их в безопасном месте до своего прибытия в Триест. Ригас отправил эти письма на адрес фирмы Икономоса, где Корониос служил писцом. К несчастью, Корониос в это время находился в отъезде, и письма Ригаса попали в руки главы фирмы купца Димитриоса Икономоса. Усмотрев из содержания писем, что речь шла о подготовке освободительного восстания в Греции, Икономос поспешил донести об этом губернатору Триеста графу Бригидо. Прибывший 19 декабря 1797 г. в Триест Ригас был в тот же день арестован в гостинице австрийской полицией. Через три дня, 22 декабря, русский консул в Триесте С. Варука послал донесение в Петербург об аресте Ригаса.

Варука в своем донесении писал: «На грека, прибывшего сюда из Вены, по имени Рига, боярина из Бухареста, где ему принадлежали деревни, поступил донос в полицию этого города, как на злоумышленника, имевшего планы побудить своих соотечественников в Турции поднять восстание против турок. Он был также в переписке с другим греком, живущим здесь, которого он время от времени информировал о своих планах и которому он послал три ящика, содержавшие печатные экземпляры воззваний — все на греческом языке. Хотя его здешний друг, который служит в конторе другого греческого купца Икономоса, не находится в настоящее время в этом городе, Рига продолжал с ним переписываться. Икономос забрал письма, которые прибывали для его писца, вскрыл их и, увидев, что дело идет о попытке восстания его соотечественников, он намеревался донести на него в полицию. Это он и сделал через день после прибытия сюда указанного Риги, который был задержан полицейскими и находится под стражей в комнате гостиницы, где он остановился. Затем они конфисковали его вещи и ящики, в которых находились указанные воззвания. Его допросили, и, твердый в своих

намерениях, он легко в них сознался и открыто повторяет, что он хотел бы сто раз пожертвовать свою жизнь ради освобождения своей нации от тирании, от которой она страдает. Самая большая неприятность в этом деле заключается в том, что в бумагах указанного Риги имеются подписи двадцати восьми тысяч греков из всех местностей, которые высказались за революцию. Грек Икономос, брат Карисси Икономоса, который находится в Вене и является поверенным министра Порты при венском дворе, сделал этот донос для того, чтобы завоевать авторитет у министра и у самой Порты и посредством этого стать здесь консулом турок. Он же, без сомнения, поставил обо всем в известность своего брата, который доложит об этом турецкому министру. Достойна жалости судьба всех греков и особенно тех 28 тысяч, имеющих такие настроения. Власти приказали полиции произвести расследование и затем направят доклад министру графу Сауро для того, чтобы получить от него указания. Это дело не смогут скрыть, но мудрость и человечность министра, который вынужден будет или заявить о нем оттоманскому министру, или признать его, могли бы представить его как безрассудство указанного выше лица, не ставя под удар большое число людей, чьи подписи имеются, и всю нацию в целом»[14].

Документ этот проливает новый свет на обстоятельства ареста Ригаса. То, что было известно раньше о мотивах действий Димитриоса Икономоса, основывалось на догадках и предположениях. Считалось, что этот богатый купец, торговая фирма которого вела операции как в Австрийской империи, так и (через стамбульскую фирму Мессинези-Власто) в Османской империи, был настроен враждебно в отношении возглавленного Ригасом национально-освободительного движения, так как опасался, что это движение нанесет ущерб торговым интересам греков в Габсбургской монархии[15]. Из донесения Варуки видно, что доносчик руководствовался гораздо более низменными побуждениями: он ценой жизни Ригаса и других борцов за свободу Греции надеялся получить должность турецкого консула в Триесте. По всем данным, Димитриос Икономос был тесно связан с турками, в частности — через своего брата Карисси Икономоса, служившего поверенным при турецком посланнике в Вене. Документ этот свидетельствует также, что, попав в руки австрийской полиции, Ригас с самого начала держался мужественно и стойко. Он открыто заявил допрашивавшим его полицейским офицерам, что хотел бы «сто раз пожертвовать свою жизнь ради освобождения своей нации от тирании». Донесение Варуки, написанное почти сразу после арес-

та Ригаса, говорит о том, что это событие быстро стало известно греческой колонии Триеста и вызвало в ее среде большое волнение. Греки горячо сочувствовали Ригасу, который своей революционной и научно-просветительской деятельностью был уже широко известен в это время в Греции и в греческих колониях. Кроме того, некоторые греки Триеста, несомненно, были причастны к Этерии Ригаса, и арест ее руководителя мог и для них иметь тяжелые последствия. Консул Варука, по национальности грек, целиком разделял волнения и тревоги своих соотечественников. Характерно его беспокойство в связи с тем, что в руки австрийской полиции попали бумаги Ригаса, содержавшие «подписи двадцати восьми тысяч греков из всех местностей, которые высказались за революцию». В материалах следствия по делу Ригаса и его сподвижников бумаги эти не фигурировали. Поэтому сообщение Варуки косвенно подтверждает вызывавший до сих пор сомнение у биографов Ригаса рассказ о том, как греческий революционер вскоре после ареста при помощи своего попутчика — молодого студента Христофороса Перревоса уничтожил все имевшиеся при нем компрометирующие материалы. По словам Перревоса, спасшегося тогда из лап австрийской полиции и ставшего впоследствии видным деятелем греческого национально-освободительного движения, Ригас и он, будучи под арестом в гостинице, находившейся на самом берегу моря, сумели выбросить в окно пакет с бумагами, «содержавшими подписи многих крупных купцов Греции, которых, в случае необходимости, они собирались использовать в Греции для сбора денег[16].

Хотя в результате уничтожения Ригасом своих бумаг история и лишилась ценнейшего источника о возглавленном им национально-освободительном движении, зато были сохранены жизни многих участников этого движения.

Но донос Икономоса все же дал австрийской полиции некоторые вещественные доказательства не только против Ригаса, но и против некоторых его помощников. В Вене и в Пеште были произведены аресты среди греков. Всего полиция арестовала (включая сюда и самого Ригаса) 16 человек[17]. Австрийская полиция видела в арестованных «опасных республиканцев», «приверженцев Французской революции». Следствием лично руководил министр полиции Перген, докладывавший о его ходе непосредственно императору Францу. Для ведения следствия полиция свозила всех арестованных в Вену. Вечером 30 декабря 1797 г. Ригас был передан под охрану отряда жандармов, который должен был доставить его в австрийскую

столицу. У него отобрали все вещи, на руки и ноги надели кандалы. Однако Ригас сумел спрятать небольшой ножик и ночью совершил попытку самоубийства. Нанесенные им себе раны оказались несмертельными, но они вынудили полицию на месяц задержать отправку Ригаса в Вену.

Между тем арест Ригаса, связанный с попыткой греков сбросить османское иго, продолжал привлекать внимание российских дипломатов. Наряду с С. Варукой о нем сообщил в Петербург и посланник в Вене А. К. Разумовский. В его донесении Павлу I от 13 (24) января 1798 г. говорилось:

«Ваше Императорское Величество, вне сомнения, уже непосредственно осведомлено Вашим генеральным консулом в Триесте о раскрытии там несколько недель тому назад заговора, составленного несколькими греками и охватывающего большую часть христианских владений, подчиненных Оттоманской Порте. Поэтому я не буду повторять здесь те подробности, которые смог по этому вопросу сообщить господин Варука. Но поскольку возможно, что он не смог переслать манифест, который заговорщики собирались опубликовать и который, к счастью, был конфискован в Триесте, я прилагаю здесь один печатный экземпляр на греческом языке, который был мне передан бароном Тугутом*. Этот министр, сведущий в восточных языках, отметил, что этот документ полностью следует якобинским принципам, содержа точное изложение прав человека, и что подготовка его, по-видимому, целиком направлялась французским правительством. Дальнейшее расследование всего этого дела должно было быть отложено из-за невозможности доставить сюда главного агента этого заговора по имени Рика, который после ареста в Триесте и предпринятой им попытки самоубийства находится в руках хирургов и не в состоянии перенести дорогу, для того чтобы подвергнуться здесь допросу»[18]. Приведенное донесение представляет интерес с точки зрения интерпретации движения. Если в донесении С. Варуки подчеркивались освободительные стремления Ригаса и его единомышленников, то донесение А. К. Разумовского передавало подсказанную ему австрийцами оценку этого движения как целиком «инспирированного» французским правительством. Версия эта нужна была австрийским властям для того, чтобы оправдать перед Россией, признанной покровительницей греков, готовившуюся ими жестокую расправу над Ригасом и другими греческими патриотами.

---

* Ф. Тугут — министр иностранных дел Австрии.

Донесение Разумовского, полученное в Петербурге в начале февраля 1798 г., привлекло большое внимание руководителей российского внешнеполитического ведомства. По распоряжению канцлера А. А. Безбородко, на русский язык срочно перевели печатную брошюру с революционными произведениями Ригаса, приложенную к донесению. Для этого была сформирована «бригада» из пяти переводчиков во главе с членом Азиатского департамента коллегии иностранных дел, действительным статским советником С. Л. Лашкаревым, знатоком многих языков, в том числе и новогреческого. Уже через несколько дней перевод лежал на письменном столе А. А. Безбородко: канцлер запросил текст перевода, не дожидаясь, пока он будет переписан набело. Об этом говорит записка, приложенная к переводу: «Известной секретной черной перевод с греческого листа был возвращен от его светлости февраля в 20-й день с приказанием положить к секретным бумагам»[19].

Мы не знаем, какова была реакция канцлера и других руководителей внешнеполитического ведомства России на революционные идеи Ригаса. Можно, однако, предполагать, что в Петербурге не приняли безоговорочно австрийскую версию о том, что брошюра Ригаса являлась только составной частью французской пропаганды.

13 февраля 1798 г. руководитель греческих революционеров с особыми предосторожностями был доставлен в столицу Габсбургской монархии и заключен в тюрьму венского полицейского управления. Здесь Ригас находился два с половиной месяца.

Каждый день его подвергали долгим и изнурительным допросам. На этих допросах Ригас держался спокойно и твердо. Он не скрывал, что его идеалом, смыслом всей его жизни является борьба за освобождение Греции от иноземного рабства. Даже сухие строки протокола следствия передают горячую убежденность и страстность, с которой греческий революционер защищал перед лицом врагов свое дело: «Ригас признает, что он всегда желал, чтобы Греция освободилась от турецкого ига, и, что после спасения своей души, у него было только одно желание: видеть турок изгнанными из Греции, так как он предпочитает иметь в качестве господина дьявола, чем такого тирана, как турок»[20]. Но никакие инквизиторские ухищрения следователей не заставили Ригаса открыть подробности своих революционных планов и указать своих помощников. Им назывались только вымышленные имена или имена людей, которые, как он знал, находились вне досягаемости

австрийских жандармов и турецких пашей. Столь же мужественно и стойко держались и другие арестованные — в большинстве своем совсем молодые люди, окончившие европейские университеты или коммерческие школы. Димитриос Николидис заявил, например, следователю, что он был полностью в курсе революционных планов Ригаса и одобрил их. Константинос Дукас сказал, что из любви к свободе и ненависти к поработителям Греции он полностью одобрил планы Ригаса. Константинос Тульос также признался, что он стремился к освобождению Греции. 18-летний юноша имел смелость заявить следователю, что все это касается не Австрии, «а другого государства». Большое мужество проявил и самый молодой из арестованных — Филипп Петрович (ему было 17 лет). У него были найдены фрагменты писем, предназначенные для аббата Сийеса и других французских политических деятелей с просьбой оказать помощь Греции в ее освобождении. Хотя в составлении писем, показывавших знание политической обстановки, несомненно, принимали участие и другие члены Этерии, Петрович отказался назвать их имена и принял всю ответственность на себя. Оказавшись в руках полиции одного из самых деспотических правительств в мире, греческие революционеры не скрывали своих республиканских, демократических идеалов, своей приверженности принципам Французской революции. Евстратиос Аргентис, например, заявил следователю, что в его доме часто с одобрением говорили о французах и что он сам желал, чтобы «их система была введена в Греции»[21].

В ходе следствия австрийская полиция обнаружила, что арестованные греки являются активными участниками революционного движения. Правда, движение это не угрожало безопасности «Священной Римской империи германской нации». Речь шла об освобождении небольшого христианского народа, живущего в глубине Балкан, от турецкого мусульманского ига. Тем не менее «христианнейший» император Франц решил жестоко наказать Ригаса и других греческих революционеров. Австрийский император и его министр считали, что освобождение Греции может «дурно» повлиять и на габсбургских подданных, натолкнуть их на мысль о необходимости избавиться и от своего «султана» и от его «пашей».

Эти соображения, «оправдывавшие» жестокие действия австрийской полиции против борцов за свободу Греции, откровенно высказал ее глава Перген. В докладе императору министр полиции писал: «Хотя революционные проекты обвиняемых были направлены только против Турецкого

государства и не имели другой цели, кроме как освобождение Греции, их осуществление имело бы, однако, пагубное влияние на наследственные владения Вашего величества, так как всякое насильственное изменение режима в соседнем государстве несет опасность беспорядков и по эту сторону границы. В данном случае опасность эта является еще более серьезной, учитывая, что греки во всех странах тесно связаны нравами и религией. Если ветер свободы подует в такой стране с настоящей силой, то вероятно, что он со скоростью электрической искры распространится и на другие страны, так как тайным желанием греков всегда было образовать независимое государство»[22].

Австрия, таким образом, устами своего обер-полицейского провозгласила свое право осуществлять по всей Европе жандармские функции. Помимо того, расправой с греческими революционерами австрийский монарх думал угодить своему «доброму соседу» — султану, рассчитывая, разумеется, на одолжения и с его стороны. Из 14 арестованных — восемь (в том числе сам Ригас) являлись османскими подданными. Их австрийское правительство решило выдать Порте. Труднее оказалось решить судьбу остальных арестованных, нетурецких подданных (Филипп Петрович, Георгиос Теохарис, Георгиос Пульос, Константинос Тульос, Гаспар Петерс были австрийскими подданными, а Константинос Дукас — подданным России). В соответствии с обычной процедурой их дела должны были быть переданы на судебное разбирательство. Судьи в габсбургской монархии были, разумеется, вполне верноподданными и вполне реакционными. Однако правительство боялось, что даже эти судьи не найдут достаточного основания для вынесения сподвижникам Ригаса обвинительного приговора. Поэтому в отношении арестованных — нетурецких подданных правительство вынуждено было ограничиться «мягкой» мерой наказания: по личному указанию императора Франца все они были изгнаны с австрийской территории. Судьба же Ригаса и других арестованных — османских подданных была трагической.

По-видимому, сразу же после ареста Ригаса и его соратников Порта узнала об этом через братьев Икономосов. Тогда же султанское правительство через своего посланника в Вене Ибрагим-Эффенди потребовало немедленной выдачи задержанных греков. Избавиться от Ригаса и его соратников было сокровенным желанием и габсбургского правительства. Но оно собиралось воспользоваться этим делом для дипломатического торга, чтобы

в его ходе добиться уступок в ряде вопросов, возникших тогда во взаимоотношениях между двумя империями. Первым из них был вопрос о польских эмигрантах. Многие поляки — австрийские подданные, боровшиеся за свободу своей страны, нашли тогда убежище в Валахии и Молдавии. Бояре, нуждавшиеся в умелых рабочих руках, охотно брали их к себе на службу. Все австрийские демарши в Стамбуле о розыске и выдаче польских эмигрантов до того времени оставались безрезультатными. Теперь австрийская дипломатия решила использовать дело Ригаса для того, чтобы побудить Порту к уступчивости.

Ценой крови греческих революционеров венский кабинет рассчитывал добиться от Порты уступок еще в одном важном вопросе. В результате Кампоформийского мира 1797 г. Австрия стала наследницей Венеции. В ее руки должно было перейти и все венецианское имущество в Турецкой империи, в частности и венецианские корабли, оказавшиеся в тот момент в турецких портах. Но алжирские пираты, при молчаливом попустительстве Порты, рассматривали эти корабли как «бесхозное имущество» и при всяком удобном случае захватывали их. Теперь же в Вене решили воспользоваться делом о выдаче Ригаса и его соратников, чтобы добиться от Порты удовлетворения и в вопросе о бывших венецианских судах.

Надо сказать, что хотя Порта и потребовала выдачи арестованных греков, но особой настойчивости в этом вопросе она не проявила. Привыкшая к заговорам, мятежам пашей, постоянным выступлениям против султанской власти, она не склонна была придавать большого значения тому факту, что Ригас и другие греческие революционеры готовили восстание в Греции. Австрийская дипломатия, сделавшая жизнь греческих революционеров предметом торга, всячески стремилась поднять заинтересованность Порты в их выдаче. Для достижения этой цели титулованные австрийские дипломаты действовали как базарные торговки, расхваливающие свой товар. Австрийский посланник в Стамбуле Герберт фон Раткеаль постоянно внушал султанским министрам, что арестованные греки являются крайними революционерами и опаснейшими заговорщиками, которых когда-либо знал свет. Подготовленное ими с помощью французских республиканцев восстание должно было распространиться на всю Османскую империю и привести к ее гибели. Но, к счастью, продолжал Раткеаль, этого не случилось. Австрийская полиция держит в своих руках все нити заговора и всех главных заговорщиков. Император Франц готов выдать этих закоренелых

преступников своему другу султану Селиму для примерного наказания, но тот должен оценить благородство подобного акта и со своей стороны дать доказательства дружбы к Австрийской монархии[23]. Махинации австрийской дипломатии, связанные с делом Ригаса, добавляют еще один штрих к одному из самых гнусных преступлений Габсбургов.

Венский кабинет, добившись от Порты уступок в вопросе о польских эмигрантах и бывших венецианских судах, решил «закрыть» дело Ригаса и передать арестованных греков турецким властям. 27 апреля 1798 г. Ригас и семь его товарищей были выведены из венской тюрьмы. Закованных в цепи революционеров сопровождал до турецкой границы усиленный конвой из 24 солдат и двух унтер-офицеров под командованием «энергичного и надежного» офицера, подпоручика Лазара. После утомительного сухопутного пути через всю австрийскую территорию и переправы на судне через Дунай 10 мая 1798 г. восемь греческих революционеров — Ригас Велестинлис, Евстратиос Аргентис, Деметриос Николидис, Панайотис Эммануэль, Иоаннис Эммануэль, Андониос Корониос, Теохарис Турундзиас, Иоаннис Карадзас — были переданы под расписку австрийским офицером турецкому каймакаму (заместителю губернатора) Белграда. Их поместили в крепостную башню Небойса.

Известие о том, что Ригас и его друзья находятся в Белградской крепости и что они должны быть доставлены в Стамбул, где их несомненно ожидала смерть, вызвало большое возбуждение в Греции и греческих заграничных колониях. Были предприняты различные шаги для их освобождения. Опасаясь, что арестованных освободят по дороге в Стамбул, Порта решила без особой огласки расправиться с ними на месте. Соответствующий приказ был послан каймакаму Белграда. Согласно донесению полковника Шерца, австрийского военного губернатора Землина, в ночь с 24 июня 1798 г. Ригас и его товарищи были задушены в Белградской крепости. После этого каймакам распространил слух о побеге арестованных и даже послал солдат «в погоню» за ними[24].

Однако существует и другая версия об обстоятельствах гибели Ригаса и его сподвижников, принадлежавшая Христофоросу Перревосу. Согласно этой версии, заключенных выводили одного за другим из тюрьмы, якобы для отправки в Стамбул, и топили в водах Дуная. Когда очередь дошла до Ригаса, то он, одаренный необыкновенной силой, сбил стражника с ног ударом кулака. Поскольку палачи не могли к нему подступиться, то турецкий

офицер отдал приказ расстрелять его в тюрьме. В момент, когда два солдата направили на него свои пистолеты, они услышали, как Ригас сказал по-турецки: «Так умирают храбрые. Я посеял, скоро придет час, когда моя страна соберет сладкие плоды моих трудов»[25].

Нет и, по-видимому, никогда не будет возможности проверить, были ли сказаны Ригасом перед смертью такие слова. Но не это важно. Важно то, что они в точной, лаконичной форме выражают значение жизни и деятельности Ригаса для развития борьбы греческого народа за свое национальное освобождение. Еще при жизни Ригас снискал общегреческую известность и популярность своей революционной деятельностью. Движение, организованное им, было первым идейно-оформленным национально-освободительным движением в истории многовековой борьбы греческого народа против турецкого ига. Если же употреблять термин «движение» в его широком значении, то Ригас, несомненно, положил начало греческому национально-освободительному движению. Расправа с Ригасом и его сподвижниками не уничтожила это движение, пустившее глубокие корни в греческом народе. Через 16 лет после смерти Ригаса возникла новая общенациональная тайная организация — Филики Этерия (Дружеское общество), которая сумела подготовить всеобщее восстание греческого народа против турецких поработителей. Греческие буржуазные революционеры, создатели Филики Этерии, по праву считали себя продолжателями дела Ригаса. Для многих поколений борцов за свободу и прогресс греческого народа Ригас Велестинлис был и остается символом национального героизма и революционного демократизма, глашатаем свободолюбивых идей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Назовем некоторые из публикаций: *Dascalakis A.* Rhigas Velestinlis, la Révolution française et les preludes de l'Indépendance hellenique. P., 1937; *Βρανούση Λ.* Ρήγας Βελεστινλής. 1757–1798. Αθήναι, 1963 (дополненное издание книги в переводе на румынский: Vranoussis L. Rigas. Un patriot grec din Principate. Bucureşti, 1980); *Woodhouse C. M.* Rhigas Velestinlis. The Protomartyr of the Greek Revolution. Limni, Evia, 1995; Κιτρομηλίδη. Ρήγας Βελεστινλής. Θεώρία και πράξη. Αθήνα, 1998. См. также: *Арш Г. Л.* Ригас Ве-

лестинлис — греческий революционер-демократ, борец против османского ига // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1968. Вып. 1; Он же. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 94–118; Он же. Великая французская революция и Балканы (новые архивные данные) // Новая и новейшая история. 1989. № 5.

2 См.: *Арш Г. Л.* Ригас Велестинлис... С. 34.

3 *Арш Г. Л.* Великая французская революция... С. 44.

4 Там же. С. 46.

5 *Vranoussis L.* Op. cit. P. 114.

6 Станиславская А. М. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. 1798–1800 гг. М., 1983. С. 32-34.

7 Там же. С. 49–50.

8 *Арш Г. Л.* Великая французская революция... С. 49.

9 *Арш Г. Л.* К вопросу об идейном воздействии Великой французской революции на балканские народы (неизвестный текст конституции и «Военного гимна» Ригаса Велестинлиса) // Французский ежегодник, 1963. М., 1964. Цитаты из произведения Ригаса взяты из публикации его современного русского перевода. См. также примеч. 19.

10 См.: *Арш Г. Л.* Ригас Велестинлис... С. 9–15.

11 Legrand E. Documents inédits concernants Rhigas Velestinlis et ses compagnons de martyre. P., 1892. P. 64

12 Ibid. P. 66.

13 Ibid. P. 72.

14 *Арш Г. Л.* Ригас Велестинлис... С. 25-26.

15 *Dascalakis A.* Op. cit. P. 132.

16 См.: *Арш Г. Л.* Ригас Велестинлис... С. 27–28.

17 Двое из них — Андреас Мусуотис и Константинос Амирос, — игравшие в самом движении незначительную роль, зато давшие наиболее ценные для полиции показания, вскоре были освобождены.

18 *Арш Г. Л.* Великая французская революция... С. 51.

19 Там же. С. 52. В Архиве внешней политики Российской империи имеется и чистовой перевод подпольной брошюры Ригаса. Он опубликован. См.: *Арш Г. Л.* К вопросу об идейном воздействии Великой французской революции на балканские народы... К сожалению, нам не удалось обнаружить в архиве оригинал брошюры Ригаса (почти весь ее тираж был уничтожен австрийской полицией, и ни один печатный экземпляр пока не найден).

20 *Legrand E.* Op. cit. P. 64.
21 Ibid. P. 80, 82, 163.
22 *Dascalakis A.* Op. cit. P. 166–167.
23 Ibid. P. 66.
24 *Legrand E.* Op. cit. P. 164–166.
25 См.: *Арш Г. Л.* Ригас Велестинлис... С. 36–37.

Г. Л. Арш

Александр Ипсиланти

В этом кратком очерке излагаются жизнь и деяния Александра Ипсиланти. Короткий жизненный путь этого замечательного греческого патриота был ярким и в то же время трагическим. Посвятив всю свою жизнь делу освобождения Греции, он никогда не ступал на ее землю. Родившись в Константинополе, Александр Ипсиланти умер в Вене через 35 лет, вскоре после освобождения из заключения в Австрии. Между двумя этими крайними вехами в жизни был 14-летний период пребывания в России: участие в качестве офицера русской армии в Отечественной войне 1812 г., высокое положение в армии, большие связи при дворе и одновременно руководство деятельностью греческого тайного общества Филики Этерия. Затем — ко-

роткая кампания в Дунайских княжествах и более шести лет тяжелого заключения в австрийских крепостях. Но и после того, как А. Ипсиланти навсегда покинул территорию России, его по-прежнему связывали с ней прочные узы: в России оставалась его мать и другие родственники, и сам он рассматривал свою судьбу как неразрывно связанную с Россией. Указанные обстоятельства жизни отважного греческого патриота объясняют наличие в российских архивах большого числа писем А. Ипсиланти. Особенно много материалов о выдающемся греческом патриоте имеется в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Эти материалы, долгое время остававшиеся неизвестными[1], позволяют пополнить и уточнить имеющиеся сведения о жизни и патриотической деятельности национального героя Греции[2].

Александр Ипсиланти родился 13 (24) декабря 1792 г. в Константинополе[3]. Его жизненные обстоятельства были неотделимы от перипетий политической карьеры отца Константина Ипсиланти, принадлежавшего к одной из самых видных семей Фанара. Ловкий и умелый политик, К. Ипсиланти пользовался в последние годы XVIII и в первые годы XIX столетия большим влиянием в Османской империи, занимал здесь важные государственные должности. В 1796–1799 гг. он служил драгоманом Порты и играл первостепенную роль в сношениях османского государства с европейскими державами. В 1799–1801 гг. К. Ипсиланти был господарем Молдавии, а в 1802–1806 гг. — господарем Валахии.

О детских годах Александра Ипсиланти, проведенных в Константинополе, Яссах и Бухаресте, почти ничего не известно. Есть основания считать, что начальное образование будущий вождь греческих патриотов получил у домашних учителей. И несомненно, что огромная роль в образовании и воспитании старшего сына принадлежала его отцу. К. Ипсиланти был весьма образованным человеком, которого отличали широта и разнообразие умственных интересов. Он занимался и литературными трудами, в частности — переводами древнегреческих классиков, имел большую библиотеку. В такой атмосфере формировался духовный облик юного Александра. Свое образование сын валашского господаря смог продолжить в России.

В конце XVIII — начале XIX в. резко обострился внутренний кризис Османской империи и усилилось соперничество держав, в первую очередь — России и Франции — за влияние на ее политику. В это время среди влиятельных семей Фанара образовались группировки, ориентировавшие-

ся на ту или другую из этих держав. К. Ипсиланти принадлежал к прорусской группировке, и французская дипломатия делала все возможное, чтобы подорвать его положение. В августе 1806 г. К. Ипсиланти был низложен с валашского престола, и, как стало известно опальному господарю, Порта собиралась учинить расправу над ним и его семьей. Покинув Валахию, фанариотский политик в ноябре 1806 г. прибыл вместе со старшим сыном в Петербург. Отсюда, по рекомендации Александра I, он ненадолго вернулся в Дунайские княжества — с тем, чтобы в августе 1807 г. навсегда их покинуть и постоянно поселиться в Киеве. 14-летний же Александр Ипсиланти в ноябре 1806 г. остался в Петербурге для получения образования.

К сыну дружественного господаря российское правительство проявило большое внимание. Он был помещен для обучения в Педагогический институт, для содержания юного князя правительство назначило 12 тыс. рублей в год, для проживания в Петербурге ему была нанята квартира. Обучение А. Ипсиланти в Педагогическом институте — предшественнике основанного в 1819 г. Петербургского университета — продолжалось немногим более года и было прервано в связи с его поступлением на службу в русскую армию[4]. В формулярном списке А. Ипсиланти — своего рода анкете, которая заполнялась в России на каждого офицера и чиновника, — о его образовании было сказано, что он «по-российски, по-немецки, по-французски и по-молдавански читать и писать умеет и алгебры знает»[5]. Таковы были результаты домашнего воспитания и короткого обучения в русском учебном заведении юного грека. Но на этом образование и воспитание будущего национального героя Греции не завершилось. Ему предстояло пройти трудную и славную школу русской военной службы и участия в Отечественной войне 1812 г.

12 (24) апреля 1808 г. 15-летний Александр Ипсиланти был зачислен в чине корнета, что соответствовало чину прапорщика в пехоте, в Кавалергардский полк — самый аристократический из полков императорской гвардии. Военная служба отвечала наклонностям и складу характера молодого греческого аристократа, отличавшегося с детства большой храбростью. К. Ипсиланти писал 1 (13) сентября 1812 г. своей родственнице Р. Стурдзе об Александре, что он «обладает храбростью и горит желанием проявить ее, и я убежден, что если у него представится к этому случай, он его не упустит»[6]. Слова эти, написанные уже после начала Отечественной войны 1812 г., полностью оправдались.

С июля 1812 г. поручик А. Ипсиланти находился со своим эскадроном на фронте в составе корпуса П. Х. Витгенштейна и участвовал во многих сражениях с Наполеоном, проявив в них большую храбрость. Об этом свидетельствуют полученные им боевые награды: орден св. Владимира 4-й степени, орден св. Анны 2-й степени, прусский орден «За заслуги», золотая сабля с надписью «За храбрость». Производство в очередные чины для храброго офицера значительно ускорилось. В июле 1813 г. он был переведен в чине подполковника в Гродненский гусарский полк. В его составе А. Ипсиланти участвовал в сражении при Дрездене (14–15 // 26–27 августа 1813 г.), где ядром ему оторвало правую руку.

Получив тяжелое ранение, А. Ипсиланти долго лечился: сначала в Киеве, а весной 1814 г. на чешском курорте Тёплиц (совр. Теплице). После этого он совершил поездку в Германию, а затем побывал в Вене, где в это время проходил знаменитый дипломатический конгресс. И после ранения А. Ипсиланти остался на военной службе и продолжал успешно продвигаться по служебной лестнице. Молодость, романтическая наружность, тяжелое увечье, полученное в боях за Россию, вызывали к нему всеобщий интерес и сочувствие. 1 (13) января 1816 г. Александр I присвоил полковнику А. Ипсиланти звание флигель-адъютанта, т. е. причислил его к своей свите. Успешная карьера А. Ипсиланти, его близость к императору благоприятно сказались на положении всего его семейства.

Царь согласился принять на русскую военную службу с офицерскими чинами братьев Александра Ипсиланти Дмитрия, Георгия и Николая. Кроме того, было принято решение о значительном увеличении денежного содержания, которое семья Ипсиланти получала от русского правительства.

Константин Ипсиланти скоропостижно скончался в Киеве 27 июня (9 июля) 1816 г., через несколько часов после возвращения из Петербурга, куда он ездил ходатайствовать по семейным делам. Но и после смерти главы семьи последняя продолжала пользоваться покровительством российского правительства и лично императора. Благосклонность его ощущал и А. Ипсиланти. 12 (24) декабря 1817 г., в возрасте 25 лет, он был произведен в генерал-майоры и назначен бригадным командиром в 1-ю кирасирскую дивизию. Расположение к нему царя видно из следующего эпизода.

После того как А. Ипсиланти стал генералом, министр финансов Д. А. Гурьев решил, что пришла пора прекратить выплату ему того ежегодного пособия в 12 тыс. рублей, которое Александр I назначил в 1806 г. на

«содержание и воспитание» малолетнего сына валашского господаря. Однако попытка министра «сэкономить» на пенсии для новоиспеченного генерала из греческой эмигрантской семьи не удалась. А. Ипсиланти подал жалобу на его действия царю. В своей петиции он просил продолжить выплату этой субсидии, так как их семейный бюджет отягощен долгами и он живет только на свое жалованье. Получив это прошение, Александр I в августе 1818 г. отменил распоряжение Д. А. Гурьева и приказал 12 тыс. рублей А. Ипсиланти по-прежнему «производствовать ежегодно в виде пенсиона со дня прекращения выдачи сих денег»[7].

Дружеский круг общения А. Ипсиланти в России после Отечественной войны 1812 г. составляли главным образом русские офицеры, отличившиеся, как и он, в войне и рано получившие генеральские чины. Упомянем, прежде всего, братьев А. Ф. и М. Ф. Орловых. М. Ф. Орлов с 1817 г. являлся начальником штаба 4-го пехотного корпуса, находившегося в Киеве, где жила и семья Ипсиланти. А. Ипсиланти поддерживал дружескую переписку с генерал-майором (впоследствии — генералом от инфантерии) П. Д. Киселевым, который, как и его греческий друг, был флигель-адъютантом Александра I, а с 1819 г. служил начальником штаба 2-ой армии. А. Ипсиланти и его русских друзей, прошедших через тяжелую войну и уцелевших в ней, привлекали все радости бытия, интересовали все его разнообразные проявления. Это видно и по данным письмам А. Ипсиланти, где речь идет и о политике, и о литературе, и о любовных увлечениях его друзей. Сам Ипсиланти увлекался литературой, писал стихи. О его литературных интересах и вкусах говорит критический отзыв в одном из его писем Киселеву о витиеватости стиля французских писателей де Сталь и Шатобриана.

Последние годы пребывания А. Ипсиланти в России, перед началом греческой революции 1821 г., совпали с подъемом здесь общественного движения, направленного против феодально-монархического строя. Оппозиционные настроения охватили часть русского офицерства; главным образом из военных состояли возникшие уже тайные декабристские организации. Из известных нам русских друзей А. Ипсиланти все (кроме А. Ф. Орлова, в будущем — одного из столпов николаевского режима) выступали в той или иной форме за проведение в России общественных преобразований. Наибольшим радикализмом отличался М. Ф. Орлов, видный декабрист, с 1818 г. член декабристского Союза благоденствия, позднее — руководитель кишиневской организации декабристов.

Входивший также в дружеский круг А. Ипсиланти знаменитый партизан войны 1812 г. Денис Давыдов хотя и не принадлежал к декабристскому движению, но относился весьма критически к тогдашней российской действительности и, несомненно, был человеком свободомыслящим. В своем письме П. Д. Киселеву от 31 марта (12 апреля) 1818 г. А. Ипсиланти сочувственно цитирует ироническое высказывание Дениса Давыдова об известной проповеднице религиозного мистицизма баронессе Крюднер, оказывавшей большое влияние на Александра I. Все эти вольные разговоры велись на вечере в одном киевском доме, хозяина которого А. Ипсиланти обозначает латинскими буквами «G. R. »*[8]. Речь, несомненно, идет здесь о прославленном герое Отечественной войны 1812 г. генерале Н. Н. Раевском, командире 4-го пехотного корпуса. Для молодого поколения этой семьи были характерны свободолюбивые настроения: два сына генерала привлекались к следствию по делу декабристов, а дочери его были замужем за декабристами С. Г. Волконским и М. Ф. Орловым. Следует отметить, что между семьями Ипсиланти и Раевского существовали дружеские отношения. Об этом свидетельствует тот факт, что братья Александра Ипсиланти Дмитрий и Николай по их желанию служили адъютантами генерала Н. Н. Раевского.

Живя в России и дыша воздухом русской офицерской среды, где сильны были свободолюбивые настроения, Александр Ипсиланти и его братья, несомненно, восприняли и некоторые прогрессивные общественно-политические воззрения этой среды. Недаром, как позднее вспоминал сам А. Ипсиланти, ему предлагали вступить в одну из тайных декабристских организаций[9]. Однако он не принял этого предложения. Как и его друзья-декабристы, он готов был пожертвовать карьерой, состоянием, если необходимо — и самой жизнью, но ради другого дела, не менее благородного и святого — дела освобождения Греции от тяжкого иноземного рабства.

Любовь к Греции, которую он считал своей настоящей родиной, Александр Ипсиланти усвоил с детства. Как пишет биограф будущего борца за независимость Греции, его патриотические чувства питали частые посещения родительского дома в Киеве, «изучение греческой истории и переписки отца», а также сознание принадлежности к знаменитому роду, который вел свои корни с византийских времен[10].

---

* Письма А. Ипсиланти российским адресатам написаны по-французски.

Влияние К. Ипсиланти, который в последние годы своей жизни из фанариотского политика превратился в убежденного греческого патриота, на формирование патриотического мировоззрения Александра было действительно огромным. И не случайно свое решение возглавить национально-освободительное восстание греков А. Ипсиланти объяснял позднее в письме Александру I желанием выполнить последнюю волю покойного отца.

Большое влияние на выбор Александром Ипсиланти своего жизненного пути оказала и встреча — еще в довоенные годы — в Петербурге со своим выдающимся соотечественником Иоанном Каподистрией. Бывший государственный секретарь Ионической республики в 1809 г. поступил на российскую дипломатическую службу. Два греческих патриота — гвардейский офицер и дипломат, — встречаясь в доме родственницы Александра Ипсиланти Р. Стурдзы нередко обращались к судьбам Греции. «Надежда, что греческий народ некогда будет свободен, являлась нам радужным сном», — вспоминала об этих беседах Р. Стурдза (Эдлинг)[11].

После окончания наполеоновских войн Александру Ипсиланти все чаще приходила в голову мысль посвятить оставшуюся часть жизни делу освобождения Греции. Его друг, французский дипломат де Лагард, встречавшийся с А. Ипсиланти в Вене весной 1815 г., во время работы европейского конгресса, вспоминал позднее, что тот говорил ему тогда, что настал момент перейти от слов к делу и что он будет трудиться ради того, чтобы разбить цепи Эллады и вернуть ей то место, которое она некогда занимала среди народов[12]. Но Александру Ипсиланти предстояло еще найти свое место в рядах греческого национально-освободительного движения. С детских лет сын господаря знал историю жизни и мученической смерти его основоположника Ригаса Велестинлиса, восхищался его пламенным «Военным гимном». После трагической гибели этого поэта и революционера центром притяжения всех греческих патриотов стала тайная национально-освободительная организация Филики Этерия. Основанная в 1814 г. в Одессе, она к 1819 г. распространила свою сеть на Грецию и греческие зарубежные колонии. В начале 1819 г. в Филики Этерию вступил Николай Ипсиланти, а вслед за ним его братья Дмитрий и Георгий. Александр же, с 1817 г. знавший о существовании тайного общества, воздержался от вступления в него. Вполне осознавая свое общественное положение и обладая нормальным честолюбием, молодой греческий аристократ не мог согласиться на роль рядового члена организации, которому полагалось

послушно исполнять приказы его строго засекреченного верховного органа — Архи.

Неудовлетворенное стремление активно действовать ради освобождения Греции отрицательно влияло на душевное состояние Александра Ипсиланти. Сказывалась и неудовлетворенность характером своих служебных обязанностей в 1-ой кирасирской дивизии, расквартированной в северо-западных губерниях России, вдали от крупных городов. Прибыв в Петербург в начале 1820 г. или в конце 1819 г., он в письме П. Д. Киселеву от 2 (14) февраля 1820 г. жаловался на угнетавшую его тоску и плохое состояние своего здоровья. Из письма явствовало также, что А. Ипсиланти собирался через два месяца выехать из Петербурга в Киев[13]. Однако через два месяца в Петербурге произошло событие, изменившее планы Александра Ипсиланти и определившее его дальнейшую судьбу.

По мере того как Филики Этерия расширяла свою деятельность, она наталкивалась на все более серьезные проблемы и трудности. Большую опасность для самого существования тайной организации представлял назревавший кризис руководства. Он был вызван проявившимся уже недоверием верхов греческого общества к руководителям Филики Этерии, главным образом — заграничным греческим купцам, не имевшим какого-либо влияния и авторитета в Греции. В этой обстановке руководящий комитет Филики Этерии решил привлечь к руководству обществом какого-нибудь авторитетного греческого деятеля, связанного с Россией, на помощь которой в деле освобождения греческий народ издавна возлагал большие надежды. Естественно, что взоры руководителей этеристов обратились к И. Каподистрии, ставшему в 1815 г. статс-секретарем Министерства иностранных дел России и доверенным советником Александра I. Для переговоров с этим деятелем, пользовавшимся огромным авторитетом во всем греческом мире, в Петербург в январе 1820 г. прибыл член Архи Э. Ксантос. Однако Каподистрия, считавший вооруженное освободительное восстание преждевременным и относившийся отрицательно к тайным обществам, отклонил предложение руководства этеристской организации.

Тогда этеристский эмиссар решил обратиться к Александру Ипсиланти. В установлении контактов с генералом помощь ему оказал двоюродный брат А. Ипсиланти этерист И. Мано, прибывший в Петербург для разрешения имущественного спора между семействами Ипсиланти и Мано. А. Ипсиланти с энтузиазмом и без колебаний согласился связать свою судь-

бу с тайным обществом. 12 (24) апреля 1820 г. в Петербурге был подписан официальный акт о принятии Александром Ипсиланти верховного руководства Филики Этерией в качестве «генерального инспектора»[14].

Можно без преувеличения сказать, что приход Александра Ипсиланти к руководству Филики Этерией имел решающее значение для успеха деятельности последней. Греки очень мало знали тогда юного князя. Однако они знали, что он имеет чин генерала русской армии, что он служил адъютантом царя и пользуется его большим расположением, и это создавало видимость того, что деятельность тайного общества и его руководящего комитета — Архи — поддерживается и поощряется петербургским двором. В результате авторитет Архи, уполномоченным которого выступал А. Ипсиланти, был восстановлен, вокруг Филики Этерии и ее целей объединились различные слои греческого общества. В своей неопубликованной записке о греческой революции, написанной в 1822 г., известный деятель национального движения митрополит Игнатий отмечал, что принятие Александром Ипсиланти руководства тайным обществом не только покончило со всеми сомнениями его членов, но и привело к увеличению их числа «из людей видных классов и уверило их, что этот пресловутый комитет (Архи. — *Г. А.*) существовал в России под покровительством его величества императора Александра»[15]. В действительности, царское правительство, проводившее политику консервации общественных условий и политических отношений как на Западе, так и на Востоке, нисколько не было заинтересовано в тот период в каких-либо освободительных выступлениях на Балканах, никак не было связано с греческим тайным обществом и не поощряло его деятельность[16]. Однако убеждение, что единоверная Россия военной рукой поддержит борьбу греков за освобождение, основанное на традициях многовековых русско-греческих связей, глубоко укоренилось в общественном сознании греков, и принятие русским генералом Александром Ипсиланти руководства Филики Этерией еще более укрепило это убеждение или, говоря точнее, веру.

После того как А. Ипсиланти принял на себя руководство греческим патриотическим обществом, его планы, о которых он в свое время известил П. Д. Киселева, изменились. Пробыв в Петербурге до конца июня 1820 г., А. Ипсиланти, чтобы полностью посвятить себя делам Филики Этерии, взял отпуск для поездки за границу на минеральные воды, мотивированный открытием его раны, которая действительно доставляла ему большие страдания. Выехав из столицы, он проехал через Москву, Киев, Одессу и в середине

октября 1820 г. прибыл в Кишинев. По дороге глава греческих революционеров проводил сбор средств в греческих общинах России на освободительное восстание, встречался с прибывшими из Греции видными этеристами, посылал инструкции командирам греческих отрядов о подготовке к вооруженному выступлению.

Национально-освободительное восстание, подготовленное Филики Этерией, во главе с Александром Ипсиланти, началось в конце февраля 1821 г. в Молдавии. 22 февраля (6 марта) 1821 г. вечером А. Ипсиланти вместе с братьями Георгием и Николаем прибыл в Яссы, столицу Молдавии. Через день он опубликовал здесь свой манифест «В бой за веру и отечество» с призывом к греческому народу подняться на восстание: «Теперь время свергнуть несносное иго сие, освободить отечество... Призовем снова, мужественные и великодушные еллины, свободу на классическую землю Греции! Сразимся между Марафоном и Термопилами. Сразимся на гробах отцов наших, кои, дабы нас оставить свободными, сражались и пали там... Итак, к оружию, друзья: отечество нас призывает!»[17]

Возникает вопрос, почему восстание за освобождение Греции было начато не на греческой земле, а вдали от нее, в Молдавии — автономном княжестве Османской империи?

В соответствии с так называемым генеральным планом Филики Этерии намечалось сделать основным центром восстания Пелопоннес, где борьбу должен был возглавить лично Александр Ипсиланти[18]. Поэтому решение вождя Филики Этерии начать борьбу за освобождение Греции на территории Молдавии стало неожиданностью даже для некоторых его ближайших сподвижников. Сам А. Ипсиланти объяснял свое решение тем, что планы этеристов были раскрыты Портой, что сделало невозможным его проезд в Грецию, а дальнейшее промедление с началом восстания могло иметь гибельные последствия для всего греческого дела. В письме И. Каподистрии от 24 февраля (8 марта) 1821 г. он писал: «Вся нация могла бы погибнуть, если бы я не решился начать. Мои приметы были даны во все части Греции, и меня подстерегали как на Адриатике, так и на Черном море и в Архипелаге. Вот причины, вынудившие меня начать в этой стране»[19].

Следует сказать, что сведения А. Ипсиланти о том, что планы его раскрыты Портой, которая готовится подавить в зародыше освободительное выступление греков, соответствовали действительности. С конца 1820 г. Порта с разных сторон начала получать сведения о подготовке греками вос-

стания, а в самый канун выступления А. Ипсиланти произошло трагическое и опасное для Филики Этерии происшествие: при переправе через Дунай был схвачен (по-видимому, в начале февраля 1821 г.) видный этерист А. Паппас, которого руководитель тайного общества отправил к вождю сербов Милошу Обреновичу с предложениями о сотрудничестве между греками и сербами в освободительной борьбе. Из захваченных у этеристского эмиссара документов Порта получила информацию о готовящемся против нее восстании. 27 февраля (11 марта) 1821 г. близкий к оттоманскому правительству человек сообщил российскому посланнику Г. А. Строганову, что «Портою открыт обширный заговор с целью всеобщего восстания христианских подданных Оттоманской империи и возрождения Греции». За несколько дней до этого оттоманские министры поставили в известность о перехваченных письмах Ипсиланти к Обреновичу и сербскую делегацию, находившуюся тогда в Константинополе[20].

В этой обстановке А. Ипсиланти, находясь в Кишиневе, менее чем в ста километрах от границы Оттоманской империи, решил, что у него нет другого выхода, как начать свое восстание в Молдавии. Разумеется, он начал действовать здесь не на пустом месте: Филики Этерия ранее вовлекла в свое движение командиров господарской стражи Валахии и Молдавии, сотрудничавших с вождем начавшегося в январе 1821 г. в Валахии крестьянского восстания Тудором Владимиреску. Но повторим, что решение зажечь огонь восстания не в Пелопоннесе, а в Молдавии не было результатом свободного выбора, как считают некоторые историки[21], а явилось вынужденным решением.

Не вызывает сомнения, что А. Ипсиланти намеревался со сформированной в Молдавии армией пройти как можно быстрее через княжества, пересечь Дунай и пробиться с боем в Грецию — главную цель и главный театр борьбы за освобождение. В своем письме этеристскому эмиссару Х. Перревосу, находившемуся в Греции, он сообщал: «Я спешу пересечь эти провинции для того, чтобы прибыть на землю Греции и соединиться со всеми теми, кто готовится свергнуть ужасное иго, которое их гнетет».

Александр Ипсиланти рассчитывал, что его выступление в Яссах послужит сигналом ко всеобщему восстанию в Греции, центром которого станет Пелопоннес. В обращении А. Ипсиланти к эфорам Патр — руководящему ядру этеристов Пелопоннеса — говорилось: «Призовите в помощь Бога и смело беритесь за оружие против тиранов. Обратитесь с призывом ко всем нашим храбрым соотечественникам, которые находятся в Пело-

поннесе, воодушевите их своим собственным примером. Пусть звучит голос отчизны»[22].

Действительно, через месяц восстание охватило Пелопоннес и распространилось на всю Грецию. Начался острый международный кризис, который открыла акция Ипсиланти в Молдавии.

Было ли царское правительство в какой-либо мере причастно к освободительному выступлению А. Ипсиланти? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ (хотя на этот счет в литературе есть и другое мнение[23]). Он основывается не только на общем направлении политики петербургского кабинета в тот период, о чем говорилось выше, но и на конкретных свидетельствах, относящихся непосредственно к выступлению Ипсиланти. К числу наиболее важных свидетельств относится письмо самого А. Ипсиланти от 24 февраля (6 марта) 1821 г. Александру I. Письмо это хорошо известно с тех пор, как австрийский историк А. Прокеш-Остен опубликовал копию его французского текста[24], оригинал которой хранится в Архиве внешней политики Российской империи[25].

В письме греческий патриот, носивший форму российского генерала, извещал о своем решении встать во главе освободительного восстания, подготовленного тайным греческим обществом. А. Ипсиланти призывал российского монарха стать «освободителем Греции». В письме нет даже намека на то, что планы главы тайного общества были заранее известны и получили одобрение императора.

Действия его бывшего адъютанта стали для Александра I полной неожиданностью и сразу вызвали его резкое осуждение. Об этом свидетельствует первая неофициальная реакция самодержца на письмо А. Ипсиланти, полученное им в Лайбахе, на конгрессе Священного союза, 7 (19) марта 1821 г. 10 (22) марта 1821 г. царь сообщал в частном письме своему доверенному корреспонденту, министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыну: «Мы только что получили известие, что князь Ипсиланти, тот самый у которого оторвана рука и кому я предоставил около года назад отпуск для лечения раны, которая открывается, внезапно появился в Яссах и заявил господарю, что он был призван греками Эпира и Мореи, своими соотечественниками, чтобы освободить их от владычества Порты, и что он собирается встать во главе их». В том же письме Александр I выразил резко отрицательное отношение к действиям А. Ипсиланти, вставшего во главе восстания, которое организовало тайное общество[26].

Через четыре дня, 14 (26) марта 1821 г., Александр I дал ответ на обращение к нему Александра Ипсиланти. В ответе, написанном по поручению царя И. А. Каподистрией, восстание, начатое А. Ипсиланти, осуждалось. Руководитель Филики Этерии обвинялся в том, что он обманул своих соотечественников, обещав им помощь России. Император, говорилось в письме, не окажет Ипсиланти никакой поддержки, «так как было бы недостойно его подрывать устои Турецкой империи позорной и преступной акцией тайного общества». Александр Ипсиланти (как и его братья) исключался из императорской службы, ему запрещалось возвращение в Россию*[27].

В связи с событиями в Молдавии Александр I потребовал объяснений от представителей верховной власти на юге России, новороссийского генерал-губернатора А. Ф. Ланжерона и наместника Бессарабии И. Н. Инзова, ввиду того, что они своевременно не сообщили правительству о подготовке выступления А. Ипсиланти. И. Н. Инзов получил серьезное замечание за то, что «в Кишиневе утвердился подвиг князя Ипсилантия, столь противный всем видам государя императора»[28].

В отличие от официальных кругов, русское общество, у которого освободительные стремления греческого народа всегда находили поддержку, встретило выступление Ипсиланти с одобрением и симпатией. Особый энтузиазм его революционные действия вызвали у декабристов и их единомышленников. А. С. Пушкин, находившийся тогда в Кишиневе, поблизости от места событий, наиболее точно выразил эти чувства: «Первый шаг Александра Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо начал — отныне и мертвый или победитель принадлежит истории»[29].

Выступление Ипсиланти вызвало сочувствие и в консервативных кругах русского общества, видевших в греческом восстании лишь «борьбу христианского народа против мусульманского ига». Некоторые представители генералитета и чиновничьей верхушки одобряли (правда, в частном порядке) предпринятый А. Ипсиланти шаг. Так, министр духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын высказал мнение, что официальное осуждение выступления Ипсиланти является отходом от традиционной русской политики, так как «на протяжении более чем столетия греки получали помощь, покровительство, им внушали надежду освободиться от ига Оттоманской Порты»[30].

---

* Позднее это запрещение было распространено и на Георгия и Николая Ипсиланти.

Сам А. Ипсиланти, прибыв в Яссы, готовился к походу за освобождение Греции. 26 февраля (10 марта) 1821 г. в Яссах, в церкви Трех Святителей, состоялось торжественное богослужение и освящение греческих знамен. Александр Ипсиланти, его братья, все воины поклялись на иконе Христа не вкладывать свои сабли в ножны до тех пор, пока Греция не станет свободной[31]. 1 (13) марта А. Ипсиланти во главе повстанцев выступил из Ясс и, пройдя Молдавию и значительную часть Валахии, 27 марта (8 апреля) подошел к Бухаресту и остановился в его предместье Колентина. Здесь он получил письмо Каподистрии от 14 (26) марта 1821 г., в котором, как уже говорилось, было высказано резкое осуждение Александром I акции Ипсиланти.

Несомненно, осуждение действий Ипсиланти составляло основное содержание ответа Александра I на его обращение к нему. В то же время в ответе присутствовали некоторые моменты, дававшие надежду на начало диалога с восставшими греками. Здесь говорилось, в частности, о готовности императора — в случае, если сам Ипсиланти укажет способ «прекратить беспорядки», — «вмешаться перед турецким правительством, для того чтобы побудить его принять разумные меры, которые могли бы восстановить в Молдавии и Валахии спокойствие, в котором эти страны испытывают столь настоятельно необходимость». Александр I увещевал также вождя повстанцев следовать тем советам, которые даст ему барон Строганов[32].

Указанные положения в ответе петербургского кабинета на обращение вождя греческих повстанцев имели для него огромное значение. В это время для А. Ипсиланти стала очевидной невозможность осуществления его первоначального плана, предусматривавшего форсирование Дуная и переход через Балканы в Грецию: повстанческая армия была слабой, надежд на получение ей содействия в Болгарии и Сербии было мало, а между тем турки успели подтянуть к южной стороне Дуная значительные силы. В создавшемся для него трудном положении руководитель восстания решил воспользоваться предложением российского правительства и попытаться посредством переговоров обеспечить мирный путь его армии из Валахии в Грецию.

31 марта (12 апреля) 1821 г., всего через три дня после прибытия в Колентину, А. Ипсиланти снял свой лагерь и двинулся на север, в сторону австрийской границы. Как свидетельствуют документы, этот неожиданный маневр был непосредственно связан с получением командующим повстанческой армией письма И. Каподистрии и изменением в связи с этим пла-

на действий. В день его выступления из Колентины, Ипсиланти сообщил Г. А. Строганову, что он уходит сразу же после получения письма Каподистрии. И далее вождь повстанцев продолжал: «Я направлю чаяния и пожелания греков его величеству императору, и я ожидаю с нетерпением советов Вашего превосходительства»[33].

Заняв позиции в горном районе Тырговиште-Кымпулунг и ожидая результатов переговоров Г. А. Строганова с Портой, в ходе которых, как надеялся А. Ипсиланти, будут учтены пожелания восставших греков, командующий повстанческими силами решил придерживаться строго оборонительной тактики. Через каймакамов (заместителей) назначенного Портой нового валашского господаря С. Каллимахи он известил турецких дунайских пашей, что прекращает военные действия, но в случае турецкого вторжения в Валахию и нападения на него будет защищаться до последней крайности[34].

Из лагеря Ипсиланти в Тырговиште Александру I были посланы те «чаяния и пожелания греков», о которых говорилось в письме А. Ипсиланти Г. А. Строганову от 31 марта (12 апреля) 1821 г. В прошении «начальников вооруженных греков» российскому императору от 9 (21) апреля 1821 г.[35] отмечалось, что греки всегда надеялись на помощь «могучей единоверной им державы, православных монархов почитаемой России» в деле освобождения. Греческие капитаны напоминали, что, в свою очередь, как только Россия выступала против «врагов христианской веры», вместе с ней и «греческая нация спешила с большим рвением пролить последнюю каплю своей крови».

Как в свое время и Александр Ипсиланти в своем письме к Александру I, греческие военачальники призывали царя стать «спасителем греческой нации». В то же время, учитывая ненависть царя к революционным движениям и тайным обществам, проявившуюся в его ответе на обращение А. Ипсиланти, командиры повстанцев стремились представить освободительное восстание греков как чисто религиозное, основанное на тех же принципах, которые исповедует сам Александр I.

Изолированные от поднимавшегося в Греции мощного национально-освободительного восстания, командиры греческой повстанческой армии в Валахии не выдвигали в своем обращении к императору России конкретных предложений о новом политическом статусе греческих областей, ограничившись общей декларацией о целях своего выступления. «Мы взялись

за оружие, — писали командиры повстанцев, — не для того, чтобы победить турецкую нацию, не для того, чтобы захватить территории, но для того, чтобы заставить власти дать нам законы, открыть нам путь к благоденствию, позволить нам свободно поклоняться Сыну и Слову Божию, для того, чтобы на нас не смотрели больше как на скотов и зачислили наконец нас в разряд людей».

Что же касается будущности самой греческой повстанческой армии в Валахии, то командиры ее, чтобы избежать превращения Дунайских княжеств в театр войны, выражали готовность покинуть их без борьбы, если им будет указан безопасный путь в Грецию. Обращение «начальников вооруженных греков» к Александру I было получено в Петербурге лишь в конце мая 1821 г. К этому времени ситуация для этеристского войска в Валахии катастрофически ухудшилась.

Как уже говорилось, уходя из Бухареста в Тырговиште, А. Ипсиланти написал Г. А. Строганову, прося его советов. Но советов этих он не получил. Молчание российского дипломата объяснялось теми непреодолимыми препятствиями, с которыми он столкнулся в своих попытках восстановить спокойствие в Дунайских княжествах, не прибегая к силе. По получении сообщения А. Ипсиланти о том, что он прекращает военные действия в ожидании исхода переговоров, Строганов немедленно известил об этом Порту. Российский представитель предпринял затем большие усилия для того, чтобы предотвратить вторжение оттоманов в княжества. Для этого он предлагал вывести повстанческие силы Ипсиланти из Валахии и Молдавии и интернировать их в Бессарабии или Трансильвании. Для самого же А. Ипсиланти посланник стремился обеспечить беспрепятственный выезд из Валахии через австрийские владения на любой континент, исключая Европу[36]. Однако предложения Строганова натолкнулись на жесткую позицию Порты, не желавшей ни в какой форме вести переговоры с «мятежником» Ипсиланти, а также на сопротивление венского двора, считавшего его «опасным революционером».

В начале мая 1821 г. значительные турецкие силы вторглись в Дунайские княжества. Положение повстанцев Ипсиланти, значительно уступавших неприятелю по численности и вооружению, стало крайне серьезным. Оно еще более усугубилось в результате конфликта между А. Ипсиланти и Тудором Владимиреску. Вождь валашских повстанцев, заподозренный в сотрудничестве с турками, был казнен в ставке Ипсиланти.

Исход борьбы в Дунайских княжествах решила битва при Дрэгэшани 7 (19) июня 1821 г., в которой армия Ипсиланти потерпела тяжелое поражение и начала быстро распадаться. В самой же Греции восстание продолжало набирать силу. Акция Ипсиланти, которая отвлекла силы и внимание Порты, весьма способствовала его успехам.

Участь самого Александра Ипсиланти была трагической. По разработанному лично Меттернихом плану он и его братья были заманены на австрийскую территорию и подверглись жестокому заключению, продолжавшемуся более шести лет. Заключение это разделили ближайшие друзья и сподвижники А. Ипсиланти[37].

Бесчеловечные условия заключения, жестокость тюремщиков, и самое главное — оторванность от той тяжелой, героической борьбы, которую вел греческий народ за свое освобождение, — были для А. Ипсиланти источником больших физических и душевных страданий. Здоровье его резко ухудшилось. Меттерних, опасаясь той реакции, которую вызвала бы в мире гибель греческого революционера в застенках Австрийской империи, готов был согласиться на его освобождение. Но судьба борцов за освобождение Греции зависела не только от австрийского канцлера.

Александр I в 1821 г. одобрил репрессивные меры, принятые австрийскими властями в отношении греческих революционеров. Новый же император Николай I после подписания 6 июля 1827 г. в Лондоне представителями Англии, России и Франции известного договора, завершившего эволюцию политики петербургского кабинета в греческом вопросе — от осуждения освободительного восстания к признанию права греческого народа на самостоятельное существование, решил дать согласие на освобождение А. Ипсиланти и его братьев. Соответствующая депеша была направлена 9 (21) августа 1827 г. послу России в Вене Д. П. Татищеву, о чем тот известил самого Ипсиланти.

Австрийский император Франц I дал согласие на освобождение греческих узников, но, не желая выпускать из-под своей власти этих, с его точки зрения, «опасных бунтовщиков», оговорил его условием, что братья Ипсиланти останутся жить в австрийских владениях под полицейским надзором[38].

25 ноября 1827 г (н. ст.) узники покинули крепость Терезиенштадт (Терезиен) в Чехии — место их последнего заключения. Путь Александра Ипсиланти и его братьев лежал в Верону, город в австрийских владениях в Ита-

лии, который они избрали для своего жительства. Но, прибыв 9 декабря 1827 г. в Вену, маленькая группа греков должна была прервать свой дальнейший путь из-за плохого состояния здоровья А. Ипсиланти. В Вене имели место последние контакты вождя греческих революционеров со здешним посольством России.

Еще находясь в Терезиенштадте, А. Ипсиланти написал письмо Д. П. Татищеву (2 ноября 1827 г.), в котором протестовал против условий его освобождения, поставленных австрийским императором, и не признавал за ним какого-либо права отдавать ему (Ипсиланти) приказы, так как «мой покойный отец, вся моя семья и я всегда рассматривали себя как российских подданных». Когда Николаю I было сообщено, что братья Ипсиланти продолжают считать себя российскими подданными, его реакция была резко отрицательной: хотя российский самодержец и дал согласие на освобождение А. Ипсиланти, он продолжал видеть в нем носителя революционного духа, с которым при царствовании Николая I велась беспощадная борьба. Как говорилось в депеше министра иностранных дел К. В. Нессельроде Д. П. Татищеву от 9 (21) декабря 1827 г., «покинув Россию, князья Ипсиланти добровольно порвали узы, которые их связывали с ней», и поэтому император не может считать их российскими подданными. Послу поручалось сообщить об этой «высочайшей воле» А. Ипсиланти и его братьям[39].

По поручению Д. П. Татищева Александра Ипсиланти посетил 7 января 1828 г. (н. ст.) советник посольства барон П. К. Мейендорф. Он был одним из немногих людей, видевших греческого революционера в последние недели его жизни. В своем отчете послу об этом посещении, представляющем большую историческую ценность, П. К. Мейендорф писал: «Я отправился 7-го числа этого месяца к князю Александру Ипсиланти, чтобы сообщить ему в соответствии с указаниями Вашего превосходительства решения императора на его счет, но при первом же взгляде я обнаружил, что он так болен, что будет не в состоянии перенести спокойно сообщение столь тягостного характера. Врачи заявили, что органический дефект сердца делает бесполезными все усилия их искусства и может в любой момент вызвать его смерть, но возможно также и то, что его страдания позволят ему прожить еще некоторое время. Так как его болезнь, согласно им, была вызвана долгой и сильной печалью, я не счел себя по совести возможным усугублять причину его болезни и сделать еще более горестными последние моменты столь несчастного существования. Сам больной, хотя его душил частый

и мучительный кашель, казалось, не считал свое состояние столь опасным. Он говорил мне почти исключительно о своем горячем желании получить свою свободу, реабилитировать свое имя и облегчить свою судьбу и одновременно — судьбу своих братьев. Он показал мне прошение, которое он подготовил для его величества императора и в котором он открывает ему все мотивы своего предприятия в марте 1821 г. и отрицает, что когда-либо пренебрегал своими обязанностями российского подданного и офицера». Прочитав это прошение, П. К. Мейендорф посоветовал А. Ипсиланти сослаться как на свидетеля точности его рассказа на И. Каподистрию, с чем тот и согласился[40]. 13 января 1828 г. П. К. Мейендорф снова посетил А. Ипсиланти, и тот подписал в его присутствии текст своего письма Николаю I, переписанный набело его братом[41]. А 31 января 1829 г. посол Д. П. Татищев послал в Петербург следующее краткое сообщение: «Князь Александр Ипсиланти скончался сегодня утром вследствие долгой и мучительной болезни»[42].

После смерти А. Ипсиланти царь разрешил его братьям Георгию и Николаю вернуться в Россию. Тем временем греческая война за независимость 1821–1829 гг. близилась к успешному концу. Все эти годы на земле Греции сражался другой брат Александра Ипсиланти — Дмитрий, также бывший российский офицер, ставший видным греческим военачальником. 12 (24) сентября 1829 г. он одержал победу в битве при Петрах — последней битве войны за независимость, начатой его братом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Недавно значительная часть этих документов увидела свет в публикации: *Arš G., Svolopoulos C.* Alexandre Ypsilanti. Correspondance inédite (1816-1828). Thessaloniki, 1999.

2 Обзор греческой биографической литературы об А. Ипсиланти см.: Арш Г. Л. Александр Ипсиланти и его взаимоотношения с правительством России (новые архивные данные) // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.) М., 1995. Позднее нам стали известны еще две работы по этой тематике: *Καμαράδος-*

Βυζάντιος Γ. Ή Αλήθεια για τον Αλέξανδρο Υψηλάντη. Αθήνα, 1984; *Ροδάκης Π.* Ο Αλέξανδρος Υψηλάντης και η Φιλική. Αθήνα, 1996. К сожалению, эти и другие греческие биографии А. Ипсиланти имеют скорее популярный, чем научный характер.

3 Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1906. Кн. 3. С. 194.

4 *Арш Г. Л.* Ипсиланти в России // Вопросы истории. 1985. № 3. С. 90.

5 Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. 8. С. 127.

6 *Арш Г. Л.* Ипсиланти в России. С. 91.

7 *Арш Г. Л.* Материалы к истории русско-греческих связей начала XIX в. // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 8: Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в. С. 66–67.

8 *Arš G., Svolopoulos C.* Op. cit. P. 58–59.

9 *Thurheim L.* Mein Leben. München, 1914. Bd. 1V. S. 205.

10 *Φιλήμονος Ι.* Δοκίμιον ιστορικόν περίτης Ελληνικής Επαναστάσεως. Αθήναι, 1859. Τ. 2. Σ. 75.

11 Из записок графини Эделинг // Русский архив. М., 1887. Кн. I. № 2. С. 206.

12 La Garde A. Fêtes et souvenirs du Congrès de Vienne. Bruxelles, 1843. V. III. P. 226–227.

13 *Arš G., Svolopoulos C.* Op. cit. P. 62–63.

14 Текст его см.: *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 243.

15 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1822 г. Д. 4903. Л. 20. Métropolitain Ignace. Grèce. Causes de sa révolution et son état actuel.

16 Подробнее см.: *Арш Г. Л.* Русское правительство и «Филики Этерия» в 1820–1821 гг. // Etudes balkaniques. Sofia, 1969. № 1; Он же. Греческий вопрос во внешней политике России (1814-1820) // История СССР. 1978. № 3.

17 Современный русский перевод воззвания А. Ипсиланти: Русский архив. М., 1868. С. 294–297.

18 См.: *Арш Г. Л.* Этеристское движение... С. 264-265.

19 Арш Г. Л. Иоанн Каподистрия в России. СПб.: Алетейя, 2003. С. 307.

20 Подробнее см.: *Арш Г. Л., Пятигорский Г. М.* Некоторые вопросы истории Филики Этерии в свете новых данных советских архивов // Балканские исследования. Вып. II: Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв). М., 1989. С. 34-35.

21 См., например: Dakin D. The unification of Greece, 1770–1923. L., 1972. P. 37; *Jelavich Ch. and B.* The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920. Seattle and London, 1977. P. 40–41.

22 *Арш Г. Л., Пятигорский Г. М.* Указ. соч. С. 38–39.

23 См., например: *Oțetea A.* L'Hétairie d'il y a cent cinquante ans // Balkan Studies. Thessaloniki, 1965. V. 6. № 2.

24 *Prokesch-Osten A.* Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkische Reiche. Wien, 1867. Bd. 3. S. 61–62.

25 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1821 г. Д. 12373. Л. 24. Недавно документ был опубликован. См.: *Arš G., Svolopoulos C.* Op. cit. P. 76-77.

26 *Николай Михайлович (Романов), вел. князь.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1. С. 558.

27 *Prokesch-Osten A.* Op. cit. Bd. 3. S. 65–67.

28 *Арш Г. Л.* Этеристское движение... С. 295.

29 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти т. Л., 1977–1979. Т. X. С. 22.

30 См.: *Арш Г. Л.* Иоанн Каподистрия... С. 202–203.

31 *Арш Г. Л.* Александр Ипсиланти... С. 223.

32 *Prokesch-Osten A.* Op. cit. Bd. 3. S. 65–67.

33 *Арш Г. Л.* Александр Ипсиланти... С. 231.

34 Там же.

35 Там же. С. 231-233.

36 *Corivan H.* La captivité d'Alexandre Ypsilanti // Balkan Studies. Thessaloniki, 1967. V. 8. № 1. P. 89.

37 Подробно см.: *Арш Г. Л.* Тайный узник венского двора: Александр Ипсиланти в австрийских крепостях // Новая и новейшая история. 1987. № 2.

38 Там же. С. 144.

39 *Арш Г. Л.* Александр Ипсиланти... С. 235.

40 Там же. С. 236.

41 Это письмо — важный источник по истории греческого освободительного движения — опубликовано: *Arš G., Svolopoulos C.* Op. cit. P. 129-133. См. также: *Арш Г. Л.* Этеристское движение... С. 252-254.

42 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1828 г. Д. 11877. Л. 85.

Г. Л. Арш

Иоанн Каподистрия

Выдающийся русский писатель и революционер-демократ Александр Герцен сопоставлял «греков Перикла» и «греков Византии» с «греками Каподистрии»[1]. В сознании Герцена новая Греция ассоциировалась с именем Каподистрии, и для этого имелись серьезные основания.

Имя Каподистрии, вся его жизнь и деятельность естественно и неразрывно связаны с историей греческого национально-освободительного движения первой трети XIX в., становлением новогреческого государства. Судьба Каподистрии, как судьбы и некоторых других видных деятелей Греции в эпоху ее борьбы за национальное освобождение, тесно связана также и с Россией. Историки сильно расходятся в оценке политической и государственной деятельности Каподистрии, особенно в тот период, когда он был главой греческого государства. Мы коснемся этих споров. Но прежде

попытаемся на основе наиболее бесспорных свидетельств восстановить в основных чертах историю его жизненного пути.

Иоанн Каподистрия родился 31 января (11 февраля) 1776 г. на острове Корфу. Он принадлежал к старинному, но сильно обедневшему аристократическому роду, носившему графский титул. Все пятеро сыновей в этой семье получили в итальянских университетах образование, дававшее им возможность зарабатывать на жизнь профессиональной деятельностью. Сам Иоанн получил медицинское образование в Падуанском университете, одновременно прослушав здесь курсы по политическим наукам, праву и философии. Вернувшись на острова, Каподистрия некоторое время занимался врачебной практикой, но затем целиком посвятил себя политической деятельности.

Последние годы восемнадцатого и первые годы девятнадцатого столетий были годами бурных социальных и политических потрясений на Ионических островах. Эти острова, в течение нескольких веков находившиеся под господством Венеции, в 1797 г. подпали под власть Франции. В начале 1799 г. французы были изгнаны с островов русско-турецкой эскадрой адмирала Ушакова. В 1800 г., по соглашению между Россией и Турцией, была создана Республика Семи Соединенных островов, «покровителем» которой стал русский император. Каподистрия был активным деятелем этого первого в Новой истории греческого государства. В 1803–1806 гг. он занимал должность государственного секретаря республики.

Молодую республику сотрясала острая борьба между аристократией и буржуазией, опиравшейся на поддержку народных масс. Каподистрия, принадлежавший по своему происхождению к аристократическому лагерю, выступал за политический компромисс и определенные уступки «третьему сословию». Он участвовал в разработке относительно либеральной конституции 1803 г., предоставившей буржуазной верхушке определенные политические права. В годы государственной деятельности на Ионических островах Каподистрия тесно сотрудничал с полномочным представителем Александра I на островах Г. Д. Моцениго[2]. В Петербурге о молодом ионическом политике сложилось благоприятное мнение. Поэтому, когда в 1807 г. Республика Семи Соединенных островов прекратила свое существование, Каподистрия получил приглашение поступить на русскую службу. В январе 1809 г. бывший государственный секретарь Ионической республики прибыл в Петербург и занял место скромного чиновника Министерства иностранных дел России.

Но уже через шесть лет грек-корфиот стал статс-секретарем министерства иностранных дел России и доверенным советником Александра I. Выдающиеся дипломатические способности, проявленные Каподистрией в этот сложный и бурный период европейской истории, несомненно, способствовали его головокружительной карьере. Но бóльшую роль сыграли неопределенные «либеральные» тенденции, проявившиеся в те годы в политике Александра I. В контрреволюционной по существу внешней политике царизма проявилось в начале XIX в. стремление приспособиться к политической реальности, которая возникла в Европе в результате Французской революции и национально-освободительных войн, войти в контакт с новыми общественными силами. Учитывая предшествующую политическую деятельность Каподистрии в Ионической республике и его мировоззрение, Александр I надеялся использовать его при проведении этой политики компромиссов и лавирования.

Политические взгляды Каподистрии, проявившиеся в тот период, можно охарактеризовать как аристократический либерализм. В европейских делах он был сторонником сохранения политической системы Реставрации. Новые революционные взрывы, по мнению Каподистрии, можно было предотвратить посредством политики, сочетающей «законные интересы монархов» с правами народов. Наилучшей политической формой он считал конституционную монархию. Но им признавалась также и законность уже сложившихся республиканских форм правления.

Как представитель «либеральной» тенденции в политике правительства, Каподистрия приобрел большой авторитет в русском обществе. Петербургская Академия наук избрала его своим членом. Тесная дружба связывала Каподистрию с видными деятелями русской культуры, в том числе с писателем и историком Карамзиным, писателями Жуковским и Дмитриевым. Благодарность и уважение к приютившей его стране побуждали Каподистрию называть Россию своей «приемной» родиной. Чувства Каподистрии к России нашли отражение и в его хлопотах перед Александром I за русских ученых и писателей. Особого внимания и благодарности заслуживает участие ионического графа в судьбе А. С. Пушкина.

Как известно, весной 1820 г. над головой юного поэта собрались грозные тучи. Узнав о вольнолюбивых стихах Пушкина, распространившихся по всей России, царь собирался сослать его в Сибирь или на Соловецкие острова. Друзья поэта всполошились. За Пушкина хлопотали Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич, Ф. Н. Глинка и другие друзья и почитатели

гениального поэта. Их ходатайствам перед различными влиятельными лицами способствовали предпринятые Каподистрией практические шаги для облегчения участи Пушкина.

Грозившая поэту ссылка в Сибирь была заменена высылкой на юг России, оформленной как перевод в Екатеринослав в канцелярию главного попечителя иностранных колонистов Южной России генерал-лейтенанта И. Н. Инзова*. Встречающиеся в литературе сведения о большом участии, которое принял тогда Каподистрия в судьбе гонимого поэта[3], находят подтверждение в важном документе: собственноручной записке Каподистрии директору хозяйственного департамента Министерства иностранных дел В. А. Поленову. Вот ее текст:

«Император приказал вчера, чтобы коллегия** выдала г-ну Пушкину, переводчику, тысячу рублей на дорожные расходы. Я прошу Вас, дорогой Поленов, сделать так, чтобы этот молодой человек смог получить эти деньги сегодня, с тем чтобы ему выехать завтра рано утром. Я хочу поручить ему срочную депешу для г-на генерала Инзова. Сделайте одолжение, поговорите об этом с графом Нессельроде. Он об этом предупрежден. Мы были вместе, когда е. и. в-во дал мне это указание.

5 мая /1820/ утро.
Ваш Каподистрия»[4].

Но на всех этапах своей необычной карьеры в России Каподистрия не переставал быть патриотом Греции и в первую очередь — своей ионической родины. Он неоднократно предпринимал перед Александром I демарши в пользу восстановления Республики Семи Соединенных островов. В 1809–1814 гг., в ходе военных действий, Ионические острова были оккупированы Англией. Власть английского короля над островами была признана державами по Парижскому договору 1815 г. Но Каподистрии, подписавшему этот договор от имени России, удалось добиться в нем международно-правового признания автономного статуса Ионических островов. Когда же этот статус был нарушен английскими властями, установившими на островах колониальные порядки, русское правительство по инициативе Каподис-

* С июня 1817 г., после окончания Царскосельского лицея, А. С. Пушкин числился на службе в Министерстве иностранных дел.

** Коллегия иностранных дел.

трии предприняло демарши перед лондонским кабинетом, чтобы побудить его уважать права ионического населения.

Для Каподистрии судьба Ионических островов неразрывно была связана с проблемой национального освобождения Греции. Обязательной предпосылкой освобождения он считал распространение просвещения в Греции и «нравственное усовершенствование» греков. Большое значение Каподистрия придавал также дипломатическим и военным акциям великих держав и, в первую очередь, России. В этом отношении корфиот разделял твердую убежденность большинства греков предреволюционной эпохи в том, что решающую помощь в деле освобождения им окажет Россия. Программа Каподистрии и других умеренных греческих деятелей отражала политическое мышление части имущих слоев греческого общества, выступавших за ликвидацию османского господства, но надеявшихся осуществить ее без вооруженной освободительной борьбы. Практической ее реализацией занималось основанное Каподистрией в конце 1814 г. в Вене, с одобрения Александра I, национально-просветительное общество Филомузос Этерия (Общество друзей муз). Общество организовало обучение за свой счет греческих студентов в университетах Европы. Каподистрия содействовал также основанию школ в Греции, поощрял национально-просветительскую деятельность греческих общин России.

Между тем в греческом национальном движении существовало радикальное течение, родоначальником которого был Ригас Велестинлис. Его сторонники реальный путь к освобождению видели во всеобщем восстании против иноземного ига. К подготовке национально-освободительного восстания приступила основанная в 1814 г. в Одессе тайная национально-патриотическая организация Филики Этерия (Дружеское общество). В силу своего мировоззрения и политических взглядов Каподистрия занял отрицательную позицию по отношению к Филики Этерии. Он отказался сотрудничать в какой бы то ни было форме с тайным обществом. По этим же причинам Каподистрия первоначально отнесся отрицательно и к революционным событиям 1821 г. в Дунайских княжествах и в Греции. Но когда подготовленное этеристами восстание переросло в общенациональную освободительную революцию, Каподистрия встал на ее сторону.

Используя свое положение в русском правительстве и опираясь на большое сочувствие, которое вызвала освободительная борьба греков в различных слоях русского общества, Каподистрия приложил немалые усилия

к тому, чтобы побудить Александра I предпринять в 1821 г. военную акцию против Порты. Однако усилия эти оказались тщетными. Во внешней политике России победила тогда открыто реакционная линия. Тактика лавирования и компромиссов была отброшена. Это означало конец политической карьеры в России Каподистрии, получившего в 1822 г. бессрочный отпуск «для поправления здоровья»[5]. После отъезда из Петербурга Каподистрия в конце 1822 г. поселился в Женеве и прожил здесь свыше четырех лет. Все это время он продолжал числиться на российской государственной службе. Во время пребывания в Швейцарии Каподистрия много сделал для развития филэллинского движения в европейских странах и оказания помощи греческим беженцам — жертвам войны. Одновременно он внимательно следил за событиями в Греции и поддерживал контакты с греческими лидерами[6].

В 1825–1826 гг. военная ситуация для греческих повстанцев резко ухудшилась. На подавление восстания султан Махмуд II бросил новую, обученную по европейскому образцу египетскую армию Ибрахима-паши. Под пятой врага снова оказалась значительная часть Пелопоннеса, пал важнейший опорный пункт греков Миссолонги, с трудом держались защитники Акрополя. Положение осложняла непрекращавшаяся в Греции внутренняя борьба между различными группами и партиями.

В этих условиях многие греческие патриоты видели единственный выход из создавшегося положения в избрании единоличным главой государства Каподистрии, которому его высокое положение в России и национально-патриотическая деятельность создали общегреческое имя и авторитет.

Была еще одна причина, побуждавшая греческих вождей, прежде всего — видных военных руководителей Т. Колокотрониса и Г. Караискакиса, настаивать на передаче руководства государственными делами Каподистрии. Англо-русский протокол 1826 г. привел к резкому усилению дипломатической активности держав в греческом вопросе. Предстояли важные дипломатические переговоры об устройстве греческого государства, существование которого, наконец, было признано ведущими европейскими державами. И кто мог лучше Каподистрии — выдающегося дипломата европейского ранга — отстаивать в этих сложных переговорах интересы Греции?

2 (14) апреля 1827 г. Национальное собрание в Тризине избрало Каподистрию президентом (правителем) Греции сроком на семь лет. В постанов-

лении собрания выбор этот мотивировался тем, что «во главе греческого государства должен стоять грек, знающий политическую теорию и практику, для того чтобы управлять им в соответствии со стремлениями гражданского общества»[7]. В июле 1827 г. Каподистрия (по его собственной просьбе) был уволен с русской службы, а в январе 1828 г. прибыл в Навплию, тогдашнюю столицу греческого государства.

К моменту прибытия Каподистрии военное и экономическое положение Греции было тяжелым, если не катастрофическим. Значительная часть ее территории (в том числе — почти все важнейшие крепости и порты) находилась в руках врага. В оставшихся в руках греков замках и крепостях сидели капитаны, не считавшиеся с правительством и тиранившие жителей. Государственная казна была пуста. Около 25 тыс. солдат, не получавших содержания, бродили группами по стране и чинили насилия. Греческие воды кишели пиратами.

Первые шаги Каподистрии были направлены на улучшение финансового положения страны. Он намеревался добиться крупного займа в западных странах на основе совместной гарантии правительств России, Англии и Франции, что ослабило бы финансовую зависимость Греции от Англии, возникшую в результате займов, полученных в 1824–1825 гг. от лондонских банкиров, однако переговоры по этому вопросу затянулись из-за сопротивления английского правительства. Несколько улучшить финансовое положение Греции помогли субсидии, предоставленные ей Францией и Россией. В частности, царское правительство, по некоторым данным, в 1827–1830 гг. оказало финансовую помощь Греции на сумму в 3, 5 млн. франков[8]. Кроме того, в распоряжение Каподистрии были переданы значительные денежные суммы, собранные греками России в пользу своих соотечественников. Для увеличения государственных доходов была восстановлена средневековая десятина на всю сельскохозяйственную продукцию и увеличены налоги, вся тяжесть которых легла на народные массы.

Каподистрия принял энергичные меры и для поддержания внутреннего порядка. Греческий флот уничтожил пиратские гнезда на Крите и Северных Спорадах. Установлению внутреннего спокойствия способствовала новая административная система. Страна была разделена на епархии. Были созданы регулярная армия и флот. Эти меры нанесли удар по наследственной власти и влиянию крупных полуфеодальных родов и других партикуляристских элементов. Большие усилия прилагал президент и для распростране-

ния просвещения. При правлении Каподистрии в Греции была создана государственная система начального обучения. Открылись первые больницы. С помощью системы карантинов была прекращена вспыхнувшая в 1828 г. в Пелопоннесе и на островах эпидемия чумы. Тогда же была организована почтовая служба.

У Каподистрии были планы наделения неимущих сельских жителей землей и создания слоя мелких земельных собственников, который стал бы социальной опорой государственной власти. Как подготовительное мероприятие был проведен земельный кадастр. Но дальше этого аграрная реформа не пошла. Жизненно важный для греческого крестьянства вопрос о «национальных землях», как и при предыдущих правительствах, остался нерешенным. В области внешней политики основные усилия Каподистрии были направлены на успешное завершение борьбы за независимость. В 1828 г. дипломатические демарши Каподистрии привели к выводу армии Ибрахим-паши из Пелопоннеса. Президент приложил немалые усилия и для освобождения греческих областей, остававшихся еще под властью Порты. Греческие войска начали успешное наступление в Западной и Центральной Греции. Операции эти имели большое политическое значение, так как английское правительство намеревалось ограничить территориальные рамки греческого государства Пелопоннесом и Кикладами.

Военным успехам греков содействовала победоносная для России русско-турецкая война 1828–1829 гг. По Адрианопольскому договору от 2 (14) сентября 1829 г. Порта вынуждена была признать автономию Греции. 22 января (3 февраля) 1830 г. представители Англии, Франции и России подписали в Лондоне протокол, по которому Греция объявлялась независимым государством, но с урезанными границами. Каподистрия, однако, отказался вывести греческие войска с освобожденных ими территорий. Он проявил большую энергию и дипломатическое искусство, чтобы убедить «державы-покровительницы» согласиться на более благоприятные для Греции границы. Усилия эти, близкие к успешному завершению, прервало убийство президента.

Несомненно, что все помыслы Каподистрии были направлены на благо Греции. Но несомненно также и то, что Каподистрия был далек от идеалов Греческой революции, что он фактически ликвидировал созданные в ее ходе представительные учреждения, считая греческий народ неподготовленным к конституционной форме правления. Эти действия президента вызывали

протест демократических кругов. Однако в возникшей оппозиции руководящая роль принадлежала профессиональным политикам и феодально-партикуляристским элементам, для которых конституционалистские лозунги служили лишь прикрытием в борьбе за власть. Оппозицию поощряли и поддерживали западные державы, недовольные независимым внешнеполитическим курсом Каподистрии. В начале 1831 г. в ряде районов Греции вспыхнули мятежи, главными очагами которых стали остров Идра, центр греческого судоходства, и горная область Мани в Пелопоннесе. Каподистрия был готов пойти на компромисс со своими противниками и удовлетворить их основное требование о созыве Национального собрания. Но оппозиция с удвоенной силой продолжала враждебную кампанию против главы государства. 27 сентября (9 октября) 1831 г. Каподистрия был убит у входа в церковь Св. Спиридона в Навплии. Убийцами стали Георгиос и Константинос Мавромихалисы, сын и брат Петробея. Во времена турецкого господства Петробей был правителем Мани, и централизаторская политика президента угрожала полуфеодальной власти этой семьи. Доверенное лицо Каподистрии Г. Риганас, исполнявший при нем обязанности дежурного офицера, сообщил подробности этого злодеяния в записке, опубликованной в одном из русских исторических сборников XIX в.:

«Президент 27-го сентября раньше обыкновенного пошел в церковь в сопровождении двух ординарцев — сотников Димитрия Димопуло и безрукого Георгия Козони... В одной сажени от входных дверей церкви стоял Константин Мавромихали, закутанный в белый бурнус, прислонившись к церковной стене; при приближении президента он не сошел со своего места, поэтому президент и спустился на средину узкой дорожки и поворотил направо, чтобы войти в церковь; когда же президент поровнялся с Константином Мавромихали, он, левою рукою приподняв свою феску, поклонился президенту; президент поднял руку для снятия шляпы, но в этот момент злодей, держа в правой руке под бурнусом заряженный пистолет, приложил его к затылку правого уха и выстрелил, так что разсек даже и крыло шляпы; Георгий же Мавромихали, стоявший с внутренней стороны дверей, одновременно с выстрелом нанес графу удар в правую паху ножом; президент упал тут же у церковных дверей»[9].

Убийцы сводили собственные счеты семьи Мавромихалисов с Каподистрией, но их подстрекали и поощряли другие политические противники президента.

Борьба вокруг Каподистрии не прекратилась и после его смерти — однако она была перенесена на страницы исторических сочинений. Пожалуй, ни об одном из государственных деятелей Новой Греции не возникало столько споров, не высказывалось столько противоречивых, а зачастую диаметрально противоположных суждений и оценок. Каподистрию называли «гениальным человеком» и «великим гражданином-президентом»[10] — но его же называли «креатурой России», «корфиотским авантюристом»[11]. Сильные расхождения в оценке деятельности Каподистрии существуют и в современной историографии. В ней имеется сейчас определенная тенденция к преувеличению заслуг Каподистрии. Это характерно, в частности, для английской историографии. Если известный английский историк и участник греческой революции Дж. Финлей утверждал, что Каподистрия «не симпатизировал делу национальной независимости» и называл его правление тираническим[12], то современный английский историк К. Вудхауз называет Каподистрию «основателем независимости Греции»[13]. Разумеется, приписывание Каподистрии роли «творца» греческой независимости и государственности — явное отклонение от исторической истины. Оценки эти основаны на идеалистических представлениях о роли личности в истории. Конкретно говоря, преувеличение роли Каподистрии и значения периода его правления ведут к недооценке роли народных масс, их самоотверженности и патриотического энтузиазма, недооценке роли вышедших из гущи народа вождей, без смелой революционной инициативы которых освобождение Греции было бы невозможным.

Фигурой Каподистрии много занималась и греческая историография левого направления. В работах Я. Кордатоса и Г. Зевгоса правильно отмечены некоторые отрицательные стороны правления Каподистрии: антидемократические тенденции его политики, отсутствие реальных мер для наделения крестьян землей, пренебрежение нуждами многочисленных участников войны. Однако отдельные суждения о Каподистрии этих видных левых историков представляются спорными. Так, Зевгос утверждал, что Каподистрия был «фанатичным приверженцем царизма в своей внутренней и внешней политике» и «ненавидел греческий народ»[14]. Эти оценки вызывают возражения. Утверждения, что Каподистрия был в Греции «орудием русской политики», основываются, прежде всего, на том положении, которое Каподистрия занимал в России в 1815–1822 гг. Но следует напомнить, что до образования греческого государства Россия была единственной стра-

ной, где грекам был открыт путь к самой высокой военной, дипломатической, церковной карьере. Как известно, Евгений Булгарис и Никифор Теотокис были епископами русской церкви, Ламброс Кацонис — полковником, а Александр Ипсиланти — генералом русской армии, что не помешало им посвятить свою жизнь просвещению и освобождению Греции.

Принципиально положение Каподистрии от положения этих видных греческих патриотов отличалось лишь в двух отношениях: во-первых, грек-корфиот достиг в России вершин служебной лестницы, находился в ближайшем окружении царя; во-вторых, после завершения карьеры в России он занимал самый высокий государственный пост в Греции. Кратко остановимся на этих особенностях государственной деятельности Каподистрии.

Как уже говорилось, его головокружительная карьера в России была вызвана некоторыми «либеральными» тенденциями в политике царизма — рассчитанными на внешнее употребление конституционными маневрами Александра I во второй декаде XIX в. При проведении этой политики царь рассчитывал использовать способности и опыт бывшего государственного секретаря Ионической республики. Но и у Каподистрии были свои расчеты: он надеялся, что его пребывание при царском дворе будет способствовать облегчению участи Греции, а при благоприятных условиях — и ее освобождению. Во время пребывания в России Каподистрия неоднократно заявлял, что первая и самая священная из его обязанностей — это служить своей родине, и что он покинет русскую службу, если убедится, что не в состоянии эту обязанность выполнять[15].

И это не были пустые слова. В 1822 г., убедившись, что правительство Александра I не склонно предпринять военную акцию против Османской империи, которая облегчила бы положение восставшей Греции, Каподистрия решил оставить свой пост в России. В 1827 г. Каподистрия отклонил предложение Николая I возобновить активную дипломатическую деятельность в России: он предпочел принять предложенную ему Национальным собранием в Тризине должность правителя Греции, на котором его ожидали многочисленные сложности и опасности.

Надо сказать, что, помимо трудностей, связанных с крайне тяжелой военной и политической ситуацией в Греции, положение первого президента страны осложняла его предшествующая политическая карьера. Его противники внутри страны и за рубежом постоянно обвиняли его в «прорусской ориентации», в том, что он был «поклонником» царского абсолютизма.

Между тем объективных оснований для такого рода обвинений не существовало. Каподистрия не был демократом, но он никогда не был и поклонником государственного и общественного строя самодержавно-крепостнической России. Хотя деятельность представительных учреждений при президенте была фактически сведена на нет, принципиально он оставался приверженцем конституционной монархии.

И в своей внешней политике Каподистрия стремился избежать односторонней ориентации. Для решения сложных политических и финансовых проблем Греции, для создания жизнеспособного и независимого греческого государства он обращался за помощью ко всем участникам Лондонского договора 1827 г. Но достаточный отклик его обращения нашли лишь у России и отчасти у Франции. Объяснялось это тем, что политические цели России и Греции на заключительном этапе Греческой революции во многом совпадали. Позиция же Англии была неизменно враждебной, и это объяснялось отнюдь не «прорусской» ориентацией Каподистрии. Как отметил известный греческий государственный деятель той эпохи Николаос Драгумис: «Тори ненавидели президента не потому, что считали его прорусским, но потому, что он стремился к полной независимости Греции и расширению ее границ, которые они надеялись ограничить Коринфским перешейком». А лорд Абердин, английский министр иностранных дел в 1828–1830 гг., вынужден был уже после смерти президента признать необоснованность выдвигавшихся в адрес последнего обвинений в «прорусской» политике. В письме к известному греческому историку Спиридону Трикупису он писал: «Я убежден, что он [Каподистрия] любил Грецию, что у него в мыслях никогда не было приносить ее в жертву России и что, преследуя его, Англия одновременно совершила несправедливость по отношению к этому человеку и нанесла ущерб вашей стране»[16].

Говоря о политической ориентации Каподистрии, можно без преувеличений сказать, что на всех этапах его карьеры она была одной — прогреческой. Разумеется, греческий патриотизм Каподистрии имел определенную классовую окраску. Целый ряд мероприятий Каподистрии периода его правления в Греции — усиление исполнительной власти в ущерб законодательной, введение высокого имущественного ценза при выборах в Национальное собрание, определенное ограничение демократических свобод — объективно отвечали прежде всего интересам крупной буржуазии. Но, как нередко бывает в истории, Каподистрия был более дальновиден, чем тог-

дашние представители этого класса в Греции — судовладельцы Идры, вступившие в конфликт с президентом ради своих узкоэгоистических стремлений.

Следует также иметь в виду, что и в классовом обществе существуют общенациональные интересы. Это особенно относится к движениям за национальное освобождение, успех которых был бы вообще невозможен без совпадения интересов и общности действий различных общественных сил. Если под этим углом зрения рассматривать правительственную деятельность Каподистрии, то есть основания утверждать, что в основном его мероприятия отвечали не узкоклассовым, а широким национальным интересам. Речь идет о таких важных направлениях деятельности президента, как нормализация экономической жизни, прекращение анархии и подрыв влияния партикуляристских элементов, создание новых социальных учреждений, а в области внешней политики — освобождение как можно большей части греческого населения и урегулирование вопроса о форме правления в Греции с учетом пожеланий самих греков. Следует отметить, что в последнее время в греческой историографии все больше утверждается объективная оценка правления Каподистрии. Так, видный греческий историк А. Вакалопулос пишет о направлении действий президента внутри страны: «Каподистрия полагал, что он смог бы успешно обеспечить быстрое и беспрепятственное движение страны по пути прогресса лишь посредством жесткой централизации и диктаторского правления... Внимание свое он обратил на образование, на молодежь и, параллельно, на развитие земледелия и животноводства — устойчивых и продуктивных источников жизни греков той поры»[17].

Несколько слов о позиции Каподистрии относительно выбора монарха для Греции. В работах враждебных Каподистрии историков можно встретить утверждения о том, что он собирался стать «пожизненным правителем» или «королем» Греции и с этой целью помешал избранию «либерального» принца Леопольда на греческий трон. Но утверждения эти безосновательны. Как свидетельствуют документы, в действительности Каподистрия добивался: 1) чтобы греческий монарх был избран по согласованию с самими греками; 2) чтобы он взял на себя обязательство уважать сложившуюся в стране политическую систему; 3) чтобы он принял православие — религию подавляющего большинства греческого народа[18]. Как известно, державы при избрании греческим королем баварского принца

Оттона игнорировали эти пожелания. Грекам удалось добиться их осуществления лишь через тридцать лет — после революции 1862 г., свергнувшей Оттона и его династию.

Несомненно, что для многих греков — современников Каподистрии, переживших его, — президент остался руководителем национальных сил, боровшихся за независимость, прогрессивным реформатором. Эти настроения проявились сразу же после революции 1843 г., ограничившей деспотизм навязанного греческому народу иностранного монарха. Созванное тогда Национальное собрание единодушно приняло решение установить в городах статуи Каподистрии. Тогда же в греческой печати появились статьи, отмечавшие положительные стороны политики президента. В частности, выходившая в Патрах газета «Ихо тон Эпархион» писала: «Бесспорно, что со времен Правителя земледелец начал получать плоды трудов своих, пастух — замечать, как увеличивается его стадо, купец, ремесленник и моряк — видеть, как процветают их доходные предприятия, чиновник — получать законное вознаграждение за свою службу»[19]. Каподистрии, таким образом, ставилось здесь в заслугу создание некоторых условий, необходимых для нормального функционирования гражданского общества.

В заключение можно сказать, что Каподистрии, несомненно, принадлежит достойное место в ряду греческих патриотов, борьба и усилия которых привели к возрождению Греции. Право на это дают президенту те его деяния, которые служили общенациональным интересам, отвечали потребностям прогрессивного развития новогреческого государства и общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Герцен А. И.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1965. Т. 11. (1957.) С. 473.

2 Подробнее см.: *Станиславская А. М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. Политика России в Ионической республике. 1798–1807 гг. М., 1976.

3 См.: *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. 1. С. 230.

4 *Арш Г. Л.* Иоанн Каподистрия в России (1809-1822). СПб.: Алетейя, 2003. С. 41.

5 Там же. С. 218.

6 *Arš G. L.* Capodistria et le gouvernement russe (1826-1827) // Les relations gréco-russes pendant la domination turque et la guerre d'independance grecque. Thessaloniki, 1983. P. 122–125.

7 *Κορδατου Γ.* Ιστορια της Νεώτερης Ελλάδας. Αφήνα, 1957. Τ. 2. Σ. 540.

8 *Василенко О. В.* О помощи России в создании независимого греческого государства // Новая и новейшая история. 1959. № 3. С. 149.

9 *Ригана Г.* Смерть графа Каподистрии // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов. СПб., 1872. Т. 2. С. 192.

10 *Палеолог Г., Сивинис М.* Исторический очерк народной войны за независимость Греции. СПб., 1867. Т. II. С. 319, 329.

11 Turkey and Russia: or Observations on their Political and Commercial Relations with England by a Merchant. L., 1835. P. 44.

12 *Finlay G.* A History of Greece. Oxford, 1877. Vol. VII. P. 33, 59, 61.

13 *Woodhouse C. M.* Capodistria. The Founder of Greek Independence. L., 1973.

14 *Ζέυγου Γ.* Σύντομη μελέτη της νεοελληνικής ιστορίας. Μπουλκές, 1948. Σ. 101, 108.

15 См.: *Арш Г. Л.* Указ. соч. С. 44, 214.

16 *Woodhouse C. M.* Op. cit. P. 510.

17 Βακαλοπουλου Α. Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. Θεσσαλονίκη, 1988. Τ. 8. Σ. 722.

18 См.: Формирование национальных независимых государств на Балканах, конец XVIII — 70-е годы XIX в. М., 1986. С. 52, 55, 56.

19 Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 250. Д. 105. — Ηχώ των Επάρχιων. 11/VI-1844, № 27.

Г. Л. Арш

Адамантиос Кораис

Османское завоевание задержало развитие Греции и стало причиной ее культурного регресса. В первые века османского господства в стране существовали лишь немногочисленные, так называемые грамматические школы, где обучали только чтению текстов из Священного Писания. Почти все греческие ученые эмигрировали. Выходить из духовного мрака Греция стала в конце XVII в. В 70-е годы XVIII в. начался знаменательный период в истории новогреческой культуры, вошедший в историю как эпоха Просвещения. Он ознаменовался деятельностью выдающихся греческих ученых и просветителей Евгения Булгари (Вулгарис) и Никифора Теотоки. Оба были горячими патриотами Греции и делали все возможное для ее освобождения. Оба они жили и творили в России: их пребывание в этой стране

было тесно связано с планами политики Екатерины II на Балканах и Ближнем Востоке, нашедшими отражение в так называемом Греческом проекте. В конце XVIII в. новогреческое Просвещение вступило в новый этап, характеризовавшийся идейной связью с национально-освободительным движением во главе с Ригасом Велестинлисом, возникшим в греческом обществе под влиянием Великой Французской революции. Наиболее выдающимся представителем этого течения в новогреческом Просвещении был Адамантиос Кораис, «Сократ Новой Греции», как его называли современники.

Адамантиос Кораис родился в Смирне (Измир) 27 апреля 1748 г. в семье богатого купца. Отец его был уроженцем Хиоса — большого греческого острова в Эгейском море, и сам просветитель считал себя уроженцем этого острова и до конца своей жизни поддерживал тесные связи с греческой общиной Хиоса. В Смирне будущий ученый получил образование в начальной греческой школе. Свои весьма скудные знания, приобретенные здесь, Кораис пополнил изучением посредством нанятых учителей французского и итальянского языков. У него появился уже тогда интерес к латинскому языку, которым с ним занялся охотно и бескорыстно Б. Кеун, священник голландского консульства в Смирне. В 1772–1778 гг. жил в Амстердаме в качестве агента торговой фирмы своего отца. После пребывания еще в течение четырех лет в Смирне Кораис в октябре 1782 г. навсегда покинул этот большой торговый города Османской империи и отправился во Францию.

В 1782–1786 гг. он учился на медицинском факультете университета в Монпелье, знаменитого на всю Европу. Его медицинские занятия шли весьма успешно. Их результатом стали две диссертации на медицинские темы и присвоенная ему степень доктора медицины. Но на этом занятия Кораиса медициной завершились, и вся его последующая научная деятельность была посвящена классической греческой филологии. В этой области он вскоре приобрел европейскую известность. Но Кораис никогда не был кабинетным ученым. Его весьма интересовали политические события в Европе, особенно касавшиеся его родной Греции, и он живо откликался на них своими публицистическими произведениями. Жизнь сделала образованного грека очевидцем событий всемирно-исторического значения; в мае 1788 года Кораис прибыл в Париж и провел здесь всю оставшуюся жизнь.

В Париже на его глазах протекала великая драма Французской революции. Он разделил с парижанами все лишения и опасности революционной эпохи. Как явствует из переписки Кораиса тех лет, он безоговорочно под-

держал буржуазную революцию, многие преобразования революционных лет. Он с энтузиазмом отнесся к отмене общественных привилегий аристократии, ликвидации монастырей и монашеских орденов, установлению государственного контроля над церковью. Большое политическое значение Кораис придавал ликвидации абсолютизма в целом и установлению конституционного строя. Однако, с самого начала революции этот греческий демократ выражал опасения, что фанатизм революционеров, их внутренние раздоры облегчат подрывную работу противников революции и поставят под угрозу ее результаты. По этой причине он осудил якобинскую диктатуру, революционный террор и Робеспьера как «тирана»[1]. Хотя Кораис и осуждал «крайности» Французской революции, он до конца своих дней сохранил верность ее демократическим идеалам.

Между тем революционная волна, которая в самой Франции начала спадать после термидорианского переворота, докатилась до других стран. Революционные настроения в этих странах поощряли сами генералы армий республиканской Франции, операции которых уже вышли за пределы своей страны. В частности, они распространились и на Грецию. В июне 1797 г. на острове Корфу, принадлежавшем до того Венеции, высадились французские войска. Остров стал базой французской пропаганды. Завоевывая симпатии греков, французские агенты напоминали им о величии их предков, контрастировавшем с их униженным положением под властью султана. При этом, «именем генерала Бонапарта и волею французской республики, естественной союзницы всех свободных народов», давалось понять, что греки в случае освободительного восстания могут рассчитывать на «защиту французских войск»[2].

И помимо этой пропаганды, воздействие идей Великой Французской революции на образованную часть греческого общества было огромным. Французская революция дала идейное оружие греческому национально-освободительному движению, сформировавшемуся под руководством Ригаса Велестинлиса. Выдающийся греческий революционер-демократ разработал политическую программу движения, вошедшую под заглавием «Новое политическое правление для народов Румелии, Малой Азии, островов Средиземного моря, Валахии и Молдавии» в изданную подпольно в Вене в ноябре 1797 г. брошюру. Ригас разработал и конкретный план освободительного восстания в Греции и установил обширные политические связи. Имеются сведения и о том, что он послал своих представителей в Милан, в ставку ге-

нерала Бонапарта, с просьбой о помощи в освобождении Греции от османского ига. Но французский полководец отделался туманными обещаниями. Ригас же и его сподвижники были полны решимости предпринять попытку освобождения Греции — при поддержке Франции или без нее. Но освободительные замыслы греческого революционера были раскрыты австрийской полицией. Он был арестован и после шестимесячного пребывания в австрийских застенках был выдан Порте. 12 (24) июня 1798 г. Ригас и его товарищи были казнены в белградской крепости[3].

Гибель выдающегося борца за освобождение Греции вызвала большое волнение в греческом обществе. На это и другие события, тесно связанные с судьбой Греции, живо откликнулся и Кораис.

Первые годы после Французской революции образованный врач зарабатывал переводами с различных языков, трудов по медицине, включая труды «отца медицины» Гиппократа. Работа эта подготавливала переход от полученной им медицинской профессии к древнегреческой филологии, становившейся его главным научным интересом. Но и тогда и потом в мыслях филолога на первом плане стояла проблема освобождения Греции. Хотя Кораис и не разделял революционных намерений Ригаса, ставя во главу угла распространение просвещения, но в некоторых вопросах взгляды обоих греческих патриотов совпадали. Так, Кораис разделял надежды вождя революционеров на готовность Бонапарта содействовать освобождению Греции. В частности, имеются сведения, что, как и Ригас, он обратился с письмом к Бонапарту, «когда тот был генералом свободной нации в Италии», которым призвал его действовать ради освобождения Греции[4]. Движение Ригаса Велестинлиса вызвало враждебную реакцию в консервативных кругах греческого общества. Попытка дискредитировать пламенного борца за национальное освобождение была предпринята в брошюре «Отеческое наставление», опубликованной в 1798 г. и инспирированной церковными деятелями, близкими к Константинопольской патриархии.

Анонимный автор, начав с утверждения, что османское завоевание явилось благом для греков, затем с похвалой отзывался о султане, который «по внушению свыше» позволяет «свободными иметь обряды веры нашей православной». Этот апологет османских поработителей характеризовал стремление к свободе «как приман дьявола и яд вреднейший» и обращался с патетическим призывом к верующим: «Закройте уши ваши и не приложите ни малейшего внимания к такой новоявившейся надежде — вольности»[5].

Эта проповедь добровольного рабства греков вызвала резкую реакцию греческих ученых и просветителей, живших на Западе. Первым отповедь безымянному рупору наиболее реакционных кругов греческого духовенства дал Кораис в брошюре «Братское наставление», опубликованной в том же 1798 г. Этот убежденный враг османского господства провозгласил «мужественное сопротивление» греков завоевателям. Он клеймит в своем труде тех церковников, которые объезжают «как хищные волки епархии для того, чтобы безжалостно вырывать из ртов голодающих христиан немного того хлеба, который даже ненасытные турки стеснялись отнимать». Обличая также и тех богатых людей, которые жестоко угнетают своих соотечественников, Кораис делает заключение: «Легко из этого понять, что эти корыстные люди должны опасаться гибели турок, подобной гибели свободы греков, которая станет для них безутешным горем»[6].

Хотя республиканская Франция не поддержала освободительное движение Ригаса Велестинлиса, Кораис и другие демократически настроенные греки не теряли надежд на ее помощь в освобождении Греции. Надежды укрепила египетская экспедиция Бонапарта и вспыхнувшая в результате война Франции с Османской империей. Опубликованные в 1800-1801 гг. поэтические произведения Корариса — «Боевая песнь» и «Песнь боевой трубы» — содержат призыв к грекам всеми мерами поддержать войну французов против османов, как часть своей борьбы за независимость. Но греческий просветитель не связывал все свои надежды на освобождение Греции только с действиями французских генералов. Так, опубликованный в 1802 г. перевод книги итальянского просветителя Ч. Беккарии «О преступлениях и наказаниях» он посвятил «вновь созданному греческому государству семи островов», т. е. Республики Семи Соединенных островов, возникшей в 1800 г. при решающем участии России.

Такой всесторонний подход характерен и для публикованной в 1803 г. Кораисом «Записке о нынешнем состоянии цивилизации в Греции» — манифесте того направления в новогреческом Просвещении, которое он представлял[7]. Просветитель подробно излагает обстоятельства происшедшего общественного поворота, экономического развития и культурного подъема, подготавливавших возрождение Греции. Большое внимание уделено здесь судоходству Архипелага. В первую очередь — торговому флоту Идры. До русско-турецкой войны 1768–1774 гг. занятия идриотов ограничивались торговлей в Архипелаге, в Черном море, иногда — с Египтом.

После войны географические рамки торговых рейсов островитян значительно расширились. Подъему судоходства Идры способствовало и появление здесь новых жителей — переселенцев из Пелопоннеса, опустошенного в ходе войны турецкими войсками. В конце XVIII в. этих «новых аргонавтов», по выражению Кораиса, видели уже во всех портах Италии и Франции, на Балтике и даже в Америке. Вынужденные часто вступать в схватки с алжирцами, пиратствовавшими на Средиземном море, идриоты вооружили свои корабли. Их суда имели на борту от 8 до 30 пушек и команду от 35 до 70 человек, обычно в возрасте до 40 лет.

Большие изменения, связанные, по мнению Кораиса, непосредственно с влиянием Французской революции, произошли и в сфере культуры. Особенно это проявилось в области издания книг на греческом языке. По словам Кораиса, «можно смело не преувеличивая сказать, что в последнее десятилетие прошедшего века издано в Греции гораздо более разнообразных поучительных сочинений, нежели от покорения Восточной Империи до того времени»*.

Гордясь успехами новогреческого Просвещения и явно их преувеличивая, Кораис высказывал убеждение, что греки в случае необходимости смогут просветить и другие европейские страны: «Ныне в Греции довольно книг, переведенных с европейских языков, и просвещенных людей, которые не только в состоянии споспешествовать возвышению наук у себя, но даже восстановить оные в Европе, естьли бы можно было предположить, что тамошние народы погрузились опять в невежество 13 и 14 столетий». Греческий патриот отметил и большую перемену, происшедшую в сознании его соотечественников. По его замечанию, в греческом обществе утвердился дух сопротивления чужеземному игу, произошла духовная революция, выражением которой стала «страсть свободы». Последний решительный толчок этому повороту в сознании греков, как считал просветитель, дала Французская революция. Но большое значение для роста уверенности греков в собственных силах имела русско-турецкая война 1768–1774 гг., в которой греки участвовали весьма активно. По словам Кораиса, «они уверены теперь, что притеснители их, подобно другим, могут быть побеждены, что они сами побеждали их между рядами русских, и что нет почти для них

* Здесь неточность перевода. В оригинале речь идет не об издании, а о появлении в Греции книг. Первая типография в Греции была создана на Корфу в 1798 г. в период французской оккупации.

никакой невозможности и одним побеждать их под руководством искусных военачальников». Хотя ученый, выступивший в роли публициста, и признает большое значение русско-турецких войн для подготовки освобождения Греции, в целом в его записке чувствуется профранцузская тенденция. Кораис продолжал еще некоторое время питать надежды на Францию и лично на Наполеона в плане избавления Греции от ига султана. Надежды эти окрепли через два года после больших побед Наполеона над Австрией и Россией. Это нашло свое отражение в новом памфлете греческого мыслителя «Диалог двух греков», вышедшем из печати в 1805 г. Автор приписал одному из своих героев характерные слова: «Русские больше не за нас: только дружба Франции выгодна грекам»[8]. Это высказывание, созвучное настроениям самого Кораиса, скоро было опровергнуто действительностью. В 1806 г. между Наполеоном и султаном Селимом III установились самые дружеские отношения, а Россия в том же году начала войну против Османской империи. Хотя война эта велась не ради освобождения Греции, но, как и другие русско-турецкие войны, она вела к ослаблению ее угнетателей. Видимо, тогда Кораис понял тщетность надежд на то, что Наполеон избавит греков от многовекового чужеземного ига. Во всяком случае, в его произведениях последующих лет уже отсутствуют дифирамбы в адрес Франции и Наполеона. Со стороны же самого Наполеона занятия Кораиса древнегреческой филологией получили определенную поддержку. Кораису и двум его французским коллегам, осуществившим по пожеланию императора перевод на французский язык «Географии» древнегреческого географа Страбона, была назначена в 1805 г. пожизненная пенсия в 2 тыс. франков.

В последние годы XVIII в. и первые годы XIX в. много сил и внимания ученого филолога, как мы видели, отнимала политическая публицистика. Однако поражение освободительного движения Ригаса Велестинлиса, утрата надежд на Наполеона как «освободителя Греции» побудили Кораиса целиком посвятить себя национально-просветительной деятельности. В национальном просвещении этот видный греческий патриот видел теперь единственный путь к освобождению Греции. Свое кредо Кораис изложил в предисловии в изданию речей древнегреческого оратора Исократа (1807)*: «Чтобы выйти Гелладе из жалкого настоящего положения, для это-

* Текст приводится с сохранением орфографии его русского перевода середины XIX в.

го я никогда не представлял себе и не представляю никакого иного способа кроме образования. Конечно, оно лет с 30 уже, как начало усиливаться, но следует ему еще более распространиться в народе. Если есть другое какое, кроме этого, средство к возрождению Геллады (а какое еще можно придумать кроме насилия?), считаю его неправедным и безрассудным»[9]. Указанное издание речей Исократа было частью большого национально-просветительного предприятия Корайса — переиздания трудов древнегреческих писателей и философов. В серию «Эллинская библиотека», как называлось это издание, продолжавшееся 23 года (1805–1827), вошло 17 томов и еще девять томов «Прибавлений». Были переизданы на основе правил тогдашней филологической науки труды Плутарха, Страбона, Аристотеля, Ксенофонта, Ликурга, Тиртея, Эзопа и других древнегреческих классиков.

На титульных листах всех томов «Эллинской библиотеки», вышедших до 1815 г., была надпись «На щедрые затраты братьев Зосима ради обучения учащих голос Греции греков». Эта богатая греческая купеческая семья, жившая в России, не только взяла на себя все типографские расходы по изданию «Эллинской библиотеки», но и предоставила ученому ежегодную субсидию в 3 тыс. франков. О значении этой помощи для осуществления научно-просветительного издания Корайса его биограф пишет: «Патриотический шаг братьев Зосима принес многие плоды, потому что Кораис, благодаря предоставленной ими ежегодной субсидии, смог целиком посвятить себя в течение девяти лет своим филологическим занятиям. За их же счет были изданы восемь томов «Эллинской библиотеки» и два тома «Прибавлений». И вот уже многие тысячи этих томов были бесплатно распределены между греческими училищами Греции и зарубежных стран, а также среди греческих ученых. Книги эти, с жадностью читавшиеся и изучавшиеся, весьма способствовали поднятию культурного уровня греческого народа»[10].

Вкладом Корайса в подъем культуры дореволюционной Греции явилось и содействие открытию училищ и библиотек в стране. Для того, чтобы сделать образование более доступным для народа, Кораис добивался упрощения церковно-византийского письменного языка, считая, что его предварительно нужно «очистить» от «вульгаризмов» и систематизировать в соответствии с грамматическими нормами древнегреческого языка. Предоставим, однако, слово самому языковому реформатору: «Если не следует нам потакать невежеству народа, то, с другой стороны, не следует и слишком далеко уклоняться от того, к чему его уши привыкли с детства. В та-

ких обстоятельствах писателям нашим остается средняя дорога: следует избегать простонародности, потому что конечно ни Платоны, ни Исократы не писали языком афинских матросов; но, с другой стороны, нужно уклоняться и от гелленизма или, лучше сказать, от гелленского макаронизма, потому что и Платоны, и Исократы писали, наверно, так, что их понимали и матросы»[11].

Помимо просветительного направления в греческом национальном движении, теоретиком и практиком которого был Кораис, продолжало существовать и укрепляться революционное направление, основоположником которого был Ригас Велестинлис. Основная идея пламенного революционера состояла в том, что грекам не следует ожидать милости от иностранных государств, а они должны и могут своими силами сбросить тяжелое чужеземное иго. Идея эта пустила глубокие корни в греческом обществе. Новой базой освободительного движения стали греческие колонии, возникшие на землях Северного Причерноморья, отвоеванных Россией в ходе ее войн с Османской империей. В Одессе, самой экономически процветающей и патриотически активной из этих колоний, в 1814 г. возникла тайная национально-освободительная организация Филики Этерия (Дружеское общество). К 1820 г. эта организация приобрела многочисленных приверженцев в Греции и зарубежных греческих колониях. По социальному составу это были купцы, военные предводители, провинциальные нотабли, представители низшего духовенства, «профессионалы». О последней категории, составлявшей, по подсчетам исследователя, 13% от общего числа этеристов[12], следует сказать особо.

В эту категорию входили учителя, студенты, доктора, т. е. представители сословия образованных людей. Участие значительного числа людей из этого сословия в деятельности тайного общества показывает, что далеко не все греческие интеллигенты разделяли мнение Кораиса о нежелательности насильственных действий греков против власти завоевателей. В апреле 1820 г. руководство тайным обществом принял генерал-майор русской службы Александр Ипсиланти. Под его руководством в феврале 1821 г. началось антиосманское восстание в Дунайских княжествах, которое через месяц переросло в общенациональную революцию в Греции.

Кораис отрицательно отнесся к революционной акции этеристов, которую он считал преждевременной, а потому опасной. По его мнению, если бы они подождали до 1849 г., пока подрастающее поколение достигнет умс-

твенной зрелости, то греческий народ имел бы компетентных и достойных руководителей, которые вывели бы его из рабства к свободе. Поскольку же, как утверждал просветитель, его соотечественники не смогли выдвинуть способного и благородного лидера, подобного его кумиру Дж. Вашингтону, он боялся, что революция потерпит поражение[13]. Но надежда Кораиса на то, что в условиях жестокого гнета и произвола, каким было османское господство, можно было воспитать «компетентных и достойных руководителей», была явно утопической. Кроме того, этот деятель культуры не учитывал охватившее большинство греческого народа стремление любой ценой сбросить позорное и ненавистное иго и войти в семью европейских народов.

У Кораиса были и другие мотивы, определившие его первоначально отрицательное отношение к освободительной акции, начатой А. Ипсиланти. По представлению демократически настроенного ученого, Ипсиланти, принадлежавший к семье фанариотов — греческой аристократии, тесно связанной с Россией, действовал по поручению царя Александра I. При этом политическими целями царя, как утверждал Кораис, было заменить тиранию султана собственной, а также утвердиться на Средиземном море и создать этим угрозу интересам и свободе европейских народов[14]. Эта идея, циркулировавшая в некоторых европейских либеральных кругах, не имела ничего общего с действительностью. Александр Ипсиланти был искренним и бескорыстным патриотом Греции, и его революционная акция не только никак не была связана с официальной политикой России, но, более того, коренным образом противоречила ей.

Но, к чести Кораиса, следует сказать, что — несмотря на его убежденность в том, что революция в Греции была преждевременной, — когда она приняла общенациональный размах, он все свои силы бросил на ее поддержку. Во всей его многогранной деятельности в помощь освободительному восстанию греков можно выделить три основных направления: 1) переписка с военными и политическими руководителями Греции с целью их наставления и поощрения; 2) попытка ускорить — посредством предисловий к книгам из серии «Эллинская библиотека» и отдельных изданий — духовное созревание греков, чтобы они смогли не только одержать победу, но и воспользоваться ее плодами как свободные граждане; 3) стремление к тому, чтобы подогревать интерес к освободительной борьбе греков и филэллинские чувства европейского и американского общества[15].

В частности, что касается последнего направления, Кораис вступил в переписку с видным американским демократом, бывшим президентом США Т. Джефферсоном, рассчитывая через него найти материальную и духовную поддержку молодой заокеанской республики делу греческой свободы. В своем письме от 10 июля 1823 г. влиятельному американскому деятелю греческий просветитель повторил свое сожаление по поводу того, что его соотечественники восстали, будучи недостаточно образованными:

«Это несчастье для нас, что мы восстали в тот момент, когда наше народное образование только началось. Мы заканчиваем очень плохую школу, турецкую школу, и это говорит обо всем. Это правда, что современная Греция внезапно произвела Леонидасов и Мильтиадисов, но, выйдя из-под длительного давления, она не могла произвести так скоро законодателей, которые были у старых жителей и которых можно видеть в наши дни у Вас».

Судя по всему, греческого ученого и идеолога беспокоила не только «законодательная неграмотность» жителей Греции, но и усиливавшееся вмешательство европейских держав, прежде всего Англии, в греческие дела. Для того, чтобы нейтрализовать эту опасность, Кораис предлагал послать из Америки в Грецию двух или трех уважаемых людей для переговоров, по видимости — по коммерческим вопросам. На деле же эти «уважаемые люди» смогли бы оказать благотворное влияние в демократическом духе на политическое развитие Греции: они смогли бы «своей просвещенностью и рвением к свободе укрепить тех греков, которые стоят во главе дел, в их благородной решимости сохранить свою независимость». В случае невозможности посылки подобной американской миссии в Грецию Кораис просил ветерана американской демократии опубликовать в своей стране, в одной из газет, письмо с политическими советами грекам. Защитник дела своих соотечественников обещал перевести это письмо на греческий язык и широко распространить его в Греции. Как заявлял Кораис, «подобное письмо должно произвести громовой эффект на умы моих соотечественников, чья многострадательная родина знает и почитает Ваше имя». Но Джефферсон уклонился от выполнения этих пожеланий, ограничившись большим ответным письмом греческому мыслителю с подробным рассказом об американском государственном устройстве[16].

Между тем в 1827 г. в государственном устройстве самой Греции произошла серьезная перемена. В условиях резкого ухудшения военной ситуации для греческих повстанцев Национальное собрание в Тризине избрало

И. Каподистрию — видного греческого деятеля, бывшего министра иностранных дел России, — президентом (правителем) Греции сроком на семь лет. Хотя у республиканца и демократа Кораиса имелись серьезные политические расхождения с умеренным конституционалистом Каподистрией, обоих знаменитых греков объединяла ненависть к турецкой тирании и любовь к просвещению. Начиная с 1815 г., когда дипломат и филолог впервые встретились в Париже, и вплоть до 1829 г. (т. е. включая и первые два года президентства Каподистрии) их отношения были вполне дружескими.

Они испортились в конце 1830 г. Причиной послужили некоторые действия Каподистрии, направленные на усиление исполнительной власти. Он распустил действовавший по Тризинской конституции парламент, заменив его такими органами, как Панэллинион, Сенат, различные советы, имевшие только экспертные функции и состоявшие из людей, пользовавшихся абсолютным доверием Каподистрии. Он также откладывал на долгое время созыв очередного Национального собрания. Действия Каподистрии вытекали из сложившейся в Греции ситуации. Страна после восьмилетней войны лежала в развалинах, государственная казна была пуста; по Лондонскому договору между державами от 3 февраля 1830 г. Греция получила очень урезанные границы, не был выбран еще монарх для нового государства. Каподистрия считал, и не без оснований, что для решения этих жгучих и неотложных вопросов ему нужно сосредоточить всю власть в своих руках и опираться на оперативные органы, а не на парламентские институты. При этом президент не был принципиальным противником конституционной формы правления. Но Каподистрия считал, что право выбора при голосовании в представительные органы для большинства населения станет реальным при двух условиях: широком распространении образования и превращении греческих крестьян — безземельных арендаторов — в собственников. Глава государства не ограничивался только благими пожеланиями: при его правлении в Греции впервые была создана государственная система образования и началась подготовка к распределению бывшей турецкой земельной собственности среди крестьян.

В душе же старого ученого (Кораису было уже за 80), свыше 40 лет жившего в Париже, глубоко укоренились идеи Французской революции о суверенитете народа и демократическом равенстве. Кораис непоколебимо считал своим долгом внедрять эти идеи в политическую жизнь Греции, мало считаясь с реальной обстановкой в стране. Вся же информация о положе-

нии в Греции доходила до него через противников Каподистрии и не была объективной.

В начале 1830 г. в Греции начала складываться оппозиция против Каподистрии. Центром ее стал остров Идра, а ядром — политическая элита времен революции, которая после прихода к власти Каподистрии утратила свои позиции. Оппозиционеры боролись за восстановление своих властных привилегий, но вели эту борьбу под флагом защиты «конституционных прав греческого народа». Учитывая при этом демократические взгляды Кораиса, им важно было включить в борьбу против президента выдающегося ученого и просветителя, пользовавшегося большим авторитетом среди греческой интеллигенции. И Кораис вовлекся в начатую оппозиционерами яростную кампанию против главы государства.

В 1830–1831 гг. в Париже были опубликованы два памфлета Кораиса (в привычной для него публицистической форме диалога двух греков) с нападками на руководителя Греции. Особенно враждебный характер носил памфлет, вышедший из-под пера маститого ученого и публициста в октябре 1831 г. В нем выдвигались различные — как правило, необоснованные, — обвинения против Каподистрии. Последнему приписывалось стремление помешать просвещению греческого народа. Например, утверждалось, что он был противником преподавания предметов классической древности в греческих училищах. Более того, Каподистрия изображался вообще как враг древнегреческого культурного наследия: утверждалось, что при его попустительстве гибнут древние памятники Афин, что предметы древнегреческого искусства, собранные для основанного им музея на острове Эгина, он намеревался передать в музей Петербурга. Вообще, согласно памфлетисту, греческий президент не собирался ограничиться только передачей греческих антиков русским, но и готов был «предать» им Грецию и всю ее «наводнить казаками». Глава греческого государства характеризовался как «тиран» и «орган русского самодержца», и оправдывались любые действия для его свержения[17].

Все эти обвинения ни в малейшей степени не были обоснованы и носили явно злонамеренный характер. Как уже говорилось, Каподистрия не был противником конституционных форм правления, хотя и считал необходимым временно приостановить деятельность представительных учреждений — до решения самых неотложных внутренних и внешних проблем Греции, только что вышедшей из горнила кровавой разорительной войны. Для

решения всех этих проблем опытный дипломат и искренний греческий патриот искал поддержки у ведущих европейских держав, прежде всего у России, но с целью не «предать Грецию», а укрепить ее независимость. Еще более нелепыми и абсурдными выглядят обвинения в его адрес в том, что он был врагом просвещения Греции. Как и Кораис, он был горячим поборником греческого народа, был поклонником древнегреческой культуры[18]. Напомним, что именно при его правлении в Греции были заложены основы государственной системы школьного образования.

Памфлет со злобными нападками Кораиса на Каподистрию выглядит тем более недостойно этого выдающегося деятеля новогреческой культуры, что был опубликован Кораисом уже после того, как ему стало известно, что 27 сентября (9 октября) 1831 г. правитель Греции был злодейски убит его противниками — Мавромихалисами, членами феодальной семьи Пелопоннеса. Весьма благосклонный к Кораису его биограф А. Даскалакис высказывает сожаление по поводу этой акции своего героя:

«Публикация столь яростного пасквиля против лица, которое за несколько недель до этого нашло трагическую смерть, даже если бы оказались действительными выдвинутые против него обвинения, и сегодня вызывает истинное огорчение. Ну что можно сказать, когда речь идет здесь об Адамантиосе Кораисе, известном тогда всему миру своей мудростью и своей нравственностью, посвятившем всю свою долгую жизнь, проведенную в трудах и муках, освобождению нации? О том, кто оставался с начала до конца своей жизни безупречным патриотом и честным идеологом, внесшим больший, чем кто-либо другой, вклад в духовное возрождение греческого народа!»[19]

Адамантиос Кораис умер 25 марта (6 апреля) 1833 г. У входа в Афинский университет памятник Кораису соседствует с памятником Каподистрии: историческая память, отбросив все суетное, соединила эти две личности, внесшие огромный вклад в просвещение и освобождение Греции...

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Κιτρομηλίδη Π.* Η Γαλλική Επανάσταση και Νοτιοανατολική Ευρώπη. Αθήνα, 2000. Σ. 95, 97, 108.

2 См.: *Арш Г. Л.* Великая французская революция и Балканы // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 49.

3 Подробнее см.: *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 94–117, а также стр. 337–357 настоящего сборника.

4 *Κιτρομηλίδη Π.* Ό. π. Σ. 111-112.

5 См.: *Арш Г. Л.* Этеристское движение... С. 125.

6 *Βακαλοπούλου Α.* Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. Θεσσαλονίκη, 1973. Τ. 4. Σ. 674.

7 Πολιτικά φυλλαδια (1798–1831) του Αδ. Κοραή. Αθήνα, 1983 // Mémoire sur l'état actuel de la civilization dans la Grèce. Выдержки из записки приводятся по ее современному русскому переводу: Корай. О нынешнем просвещении Греции / Перев. А. Негри. СПб., 1815.

8 *Κιτρομηλίδη Π.* Ό. π. Σ. 118–119.

9 См.: [Ордынский Б. И.] Адамантий Корай, просветитель новых греков // Русская беседа. Кн. 3(7). М., 1857. С. 37.

10 Δασκαλάκη Α. Ο Αδαμαντίος Κοραής και η ελευθερία των Ελλήνων. Αθήναι, 1965. Σ. 252.

11 [Ордынский Б. И.] Указ. соч. С. 36–37.

12 *Clogg R.* A short history of modern Greece. Cambridge University Press. 1986. P. 49.

13 *Chaconas S.* Adamantios Korais. A Study in Greek Nationalism. N. Y., 1942. P. 112.

14 *Δασκαλάκη Α.* Ό. π. Σ. 286, 293.

15 Ό. π. Σ. 295–296.

16 См.: *Улунян А.* Греческие мечты, французский опыт и американская реальность. Переписка А. Кораиса с Т. Джефферсоном // Греция: национальная идея, общество, государство. XVII–XX вв. М., 2002. С. 80–95.

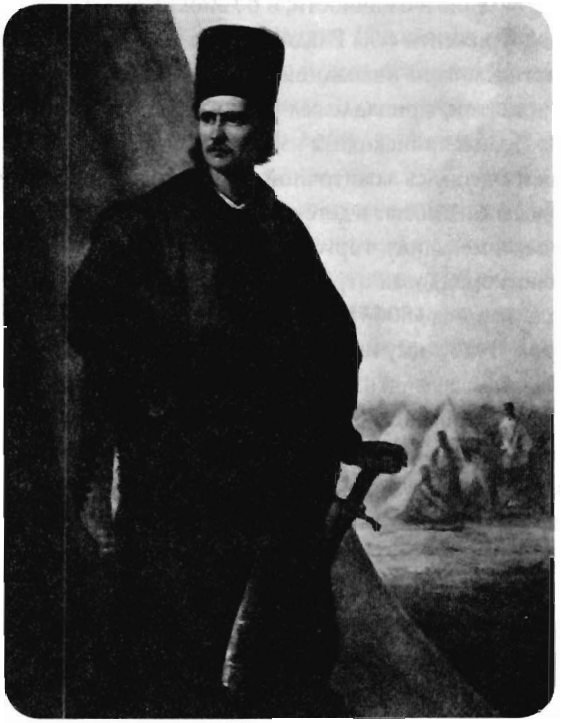
17 Δασκαλάκη Α. Ό. π. Σ. 570–573.

18 Подробнее см.: Международные отношения на Балканах 1815–1830 гг. М., 1983. С. 275–276; *Арш Г. Л.* Н. М. Карамзин и Иоанн Каподистрия // Греческая культура в России. XVII–XX вв. М., 1999. С. 29–30; Он же. Иоанн Каподистрия в России (1809–1822). СПб.: Алетейя, 2003. С. 45–59.

19 *Δασκαλάκη Α.* Ό. π. Σ. 573.

В. Н. Виноградов

Тудор Владимиреску



Тудор Владимиреску — личность и значительная и загадочная в истории Румынии. Он вынырнул из гущи народной, возглавил восстание 1821 г. в Валахии и исчез, оставив свое имя навеки в летописях родной страны.

Большая часть его жизни покрыта мраком неизвестности. Не существует даже точной даты рождения — 1770 или 1780-й годы. Поскольку вождь восстания остался в памяти современников мужем в расцвете сил, а не пожилым по тогдашним представлениям пятидесятилетним человеком, дата — 1780-й год представляется подлинной. Жизнь молодого Влади-

мireску восстановлена по крупицам К. Д. Арическу в начале 1870-х годов, через полвека после смерти героя. Документальных свидетельств сохранилось мало, и биограф пользовался воспоминаниями. Так что почти все, чем мы располагаем о жизни Владимиреску до восстания 1821 г., — это версии, точность которых часто подтвердить невозможно. И тем не менее версии дают представление и о личности, и об эпохе.

Тудор — уроженец села Владимир (отсюда — и фамилия) уезда Мехединц волости Клошань в западной части Валашского княжества (Олтении). Отец, Константин, принадлежал к сословию свободных крестьян (мошнян), мать, Иоана, происходила из духовенства. Семья была трудолюбивая, работящая и считалась зажиточной. Тудор пошел в природу — чем только не занимался в жизни, пас в детстве скот, служил боярину и государству, держал корчму и мельницу, торговал солью, зерном, скотом, арендовал и покупал землю, командовал отрядом румынских добровольцев во время русско-турецкой войны 1806–1812 г.

Ребенком Тудор выучился читать и писать, — по одним свидетельствам — у местного священника, по другим — у старика, которому помогал пасти скот; по деревенскому обычаю, его с малолетства приучили к труду. А когда исполнилось то ли 10, то ли 12, родители отправили его на выучку к мелкому торговцу в центр Олтении, город Крайову, от которого Тудор перешел на службу к боярину И. Глаговяну. Хозяин оценил способности и предприимчивость юноши и послал его в школу, в которой тот постиг счет и начатки греческого языка. Какое-то время Тудор служил управляющим отдельными поместьями Глаговяну. Арическу полагал, что Тудор сопровождал жену боярина в ее путешествии в Россию.

Глаговяну вел широкую торговлю крупным рогатым скотом, овцами и козами. Владимиреску занимался перегоном стад в Трансильванию и продажей скота на тамошних рынках. Вполне в духе времени, юноша оказался не только предприимчивым, но и не вполне чистым на руку. Однажды ему удалось заключить весьма выгодную сделку, получив намного больше денег, чем предполагал Глаговяну (Арическу приводит цифру в 300 флоринов, которую он положил в свой карман). С тех пор он мог уже торговать на собственный счет[1]. Обладая немалой коммерческой сметкой, он стал зажиточным человеком — поставлял в Трансильванию и Венгрию скот, зерно и соль, купил несколько участков земли. В перечне его имущества на 1812 г. значатся дома, мельницы, виноградники, лавки, корчма. В 1807 году, во вре-

мя правления князя Константина Ипсиланти, Владимиреску стал администратором волости Клошань. В должности Тудор утвердился прочно, известно, что он не раз тратил крупные суммы для ее продления, очевидно, администрирование приносило немалый доход, раз пребывание на должности сопровождалось взятками.

В годы своего правления в Валахии и, очевидно, в связи с первым сербским восстанием (1804–1813 гг.) Константин Ипсиланти решил сформировать отряд добровольцев, гласно — с целью воспрепятствовать вторжениям из-за Дуная банд Пазвант-оглу, негласно — чтобы быть готовыми к выступлению против турок в случае их войны с Россией[2]. Именовались они пандурами.

В 1807 году , уже в условиях начавшейся русско-турецкой войны, генерал М. А. Милорадович приступил к формированию отрядов добровольцев в помощь российским войскам. В желающих вступить в их ряды недостатка не ощущалось, завербовался и Тудор. Задача заключалась в очистке Олтении от турецких формирований и недопущении их прорыва в дальнейшем. В кампанию 1808 г. пандуры переправились на правый берег Дуная и участвовали в осаде Видина, в сражениях под Раховым и Неготином.

Тудор служил достойно и умело. Генерал-майор Исаев свидетельствовал (17 апреля 1808 г.): «Здешний боярин сульжер Феодор Владимирян, добровольно сделавшийся командиром тысячи пандур в Чернецах, целый год удерживал сей край от нападения турок, в горах несколько раз имев с ними сражения, всегда отражал их и тем сохранил край тот от нападения». О храброй защите края докладывали начальству полковник Григорович, майор Матвеев, подполковник Вейс. По датам документов можно судить, что воинская служба Владимиреску продолжалась более четырех лет. Он именовался то командиром батальона, то даже Мехединцского пандурского полка, иными словами, командовал значительным отрядом. Владимиреску получил чин поручика российской службы и был награжден орденом Св. Владимира[3]. Не был обойден он и господарскими милостями, Константин Ипсиланти пожаловал ему боярское звание невысокого ранга слуджера.

Человек своего времени, Тудор воспринял и царившие тогда жестокие нравы. Имеются сведения о его расправах с турецким населением, пленных турок он предавал смерти. По Бухарестскому миру 1812 г. султан предоставил амнистию всем своим подданным, поднявшим против него оружие. Для Владимиреску было сделано исключение, его решили изловить и привезти

в Стамбул для наказания. Вовремя предупрежденный, Тудор скрылся и, переодетый монахом, пересек границу и добрался до Вены.

Это — одна из версий, связанных с его жизнью. Академик А. Оцетя опровергал романтическую историю бегства, правда, не приводя при этом никаких аргументов: «В июне — декабре 1814 года Тудор Владимиреску жил в Вене. Путешествие это не имело ничего общего с приписываемым ему намерением скрыться после Бухарестского мира от мести турок, а было предпринято по поручению исправника уезда Мехединц боярина Николае Глаговяну, с которым Тудора связывали личные обязательства». В австрийской столице Тудор занимался устройством личных дел и определял на учебу боярскую дочь. Оцетя высказывал предположение, что Владимиреску, знакомый с греческим языком, вступил в контакт с представителями влиятельной венской греческой общины. Именно в это время в Одессе возникло тайное Дружеское общество (Филики Этерия), приступившее к подготовке освободительного восстания на родине. При интенсивных связях между зарубежными колониями эллинов вполне вероятно, что венские греки: знали об активности своих одесских соотечественников.

В сентябре 1814 г. открылся Венский конгресс держав-победительниц над Наполеоном Бонапартом. В передовых балканских кругах с ним, и в первую очередь с царем Александром I связывали надежды на освобождение. В Австрии появилась написанная по-гречески брошюра «Венский конгресс», в которой говорилось о разделе европейских владений Османской империи между союзниками и изгнании турок в Азию. Многозначительным представлялось то обстоятельство, что бдительная габсбургская цензура пропустила издание[4].

По мнению А. Оцети, Владимиреску с брошюрой ознакомился. Он цитировал в своей книге «таинственное» письмо героя от 28 июля 1814 г. (т. е. до появления брошюры): «Здесь сейчас царит молчание, движения нет. В октябре ожидается приезд со всех концов на конгресс министров, прибудет и император России. Слух идет, что тогда что-то будет и для тех мест; многое было, мало осталось». Оцетя связывал туманное высказывание с надеждами балканцев на то, что конгресс обратит взоры и в их сторону. Это, конечно же, версия, имеющая право на существование, но доказательству не поддающаяся.

Несомненно, однако, что четырехмесячное пребывание Владимиреску в Вене, где он очутился в совершенно иной по сравнению с Дунайскими

княжествами общественной и культурной атмосфере, облагороженной идеями Просвещения, где он столкнулся с реалиями европейской жизни, возможно, вступил в сношения с греческой диаспорой, не прошло бесследно для его личности. На наш взгляд, А. Оцетя вполне закономерно связывал такие появившиеся в его воззваниях во время восстания 1821 г. понятия, как права народа, общественная польза, общественное собрание с визитом в Вену, значительно обогатившим его кругозор[5].

Питаемые на Балканах надежды на Венский конгресс рухнули, форум прошел под знаком легитимизма, признания незыблемости прав помазанников Божьих и неприкосновенности их владений, а уж более легитимной династии, нежели османская, правившая полтысячелетия, не существовало.

Дома Т. Владимиреску ожидали неприятности. Весной 1814 г. господарь Иоан Георге Караджа распорядился о сокращении числа пандуров, занятых охраной порядка, до 700 человек. В феврале 1815 г. пандурам, ранее освобожденным от уплаты налогов, было предписано оные платить, правда, лишь в свободное от службы время. Пандуры жаловались на произвол и злоупотребления властей. Все это происходило на фоне глубокого, всеохватывающего кризиса Османской империи, власть которой изжила себя. В Валахии появилась ударная сила национального движения, состоявшая из людей решительно настроенных, опытных в военном деле, хорошо владевших оружием. Казалось, сама судьба предназначила Тудора Владимиреску на роль вожака этой вольницы.

Он отличался внушительной внешностью — выше среднего роста, осанистый, выражение лица серьезное, даже сумрачное, малоразговорчив, густые темнорусые волосы ниспадали на плечи. В последние годы одевался по-боярски — длиннополый, до пят кафтан, высокая смушковая шапка. У него — четыре служителя.

Он принадлежал к той прослойке мелких бояр и торговцев, что вышла из низов и с народом связей не порвала. Эта группа выступала естественным руководителем массовых движений. Сохранился любопытный документ, исходивший из боярской среды и помеченный 1822 г. «Существует много людей более высокого, чем крестьяне, класса. Они живут в своих имениях и хорошо знакомы окружающим. Все они, в интересах своей торговли и по личным надобностям, а также по обычаю, тесно связаны с зажиточными крестьянами и имеют большое влияние на умы последних»[6]. Владимиреску — человек состоятельный, по валашским представлениям даже

богатый, но все нажито своим горбом. В его юности — рукоприкладство покровителя, боярина Глаговяну, потом — знакомство с произволом крупнобоярской верхушки, занимавшей в княжестве все сколько-нибудь значительные посты, судебной волокитой, покупкой должностей, продажностью, барской ленью и восточной волокитой администрации во всех ее звеньях.

В Австрии, пусть поверхностно, Владимиреску столкнулся с иными порядками — несравненно более высоким жизненным уровнем населения, широко распространенной грамотностью, более или менее упорядоченной административной системой, отсутствием грубого произвола в отношениях помещиков с крестьянами. Разительный контраст блистательной Вене и чистеньким австрийским деревням представляли убогие глинобитные мазанки валашских деревень. Городами, в привычном смысле этого слова, являлись лишь Бухарест и Крайова, все остальные напоминали разросшиеся села с немощеными грязными осенью и зимой и пыльными летом улицами, и населением, занятым в основном сельским хозяйством.

На родине — тройной гнет: местных крупных бояр, Высокой Порты (как тогда именовалась система османской власти) и, в качестве промежуточного звена, — господарей, назначавшихся султаном из представителей греческой аристократии. К краткой характеристике этой системы управления и угнетения мы перейдем.

* * *

Отличительной чертой восточного владычества является его примитивно-грабительский характер. Татаро-монгольское иго на Руси не сопровождалось разрушением ее государственности. Точно так же Дунайские княжества, Молдавское и Валашское, сумели сохранить ее после вхождения в состав Османской империи, хотя и в сильно урезанном автономном виде. Власть осуществлялась крупным боярством и избираемым из ее среды господарем (князем). Бояре, подобно своему аналогу на Руси, соединяли в одном лице крупного землевладельца и чиновника высшего ранга, причем основную часть своих доходов получали из казны, государственная форма присвоения ренты преобладала над частной.

Турецкий гнет становился все тяжелее по мере вступления империи в полосу системного кризиса. Пребывание в ее хозяйственном и политическом ареале обрекало княжества на тотальную отсталость. Культурные импульсы христианской Европы с трудом проникали на их земли, разрыв

в экономическом, политическом и духовном развитии становился все глубже. Автономные права сужались — Высокая Порта стала назначать, смещать и расправляться с господарями по своей воле, размеры денежной дани и натуральных повинностей (в виде поставок в Стамбул леса и продовольствия) росли как на дрожжах.

Стремление вырваться из османской темницы проявилось уже в 1656 г., когда уполномоченные молдавского князя Георге Штефана просили царя Алексея Михайловича принять молдаван под свою высокую руку. Не удалось — у Москвы, после воссоединения с Украиной, началась война с Польшей.

Перед Прутским походом 1711 г. Петр I подписал в Луцке так называемый Диплом и пункты, изъявив молдавскому господарю Димитрию Кантемиру согласие на вступление молдаван в состав своей державы на условиях широкой автономии.

Прутский поход закончился трагически, армия во главе с Петром попала в кольцо окружения турецких войск и крымской конницы , царь пошел на подписание тяжелейшего мирного договора, вернув туркам Азов. Димитрий Кантемир с семьей и сторонниками бежал в Россию, где прославился как ученый европейской известности, а его сын Антиох — как один из основоположников русской поэзии. Злая судьба ожидала валашского князя Константина Брынковяну, тоже вступившего с Петром в сношения. Его вместе с четырьмя сыновьями вызвали в Стамбул, и всех предали казни. Младший, совсем мальчик, умолял палачей сохранить ему жизнь, соглашаясь принять ислам. Пощады не было.

Местные господари вышли у Высокой Порты из доверия, и она перешла к системе назначения князей из так называкмых фанариотов — представителей греческих аристократических семей, проживавших традиционно в стамбульском квартале Фанар. Богатые, образованные, прошедшие курс наук в европейских, большею частью итальянских университетах, фанариоты сумели приспособиться к жизни в условиях восточной деспотии. Они стали осуществлять важные функции в сношениях Порты с христианской Европой — высокопоставленные турки считали для себя унизительным общение с «неверными», да и языков они не знали. Фанариоты занимали должности драгомана Порты и драгомана флота. Буквальное значение этого слова — переводчик — не отражает реального содержания должности. Ее носители играли важную роль в ведении внешних дел и в управле-

нии сотнями островов Эгейского моря. Так что фанариоты вполне удобно пристроились в системе управления державой (если не считать того, что их в любую минуту по прихоти владыки могли задушить, заточить или сослать в места отдаленные и пустынные).

С введением фанариотского режима в Молдавии и Валахии княжества по существу были отданы на откуп этим принцам. Назначение на должность сопровождалось многочисленными тратами — взносами в казну (повторявшимися в случае задержки на престоле каждые три года), подарками министрам и чиновникам рангом поменьше, подношениями избранным обитательницам сераля, начиная с султанши-валиде (матери). Новоназначенец получал высокий чин двухбунчужного паши (по европейски — генерал-лейтенанта). Точных сроков правления не предусматривалось, и при вечно пустом стамбульском казначействе существовал соблазн сменять князей как можно чаще, чтобы получить золотого тельца от очередного претендента; имелся и другой стимул — сомнение, что «засидевшийся» на престоле господарь обретет излишнюю самостоятельность. Отсюда — непрекращающаяся череда назначений, включая повторные. Своего рода рекордсменом по этой части в ХУШ в. был Константин Маврокордат, он шесть раз правил Валахией и четыре раза — Молдавией.

Несмотря на все эти неприятные моменты, от желающих занять престолы не было отбоя, существовала конкуренция — кто больше даст за должность. Приехав в страну в сопровождении толпы мздоимлимых греков, очередная «светлость» стремилась не только возместить затраты, но и приумножить свои богатства, вводя все новые поборы.

Автономные права Молдавии и Валахии сокращались подобно шагреневой коже в знаменитом романе Оскара Уайлда. Утрачен был старый обычай избрания господарей боярами, их назначал непосредственно султан. Княжества лишились права содержать свои вооруженные силы, их заменили небольшими отрядами наемников при дворе. К крепостям Хотин и Измаил Порта прирезала значительные участки земли на правах райата (т. е. непосредственного турецкого управления). В Стамбул во все больших количествах поставлялись зерно, скот, строительные материалы, лес, и не по рыночным, а по произвольно назначенным и заниженным ценам, значительно вырос размер дани.

И все же правление фанариотов нельзя рисовать одной черной краской. Встречались среди них люди высокой культуры, адепты просвещения. Тот

же Константин Маврокордат провел и в Валахии, и в Молдавии серьезные реформы, коснувшиеся и аграрной сферы, и уничтожившие личную зависимость крестьянства. Александр Ипсиланти во время своего правления в Валахии (1774–1782 гг.) упростил и несколько облегчил налогообложение, установил жалованье чиновникам (ненадолго, поскольку они продолжали взяточничать, эта добрая инициатива скоро отмерла), строил здание для училища Св. Спиридона (своего рода лицея), воздвиг новый дворец[7]. С правлением фанариотов связано распространение греческого языка и культуры, прежде всего в верхах общества, что имело не только положительное, но и отрицательное значение, ибо мода на все греческое в какой-то степени заслоняла заботу о развитии румынского языка и культуры.

Предшествовавшую восстанию Владимиреску эпоху застойной назвать нельзя. Тончайший слой интеллектуальной элиты, почти сплошь из великих бояр, с интересом отнесся к идеям Просвещения и Французской революции, подходя к ним, правда, выборочно. Эгалитаристски-уравнительные воззрения Ж. Ж. Руссо отвергались. Идеи о святости и неприкосновенности частной собственности, уважения к личности и чести в обстановке произвола, царившего в Османской империи, воспринимались как величайшая ценность. Положение о праве народов свергать властителей игнорировалось, как и антицерковный настрой якобинцев, неуместный в стране, где православие служило идейным знаменем борьбы против мусульманского ига. Принципу народного суверенитета придавался антитурецкий характер.

Множились признаки культурного возрождения, в чем важную роль играли связи с многочисленным румынским населением Трансильвании, входившей в состав Габсбургских владений. Именно там родилась школа просветителей (И. Мику-Клайн, Г. Шинкай, П. Майор, И. Будай-Деляну), обративших свои взоры к истокам румынского этноса, к его латинскому происхождению. Правда, в своих трудах они «спрямили» этногенез румын, как непосредственных потомков римских поселенцев, проигнорировав славянское влияние на формирование их языка и культуры; но само обращение к славному прошлому на фоне унизительного и жалкого настоящего играло революционизирующую роль.

На балканской арене появилась сила, которая подавала реальную надежду на освобождение — российская армия. Войны 1768–1774 и 1787–1791 гг. оставили глубокий след в истории Румынии. Духовенство и бояре Валахии и Молдавии хлопотали перед Екатериной II «присовокуплении»

княжеств к «счастливейшим областям Всероссийским»[8], идеализируя положение в крепостнической России. Их представители активно действовали в закулисье русско-турецких мирных переговоров. Вырвать княжества из челюстей агарянской неволи, как тогда выражались, не удалось. Но перечень прав, полученных ими по договорам в Кючук-Кайнарджи (1774 г.) и Яссах (1791 г.) впечатляет, они означали серьезное улучшение их автономного статуса: провозглашалась свобода исповедания православной религии, амнистия всем, поднявшим оружие против Порты, возвращение монастырям и частным лицам земель вокруг турецких крепостей, у них прежде отторгнутых, прощались долги стамбульской казне, господари получали право иметь своих представителей при особе падишаха, фиксированная дань отправлялась Порте раз в два года, взимать ее полагалось «со всем возможным гуманизмом», поставки зерна, скота и стройматериалов следовало производить в пределах возможностей Молдавии и Валахии и по рыночным ценам. Турецкие торговцы допускались в их пределы лишь с разрешения местных властей, им запрещалось заниматься земледелием, животноводством и торговлей. Российские посланники получили право выступать в пользу княжеств, и Высокая Порта обязывалась относиться с должным вниманием к подобным демаршам[9]. В завуалированной форме это означало установление над господарствами российского протектората. В 1802 г. султан, под влиянием подобного ходатайства, установил семилетний срок правления князей, который можно было нарушить лишь в случае серьезной и доказанной провинности с их стороны.

* * *

В XIX в. Балканы вступили в новую стадию национально-освободительной борьбы, в полосу широких народных восстаний. Почин взяли на себя сербы, их восстания 1804–1813 и 1815 гг., хоть и закончились неудачей, нанесли серьезный удар по системе турецкого господства. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. породила у православного населения надежду на то, что час освобождения близок. Вызревали предпосылки, предвещавшие мощный взрыв на населенных греками землях. В то время существовали как бы три Греции: южная часть Балканского полуострова с феодально-зависимым, по преимуществу крестьянским населением; многочисленные острова Эгейского моря, где сильна была прослойка торговой и судовладельческой буржуазии; раскинутая по всей Европе диаспора с процветающими

торговыми домами. В самом Константинополе проживала фанариотская верхушка во главе с патриархом. Тесные контакты с христианским миром, знакомство с идеями Просвещения привели к тому, что господство восточной деспотии в лице османской державы стало одиозным даже в глазах той элиты греческого общества, которая, казалось, нашла свое место на берегах Босфора. Имелась в наличии богатая и образованная буржуазия как руководящая сила национального движения, угнетенная крестьянская масса как его питательная среда и даже вооруженные отряды клефтов и арматолов в тех горных районах, до которых турецкая власть не добралась.

В 1814 году в Одессе, как уже упоминалось, трое малоизвестных молодых людей из торговой среды образовали тайное Дружеское общество (Филики Этерия), превратившееся в своего рода магнит, притягивавший к себе тех, кто жаждал сбросить цепи ненавистного рабства — сперва из греков, проживавших в России и Дунайских княжествах. В 1818 году центр этеристов переместился в Константинополь, ближе к родине. Конспирация насчитывала уже тысячи членов, требовался вождь с именем, способный зажечь сердца. Таковой был обретен в лице Александра, сына бывшего валашского господаря (1802–1806, 1807 гг.) Константина Ипсиланти, который занимал прорусскую позицию и переехал в Россию. Александр с честью служил в армии, принимал участие в Отечественной войне и заграничных походах 1813–1814 гг., потерял в боях руку и, будучи еще молодым, получил чин генерал-майора. Три его брата опередили его по срокам вступления в Дружеское общество. В апреле 1820 г. Александр возглавил Филики Этерию в звании генерал-инспектора. Романтически настроенный, порывистый и нетерпеливый, он приступил к разработке плана действий. Казалось, время благоприятствует выступлению: султан Махмуд II готовил свою армию к походу против могущественного вассала, властителя Южной Албании и Северной Греции Али-паши Тепелена. В рядах этеристов распространялось убеждение, что за спиной Александра Ипсиланти, генерал-майора русской службы и флигель-адъютанта стоит его тезка Александр I. Это нимало не соответствовало истинному положению вещей, и не только по причине легитимистских настроений императора, но и потому, что Россия вышла из десятилетней эпопеи войн с Наполеоном с многотысячными людскими потерями, истощенной казной, сожженными и разрушенными городами во главе с Москвой по всему маршруту наступления — отступления Великой армии корсиканца . Вступать в схватку с Османской империей было просто

непозволительной роскошью. В беседе со своим статс-секретарем по иностранным делам, греком Иоанном Каподистрией Александр советовал тому вразумить своих соотечественников: «Старайтесь успокоить вашу родину... Я желаю содействовать улучшению их участи. Всем нужен мир, а его нельзя обеспечить иначе как единодушием правительств»[10].

Но убеждение в том, что российский двор их поддержит, не покидало этеристов и от них перекочевало в историографию. Такой видный ее представитель, как румынский академик А. Оцетя, поддался на эту версию (Филики Этерия действовала «по наущению царского правительства»)[11].

Александр Ипсиланти строил грандиозные планы — он с отрядом храбрецов переправится через реку Прут и вступит в пределы Дунайских княжеств , где на престоле — господари-фанариоты, их охранные отряды во главе с членами Этерии станут ядром повстанческой армии, присоединятся сербы, лишь недавно сложившие оружие, болгары, вспыхнет восстание в Пелопонессе... На бумаге все выглядело прекрасно.

Изначальная трагедия положения заключалась в том, что фанариоты в княжествах были чужаками и угнетателями. Начавшееся в январе 1821 г. в Валахии восстание Владимиреску с фатальной неизбежностью должно было обратиться против фанариотского гнета. Так оно и произошло.

Существует много романтических изображений греческих героев, с развевающимся знаменем вступающих на правый берег реки Прут, готовых к боям и славе. На самом деле все произошло вполне прозаически. Александр Ипсиланти покинул Россию, испросив у царя отпуск на лечение и имея на руках законно оформленный паспорт. На берегу его ожидали двести всадников из охраны молдавского господаря М. Суцо. 22 февраля 1821 г. он прибыл в Яссы и через день опубликовал манифест «В бой за веру и Отечество!». В Яссах и Галаце произошла резня турок. По данным П. И. Пестеля, занимавшегося сбором информации, погибло двести человек[12]. Узнав о событиях, посланник в Стамбуле Г. А. Строганов счел, что на князя Александра нашло затмение.

* * *

В ноябре 1820 г. Тудор Владимиреску приехал в Бухарест под предлогом ведения судебного процесса. В воздухе, казалось, витала идея заговора. Он поселился в доме боярина Константина Самуркаша, в котором этерис-

ты проводили совещания. Во дворце, отрядах наемников, администрации, церкви, даже на почте этеристы занимали важные посты. Многие местные бояре вступили в общество. Поклялся добиваться «вооруженным путем освобождения от варваров и возрождения победоносного креста» и Тудор. Его клятву подтвердили Иордаке (Георгиос) Олимпиотул и Иоан Фармаке. На него смотрели как на вожака массы пандуров, способных дать движению вооруженную силу. В январе 1821 года, когда господарь А. Суцо лежал при смерти, образовалось некое регенство из бояр, названное правящим комитетом. Три его члена, Г. Брынковяну, Г. Гика и Б. Вэкэреску, 15 числа этого месяца подписали документ, поручив Владимиреску поднять «вооруженный народ» на восстание с целью свержения османской власти[13]. Ни о какой социальной программе в бумаге, подписанной великими боярами, не говорилось. Тудору предоставлялись довольно широкие права для сбора необходимых средств.

В ночь на 19 января он двинулся в родные края. Г. Брынковяну, спатар (командующий имевшимися в княжестве небольшими вооруженными силами), предоставил в его распоряжение отряд арнаутов. Владимиреску озаботился о создании небольшой канцелярии для управления делами, взяв с собой нескольких грамотеев. Заранее были составлены манифесты для обращения к народу, и не только. 23 января он прибыл в селение Падеш родного уезда Клошань, где его ожидала сотня пандур. Отсюда он разослал гонцов, сзывая горцев на сбор, напоминая пандурам, что их незаконно обложили налогами, обещая им «жалованье и свободу».

Знаменитая падешская прокламация, обращенная «ко всему румынскому народу Бухареста и других городов и сел Румынской земли»* начиналась образно: «Никакой закон не запрещает отвечать на зло злом. Когда змея выползает из норы, ее убивают камнями, чтобы спасти жизнь». Далее следовало яростное обличение «тиранов-бояр», «чудовищ, пожирающих наши жизни», церковных иерархов и неправедных властителей. Следовал грозный вопрос: «До каких пор мы будем терпеть, как сосут нашу кровь? До каких пор мы будем рабами?». Завершался манифест призывом: «Не будьте ленивцами, спешите все к нам, у кого есть оружие — с оружием, у кого нет — с железными вилами и копьями». Свое движение Владимиреску име-

* Княжество называлось Валахией за рубежом и в историографии; самоназвание его — Цара Ромыняска, т. е. Румынская страна.

новал «Всенародным собранием» и призывал добрых людей, независимо от их веры и языка, примкнуть к нему.

В прокламации делалась оговорка: добычей может стать только «с помощью зла обретенное» боярское имущество, неприкосновенными остаются «добро и дома» торговцев, горожан и крестьян, всех жителей вообще. Не подлежало отчуждению имущество бояр, примкнувших к движению. Нечего и говорить, что последнее разъяснение прошло незамеченным, в глазах крестьян все бояре были злодеями.

Ничего общего с данным Тудору правящим комитетом поручением прокламация не имела. Тудор выступал как вождь антифеодального народного восстания, хотя его цели формулировались расплывчато и неопределенно: «Милостив Господь, и если мы следуем его велениям, надо творить добро, а сего не достичь, пока не исчезнет зло»; собрание народа «призвано творить добро и приносить пользу всей стране»; следуйте этим путем, и тогда «братья, наступит время, когда высохнут наши слезы». Не выступал Тудор и как уполномоченный этерии, о чем свидетельствовало прошение султану, составленное по всем канонам верноподданнических петиций: «К священному и всемогущему порогу всесильной империи, нашей владычицы, припадаем мы, весь румынский народ Валахии» с жалобой на «нескончаемые наши печали и ужасные страдания, причиняемые местными боярами, объединившимися с присланными господарями, ... ибо бояре, или лучше сказать, наши злейшие тираны, довели людей до истощения, им хуже, чем мертвецам в могиле».

Страна не имеет возможности остановить несправедливости и обращается к милости «всемогущей империи», которой она много раз удостаивалась, но всякий раз безрезультатно, ибо благодеяния Высокой Порты до нее не доходили. Поэтому «верноподданные рабы могущественной империи слезно просят прислать к ним императорского посланца не нашей веры, чтобы тот узрел и убедился в жалком положении страны», дабы прекратились хищения и восторжествовала справедливость. Владимиреску, очевидно, полагал — пусть лучше явится султанский чиновник, а не турецкие войска, и тогда удастся получить выигрыш во времени[14].

Какую же линию вел Тудор, отмежевавшись от этеристов и направив острие движения против бояр, т. е. против всей системы социальных отношений и управления в княжествах? Ответ, представляется, дан в некоем разговоре Владимиреску с Александром Ипсиланти. Назвать ходивший уже в то

время по рукам текст документом нельзя, невозможно утверждать, что разговор состоялся, но он вполне адекватно характеризует занятую вождем повстанцев позицию:

«Владимиреску: Ваши враги — турки, наши враги — греки — фанариоты. Различие видно в содержании прокламаций, ваших и моих. Ваше поле — Греция. Переправляйтесь через Дунай. А наше дело — прогнать отсюда господарей-фанариотов, здесь им не место. Хватит им полученных с княжества поборов! Пусть отправляются под вашим знаменем освобождать Грецию от гнета, а мы хотим избавиться от их ига»[15].

Владимиреску считал Ипсиланти не союзником, а попутчиком, пусть тот со своим войском отправляется за Дунай и отвлекает на себя турецкие силы, а сам «господин Тудор» станет творить суд и расправу и наводить порядок в Валахии.

* * *

Но вернемся к первым дням восстания. Падешская прокламация стала искрой, возжегшей пожар. Веками копившаяся ненависть деревни к боярам вылилась в погромы, охватившие всю Олтению и распространившиеся на другие уезды княжества. Началась румынская пугачевщина, разве что убийств творилось меньше. Помещичьи усадьбы, амбары, скотные дворы разорялись и сжигались, запасы зерна, муки, растительного масла, вина, меда растаскивались, скот уводился, уничтожались виноградники. Происходили массовые порубки леса — царане мстили боярам, захватившим леса, издавна считавшиеся общинными угодьями. В захваченных усадьбах уничтожались записи крестьянских повинностей и долгов. Не избегли мести монастыри, являвшиеся крупными землевладельцами, пострадали такие обители как Козия, Нучет-Вылча, Арноту, Мотру.

В Клошань, к Тудору стекались крестьяне. Вождь объявил об отмене податей, обещал покончить с несправедливостями и вернуть народу отнятые у него права и имущество. Неделю, с 23 по 28 января, Владимиреску совершал своего рода объезд Олтении, путь лежал через Стрехая, Бая де Арама, Броштень, Тыргу Жиу. К нему присоединилось с полторы тысячи пандуров и множество крестьян. Диван Крайовы выслал против него отряд стражников, немедленно переметнувшийся на его сторону. Владимиреску обратился к пандурам с многозначительной речью: «Настал час открыть вам всю

правду, сообщив, что это выступление произошло по приказу императора России Александра, и дело идет об освобождении не только нашем, но и всего греческого народа».

Принц Александр Ипсиланти, покинув Молдову, вступил на землю Румынской страны со значительным войском. А за этим ожидается великая сила России, находящаяся на реке Прут.

Мы поможем принцу Ипсиланти переправиться через Дунай, чтобы двинуться на освобождение своей родины. Русские помогут нам овладеть турецкими крепостями по течению Дуная, которые перейдут к нам. И тогда мы будем управляться самостоятельно по своим законам.

Прекратите, начиная с сегодняшнего дня, грабежи и убийства и всякие злодеяния; тех же, кто станет нарушать данный приказ, я буду предавать смерти своей рукой»[16].

Владимиреску со своими отрядами расположился лагерем у селения Цинцерень. Успех всякому восстанию приносят быстрота и натиск, промедление — его гибель, а вожди медлили. «Сидение» в лагере длилось с 4 по 28 февраля, т. е. почти месяц. Почему?

Все участники событий — Владимиреску, Ипсиланти, молдавский князь в Яссах и диван в Бухаресте ожидали, что освобождение принесет Россия на штыках своей армии. Господарь Молдавии М. Суцу взывал к царю о присылке армейского корпуса в трогательных выражениях («Осмеливаюсь повергнуть к подножию трона Вашего императорского величества нижайшую просьбу, к коей присоединяются бояре страны», как к «протектору человечества»). Сам Ипсиланти в своем романтическом упоении полагал, что российская дипломатия как бы состоит у него на службе. Он отправил посланнику в Константинополе Г. А. Строганову пакет, который, помимо личного обращения, содержал семь писем видных этеристов с призывом к своим родственникам и друзьям присоединиться к революции. Строганову, который вел труднейшие переговоры с Высокой Портой по улаживанию множества дел, предлагалось стать поручением Филики Этерии. Он счел происходящее безумием.

Все изменилось в одночасье. Из Лайбаха (Любляны), где заседал конгресс Священного союза, пришел ответ царя на обращенную к нему просьбу Ипсиланти о поддержке, содержавший резкий отказ и уведомление об увольнении князя из российской армии. Письмо статс-секретаря И. Каподистрии включало многозначительный пассаж: «Какой же момент Вы избрали для нападения на Порту? Момент, когда ... растут шансы на счастливый ис-

ход переговоров, на укрепление мира новыми гарантиями»». И как посмел Ипсиланти надавать молдаванам столько несбыточных обещаний![17].

Прозрение наступило в конце марта. А пока что...

30 января валашский диван, начисто забыв, что поручил Владимиреску подготовить восстание, направил Высокой Порте донос на «злоумышленника и злодея», который смущает «простодушные умы». маня их свободой. Описав в черных красках быстрое распространение волнений, бояре просили «могущественную империю обдумать подходящие средства для избавления страны от творящегося разбоя». Диван обратился к российскому консулу А. А. Пини за согласием на ввод османских войск в княжество, ведь по Кючук-Кайнарджийскому договору армия Порты на его территорию не допускалась. Дипломат санкцию дать не решился, ссылаясь на признанную международными актами неприкосновенность валашских границ.

Диван попытался воздействовать на Владимиреску словом, «по отечески» советуя вождю повстанцев не губить страну, а сложить оружие и подчиниться законной власти. Тудор отвечал дерзко: не он поднял мятеж, а народ, верным сыном которого он является. Бояр он призвал вести себя, как надлежит патриотам, а не злодеям отечества. Третье обращение к нему начиналось словами «Архон (господин) слуджер» и было заметно мягче по тону, его просили «не покидать местонахождения, не двигаться ни на вершок», ибо против него «поднято оружие»[18].

Но вот с оружием было плоховато. Посланные против него отряды, вместо того, чтобы сражаться, переходили на его сторону. Диван действовал нерешительно и вяло. Во главе правительственных частей поставили боярина К. Самуркаша, того самого, у которого еще недавно квартировал Владимиреску. Самуркаш выхлопотал немалую сумму денег, которую передал Тудору. Но подкупа не получилось. Лагерь повстанцев располагался у села Цинцерень, их противников — в четырех часах ходьбы, у Коцофень. Военных действий не велось, многие стражи порядка присоединились к «народному собранию».

Создается впечатление, что стороны дожидались развития событий — что предпримут этеристы, удастся ли им добиться успеха, придет ли к ним (а значит и к румынам) на помощь Россия? В последних числах февраля по Бухаресту поползли слухи о переправе турок через Дунай. У связанных с Этерией бояр накопилось немало грехов перед Портой, они искали спасения в бегстве в Трансильванию.

1 марта 1821 г. Тудор узнал о прибытии Александра Ипсиланти в Яссы. Он покинул лагерь и во главе «народного собрания» двинулся в Бухарест.

* * *

В Молдавии Ипсиланти встретили радушно и дружелюбно, некоторые бояре и церковные иерархи выделили немалые средства, по разным подсчетам от полутора до трех миллионов лей. Но пожертвований оказалось недостаточно. Богатая греческая диаспора, щедро одарявшая этеристов симпатиями, расчетливо и скуповато снабжала их деньгами. Их отряды состояли не только из одушевленных революционными идеалами юношей, но и бывших наемников из разного рода вооруженных формирований, жестко требовавших денег на содержание. Ипсиланти действовал по-диктаторски, мобилизовал в свою армию местных греков-ремесленников, торговцев, дворцовую челядь, — конфисковал запасы сукна и отправил его в швальни для пошива мундиров, в мастерских спешно изготовлялось оружие. Этеристы прибегли к реквизициям, забирали в селах продовольствие, угоняли скот, экспроприировали у некоторых банкиров значительные суммы. 1 марта Ипсиланти во главе отряда двинулся в Валахию. Приветствий ему вослед не раздавалось. По словам П. И. Пестеля, «ничем не участвовали молдаване в возмущении греков».

Валашские этеристы были разочарованы, увидев воинство Ипсиланти «едва сотня — в мундирах, остальные — кто в чем и кто с чем» (в смысле оружия). Князь обратился с воззваниями к «храбрым дакам» и отдельно — к духовенству. Он именовал себя «вестником независимости и счастья»: «Пришло время пробуждения, друзья мои даки... Когда еще наступит час, более благоприятный для возвращения святых ваших прав, уже столько веков попираемых?». Его зовет дорогая родина, Валахия для него — этап на пути в отечество. Он успокаивал встревоженных жителей: «Будьте уверены, могущественная империя покровительница... ни в коем случае не допустит малейшего вторжения со стороны варваров, генерал-аншеф граф Витгенштейн получил приказ придвинуть к границе русские войска». Отряды эллинов лишь пересекут Валахию, жителям нечего бояться, просьба к ним одна — предоставлять воинам кров и пищу. Но переход затянулся. В Плоешти Ипсиланти остановился на десять дней, к нему подтягивались добровольцы, главным образом греки и болгары[19].

Тудор опередил этеристов и первым подошел к Бухаресту с войском в 16 тыс. человек (по крайней мере так он уверял). 20 марта он обратился к духовенству и мирянам, боярам и купцам, ко всему народу: «Причина, по которой я вынужден был поднять оружие — утрата наших привилегий и нестерпимые грабежи, от которых страдают наши братья. Народ готов забыть прошлые обиды, и зовет вас трудиться во имя общего блага». О злодеяниях бояр, их нечестно нажитых богатствах обращение умалчивало, зато упоминало о патриотически настроенных боярах, душой и умом соединенных с народом. Вся вина за несчастное состояние жителей возлагалась на господарей-фанариотов.

Занятие города на следующий день не обошлось без инцидентов. По информации российского консульства частая и беспрерывная стрельба повстанцев нагнала страху на обывателей, попрятавшихся по домам и укрывшихся в церквах.

23 числа последовал ответный ход со стороны боярства — выданное слуджеру Тудору за многими подписями свидетельство о хорошем поведении: его выступление вызвано не злыми и вредоносными намерениями в отношении родины, а, напротив, несет стране благо , а народу — избавление, и они принимают Тудора с открытыми объятиями и любовью, у них нет никаких помыслов против его жизни и чести[20].

Владимиреску взял на себя временно бразды правления в Валахии (если это понятие применимо к сложившейся в государстве обстановке безвластия, вне которой, представляется, невозможно понять и метаморфозы в отношениях его с боярами).

25 марта Ипсиланти подошел к Бухаресту. Диван получил приказ — приготовить продовольствие на 10 тыс. людей и фураж для 5 тыс. коней, что произвело неприятное впечатление. Бояре пожаловались ему на «грабежи и опустошения, творимые слуджером Теодором и арнаутами» и хотели было пригласить этеристов в столицу. Владимиреску воспротивился и предоставил в распоряжение князя дворец в окрестностях. Он дал понять, что княжество не обязано содержать прибывшее без приглашения войско и тому надлежит за все платить[21].

Как раз в эти дни пришли упомянутые нами известия из Лайбаха (Любляны) в виде депеш статс-секретаря И. Каподистрии, выражавших волю Александра I. Царь резко осудил выступление Ипсиланти, отказал ему в поддержке, так как было бы « недостойно его подрывать устои турецкой

империи позорной и преступной акцией тайного общества». В депешах Каподистрии фигурировал и Тудор Владимиреску. Поднятое им восстание сочли «достойным сожаления» событием. В Валахии, как и в Мадриде, Лиссабоне и Неаполе, «горстка солдат начинает беспорядки, погружает страну в анархию». На полуостровах Средиземноморья «враги мира и порядка» профанируют все, что есть самого священного у общества — веру в присягу. Консулу А. А. Пини было предписано вызвать к себе «поручика Владимиреско» и заявить ему о лишении офицерского звания и ордена. Диван получил выговор за то, что не предпринял энергичных мер для подавления восстания.; ежели бояре не полагаются на собственные силы — пусть обращаются к видинскому паше, и тот сумеет обуздать мятежников[22].

Известие о царском гневе произвело в Валахии впечатление разорвавшейся бомбы. Доброжелательное отношение консулов, как тогда выражались, миновалось. Замыслы, расчеты, планы всех участников драмы — греков и румын, этеристов, бояр и Тудора — рассыпались словно карточный домик от дуновения ветра. Никакой могучей силы за спиной у Ипсиланти нет, а есть у него приблизительно семь с половиной тысяч разномастного войска, в котором, наряду с пламенными революционерами (Священная дружина, 450 бойцов), значилось множество арнаутов, людей без роду и племени, участников существовавших тогда на Балканах полувоенных формирований, считавших грабеж неотъемлемым компонентом своей службы. Пускаться с ними навстречу регулярной турецкой армии представлялось авантюрной затеей.

У Тудора почва ушла из под ног, по его замыслам этеристы, вступив на болгарскую землю, должны были отвлечь на себя османские силы и предотвращать их карательную экспедицию в Валахию. На деле все выходило наоборот, этеристы княжество не покидали. Владимиреску, под давлением бояр, договорился с Ипсиланти о разделе сфер влияния и управления: к Ипсиланти отходила северная, гористая часть страны, где они расположились лагерем, а Владимиреску — южная, равнинная, и Олтения. Вместо того, чтобы отвлекать турок, этеристы, словно магнит, притягивали их к Валахии, скорое вторжение в княжество представлялось неминуемым. 31 марта они заняли переправы через Дунай у Кэлэраша и Калафата. Тудор оставил мысль о развязывании крестьянской, по сути гражданской войны в княжестве и занял примирительную по отношению к боярам позицию. Его обращение к жителям от 23 марта содержал призыв «признавать власти и бо-

ярство» и был по решению дивана отпечатан в трех тысячах экземпляров; исправники получили указание зачитывать его всенародно, дабы изгнать всякие следы «духа мятежа». Владимиреску за время своего «правления» выступил с определенными инициативами, не имевшими значительных последствий. Так, в середине апреля он опубликовал программу реформ под названием «Требования румынского народа» (их составление относится к февралю). Они предусматривали упразднение некоторых категорий боярских служителей, отмену внутренних и упорядочение внешних таможенных сборов, запрет иностранцам занимать должности в администрации, прекращение выплат за назначение на чиновничьи должности, создание вооруженных сил из 4-х тыс. пандуров и 500 конников, ограничение прерогатив господарей, в частности, им запрещалось привозить с собой больше четырех греков[23]. Его программа сузилась, утратила свое антифеодальное острие и превратилась прежде всего в национально-охранительную, а непосредственной целью стало стремление выдворить этеристов из Валахии и предотвратить карательный османский поход. Ни того, ни другого осуществить не удалось. Начался отток разочарованных людей из его лагеря. Приближался финал.

Вежливые намеки Ипсиланти, что тому пора удалиться на «дорогую родину», переросли со стороны Тудора в требования. Но вождь этеристов задержался в Валахии всерьез и, видимо, надолго, полагая, что начавшаяся в Греции 25 марта н. ст. революция приведет к изменению ситуации и позволит ему осуществить свой замысел. Раздел Валахии на зоны явился для Тудора вынужденным шагом, чтобы не дать грекам хозяйничать во всем княжестве. Боярский комитет управления являлся своего рода посредником между двумя вождями, с румынской стороны переписка велась от его имени. Послание от 14 (26) апреля походило на обвинительный акт: « Нам обещали, что вы лишь пройдете по стране, а на деле вы утвердились на нашей земле, попираете оказанное вам гостеприимство, требуете невозможного от народа, всего лишенного, одним словом, издеваетесь над страной, принявшей вас с распростертыми объятьями». И все это — во имя филантропии. Хватит прокламаций и манифестов, они всем надоели!

Еще 1 (13) апреля Ипсиланти покинул окрестности Бухареста и отправился в «свою» зону, в Тырговиште. Из занятых греками уездов поступали жалобы на поборы и произвол, конфискацию скота, зерна, вина, на буянство арнаутов в городах, сопровождавшееся грабежами и насилиями над де-

вицами и женщинами. В ответ на протесты Ипсиланти ссылался на то, что вновь набранное войско еще не привыкло к дисциплине.

А над Валахией нависла угроза турецкого нашествия и превращения ее в поле боя. По логике Тудора следовало вступить с османской администрацией в сношения. И тут надо сделать два замечания. Непосредственно вести переговоры с ее представителями Владимиреску не мог, не в тех чинах состоял. В глазах Высокой Порты единственной законной властью оставался диван. Его члены выступали не просто как посредники, а как участники завязавшихся сношений, и порой трудно судить, что в обращениях к Порте шло «от Тудора», а что имело «боярское происхождение».

Существует много свидетельств о завязавшихся связях, документально не подтвержденных, хотя некоторые выглядят вполне правдоподобно, и все же следует к ним относиться осторожно и критически. Ниже мы попытаемся воссоздать картину происходившего, опираясь на наиболее достоверные данные.

27 марта бояре, «нижайшие рабы всемогущей империи», обратились к Высокой Порте с петицией, в которой Владимиреску представлялся не как прежде, предводителем бандитской шайки, а достойным мужем, глубоко обеспокоенным судьбой родины, о чем свидетельствовало само описание его въезда в Бухарест: «Тудор Владимиреску, окруженный множеством народа, со слезами смирения в очах, в скорбной одежде» появился в столице страны, ограбленной и лишившейся прав и привилегий, дарованных ей по милости всемогущей империи, из-за правления господарей. Бояре просили выслушать «справедливые жалобы бедствующего народа» и считать их не знаком сопротивления властям, а выражением глубокого почтения и полного подчинения. Народ поднялся на защиту своих прав, о нарушении которых они, бояре, жаждут известить Порту с ее милостивого соизволения[24].

22 апреля, уже при участии Тудора, бояре составили обращение к паше города и округа Джурджу с просьбой прислать доверенного эфенди (чиновника), знающего румынский или греческий язык, для ознакомления с положением на месте и выслушивания жалоб. На другой день диван добился вывода пандуров из города, жалуясь на их шумное поведение. Владимиреску удовлетворил просьбу (что свидетельствовало о возросшей роли дивана) и обосновался в местечке Котрочень вблизи столицы.

Обрисовалась тактика в сношениях с Высокой Портой — проявлять покорность и преданность династии Османов, все неправды и беды приписы-

вать исключительно фанариотскому правлению, против которого и направлено народное движение. Подобная трактовка устраивала крупных бояр, недовольных засильем греков, обступивших трон. С них снималась ответственность за жалкое состояние страны и нищенское положение народа. Просьба о присылке эфенди порождалась надеждой на то, что начнется длительное обследование и турецкое нашествие удастся по меньшей мере отсрочить.

Паши Джурджу и Силистрии, к которым поступали петиции, ходу им не давали, и логика в их действиях присутствовала: «С ружьем в руках к переговорам не приступают». Условием для их начала они поставили разоружение народного войска Владимиреску, на что вождь повстанцев пойти не мог — это значило отдать себя на милость османам. Маневр в отношении Высокой Порты оказался холостым. 15 (27) мая Тудор покинул свой лагерь в Котроченах — к Бухаресту приближалась турецкая армия. С вождем вместе — 4 тыс. пандуров и 500 всадников-болгар, вчетверо меньше, чем он привел в город два месяца назад. Владимиреску объяснил им, что не желает навлекать на жителей столицы месть османов и превращать город в арену пожара и кровопролития. Отныне враги — турки, а союзник — «наши братья-христиане», т. е. этеристы[25]. Но если он у первых доверия не завоевал, то у вторых утратил.

Встреча с ипсилантистами, которых возглавлял Иордаке Олимпиотул, произошла через три дня у местечка Голешть, и она нисколько не походила на дружественную: два отряда в боевой готовности выстроились друг против друга. Вожаки встретились в центре, каждый в сопровождении взвода из 24 бойцов. Иордаке обвинил Владимиреску в сношениях с турками, а тот клялся, что пришел вместе с греками сражаться с неверными. Ему удалось растопить лед недоверия, этеристы и пандуры побратались (существует и другое объяснение — Иордаке убедился в превосходстве сил на стороне пандуров и решил не вступать с ними в конфликт).

В лагере Тудора царили уныние и недовольство, и не только по причине, как представлялось, обреченности движения. Пандурская вольница дисциплины не признавала, а Владимиреску был крут на расправу с мародерами, по пути в Голешть он повесил 24-х из них, особо повинных в грабежах. Доброжелатели его предупреждали: он играет с огнем. Вождь, в ответ, ударит ладонью по шашке и молвит, что, подняв восстание, он вздел на себя смертную рубаху. Чтобы укрепить дисциплину, он созвал капитанов и по-

требовал прекращения поборов под их ответственность, закрепленную подписями. Один из капитанов, некто И. Урдэряну, заметил, что Тудор и так вешает, кого хочет, так что нечего затевать бумажную волокиту. В тот же день Урдэряну расстался с жизнью на виселице.

Пандуры роптали, капитаны учинили заговор. В ночь на 21 мая в лагерь Иордаке снарядили гонца с просьбой приехать. Утром Владимиреску, почуяв недоброе, попытался разрядить атмосферу, приказав вынуть тело Урдэряну из петли и похоронить его с воинскими почестями. Поздно. В стан пандуров прибыл Иордаке с отрядом арнаутов. Он говорил с Владимиреску, позднее с капитанами.

И тут надо остановиться на одной из версий событий того дня, без обращения к которой гибель Тудора превращается в загадку. По этой версии вождь повстанцев, покидая Бухарест, обратился к турецкому командованию с предложением силами пандуров ударить в тыл этеристам. Иордаке зачитал капитанам текст якобы перехваченного мнимого письма, а собравшейся толпе пандуров заявил, что Тудор собирался выдать их на расправу туркам. Судьба Владимиреску была решена. Никто не поднялся на его защиту, его обезоружили и, связанного, на лошади увезли в лагерь Иордаке. Оттуда — уже на почтовом возке, к Ипсиланти, в Тырговиште. После имитации суда его передали в руки двум головорезам, которые ночью его пытали, а утром предали смерти, то ли расстреляв, то ли зарубив саблями. Сохранилась «надгробная» речь Иордаке : «Справедливый суд Господень, а не мы, наказал Тудора... тот человек... шел пролить кровь своих братьев и детей»[26]. В греческой историографии кончина Владимиреску называется казнью, в румынской — расправой.

После его гибели большая часть пандуров разошлась по домам, меньшая примкнула к этеристам. В июне их основные силы, после героического сопротивления, потерпели разгром в битве у Дрэгэшени. Александр Ипсиланти бежал в Австрию и через несколько лет встретил смерть в темнице. Сопротивление в Олтении продолжалось до августа.

А в Греции разрасталась революция...

* * *

Восстание 1821 г. в Валахии закончилось неудачей. Жизнь героя оборвалась трагически. Но оно поставило в повестку дня кардинальные вопросы, терзавшие страну, освобождение от трех зол, мучивших народ — от гнета

Османской империи, от господства крупных бояр-феодалов, от управления иноземцев греков-фанариотов. В обществе еще не созрело третье сословие, способное возглавить буржуазную по своему характеру революцию. Отсюда — нечеткость, размытость выдвинутых Владимиреску требований, непоследовательность в проведении стратегической и тактической линии. Но суть их несомненна — прекращение экономического и политического господства крупных феодалов в стране. Из-за крайне неблагоприятной внешней обстановки не получил развития и национально-освободительный компонент движения. Но наличие его несомненно. Из всей суммы требований, выдвинутых вождем, выполненным оказалось одно — рухнул фанариотский режим правления (1822 г.), произошло возвращение к старому обычаю управления — назначения князей из числа местных крупных бояр, что означало серьезное укрепление автономного статуса Валахии и Молдавии. Правда, и здесь нельзя приписать заслугу исключительно восстанию, фанариоты оказались активно вовлеченными в греческую национально-освободительную революцию 1821–1829 гг. и вышли из доверия Высокой Порты.

Несмотря на незавершенность движения 1821 г., значение его в истории Румынии огромно. Если свести воедино выдвинутые Т. Владимиреску лозунги, они в совокупности означали требование самостоятельности государства, его права самому распоряжаться своими внутренними и внешними делами[27]. Движение дало импульс тем процессам, под знаком которых происходило развитие румынской истории в последующие полвека: в плане социальном — перехода к капитализму с присущим ему набором конституционных порядков и гражданских прав; в плане национальном — к укреплению автономии, объединению Дунайских княжеств, образованию Румынии и завоеванию ею независимости. Закономерно поэтому, что румынская историография приурочивает начало новой истории страны к 1821 году.

И еще одно замечание. Столкновение двух национальных движений в 1821 году нельзя сводить к ссоре двух личностей, Т. Владимиреску и А. Ипсиланти. Оно отражало необыкновенную сложность во взаимоотношениях населявших Юго-Восточную Европу этносов, их элит, наличие между ними многочисленных противоречий, что делало историю Балкан столь взрывоопасной и заслужило ей нелестную характеристику «порохового погреба Европы».

ПРИМЕЧАНИЯ.

1 *Aricescu C. D.* Istoria revoluţiunii române de la 1821. Craiova, 1874. P. 16–19.

2 *Oţetea A.* Tudor Vladimirescu. Bucureşti, 1971. P. 34–36; Aricescu C. D. Op. cit. P. 31.

3 Documente privind istoria României. Râscoala din 1821 (далее — Râscoala). Bucuresti, 1959. V. I. P. 40–43. 141.

4 *Aricescu C. D.* Op. cit. P. 23; *Oţetea A.* Op. cit. P. 38, 41.

5 Ibid. P. 41, 42.

6 Ibid. P. 38, 43.

7 *Ştefanescu St.* Istoria românilor din secolul al 18-lea. Bucureşti, 1999. P. 48-49.

8 *Виноградов В. Н., Семенова Л. Е.* Некоторые вопросы отношений между Россией и Дунайскими княжествами. — Балканские народы и европейские правительства в XVIII–XX веках. М., 1982. С. 15.

9 *Дружинина Е. И.* Кучук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 345–346; Kogâlniceanu M. Opere. Bucureşti, 1946. V. 1. P. 476–479.

10 *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 343, 226–227

11 Istoria României. Buc., 1964. V. 3. P. 886. Răscoala... V. 1. P. 347.

12 Răscoala... P. 193, 196.

13 Ibid. P. 207–206; *Aricescu C. D.* Acte justicative la istoria revoluţiei române. Craiova, 1874. P. 27, 28, 32–34. Răscoala... P. 206–210.

14 *Aricescu C. D.* Acte... P. 27–28, 32–34.

15 *Aricescu C. D.* Acte... P. 135–136.

16 Ibid. P. 91.

17 Istoria României... P. 878. Răscoala... P. 304–305, 152–153.

18 *Aricescu* C. D. Acte... P. 56–57, 62–63, 65–67. *Oţetea A.* Op. cit. P. 87–91, 143.

19 Istoria României. V. 3., P. 887–888. Op. cit. P. 87–91. Aricescu C. D. Acte... P. 98–101.

20 *Aricescu C. D.* Op. cit. P. 128, 132, 133, 136; Răscoala... P. 391–392, 132–133.

21 Răscoala... V. 1. P. 390–391, V. 4. Bucureşti, 1960. P. 152-153; *Oţetea. A.* Op. cit. P. 143–145.

22 Răscoala... Ibid. P. 182.

23 Răscoala... V. 1. P. 272–274; *Oțetea A.* Op. cit. P. 140. Istoria României... P. 894.

24 Rascoala... Bucuresti, 1959. V. 2 P. 73–74; *Oțetea A.* Op. cit. P. 155; *Aricescu C. D.* Acte... P. 134.

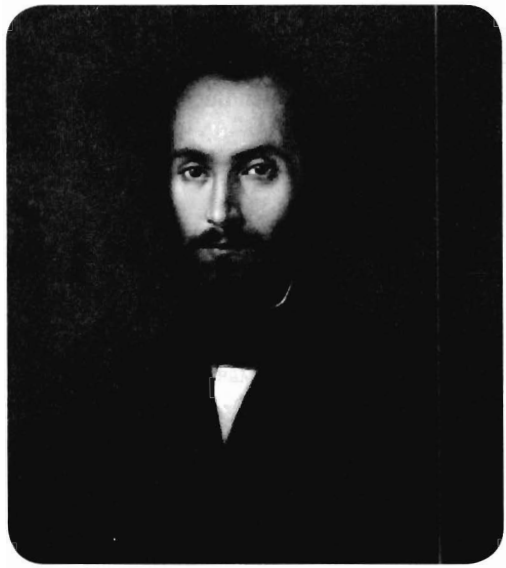
25 *Oțetea A.* Op. cit. P. 173–185.

26 Ibid. P. 192–197. Răscoala... V. 2. P. 182.

27 *Barbulescu F.* etc. Istoria Romaniei. Bucuresti., 1998. P. 353–357.

В. Н. Виноградов

Николае Бэлческу



Николае Бэлческу сверкнул подобно комете на небосклоне румынской истории, но память заслужил вечную как последний из могикан 1848 г., сохранивший верность революционным идеалам. Друзья их растеряли, вступив на путь реформизма, а потом либерализма (или консерватизма), усвоили уроки политической конъюнктуры, заматерели в партийных интригах, достигли высоких постов в стране. Он уже угас, едва достигнув 33 лет, и унес в могилу романтическую эпоху мечтаний о свободе, равенстве и справедливости. Ей на смену пришло время буржуазной расчетливости, трезвых политических выкладок, неуемного стремления к наживе и власти.

Родился Нику 10 июня 1819 г. (ст. ст.) в родительском доме в бухарестском пригороде Ботяну. И отец, и мать принадлежали к сословию мелких бояр. Мать, Зинка Бэлческу, владела несколько большим состоянием, нежели супруг: половиной поместья Бэлчешть в уезде Арджещ, 12 погонами (6 гектарами) виноградника в уезде Саак, драгоценностями и столовым се-

ребром на пять с половиной тысяч талеров, 44 рабочими волами, 33 коровами, 5-ю рабами-цыганами, и имела пять детей.

Детство Нику пришлось на знаменательную для Валашского княжества эпоху столкновения старого с новым, быстрого исчезновения прежде полуазиатского образа жизни и стремительного наступления европеизации в высших сферах общества, ибо крестьяне продолжали гнуть спину, влачась за плугом, и носить сермягу, а не сюртук.

Адрианопольский мир 1829 г. д, завершивший очередную русско-турецкую войну, внес в положение Дунайских княжеств, Молдавии и Валахии, в составе Османской империи, судьбоносные перемены. Причитавшаяся Высокой Порте дань сокращалась и взимание ее упорядочивалось, устанавливался пожизненный срок правления господарей (князей), пришедший на смену прежде практиковавшегося отзыва их по воле и капризу султана. Турецкие крепости на территории господарств были срыты, их гарнизоны выведены, а мусульмане выселены. В Молдавии и Валахии возрождались национальные вооруженные силы («земское войско»), их автономные права расширялись и укреплялись, и за соблюдением этого процесса бдительно следила дипломатия державы-покровительницы, России. Четыре года администрацию в княжествах возглавлял просвещенный вельможа, генерал Павел Дмитриевич Киселев. Он добился отмены внутренних таможен и налога на ввоз сельскохозяйственной продукции в города, отменил пытки и смертную казнь и пытался бороться со взяточничеством и казнокрадством чиновников, хотя и с более чем скромными результатами. В Молдавии и Валахии вступили в силу Органические регламенты, конституционные акты, упорядочившие государственный, административный и юридический статус княжеств, положение различных классов в молдо-валашском обществе, вооруженные силы и финансы. Провозглашался принцип разделения властей — законодательной, исполнительной и судебной, учреждались министерства, вводилась система трибуналов (включая коммерческие), создавалась прокуратура и адвокатура. В регламентах говорилось, что торговля является «подлинным источником благосостояния». В обоих сводах законов присутствовала статья о желательности в будущем объединения княжеств и образования единого Румынского государства: «Нельзя отрицать благодетельные результаты, которые принесло бы объединение этих двух народов»[1].

Решающую роль в выработке регламентов сыграли крупные бояре, что сказалось на их содержании и выразилось в укреплении власти и влияния

этой прослойки. В так называемых. Обычных собраниях (совещательных органах при господаре) было представлено только боярское сословие. Важнейшие разделы документов, посвященные аграрным отношениям, были составлены в интересах крупного землевладения, крестьянские наделы были урезаны (до 3,4–7,7 га в Молдавии и 2,2– 4,4 га в Валахии, в зависимости от имевшегося у царана рабочего скота), а феодальные повинности в пользу боярина значительно увеличены при одновременном сокращении налогов, причитавшихся государству. Внимательный исследователь состояния сельского хозяйства в княжествах В. Я. Гросул, подводя баланс, дает осторожную оценку: «Органический регламент увеличил доходы землевладельцев и, по-видимому, несколько отяготил положение крестьян. Но это не было каким-то резким ухудшением положения основного населения страны, а было дальнейшим развитием процесса, начавшегося раньше»[2].

Павла Дмитриевича Киселева по окончании его миссии с честью проводили из Бухареста. Одна из красивейших улиц столицы и поныне именуется Шоссе Киселева».

Маленький Нику рос в обстановке общественного и культурного подъема, охватившего страну. Сперва его, по традиции, отдали на обучение эллинскому языку священнику-греку, заботливая мама приглашала и других домашних наставников. В 1832 г. хилый и тщедушный мальчик поступил в лицей Святого Саввы, некое подобие нашего Царскосельского. Он прошел курсы грамматики, каллиграфии (что не мешало ему в дальнейшем писать как курица лапой), всеобщей истории, арифметики, риторики, . После окончания лицея (1835 г.) Нику Бэлческу, жадно тянувшийся к знаниям, три года занимался самообразованием, поглощая книгу за книгой по философии, алгебре, геометрии, гражданскому праву. Особенно влекла его отечественная история, и к двадцати годам он проштудировал все, что мог достать в библиотеке и книжных лавках.

По настоятельной просьбе матери, изнемогавшей под семейным бременем, вынужденной продать принадлежавшие ей два дома в Бухаресте и переселиться на наемную квартиру, Николае поступил на службу. Он гордился подвигами предков на бранном поле и выбрал военную карьеру, став юнкером в кавалерийском полку.

О прохождении им строя, в том числе конного, известно мало — юноша явно не увлекался этой стороной службы. Среди товарищей-юнкеров

он выделялся начитанностью, и неудивительно, что на него пал выбор начальства при назначении учителей в солдатскую школу, в которую набирали наиболее сообразительных из поголовно неграмотных рекрутов. Обучали их чтению и письму, курс продолжался девять недель, лучшие из лучших постигали даже начатки счета. На выпускном экзамене присутствовал даже сам господарь Александру Гика, оценивший успехи учеников как превосходные.

Служебная карьера Николае оборвалась быстро и кардинально: в октябре 1840 г. его арестовали. И тут мы должны обратиться к другой, скрытой от командования стороне жизни юнкера, отражавшей иную, и отнюдь не радостную сторону жизни валашского общества. Назначенные Стамбулом с санкции Петербурга господари управляли Валахией и Молдавией даже не в интересах крупного боярства в целом, а своих кланов, раздавая приближенным тепленькие местечки, не обращая внимания на царившее вокруг взяточничество и казнокрадство. На стезе злоупотреблений особенно отличался молдавский князь Михаил Стурдза, торговавший боярскими званиями. В обществе назревало недовольство этим сословием. единственно допущенным к власти, освобожденным от налогов и облеченным правом основывать в своих поместьях промышленные предприятия, не платя за патент. Утопией обернулась надежда на проведение буржуазных по сути своей реформ руками феодалов — крупных землевладельцев. Княжества не чеканили своей монеты, на рынке обращалось до 70 видов иностранной валюты, банки отсутствовали, а с ними и кредит; пути сообщения пребывали в отвратительном состоянии. Со страниц печати раздавались жалобы — бояре думают только о сохранении своих привилегий. Цензура свирепствовала, так что в высказываниях следовало соблюдать осторожность. Зло приписывали не стародавним, уходившим к отцам и дедам традициям злоупотреблений, а Органическим регламентам, будто бы породившим систему, и недовольство отправлялось по адресу самодержавия.

Оппозиция приняла форму тайных заговорщицких кружков. В одном из них, руководимом Д. Филипеску, принял участие юный Бэлческу. Общество выступало за ликвидацию протектората царизма и замену его международным, за отмену феодальных порядков, наделение крестьян землей на определенных условиях. Члены его, видимо, по-разному представляли себе будущее родины, одни мечтали о республике, другие — о конститу-

ционной монархии. В предъявленном суду обвинительном акте говорилось: «заговорщики готовили революцию, чтобы каждый румын получил свои права»[3].

Полиция не дремала, и в октябре 1840 г. разогнала общество, арестовав его руководителей. У Бэлческу компрометирующих его бумаг не обнаружили, да и по младости лет он понес сравнительно легкое наказание: три года заключения в монастыре Марджинень. Узник не терял времени даром, собирая в монастырских хранилищах материалы для своей работы «Вооруженные силы и военное искусство в княжестве Валахия от его основания до наших дней».

В апреле 1842 г., еще до истечения срока наказания, Бэлческу вышел из темницы. Своим революционным убеждениям он не изменил, заметив: «Заключение столь же обязывает, как и благородство».

Двойная жизнь возобновилась. Он не чурался светских развлечений, посещал салоны, танцевал на балах, участвовал в карнавалах, любил театр. Завязался его долголетний роман с Лутицей (Александрой) Флореску, разведенной женой офицера российской армии.

Юность есть юность. Вечерние встречи с друзьями часто затягивались за полночь. С однокашником по лицею Ионом Гикой он бродил по темным бухарестским улицам и встречал восход солнца где-нибудь около сада Чищмиджиу. Завтракали они наскоро в какой-нибудь корчме, запивая нехитрую снедь мустом (молодым вином). И лились восторженные речи о родине, долге, свободе. Весной 1843 г., во время одной из таких затянувшихся прогулок неразлучная пара встретила направлявшегося на службу офицера Христиана Телля, своего единомышленника. Оживленная дискуссия закончилась клятвой на кресте — посвятить себя, душой и телом, освобождению отечества. Так произошло основание тайного общества «Фрэцие» («Братство») для подготовки революции. В своей организации и структуре оно следовало примеру масонских лож и итальянских карбонариев. Члены его разбивались на десятки, причем каждый участник знал лишь руководителя своей десятки, которому должен был подчиняться беспрекословно, жертвуя, в случае нужды, имуществом и даже жизнью.

Устав общества, принятый на ночном собрании, проведенном, в целях конспирации, на заброшенном винограднике, не сохранился, все документы, связанные с первыми шагами Фрэции, сгорели. По позднейшим свидетельствам, устав был написан шифром и включал требования автономии

и объединения княжеств, отмены Органического регламента, ликвидации привилегий боярства, отмены феодальных повинностей и наделения крестьян землей; говорилось в нем об уважении сюзеренитета Высокой Порты и прекращении российского протектората над княжествами.

Осенью 1843 г. по инициативе Бэлческу возникла Литературная ассоциация. Ее часто называют легальным фасадом Фрэции, позволявшим под видом укрепления культурных связей между Валахией, Молдавией и Трансильванией проводить и революционную работу. У руководства ассоциации встали участники Фрэции, с ними сотрудничали молдаване и трансильванцы. Культуртрегерская ширма, несомненно, способствовала сплочению революционных сил. Но и деятельность по собиранию литературных и, шире, интеллектуальных ресурсов трех стран, по сближению их прогрессивно мыслящей элиты, по формированию и развитию румынского литературного языка, по изысканиям в области истории, фольклористики, художественного творчества народа имела самостоятельное и непреходящее значение.

Увлеченность Бэлческу историей своей страны переросла в занятия ею как наукой. Он завершает старый замысел и публикует очерк (1844 г.) «Вооруженные силы и военное искусство в Валахии с основания княжества до наших дней». Начинает он повествование не с описания каких-то сражений, а с деклараций общего плана, характеризующих его подход к истории: «Подлинно национальная история у нас отсутствует. Она погребена в пыли летописей и документов... Никто до сих пор не пытался ее разрыть... Никто не представлял перед нами общественные институты, идеи, чувства и обычаи прошлого, торговлю и интеллектуальную культуру». Далее следовало компетентное, хотя и идеализированное описание военного дела в Валахии за полтысячелетия, сопровождавшееся размышлениями о реорганизации милиции княжеств по прусскому образцу, принимаемому за эталон[4]. В 1845 г. Бэлческу вместе с трансильванцем Августом Требониу Лаурианом приступил к выпуску «Исторического журнала для Дакии». Название отражало замысел издателей — предполагалось заняться историей всех земель, где проживали румыны. В публикации печатались отрывки из летописей, документы феодальной эпохи, древние надписи, библиография, и также народные песни и предания (по словам Бэлческу, люди сперва пели, а потом писали. Первыми историками выступали поэты). В журнале появился и перевод тех страниц из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, в которых фигурировала Молдавия. Бэлческу предприни-

мает поездки к соседям, в Трансильванию и Молдавию, в ходе которых знакомство с древностями совмещает с работой по сплочению революционных сил. Луксица Флореску его сопровождает (правда, Бухарест любовники покидают порознь, путешествовать открыто с подругой тогда считалось предосудительным). В 1845 году, в день святых Константина и Елены единомышленники из трех земель собираются в поместье молдаванина Костаке Негри Мынжина, где устраивают «гомерическое празднество», с пиршеством, конной охотой и веселой хорой (хороводом) — крестьянские парни и «салонные дамы» ходили рука об руку по кругу. А, согнав с себя легкий хмель, Бэлческу толковал с единомышленниками о будущем и, между прочим, о путях улучшения материального и морального положения крестьянства. Он познакомился с молодым Михаилом Когэлничану, уже автором замечательной книги «История Валахии, Молдовы и задунайских даков», и, в будущем, выдающимся деятелем Румынии.

В «Историческом журнале для Дакии» появляется серьезное исследование Бэлческу, посвященное социальным вопросам — «Об общественном положении трудового крестьянства», написанное с революционных позиций: «Горе народам, у которых малое число граждан основывает свою силу и счастье на порабощении черни». Так произошло в отечестве. По цензурным соображениям он не мог во всю силу разоблачить окружающую действительность, но обещал «вернуться к этому сюжету в будущем».

Летом 1846 г. Бэлческу отправился в Париж, тогдашнюю столицу революционной Европы, где стал организатором и душой Общества румынских студентов. Здесь, вдали от всевидящего глаза «родных» властей, он рассчитывал вести плодотворную работу по подготовке революции дома. Как ученый, он думал всерьез заняться в архивохранилищах и библиотеках Запада историей Михая Витязя, талантливого полководца и государственного деятеля (1595–1601 гг.), которому удалось на короткий срок (один год) объединить под своим скипетром Валахию, Молдавию и Трансильванию. После его убийства все вернулось на круги своя.

Бэлческу сумел раздобыть значительную сумму денег и арендовать на площади Сорбонны помещение для библиотеки и под зал для собраний и встреч. По сути дела он — глава общества. 1 января 1847 г. Бэлческу выступил на открытии центра с программной речью «Взгляд на нынешнее состояние, на прошлое и будущее родины». «Нашей целью, — провозгласил он, — может быть только национальное объединение румын. Первона-

чальное единство идей и чувств приведет позднее... к политическому, ... к образованию этой нации, проведению у румын социальной реформы; основанию ее на священных принципах справедливости и равенства следует подчинить все наши усилия. Ромынизм — наше знамя».

Все явственнее проступают у Бэлческу признаки страшной болезни, туберкулеза, климат Парижа для него вреден. С трудом набрав денег, он ранней весной 1847 г. отправляется на лечение в Италию. Но Бэлческу — непоседа, и вынести спокойный отдых где-нибудь вблизи Неаполя не в состоянии. Он предпринимает турне по городам- Генуя, Ливорно, Неаполь, Палермо, Капуя, Рим, Флоренция мелькают за окном дилижанса. Повсюду, даже останавливаясь на несколько дней, он работает в библиотеках и архивохранилищах, глотая вредную для легких пыль. Все путешествие занимает меньше трех месяцев, в мае он возвращается в Париж. Тут его ожидает удар — Луксица Флореску, утомленная невзгодами эмигрантской жизни, расстается с ним. Бэлческу тяжело переживает разрыв, шлет вдогонку подруге отчаянные письма. Впрочем, можно ли назвать произошедшее разрывом? Изредка они обмениваются письмами. В мае 1848 г. на свет появляется его сын, Бонифаций Флореску. Значит, происходили встречи и после отъезда Луксицы из Парижа.

Бэлческу порой впадает в меланхолию. Он пишет другу, молдавскому поэту Василе Александри: «Я ничего не читаю, ничего не пишу, не развлекаюсь, не совершаю прогулок. И живу в Париже в атмосфере безбрежных возможностей и для интеллектуальной деятельности, и для развлечений, не принимая участия ни в том, ни в другом». Такое состояние длится недолго. Бэлческу — снова в гуще эмигрантской жизни: встречи , собрания, хлопоты о публикации статей в журналах, посещение лекций в Сорбонне. И так — до 24 февраля 1848 г., когда восстание в Париже послужило сигналом к европейской революции. Румынская молодежь участвует в штурме королевского дворца Тюильри, в библиотеке на площади Сорбонны разместился перевязочный пункт. Бэлческу в восторге пишет Александри: «Братство и надежда! Бедный Базиль, ты не был здесь. Там же. С. 184–185. »

Но далеко не все рвутся на баррикады. На собрании румынского землячества обсуждается характерный вопрос — направлять ли делегацию к временному революционному правительству Франции? Большинство высказывается за. Делегация тепло, с подъемом приветствует новую власть. В ответ — добрые пожелания, но в общей форме, никаких обещаний насчет помощи деньгами, оружием...

Эмигранты спешат домой, но между молдаванами и валахами возникают разногласия. Последние предлагают вести подготовку к восстанию прежде всего у себя, здесь почва более подготовлена, существует общество Фрэции, да и от бдительного ока царя Николая подальше... Молдаване — против, разъезжаются эмигранты порознь.

Ход событий перечеркнул планы. 27 марта (9 апреля) в ясской гостинице Петербург , без участия эмигрантов, которых власти не пустили в страну, состоялось собрание с участием тысячи человек — бояр, купцов, ремесленников, принявшее «Петицию-прокламацию» для вручения князю Михаилу Стурдзе, оппозиционного, а не революционного характера. Она начиналась с призыва соблюдать Органический регламент, затем говорилось об образовании ответственного правительства, гарантии неприкосновенности собственности и личности, отмене телесных наказаний и цензуры, реформе образования и выражалось пожелание улучшения участи крестьян[5].

Господарь М. Стурдза сперва с перепугу принял большинство пунктов «Петиции-прокламации», но быстро опомнился, перешел к репрессиям, арестовал «зачинщиков» и обратился к царскому командованию с просьбой — ввести в княжество войска.

Николпй I находился в нерешительности и испытывал колебания. Подавлять движение значило бросать тень на образ царя-покровителя православных. Положение в России было не таково, чтобы очертя голову бросаться в поход на охваченную революцией Европу. На страну в 1847–1848 гг. обрушились все мыслимые беды — засуха, неурожай, голод, пожары, эпидемия холеры. Решено было поэтому занять оборонительные позиции и ждать революционную гидру на Висле. Канцлер К. В. Нессельроде снабдил посла во Франции Н. Д. Киселева инструкцией: Россия «желает мира и сохранения территориального порядка в Европе, установленного Парижским и Венским трактатами. Она не намерена вмешиваться во внутренние дела Франции, она не примет никакого участия во внутренних раздорах, которые могут возникнуть; она никоим образом не будет влиять на выбор правительства, которое народ пожелает себе избрать»[6]. Это был отход от принципов Священного союза. Поскольку, однако, гласно на головы «смутьянов» низвергались громы и молнии, европейская общественность утвердилась в убеждении, что царь и впрямь собирается поить казачьих коней в водах Сены.

Николай не спешил откликнуться на просьбу М. Стурдзы. Власти на юге страны получали сбивчивые указания: Россия будет «уважать независимость и целостность соседних стран». Однако, ежели возникнут «тревожные осложнения», следует обещать господарям Молдавии и Валахии «материальную помощь» в виде занятия княжеств царскими войсками. Что считать «тревожными осложнениями», предоставлялось судить им самим. В результате войска перешли реку Прут без прямого императорского приказа, а исправный служака, генерал Герценцвейг, вообразив, что нарушил монаршью волю, пустил себе пулю в лоб[7].

* * *

Вернувшимся в Валахию эмигрантам было над чем задуматься, молдавский пример задушенного в зародыше движения не вдохновлял. Во Фрэции вспыхнули споры, переросшие в ссоры (апрель). Порывистый Бэлческу требовал немедленного выступления, веря в то, что заговорщикам-офицерам удастся повести за собой солдат (в чем те не были уверены). Победила точка зрения оппонентов Бэлческу (видимо, правильная) — не спешить и тщательно подготовить выступление.

Перед революцией у нее всегда появляются попутчики. Во Фрэцию вступила группа видных деятелей культуры во главе с Ионом Элиаде-Рэдулеску, выдающимся просветителем, но в политике — умеренным и робким реформатором. Бэлческу с трудом удалось включить в программный манифест пункт о наделении крестьян землей, он сознавал, что без поддержки села революция обречена.

По идее революцию собирались начать сразу в четырех местах. Из-за бдительности властей 9 (21) июня удалось провести выступление лишь в селении Ислаз на западе страны. И. Элиаде зачитал перед толпой крестьян и ротой солдат под командованием капитана Н. Плешояну манифест, с тех пор известный как Ислазская прокламация. Вступительная часть была сочинена самим Элиаде в манере несколько высокопарной и туманной, народ поднимался на борьбу не против какого-то класса, а чтобы «держать в повиновении тех, кто замыслил зло против счастья народного». Оставалось неясным, кто же был этим злодеем. Программа революции состояла из 21 пункта и говорила об автономии страны, отмене титулов и рангов (бояр-

ских), предусматривался созыв Учредительного собрания на основе прямых и свободных выборов, введение прогрессивно-подоходного налога и бесплатного начального образования, провозглашалось равенство граждан перед законом, свобода совести, печати и собраний, господарь подлежал избранию на пять лет из лиц любого состояния, что по сути дела превращало его в президента республики. Крестьянам обещали предоставить землю за выкуп. Ислазская прокламация являлась выдающимся документом буржуазно-демократического содержания.

11(23) июня набатный колокол прозвучал в Бухаресте. Ни войска, ни полиция сопротивления повстанцам не оказали, и господарь Г. Бибеску подписал во дворце Ислазскую прокламацию, превратившуюся в конституцию страны. Сформированное правительство возглавил митрополит Неофит, на посту военного министра остался полковник И. Одобеску. На Филаретовом поле, спешно переименованном в Поле Свободы, народ присягал конституции. Прекраснодушный лидер радикалов Константин Росетти с умилением восклицал: «Бояре, ремесленники и священники — все обнимаются, кричат и плачут от радости».

Но радовались не все. Князь Бибеску, поразмыслив, пришел к выводу, что со смутьянами ему не по пути и удалился в Австрию «в изгнание». Революция лишилась легального прикрытия. Бояре учинили две попытки переворота, но солдаты отказались стрелять в народ.

Бэлческу занял пост государственного секретаря с поручением заниматься иностранными делами. Пашоптисты (люди 1848 года) боялись быть раздавленными между двумя махинами, Россией и Турцией, и решили сыграть на противоречиях между сюзеренным и покровительствующим дворами и заручиться доброжелательством первого. В официальных заявлениях подчеркивалась лояльность в отношении Высокой Порты, в Стамбул спешно отправили причитавшуюся дань, с выплатой которой не торопился князь Бибеску. В обществе широко дебатировался вопрос об объединении с Молдавией, а правительство делало вид, что ничего не видит и не слышит. Бэлческу отправился в Фокшаны, на границу с Молдавией, куда по пути домой должен был заехать турецкий комиссар Талаат-эфенди, чтобы сделать ему успокоительные объяснения. Талаат в Фокшанах не появился, явно избегая контакта с «бунтовщиками».

Революционное правительство, включая Бэлческу, допустило грубый просчет, воображая, что сможет столкнуть лбами царизм и Высокую Пор-

ту. В Стамбуле прекрасно понимали, какую потенциальную угрозу ее господству несут валашские события, и не верили, что румыны отказались от замысла объединения княжеств. С другой стороны, заверения в верности самому деспотическому из европейских правлений наносили серьезный ущерб престижу революционной власти . Еще один удар по своему авторитету правительство нанесло самолично. По Бухаресту ходили слухи о предстоящем вторжении царских войск, тогда необоснованные (Николай 1 писал фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу, что не намерен «переходить через Серет и вступать в Валахию»[8]). 28 июня (10 июля) без всяких видимых причин министры бежали в Карпатские горы. Митрополит Неофит, разумеется, в поспешной «эвакуации» не участвовал и наутро сообщил жителям «добрую весть» о бегстве «мятежников» и восстановлении «порядка». Он поспешил, пристыженные министры вернулись в свои кабинеты и приступили к делам, объяснив обывателям, что ударились в бега вовсе не иудейска страха ради, а желая работать в спокойной обстановке на благо революции . В Петербурге сделали свои выводы: раз один слух об интервенции породил у этой публики «панический ужас», то опасаться упорного сопротивления с их стороны не следует, и вообще «дух мятежа» в массы не проник[9].

Во временном правительстве руководящие посты заняли умеренные, Н. Бэлческу перевели на пост одного из четырех секретарей с правом лишь совещательного голоса. Его загрузили командировками в провинцию, явно стараясь держать подальше от центра событий в Бухаресте. Правительство сделало немало: отменило боярские звания и связанные с ними привилегии, смертную казнь, телесные наказания, предоставило гражданские права иноверцам, ликвидировало цензуру, провозгласило свободу слова и собраний, готовило реформы в области просвещения, финансов, налогообложения, судоустройства и торговли. Бэлческу глубоко тревожило промедление с решением земельного вопроса и отменой барщины: «Крестьяне не верят обещаниям и спрашивают, почему им не предоставляют землю сейчас. Мы совершили ошибку, следовало бы использовать победу и уничтожить пока хотя бы барщину. Иначе наша революция, политическая и социальная, будет проиграна наполовину, если не целиком»[10]. А правительство обратилось к «братьям-крестьянам» с призывом работать на помещиков еще три месяца (т. е. до конца сельскохозяйственного сезона) и надеяться на Учредительное собрание. Социальная база революции стремительно сужалась.

Лишь в августе приступила, наконец, к работе комиссия из крупных зем-

левладельцев и крестьян. Помещики мертвой хваткой вцепились в землю, решить ничего не удалось, а революция дышала на ладан.

Пашоптисты получили определенную передышку, потому что и царизм, и Высокая Порта взирали друг на друга и не желали брать на себя инициативу расправы над валахами. Но, придя к выводу, что неприятной миссии не избежать, турецкие власти перешли к решительным действиям. 19 (31) июля Сулейман-паша переправил двадцатитысячный корпус через Дунай у Джурджу. На робкий протест временного правительства он не обратил внимания, приказал ему самораспуститься и образовать наместничество (каймакамию), что и было сделано. Затем Сулейман основательно почистил конституцию, вычеркнув из нее, в частности, упоминание о наделении крестьян землей.

Бэлческу пытался отстоять право своей страны на самоуправление, беззастенчиво попираемое турками. Он опубликовал статью «О правах румын в отношении Высокой Порты», в которой писал: княжества не были покорены мечом, а по доброй воле признали протекцию турецкой державы. В доказательство он приводил так называемые старые договоры или капитуляции, — будто бы существовавшие, начиная с 1393 г. соглашения княжеств с Высокой Портой, по которым последняя предоставляла им широкие автономные права. Бэлческу не знал тогда, что капитуляции являются фальшивками, сочиненными в 70-х годах XVIII столетия с целью найти в прошлом доказательства их широких прав в составе Османской империи[11].

Бэлческу входил в состав печальной миссии, отправленной в Стамбул с целью сохранить хотя бы то, что осталось от Ислазской прокламации после «редакционной работы», проведенной Сулейманом-пашою. Доброжелатель из французского посольства разъяснил ему: « Здесь вы не можете требовать ничего от имени революции, вы здесь — подданные; вы можете ждать чего-либо лишь от благоволения султана».

Благоволения не последовало, власти отказались признать официальный характер делегации и иметь с ней дело. Бэлческу тогда обратился с протестом к великому везиру Али-паше, в котором снимал с себя и своих сотоварищей всякую ответственность за то, что могло произойти в случае вооруженного вмешательства в валашские дела, намекая на массовое движение против Порты. Угроза не подействовала.

Революция доживала последние дни. Сменивший Сулеймана Фуад-эфенди вообще не пожелал признавать наместничество. 13 (25) сентября

турецкие войска подошли к Бухаресту, скопившаяся у заставы толпа была смята, кавалерия «прорубилась» сквозь нее, невзирая на жертвы; оказавшая сопротивление рота пожарных понесла тяжелые потери. После этого Фуад обратился к митрополиту (монсеньеру) как единственному представителю законной власти: «Я прибыл в Бухарест, чтобы сообщить жителям Валахии распоряжения их законного суверена, меня сопровождает армия для водворения законного порядка... Те, кто, увлекаемые своими страстями, попытаются сопротивляться приказам султана и посягать своими действиями или словами на общественный порядок или спокойствие, познают на себе немедленно действие справедливых репрессий»[12].

15 (27) сентября валашскую границу пересекли царские войска — следовало учредить надзор за «союзником», отличавшимся жестоким обращением с мирным населением, нельзя было допускать укрепления позиций Османской империи в княжестве в ущерб российским. Турки встретили россиян « видом покорности судьбе» отмечалось в дипломатической переписке. Карательных функций новым пришельцам осуществлять не пришлось, валашская милиция немедленно перешла на сторону «порядка» «Новая республика, — делился своими впечатлениями полковник Дараган, — составленная из самого малого числа заговорщиков, уступила нам честь и место без боя... Прежний порядок был водворен без усилий»[13].

* * *

Бэлческу, в числе прочих «аговорщиков», был арестован по распоряжению Фуада. Всех их на телегах привезли в Джурджу и переправили через Дунай в Русе (Рущук). Затем их в баркасах довезли до острова Ада-кале, где местный комендант предложил им путешествовать дальше на свой счет, но под охраной. Так странники добрались до австрийских берегов. Здесь стража отпустила их на все четыре стороны, удовольствовавшись скромным бакшишем. Началась новая эмиграция.

Бэлческу решил отправиться в Трансильванию, где очутился в пекле гражданской войны, переросшей в жестокую межнациональную резню.

Трансильвания еще в XI веке вошла в состав Венгерского королевства, и к населявшим ее влахам (румынам) добавились мадьяры. В XII–XIII столетиях короли, заботясь о безопасности рубежей, произвели переселение в край секеев, представителей одной из венгерских этнических групп, пору-

чив им охрану границ, а также немцев, многие из которых осели в городах и занялись ремеслом и торговлей. На крутых изломах истории Трансильвания очутилась вне венгерского государства, в австрийских владениях дома Габсбургов. Но власть в ней венгерского дворянства не была поколеблена.

Этническое многообразие в крае дополнялось религиозным: мадьяры придерживались католической и протестантской (кальвинистской) веры, румыны — православной и униатской, немцы — лютеранской. В 40-е годы XIX века в Семиградье, как еще звали княжество, проживало, по приблизительным подсчетам 1, 3 млн. румын, 600 тыс. мадьяр и 200 тыс. немцев[14]. Архаическая государственная система благополучно пережила средние века. В правовом поле признавались лишь три «исторические нации» — венгры, немцы и секеи, представленные в законодательном собрании княжества, Диете. Румыны, самые многочисленные, официальной нацией не считались, представительства в собрании и легальной возможности отстаивать свои права, в том числе на язык, не имели. Румыны не обладали полной социальной структурой, в их среде отсутствовала помещичья прослойка, их феодальная верхушка либо лишилась земли, либо омадьярилась еще в средние века. В крае образовалась самая опасная социальная смесь: крестьянин-румын и крупный землевладелец-мадьяр. Офицеров армии Паскевича поразила отчужденность населявших Трансильванию этносов: «Несколько сот лет не могли их сблизить, сосед не знал языка соседа, ни разу не породнился; один и тот же город называется каждым племенем по своему. Такие отношения, естественно, породили недоверчивость, вражду, презрение или ненависть одного народа к другому»[15].

Правда, на первых порах молодежь всех национальностей восторженно приветствовала Мартовскую революцию в Пеште. Программа ее была глубоко-демократической: равноправие граждан, свобода вероисповедания, слова, собраний, печати. Руководители венгерской революции, в большинстве своем дворяне, проявили готовность пойти на масштабные преобразования в аграрной сфере, отменив феодальные повинности без всякого выкупа и предоставив крестьянам те участки земли, которыми они владели. Чего же боле?

На самом деле аграрная программа имела крупные изъяны: румынское село в Трансильвании страдало от малоземелья, предоставляемые участки не могли удовлетворить селян, многотысячная масса безземельных (желлеров) не получала от реформы ничего. И. главное, ширилось требование

национального равноправия, признания румын четвертой «исторической нацией», что означало не только введение родного языка в школах и администрации районов с преобладающим румынским населением, но и представительство в Диете в соответствии с численностью этноса, т. е. появление там румынского большинства, иными словами — переход власти в провинции в румынские руки. Этого не желала допустить ни одна из мадьярских политических группировок. Трансильванское собрание, в котором господствовали венгерские дворяне, поспешно, вопреки протестам руководителей румынского национального движения, проголосовало за объединение княжества с Венгрией.

Произошел раскол на национальной почве — венгры и секеи — за революцию, румыны и немцы — против. Осенью 1848 г. началась открытая гражданская война со всеми ее ужасами. С прибытием в Семиградье революционной армии под командованием талантливого генерала Юзефа Бема перевес оказался на венгерской стороне. И просьбы о помощи стали поступать к Николаю 1 не только от императорского двора Австрии, но и со стороны национального движения трансильванских немцев и румын. В штаб генерала А. Н. Лидерса в Бухаресте прибыли две немецкие делегации и румынский православный епископ Андрей Шагуна , умолявшие спасти их соплеменников от ярости мадьярской. Отправившийся с осведомительной миссией за Карпаты полковник А. А. Непокойчицкий докладывал по возвращении: «Повсюду в Трансильвании с нетерпением ожидают русские войска и спасения ожидают только от нашей вооруженной интервенции»[16]. Привычные канонические представления: народы — за свободу, против реакционных монархов, оказались опрокинутыми.

В этой раскаленной атмосфере вражды и ненависти в крае появился Бэлческу с пальмовой ветвью примирения этносов для совместного натиска на тиранов. Его попутчик А. Г. Голеску сразу пришел к выводу, что надеяться на сотрудничество с мадьярами беспредметно, «румыны не могут действовать сообща с ними». Бэлческу рассуждал иначе. Он глубоко сожалел о разразившейся в Ардяле (румынское название Трансильвании) «варварской войне» и возлагал вину на вождей революции, не сумевших учредить режим равноправия всех народов, но не отчаивался. Но в декабре 1848 г. дела у них шли на подъем, армия одерживала победы, и они не проявили особого желания идти на контакты с Бэлческу, который неизвестно кого представлял. Тот отбыл в Константинополь, увлекаемый химеричес-

кой на тот момент мыслью рассорить Высокую Порту с самодержавием. Ему удалось поговорить лишь с несколькими турецкими чиновниками не очень высокого ранга, и вполне безрезультатно, — те сознавали, что упрочение положения Дунайских княжеств поведет к умалению власти Порты. Материальные трудности удручали, жалко было маму Зинку, «одинокую, старую, бедную», которой приходилось содержать двух сыновей-революционеров, Нику и Костаке.

Страсть к революции — недуг, охватывающий человека целиком. Бэлческу непреклонен: «Предпочитаю вести разбойничью жизнь в наших Карпатах, нежели прозябать в зарубежье»[17]. В мае 1849 г. он снова в Трансильвании. Над нею уже нависает угроза царской интервенции, и вожди революции становятся сговорчивее. В голове у Бэлческу роятся замыслы маниловского толка. Он обращается к генералу Бему с письмом фантастического содержания (9–21 июня): чего румыны всегда хотели — так это «объединить свое движение с польским и венгерским и вместе бороться против России, под гнетом которой они находятся». Генералу поэтому следует вторгнуться в Дунайские княжества: «Вступив в Валахию и Молдавию, ваше превосходительство обеспечит преданность 8 миллионов румын делу свободы... Вы перенесете войну на юг России, где она балее всего уязвима»[18]. Следует подчеркнуть, что в Валахии российской армии вообще не пришлось стрелять, и никаких признаков приближающегося массового выступления не наблюдалось. .

Далее произошло нечто необъяснимое не только с точки зрения стратегии, но и здравого смысла: в конце июня Бем с отрядом в 2, 5 тысячи и 12-ю пушками перешел перевал Ойтуз. Он потеснил слабые русские заслоны и обратился к населению с призывом освободиться от царской опеки. Под воззванием подписались несколько покинувших Валахию революционеров во главе с Ч. Боллиаком. Вылазка продолжалась недолго — Бем сообразил, что российские войска могут отрезать его от Карпатских гор и загнать в ловушку, и вернулся в Трансильванию[19].

А Бэлческу ведет переговоры с Л. Кошутом и главой венгерского правительства К. Батьяни. Стороны не искренни до конца. Цель мадьяр — единая Венгрия, Бэлческу мечтает о единой Румынии; он понимает, что национальное равноправие приведет к доминации в Трансильвании румынского элемента. «По мотивам тактическим и из очевидного благоразумия»[20] говорить своим партнерам по переговорам о подобных опасных вещах он не

стал, а предложил приемлемый для них вариант решения вопроса. 2 (14) июля «проект умиротворения» был подписан. Несомненно, «сговорчивости» мадьяр способствовала царская интервенция, революции оставалось жить всего месяц. В документе официальная Венгрия впервые в своей истории признала право румын как нации пользоваться в школе и администрации родным языком повсюду, где они составляли большинство населения. Предусматривалась амнистия повстанцам, прекращение дискриминации по национальному признаку при приеме на работу, восстановление разрушенных и сгоревших домов. Было достигнуто согласие о создании румынского легиона в составе венгерской армии. Документы подписали Бэлческу и Ч. Боллиак, Л. Кошут их «одобрил в принципе». Через две недели парламент принял закон о национальностях, составленный в духе заключенных соглашений.

Кошут известил Бема о договоренности в письме, в высшей степени показательном: в нем «проект умиротворения» вообще не упомянут, говорится только о румынском легионе, образование которого, по мысли Кошута, «должно во многом способствовать умиротворению наших введенных в заблуждение соотечественников-валахов». А если венгерской армии придется перейти валашскую границу, «то вступление ее с валашским легионом во главе не будет рассматриваться как вторжение, и все население, видя своих просвещенных соотечественников под нашим знаменем, встретит нас как братьев и освободителей»[21]. Желаемое ведь так хочется принять за действительность...

А Бэлческу пребывал на вершине блаженства: «Гика, любимый Гика, — писал он другу в Константинополь, — пади на колени и возблагодари Всевышнего! Я только что от Кошута. То, о чем мы едва смели мечтать, свершилось!» И Бэлческу, больной, отправляется в рискованное путешествие к Рудным горам, цитадели горцев-моцев и их вождя Аврама Янку. По пути его со спутниками задержал казачий патруль. Бэлческу угостил казаков табаком и прибавил к нему немного денег, и те отпустили с миром «беженцев», не подозревая, что чернявый, болезненно худой человек собирается поднять «миллионы румын» на восстание против России.

«Король гор» принял Бэлческу приветливо, но сотрудничать с мадьярами отказался — время упущено. Он обещал, однако, не поднимать против них оружия (хотя и принял от генерала А. Н. Лидерса 20 тыс. рублей и оружие ради этой цели).

Месяц Бэлческу скрывался в хижине в горах; венгерская армия сложила оружие, пребывание в Трансильвании стало бессмысленным. Бэлческу со спутниками собрался в путь по всем законам конспирации. Снарядили несколько телег с черпаками, горшками и прочей хозяйственной утварью, оделись по-крестьянски, и двинулись в дорогу вслед за неторопливыми быками. Горемыки мокли под осенними дождями, ночевали в стогах с сеном, питались скверно, и от этой «собачьей жизни», вспоминал Бэлческу, он выздоровел. В деревнях он, войдя в роль, по часу торговался с бабами из-за каждого крейцера. Добравшись до Землина, беглецы бросили надоевшие фуры и переоделись в «господскую одежду». Бэлческу сбрил бородку и усы, и какими-то путями, выдавая себя за жертву венгерских мятежников, раздобыл паспорт на имя А. Ионеску; в Вене оставалось получить визу для выезда за границу. В полицейском участке, во всеоружии накопленного опыта, он разыграл сцену возмущения: его, румына, сражавшегося за императора, смеют в чем-то подозревать[22]...

16 октября 1849 года он приехал в Париж. Последняя эмиграция началась...

* * *

Прежде всего надо осмыслить накопленный опыт, пусть даже печальный. Неудачу он приписывает разрозненности усилий революционеров: «Революция потерпела поражение, ибо выступала как провинциальное движение, восстание не приняло всеобщий характер, не стало движением всех румын». К лозунгам 1848 года — «Справедливость, братство!» он добавляет третий — «Единство!», понимая под ним объединение всех румын. Но национальную идею он пропитывает социальным и политическим содержанием, настаивает на решении вопроса о собственности, воплощении в жизнь принципов суверенитета народа, равноправия граждан, свободы печати и ассоциаций.

В среде присмиревшей и сильно поправевшей эмиграции ему приходится доказывать закономерность революции в румынской истории: она не является «чем-то нерегулируемым, эфемерным, без прошлого и будущего, без иных причин, помимо случайной воли меньшинства, либо общеевропейского движения». «История человечества, — пишет Бэлческу, — являет нам картину бесконечной борьбы лишенного прав класса против узурпаторов,

борьбы пламенной, переходящей часто в мщение, бесконечной, продолжающейся и в наше время. — и так до тех пор, пока не останется и тени от тирании, пока народы не утвердятся в своих правах, и равенство не воцарится в мире». В духе своей идеалистической концепции Бэлческу рисует движение человечества вперед к цели, указанной Провидением, « к справедливости и братству, к этим двум столпам совершенного, абсолютного божественного порядка»[23], который в земной ипостаси оказывается буржуазно-демократической республикой.

Бэлческу не сводит причины гибели революции 1848 г. к иностранному вторжению. Ее лидеры не сумели решить главного вопроса, аграрного, и сие означало «уступку плодов победы нашим побежденным врагам», следовало «демократизировать» не только государство, но и землевладение, превратив крестьян в собственников и организовав систему доступных кредитных учреждений.

В 1850 г. он создает самое значительное свое произведение социально-экономического плана — «Экономические проблемы Дунайских княжеств» (на французском языке). Его жанр однозначному определению не поддается, это и научный трактат, и политический памфлет, направленный против боярства, и песнь любви и преданности изгнанника своей родине. Бэлческу никогда не был кабинетным исследователем, революционная страсть бьет в его творениях ключом. Характерно начало работы: «Какой путник, пересекающий долины Нижнего Дуная, не остановится в восхищении? Перед ним расстилаются плодородные поля, орошаемые быстрыми реками, над ним — ослепительно-голубое небо, а вдали виднеются горы. И вдруг из подземной норы появляется тощее, оборванное, босое, грязное существо». Это крестьянин. И Бэлческу яростно обрушивается на боярство, называя его «гангреной общества», силой, обманом, с помощью юридического крючкотворства отобравшей земли у некогда свободного крестьянства и опутавшей его сетями повинностей. В результате деревня деградирует и деморализуется от неволи и нужды, а боярство — от богатства, праздной жизни и произвола. Сильной чертой Бэлческу-исследователя является обличение им классовой сущности государства: «В нашей стране бояре и администрация едины суть в двух лицах, и судить администрацию — значит судить собственность. «Порочна поэтому сама основа общества»[24].

И тут следует сделать одну оговорку. Экономический анализ Бэлческу страдает односторонностью, а стало быть ущербен. Касаясь положения

крестьян, он ограничивается рассмотрением их обязанностей в отношении помещиков (барщина, оброк и пр.) и игнорирует связку крестьянин — государство (налоги, поборы и т. д.). Органические регламенты перенесли центр тяжести эксплуатации крестьянства с обязанностей в пользу государства на ренту частного присвоения. Рассматривая лишь последнюю, сильно возросшую, и упуская из виду, что государственные повинности значительно сократились , Бэлческу пришел к выводу о катастрофическом обнищании деревни, что не соответствовало действительности, и предал анафеме Органические регламенты. Эту оценку у него воспринял Э. Реньо в книге «Политическая и социальная история Дунайских княжеств», опубликованной в годы Крымской войны и откровенно русофобской по содержанию, а у Реньо ее заимствовал Карл Маркс, объявивший в «Капитале» регламенты «кодексом барщинных работ». Взвешенная характеристика сложившихся в Молдавии и Валахии аграрных отношений дана В. Я. Гросулом, и вывод его гласит: «Ни о каком значительном ухудшении положения крестьян после принятия Органического регламента мы говорить не можем. »[25]

Достоинство труда Бэлческу указанное упущение не перечеркивает. Работа содержит систематическое изложение его взглядов по кардинальным вопросам сложившейся в княжествах ситуации. И тут оказывается, что беспощадный изобличитель феодального землевладения и ненавистник боярства оборачивается реформатором отнюдь не крайнего толка. Его резкое осуждение собственности относится лишь к феодальной ее форме, автор разоблачает не собственность как таковую, а лишь одну из ее форм и заявляет, что вовсе не является сторонником уничтожения частной собственности: «Нет! Ибо собственность породила сельское хозяйство, торговлю, промышленность, общество и все чудеса цивилизации». И далее: «Долг хорошо организованного общества — предоставить каждому из своих членов прежде всего землю, а затем капитал, необходимый для ее обработки». Он полагал, что достаточно будет запретить продажу земли за пределы общины, создать национальный земельный фонд, — и возможность новой экспроприации будет исключена и исчезнет даже эксплуатация человека человеком. Бэлческу выступал как революционер-демократ эгалитаристского, а не социалистического направления. Он разработал конкретный план земельного передела, оставив помещикам треть обрабатываемых площадей. Крестьяне же за выкуп (точнее, откуп, ибо Бэлческу соглашался на него, чтобы избежать яростного сопротивления боярства) получали две трети.

Так что в главном для страны вопросе Бэлческу выступал не как свирепый экспроприатор, а как сторонник некоего социального компромисса, за что и подвергся критике слева : «Наши коммунисты здесь недовольны, что я не потребовал уничтожения собственности, ренты и т. д. Нам, тем, кто воевал против привилегий и монополии на собственность, придется со временем защищать собственность от коммунизма»[26].

В первые месяцы изгнания Бэлческу еще не верил, что революция потерпела поражение в европейском масштабе, еще надеялся, что наступит ее девятый вал. Он не исключал возможности обрести поддержку из-за рубежа, в том числе со стороны либеральной Англии. Он судил о позиции этой страны по шумным митингам протеста против царской интервенции в Венгрию и Дунайские княжества, по яростным статьям в газетах и изобличительным речам в парламенте. Он не ведал, что правительство ее величества не выразило даже бумажного протеста, а банк братьев Беринг предоставил крупный заем российскому кабинету, облегчив тем самым осуществление похода Паскевича. Отсюда — вояж Бэлческу на Британские острова с целью добиться приема у министра Г. Д. Пальмерстона и вручения ему меморандума с предложением о выводе из княжеств царских и султанских войск и амнистии революционерам. Благородный лорд одарил просителя улыбкой и не предпринял ничего.

Постепенно пелена спала с глаз Бэлческу, и последовала беспощадная в своей резкости констатация: «Лишь европейская катастрофа может решить нашу судьбу и спасти нас. Никто больше не считает, что империи что-либо для нас сделают, а только европейская революция»[27].

Положение сложилось безотрадное. Эмиграция разбита на группки и кружки. Дискуссии, споры, ссоры, склоки. Друг юности Ион Гика поступил на турецкую службу и достиг высоких чинов. Братья Брэтиану, Ион и Думитру еще пару лет поиграли в революцию, а потом скатились к либерализму. Прекраснодушный радикал Константин Россети мечтал — да воцарится во Франции «демократическая и социальная республика», у которой можно будет попросить 50 тысяч винтовок и 10-15 тысяч волонтеров на помощь: «Безумие? Возможно! Но я готов умереть во власти этого безумия»[28].

Бэлческу хлопочет без устали, созывает собрания, участвует во всевозможных комитетах, пытается что-то издавать. Безденежье душит, он жалуется: мама Зинка за 8 месяцев прислала лишь 600 франков. Появляется даже мысль — не жениться ли на богатой невесте и пустить ее средства в рево-

люционный оборот. Но, видимо, подходящего объекта не нашлось. Журнал «Ромыния виитоаре» («Будушая Румыния») оборвался на первом же номере, образованная было Комиссия по пропаганде прекратила существование из-за разногласий между ее членами. Бэлческу разрабатывает план образования Дунайских соединенных штатов из трех государств: румынского, венгерского и южнославянского. Подразумевался раздел территории по этническому признаку, предусматривалось образование Центрального федерального совета и правительства из трех министров (военного, иностранных дел, промышленности и торговли), сменяемого ежегодно. Можно было заранее предвидеть, что мадьяры отвергнут предполагаемый земельный передел в румынскую пользу. Так оно и произошло, Кошут поблагодарил Бэлческу за присланный меморандум, но выразил категорическое несогласие с исчезновением «исторической Венгрии». А появившийся тогда же термин — панромынизм — сплочению эмигрантов разных национальностей не способствовал[29].

В высказываниях Бэлческу зазвучали ноты горечи и разочарования, он «сыт по горло прокламациями и протестами, а дела нет». Но какое может быть иное «дело» в условиях отлива революционной волны? Эмигранты умеренных взглядов вызывали у него откровенное раздражение: «Париж полон румынскими реакционерами, но все они выдают себя за революционеров». Он не сознавал, что суть возмущавших его перемен заключалась не в личностях, а в процессах, и что бесполезно звать друзей назад, в 1848 год. Тогда во главе движения стояли просвещенные бояре или выходцы из еще слабой буржуазной среды, владельцы предприятий пищевой промышленности и торговцы, тесно связанные с крупным землевладением. Они повернули на стезю реформ, не желали никаких переворотов и искали компромисса с помещиками.

Бэлческу остался наедине со своими принципами. Утешение он искал в исторических исследованиях: «Я по уши закопался в ужасающие фолианты и собираю в них примеры отваги предков, а подлых современников я послал к черту»[30]. Он напряженно трудился над жизнеописанием знаменитого князя Михая Витязя, государственного деятеля и полководца, которому удалось, пусть всего на год, объединить под своим скипетром Молдавию, Валахию и Трансильванию, осуществить то, о чем Бэлческу грезил всю свою жизнь.

Здоровье убывало на глазах, климат Парижа стал для Бэлческу губителен, он переселился на юг Франции, в городок Виль д'Эвре. В мае 1851 года он приехал в последний раз в Париж и выступил на банкете землячества с речью, посвященной событиям в Трансильвании в 1848 году, в которой превозносил отвагу горцев-моцев, сражавшихся на Карпатах против «сильной регулярной армии» (венгерской революционной) и действовавших с такой отвагой, что само их имя внушало «страх и ужас высокомерному и смелому венгру». Жестокости развернувшейся в княжестве междоусобной войны он счел «фатальным следствием и непрекращавшейся в течение десяти веков ненависти»[31]. Подобное одностороннее представление событий не могло прийтись по вкусу мадьярской эмиграции и снижало в их глазах ценность призыва оратора к единению и солидарности всех угнетенных народов.

Измученному смертельной болезнью Бэлческу хотелось попрощаться с родиной. Власти не разрешили ему приезд в Бухарест. Оставалось бросить взгляд на валашскую землю с правого берега Дуная. В апреле 1852 г., сопровождаемый сестрой Севастицей, он двинулся в путь. Лишь в конце августа в Никополе он встретился и провел неделю с матерью и двумя сестрами. Вернуться во Францию ему не удалось. В Сицилии, в Палермо, он занемог так, что почувствовал — конец близок, и в тоске и отчаянии разослал письма друзьям, прося их приехать. Никто не явился, одни сослались на занятость, другие — на отсутствие средств. И. Бэлэчану пожаловался на скупость отца, которого, по его словам, следовало поместить в зоосад вместе с тиграми и шакалами. Встревоженный хозяин гостиницы Тринакрия, которому Бэлческу задолжал за помещение, настоял на том, чтобы умирающий продиктовал завещание, писать он уже не мог. У его постели собрались врач, священник и османский консул (Бэлческу ведь числился «турецкоподданным»). Умирающий перечислил свое скудное имущество: чемодан, три жакета, две пары поношенных панталон, серебряные часы без цепочки. Он просил Иона Гику оплатить его долги — за проживание в отеле, врачу, гостиничному слуге. 29 ноября 1852 года Николае Бэлческу отошел в мир иной. Похоронили его в общей могиле на кладбище монастыря капуцинов. Найти захоронение не удалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Краткая история Румынии. М., 1986. С. 164.

2 *Гросул В. Я.* Реформы в Дунайских княжествах и России. М., 1966. С. 320.

3 *Джапаридзе Э. А.* Общественно-политическое движение в Дунайских княжествах (из предыстории революции 1848 года). М., 1991. С. 127–140.

4 Цит. по: *Berindei D.* Balcescu. Bucureşti, 1969. P. 52–53.

5 Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001. С. 404.

6 История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995. С. 349.

7 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. СПб. Гл. арх. 5-А2. 1848. Д. 171. Л. 32, 33.

8 *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь И. Ф. Паскевич. СПб., 1899. Т. 6. С. 237.

9 АВПРИ. Ф. СПб. Главн. арх. 1848. Д. 1. Л. 118, 124; Ф. Консульство в Бухаресте. 1849. Д. 843. Л. 3, 39.

10 *Bălcescu N.* Opere. V. 1. Bucureşti, 1953. P. 233–234.

11 *Семенова Л. Е.* Отношения Дунайских княжеств с Османской империей (к вопросу о «капитуляциях»). — Новая и новейшая история. 1986. №5.

12 АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. 1848. Д. 839. Л. 2.

13 *Дараган.* Записки о войне в Трансильвании в 1849 г. СПб., 1859. С. 9.

14 История Румынии 1848–1917. М., 1971. С. 57.

15 *Дараган.* Указ. соч. С. 5.

16 АВПРИ. Ф. СПб. Главн. арх. Политотдел. 1848–1849. Д. 3. Л. 14–18; Ф. СПб. главн. арх. 5-А2. 1848. Д. 170. Л. 25, 26.

17 Anul 1848 în Principatele Române. Bucureşti, 1910. V. 5. P. 54; *Berindei D.* Op. cit. P. 159, 164.

18 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. 1849. Д. 5349. Л. 263. Подр. см.: Виноградов В. Н. Венгерский поход Паскевича. — Новая и новейшая история, 2000, № 5.

19 Anul 1848... V. 6. Buc., 1910. P. 268.

20 *Berindei D.* Op. cit. P. 170.

21 Istoria României. V. 4. Buc., 1964. P. 164–165; АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. 1848. Д. 39. Л. 199.

22 *Berindei D.* Op. cit. P. 174, 179.

23 *Balcescu N.* Opere. V. 1. Buc., 1953. P. 327, 307, 310; V. 4. Buc., 1964. P. 248; V. 1. P. 2. Buc., 1940. P. 118.

24 *Balcescu N.* Opere. V. 1. P. 2. Buc., 1953. P. 5, 13, 17, 47.

25 *Regnault E.* Histoire politique et sociale des Principautes Danubiennes, P., 1855; *Гросул В. Я.* Указ. соч. С. 314.

26 *Balcescu N.* Opere. V. 1. P. 2. P. 58; V. 4. P. 301.

27 Ibid. P. 336.

28 Цит. по: *Виноградов В. Н.* Очерки общественно-политической мысли в Румынии. М., 1975. С. 99.

29 *Berindei D.* Op. cit. P. 217, 226–227.

30 *Bălcescu N.* Opere. V. 4. P. 374, 353.

31 *Berindei D.* Op. cit. P. 224, 229.

Содержание

Предисловие 5

И. В. Чуркина
Антон Томаж Линхарт 9

И. В. Чуркина
Валентин Водник и Ерней Копитар 26

И. В. Чуркина
Матия Маяр Зильский 50

И. И. Лещиловская
Людевит Гай 87

И. И. Лещиловская
Иван Кукулевич-Сакцинский 110

И. И. Лещиловская
Досифей Обрадович 133

И. И. Лещиловская
Карагеоргий 161

И. С. Достян
Вук Стефанович Караджич 182

Н. И. Хитрова
Петр II Петрович Негош 211

О. В. Медведева
Паисий Хилендарский 238

О. В. Медведева
Софроний Врачанский 258

И. Ф. Макарова
Неофит Хилендарский Бозвели 291

Г. Л. Арш
Евгений Булгари 317

Г. Л. Арш
Ригас Велестинлис 337

Г. Л. Арш
Александр Ипсиланти.....358
Г. Л. Арш
Иоанн Каподистрия.....379
Г. Л. Арш
Адамантиос Кораис.....394
В. Н. Виноградов
Тудор Владимиреску 409
В. Н. Виноградов
Николае Бэлческу.....436

Исторические портреты. Народы Юго-Восточной Европы. Конец XVIII – середина XIX в.

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Е. Г. Орловский*
Корректор *С. А. Семенов*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru *(отдел реализации)*,
aletheia@peterstar.ru *(редакция)*
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве можно приобрести в следующих магазинах:
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83 Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Тверской б-р., д. 9. Тел. (495) 925-81-66
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 17.03.2011. Формат 60x88 1/16
Усл. печ. л. 28,4. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ № 1092
Отпечатано в типографии ООО «Аллегро» 196084,
Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28
Тел./факс: (812) 388-9000

Исследованы биографии выдающихся сербов, черногорцев, болгар, словенцев, хорватов, греков, и румын и их вклад в общественно-политический и культурный прогресс своих народов в период с конца XVIII и до середины XIX вв. Их деятельность рассмотрена в контексте важнейших процессов, протекавших в Юго-Восточной Европе, событий международной жизни Европы, представлены их контакты с Россией.

Это было время небывалого общественного подъема славян, получившего в литературе название национального Возрождения, и сопровождавших его ярких проявлений межславянского общения. Большая часть политических и культурных деятелей славянских народов была в центре этих отношений.

В рамках избранного жанра показываются политические, культурные, научные связи представителей славянских и неславянских народов региона, прослеживаются процессы их взаимовлияния. Обстоятельное изучение жизни, общественной активности, творчества выдающихся представителей народов Юго-Восточной Европы проливает дополнительный свет на событийную сторону и психологическую атмосферу той эпохи.

Алетейя

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Народы Юго-Восточной Европы

Конец XVIII — середина XIX в.